АВТОР
«ХРОНИК
АМБЕРА»

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Имя мне – Легион

20 МИНИ-РОМАНОВ
В ОДНОМ
ТОМЕ

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Имя мне – Легион

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Имя мне — Легион

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Роза
для Екклезиаста

•

24 вида горы
Фудзи...

•

Я стал
как прах и пепел

•

Фурии и еще
16 повестей

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ВАЛЕРИ СПД»
2007

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Имя мне – Легион

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ВАЛЕРИ СПД»
2007

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Ж 50

Roger Zelazny
STORIES
Copyright © 1973...95 by Roger Zelazny

Составитель *А. Жикаренцев*

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Желязны Р.
Ж 50 Имя мне — Легион: Фантастические повести / Пер. с англ. — М.: Эксмо, СПб.: Валери СПД, 2007. — 944 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-01954-0

Роджер Желязны — самый парадоксальный писатель-фантаст XX века. Каждое его произведение напоминает запечатанный конверт: никогда не угадаешь, что окажется внутри. Его герои многогранны и многолики, причем некоторые из них — отнюдь не в переносном смысле. Желязны — мастер техномифа, играющий людьми и богами на шахматной доске своего творчества.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© В. Баканов, В. Гольдич, И. Оганесова, Е. Голубева, И. Гурова, И. Зивьева, Н. Ибрагимова, В. Казанцев, Г. Корчагин, В. Карташев, К. Королев, А. Пчелинцев, В. Самсонова, В. Старожилец, С. Сухинов, М. Тарасьев, Л. Шабад. Перевод. 2003
© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на русском языке. Оформление. 2007

ISBN 978-5-699-01954-0

Часть I

Девять моих лиц

Проект «Румоко»

Когда «Джей-9» вышла из-под контроля, я сидел в рубке, следя за исправностью аппаратуры на борту капсулы. Это была обычная, довольно скучная работа.

Внизу, в капсуле, находились два человека. Они осматривали Дорогу в ад — высверленный в океанском дне тоннель, по которому в самое ближайшее время должно было открыться движение.

Если бы в рубке присутствовал кто-нибудь из инженеров, отвечающих за «Джей-9», я бы не встревожился. Но один из них улетел на Шпицберген, а другой с утра лежал пластом в медицинском изоляторе.

Внезапно ветер и течение, объединив усилия, накренили «Аквину», и я подумал, что сегодня — Канун Пробуждения. Затем решительно пересек рубку и снял боковую панель.

— Швейцер! — воскликнул доктор Эсквит.— У вас нет допуска к этой аппаратуре!

— Может, сами ее наладите? — предложил я, оглядываясь.

— Разумеется, нет! Я же в ней ничего не смыслю. Но вам...

— Очень хотите посмотреть, как умрут Мартин и Денни?

— Не мелите чепухи! Все же вы не имеете...

— Тогда скажите, кто имеет,— оборвал его я.— Капсула управляется отсюда, и здесь у нас что-то «полетело».

Если вы можете вызвать человека, имеющего допуск к аппаратуре, вызовите его. Если нет — я сам ею займусь.

Не дождавшись ответа, я заглянул в чрево машины. Долго искать причину неисправности не пришлось. Злоумышленники даже припой не использовали, наспех подсоединив четыре посторонние цепи и обеспечив обратное питание через один из таймеров.

Я вооружился паяльником. Эсквит по специальности был океанографом и в электронике не разбирался. Я надеялся, он не догадывается, что я обезвреживаю мину.

Минут через десять я закончил, и капсула, дрейфовавшая в тысяче фатомов* под нами, ожила.

За работой я размышлял о создании, которому вскоре предстояло очнуться ото сна, создании, способном в мгновение ока промчаться по Дороге, подобно посланнику дьявола — а может, и самому дьяволу,— и вырваться на поверхность посреди Атлантики. Студеная, ветреная погода, преобладающая в этих широтах, не способствовала хорошему настроению. Нам предстояло высвободить могучую силу, энергию ядерного распада, чтобы вызвать еще более грандиозное явление — извержение магмы, которая дышит и клокочет в нескольких милях под нами. Откуда берутся смельчаки, играющие в такие игры,— выше моего понимания.

Корабль снова вздрогнул и закачался на волнах.

— Все в порядке,— сказал я, устанавливая панель на место.— «Коза», только и всего.

— Похоже, действует,— буркнул Эсквит, глядя на экран монитора.— Попробую связаться.— Он щелкнул тумблером.— Капсула, это «Аквина». Слышите меня?

— Да,— прозвучало в ответ.— Что стряслось?

— Короткое замыкание в блоке управления. Неполадка устранена. Какова обстановка на борту?

— Все системы действуют нормально. Какие будут указания?

— Продолжайте работу в установленном порядке. Конец связи.— Эсквит обернулся ко мне.— Извините, я был

* Фатом — морская сажень.

груб с вами. Не знал, что вам удастся наладить «Джей-9». Если хотите, я поговорю с начальством, чтобы вас перевели на более интересную работу.

— Я электрик,— сказал я.— Знаю эту аппаратуру, умею устранять типичные неисправности. Иначе и соваться бы не стал.

— Следует ли понимать это так, что с начальством говорить не стоит?

— Да.

— В таком случае не буду.

Меня это вполне устраивало. Ликвидируя «козу», я заодно отсоединил миниатюрную мину, которая лежала теперь в левом кармане моей куртки. В самое ближайшее время ей предстояло отправиться за борт.

Попросив прощения, я вышел из рубки. Избавился от улики. Поразмыслил о текущих делах.

Итак, Дон Уэлш прав: кто-то пытается сорвать проект. Предполагаемая угроза оказалась реальной. И за этим кроется что-то важное.

«Что?» — таков был мой первый вопрос. «Чего ожидать теперь?» — второй.

Опираясь на фальшборт «Аквины», я курил и смотрел на холодные волны, набегающие с севера и бьющие в борт. Руки дрожали.

«Благородный, гуманный проект,— думал я.— И опасный. Тем более опасный, что кто-то проявляет к нему недобрый интерес».

Все-таки любопытно, доложит ли Эсквит «наверх» о моей выходке? Наверное, доложит, даже не ведая, что творит. Ему придется изложить причину аварии, чтобы доклад совпал с записью в бортовом журнале капсулы. Он сообщит, что я устранил короткое замыкание. Только и всего.

Но и этого будет достаточно.

Я знал, что злоумышленники имеют доступ к главному журналу. Их сразу насторожит отсутствие записи об обезвреженной мине. Им будет совсем несложно выяснить, кто встал на их пути. Поскольку ситуация сложилась критическая, они могут пойти на самые крайние меры.

Вот и прекрасно. Именно этого я и добиваюсь. Как тут не радоваться: я целый месяц потерял, дожидаясь, когда враги заинтересуются моей скромной персоной и, забыв об осторожности, начнут задавать вопросы.

Глубоко затянувшись, я посмотрел на далекий айсберг, сверкающий в лучах солнца. Это показалось мне странным, потому что небо было серым, а океан — темным. Кому-то не нравилось то, что здесь происходило, но почему — до этого я не мог додуматься, как ни ломал голову. Ну и черт с ними, со злоумышленниками, кем бы они ни были.

Я люблю ненастные дни. В один из них я родился на свет. И я сделаю все возможное, чтобы нынешний день удался на славу.

Вернувшись в каюту, я смешал коктейль и уселся на койку. Вскоре раздался стук в дверь.

— Не заперто,— сказал я.

Дверь отворилась. Вошел молодой человек по фамилии Роулинз.

— Мистер Швейцер, с вами хочет поговорить Кэрол Дейт.

— Передайте ей, что я сейчас приду.

— Хорошо.— Он удалился.

Кэрол была молода и красива, поэтому я расчесал свои светлые волосы и надел свежую сорочку.

Я подошел к ее каюте и дважды стукнул в дверь.

Я полагал, что начальник корабельной службы безопасности вызвала меня в связи с аварией в контрольной рубке. Логично было допустить, что она имеет самое непосредственное отношение к происходящему.

— Привет,— сказал я, входя.— Кажется, вы за мной посылали?

Она сидела за огромным полированным столом.

— Швейцер? Да, посылала. Присаживайтесь.— Она указала на кресло напротив.

Я сел.

— Зачем я вам понадобился?

— Сегодня вы спасли «Джей-9».

— Это вопрос или утверждение?

— Вы не имели права прикасаться к аппаратуре управления.

— Если хотите, могу вернуться в рубку и сделать все, как было.

— Так вы признаетесь, что копались в ней?

— Да.

Она вздохнула.

— Знаете, вообще-то я не в претензии. Вы спасли двух человек, и я не стану требовать, чтобы вас наказали за нарушение инструкции. Я хочу спросить вас о другом.

— О чем?

— Это диверсия?

Ну вот. Так и знал, что спросит.

— Нет,— ответил я.— Всего-навсего «коза».

— Лжете.

— Простите, не понял?

— Прекрасно поняли. Кто-то привел аппаратуру в негодность. Вы ее починили, а это было посложнее, чем устранить короткое замыкание. К тому же полчаса назад мы зафиксировали взрыв слева по борту. Мина.

— Это вы сказали. Не я.

— Не пойму, что за игру вы ведете. Вы же раскрылись, какой смысл теперь темнить?

Я мысленно составлял ее портрет. Мягкие рыжеватые волосы, обилие веснушек. Под косым срезом челки — широко посаженные зеленые глаза. Хоть Кэрол и сидела, я знал, что роста она немалого — примерно пять футов десять дюймов. Как-то раз мне довелось потанцевать с ней в ресторане.

— Ну?

— Что — ну?

— Вы о чем?

— Это диверсия?

— Нет. С чего вы взяли?

— Вы же знаете: были и другие попытки.

— Ничего я не знаю.

Внезапно она покраснела, но веснушки от этого стали только заметней. С чего бы это ей краснеть?

— Так вот: подобные попытки имели место. Но нам всякий раз удавалось их пресечь.

— И кто же злоумышленники?

— Неизвестно.

— Почему?

— Потому что никого из них не смогли задержать.

— Что же вы так оплошали?

— Они слишком хитры.

Закурив сигарету, я сказал:

— Все-таки вы ошибаетесь. Это было замыкание. Устранить его — пара пустяков, ведь я инженер-электрик.

Кэрол достала сигарету. Я поднес зажигалку.

— Ладно,— сказала она.— Похоже, толку от вас не добьешься.

Я встал.

— Кстати, я еще раз навела о вас справки.

— Ну и что?

— Ничего. Вы чисты, как первый снег. Или как лебяжий пух.

— Рад слышать.

— Не спешите радоваться, мистер Швейцер. Я еще с вами не разобралась.

— И не разберетесь,— пообещал я.— Как бы ни старались.

В чем, в чем, а в этом я не сомневался.

«Когда же они за меня возьмутся?» — думал я о своих неведомых противниках, направляясь к двери.

Раз в год перед Рождеством я опускаю в почтовый ящик открытку без подписи. В открытке только коротенький список: названия четырех баров и городов, в которых они находятся. В Пасху, первого мая, первого июня и в канун Дня всех святых я сижу за бутылочкой в одном из этих баров, обычно расположенных вдали от людных мест. Потом я ухожу. Дважды в одном баре я не бываю никогда.

А плачу я всегда наличными, хотя в наше время многие пользуются универсальными кредитными карточками.

Иногда в бар заходит Дон Уэлш. Он усаживается за мой столик и заказывает пиво. Мы обмениваемся несколькими фразами и выходим прогуляться.

Иногда Дон не приходит. Но в следующий раз он обязательно появляется и приносит мне деньги.

Месяца два назад, в первый день суматошного мексиканского лета, я сидел за столиком в углу «Инферно» в Сан-Мигель-де-Альенде. Вечер, как всегда в этих краях, был прохладен, воздух чист, звезды ярко сверкали над мощенными каменными плитами улочками «памятника национальной культуры». Вскоре вошел Дон, одетый в темно-синий костюм из синтетической шерсти и желтую спортивную куртку с расстегнутым воротом. Он приблизился к стойке, что-то заказал, повернулся и окинул взглядом зал.

Я кивнул; он улыбнулся и помахал мне рукой, а потом направился к моему столику со стаканом и бутылкой «Карта Бланка».

— Кажется, мы знакомы.

— Мне тоже так кажется,— сказал я.— Присаживайтесь.

Он выдвинул кресло и уселся напротив. Пепельница на столе была переполнена окурками, но еще до меня. Из открытого окна тянуло сквозняком (морской воздух с примесью аромата текилы), на стенах теснились плоские изображения голых красоток и афиши боя быков.

— По-моему, вас зовут...

— Фрэнк,— сказал я первое, что пришло в голову.— Мы вроде встречались в Новом Орлеане.

— Да, в «Марди Грас», года два назад.

— Точно. А вы...

— Джордж...

— Ну да! Вспомнил. Крепко мы тогда выпили. И всю ночь резались в покер. Чудесно отдохнули, правда?

— Да. И я вам продул две сотни.

Я ухмыльнулся и попросил:

— Напомните, чем вы занимаетесь.

— Так, всякими разными сделками. Как раз сейчас намечается один довольно интересный гешефт.

— Рад за вас. Ну что ж, поздравляю и желаю удачи.

— Взаимно.

Пока он пил пиво, мы поговорили о том о сем. Потом я спросил:

— Уже осматривали город?

— Вообще-то нет. Говорят, здесь очень красиво.

— Думаю, вам понравится. Однажды я попал сюда на карнавал — это незабываемое зрелище. Все покупают бензедрин, чтобы не спать три дня кряду. На улицах и площадях танцуют. Между прочим, здесь один-единственный готический собор на всю Мексику, его построил неизвестный индеец, который и видел-то готику лишь на европейских открытках. Когда снимали леса, думали, собор развалится — но нет, стоит по сей день.

— С удовольствием походил бы по городу, но в моем распоряжении всего один день. Видимо, придется довольствоваться сувенирами.

— Ну, этого добра здесь хватает. И цены доступны. Особенно на ювелирные украшения.

— Все-таки жаль, что не успею осмотреть местные красоты.

— К северо-востоку отсюда, на холме,— развалины города тольтеков. Вы заметили этот холм? Там три креста на вершине. Любопытно, что правительство не признает существования этих развалин.

— Очень хочется взглянуть. Как туда добраться?

— Можно пешком. Смело поднимайтесь на самую вершину. Поскольку развалин не существует, нет и ограничений на их осмотр.

— Долго идти?

— Отсюда? Меньше часа.

— Спасибо.

— Допивайте пиво, и пошли. Я вас провожу.

Он допил, и мы вышли из бара.

Вскоре у моего спутника началась одышка. Ничего удивительного, если ты всю жизнь прожил почти на уровне моря и внезапно попал на высоту шесть с половиной тысяч футов. Но все же мы добрались до вершины по тропинке, петлявшей среди кактусов, и уселись на валун.

— Итак, этого холма в природе не существует,— сказал Дон.— Как и вас.

— Совершенно верно.

— А следовательно, здесь нет «жучков», чего нельзя сказать о многих барах...

— Довольно дикое место.

— Спасибо за открытку. Нуждаетесь в заказе?

— Вы же знаете.

— Да. И у меня есть что предложить.

Вот так все это и началось.

— Вы слыхали о Наветренных и Подветренных островах? Или о Сертси?

— Нет. Где это?

— Вест-Индия. Малые Антильские острова. Они уходят по дуге от Пуэрто-Рико и Виргинских островов на юго-восток, а потом на юго-запад, к Южной Америке. Эти острова — вершины подводной гряды, которая достигает двухсот миль в ширину. Вулканического происхождения, каждый из них — вулкан, действующий или потухший.

— *Любопытно.*

— Гавайский архипелаг аналогичного происхождения. Остров Сертси в западной части Вестманнского архипелага возник в двадцатом веке, а точнее, в 1963 году. Он вырос в считанные дни. Столь же быстро вырос Капелинос в Азорах. Он тоже подводного происхождения.

— Дальше.— Я уже понял, к чему он клонит. Мне доводилось читать и слышать о проекте «Румоко», названном так в честь майорийского бога вулканов и землетрясений. Подобный проект существовал и в двадцатом веке, но от него отказались. Он назывался «Могол» и предусматривал применение глубоководного бурения и направленных ядерных взрывов в целях добычи природного газа.

— «Румоко»,— сказал Дон.— Слыхали?

— Читал кое-что. В основном в научном разделе «Таймс».

— Этого достаточно. Нас к нему привлекли.

— С какой целью?

— Кто-то пытается сорвать проект. Устраивает диверсии. Мне поручено выяснить, кто и почему, и остановить злоумышленников. Но пока я ровным счетом ничего не добился, хоть и потерял двух человек.

Я посмотрел Дону в глаза. Казалось, в полумраке они светятся зеленым. Он был ниже меня дюйма на четыре и легче фунтов на сорок, но все равно выглядел довольно крупным человеком. Отчасти, наверное, благодаря военной выправке.

— Нуждаетесь в моих услугах?

— Да.

— Что вы намерены предложить?

— Сорок тысяч. Может, даже пятьдесят. Это зависит от результатов.

Я закурил сигарету.

— Что от меня требуется?

— Устроиться в экипаж «Аквины». Лучше техником или инженером. Сумеете?

— Да.

— Прекрасно. Выясните, кто вставляет нам палки в колеса, и дайте мне знать. Или найдите способ вывести наших недругов из игры.

Я усмехнулся.

— Похоже, работенка не из самых легких. Кто ваш клиент?

— Американский сенатор, пожелавший остаться неизвестным.

— Я мог бы угадать его имя, но не стану этого делать.

— Беретесь?

— Да. Деньги мне пригодятся.

— Учтите, это опасно.

— Это всегда опасно.

Мы любовались крестами, на которых висели подношения верующих — пачки сигарет и тому подобное.

— Хорошо,— сказал Дон.— Когда устроитесь?

— К концу месяца.

— Годится. А когда выйдете на связь?

— Как только появятся новости.

— Не годится. Нужен конкретный день. Скажем, пятнадцатого сентября.

— Если дельце выгорит?

— Пятьдесят кусков.

— А если будут осложнения? Например, придется избавляться от пары-тройки трупов?

— Посмотрим.

— Ладно. Пятнадцатого так пятнадцатого.

— До этого срока будете выходить на связь?

— Только в том случае, если понадобится помощь. Или если узнаю что-то важное.

— В этот раз может случиться и то и другое.

Я протянул ему руку.

— Не беспокойтесь, Дон. Считайте, что дело сделано.

Он кивнул, глядя на кресты.

— Они были отличными работниками. Я прошу вас... Я вас очень прошу, выполните мое поручение.

— Сделаю все, что от меня зависит.

— Все-таки загадочный вы человек. Не понимаю, как вам удается...

— И не дай бог, чтобы вы поняли,— перебил его я.— Как только кто-нибудь поймет — пиши пропало.

Мы спустились с холма и расстались. Он отправился к себе в гостиницу, я — к себе.

— Пойдем-ка выпьем,— предложил Мартин, повстречав меня на полубаке, когда я возвращался от Кэрол Дейт.— Я угощаю.

— Ну, пойдем.

Мы прошли в ресторан и заказали по кружке пива.

— Хочу тебя поблагодарить. Если бы не ты, мы бы с Денни...

— Пустяки, на моем месте ты бы и сам в два счета починил блок. Шутка ли — знать, что под тобой тонут люди.

— Все-таки нам очень повезло, что в рубке оказался ты. Спасибо.

— Не за что.— Я поднес ко рту пластмассовую кружку (сейчас все на свете делают из пластмассы, будь она проклята) и, отпив, поинтересовался: — Как там шахта?

— Отлично.— Мартин наморщил широкий лоб.

— Похоже, ты не очень-то в этом уверен.

Хмыкнув, он сделал маленький глоток.

— Такого, как сегодня, с нами еще не случалось. Понятное дело, мы малость струхнули...

По-моему, это было слишком мягко сказано.

— Шахта точно в порядке? — допытывался я.— Сверху донизу?

— В порядке.— Мартин огляделся — видимо, заподозрил, что ресторан прослушивается. Он и впрямь прослушивался, но Мартин не сказал еще ничего опасного для себя и для меня. Да я бы ему этого и не позволил.

— Хорошо.— Я в который раз вспомнил напутствие Дона Уэлша.— Очень хорошо.

— А почему тебя это интересует? Ведь ты — всего-навсего наемный техник.

— И у наемного техника может быть профессиональный интерес.

Мартин как-то странно посмотрел на меня.

— По-моему, это из лексикона двадцатого века.

— Я старомоден.

— Должно быть, это неплохо,— задумчиво произнес он.— Жаль, что сейчас мало осталось таких, как ты.

— Денни уже проснулся?

— Дрыхнет.

— Хорошо.

— Тебя должны повысить в должности.

— Надеюсь, не повысят.

— Почему?

— На что мне лишняя ответственность?

— Раз на раз не приходится.

— Что значит — раз на раз?

— В следующий раз тебя может не оказаться в рубке.

Я понимал: он пытается выведать, что мне известно. Но мне, как и ему, известно было немногое. Однако оба мы сознавали: назревает что-то опасное.

Мартин потягивал пиво, не сводя с меня глаз.

— Хочешь сказать, что ты лентяй?

— Именно.

— Чепуха.

Пожав плечами, я поднес кружку ко рту.

Полвека тому назад существовала организация «СОБЩА», названная так в насмешку над нелепыми аббревиатурами всевозможных обществ и учреждений. Полностью это название звучало так: «Смешанное общество Америки». Однако лидеры общества занимались не только вышучиванием «Организации мужчин» и ей подобных. Среди них были такие светила, как доктор Уолтер Мунк из Института океанографии имени Скриппса и доктор Гарри Гесс из Принстона. Однажды эти ученые выступили с необычным предложением, которому в ту пору не суждено было осуществиться из-за недостатка средств. Но, подобно духу Джона Брауна, дух проекта шагал вперед, в то время как его «прах» лежал под сукном*.

Проект «Могол» скончался в зародыше. Тем не менее на смену ему со временем пришло еще более величественное и многообещающее детище творческого гения ученых.

Общеизвестно, что глубинное бурение на континенте — дело чрезвычайно сложное, так как толщина земной коры здесь зачастую превышает двадцать пять миль. Общеизвестно также, что под океанами земная кора значительно тоньше, и теоретически бур вполне способен добраться до мантии, пройдя поверхность Мохоровичича.

«Реализация нашего замысла потребует огромных затрат,— говорили ученые,— но подумайте вот над чем:

* Имеются в виду строки из гимна аболиционистов: «Прах Брауна лежит в земле сырой, но дух его ведет нас в бой».

получив образцы мантийного материала, мы сразу ответим на множество вопросов, касающихся радиоактивности, термического градиента, геологического строения и возраста Земли. Проведя соответствующие анализы, мы установим толщину и глубину залегания различных слоев и сверим эти данные с результатами сейсмологии. Отбор образцов по всей толще осадочных пород даст нам полное представление о геологической истории планеты. Но не только этим выгоден проект...»

— Еще по одной? — предложил Мартин.

— Не откажусь.

Если вам когда-нибудь приходилось читать монографию «Действующие вулканы мира», изданную Международным союзом геологов и географов, то вы наверняка обратили внимание на опоясывающие Землю зоны вулканической и сейсмической активности, так называемое Огненное Кольцо, окружающее Тихий океан. Вы можете начертить его на карте, ведя карандашом от Огненной Земли по тихоокеанскому побережью Южной Америки, через Чили, Эквадор, Колумбию, Центральную Америку, Мексику, по западному побережью Соединенных Штатов и Канады, вдоль Аляски, затем по дуге вниз, через Камчатку, Курилы, Японию, Филиппины, Индонезию и Новую Зеландию. Есть такая же зона и в Атлантике, близ Исландии.

Мы сидели за столиком. Я поднял кружку и сделал глоток.

На Земле более шестисот вулканов, которые можно назвать действующими, хотя от большинства из них вреда немного. Они просто дымят.

Мы заказали еще по одной.

Да. Люди вознамерились создать новый вулкан в океане. Точнее, вулканический остров наподобие Сертси. В этом-то и заключался проект «Румоко».

— Скоро мне снова вниз,— сказал Мартин.— Знаешь, хотелось бы, чтобы ты приглядел за этой аппаратурой, черт бы ее побрал. Я ее тебе вверяю, так сказать.

— Ладно,— согласился я.— Только предупреди, когда снова пойдешь вниз. Буду сидеть в рубке, авось не прогонят.

Он хлопнул меня по плечу.

— Спасибо. Теперь я спокоен.

— Э, брат, да ты трусишь?

— Трушу.

— Что так?

— Беда одна не ходит. Слушай, старина, я готов поить тебя пивом хоть до второго пришествия, только ты меня подстраховывай, ладно? Что-то мне не по себе, ей-богу. Может, это просто полоса неудач? Как думаешь?

— Может быть.

Еще секунду посмотрев на него, я опустил взгляд в свою кружку.

— Судя по картам изотерм, здесь самое подходящее место во всей Атлантике,— сказал я.— Единственное, чего я побаиваюсь... Впрочем, неважно.

— Чего ты побаиваешься?

— Видишь ли, магма — вещь очень капризная.

— Что ты имеешь в виду?

— Неизвестно, что произойдет, если выпустить ее на волю. Но вообразить можно все что угодно — от Этны до Кракатау. Поскольку предугадать исходный состав магмы невозможно, результаты ее взаимодействия с водой и воздухом могут быть самыми неожиданными.

— Но ведь нам обещали, что все будет в порядке,— возразил Мартин.

— Не обещали, а подводили к мысли. Правда, грамотно подводили, тут им надо отдать должное.

— Боишься?

— Еще бы!

— Думаешь, не выкарабкаемся?

— Мы-то выкарабкаемся, но этот чертов вулкан может изменить температуру воды, интенсивность приливов и погоду в масштабе всей планеты. Не буду скрывать, у меня мандраж.

Он грустно покачал головой:

— Не нравится мне все это.

— Возможно, твои неудачи уже закончились,— задумчиво произнес я.— На твоем месте я бы не мучился бессонницей...

— Возможно, ты и прав.

«Возможно»,— подумал я.

Мы допили пиво, и я встал.

— Мне пора.

— Еще по кружечке?

— Нет, спасибо. Мне сегодня работать.

— Ну, как хочешь. До встречи.

— Пока. Не вешай нос.— Я вышел из ресторана и поднялся на верхнюю палубу.

Луна светила достаточно ярко, чтобы от надстроек и такелажа падали тени, а воздух был достаточно прохладен, чтобы я застегнул ворот куртки. Немного полюбовавшись на волны, я вернулся в свою каюту.

Там я принял душ, выслушал новости по радио, почитал. Вскоре я начал клевать носом. Положив книгу на тумбочку возле койки, я погасил свет, и корабль, покачиваясь на волнах, быстро убаюкал меня. В конце концов, следовало хорошенько выспаться. Как-никак, завтра нам предстояло разбудить Румоко.

Сколько я проспал? Похоже, часа три-четыре. Внезапно дверь еле слышно отворилась, и раздались тихие шаги.

Сон с меня как рукой сняло, но я лежал, не открывая глаз.

Щелкнул замок. Затем вспыхнул свет, и на мое плечо легла чужая рука, а ко лбу прижался металл.

— Эй, приятель! Просыпайся!

Я притворился, что просыпаюсь.

Гостей было двое. Я поморгал, таращась на них. Затем удостоил вниманием пистолет, отстранившийся от моей головы дюймов на двадцать.

— Какого черта?..

Человек с пистолетом недовольно покачал головой:

— Так не пойдет. Спрашивать будем мы, а ты будешь отвечать.

Я сел, прислонясь спиной к переборке.

— Ладно, будь по-вашему. Что вам от меня нужно?

— Кто ты?

— Альберт Швейцер.

— Это имя нам уже известно. А настоящее?

— Это и есть настоящее.

— Вряд ли.

Я помолчал несколько секунд, затем буркнул:

— Дальше.

— Расскажи о своем задании.

— О чем это вы? Не понимаю.

— Встань.

— Если хотите, чтобы я встал, дайте мне халат. Он в ванной, на крючке.

— Сходи на халатом, только проверь, не забудь,— велел напарнику человек с пистолетом.

Я окинул его взглядом. Нижнюю половину лица гостя прикрывал носовой платок. Такая же импровизированная маска была у второго, и это говорило о том, что передо мной профессионалы. Дилетанты, как правило, оставляют нижнюю половину лица открытой. А нижняя половина куда выразительнее верхней.

Мои гости знают об этом — следовательно, они почти наверняка «профи».

— Спасибо,— сказал я парню, вручившему мне синий купальный халат.

Он кивнул. Я набросил халат на плечи, просунул руки в рукава, подпоясался и опустил ноги на пол.

— На кого работаешь? — спросил человек с пистолетом.

— На «Румоко».

Не опуская пистолета, он легонько врезал мне левой.

— Не пойдет.

— Не возьму в толк, что вам от меня нужно. Может, позволите закурить?

— Ладно... Э, погоди! Вот, бери мою. А то кто знает, что там у тебя в пачке.

Я взял «Уинстон», хотя предпочитаю ментоловые. Прикурил, затянулся, выдохнул дым.

— Все-таки я не понимаю. Растолкуйте, что именно вы хотите узнать, может быть, я и помогу. Мне ни к чему лишние неприятности.

Мои слова, похоже, слегка успокоили гостей. Оба глубоко вздохнули. Парень, который задавал вопросы, ростом был примерно пять футов восемь дюймов, второй — дюйма на два ниже. Тот, что повыше, весил фунтов двести — кряжистый детина.

Они уселись на стулья возле койки. Ствол пистолета смотрел мне в грудь.

— Не волнуйся, Швейцер,— сказал тот, что пониже.— Нам неприятности тоже не нужны.

— Вот и хорошо. Спрашивайте, а я буду отвечать без утайки,— пообещал я.— Начинайте.

— Сегодня ты отремонтировал «Джей-9».

— Ну, об этом, наверное, уже всем известно.

— Зачем ты это сделал?

— А как же иначе? На моих глазах погибали два человека, а я знал, как им помочь.

— Любопытно, где ты этому научился?

— Господи! Что тут странного, я же инженер-электрик.

Здоровяк посмотрел на своего товарища. Тот кивнул.

— В таком случае почему ты попросил Эсквита молчать?

— Потому что я нарушил инструкцию, когда полез в аппаратуру. Мне запрещено к ней прикасаться.

Тот, что пониже, снова кивнул. У обоих гостей были очень черные ухоженные волосы и хорошо развитые бицепсы.

— Посмотришь на тебя — ни дать ни взять добропорядочный обыватель,— сказал тот, что повыше.— Окончил колледж, получил профессию, какую хотел, женился, нанялся на этот корабль... Возможно, все так и есть, тогда мы ищем не там, где следует. И все-таки ты подозрителен. Отремонтировал очень сложную аппаратуру, не имея к ней допуска...

Я кивнул.

— Зачем? — спросил он.

— Из-за глупого предрассудка. Не могу, знаете ли, равнодушно смотреть, как гибнут люди.— Надеясь сбить их с толку, я спросил: — А вы на кого работаете? На какую-нибудь разведку?

Тот, что пониже, улыбнулся. Тот, что повыше, сказал:

— Мы не можем тебе ответить. Думаю, ты понимаешь. Советую не тянуть время. Нас интересует только одно: почему ты пытался утаить, что сорвал явную диверсию?

— Я же сказал: от меня зависели человеческие жизни.

— Ты лжешь. Чтобы добропорядочный обыватель да нарушил инструкцию? Не поверю!

— У меня не было выбора.

— Боюсь, придется нам перейти к иной форме допроса.

Всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли мне рождаться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, из пучин моей памяти вырываются пузыри воспоминаний. Они живут не дольше обычных, но за миг своего существования успевают окраситься всеми цветами радуги и надолго запечатлеться в душе.

Пузыри...

Один из них — в Карибском море. Называется он Новый Эдем. Это огромная светящаяся сфера настолько идеальной формы, что сам Евклид восхитился бы, увидев ее. От сферы в разные стороны, словно фонари на улицах ночного города, убегают цепочки огней. Вокруг мосты, перекинутые через глубокие каньоны, туннели, пробитые в скалах; возле сферы роятся водолазы в блестящих разноцветных скафандрах; по дну океана, словно танки, движутся моремобили; над ними висят или проплывают самые разнообразные мини-субмарины.

Я отдыхал там недели две, и, хотя обнаружил у себя легкую клаустрофобию, о которой дотоле не подозревал (очевидно, тут виноваты неисчислимые тонны воды над головой, о которых совершенно невозможно забыть), я

вынужден признать, что этот отпуск был самым приятным в моей жизни. Люди, населяющие подводное царство, совершенно не похожи на своих собратьев, обитающих на суше. Они гораздо эгоистичнее и независимее, но зато и чувство локтя развито у них больше. Мне они напоминали первопроходцев и покорителей Дикого Запада, и немудрено — ведь они добровольно взялись выполнять программы снижения плотности населения и освоения ресурсов океана. В гостеприимстве им тоже не откажешь: несмотря на загруженность работой, они принимают туристов.

Например, меня.

Я плавал на субмаринах и просто в водолазном костюме, осматривал шахты, сады, жилые и административные корпуса. Я навсегда запомнил красоту Нового Эдема, запомнил его отважных жителей, запомнил, как выглядит море над головой (наверное, так насекомое видит небо фасеточными глазами. Или нет: так может выглядеть глаз гигантского насекомого, глядящего на тебя сверху. Да, второе сравнение точнее). Похоже, море, окружающее со всех сторон, воздействует на психику, пробуждая мятежный дух. Подчас я ловил себя на этом.

Новый Эдем — не совсем «рай под колпаком», и он определенно не для меня. Но всякий раз, когда я думаю о том, стоило ли рождаться на свет, и пытаюсь заново осмыслить уроки, которые дала мне жизнь, он всплывает из глубин подсознания, играя всеми красками радуги, и тотчас исчезает, оставляя сумятицу чувств.

Зная, что через секунду пузырь лопнет, я затянулся и раздавил окурок в пепельнице.

Каково быть единственным на свете человеком, которого не существует? Вопрос непростой. Трудно обобщать, располагая опытом только одной жизни — твоей собственной. Правда, моя жизнь оказалась весьма необычной, я бы даже сказал — уникальной.

Когда-то я программировал компьютеры. С них-то все и началось.

Однажды я узнал нечто весьма необычное. И тревожное. Я узнал, что скоро весь мир окажется «под колпаком».

Каким образом это случится?

О, это дело тонкое. Сейчас на каждого человека заведено электронное досье. В нем содержатся сведения о рождении, образовании, семейном положении, путешествиях, переменах места жительства и тому подобном. Регистрируется каждый шаг от рождения до смерти. Хранятся эти «досье» в так называемом Центральном банке данных, появление которого вызвало большие перемены в жизни общества. И не все они (в этом я сейчас абсолютно уверен) были к лучшему.

Одним из весельчаков, создававших эту систему, был я.

Признаюсь, пока все шло хорошо, я не очень-то задумывался о последствиях. А когда хватился, было уже поздно что-либо менять.

Проект, в разработке которого я участвовал, предусматривал объединение всех существующих банков данных. Это обеспечивало доступ из любого уголка планеты к любой информации — надо только набрать на клавиатуре компьютера код, соответствующий данному уровню секретности.

Я никогда не стремился служить абсолютному добру или абсолютному злу. Но в тот раз мне казалось, что я близок к первому. Проект сулил великолепные результаты.

Я считал, что в наши чудесные электрифицированные дни такая система просто необходима. Только представьте себе: где бы вы ни были, у вас есть доступ к любой книге, или фильму, или научной лекции, или к любым статистическим сведениям.

Кстати, о статистике. Ее вы теперь не сможете обмануть, потому что ваше досье открыто для всех заинтересованных лиц. Любое коммерческое или правительственное учреждение сможет навести справки о состоянии вашего имущества, банковских счетах и обо всех ваших тратах; следователь, подозревающий вас в том или ином нарушении закона, без труда выяснит, где и с кем вы

находились в момент преступления, проследив за вашими платежами и перемещением в общественном транспорте. Вся ваша жизнь развернется перед ним, как схема нервной системы человека в кабинете невропатолога.

Признаюсь, поначалу эти перспективы вдохновляли меня. Во-первых, система обещала положить конец преступлениям. Лишь безумец, рассуждал я, отважится нарушить закон, зная, что у него нет ни единого шанса уйти от наказания. Но и безумца можно вовремя остановить, если в его электронном досье содержится необходимая медицинская информация.

Кстати, о медицине. Теперь малейшее изменение в состоянии вашего здоровья не ускользнет от внимания врачей. Подумайте о всех тех болезнях, которые поддаются лечению только в начальной стадии. Подумайте о продлении срока вашей жизни!

Подумайте о мировой экономике. Какой прогресс ожидает ее, если будет известно, где находится и для чего служит каждый десятицентовик!

Подумайте о решении проблемы транспорта. Вообразите, что весь транспорт мира — сухопутный, воздушный, морской — действует как единый прекрасно отлаженный механизм...

Мне грезился приход золотого века...

Чушь!

Мой однокашник, имевший кое-какие связи с мафией и с университетской скамьи пересевший не куда-нибудь, а за стол кабинета в Федеральном управлении финансов, поднял меня на смех:

— Ты всерьез думаешь, что можно регистрировать все банковские вклады и следить за всеми сделками?

— Всерьез.

— Между прочим, швейцарские банки никого не допускают к своей документации. Не забывай о существовании матрасов, а также ям на задних дворах. Никому не под силу сосчитать, сколько денег ходит по свету.

Прочитав несколько научных статей на эту тему, я понял, что мой приятель прав. В своей деятельности, касающейся экономики, мы опирались в основном на приблизительные, усредненные цифры, причем далеко не всегда статистики могли обеспечить нас необходимыми данными. Например, им не удалось выяснить, сколько в мире незарегистрированных судов.

Статистика не в состоянии учитывать то, о чем у нее нет сведений.

Следовательно, имея неучтенные деньги, вы можете построить неучтенный корабль и жить на нем. На Земле много морей, и вряд ли контроль за транспортом будет таким совершенным, как мне казалось вначале.

А медицина? Врачи — тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Например, лень. Вряд ли каждый из них будет добросовестно вести историю болезни каждого из своих пациентов,— особенно если пациент предпочтет платить за лекарство наличными, не требуя квитанции.

Выходит, я упустил из виду человеческий фактор? Пожалуй.

Все люди делятся на тех, кому есть что скрывать, тех, кому просто не нравится, если о них знают слишком многое, и тех, кому скрывать нечего. А наша система, похоже, рассчитана только на последних. Это значит, она будет далеко не идеальна.

Да и ее создание, по-видимому, встретит некоторые трудности. Вполне можно ожидать недовольства и даже открытого противодействия, причем на самом высоком уровне...

Но открытого противодействия нам почти не оказывали, и работа по проекту шла полным ходом. Когда я разработал систему связи между метеостанциями, метеоспутниками и Центральным банком данных, меня назначили старшим программистом.

К тому времени я узнал достаточно, чтобы к моим опасениям добавились новые. Неожиданно я обнаружил, что работа уже не приносит мне удовлетворения. Это открытие побудило меня как следует задуматься о последствиях нашей деятельности.

Мне не запрещали брать работу на дом. Похоже, никто не заподозрил, что дело тут не в самоотверженности, а в желании узнать о проекте все, что только можно. Неправильно расценив мои действия, меня снова повысили в должности.

Это весьма обрадовало меня, поскольку расширяло доступ к информации. Затем, по разным обстоятельствам (смерть, повышение в должности, увольнение некоторых сотрудников), значительно изменился кадровый состав нашего института. Перед пай-мальчиками открылась зеленая улица, и я за короткий срок значительно продвинулся вверх по служебной лестнице.

Я стал консультантом самого Джона Колгейта.

Однажды, когда мы были почти у цели, я поделился с ним своими тревогами. Я сказал этому седому человеку с болезненным цветом лица и близорукими глазами, что мы, быть может, создаем чудовище, которое отнимет у людей личную жизнь.

Он долго смотрел на меня, поглаживая пальцами розовое пресс-папье из коралла, и наконец признал:

— Возможно, ты прав. Что намерен предпринять?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Просто хотел сказать, что не уверен в полезности нашей работы.

Вздохнув, он повернул вращающееся кресло и уставился в окно. Вскоре мне показалось, что он уснул. Колгейт любил вздремнуть после ленча.

Но вдруг он заговорил:

— Уж не думаешь ли ты, что я не выслушивал эти доводы по меньшей мере тысячу раз?

— Допускаю. И меня всегда интересовало, как вы их разбиваете.

— Никак,— буркнул он.— Я чувствовал, что так будет лучше. Пускаться в дискуссию — себе дороже. Может быть, я не прав, но рано или поздно не мы, так другие разработали бы способы регистрации всех основных характеристик такого сложного общества, как наше. Если ты видишь другой выход, более приемлемый,— скажи.

Я промолчал. Закурив сигарету, я ждал, когда он снова заговорит.

Он заговорил:

— Ты когда-нибудь подумывал о том, чтобы уйти в тень?

— Что вы имеете в виду?

— Уволиться. Бросить работу.

— Не уверен, что правильно понял...

— Дело в том, что сведения о разработчиках «системы» поступят в нее в самую последнюю очередь.

— Почему?

— Потому что я так хочу. Потому что в один прекрасный день ко мне придет кто-нибудь другой и задаст эти же проклятые вопросы.

— А до меня вам их задавали?

— Если и задавали, какое это имеет значение?

— Если я правильно понял, вы можете уничтожить сведения обо мне, прежде чем они поступят в Центральный?

— Да.

— Но без данных об образовании и трудовом стаже я не смогу устроиться на работу.

— Это твоя личная проблема.

— А что я куплю без кредитной карточки?

— Думаю, у тебя найдутся наличные.

— Все мои деньги в банке.

Он повернулся ко мне с ухмылкой.

— Ну... не все,— признал я.

— Так как?

Пока Колгейт раскуривал трубку, я молчал, глядя сквозь клубы дыма на его белоснежные бакенбарды. Интересно, всерьез он это предлагает? Или издевается?

Словно в ответ на мои мысли, он встал, подошел к бюро и выдвинул ящик. Порывшись в нем, вернулся со стопкой перфокарт размерами с колоду для покера.

— Твои.— Он бросил перфокарты на стол.— На будущей неделе все мы войдем в «систему».— Пустив колечко дыма, он уселся.— Возьми их с собой и положи под по-

душку,— продолжал он.— Поспи на них. Реши, как с ними быть.

— Не понимаю.

— Я их тебе отдаю.

— А если я их разорву? Что вы сделаете?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что мне все равно.

— Неправда. Вы — мой начальник. «Система» — ваше детище.

Колгейт пожал плечами.

— Сами-то вы верите, что «система» так уж необходима?

Опустив глаза, он глубоко затянулся и ответил:

— Сейчас я не так уверен в этом, как прежде.

— Я вычеркну себя из общества, если поступлю согласно вашему совету.

— Это твоя личная проблема.

Немного поразмыслив, я сказал:

— Давайте карты.

Он придвинул их ко мне.

Я спрятал колоду во внутренний карман пиджака.

— Как ты теперь поступишь?

— Как вы и предложили. Положу под подушку.

— Если не решишься, позаботься, чтобы ко вторнику они были у меня.

— Разумеется.

Он улыбнулся и кивнул, прощаясь.

Я принес перфокарты домой. Но спать не лег.

Спать я не мог и не хотел. Какое там спать — я думал! Думал целую вечность, во всяком случае — всю ночь напролет. Расхаживал по комнате и курил. Шуточное ли дело — жить вне «системы»? Можно ли вообще существовать, если сам факт твоего существования нигде не зарегистрирован?

Часам к четырем утра я пришел к выводу, что вопрос не грех сформулировать и по-другому: что бы я ни натворил, как об этом узнает «система»?

После этого я уселся за стол и тщательно разработал кое-какие планы. Утром, разорвав каждую перфокарту пополам, я сжег их и перемешал пепел.

— Садись,— велел тот, что повыше, указывая на стул.

Я сел.

Они обошли вокруг меня и встали позади. Я задержал дыхание и попытался расслабиться. Прошло чуть больше минуты. Затем:

— Расскажи нам все как есть.

— Я устроился сюда через бюро по найму,— начал я.— Работа мне подошла. Приступил к своим обязанностям и повстречал вас. Вот и все.

— До нас доходили слухи — и мы склонны им верить,— что правительство, исходя из соображений безопасности, иногда создает в Центральном фиктивную личность. Затем под этим прикрытием начинает действовать агент. Наводить о нем справки бессмысленно — в его досье предусмотрено все.

Я промолчал.

— Такое возможно?

— Да,— ответил я.— Слухи действительно ходят. А как там на самом деле, я не знаю.

— Ты не признаешь себя таким агентом?

— Нет.

Они пошептались, затем я услышал щелчок замка металлического чемоданчика.

— Ты лжешь.

— Нет, не лгу! Я, может быть, двух человек от смерти спас, а вы оскорбляете! Что я такого сделал?

— Мистер Швейцер, вопросы задаем мы.

— Ну, как хотите. Просто мне непонятно. Возможно, если вы объясните...

— Закатай рукав. Все равно какой.

— Это еще зачем?

— Затем, что я приказываю.

— Что вы намерены сделать?

— Укол.

— Вы что, из медико-санитарной службы?

— Откуда мы — тебя не касается.

— В таком случае я отказываюсь. Когда вас сцапает полиция, не знаю уж, по каким причинам... так вот, когда вас сцапает полиция, я позабочусь, чтобы у вас были неприятности и с Медицинской ассоциацией.

— Пожалуйста, закатай рукав.

— Протестую! — Я закатал рукав.— Если вы решили меня убить, знайте: ваша игра окончена. Убийство — дело нешуточное. Если же вы меня не убьете, я этого так не оставлю. Рано или поздно я до вас доберусь, и тогда...

Тут меня будто оса ужалила в плечо.

— Что это?

— Препарат ТЦ-6. Возможно, ты слышал о нем. Сознание ты не потеряешь, так как нам понадобится твоя способность мыслить логически. Но честно ответишь на все вопросы.

Мое хихиканье они, несомненно, объяснили воздействием «сыворотки».

Я возобновил дыхательные упражнения по системе йогов,— они не могли нейтрализовать препарат, но повышали тонус. Быть может, именно они дали мне несколько необходимых секунд на концентрацию воли. Помогала и отрешенность от внешнего мира, которую я всячески в себе поддерживал.

О препаратах типа ТЦ-6 я был наслышан. От них восприятие становится буквальным. Остается способность логически рассуждать, но полностью утрачивается способность лгать. Но я надеялся обойти все пороги, отдавшись течению. К тому же в запасе у меня был один хитрый трюк.

Больше всего я не люблю ТЦ-6 за побочные эффекты, сказывающиеся на сердце.

Действия укола я не чувствовал. Все было как по-прежнему, но я понимал: это иллюзия. Увы, взять подходящее противоядие из самой обыкновенной на вид аптечки в тумбочке я не мог.

— Ты слышишь меня?

— Да,— донесся мой собственный голос.

— Как тебя зовут?

— Альберт Швейцер.

За моей спиной раздались два коротких вздоха. Парень, который повыше, шикнул на своего приятеля, хотевшего что-то спросить.

— Чем ты занимаешься?

— Ремонтом оборудования.

— Чем еще?

— Многим. Я не понимаю...

— Ты работаешь на правительство? На правительство какой-нибудь страны?

— Я плачу налоги, а следовательно, работаю на правительство. Да.

— Я имел в виду не это. Ты — секретный агент?

— Нет.

— Агент, но не секретный?

— Нет.

— Кто же ты?

— Инженер. Обслуживаю технику.

— А еще кто?

— Я не...

— Кто еще? На кого ты работаешь, кроме руководителей проекта?

— На себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Моя деятельность направлена на поддержание моего экономического и физиологического благополучия.

— Я спрашивал о других твоих хозяевах. Они существуют?

— Нет.

— Похоже, он чист,— раздался голос второго.

— Возможно,— буркнул первый и обратился ко мне.— Как бы ты поступил, если бы в будущем встретил меня где-нибудь и узнал?

— Отдал бы в руки правосудия.

— А если бы это не удалось?

— Тогда я постарался бы причинить вам серьезные телесные повреждения. Возможно, я даже убил бы вас, если бы мог выдать убийство за несчастный случай при самообороне.

— Почему?

— Потому что я заинтересован в сохранении моего здоровья. Поскольку сейчас вы наносите ему ущерб, есть возможность, что в будущем вы предпримете новую попытку. Я не намерен этого допустить.

— Сомневаюсь, что это повторится.

— Ваши сомнения для меня ничего не значат.

— Ты совсем недавно спас двух человек, а теперь хладнокровно рассуждаешь об убийстве.

Я промолчал.

— Отвечай!

— Вы не задали вопроса.

— Может, он невосприимчив к «психотропам»? — спросил второй.

— Мне о таком слышать не приходилось. А тебе? — Последняя фраза адресовалась мне.

— Не понял вопроса.

— Этот препарат не лишил тебя возможности ориентироваться во всех трех сферах. Ты знаешь, кто ты, где ты и когда. Тем не менее препарат подавляет твою волю, и ты не можешь не отвечать на мои вопросы. Человеку, который часто подвергается инъекциям «сыворотки правды», иногда удается преодолеть ее воздействие, мысленно перефразируя вопросы и отвечая на них правдиво, но буквально. Скажи, ты это делаешь?

— Ты уверен, что правильно задаешь вопросы? — вмешался второй.

— Ладно, спроси ты.

— Тебе приходилось употреблять наркотики? — обратился он ко мне.

— Да.

— Какие?

— Аспирин, никотин, кофеин, алкоголь...

— «Сыворотку правды»,— подсказал второй.— Средства, развязывающие язык. Тебе когда-нибудь приходилось их употреблять?

— Да.

— Где?

— В Северо-западном университете.

— Почему?

— Я добровольно участвовал в серии экспериментов.

— На какую тему?

— Воздействие наркотических препаратов на сознание.

— Мысленные оговорки,— сказал второй приятелю.— Думаю, он натренирован. Хотя это совсем нелегко.

— Ты способен побороть «сыворотку правды»? — спросил первый.

— Я не понимаю.

— Ты способен лгать? Сейчас?

— Опять ошибочный вопрос,— заметил тот, что пониже.— Он не лжет. В буквальном смысле все его ответы правдивы.

— Как же нам добиться от него толку?

— Понятия не имею.

Они снова обрушили на меня град вопросов и в конце концов зашли в тупик.

— Он меня допек! — пожаловался тот, что пониже.— Так мы его и за неделю не расколем.

— А стоит ли?

— Нет. Все его ответы — на пленке. Теперь дело за компьютером.

Близилось утро, и я чувствовал себя превосходно, чему немало способствовали вспышки холодного пламени в затылочной части мозга. Я подумал, что сумею разок-другой соврать, если поднапрягусь.

За иллюминаторами серел рассвет. Должно быть, меня допрашивали часов шесть, не меньше. Я решил рискнуть.

— В этой каюте есть «жучки».

— Что? Что ты сказал?

— По-моему, корабельная служба безопасности следит за всеми техниками,— заявил я.

— Где эти «жучки»?

— Не знаю.

— Надо найти,— сказал тот, что повыше.

— А какой смысл? — прошептал тот, что пониже, и я его зауважал, поскольку подслушивающие устройства не всегда улавливают шепот.— Они здесь установлены задолго до нашего прихода. Если, конечно, вообще установлены.

— Может, от нас ждут, что мы сами повесимся? — проворчал его приятель. Тем не менее он обшарил взглядом каюту.

Не встретив возражений, я дотащился до койки и рухнул ничком. Моя правая рука как будто случайно скользнула под подушку. И нащупала пистолет. Вытаскивая его, я опустил рычажок предохранителя. Затем уселся на кровати, направив пистолет на гостей.

— Вот так-то, олухи. Теперь я буду спрашивать, а вы — отвечать.

Тот, что повыше, потянулся к поясу, и я выстрелил ему в плечо.

— Следующий? — Я сорвал глушитель, сделавший свое дело, и заменил его подушкой.

Тот, что пониже, поднял руки и посмотрел на напарника.

— Назад,— велел я ему.

Он кивнул и отступил.

— Сядьте,— приказал я обоим.

Они сели.

Я обошел их и встал сзади. Забрал у них оружие.

— Дай руку,— велел я тому, что повыше.

Пуля прошла навылет. Я продезинфицировал и перевязал рану. Потом сорвал с гостей платки и внимательно рассмотрел лица, оказавшиеся совершенно незнакомыми.

— Ну ладно,— вздохнул я.— Что вас сюда привело? Почему вы спрашивали о том, о чем вы спрашивали?

В ответ — молчание.

— У меня меньше времени, чем было у вас. Поэтому я вынужден привязать вас к стульям. Признаюсь, я не расположен валять дурака, а поэтому не буду накачивать вас наркотиками.

Достав из аптечки катушку лейкопластыря, я надежно привязал пленников к стульям. Потом закрыл дверь на цепочку.

— На этом корабле переборки кают — звуконепроницаемые,— заметил я, пряча пистолет.— А насчет «жучков» я соврал. В общем, захочется покричать — не стесняйтесь. Но лучше воздержитесь, потому что каждый вопль будет стоить вам сломанного пальца. Так что вы такие?

— Я — техник, обслуживаю челнок,— ответил тот, что пониже.— Мой друг — пилот.

За это признание он получил от напарника злобный взгляд.

— Ладно,— кивнул я.— Раньше я вас здесь не встречал, так что поверю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить на следующий вопрос: кто ваш настоящий хозяин?

У меня было перед ними преимущество: я работал на себя, как независимый подрядчик. В то время я действительно носил имя Альберт Швейцер, так что лгать на допросе мне не пришлось. Я всегда полностью вживаюсь в образ. Если бы гости спросили, как меня звали раньше, ответ, возможно, был бы совершенно иным.

— Кто дергает за нитки? — спросил я.

Молчание.

— Ну ладно, раз вы по-хорошему не понимаете...

Две головы повернулись ко мне.

— Чтобы получить несколько ответов, вы намеревались причинить ущерб моему здоровью,— пояснил я.— Не обессудьте, если я отыграюсь на вашей анатомии. Бьюсь об заклад, что получу от вас два-три признания. Я подойду к делу чуточку серьезнее, чем вы. Просто-напросто буду пытать вас, пока не заговорите.

— Не сможете,— сказал тот, что повыше.— У вас низкий индекс жестокости.

Я невесело усмехнулся.

— Посмотрим.

Легко ли, по-вашему, прекратить свое существование и вместе с тем продолжать его? Я решил эту задачу без особого труда. Но мне проще: я с самого начала участвовал в разработке «системы», и мне доверяли.

Разорвав свои перфокарты, я вернулся на рабочее место. Делая вид, что тружусь над новой темой, я искал и наконец нашел безопасный терминал. Он находился в холодных краях, на метеорологической станции «Туле».

Хозяйничал на ней один забавный старикан, великий любитель рома. Как сейчас помню тот день, когда я высадился с «Протея» на берег бухты и пожаловался старику на жестокость морей.

— Можешь отдохнуть у меня,— предложил он.

— Спасибо.

Он проводил меня на станцию, накормил, потолковал со мной о морях и о погоде. Потом я принес с «Протея» ящик «бакарди» и поставил его на пол.

— Я вижу, тут все автоматизировано,— заметил я.

— Точно.

— Так какого черта тебя здесь держат?

Старик рассмеялся.

— Мой дядя был сенатором. Надо было куда-нибудь меня пристроить, вот и подыскали это местечко.— Он потянул меня за рукав.— Пошли, глянем на твой кораблик, нет ли где течи.

Мы поднялись на «Протей» — приличных размеров яхту с каютой и мощными двигателями — и осмотрели ее.

— Побился с друзьями об заклад,— объяснил я старику,— что дойду до полюса и привезу доказательства.

— Сынок, да ты спятил!

— Знаю, но все равно дойду.

— А что? Может, и дойдешь. Когда-то и я был таким же — легким на подъем, и здоровьем Бог не обидел. А ты,

небось, подрастратил силенки напоследок, а? — Он пригладил прокуренную и просоленную бороду и ухмыльнулся.

— Было дело,— буркнул я.— Ты пей.

Мне не хотелось, чтобы он наталкивал меня на мысли о Еве.

Он выпил, и на некоторое время разговор увял.

Она была не такая. Я имею в виду, мне нечего было рассказать о ней старому похабнику.

А расстались мы с ней четыре месяца назад. Не по религиозным и не по политическим причинам. Все было гораздо глубже.

Поэтому я наврал ему о выдуманной девице, и он остался доволен.

Я повстречал Еву в Нью-Йорке, где занимался тем же, чем и она,— отдыхал. Ходил на спектакли, фотовыставки и тому подобное. Она — рослая, с коротко подстриженными светлыми волосами. Я помог ей найти станцию метро, вместе с ней спустился и поднялся, пригласил пообедать и был послан к черту.

Сцена:

— Я к этому не привыкла.

— Я тоже. Но голод не тетка. Так пойдем?

— За кого вы меня принимаете?

— За интересную собеседницу. Мне одиноко.

— По-моему, вы не там ищете.

— Возможно.

— Я вас совсем не знаю!

— Я вас тоже. Но, надеюсь, спагетти под мясным соусом и бутылочка кьянти помогут нам решить эту проблему.

— А вы не будете ко мне приставать?

— Нет. Я смирный.

— Ладно, уговорили. Ведите.

День ото дня мы становились все ближе. Мне было плевать, что она живет в одном из этих крошечных сумасшедших «пузырьков». Я был достаточно либерален и считал, что, если пропагандой строительства подводных городов занимается клуб «Сьера», значит, такие города действительно необходимы.

Наверное, надо было отправиться с ней, когда закончился ее отпуск. Она звала.

В Нью-Йорке я бывал нечасто. Как и Ева, я приплыл туда, чтобы посмотреть на Большую Землю.

Надо было сказать ей: «Выходи за меня замуж». Но она не согласилась бы предать свой родной «пузырь», а я не согласился бы предать свою мечту. Я хотел жить в огромном мире над волнами и уже знал, что для этого необходимо.

Правда, до рождественских открыток я в то время еще не додумался.

Я обожал эту синеглазую ведьму из морской пучины, и теперь понимаю: надо было все-таки уступить. Черт бы побрал мой независимый характер. Если бы мы с ней были нормальными людьми... Но мы не были нормальными людьми, вот в чем беда.

Ева, где бы ты ни была, я не скажу о тебе дурных слов. Надеюсь, ты счастлива с Джимом, или Беном, или как его там...

— Пей,— повторил я.— Попробуй с кока-колой.

Я осушил стакан коки, он — коки с двойной порцией «бакарди».

При этом он жаловался на скуку.

— Подбирается ко мне, проклятая,— вздыхал старик.

— Ну ладно, пора и на боковую,— сказал я.

— Пора так пора. Можешь ложиться на мою койку, мистер Хемингуэй.

— Спасибо, дружище.

— Я тебе показал, где одеяла?

— Да.

— Ну, тогда спокойной ночи, Эрни.

— Спокойной ночи, Билл. Завтрак за мной.

— Идет.

Зевая, он побрел прочь.

Я выждал полчаса и принялся за работу.

С его метеостанции можно было выйти непосредственно на Центральный. Я хотел сделать аккуратную вставочку в программу. На пробу.

Спустя некоторое время я понял: получилось! Теперь я могу поместить в Центральный любую информацию, и никто не поставит ее под сомнение!

В тот вечер я казался себе чуть ли не богом.

Ева, быть может, зря я не выбрал другой путь.

Утром я помог Биллу Меллингсу справиться с похмельем, и он ничего не заподозрил. Мне отрадно было сознавать, что у этого славного старика не возникнет неприятностей, даже если кто-нибудь мною заинтересуется. Потому что дядя Билла — сенатор в отставке.

А сам я теперь мог стать кем угодно. Мог запросто создать новую личность (год рождения, имя, сведения об образовании и т. д.) и занять приличествующее место в обществе. Для этого требовалось лишь включить передатчик на метеостанции и ввести в Центральный программу. Стоило ненадолго выйти в эфир — и можно было начинать жизнь в любой инкарнации. Ab initio*.

Ева, я хотел быть с тобой! Как жаль, что этому не суждено было сбыться.

Думаю, правительство тоже знает этот трюк и время от времени им пользуется. Но у меня преимущество: правительству неведомо о существовании «независимого подрядчика».

Я знал многое из того, о чем не следует знать (даже больше, чем необходимо), хотя с уважением отношусь к «детекторам лжи» и «сывороткам правды». Дело в том, что свое подлинное имя я храню за семью замками. Известно ли вам, что полиграф Килера** можно обмануть не менее чем семнадцатью способами? С середины двадцатого века его так и не усовершенствовали.

Лента вокруг грудной клетки и датчики потовыделения, присоединенные к подушечкам пальцев, могли бы дать чудесный эффект, но эти хитроумные устройства покуда никем не созданы. Возможно, именно сейчас над усовершенствованием «детектора лжи» бьются несколько

---

* С начала *(лат.)*.

** Детектор лжи.

институтов, хотя результатов пока что-то не видать. Я могу сконструировать такой «детектор», который никому на свете не удастся обмануть,— но сведения, добытые с его помощью, в суде по-прежнему будут цениться невысоко. Другое дело — психотропные вещества. Впрочем, они тоже не всемогущи. Например, патологический лжец способен не поддаться амиталу или пентоталу. Под силу это и человеку, невосприимчивому к наркотикам.

Но что такое «невосприимчивость к наркотикам»?

Вам когда-нибудь приходилось искать работу и проходить тестирование на уровень интеллекта и смекалку? Уверен — приходилось. Сейчас каждый с этим сталкивается (кстати, результаты всех тестов поступают в Центральный). Постепенно вы к этому привыкаете, приобретая качество, которое психологи называют «невосприимчивостью к тестам». То есть вы заранее знаете правильные ответы.

Да, именно так. Вы привыкаете давать ответы, которых от вас ожидают, и осваиваете некоторые приемы, позволяющие выиграть время. Вы утрачиваете страх перед тестами, сознавая, что можете предугадать все ходы противника. Невосприимчивость к наркотикам — явление того же рода. Если вы не боитесь «сыворотки правды» и если раньше вам приходилось испытывать на себе ее воздействие — вы ей не поддадитесь.

— Я задал вопрос. Отвечайте, черт побери!

Я всегда считал, что страх боли, подкрепляемый самой болью, неплохо развязывает язык. Теперь я решил испробовать это на практике.

Встав спозаранку, я приготовил завтрак. Налил стакан апельсинового сока и потряс старика за плечо.

— Что за черт...

— Завтрак,— сказал я.— Выпей.

Он осушил стакан. Потом мы отправились на кухню и сели за стол.

Глядя на меня поверх яичницы, он буркнул:

— Будет время — заглядывай ко мне. Слышь?

— Загляну,— пообещал я и с тех пор наведывался к нему несколько раз, потому что старик мне понравился. За беседой, длившейся все утро, мы осилили три кофейника.

Когда-то он служил врачом на флоте, и практики у него было хоть отбавляй (позднее он извлечет из меня несколько пуль и сохранит это в тайне). Кроме того, он был одним из первых астронавтов. А сейчас, по его словам, ему хотелось быть просто опустившимся старикашкой. Впоследствии я узнал, что лет за шесть до нашей встречи у него умерла от рака жена. Он бросил медицину и стал отшельником.

Мы с ним и сейчас дружим, но все-таки я не открываю ему, что он дал приют самозванцу, подделавшему свою родословную. Я мог бы рассказать ему все как на духу, ведь он из тех, на кого можно положиться. Но я не вправе взваливать на его плечи моральную ответственность за мои темные дела.

Так я стал человеком, которого нет. Хотя при этом у меня появилась возможность стать кем угодно. Сущий пустяк: составить программу и ввести ее в Центральный. Сложнее было другое: раздобыть средства к существованию.

Для этого требовалась работа. Причем такая, за которую хорошо платят. Я привык жить, как мне нравится, idest* красиво. Это условие значительно сузило сектора поиска и вынудило меня отказаться от множества профессий, которые не противоречат закону. Но я мог обеспечить себя надежной легендой, устроившись на работу по любой специальности, которая не вызывала бы у меня скуки. В конце концов я так и поступил.

Я сообщил Центральному о своей безвременной кончине, и он покорно проглотил «липу». Поскольку родственников я не имел, мой переход в мир иной никому не причинил хлопот.

Все свое имущество я превратил в наличные и набил ими карманы. Затем я создал себе новую биографию.

---

* То есть *(лат.)*.

Выработал множество привычек, этаких причуд, свойственных каждому человеку.

Жил я на борту «Протея», стоявшего на якоре у побережья Нью-Джерси, под прикрытием островка. «Протея» тоже не существовало в природе.

Я трудился не покладая рук и преуспел, став одним из самых удачливых «солдат удачи» на свете.

Я серьезно занялся дзюдо. Как известно, есть три школы этой борьбы: кодокан — чисто японский стиль, будо квай и школа Французской федерации. Два последних стиля похожи на первый, но отличаются более жесткими подсечками, бросками и захватами. Создатели этих школ понимали, что «чистый» стиль был выработан для низкорослых бойцов, в нем главная роль отводится быстроте и точности движений. Поэтому они попытались приспособить базовую технику для рослых спортсменов, допустив применение силы в ущерб точности.

На мой взгляд, это весьма неплохо, потому что я человек рослый и крепкий. Правда, когда-нибудь, возможно, мне придется пожалеть о своей лени. Когда тебе за сорок, силы уходят с каждым годом. Но если ты занимался дзюдо в стиле кодокан, ты и в восемьдесят останешься мастером. Впрочем, быть может, я наберусь терпения и лет через двадцать снова обрету форму. Не такой уж я увалень — во Французской федерации я получил черный пояс.

В свободное от физических упражнений время я прошел курс владения отмычкой. Понадобился не один месяц, чтобы я научился отпирать самый простенький замок. Я и по сей день считаю, что лучше не трогать замок, а выбить дверь ногой, взять, что тебе нужно, и дать деру.

Видимо, я рожден не для того, чтобы стать профессиональным преступником. Криминальный талант дается не каждому.

Я изучал все, что, по моему мнению, могло пригодиться. Изучал и изучаю. И хоть я считаю себя специалистом только в одной науке — науке существования «в тени»,— у меня широкая эрудиция.

К тому же я обладаю важным преимуществом перед всеми остальными людьми: меня нет.

Когда мои карманы опустели, я решил обратиться к Дону Уэлшу. Я знал, кто он такой, и надеялся, что он обо мне никогда ничего не узнает. Это решение определило мой modus vivendi*.

С тех пор прошло более десяти лет, и за это время у меня не возникало претензий к Дону. Правда, пришлось-таки набраться опыта в обращении с отмычками, не говоря уже о наркотиках и «жучках». Но я не жалуюсь — работа есть работа.

Не знаю, всерьез они считали, что я блефую, или нет. Замечание о низком уровне жестокости наводило на мысль, что у них был доступ к моему досье в Центральном или к личному делу в сейфе капитана. А если они знакомы с моим личным делом, то наверняка заглядывали и в вахтенное расписание и знают, что скоро мне на вахту. А до Пробуждения остались считанные часы.

Будильник на тумбочке показывал без пяти шесть. В восемь мне предстояло заступить на вахту. Времени, чтобы добиться от гостей правдивых ответов, было в обрез.

Я ждал этой встречи целый месяц, и результат ее целиком зависел от того, удастся ли мне «расколоть» их за два часа.

Я не сомневался, что они будут тянуть время. Они знали, что я не рискну оставить их в каюте на целый день, а единственная альтернатива — выдать их корабельной охране. Но мне этого совсем не хотелось — возможно, на борту у них есть друзья. Либо сами они заранее подстраховались, сделав выводы из неудачи с «Джей-9». Еще одна диверсия — и Пробуждение Румоко, намеченное на пятнадцатое сентября, будет отложено.

Чтобы получить деньги, я должен послать Дону Уэлшу посылку. Но мне пока нечего было положить в посылочный ящик.

— Джентльмены! — Я не узнал собственного голоса — по-видимому, затормозились рефлексы. Я перестарался,

* Образ жизни *(лат.)*.

сдерживая движения и речь.— Джентльмены, пришел мой черед.— Я развернул кресло и уселся, оперев рукоять пистолета на предплечье, а предплечье — на подлокотник кресла.— Однако, прежде чем приступить к делу, я намерен обратиться к вам с речью, направленной, как вы правильно догадываетесь, на то, чтобы склонить вас к откровенности. Вы не агенты правительства,— продолжал я, переводя взгляд с одного гостя на другого.— Вы представляете здесь интересы частного лица или лиц. Будь вы агентами правительства, вы бы, несомненно, знали заранее, что я таковым не являюсь. Поскольку вы прибегли к крайней форме допроса с пристрастием, у меня есть основания считать, что вы готовы на все. Логика подсказывает мне, что попытка утопить «Джей-9» предпринята вами. Это не случайность, а диверсия, и я уверен в этом, ибо лично сорвал ее. Все вышеизложенное вполне объясняет, почему вы находитесь в моей каюте. Поэтому я не вижу необходимости задавать вам такие вопросы. Я готов допустить, что ваши удостоверения личности — подлинные. В любой момент я могу достать их из ваших карманов, если они там, но ваши имена наверняка ничего мне не скажут. Поэтому я не стану тратить время. Говоря откровенно, я хочу, чтобы вы ответили только на один вопрос, и, возможно, этот ответ не причинит ущерба вашему нанимателю или нанимателям, которые, несомненно, сразу от вас отрекутся. Я хочу знать, на кого вы работаете.

— Зачем тебе это? — хмуро спросил тот, что повыше, и я впервые заметил шрам, пересекавший его верхнюю губу.

— Мне любопытно, кого так заинтересовала моя скромная персона.

— Что ты предпримешь, если мы ответим?

Я пожал плечами:

— Возможно, акт личной мести.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Ты тоже на кого-то работаешь,— промолвил он.— Если не на правительство, то на лицо, которому мы вряд ли симпатизируем.

— То есть вы признаете, что действовали не по личным мотивам? Если не хотите сказать, кто вас нанял, скажите хотя бы, почему он заинтересован в срыве проекта.

— Нет.

— Ладно, не буду настаивать. Похоже, вы служите некой важной особе. Между прочим, я мог бы кое-что предложить в обмен на откровенность.

Тот, что пониже, засмеялся, но напарник обжег его взглядом, и он умолк.

— Хорошо, оставим эту тему,— сказал я.— Нет так нет. Поговорим о другом. Я могу выдать вас корабельной службе безопасности, обвинив только во взломе и проникновении в мою каюту. Могу даже соврать, что вы были пьяны и утверждали, что каюта принадлежит вашему приятелю, с которым вы хотите пропустить по стопочке перед сном. Что скажете?

— Так есть здесь «жучки» или нет, в конце концов? — спросил тот, что пониже. Он выглядел чуть помоложе своего приятеля.

— Конечно, нет,— отозвался тот, что повыше.— Заткнись, сделай милость.

— Что скажете? — повторил я.

Он снова покачал головой.

— В таком случае придется рассказать охране все как есть. Про наркотики, допрос и так далее. Что теперь скажете?

Тот, что повыше, подумал и опять покачал головой:

— Неужели ты это сделаешь?

— Сделаю...

Казалось, он задумался.

— А следовательно, не смогу уберечь вас от болезненных ощущений, как это ни печально. Даже если вы невосприимчивы к наркотикам, все равно больше двух дней не выдержите, потому что кроме «психотропов» к вам применят все остальные штучки. Рано или поздно вы заговорите. По мне, так лучше рано, ибо я подозреваю, что для срыва проекта вы подготовили кое-какие сюрпризы...

— Черт бы его побрал! Он слишком сообразителен!

— Скажите ему еще разок, чтобы заткнулся,— попросил я того, что повыше.— Он слишком спешит, не дает мне позабавиться... Ну так как? Выкладывайте,— продолжал я, выдержав паузу.— Я ведь все равно добьюсь ответа.

— Он прав,— проворчал человек со шрамом.— Ты чересчур сообразителен. По коэффициенту умственного развития и «персональному профилю» этого не скажешь. Могу я тебе кое-что предложить?

— Можете,— кивнул я,— если это «кое-что» будет достаточно весомым. И если заодно вы скажете, от кого исходит предложение.

— Хочешь четверть миллиона долларов наличными? Это максимум того, что я могу дать. За это ты должен отпустить нас и заняться своими делами. И забыть о сегодняшней встрече.

Я обдумал предложение. Не буду лукавить: оно выглядело заманчиво. Но за последние годы через мои руки прошло немало денег, и мне не хотелось сообщать «Частному сыскному агентству Уэлша», с коим я рассчитывал сотрудничать и впредь, о своей неудаче.

— Кто и когда мне заплатит? И чем? И за что?

— Сегодня вечером я смогу выплатить половину суммы, вторую — через неделю, в крайнем случае через десять дней. Чем? Любой валютой, на твое усмотрение. За что? Думаю, ответ ясен: мы у тебя кое-что покупаем.

— Похоже, у вашего босса денег куры не клюют,— заметил я, бросая взгляд на будильник — он показывал шесть пятнадцать.— Увы, я вынужден отклонить ваше предложение.

— Значит, ты служишь не правительству. Агент правительства от денег бы не отказался, но все равно выдал бы нас.

— Подумаешь, открытие! Я сам только что сообщил вам, что не имею отношения к правительству.

— Кажется, мистер Швейцер, мы зашли в тупик.

— Не думаю. Это была только присказка, сказка — впереди. Я вынужден перейти к решительным действиям. Приношу свои извинения, иного выбора у меня нет.

— Ты в самом деле способен на насилие?

— Боюсь, что да. Кстати, хочу вас разочаровать: вчера я малость перебрал и в ожидании сильного похмелья позаботился об отгуле. У меня весь день свободен. Поскольку вы уже получили весьма болезненную рану, можете пока отдохнуть.

Я медленно встал, ничем не выдавая головокружения. Не отвязывая от стула парня, который пониже, я поставил его на ноги, притащил в ванную и усадил под душ. Он несколько раз пытался ударить меня головой, но безуспешно.

— Хочу вкратце изложить мою идею,— сказал я, возвратясь в комнату.— Я как-то раз замерял температуру воды под душем — она меняется в интервале от шестидесяти до восьмидесяти градусов Цельсия. Стоит только расстегнуть на твоем приятеле рубашку и штаны, и он сварится заживо. Уяснил?

— Уяснил.

Я снова прошел в ванную, расстегнул на госте одежду, пустил горячую воду и снова вернулся в комнату. Я уже давно заметил черты сходства в лицах моих собеседников. Это навело меня на мысль, что они родственники.

Когда раздались первые вопли, парню, сидевшему передо мной, не удалось сохранить бесстрастный вид. Он затравленно посмотрел на будильник, потом на меня.

— Будь ты проклят, ублюдок! Выключи воду!

— Кто он тебе? Кузен?

— Родной брат. Выключи воду, бабуин проклятый!

— Охотно выполню твою просьбу, если ты сочтешь возможным поделиться со мной информацией.

— Ладно. Только пусть он останется там. И дверь закрой.

Я стремглав бросился в ванную. В голове у меня почти прояснилось, хотя самочувствие было далеко не идеальным. Перекрывая воду, я ошпарил руку. Оставив жертву корчиться в клубах пара, я затворил дверь и возвратился в комнату.

— Ну? Слушаю.

— Можешь освободить мне руку и дать сигарету?

— Руку — нет, а сигарету — пожалуйста.

— Как насчет правой? Я едва ею шевелю.

— Ладно,— согласился я, подумав, и взял пистолет.

Я зажег сигарету, сунул ее собеседнику в рот. Она выпала. Я поднял ее и снова поднес ко рту гостя.

— Десять секунд тебе на это удовольствие, и — к делу.

Он кивнул, обвел комнату взглядом, глубоко затянулся.

— Похоже, тебе не впервой причинять людям боль,— заметил он.— Если ты не агент правительства, то хотел бы я знать, кто приложил руку к твоему досье.

— Я работаю не на правительство.

— Тогда остается только пожалеть, что ты не с нами. Похоже, ты знаешь свое дело.

Он снова бросил взгляд на будильник. Шесть двадцать пять. Но сейчас за этим взглядом, помимо желания узнать время, скрывалось что-то еще. Страх?

— Когда это произойдет? — спросил я наугад.

И тут высокий допустил ошибку.

— Приведи сюда моего брата,— тоскливо произнес он.— Я хочу его видеть.

— Когда это случится?

— Слишком скоро. Ты уже ничего не исправишь.

— Сомневаюсь. Но если ты прав, не стоит особо расстраиваться. Ведь у вас с братом все равно нет выхода.

— Отпусти нас, а? Хочешь, я увеличу сумму?

— Не стоит. Этим ты меня только расстроишь. Я ведь все равно не соглашусь. Ну, мне пора. Надо торопиться.

— Как знаешь. Об одном прошу: приведи его сюда и окажи первую помощь.

Я выполнил просьбу.

— Придется вам, ребята, еще немного посидеть здесь.— Я погасил сигарету старшего и привязал его запястье к стулу. Затем направился к выходу.

— Ты же не знаешь! Ты ничего не знаешь! — крикнул старший мне вслед.

— Не стоит себя обманывать,— бросил я через плечо.

Я не знал. Действительно не знал.

Но догадывался.

Решительным шагом пройдя по коридорам, я забарабанил в дверь каюты Кэрол Дейт. Спустя некоторое время раздалось приглушенное ругательство, и дверь отворилась. За ней, моргая спросонья, стояла Кэрол в просторном халате и ночном чепце.

— Тебе чего?

— Да так, поболтать о том о сем. Можно войти?

— Нет! — отрезала она.— Я не привыкла к...

— Диверсиям,— подхватил я.— Знаю. Вот я и хотел бы потолковать о диверсиях, которые, между прочим, еще не закончились.

— Входи.— Кэрол распахнула дверь и шагнула в сторону.

Я вошел.

Она затворила дверь и сказала, прислонясь к ней спиной:

— Слушаю.

В каюте светился только ночник, кровать была не убрана.

— Пожалуй, вчера я не все тебе рассказал,— признался я.— Да, это была диверсия, и мне удалось разрядить мину. Слава богу, все обошлось, но на этом неприятности не кончились. Сегодня — исторический день, и сегодня будет предпринята последняя попытка, уверен. Возможно, я знаю, когда и где это случится.

— Сядь,— велела она.

— Между прочим, времени в обрез.

— Все-таки будь любезен, посиди. Мне надо одеться.

Кэрол вышла в соседнюю комнату, оставив дверь открытой. Впрочем, друг от друга нас отгораживала стенка. Ей не о чем было беспокоиться, если она доверяла мне. А она, похоже, доверяла.

— Что ты узнал? — спросила она, шурша одеждой.

— Мне кажется, к одному из наших атомных зарядов подсоединено взрывное устройство, так что петух кукарекнет раньше срока.

— Почему тебе так кажется?

— Потому что в моей каюте сидят двое парней, привязанные к стульям. Их очень заинтриговал случай с «Джей-9», и они всю ночь пытались меня разговорить.

— Вот как?

— Они вели себя очень грубо.

— Дальше.

— Когда мы поменялись ролями, я тоже не стал миндальничать. Я заставил их говорить.

— Как тебе это удалось?

— Тебя не касается. Короче говоря, я думаю, надо еще разок проверить заряды.

— Могу я забрать этих людей из твоей каюты?

— Разумеется.

— Как ты сумел с ними справиться?

— Они не знали, что у меня пистолет.

— Понятно. Между прочим, я тоже не знала. Ладно, мы их заберем. Так ты утверждаешь, что задержал их и вынудил признаться?

— В некотором роде. И да и нет. Только это не для протокола. Кстати, твоя каюта прослушивается?

Она вернулась в спальню, кивнула и приложила палец к губам.

— Не пойти ли нам куда-нибудь? — спросил я.

— Иди к черту! — В черных облегающих брючках и блузке в шахматную клетку Кэрол выглядела потрясающе. Я понял, что она неверно истолковала мои слова,— я ведь имел в виду совсем не то, что могло прийти в голову какому-нибудь идиоту, например правительственному агенту, подслушивающему наш разговор.

— Я в том смысле, что надо спешить,— пояснил я.— Не хочу, чтобы из-за нашей нерасторопности все пошло прахом.

— Не волнуйся. Между прочим, в последнее время я повстречала несколько rara avis* — да, я решаю кроссворды в «Нью-Йорк таймс»,— и ты — одна из этих пташек. Ты совершаешь неожиданные поступки, но, судя по всему,

* Редких птиц *(лат.)*.

знаешь, что делаешь. Мы уже имели дело с людьми, которые превосходно ориентируются в ситуации и в критическую минуту вступают в игру. Так ты считаешь, что сброшенный с борта нашего корабля атомный заряд взорвется раньше времени от устройства, поставленного диверсантами?

— Верно.— Я глянул на свои часы — стрелка приближалась к семи.— Держу пари, осталось меньше часа.

— Бомба пойдет через несколько минут,— сказала она.

— И что ты намерена предпринять?

Кэрол подошла к столику возле кровати и взяла телефонную трубку.

— Мостик? Прекратить отсчет.— Затем: — Соедините меня со службой безопасности... Сержант, прошу арестовать двух человек.— Она посмотрела на меня.— Номер каюты?

— Шесть-сорок.

— Шесть-сорок,— повторила она в микрофон.— Да, спасибо.— Кэрол положила трубку.— О них позаботятся,— пообещала она мне.— Ты сказал, заряд может взорваться раньше срока?

— Именно это я и сказал. Причем дважды.

— Сможешь его обезвредить?

— Если мне предоставят необходимое. Но ты, наверное, предпочтешь вызвать...

— Пойди и возьми! — велела она.

— Хорошо.

Я пошел, куда требовалось, и взял, что требовалось. Через пять минут вернулся в каюту Кэрол с тяжелым свертком на плече.

— Пришлось расписаться кровью. Почему бы тебе не пригласить толкового физика?

— Мне нужен ты,— возразила она.— Ты участвуешь в игре с самого начала. Ты знаешь, что делаешь. Чем меньше народу будет в курсе наших дел, тем лучше.

— Веди.— Я отправился за ней следом.

По пути я посмотрел на часы. Семь ноль-ноль.

Через десять минут я выяснил, который из трех зарядов — с «сюрпризом». Диверсанты воспользовались моторчиком на батарейке от детского конструктора. Моторчик приводился в действие стандартным часовым механизмом. Он должен был отодвинуть свинцовую заслонку. Если бы это случилось, проклятая бомба обязательно бы взорвалась.

Я провозился с ней меньше пяти минут.

Потом мы стояли возле фальшборта. Я опирался на планшир.

— Хорошо,— сказал я.

— Не то слово,— улыбнулась Кэрол.

Мы помолчали.

— Пока ты занимаешься подобными делами,— заговорила она наконец,— держи ухо востро. Скоро ты станешь объектом моего самого пристального внимания.

— Чего мне бояться? Я чист, как первый снег. Или как лебяжий пух.

— Ты ненастоящий,— возразила она.— Таких, как ты, не бывает.

— Вынужден тебя разочаровать. Потрогай меня — и убедишься, что я вполне реален.

— Если однажды в полночь ты не превратишься в лягушку, тебя, возможно, сумеет полюбить какая-нибудь девушка.

— Где мне найти такую глупую девушку?

Вместо ответа я получил странный взгляд, но не стал ломать голову над его значением. Потом она посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты — моя неразгаданная тайна. Ты похож на отголосок минувшей эпохи.

— Может быть, ты и права. Как насчет того, чтобы оставить меня в покое? Я ведь ничего плохого не сделал.

— У меня служба. С другой стороны, ты прав. Ты помог нам, не нарушив при этом никаких запретов, если не считать случая с «Джей-9», да и вряд ли это можно назвать нарушением. Но ведь я должна отправить начальству ра-

порт, а в нем соответствующим образом изложить твои действия. Увы, я не могу отпустить тебя так просто.

— Я и не прошу.

— Чего же ты от меня хочешь?

Я не боялся, что сведения о моей деятельности на борту «Аквины» поступят в Центральный. Как только это случится, я сумею их стереть. Но прежде, чем они попадут в память компьютера, с ними ознакомится уйма людей, а это мне совсем ни к чему.

— Чем меньше народу будет в курсе наших дел, тем лучше,— повторил я слова Кэрол.— Если один человек потихоньку выйдет из игры, никто этого не заметит.

— Ошибаешься.

— Ладно. Предположим, я доброхот, решивший вам помочь.

— Вот это уже лучше.

— В таком случае почему бы нам не придерживаться этой версии?

— Не вижу особых проблем.

— Ты согласна?

— Посмотрю, что можно сделать. Когда у тебя закончится срок контракта, чем собираешься заняться?

— Пока не знаю. Махну куда-нибудь отдохнуть.

— Один?

— Возможно.

— Знаешь, а ты мне нравишься. Постараюсь избавить тебя от неприятностей.

— Буду весьма признателен.

— Похоже, у тебя на все готов ответ.

— Спасибо.

— Как насчет девушки?

— В смысле?

— Могла бы тебе пригодиться девушка?

— По-моему, у тебя очень даже неплохая работа.

— Да, но дело не в этом. Так нужна она тебе или нет?

— Кто — она?

— Хватит валять дурака! Девушка, кто же еще?

— Нет.

— Вот как?

— Слушай, не мели чепухи. На кой черт мне подружка из спецслужбы? Неужели я поверю, что ты решила связать судьбу с незнакомцем?

— Я видела тебя в деле, ты настоящий парень. Да, я могла бы связать с тобой судьбу.

— Это самое необыкновенное предложение в моей жизни.

— Решай быстрее,— сказала она.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— А что, если я к тебе неравнодушна?

— Ну да, я же спас твою бомбу.

— Я не о благодарности! — рассердилась Кэрол.— Впрочем, за бомбу спасибо. Ладно, нет так нет.

— Постой! Дай хоть немного подумать.

— Пожалуйста.— Она отвернулась.

— О черт! Ладно, давай поговорим откровенно. Ты мне нравишься, хоть я и убежденный холостяк с многолетним стажем. Ты — загадка.

— Посмотрим на это под другим углом,— сказала она.— Ты не такой, как все. Я тоже хочу быть не такой, как все.

— Например?

— Например, хочу дурачить компьютер и чтобы это сходило мне с рук.

— А почему ты считаешь, что я дурачу компьютер?

— Потому что это — единственный ответ. Если, конечно, ты — настоящий.

— Я настоящий.

— Значит, ты умеешь обманывать «систему».

— Сомневаюсь.

— Возьми меня с собой,— попросила она.— Я тоже так хочу.

Я внимательно посмотрел на нее. Тонкий локон едва касался нежной щеки. Казалось, Кэрол вот-вот расплачется.

— Значит, я — твой последний шанс? Тебе все опротивело, и, повстречав меня, ты решила сыграть ва-банк?

— Да.

— Чушь какая-то. Учти, если ты вдруг захочешь выйти из игры, я не смогу гарантировать тебе безопасность. А сам я из игры не выйду. Я веду ее по собственным правилам, и эти правила не всем понятны. Если мы с тобой сойдемся, у тебя появится шанс рано овдоветь.

— Я верю в тебя. Ты умен и смел.

— Я рано сойду в могилу. Слишком уж часто я делаю глупости.

— Кажется, я в тебя влюблена.

— Слушай, давай поговорим об этом позже. Мне нужно кое-что обмозговать.

— Хорошо.

— Глупая ты девчонка.

— Ошибаешься.

— Ну что ж, посмотрим.

Очнувшись от сна — одного из самых глубоких снов в моей жизни,— я отправился на вахту.

— Опаздываешь,— заметил Меррей.

— А ты стукни начальству, пускай меня спишут,— огрызнулся я и уселся за экран монитора.

Проект «Румоко» находился в завершающей стадии. Мартин и Денни спустились на дно и разместили ядерные заряды. Они прекрасно сделали свое дело, и теперь мы уходили подальше. Заряды должны были взорваться по радиосигналу.

Из моей каюты забрали непрошеных гостей, и за это я был благодарен Кэрол.

Наконец мы отошли на безопасное расстояние, и радист отправил в эфир сигнал. Несколько мгновений кругом царило безмолвие. Затем рвануло.

За стеклом иллюминатора я увидел встающего человека: старого, седого, в широкополой шляпе. Он постоял, шатаясь, и рухнул ничком.

— Ну вот; подпортили мы воздух,— заметил Мартин.

— Черт! — буркнул Денни.

Океан вздыбился и бросился на нас. Корабль чудом не сорвало с якоря.

На какое-то время стихия присмирела. Потом началось! Корабль трясся, как продрогшая собака. Я смотрел, вцепившись в подлокотники кресла. За иллюминатором бушевали волны: безжалостные и коварные, они с рычанием налетали на нас, но нам каждый раз удавалось отразить их натиск.

— Начали действовать датчики,— сказала Кэрол.— Похоже, он растет.

Я молча кивнул. Говорить было не о чем.

— Он уже большой,— произнесла Кэрол через минуту, и я снова кивнул.

В конце концов порожденная нами тварь выбралась из-под воды. Это случилось в то же утро.

На поверхности океана долго лопались пузыри, становясь все крупнее. Показания термометров быстро росли. Внизу разливался свет.

Внезапно в небо ударила широкая струя воды. Фонтан поднялся на невиданную высоту и зазолотился в лучах утреннего солнца, словно голова Зевса, спустившегося с небес к кому-то из своих подружек. Явление Зевса сопровождалось оглушительным ревом.

Постояв перед нами несколько мгновений, златокудрый бог рассыпался сверкающим дождем. После этого океан разбушевался не на шутку. Его поверхность корчилась и мерцала; рев то смолкал, то возобновлялся. Снова забил фонтан, затем — другой, третий, четвертый, и каждый новый — все выше, выше...

«Аквину» задело ударной волной очередного взрыва. Казалось, нас несет куда-то мощным отливом... Мы были готовы к такому исходу.

Мы не дрогнули.

Отлив все тащил нас, и не было этому конца. От вулкана нас отделяли многие мили, а казалось, до него можно дотянуться рукой.

И снова ввысь ударил бесконечный водяной столб. Он пронзил небосвод и оросил солнце. Он раздался вширь, и у его основания из воды забило пламя.

Быстро спустились сумерки; тончайшая пыль наполнила воздух, глаза, легкие. К счастью, облака вулканического пепла проплыли в стороне от нас, словно стая темных птиц. Чтобы хоть как-то защитить легкие от грязи, я закурил сигарету.

В тот преждевременный вечер океан был светел. Казалось, сам потревоженный Кракен* лижет днище нашего корабля. Сияние в пучине не угасало; в нем смутно угадывался контур.

Румоко. Рукотворный остров. Обломок затонувшей Атлантиды, снова поднимающийся к поверхности. Человеку удалось создать участок суши. Придет время, и она станет обитаемой. А если мы создадим целый архипелаг... Да. Возможно, это будет вторая Япония. Человеческой расе необходимо жизненное пространство.

Почему меня допрашивали? Кто противостоит нам? Какие у них мотивы? Ведь мы, насколько я понимаю, делаем благое дело.

Я покинул рубку и направился в ресторан. Там ко мне как будто случайно подошла Кэрол. Я кивнул. Она села напротив.

— Привет.

— Привет.

— Ну как, обмозговал? — спросила она, заказав салат и эрзац-пиво.

— Да.

— Что скажешь?

Я пожал плечами:

— А что тут говорить? Очень уж это внезапно, и, если честно, мне бы хотелось узнать тебя чуточку поближе.

— То есть?

— Я имею в виду старинный обычай, который называется «помолвка». Давай попробуем, а?

— Я тебе не нравлюсь? Я сравнивала наши индексы совместимости — мы должны подойти друг другу. Конечно, я сужу о тебе по досье, но мне кажется, в этом случае оно не лжет. Ты мне подходишь.

---

* Мифическое подводное чудовище, якобы обитавшее у побережья Норвегии.

— То есть?

— Я много думала о тебе. Пожалуй, я бы могла связать судьбу с гордецом и эгоистом, который разбирается в технике.

Я знал, что ресторан прослушивается, а Кэрол просто не могла об этом не знать. Следовательно, она не случайно завела этот разговор именно здесь.

— Извини,— сказал я.— Слишком внезапно. Дай мне как следует подумать.

— Почему бы нам не отдохнуть где-нибудь вдвоем? Там и подумаешь.

— Где?

— Ну, хотя бы на Шпицбергене.

Выдержав паузу, я сказал:

— Идет.

— Мне надо часа полтора на сборы.

— Ого! Я-то думал, ты имеешь в виду уик-энд. Нет, до конца недели я не могу. Надо еще проверить аппаратуру, да и вахтенное расписание...

— Но ведь ты закончил свою работу.

Я перешел к десерту — кофе и отменному яблочному пирогу с кедровыми орешками. Не отрываясь от чашки, я медленно покачал головой.

— Я могу договориться, чтобы тебя на денек-другой освободили от вахты,— заметила Кэрол.— Беды не будет.

— Извини, но я не люблю оставлять недоделки. Давай подождем с пикником до конца недели.

Она помолчала, размышляя.

— Ну ладно.

Я кивнул, доедая пирог.

«Ну ладно» вместо «да» или «договорились»... Ключевая фраза? Впрочем, мне было уже все равно.

Мы направились к выходу. Кэрол шла чуть впереди. Я услужливо распахнул перед ней дверь, и с той стороны мне навстречу шагнул человек.

Кэрол остановилась и обернулась.

— Не надо ничего говорить,— попросил я.— Я замешкался — и влип. Не трать время на перечисление моих

прав — я знаю их не хуже тебя.— В руке у мужчины сверкнула сталь, и я поднял руки, добавив: — С Новым годом!

Но Кэрол все равно процитировала уголовный кодекс, избегая моего хмурого взгляда.

Черт бы побрал мою медлительность! Ее предложение было слишком заманчивым, чтобы походить на правду. Интересно, рассеянно подумал я, легла бы она со мной в постель, если бы этого требовали обстоятельства? Она была права насчет того, что моя работа на «Аквине» закончена. Я собирался «смазать пятки» и позаботиться о кончине Альберта Швейцера в ближайшие двадцать четыре часа.

— Придется тебе все-таки лететь на Шпицберген сегодня,— сказала Кэрол.— Там у нас более подходящая обстановка для допроса.

Как бы уклониться от этого любезного приглашения? М-да...

Словно прочитав мои мысли, она заявила:

— Судя по всему, ты небезопасен, поэтому полетишь в сопровождении опытных людей.

— Так ты не составишь мне компанию?

— Боюсь, что нет.

— Нет так нет. В таком случае нам остается только проститься. Досадно, что не удалось узнать тебя поближе.

— Не придавай значения моим словам,— улыбнулась она.— Просто надо же было как-то сбить тебя с толку.

— Не буду. Но я так и останусь твоей неразгаданной тайной.

— Прошу прощения, мы должны надеть на вас наручники,— сказал мужчина.

— Ну разумеется.

Я протянул к нему руки, но он возразил почти виновато:

— Нет, сэр. Руки за спину, пожалуйста.

Я выполнил его просьбу, однако, поворачиваясь, успел бросить взгляд на «браслеты». Они оказались довольно старомодными — такие штампуют по госзаказу. Если как следует прогнуться назад, можно переступить через цепоч-

ку, и тогда руки окажутся впереди. А там, если у меня будет секунд двадцать...

— Один вопрос, из чистого любопытства,— сказал я.— Ты выяснила, почему та парочка вломилась ко мне в каюту? Если не ответишь, мне придется мучиться бессонницей.

Кэрол закусила губу — видимо, колебалась. Но все-таки ответила:

— Они из Нью-Сейлема, «пузыря» на континентальном шельфе Северной Америки. Боялись, что «Румоко» расколет их сферу.

— Расколол?

Помолчав, она сказала:

— Не знаю. Нью-Сейлем пока молчит. Мы пытаемся с ним связаться, но помехи...

— Что?!

— У нас нет с ними связи.

— Ты имеешь в виду, что мы, возможно, уничтожили целый город?

— Нет. Ученые говорят, риск был минимален.

— *Ваши* ученые,— сказал я.— Их ученые наверняка были другого мнения.

— Разумеется,— кивнула она.— Их ученые с самого начала организовали проекту обструкцию. Они не верили нам и подсылали диверсантов. Пытались сорвать...

— Как жаль,— пробормотал я.

— Чего жаль?

— Не чего, а кого. Парнишку, которого я усадил под кипяток. Ну ладно, спасибо. Подробности узнаю из газет. Все, отправляй меня на Шпицберген. Прощай.

— Не сердись,— сказала Кэрол.— Я выполняю свой долг. По-моему, все правильно. Если ты действительно чист, как первый снег или как лебяжий пух, тебя вскоре отпустят. И тогда я буду не против, если ты вспомнишь наш недавний разговор.

Я усмехнулся.

— Я же сказал: прощай. Впрочем, спасибо, что избавила меня от бессонницы.

— Не надо меня презирать.

— А я и не презираю. Просто я никогда тебе не верил.

Она отвернулась.

— Спокойной ночи, леди. Жаль с вами расставаться, но ничего не поделаешь.

Меня проводили до вертолета. Помогли забраться в салон.

— Вы слишком впечатлительны.

— Если вас отпустят, вы увидитесь с ней?

— Я никогда с ней больше не увижусь,— мрачно ответил я.— И с вами тоже.

Человек с пистолетом усадил меня на заднее сиденье. Потом он и его приятель заняли места у иллюминатора и велели пилоту взлетать.

Затарахтел мотор, и мы взмыли в небо. Румоко внизу рыкнул и плюнул в небо огнем.

Ева, прости меня. Я не знал. Даже не подозревал, что такое может случиться.

— Нас предупредили, что вы опасны,— сказал человек с пистолетом.— Прошу не делать резких движений.

«Ave, atgue, avatgue*,— гулко простучало в моем сердце.— Двадцать четыре часа»,— мысленно напомнил я Швейцеру.

Забрав у Уэлша свой заработок, я возвратился на «Протей» и дней на десять зарылся в книги по дзэн-буддизму. К желанному успокоению это не привело, поэтому я отправился к Биллу Меллингсу и напился в стельку. Протрезвев, я с помощью его передатчика окончательно ликвидировал Альберта Швейцера. Биллу я наплел с три короба о красотке с огромными грудями.

Потом мы отправились на рыбалку. Это убило две недели.

В то время меня вообще не существовало на свете. Я стер Альберта Швейцера с лица земли. И часто ловил себя на том, что не хочу больше жить.

---

* *Здесь:* здравствуй и прощай *(лат.)*.

Когда убиваешь человека — пусть даже в безвыходной ситуации,— в душе остается ожог, постоянно напоминающий о ценности человеческой жизни.

Это произошло медленно и бесшумно. Есть на свете вирус, о котором многие и слыхом не слыхивали, но к которому я выработал иммунитет. Я сдвинул камень в перстне и выпустил вирус на волю. Только и всего. Я так и не узнал имен конвоиров и пилота. Даже не разглядел толком их лиц.

Вирус умертвил их за две минуты. Чтобы избавиться от наручников, мне потребовалось меньше двенадцати секунд. Я посадил вертолет у берега, искалечив его и растянув сухожилие у себя на запястье. Выбрался на сушу и пошел прочь.

Охранники и летчик выглядели так, будто их поразил инфаркт миокарда или атеросклероз мозга.

Обстоятельства требовали, чтобы я поглубже спрятался «в тень». Свое собственное существование я ценил чуточку выше, чем существование тех, кто брал на себя смелость причинять мне хлопоты. Но это отнюдь не означает, что мне не было невыразимо тошно.

Кэрол о многом догадается, думал я, но Центральный интересуется только фактами. Морская вода, проникнув в вертолет, скоро уничтожит вирус. Никто не докажет, что этих людей убил я. Тем более что тело Альберта Швейцера, судя по всему, при крушении вертолета было выброшено через люк и унесено отливом.

Если случайно я столкнусь с человеком, знавшим старину Аля, он, несомненно, обознается.

Мне совершенно нечего опасаться. И все-таки, возможно, я иду не тем путем. Мне по-прежнему чертовски тяжко.

Румоко Из Пучины дымится и растет, подобно голливудскому монстру, из тех, на которых отыгрываются и постановщики фантастических фильмов. Через несколько месяцев он угомонится. На него завезут плодородную почву, и перелетные птицы удобрят ее гуано. Люди высадят красные мангры для укрепления приливно-отливной

полосы и поселят на острове насекомых. Когда-нибудь таких островов будет целая цепь, если верить ученым.

Какое ужасное противоречие, скажете вы: создавать новое жизненное пространство для населения Земли и одновременно уничтожать старое, губя при этом тысячи людей!

Да, сейсмический удар повредил сферу Нью-Сейлема. Погибли очень многие. И тем не менее летом начнется создание нового вулканического острова — сына Румоко.

Жители Балтимора-II встревожены не на шутку, но следственная комиссия Конгресса установила, что причина нью-сейлемской катастрофы — в конструкционных недостатках сферы. Несколько подрядчиков привлечены к суду, а двое даже объявлены банкротами.

Все это не очень красиво и совсем не величественно, и я никак не могу простить себе, что посадил под душ того паренька. Насколько мне известно, он жив, хотя навсегда останется калекой.

В следующий раз будут приняты более действенные меры предосторожности, обещают ученые. Но за эти обещания я не дам и ломаного гроша. Я никому и ничему не верю.

Если погибнет еще один город, как погибла ты, Ева, то проект будет заморожен. Но я не верю, что навсегда. Его авторы и исполнители сумеют выйти сухими из воды и снова возьмутся за старое.

Пока мы, люди, способны на такое, я не смогу поверить, что для демографической проблемы нет иного решения, кроме создания островов.

Между прочим, я считаю, что в наше время плотность населения можно контролировать, как контролируется все на свете. За такой контроль я и сам проголосую, создав новую личность, и даже не одну,— пусть только объявят референдум. Пускай строят новые «пузыри», пускай осваивают околоземное пространство — но никаких Румоко. Людям еще рано играть в такие игрушки.

Вот почему я, Френсис С. Фицджеральд, даю слово: никогда из пучины морской не появится уродливая ма-

кушка третьего Румоко. Впервые с тех пор, как меня не стало, я возьмусь за серьезное дело не по просьбе Уэлша, а по собственной инициативе. И не потому, что я такой альтруист: просто мне кажется, я в долгу у человечества, на теле которого я паразитирую.

Пользуясь выгодами своего положения, я раз и навсегда покончу с искусственными вулканами.

Каким образом, спросите вы? В крайнем случае, превращу сына Румоко во второй Кракатау.

В последние недели Центральный (а значит, и я) узнал о вулканизме очень много нового. Я изменю расстановку ядерных зарядов. Рождение нового монстра будет сопровождаться сейсмическими толчками невиданной силы. Возможно, при этом погибнет немало людей. Но и без моего вмешательства Румоко-II уничтожит не меньше человеческих жизней, чем Румоко-I.

Надеюсь, на этот раз мне удастся проникнуть в верхний эшелон руководства проектом. Наверняка следствие, которое ведет Конгресс, вызовет значительные кадровые перестановки. Появится много вакансий. А если учесть, что я и сам могу создавать вакансии...

Человечеству будет за что благодарить отцов проекта, когда потрескается несколько сфер, а над Атлантикой вырастет огнедышащий Эверест.

Вас, читатель, забавляет моя самонадеянность? Смею заверить: я не бросаю слов на ветер.

Блесна полетела за борт. Билл глотнул апельсинового сока, а я — сигаретного дыма.

— Так, говоришь, инженер-консультант?

— Угу.

— А не страшновато?

— Не привыкать.

— Ну, ты молодчина. А я, знаешь, жалею, что в жизни ничего не случается.

— Не жалей. Оно того не стоит.

Я смотрел в пучину, способную порождать чудовищ. Волны лизали край восходящего солнца; ветер был ласков и прохладен. День обещал быть прекрасным.

— Так, говоришь, взрывные работы? — спросил он.— Занятно.

И я, Иуда Искариот, поглядел на него и сказал:

— У меня клюет. Давай-ка сачок.

— И у меня! Погоди-ка!

По палубе, точно пригоршня серебряных долларов, рассыпался день. Вытащив рыбину из воды, я убил ее ударом палки по голове. Чтобы не мучилась.

Снова и снова я твердил себе: «Тебя нет!» Но не мог в это поверить, как ни старался.

Ева, Ева... Прости меня, любовь моя. Хочется, чтобы на мой лоб снова легла твоя рука...

Как прекрасно это серебро! И волны — синие и зеленые. И свет. Как прекрасен свет!

Прости меня...

— Клюет!

— Спасибо.

Я подсек. «Протей» медленно несло течением.

Перед Рождеством я снова послал открытку Дону Уэлшу. Не спрашивайте, зачем я это сделал.

Песнопевец

После того как все разошлись, выслушав рассказ о происшедшем, а остатки останков убрали — еще долго после этого, пока тянулась ночь, поздняя, чистая, с множеством ярких звезд, двоившихся и мерцавших в прохладных водах Гольфстрима вокруг станции, я сидел в кресле на маленьком заднем дворике за моим жилищем, потягивал пиво из жестянки и следил за тем, как заходят звезды.

Чувства мои были в неприятном смятении, я еще не совсем четко представлял себе, что же делать дальше.

Продолжать расследование опасно. Конечно, я мог бы плюнуть на оставшиеся шероховатости, нерешенные маленькие загадки, беспокоившие меня: ведь то, что мне поручили, было выполнено. И хотя мною владело желание узнать побольше, я имел полное право поставить мысленно «Закрыто» на папке с этим делом, отправиться за гонораром, а затем жить припеваючи.

Что до моего беспокойства... Что ж, никто никогда не сможет все разузнать, никого не встревожат те незначительные детали, которые продолжают волновать меня. Я вовсе не обязан вести расследование дальше.

И все же...

Может быть, это и называется чувством долга. По крайней мере, именно оно само по себе заставляло меня действовать, и принуждение это маскировалось такими об-

щепринятыми словами, как «чувство долга» и «свобода воли».

Так ли это? Или все дело в том, что люди унаследовали мозг обезьяны — с глубокими извилинами, отвечающими за любопытство, которое может привести к добру — или худу?

Тем не менее я должен оставаться на станции еще некоторое время, хотя бы для того, чтобы не лишать свою легенду правдоподобности.

Я еще глотнул пива.

Да, надо бы получить ответы на те вопросы, которые меня волнуют. Извилины того требуют.

А еще надо повнимательнее осмотреться вокруг себя. Так мы и сделаем, решил я.

Я вытащил сигарету и принялся было прикуривать. И тут вниманием моим завладело пламя.

Я уставился на трепетные языки огня, осветившие ладонь и скрюченные пальцы левой руки, поднявшейся, чтобы защитить их от ночного ветерка. Пламя казалось чистым, как сами звезды, расплавленным и маслянистым.

Языки пламени были тронуты оранжевым с синим нимбом и время от времени открывали мерцающий вишневый фитиль, похожий на душу огня. А затем полилась музыка...

Музыка — это слово, по-моему, и подходило лучше всего, потому что по сути своей явление было скорее похоже именно на это, хотя в действительности являлось чем-то таким, с чем мне никогда не приходилось еще сталкиваться. Вообще это были не звуки в обычном понимании. Они всплыли во мне, как всплывают воспоминания, без каких-либо внешних стимулов, и не хватало силы самосознания, чтобы повернуть мысль к необходимости прийти в себя и соотнести действия со временем — как во сне.

Затем что-то приостановилось, что-то высвободилось, и чувства мои хлынули к кульминации. Не эмоции, а скорее состояние нарастающей эйфории, наслаждения, удивления — все это переполняло меня, сливаясь с нара-

стающим беспокойством. Что-то росло и что-то растворялось — но что это было на самом деле, я не знаю. Угнетающая красота и прекрасная угнетенность — и я был ее частью. Словно я испытывал нечто такое, что еще не доводилось мне испытать, нечто космическое, величественное и вездесущее, но игнорирующее все окружающее.

И все это усиливалось и усиливалось по своим собственным законам, пока я не согнул пальцы левой руки настолько, что их лизнуло пламя.

Боль моментально прогнала наркотический транс, и я, вскакивая на ноги, щелкнул зажигалкой; звук, словно предупреждение, ударил по мыслям. Я повернулся и побежал через искусственный остров к маленькой кучке зданий, в которых располагались музей, библиотека и контора.

Но в этот момент на меня опять что-то накатило. Только уже не чудное музыкоподобное ощущение, как несколько секунд назад; теперь это было нечто зловещее, несшее страх, ничуть не менее реальный оттого, что, насколько я понимал, он был иррационален.

Все это сопровождалось полным искажением ощущений. Меня шатало на бегу. Поверхность, по которой я бежал, будто колыхалась, звезды, здания, океан — все плыло, накатывалось прибоем и отступало, вызывая приступ тошноты. Несколько раз я падал, но тут же вскакивал и рвался вперед. Какое-то расстояние я, по-моему, преодолел ползком. Закрыть глаза? Ничего хорошего из этого не вышло бы: все корчилось, смещалось и путалось не только снаружи, но и внутри меня.

И все-таки мне необходимо было преодолеть всего лишь несколько сотен ярдов, несмотря на все эти чудеса, и наконец мои руки коснулись стены. Я нащупал дверь, толкнул ее и вошел внутрь.

Еще дверь — и я в библиотеке. Казалось, прошла вечность, прежде чем я нашарил выключатель.

Шатаясь, я добрел до стола и сразился с его ящиком, вытаскивая оттуда отвертку. Затем, стиснув зубы, на четвереньках добрался до дальнего экрана Информацион-

ной сети. Налетев на консоль управления, я успешно щелкнул выключателем, пробудив машину к жизни.

Потом, все еще на коленях, держа отвертку обеими руками, я освободил левую сторону панели от крышки. Крышка упала со стуком, больно отдавшимся у меня в голове. Но доступ к деталям был открыт. Три маленьких изменения в схеме, и я мог передать нечто, что в конечном итоге вольется в Центральный банк данных. Я решил, что сделаю эти изменения и отправлю два самых опасных куска информации — о том, что, как предполагал, имеет место и в конце концов связано с чем-то остаточным, чтобы послужить однажды причиной возникновения проблемы. Такой проблемы, которая причинит большой ущерб человеку — тому, что сейчас так учил меня.

— Вот что я задумал! — сказал я громко.— А теперь прекрати свои фокусы, или я выполню угрозу!

...И как будто с моего носа сняли искажавшие окружающее очки: вокруг снова была самая обычная реальность.

Я поднялся на ноги и закрыл панель.

Вот сейчас-то, решил я, как раз самое время для той сигареты, которую я начал было закуривать. После третьей затяжки я услышал, как во внешнюю дверь кто-то вошел.

Доктор Бартелми, невысокий, загорелый, с сединой на макушке, жилистый, ступил в комнату — голубые глаза широко открыты, одна рука слегка приподнята.

— Джим! Что стряслось?

— Ничего,— ответил я.— Ничего.

— Я видел, как вы бежали. И видел, как вы упали.

— Ага. Я решил пробежаться. Поскользнулся. Немного растянул связки. Ерунда.

— Но почему вы так спешили?

— Нервы. Я все еще расстроен. Решил пробежаться или сделать что-нибудь еще, чтобы привести в порядок нервишки. Ну, к примеру, смотаться сюда и взять книжку — почитать перед сном.

— Дать вам успокаивающего?

— Нет, все в порядке. Спасибо.

— А что вы делали у машины? Не стоит баловаться с...

— Боковая панель отвалилась, когда я проходил мимо. Хотел поставить ее на место,— махнул я отверткой.— Должно быть, ослабли винты.

— О...

Я шагнул вперед и приладил панель. Когда я затягивал винты, зазвонил телефон. Бартелми подошел к столу, нажал кнопку и ответил.

Через мгновение он сказал:

— Минуточку,— повернулся ко мне, кивнул: — Это вас.

— В самом деле?

Я встал, двинулся к столу, взял трубку, кинул отвертку обратно в ящик и задвинул его.

— Да,— сказал я в трубку.

— Порядок,— отозвался голос.— Я думаю, нам лучше потолковать. Вы навестите меня?

— А где вы?

— Дома.

— Ладно. Сейчас приду.— Я повесил трубку и повернулся к Бартелми.— Ну вот, и книга теперь не нужна. Сплаваю ненадолго к Андросу.

— Уже поздно. Вы уверены в себе?

— О, сейчас я чувствую себя превосходно,— ответил я.— Извините, что потревожил.

Казалось, Бартелми успокоился. По крайней мере, уступил и мрачно улыбнулся.

— Может, это мне надо пойти и принять лекарство,— проворчал он.— Когда такое случается... Знаете, вы напугали меня.

— Ну, что случилось, то случилось. И кончено.

— Вы правы... Как бы то ни было, приятного вам вечера!

Он повернулся к двери, и я вышел следом за ним, погасив свет, когда проходил мимо выключателя.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Бартелми зашагал по направлению к домам, а я двинулся к причалу, решив взять «Изабеллу».

Чуть позже я отошел от берега, по-прежнему недоумевая. Все эти странности, в конечном счете, вполне могли естественным образом соотноситься с проблемой человека.

Случилось это в мае — не так уж давно, хотя сейчас кажется, что прошли годы. Я сидел в глубине бара «У капитана Тони» в Ки-Уэсте, справа у камина, потягивая свое обычное пиво. Было уже чуть больше восьми, и я решил, что на этот раз, похоже, зря только потерял время, когда в бар через широкую переднюю арку вошел Дон.

Он огляделся, скользнул по мне взглядом, отыскал свободный табурет в переднем углу бара, занял его и что-то заказал. Нас разделяло много людей, и к тому же группа музыкантов вернулась к подиуму позади меня и начала новую песню, так что мы поначалу просто-напросто сидели там и осматривались.

Через десять — пятнадцать минут Дон поднялся и пошел к задней стене вдоль дальней стороны бара. Немного спустя он повернул обратно и оказался рядом со мной. Я ощутил его руку на своем плече.

— Билл! А что вы здесь делаете?

Я поднялся, приветствуя его, и улыбнулся:

— Сэм! Господи!

Мы пожали друг другу руки.

— Здесь слишком шумно, и нам не дадут поболтать,— сказал он затем.— Пойдем куда-нибудь.

— Хорошая мысль.

Немного погодя мы оказались на темном и пустынном берегу залива, пахнущего соленым дыханием океана. До нас доносился лишь шум прибоя да стук случайных капель. Мы остановились и закурили.

— Вы знаете, что Флорида продает отсюда свыше двух миллионов тонн урана ежегодно? — спросил он.

— По правде говоря, нет.

— Поверьте... А что вы слышали о дельфинах?

— Ну, с этим легче,— ответил я.— Прекрасные дружелюбные существа, настолько хорошо приспособленные к

окружающей среде, что не причиняют ей никакого вреда и в то же время всецело наслаждаются жизнью. Они разумны, они вообще не проявляют никаких признаков злобности. Они...

— Достаточно.— Сэм поднял руки.— Не сомневался, что вы это подчеркнете. Вы иногда сами напоминаете мне дельфина — так же скользите по жизни, не оставляя ни следа, в поисках того, за чем я вас посылаю...

— Не забудьте дать мне рыбки.

Он кивнул:

— Договор обычный. И задание вроде бы относительно легкое: определение по принципу «да» или «нет», оно не отнимет много времени. Происшествию всего несколько дней, и то место, где оно случилось, совсем рядом.

— О! Кто же в нем замешан?

— Я хотел бы разобраться в деле, касающемся дельфинов, обвиненных в убийстве.

Если Сэм предполагал, что я что-то скажу на это, то его ждало разочарование. Я раздумывал, припомнив новости прошедшей недели. Два водолаза погибли в то же самое время, когда в округе наблюдалась необычная активность дельфинов. Люди были искусаны животными, чьи челюсти, судя по следам, напоминали челюсти дельфинов, обычно посещавших эти парки и иногда даже селившихся в них. Тот же парк, в котором произошел инцидент, был закрыт до выяснения обстоятельств дела. Свидетелей нападения, насколько я помнил, не было, и ни в одной газете я не мог найти следов, чем же кончилась вся эта история.

— Я серьезно говорю,— добавил он наконец.

— Один из тех ребят был опытным проводником, отлично знавшим весь этот район, не так ли?

Сэм просиял — это было заметно даже в темноте.

— Да, Мишель Торнли... Он, можно сказать, работал еще и проводником. Служащий «Белтрайн Процессинг» — подводный ремонт и обслуживание добывающих заводов компании. Бывший военный моряк. Человек-лягушка. Крайне квалифицированный. Другой парень, его приятель с Андроса, был новичком в подводном деле — Руди Майерс. Они вышли вместе в необычный час и отсутствовали очень долго. В то же время было замечено несколько дельфинов, быстро поднимавшихся с глубин. Они перепрыгивали «стену», вместо того чтобы проходить сквозь «калитку». Другие дельфины пользовались обычными проходами, а эти были не в себе, словно сумасшедшие. В течение нескольких минут все дельфины покинули пределы парка. Когда служащие отправились на поиски Майка и Руди, то они нашли трупы.

— А как дело попало к вам?

— Институт дельфинологии заявил, что это поклеп на их подопечных. Они утверждают, что в истории не зарегистрировано подлинно достоверного случая неспровоцированного нападения дельфина на человека. И они не желают, чтобы этот факт лег в досье в Центральном банке данных, если на самом деле ничего подобного не было.

— Ну, возможно, в гибели людей виновато какое-то другое животное. Испугавшее заодно и самих дельфинов.

— У меня нет никакой версии,— проговорил Дон, закуривая.— Но ведь совсем не так уж давно запретили убивать дельфинов во всех странах мира и по-настоящему оценили работы таких людей, как Лилли, чтобы развернуть широкомасштабные работы, нацеленные на изучение этих существ. Как вам, должно быть, известно, они привели к некоторым поразительным результатам. Извечная проблема, действительно ли дельфины настолько же разумны, как люди, стояла недолго. Установлено, что они высокоразумны — хотя разум их совершенно другого типа, чем наш, так что, возможно, полного сходства не может быть ни в чем. Именно это и лежит в основе взаимного непонимания. Таким образом, наш клиент полностью отрицал выводы, сделанные из происшедшего,— то есть утверждение о том, что могучие, свободно организованные дельфины по характеру своего разума могли стать врагами человеку.

— Так значит, Институт нанял вас, чтобы разобраться?

— Неофициально. Мне сделали это предложение потому, что характер происшедшего требует действий и уче-

ного, и сыщика. Вообще-то основным инициатором была состоятельная пожилая дама, интересы которой совпадают с интересами Института: миссис Лидия Барнс, бывший президент Общества друзей дельфинов — неправительственной организации, боровшейся за принятие законодательства о дельфинах несколько лет тому назад. Она-то и платит мне гонорар.

— А какого рода роль вы решили отвести в этом деле мне? — поинтересовался я.

— «Белтрайну» понадобится принять кого-нибудь на место Мишеля Торнли. Как считаете, справитесь с этой работенкой?

— Может быть. Расскажите-ка мне поподробней о «Белтрайне» и парнях.

— Ну,— начал Сэм,— насколько помнится, где-то около поколения назад доктор Спенсер из Харвела доказал, что гидроокись титана может вызывать химическую реакцию, в ходе которой атомы урана выделяются из морской воды. Однако стоило это дорого и не получило практического воплощения до тех пор, пока Сэмюэл Белтрайн не выступил со своей экранной технологией, организовал маленькую фирму и быстро превратил ее в большую — с уранодобывающими станциями вдоль всего этого участка Гольфстрима. Его процесс был полностью чистым с точки зрения окружающей среды: Белтрайн занялся бизнесом в то время, когда общественное давление на промышленность было таким, что некоторые экологические жесты концернов были весьма щедрыми. Итак, он выделил немало денег, оборудования и рабочего времени на создание четырех подводных парков в окрестностях Андроса. Участок барьерного рифа делал один из них особенно привлекательным. Белтрайн сотрудничал с учеными, изучающими дельфинов, и в парках обосновывались лаборатории. Каждый из четырех районов был окружен «звуковой стеной» — ультразвуковым барьером, который удерживал всех обитателей района внутри и не пускал туда посторонних — если говорить о больших животных. Единственное исключение — люди и дельфины. Кое-где

в стене располагались «звуковые калитки» — пара ультразвуковых занавесов в нескольких метрах друг от друга, которые имели простое управление, находившееся внизу. Дельфины оказались способны научить друг друга обращению с этими приспособлениями и были достаточно воспитанны, чтобы закрывать за собою дверь. Они сновали туда-сюда, приплывали в лабораторию по своему желанию, чтобы учиться и, я думаю, обучать исследователей.

— Стоп,— перебил я.— А как насчет акул?

— Из парков их вышибли в первую очередь. Дельфины даже помогали изгонять их. Лет десять прошло с тех пор, как избавились от последней акулы.

— Понятно. Скажите, а для компании эти парки обременительны?

— Вообще-то нет. Сейчас ее работники заняты лишь обслуживанием размещенного там оборудования.

— А многие служащие «Белтрайна» работают в парках проводниками?

— Немногие и не на полный день. Они посещают те районы, которые хорошо знают, и владеют всеми необходимыми навыками.

— Я бы хотел ознакомиться с заключением медицинской экспертизы.

— Пожалуйста, все здесь, вместе со снимками трупов.

— Теперь насчет человека с Андроса, Руди Майерса. Чем он занимался?

— Закончил медучилище. Посещал больных по вызову. Неоднократно его арестовывали по обвинению в кражах у пациентов. В первый раз следствие прекратили. Во второй — отсрочка в исполнении приговора. А впоследствии — нечто вроде отстранения от работы. Это случилось лет шесть-семь назад. Потом перепробовал множество мелких работ, ничем себя не скомпрометировав. Последнюю пару лет работал на острове в чем-то вроде бара.

— Что вы имеете в виду — «вроде бара»?

— Ну, лицензию там взяли только на продажу алкоголя, однако торговали и наркотиками... Тем не менее шума никто не поднимал.

— Как назывался бар?

— «Чикчарни».

— Что это значит?

— Персонаж местного фольклора. Разновидность древесного духа. Озорник. Ну, вроде эльфа.

— Достаточно колоритно... А не на Андросе ли поселилась Марта Миллэй?

— Да, на нем.

— Я ее поклонник. Люблю подводные съемки, а ее работа всегда превосходна. На самом деле она даже издала несколько книг о дельфинах. Кто-нибудь поинтересовался ее мнением об убийствах?

— Сейчас она в отъезде.

— О, надеюсь, скоро вернется. Я бы хотел с ней познакомиться.

— Значит, вы беретесь за работу?

— Да, я в ней нуждаюсь.

Сэм полез в пиджак, достал тяжелый сверток и протянул его мне.

— Здесь копии всего, чем я располагаю.

Я опустил сверток себе в карман и повернулся.

— Приятно было повидаться.

— Уже уходите?

— Куча дел.

— Тогда — удачи!

— Спасибо.

Я пошел налево, он пошел направо — вот и все, что было потом.

Станция-Один представляла собой нечто вроде нервного центра того района. Прежде всего, она была больше всех других добывающих станций; на ее поверхности располагались контора, несколько лабораторий, музей, амбулатория, жилые помещения и несколько комнат для отдыха. Целый искусственный остров, неподвижная платформа около семисот футов протяженностью, обслуживавшая восемь других фабрик района. Она располагалась в виду Андроса, крупнейшего из Багамских островов, и

если вам нравится обилие воды вокруг вас так же, как и мне, вы нашли бы панораму мирной и более чем привлекательной.

Из инструктажа в первый день по приезде я узнал, что мои обязанности на треть рутинны, а на две трети определяются волей случая. Рутинной частью был осмотр и техническое обслуживание оборудования. Остальное — непредвиденные ремонты, пополнение запасов, словом, работенка для подводного мастера на все руки, которая производится тогда, когда возникает необходимость.

Руководитель станции Леонард Бартелми лично встретил меня и показал все вокруг. Этот вежливый невысокий человек, который получал наслаждение от разговора о своей работе, среднего возраста, овдовевший, сделал станцию своим домом. Первым, кому он представил меня, был Фрэнк Кашел; тот сидел в главной лаборатории, поедая сандвич и наблюдая за ходом какого-то эксперимента.

Фрэнк поклонился, с улыбкой встал и пожал мне руку, когда Бартелми представил меня:

— Наш новый сотрудник, Джеймс Мэдисон.

На смоляные волосы Кашела уже пала легкая седина, и несколько морщин подчеркивали его челюсти и скулы.

— Рад иметь вас под рукой,— сказал он.— Поглядывайте, не попадутся ли хорошенькие камешки, приносите мне веточку-другую кораллов. Мы заживем прекрасно.

— У Фрэнка хобби — коллекционирование минералов,— пояснил Бартелми.— Это он автор выставки в музее. Мы пойдем туда через несколько минут, и вы сами увидите. Это весьма интересно.

Я кивнул:

— Ладно. Постараюсь что-нибудь для вас найти.

Когда мы вышли, Бартелми заметил:

— Он делает деньги на стороне, продавая на выставках лучшие самоцветы. Рекомендую вспомнить это, прежде чем отдавать ему слишком много свободного времени и интересных образцов.

— О-о...

— Я имею в виду, что, если вы почувствуете, что нашли действительно ценную вещь, вы должны дать ему понять, что хотите иметь определенный процент.

— Ясно. Спасибо за подсказку.

— Не поймите меня превратно, Фрэнк прекрасный парень, только слегка рассеянный.

— Давно он здесь живет?

— Около двух лет. Геофизик. И очень авторитетный.

Затем мы остановились у склада оборудования, где я познакомился с Энди Димсом и Полом Картером. Первый — худощавый, со зловещим шрамом на левой щеке, таким, что даже густая борода не скрывала его полностью; другой — высокий, красивый, гладколицый, довольно тучный. Энди и Пол чистили какие-то цистерны, когда мы вошли, и, вытерев руки, после обязательного рукопожатия заявили, что рады со мной познакомиться. Они занимались той же работой, что предстояла и мне, а в штате числились четыре таких работника, занятые делом попарно. Четвертым был Пол Валонс, который с Рональдом Дэвисом, старшим по судну, укладывал свертки с инструментом в буй. Пол, как я узнал, был напарником Майка, они дружили еще с флотских времен. Я должен был с ним работать большую часть времени.

— Скоро вы сами себя доведете до такого же скотского состояния,— жизнерадостно бросил Картер, когда мы подошли.— Наслаждайтесь же своим свободным утром, срывайте бутоны роз!

— Ты злишься потому, что вспотел до неприличия,— заметил Димс.

— Скажи это моим железам.

Когда мы пересекали остров, Бартелми заметил, что Димс был самым способным подводником из всех, кого он знал. Когда-то он жил в одном из подводных городов-пузырей, потерял жену и дочь из-за аварии, вызванной проектом «Румоко», и остался наверху. Картер приехал сюда с Западного побережья около пяти месяцев назад сразу после развода или ухода из семьи — он не говорил об этом. С той поры он работал в «Белтрайн» и стал отличным связистом.

Бартелми неспешно повел меня через вторую лабораторию, которая освободилась только сейчас, чтобы я мог восхититься огромной светящейся картой морей вокруг Андроса, бусинками света, показывающими размещение и состояние оборудования, поддерживавшего ультразвуковые стены вокруг парков и станций. Я видел, что мы находимся в границах, охватывающих ближайший парк.

— В котором из них случилось несчастье? — спросил я.

Он повернулся ко мне, внимательно изучил выражение моего лица, а затем показал, не выдавая никаких чувств:

— Дальше, вон там. По направлению к северо-восточному концу парка. Что вы об этом слышали?

— То, что говорили в последних новостях,— ответил я.— А что, обнаружилось что-либо новое?

— Нет. Ничего.

Кончиком пальца я нарисовал перевернутую букву «Л» по лампочкам, ограничивающим район.

— А «дырки» в стене нету?

— Никаких неисправностей оборудования не было давным-давно.

— Думаете, виноваты дельфины?

Он пожал плечами:

— Я химик. Химик, а не специалист по дельфинам. Но вот что поразило меня — откуда-то я это вычитал... Дельфин дельфину рознь. Обычные дельфины вполне мирные, возможно, с разумом, равным нашему собственному. Но ведь они тоже должны подчиняться закону распределения: огромное количество обычных особей в середине кривой, некоторое количество негодяев и идиотов на одной стороне и гениев — на другой. Возможно, есть среди них слабоумные, которые не в состоянии осознать своих действий. Или с комплексом Раскольникова. Большая часть того, что нам известно о дельфинах,— результат изучения обычных, «средних» образцов. А что мы знаем об отклонениях в их психике? Да ничего! — И Бартелми снова пожал плечами.— Итак, я думаю, что это возможно,— заключил он.

Тогда я вспомнил о подводных городах-пузырях и людях, которых никогда не встречал, и подумал о том, что дельфины всегда чувствовали подлость, вину и гнусность тех дьявольских затей. Я загнал эту мысль назад, туда, откуда она пришла, но только тогда, когда Бартелми сказал:

— Я надеюсь, вы не слишком обеспокоены?

— Удивлен,— ответил я,— но и обеспокоен тоже. Естественно.

Он повернулся, а когда я последовал за ним к двери, заметил:

— Ну, следует запомнить, что, во-первых, это случилось довольно далеко отсюда, в самом парке. У нас там нет действующего оборудования, так что ваши обязанности не приведут вас сколько-либо близко к тому месту. Во-вторых, команда из Института дельфинологии обыскала весь район, включая и наши здешние постройки, с использованием подводного поискового снаряжения. В-третьих, вплоть до дальнейших распоряжений будет продолжаться ультразвуковая локация вокруг любого района, где хоть один из наших друзей будет совершать погружения,— а акулья клетка и декомпрессионная камера используются при всех спусках под воду. И пока точной разгадки нет, все начеку. К тому же вы получите оружие — длинную металлическую трубу с зарядом и гранатой, этого вполне достаточно, чтобы убить и взбесившегося дельфина, и акулу.

— Хорошо,— сказал я, кивнув, когда мы направились к следующей группе зданий,— это позволит мне чувствовать себя увереннее.

— В любом случае я заговорил бы об этом немного погодя,— сказал Бартелми.— Я все думал, как бы поаккуратнее выложить вам это. Так что у меня на душе тоже полегчало... Эта часть зданий — контора. Сейчас она пуста.

Он толкнул открытую дверь, и я последовал за ним: столы, перегородки, кабинетная начинка, конторская механизация, кондиционер — ничего необычного и, как уже

было сказано, ни человека внутри. Мы прошли по центру помещения к двери в дальнем конце и пересекли узкий проход, отделяющий соседнее здание.

— Наш музей,— объяснил мой проводник.— Сам Бертрайн считал, что будет чудесно иметь свой маленький музей и показывать его посетителям. Он полон морской всячины, так же как и моделей нашего оборудования.

Я огляделся. По крайней мере, модели оборудования не производили зловещего впечатления. Пол был покрыт зеленым ковром, и миниатюрная модель станции находилась на столообразной подставке вблизи передней двери; показывалось и все ее оборудование. Полки на стене позади нас демонстрировали наиболее важные ее узлы, и там же располагались планшеты с краткими пояснениями.

А еще там были древняя пушка, два фонаря, несколько пряжек от поясов, пригоршня монет, какая-то проржавевшая кухонная утварь — трофеи вековой давности с судна, что все еще лежало на дне не особенно далеко от станции, если верить карте.

У противоположной стены на подставках стояли несколько скелетов крупной океанской живности, а на стене — много маленьких, а также цветные рисунки и прекрасные образцы морской фауны: от тонких колючих рыбешек до дельфинов и вплоть до полноразмерного макета, к которому я решил вернуться несколько позднее, когда появится свободное время. Там был и огромный отдел, включавший выставку минералов Фрэнка Кашела, аккуратно оформленную и снабженную ярлыками, отделенную от выставки рыб окном и поднятой немного высоковато, но все-таки привлекательной акварелью под названием «Очертания Майами».

— О, Фрэнк — художник? — заметил я.

— Нет, это его жена, Линда,— отозвался Бартелми,— сейчас вы с ней познакомитесь... Она за следующей дверью. Наш библиотекарь и делопроизводитель.

Когда мы прошли в дверь, ведущую в библиотеку, я увидел Линду Кашел. Она читала, сидя за столом, и подняла голову при нашем появлении. На вид ей было лет двад-

цать пять. Длинные волосы, выгоревшие на солнце и зачесанные назад, держались заколкой с камушком. Синие глаза на продолговатом лице с ямочкой на подбородке, нос с легкой горбинкой, брызги веснушек и очень ровные, очень белые зубы были продемонстрированы нам, когда Бартелми поздоровался и представил меня.

— Иногда вам может понадобиться книга,— сказала Линда. Я посмотрел на полки, витрины, оборудование.— У нас хорошие стандартные справочники, которыми пользуются постоянно. Я могу получить факсимильные копии чего угодно, если вы предупредите меня заранее, скажем, за день. Есть и несколько полок обычной беллетристики, легкого чтива,— она показала на стеллаж у переднего окна.— А вон там, справа от вас, хранилище кассет: в основном записи подводных шумов, голоса рыб и прочее — отчасти для самообразования, отчасти для национального Научного фонда, и наконец музыкальные записи для нашего собственного развлечения. Все внесено сюда, в каталог.— Линда поднялась и хлопнула по картотечному ящику, показав на ключ указателя у него сбоку.— Если вам захочется что-нибудь взять, а вокруг никого нет, я пойму, что вы были у меня, если вы запишете номер книги, имя и дату в этот журнал,— она показала конторскую книгу в углу стола.— И если вы хотите задержать что-нибудь подольше, чем на неделю, пожалуйста, намекните мне об этом. Здесь есть еще ящик с инструментами — самый нижний ящик стола, на случай если вам когда-нибудь понадобятся, к примеру, плоскогубцы. Но не забудьте потом положить их на место. Вот вроде бы и все... У вас есть вопросы?

— Вы много рисуете? — спросил я.

— О,— промолвила она, снова усаживаясь,— вы видели мою мазню. Боюсь, что за той дверью — единственный музей, в котором хранится моя работа. Но я отношусь к этому спокойно. Я знаю, что мне плохо удаются такие вещи.

— А мне понравилось.

Она скривила рот:

— Когда я стану старше и мудрее, то, быть может, попробую написать что-нибудь снова. Что-нибудь с водой и горизонтом.

Я улыбнулся, потому что не мог придумать, что сказать еще,— и она тоже. Потом мы ушли, и Бартелми дал мне потратить остаток дня на то, чтобы заселиться в коттедж, где раньше жил Майк Торнли.

После ленча я отправился к Димсу и Картеру, чтобы помочь им в складе оборудования. В результате мы управились быстро. Поскольку до обеда было еще далеко, они предложили мне сплавать, посмотреть затонувший корабль.

Он находился где-то в четверти мили к югу, за «стеной», на глубине около двадцати фатомов — вернее, то, что от него осталось. Жутковатый, как обычно выглядят подобные вещи, освещенный колеблющимися лучами наших фонарей. Сломанная мачта, треснувший бушприт, кусок палубной обшивки и расколотый орудийный лафет, торчащие из ила; стайка мелкой рыбешки, которую мы вспугнули где-то не то у корпуса корабля, не то в нем самом; несколько пучков водорослей, колышущихся в струях течения,— вот и все, что осталось от чьих-то надежд на успешное плавание, от долгих трудов неизвестных корабелов и, может быть, нескольких людей, последние взоры которых ловили ужасные картины то ли штормов, то ли схватки, а затем все заполонили неожиданно распахнувшиеся холодные объятия серо-зеленых вод...

Может быть, они шли морем, намереваясь пообедать на Андросе, как сделали это мы, закончив погружение. Мы ели на скатерти в красную и белую клетку в баре близ побережья — только здесь было сосредоточено все, что делал человек на острове; внутренняя же территория Андроса была защищена мангровыми топями, лесами из пиний и красного дерева, населена разнообразными птицами.

Еда была хороша, а я проголодался. Потом мы еще посидели, покурили и поболтали. Я все еще не познако-

мился с Полом Валонсом, хотя по графику должен был работать с ним в паре уже завтра. Я поинтересовался у Димса, что из себя представляет мой напарник.

— Здоровый парень,— ответил он,— почти с тебя ростом, только красавчик. Характер замкнутый. Прекрасный водолаз. Они с Майком каждую неделю уезжали на уик-энд, облазали все Карибские острова. И держу пари, у него на каждом острове по девчонке.

— А вообще, как он?

— Да ничего вроде. Я же говорю, характер у него скрытный, он не больно-то и показывает свои чувства. Они с Майком были давнишними друзьями.

— А что вы думаете насчет смерти Майка?

В разговор вмешался Картер.

— Это один из тех проклятых дельфинов,— сказал он.— Никогда не следует валять с ними дурака. Однажды один из них, чертова скотина, проскочил подо мной и чуть меня не разорвал!

— Они ребячливы,— возразил Димс,— и зла не замышляют.

— А я думаю, замышляют! И эти их гладкие, скользкие туши, похожие на мокрые аэростаты. Отвратительно!

— Ты к ним несправедлив. Они игривы, как щенята. И возможно, это имеет какой-то сексуальный подтекст...

— Дряни! — бросил Картер.— Они...

Раз уж я положил начало этому спору, то мне и тему менять, и я спросил: правда ли, мол, что Марта Миллэй живет неподалеку отсюда?

— Да,— подтвердил Димс, ухватившись за удобный повод прекратить спор.— Она живет здесь, в четырех милях ниже по побережью. Она мне показалась очень ловкой и изящной, хотя я видел ее только один раз. У нее свой маленький порт. Гидроплан, парусное судно, приличного размера закрытый катер и парочка небольших, но мощных моторок. Живет одна в длинном низком здании прямо у самой воды. Туда даже дороги нет.

— Мне страшно нравятся ее работы. Вот бы как-нибудь с ней встретиться...

Он покачал головой:

— Держу пари, что ничего не выйдет. Она терпеть не может людей. У нее даже телефона нет.

— Жаль. А вы не знаете, почему это так?

— Ну...

— Она уродина,— заявил Картер.— Я встретил ее однажды. Она стояла на якоре, а я плыл мимо к одной из станций. Это было до того еще, как я про нее узнал, поэтому я подплыл ближе — всего-навсего поздороваться. Она что-то сказала сквозь стеклянное дно своей лодки, а когда увидела меня, то начала визжать и кричать, чтобы я убирался, что я распугаю ей всю рыбу. И она сорвала брезент и накинула себе на ноги. Но поздно — я успел разглядеть. Симпатичная, нормально выглядящая женщина — выше пояса. А вот ноги ее скрючены и безобразны. Я был настолько смущен, что не знал, что и сказать. Только выдавил: «Простите!» — махнул рукой и уплыл.

— Я слышал, что она вообще не может ходить,— добавил Димс,— хотя, говорят, отлично плавает. Я никогда не видел этого сам.

— А что, это после аварии, или как?

— Авария тут ни при чем, насколько я понимаю. Миллэй наполовину японка, и я слыхал о том, что мать ее ребенком жила в Хиросиме. Видимо, пострадала наследственность.

— Печально.

— Да.

Мы встали и отправились назад. Позже я долго лежал без сна, размышляя о дельфинах, затонувших кораблях, утопленниках, полулюдях и Гольфстриме, который разговаривал со мной через окно. Наконец я стал вслушиваться в него, он подхватил меня, и мы вместе дрейфовали в темноту, куда бы в конце концов он ни направлялся.

Пол Валонс оказался, как и говорил Энди Димс, почти моего роста и красавчик, будто с рекламного плаката. Некоторые парни способны завоевывать все вокруг себя. Димс не ошибся и насчет необщительности. Пол был не особенно разговорчив, хотя это не выглядело проявлением недружелюбия. Что же касается его способностей водо-

лаза, я не мог оценить их в первый день, отработанный с ним, потому что мы оба были заняты на берегу, пока Димс и Картер уплыли к Станции-Три... И снова склад оборудования...

Я не думал, что это здорово — толковать с ним о дельфинах; уж скорее разговор следовало вести о делах более насущных и вместе с тем достаточно общих. Так прошло утро.

После завтрака, однако, когда я начал загадывать вперед, пересматривая свои планы на вечер, я решил, что о «Чикчарни» от него можно узнать гораздо больше, чем от кого-либо другого.

Пол опустил клапан, который прочищал, и уставился на меня.

— Для чего вам эта забегаловка?

— Слышал, как ее поминали,— ответил я,— вот и захотелось поглядеть.

— Там торгуют наркотиками без лицензии,— сказал он,— торгуют бесконтрольно... Если вы захотите перекусить, то нет никакой гарантии, что вам не попадется. какое-нибудь дерьмо, сваренное в чулане деревенским дурачком.

— Тогда ограничусь банкой пива. Все же хочется взглянуть на это место.

Он пожал плечами:

— Не слишком там много такого, на что стоит посмотреть. Не здесь...

Пол вытер руки, оторвал с настольного календаря листок и быстро набросал дорогу. Я увидел, что бар располагался чуть в глубине острова, поближе к болотам, птицам и мангровым чащам, к югу от того места, где я был прошлым вечером. Бар следовало искать на реке, здание располагалось над водой на сваях, сообщил мне Пол, и я мог подвести лодку прямо к причалу, примыкавшему к нему.

— Думаю съездить туда сегодня вечером,— проговорил я.

— Помните, что я вам сказал.

Я кивнул, сворачивая «карту».

Вторая половина дня закончилась быстро. Нагнало тучи, прошел короткий дождь — буквально на четверть часа,— и затем солнце вернулось, чтобы высушить палубы и свежевымытый мир. Я принял душ, сменил одежду и отправился на поиски лодки.

Рональд Дэвис, высокий темноволосый человек с диалектом Новой Англии, сказал, что я могу взять быстроходную моторку, пожаловался на свой артрит и пожелал хорошо провести время. Я кивнул, развернул моторку в сторону Андроса и пошлепал туда, надеясь, что в «Чикчарни» помимо наркотиков есть и что перекусить: не хотелось терять времени, останавливаясь где-нибудь еще.

Море было спокойным, и чайки ныряли и вертелись, издавая хриплые крики, когда волны, поднятые моторкой, достигали их заповедных краев. У меня не было никаких идей насчет того, что делать потом. Я не любил действовать подобным образом, но иного выбора просто не было. Не было настоящего плана работ, не было ни единой зацепки. Поэтому я решил набрать как можно больше информации, причем побыстрее. Именно скорость казалась мне особенно необходимой, когда нет идей и нет даже наметок предстоящего решения.

Андрос вырастал передо мной. Я определил свои координаты от места, где мы ели вчерашним вечером, затем отыскал устье реки, которое Валонс набросал для меня на карте.

Поиски заняли минут десять, и я сбавил газ и медленно последовал по извилистому руслу. Время от времени я поглядывал на отвратительную дорогу на левом от меня берегу. Листва разрасталась все гуще и гуще, и наконец я полностью потерял ее из виду. В конце концов ветви сомкнулись над моей головой, спрятав меня на несколько минут в аллее и в преждевременных сумерках, прежде чем река снова повернула, заставив обогнуть угол и открыв то место, которое мне нарисовали.

Я направился к причалу, к которому было пришвартовано несколько других лодок, привязал свою, взобрался

на пирс и огляделся. Здание справа от меня — единственное внешне похожее на маленький сарай и вытянувшееся над водой — было срублено из дерева и так покрыто заплатами, что я усомнился, осталось ли что-нибудь там от материала первоначальной постройки. Около него стояло с полдюжины экипажей, и выцветшая надпись гласила, что название бара — «Чикчарни». Продвинувшись вперед, я поглядел налево и решил, что дорога, мимо которой я проплывал, лучше, чем я предполагал.

Бар из красного дерева выглядел так, как будто перенесен сюда с борта какого-то океанского лайнера. По всему помещению было расставлено восемь или десять столов, несколько из них были заняты. Слева от стойки висела дверная занавеска. Кто-то нарисовал вокруг нее грубый нимб из туч. Я подошел к стойке. Бармен, толстяк, который нуждался в бритье вчера точно так же, как и днем раньше, положил газету и поднялся.

— Что закажем?

— Пива,— ответил я.— И, если можно, что-нибудь перекусить.

— Минуточку.

Он двинулся дальше вниз; щелкнул маленький холодильник.

— Сандвич с рыбкой и салатом устроит?

— Вполне.

— И хорошо. Потому что это все, что у нас есть.

Он приготовил сандвич и протянул мне, пододвинул и пиво.

— Это вашу лодку я слышал только что?

— Верно.

— В отпуск?

— Нет. Я только что устроился на Станцию-Один.

— О, водолаз?

— Да.

Бармен вздохнул:

— Значит, вы вместо Майка Торнли. Бедняга.

Я предпочитаю в подобных случаях слово «преемник», потому что оно кажется более подходящим для человека

и не напоминает процедуру замены изношенной детали. Но я просто кивнул:

— Да, наслышан, паршиво.

— Он часто бывал здесь.

— Тот парень, с которым он погиб, тоже работал здесь?

— Ага. Руди. Руди Майерс. Работал здесь пару лет.

— Они были хорошие друзья, да?

Он покачал головой:

— Не особенно. Скорее, просто знакомые. Руди работал в заднем зале,— бармен глянул на занавеску,— ну, понимаете.

Я кивнул.

— Главный проводник, высший медицинский чиновник и глаза посудомоек,— продолжил он с отрепетированным легкомыслием.— А вас интересует...

— Что за фирменное блюдо в вашем заведении?

— «Розовый рай»,— ответил бармен.— Неплохая штука.

— И как?

— Немного дрейфуешь, чуть-чуть паришь и ясно светишься.

— Может, в следующий раз,— промолвил я.— А они с Руди часто плавали вместе?

— Нет, это единственный раз... Вы побаиваетесь?

— Да уж нельзя сказать, что я в восторге. Когда нанимался на работу, никто не предупредил меня, что я могу быть съеден... Майк когда-нибудь рассказывал о необычных морских событиях или о чем-нибудь вроде этого?

— Не припомню.

— А как насчет Руди? Он что, так любил плавать?

Барман уставился на меня и начал хмуриться.

— А чего это вы спрашиваете?

— Потому что мне пришло в голову, что я могу найти концы. Если Руди интересовался всякой такой всячиной, а Майк наткнулся на что-то необычное, он мог прихватить с собой приятеля, чтобы посмотреть вместе на это диво.

— Диво — вроде чего?

— Черт его знает... Но если он на что-то наткнулся и это что-то оказалось опасным, я должен об этом знать.

Бармен перестал хмуриться.

— Нет,— ответил он.— Руди ничем таким не интересовался. Даже если бы мимо проплывало Лохнесское чудовище, он не двинулся бы с места, чтобы поглазеть на эту тварь.

— Тогда почему он поплыл?

Бармен пожал плечами:

— Понятия не имею.

У меня возникло подозрение, что, если я спрошу еще о чем-нибудь, я только разрушу наши с ним чудесные отношения. Поэтому я поел, выпил, расплатился и ушел.

И вновь двинулся по реке до ее устья, а потом на юг вдоль берега. Димс говорил, что этим путем надо пройти мили четыре, если считать от ресторана, и что это низкое длинное здание прямо на воде. Все верно. Я надеялся, что она вернулась из того путешествия, о котором упоминал Дон. И худшее, что она могла сделать,— приказать мне убраться. С другой стороны, она знала ужасно много такого, что полезно было бы послушать, знала район и знала дельфинов. И я хотел выслушать ее мнение.

Небо по-прежнему было достаточно светлым, хотя воздух, казалось, стал чуть-чуть холоднее, когда я опознал маленькую бухту, сбросил газ и двинулся к ней. Да, там было жилье, в самом конце слева, прямо напротив крутого берега, а над водой выступал причал. Несколько лодок, одна из них парусная, стояли на якоре с той стороны, их защищала длинная белая дуга волнолома.

Двигаясь со всей осторожностью, я направился туда и обогнул оконечность волнолома. Я увидел девушку, сидящую на причале, и она заметила меня и потянулась за чем-то. А затем она смотрела поверх меня, пока я шел под защитой волнолома. Заглушив мотор, я причалил к ближайшей свае, следя при этом, не появится ли вдруг кто с багром в руках, готовый отразить атаку захватчика.

Но этого не произошло, так что я взобрался на наклонную аппарель, что привела меня наверх. Девушка только что закончила приводить в порядок длинную, бросавшуюся в глаза юбку — наверное, именно ее она и доставала чуть ранее. Сверху на Марте был купальник, и сама она сидела на краю причала, а ноги ее были спрятаны от любопытных взглядов под зелено-бело-синим ситцем. Волосы длинные и очень черные, глаза — большие и темные. Внешность — самая обычная, с легким восточным оттенком того типа, который я находил чрезвычайно привлекательным. Я помедлил наверху аппарели, чувствуя немалую неловкость, когда встретился с нею глазами.

— Меня зовут Мэдисон, Джеймс Мэдисон. Работаю на Станции-Один. Здесь я новичок. Можно подойти к вам?

— Вы уже подошли,— заметила она, а затем улыбнулась, похоже, ради эксперимента.— Но вы можете пройти оставшуюся часть пути, и я уделю вам минутку.

Так я и сделал, и, когда я приблизился, Миллэй пристально посмотрела на меня. Это заставило меня проанализировать свои чувства — те, которыми, как мне казалось, я научился владеть, достигнув совершеннолетия. И когда я уже готов был перевести свой взгляд вдаль, она сказала:

— Марта Миллэй, ладно уж, представлюсь вам по правилам,— и снова улыбнулась.

— Я давно восхищаюсь вашими работами,— объяснил я,— но это лишь часть причины, пригнавшей меня сюда. Я надеюсь, вы поможете мне обрести чувство безопасности.

— Убийство,— предположила она.

— Вот именно... Ваше мнение. Я хочу услышать его.

— Ладно, вы его услышите,— сказала Марта.— Но я была на Мартинике, когда произошло убийство, и все, что я знаю, почерпнуто только из сообщений в газетах и одного телефонного разговора со знакомым из Института дельфинологии. На основании своего опыта, того времени, что проведено в фотографировании в играх с дельфинами, на основании того, что я их знаю и люблю, я

не верю, что подобное возможно, что дельфин может убить человека. По многим важным причинам — возможно, каким-то дельфиньим концепциям братства, по ощущению разумности,— мы кажемся им весьма важными и настолько близкими, что, на мой взгляд, любой из них скорее умрет сам, чем увидит кого-либо из нас убитым.

— Так вы отвергаете возможность убийства дельфином человека даже в порядке самозащиты?

— Я думаю так,— сказала она,— хотя на самом деле фактов у меня нет. Тем не менее обстоятельства гибели ныряльщиков вовсе не походят на работу дельфинов.

— То есть?

— Я ни разу не слышала, чтобы дельфины пользовались своими зубами так, как это было описано. Этот способ был задуман, исходя из того, что в клюве — или под носом — у дельфина сотни зубов и где-то восемьдесят восемь на нижней челюсти. Но если дельфин вступает в схватку — к примеру, с акулой или касаткой,— он не пользуется зубами, чтобы кусать или рвать врага. Он сжимает их поплотнее, образуя очень жесткую структуру, и что есть мочи таранит противника. Передняя часть черепа дельфина на удивление толста и сам по себе череп достаточно массивен, чтобы погасить сильное сотрясение от ударов, а они наносят потрясающие удары, потому что имеют могучие шейные мускулы. Они вполне способны убить акулу, отдубасив ее до смерти. Так что если даже допустить, что дельфин способен на убийство человека, он не стал бы кусать его — он бы его как следует вздул.

— Так почему никто из этого дельфиньего института не выступил, не привел доводы?

Она вздохнула:

— Они делали это. Но газеты даже не воспользовались заявлением, которое туда послали. Очевидно, никто не задумался над тем, что это достаточно важное свидетельство, чтобы оправдать обвиняемого любого сорта.

Марта наконец оторвала свой взгляд от меня и посмотрела поверх воды.

— Я думаю, что их равнодушие к ущербу, который они нанесли, и нежелание затягивать эту историю наиболее всего достойно презрения, и именно это двигало ими, а вовсе не озлобленность.

Ненадолго освободившись от ее взгляда, я нагнулся, чтобы сесть на край причала, и мои ноги спустились вниз. Стоять и разглядывать девушку сверху вниз — это усиливало и без того ощущаемое неудобство. Вместе с ней я стал разглядывать гавань.

— Сигарету? — спросил я.

— Не курю.

— А мне можно?

— Давайте.

Я закурил, вынул сигарету изо рта, чуток подумал, а затем спросил:

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, из-за чего могла случиться эта смерть?

— Возможно, акула.

— Акул в этом районе не было много лет. «Стена»...

Она улыбнулась:

— Я представляю несколько вариантов проникновения, которыми могла бы воспользоваться акула. Сдвиг на дне, открывший расщелину или туннель под «стеной», кратковременное короткое замыкание в одном из генераторов, которое не было замечено, или, что тоже может быть, короткое замыкание в системе контроля и управления. И вообще, частоты, используемые для создания «стены», как предполагалось, вызывают полное расстройство у многих видов морских обитателей, но не обязательно смертельны для них. Акула, обычно старающаяся избегать «стены», могла попасть в сильное течение, которое протащило ее через «стену». Животное при этом, конечно, будет измучено, а затем обнаружит, что очутилось в ловушке.

— Дельная мысль,— сказал я.— Да. Спасибо. Вы не разочаровали меня.

— А я подумала, что разочарую.

— Почему?

— Все, что я делала,— это пыталась оправдать дельфинов и доказать возможность того, что внутри ограждения была акула. Вы же сказали, что хотели услышать нечто, что позволит укрепиться в мысли о безопасности своей работы.

Я снова ощутил неловкость. У меня возникло иррациональное ощущение, что она как будто все знает обо мне и просто играет со мной.

— Вы сказали, что вам близки мои работы,— неожиданно продолжила Марта.— Включая и две книги снимков дельфинов?

— Да. Хотя я наслаждался и текстом.

— Там не так уж много текста,— заметила она,— и тому минуло несколько лет. Возможно, это было чересчур затейливо. Прошло слишком много времени с той поры, когда я смотрела на мир так, как писала там.

— Мне кажется, вы достигли восхитительного соответствия текста темам снимков: маленькие афоризмы под каждой фотографией.

— Возможно, что-нибудь вспомнится?

— Да,— кивнул я, и один из отрывков внезапно пришел мне на память.— Помню снимок дельфина в прыжке, когда вы поймали его тень над водой, подписанный: «В отсутствии отражения, что боги...»

Она хихикнула:

— Долгое время я думала, что эта подпись необыкновенно остроумна. Однако позднее, когда я получше узнала моих дельфинов, я решила, что это не так.

— Я часто задумывался над тем, какого сорта религией или религиозными чувствами они могут обладать,— сказал я.— Религиозное чувство было общим элементом для всех человеческих племен. И казалось бы, нечто подобное обязательно должно появиться на определенном уровне разумности в целях установления взаимоотношений с тем, что по-прежнему находится за пределами досягаемости разума. Хотя я совершенно не представляю, какие именно формы приняло бы это среди дельфинов,

сама по себе идея меня интригует. Вы сказали, что у вас есть какие-то соображения на этот счет?

— Я много размышляла, наблюдая за ними, пыталась анализировать характеры дельфинов, исходя из их поведения и физиологии. Вы знакомы с тем, что писал Йоганн Хьюзинга?

— Слабо,— признался я.— Прошло немало лет с тех пор, как я прочел «Хомо люденс». Книга поразила меня — грубый набросок того, что ему никогда не завершить полностью. Помню основную его посылку: свое бытие культура начинает как разновидность сублимированного игрового инстинкта, элементов священнодействия и праздничных состязаний, продолжавшихся одновременно с развитием институтов и, возможно, остающихся навечно присутствовать на каком-то уровне,— хотя на анализе современного мира он остановился совсем коротко.

— Да,— кивнула Марта,— инстинкт игры. Наблюдая за их развлечениями, я не раз думала: дельфины настолько хорошо приспособились к своему образу жизни, что у них не возникало нужды развивать комплекс общественных институтов, так что они находятся на тех уровнях, что гораздо ближе к ранним ситуациям, учитываемым Хьюзингой,— условия их жизни явно благоприятствуют дельфиньим вариантам праздничных спектаклей и состязаний.

— Религия — игра?

— Не совсем, хотя я думаю, это часть истины. Проблема здесь заключается в языке. У Хьюзинги была причина использовать латинское слово «людус». В отличие от греческого языка, который имеет различные термины для праздности, состязаний, иного времяпрепровождения, латинское слово обозначало основное единство всего этого и сводило к единой концепции, обозначающейся словом «людус». Различие между игровым и серьезным у дельфинов наверняка отличается от наших представлений так же, как наше — от представления греков. Наш разум тем не менее способен представить себе значение слова

«людус». Мы можем объединить примеры деятельности всего широкого спектра образов поведения, рассматривая их как формы игры,— и тогда мы имеем наилучшую позицию для предположений так же, как и для интерпретаций.

— Таким образом вы пришли к заключению об их религии?

— Нет, конечно. Я только сделала несколько предположений. А вы?

— Ну, если я и строил предположения, то лишь нахватав чего попало с потолка. Я бы счел это какой-то формой пантеизма — возможно, нечто родственное менее созерцательным формам буддизма.

— Почему менее созерцательным? — поинтересовалась она.

— Из-за активности,— пояснил я.— Да дельфины ведь даже не спят по-настоящему. Они регулярно поднимаются наверх, чтобы дышать. Они всегда в движении. Как им дрейфовать под каким-нибудь коралловым эквивалентом храма в продолжение какого-либо времени, а?

— А как вы думаете, на что был бы похож ваш мозг, если бы вы никогда не спали?

— Трудно представить. Думаю, это мне показалось бы крайне утомительным со временем, если бы не...

— Если не что?

— Если бы я не получал отдыха в виде периодической дневной дремоты, полагаю.

— Наверное, то же самое может быть и у дельфинов, хотя при их умственных способностях я не нуждалась бы в периодичности.

— Не совсем вас понял.

— Мне кажется, они достаточно одарены, чтобы одновременно и дремать, и обдумывать что-нибудь сквозь дремоту, а не рвать процесс мышления на кусочки.

— Вы имеете в виду, что дельфины постоянно слегка подремывают? Отдыхают душой, мечтают, отстраняясь на время от мира?

— Да, мы делаем то же самое — только в гораздо меньшей степени. Это нечто вроде постоянных размышлений на заднем плане, на уровне подсознания: слабый шум, продолжающийся, пока мы заняты каким-либо важным делом, и более давящий на сознание. Мы учимся подавлять его — это то, что мы называем «учиться сосредоточиваться». Сосредоточиться — в какой-то степени означает «удержать себя от дремоты».

— И вы считаете, что дельфины одновременно могут и спать, и вести нормальную умственную деятельность?

— Да, нечто вроде этого. Но в то же время я представляю себе этот сон как некий особый процесс.

— Что значит «особый»?

— Наши сны в значительной степени визуальны по своей природе, ибо во время бодрствования мы ориентированы в основном на видеоряд. Дельфины же...

— Ориентированы на звукоряд. Да. Если допустить этот эффект постоянного сна и наложить его на нейрофизиологическую структуру, которой они обладают, то, похоже, они способны плескаться, наслаждаясь своими собственными звуковыми снами.

— В какой-то мере — да. А не может ли подобное поведение быть подведено под термин «людус»?

— Я даже не знаю.

— Одну из форм его греки, конечно, рассматривали как особый вид деятельности, дав ей название «диагоги», лучше всего переводимое как «умственное развлечение», «досуг для ума». В эту категорию входила музыка, и Аристотель, размышляя в своей «Политике», какую пользу можно извлекать из нее, пришел в конце концов к выводу, что музыка могла бы приносить пользу, делая тело здоровым, способствуя определенному этосу и давая нам возможность наслаждаться вещами в собственном виде — что бы это ни означало. Но, рассматривая в этом свете акустический «дневной сон» как музыкальную разновидность «людуса», хотела бы я знать, не может ли это действительно соответствовать определенному этосу и благоприятствовать особому способу наслаждения?

— Возможно, если у дельфинов есть опыт.

— Мы по-прежнему даже близко не понимаем значения иных звуков... Но это все, что я могу вас сказать. Мой выбор — увидеть религиозное значение в спонтанном выражении «диагоги». Ваш выбор может быть иным.

— Да. Я принимаю это как психологическую или физиологическую необходимость, даже рассматривая подобную деятельность так, как предлагаете вы,— как форму игры или «людус». Но я не вижу способа выяснить, действительно ли такая музыкальная деятельность есть нечто религиозное. В этом пункте мы неспособны полностью понять их этос или их собственный способ мироощущения. Концепция настолько чуждая нам и извращенная, насколько, вы понимаете, отсутствует возможность общения — даже если бы языковой барьер был куда слабее, чем сейчас. Короче, кроме действительного поиска способа влезать в их шкуру и отсюда принять их точку зрения, я не вижу возможности вычислить их религиозные чувства, даже при условии, что все остальные ваши предположения верны.

— Вы, конечно, правы,— согласилась Марта,— выводы не научны, если они не имеют доказательств. Я не могу доказать своих слов, это только ощущения, впечатления, интуиция — и я предложила их вам только в таком качестве. Но иногда, наблюдая за тем, как дельфины играют, слыша издаваемые ими звуки, вы можете согласиться со мной. Подумайте над этим. Попробуйте это почувствовать.

Я продолжал глядеть на воду и небо. Я уже услышал все, за чем я сюда шел, а остальное было не так уж важно для меня, но подобное удовольствие на десерт выпадало далеко не каждый день. И я понял затем, что девушка понравилась мне даже больше, чем я думал, причем очарование это росло в то время, когда я сидел и слушал,— и не только из-за предмета беседы. Так, отчасти продолжая разговор, а отчасти из-за своего удивления, я попросил:

— Продолжайте. Рассказывайте дальше, об остальном. Пожалуйста!

— Об остальном?

— Вы дали определение их религии. Скажите же мне, как по-вашему, на что это может быть похоже?

Марта пожала плечами.

— Не знаю,— ответила она, немного помолчав.— Если убрать хоть одно предположение, сама догадка начинает выглядеть глупо. Давайте остановимся на этом.

Но такой вариант оставлял мне совсем немногое: сказать «спасибо» и «доброй ночи». И я принялся усиленно размышлять над тем, что она мне рассказала. Единственное, что пришло мне на ум, было мнение Бартелми о кривой распределения относительно дельфинов.

— Если, как вы предполагаете,— начал я,— они постоянно размышляют и истолковывают сами себя, их вселенная — нечто вроде изумительной снопесни, и они, возможно, подчиняются ей по необходимости — одни несравненно лучше, чем другие. Как много Моцартов может существовать в племени музыкантов? Чемпионов в племени атлетов? Если все они участвуют в религиозной «диагоги», следует ли, что некоторые из них — самые лучшие игроки? Могут ли они быть жрецами или пророками? Бардами? Священными песнопевцами? Могут ли районы, в которых они живут, служить святыми местами, храмами? Дельфиньими Ватиканами или Мекками?

Марта рассмеялась:

— Теперь увлеклись вы, мистер... Мэдисон.

Я посмотрел на нее, пытаясь разглядеть нечто за очевидно насмешливым выражением, с которым она разглядывала меня.

— Вы посоветовали мне подумать над этим,— сказал я,— попытаться прочувствовать.

— Было бы странно, если бы вы оказались правы. Верно?

Я кивнул.

— И возможно, существует также паломничество,— добавил я, вставая,— если только я правильно истолковываю это... Спасибо вам за те минуты, что я отнял у вас, и за все остальное, что вы дали мне. Вы не сочтете ужасным нахальством, если я когда-нибудь снова загляну к вам в гости?

— Боюсь, я буду весьма занята,— промолвила Марта.

— Понимаю. Я очень благодарен вам за сегодняшнюю беседу. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я отправился назад, к моторке, завел ее и, проплыв мимо волнолома, направился в темнеющее море, оглянувшись лишь раз в надежде обнаружить то, что должно было быть,— девушку, сидевшую на причале и задумчиво глядевшую на волны. Похожую на Маленькую Русалочку.

Она не помахала мне вслед. Но возможно, было темно и она просто не заметила, что я оглянулся.

Вернувшись на Станцию-Один, я почувствовал себя достаточно вдохновленным, чтобы направиться в комплекс контора-музей-библиотека и посмотреть, что мне пригодится во время знакомства с материалами, касающимися дельфинов.

Я направил свои стопы через остров к передней двери, миновал неосвещенные модели и выставки оружия и свернул направо, затем толкнул открытую дверь.

В библиотеке горел свет, но само помещение было пустым. Я обнаружил несколько любопытных книг. Пока моя рука листала страницы, глаза скользнули по раскрытой амбарной книге и наткнулись на одно из имен, записанных там: «Мишель Торнли». Я посмотрел на дату и обнаружил, что запись сделана за день до его гибели. Я закончил просматривать отобранные материалы и решил полюбопытствовать, что это он взял перед своей смертью.

Это были три статьи-обзора, одна из них, судя по индексу, звукозапись.

Две книги оказались просто-напросто чтивом. Когда же я включил запись, мною овладело очень странное чувство. Это была не музыкальная запись, а скорее нечто из отдела морской биологии. Да. Если же совсем точно, это была запись звуков, издаваемых китом-убийцей, косаткой.

Тут даже моих скудных познаний вполне было достаточно, но я все же, чтобы не сомневаться, проверил их по одной из книг, что оказались под рукой. Да, кит-убийца, несомненно, был самым главным врагом дельфинов, и не так давно Военно-морской центр подводного плавания в Сан-Диего проводил эксперименты, используя запись звуков, издаваемых косатками во время схватки с дельфинами, в целях совершенствования прибора, предназначенного для отпугивания их от рыбацких сетей, в которых дельфины часто по нечаянности погибали.

Для чего же эти записи могли понадобиться Торнли? Если их проигрывали с помощью какого-нибудь водонепроницаемого агрегата, это могло вполне оказаться причиной необычного поведения дельфинов в парке в то время, когда был убит Мишель. Вот только почему? Зачем вообще делать что-то подобное?

Я сел и закурил. И во время перекура мне стало еще более очевидно, что все во время убийства было совсем не так, как казалось, и это заставило меня еще раз рассмотреть природу нападения. Я вспомнил снимки, на которых видел тела, медицинские отчеты, которые читал.

Укусы. Следы жевания. Раны... Артериальное кровотечение, прямо из сонной артерии. Многочисленные ранения плеч и грудной клетки... Если верить Марте Миллэй, дельфины подобным образом не убивают. И все же, насколько я помнил, у них множество зубов — пусть не слишком уж жутких, но пилообразных. Я начал перелистывать книгу в поисках фотографий челюстей и зубов дельфина.

Пришедшая ко мне затем мысль отличалась мрачными, более чем информационными обертонами: там, в соседней комнате, есть скелет дельфина.

Потушив окурок, я встал, прошел через дверь в музей и начал искать выключатель. Он обнаружился не сразу. И в разгар поисков я услышал, как дверь на другой стороне комнаты открывается.

Повернувшись, я увидел Линду Кашел, переступавшую порог. Сделав следующий шаг, она взглянула в моем направлении и застыла, подавив невольный вскрик.

— Это я, Мэдисон,— сказал я.— Простите, что невольно напугал вас. Я ищу выключатель.

Прошло несколько секунд.

— Ох,— наконец выдавила Линда.— Он внизу, за витриной. Сейчас покажу.

Она прошла к передней двери и пошарила за моделью. Свет зажегся, и девушка нервно хихикнула.

— Вы напугали меня,— сказала она.— Я заработалась допоздна. Вышла подышать воздухом и не заметила, как появились вы.

— Я уже взял нужные книги,— сказал я,— но благодарю за помощь в поисках выключателя.

— С удовольствием запишу книги для вас.

— Уже сделано,— признался я.— Я оставил их там, потому что захотел еще раз посмотреть на выставку, прежде чем отправлюсь домой.

— О... Ну а я как раз собиралась закрывать. Впрочем, если хотите ненадолго задержаться, я не возражаю.

— И чего это мне будет стоить?

— Выключите свет и захлопните за собой двери — мы их не запираем. А окна я уже закрыла.

— Хорошо, будет сделано... Простите, что напугал вас.

— Все в порядке, большой беды не случилось.

Линда шагнула к передней двери, повернулась на пороге и улыбнулась снова — самая удачная улыбка за весь вечер.

— Ну, спокойной ночи.

Прежде всего я подумал о том, что не было заметно никаких признаков экстренной работы, проводившейся в последнее время, перед тем как я появился здесь. Второе, о чем я подумал,— что она слишком настойчиво пытается заставить меня поверить ей. А третья мысль была и вовсе грязной. Однако с проверкой следовало повременить. Я обратил свое внимание на скелет дельфина.

Нижняя челюсть с игольчатыми острыми зубами очаровала меня, и размер их был почти что самой интересной особенностью. Почти что, но не самой. Наиболее интересным во всем этом был факт, что нитки, которыми крепилась челюсть, были чистыми, невыцветшими, сверкающими на концах, как свежеотрезанные, и вовсе

не походили на более старые нити во всех прочих местах, где крепление экспоната было нитяным.

Кроме того, челюсть была такой величины, что могла служить великолепным холодным оружием.

И это было все. И этого было достаточно. Но я снова и снова трогал кости, проводя по ним рукой, еще раз осмотрел клюв, еще раз подержал челюсть. Почему — я не мог дать себе отчет до того мгновения, пока гротесковое видение Гамлета не просочилось в мой мозг. Или это действительно было нелепостью? Затем мне на память пришла цитата из Лорен Эйсли: «Мы все потенциальные ископаемые, до сих пор несущие в своих телах грубость прежних существований, отметки мира, в котором живые существа текли с немного большим постоянством, чем тучи, от эпохи к эпохе». Мы вышли из воды. Этот парень, скелет которого я трогал, всю жизнь провел там. Но оба наших черепа построены из кальция, морского вещества, избранного в самые ранние наши дни и ставшего теперь неизменной частью нашего организма; в обоих черепах размещался большой мозг — схожий, но все же разный; оба, не исключено, содержали центр сознания, разума, осмысления окружающего со всеми сопутствующими удовольствиями, скорбями и различными вариантами смерти, которое влечет за собой разумное существование. Единственная существенная разница, которую я ощущал, заключалась не в том, что этот парень рожден дельфином, а я — человеком, а скорее в том, что я покуда еще жил... Я отдернул руку; хотел бы я знать, испытаю ли я неудобство, если мои останки будут когда-либо использованы в качестве орудия убийства.

Не имея больше причин оставаться здесь, я собрал свои книги, закрыл дверь и удалился.

Вернувшись в свой коттедж, я положил на стол у кровати принесенные книги и оставил ночник включенным. Я снова вышел через заднюю дверь, которая вела на маленький и относительно тесный внутренний дворик, удобно расположенный справа у края острова со свободным видом на море. Но я не остановился, чтобы праздно по-

любоваться пейзажем. Если другим дозволено было прогуляться и подышать свежим воздухом, то почему этого нельзя сделать и мне?

Я прогуливался, пока не нашел весьма подходящее место — маленькую скамейку в тени амбулатории. Сел там, очень хорошо укрытый и в то же время имея полный обзор коттеджа, который недавно покинул. Я ожидал долго, чувствуя, что поступаю подло, но слежку не прекращал.

Минута тянулась за минутой, и я почти уже решил, что ошибся, что запас, взятый из предосторожности, израсходован и ничего не случится. Но вот дверь в дальнем конце конторы — та, через которую я вошел в прошлый раз,— открылась, и показалась фигура человека. Он направился к ближайшему берегу острова, а затем так изменил походку, чтобы это казалось простой обычной прогулкой тому, кто только что заметил бы его. Мужчина был высок, почти что с меня ростом, и это сужало поле поиска, так что мне было почти не обязательно ждать и смотреть, как он войдет в коттедж, предназначенный для Пола Валонса, и немного погодя увидеть, как внутри вспыхнул свет.

Позже я улегся в постель со своими дельфиньими книжонками и размышлял над тем, что некоторые парни, похоже, все делают кружным путем.

На следующее утро, во время самой муторной фазы пробуждения, когда ты уже проснулся, но кофе еще не пил, я побрел по своей комнате и чуть не споткнулся о что-то на полу. Но все же не споткнулся, перешагнул — возможно, даже чуть наступив, прежде чем сознание зарегистрировало существование этого предмета.

Я остановился и поднял ее — продолговатую твердую записку в обертке, которую, я сообразил сразу, подсунули под заднюю дверь.

Я взял ее с собой на кухонный стол, разорвал и открыл, извлек и развернул бумагу. Отхлебнув из чашки кофе, прочитал плотно отпечатанное послание несколько раз:

«Прикреплено к грот-мачте в обломках затонувшего судна около фута под илом».

И все.

Но неожиданно я полностью проснулся. Это не просто послание, которое я нашел весьма интригующим; гораздо важнее был тот факт, что некто выделил меня в качестве адресата. Кто? И почему?

Где бы это ни было,— а я не сомневался, что там было нечто,— меня гораздо больше беспокоило то, что кто-то осознал истинные причины моего появления здесь. Выходит, эта персона слишком много обо мне знает. Волосы у меня встали дыбом, в крови заиграл адреналин. Ни один человек не знал моего имени; такое знание несло опасность самому моему существованию. В прошлом я даже убивал, чтобы защитить свое инкогнито.

Моим первым побуждением было бежать, бросив дело, избавиться от своей новой личины и спасти себя способом, знатоком которого я стал. Но тогда я никогда не узнаю, кто, где, как, почему и каким образом раскусил меня. Самое главное, кто.

И, изучив послание еще раз, я усомнился, что успешное бегство будет означать для меня конец опасности. Ибо не было ли в записке элементов принуждения? Не выраженного словами шантажа, намека на определенное приказание? Письмо словно бы говорило: «Я знаю. Я молчу. Я буду молчать. Ибо ты должен кое-что для меня сделать».

Конечно, мне надо отправиться проверить обломки корабля, хотя я должен дождаться окончания дневных работ. Но, ломая себе голову над тем, что я могу там найти, я решил обращаться с этим осторожно. Впереди целый день размышлений над тем, где я мог проколоться, и у меня есть время обдумать самые надежные меры самозащиты.

Я потер свое кольцо, в котором дремали смертоносные споры, затем встал и отправился бриться.

В этот день нас с Полом послали на Станцию-Пять. Обычные работы — проверка и обслуживание. Скучно, безопасно, рутинно. И мы едва ли вспотели.

Он не подал виду, что знает, где я был вчера вечером. Более того, он даже несколько раз сам заводил разговор. Один раз спросил меня:

— Ну как, попали в «Чикчарни»?

— Да,— ответил я.

— И как вам там?

— Вы правы. Забегаловка.

Пол улыбнулся и кивнул.

— Попробовали что-нибудь из их фирменного?

— Только чуток пива.

— Это самое безопасное,— согласился он.— Майк, мой друг, который погиб, частенько захаживал туда.

— О?

— Я ходил с ним поначалу. Он заказывал что-нибудь, а я сидел и ждал, пока он очухается.

— А сами ничего не заказывали?

Пол покачал головой:

— Имел печальный опыт, когда был помоложе. Испугался. В любом случае Майк заказывал что-нибудь — я имею в виду там, в «Чикчарни». Заходил туда, в заднюю комнату за баром. Не обратили внимания?

— Нет.

— Ну, пару раз ему становилось плохо, и мы повздорили из-за этого. Майк знал, что этот гадюшник не имеет лицензии, но ему было плевать. В конце концов я сказал ему, что куда безопаснее принимать какую-нибудь дрянь на станции, но его беспокоило, что правила этой чертовой компании запрещают подобные штуки. Глупости, по-моему. В конце концов я твердо заявил, что пора ему завязывать, если он не хочет, чтобы дело кончилось плохо, и если уж он не в силах дождаться, пока придет конец недели, чтобы заняться этим где-нибудь в укромном уголке. Я прекратил ходить в бар.

— А он?

— Только недавно. Так что если вы туда собираетесь за этим делом, то скажу вам то же самое, что и ему говорил. Занимайтесь этим здесь, если уж не можете дождаться свободного времени, чтобы забраться куда-нибудь подальше и в более приличное место, чем «Чикчарни».

— Обязательно учту,— кивнул я, раздумывая, не было ли это частью какого-либо плана и не подстрекал ли он меня на нарушение правил, установленных компанией, чтобы затем избавиться от меня. Это казалось чересчур уж дальновидным и смахивало на слишком параноидальную реакцию с моей стороны. И я прогнал эту мысль.

Вот и все, что Пол пожелал сказать мне на эту тему. Я, конечно, хотел расспросить его о многом, но наше знакомство пока было таким, что мне для этого требовалась какая-то лазейка, а он не дал мне ни одной зацепки.

Итак, мы закончили работу, вернулись на Станцию-Один и отправились каждый по своим делам. Я остановился и сказал Дэвису, что хотел бы попозже взять лодку. Он показал мне, какую именно, и я вернулся в коттедж и подождал, пока он не отправится пообедать. Затем я вернулся к пристани, сунул в лодку свое водолазное снаряжение, снова ушел. Эта тщательная конспирация была необходима, потому что одиночное погружение запрещалось правилами и потому что меры предосторожности Бартелми изложил мне в первый же день. На самом деле они касались только внутренней части района, а корабль лежал за нею, но я не хотел объяснять, где я буду находиться.

Конечно, мне в голову приходила и мысль о том, что это могло быть ловушкой, готовой захлопнуться в любом случае. Но покуда я надеялся, что у моего приятеля из музея челюсть все еще находится на месте и не стоит принимать в расчет возможность подводной засады. Кроме того, у меня с собой был один из тех маленьких смертоносных прутьев, заряженный и подготовленный. Все было вполне ясно, я не забыл ничего. Не то чтобы я не принимал в расчет возможность западни для дурачка — просто я решил быть осторожным, проявляя свое любопытство.

И поскольку я не знал, что случится, если меня заметят погружающимся в одиночку в снаряжении компании,

я должен был рассчитывать на свою способность объяснить вылазку — если, конечно, меня застукают на этом нарушении семейного спокойствия — тем, что задумал автор этой записки.

Я достиг, как мне показалось, искомого места, встал на якорь, надел свое снаряжение, перевалился через борт и пошел вниз.

Прохладное спокойствие охватило меня, я спускался медленно, осторожно, точно нес что-то хрупкое. Затем, опускаясь все глубже и глубже, я покинул прохладу и свет, вступив в холодную тьму. Я включил лампу, освещая все вокруг.

Несколькими минутами позже я нашел корабль, покружил возле него, обыскивая окрестности в поисках человека, маскировавшегося под дельфина-убийцу. Но нет, ничего. Кажется, я один. Затем я направился к корпусу старого корабля и посветил вниз, на отколотый кусок с обломком грот-мачты. Он выглядел нетронутым, но ведь и я понятия не имел, что там зарыто и как давно.

Пройдя рядом, а затем поверху, я прозондировал кучу ила прихваченным с собой тонким прутиком. Немного погодя я убедился, что там находится маленький продолговатый предмет, вероятно металлический, дюймах в восьми от поверхности.

Приблизившись, я раскопал ил. Вода замутилась, свежий ил пополз, заполняя освободившееся место. Ругаясь про себя, я протянул левую руку, согнув пальцы ковшом, и медленно и осторожно погрузил ее в грязь.

Я не встретил препятствия, пока не добрался до коробки,— ни нитей, ни проволоки, ни подозрительных предметов. Это определенно был металл; прослеживались контуры: где-то шесть на десять и на три дюйма. Коробка была в самом низу и крепилась к мачте двумя пучками проволоки. Я не ощутил соединения с чем-то еще и потому поднял ее — всего лишь на мгновение,— чтобы лучше разглядеть.

Маленькая, очень заурядно выглядящая защитная коробка с ручками на обоих концах и наверху; через них пропущена проволока. Я взял моток пластикового шнура и завязал узел на ближайшей ручке. Выпустив шнур на порядочную длину, я воспользовался плоскогубцами, которые захватил с собой, чтобы разрезать проволоку, крепившую коробку к мачте. А затем поднялся наверх, вытравив остаток шнура.

Назад в лодку, затем — вон из снаряжения, и уж потом осторожно, по сантиметру, я вытащил коробочку из глубины. Ни движение, ни перепад давления не привели в действие никакой мины, так что я почувствовал некоторое облегчение, когда наконец-то поднял груз на борт. Я поставил коробку на палубу и подумал о том, что я совсем беззащитен.

Коробка была закрыта; что бы ни находилось внутри, оно перекатывалось, когда я встряхивал ее. Я перегнулся через борт, опустил коробку в воду, ковырнул ее отверткой и, вытянувшись, прутом откинул крышку.

Но кроме плеска волн и шума моего дыхания, ничто не нарушало тишины. Тогда я снова влез в лодку и заглянул в коробку. В ней лежал холщовый мешочек с подвернутым вниз клапаном, плотно закрытым. Я вскрыл его.

Камни. Он был наполнен дюжиной ничем не примечательных с виду камней. Но с каких это пор люди стали так заботиться о простых камнях? Ясно, что здесь скрывались какие-то большие ценности.

Я подумал об этом, хорошенько обтер несколько камней полотенцем. Затем я повертел их в руках, внимательно осматривая со всех сторон. Да, несколько вспышек ударило мне в глаза.

Я не лгал Кашелу, когда на его вопрос, что мне известно о камнях, ответил: немногое. Только немногое. Но что касается этих, то здесь моих скудных познаний было достаточно. Отделив наиболее многообещающие образцы для экспериментов, я отколол от грязного минерала несколько включений. Несколькими минутами позже края отобранных мною образцов показали великолепные ре-

жущие способности на различных материалах, которыми я их проверял.

Кто-то тайком припрятал алмазы, еще кто-то решил дать мне о них знать... Очевидно, если бы этот «кто-то» просто хотел сообщить властям, то запросто сделал бы это сам. Чего же от меня ожидал мой информатор?

Я сумел причалить и выгрузить снаряжение без каких-либо проблем. Возвращаясь в коттедж, я нес завернутый в полотенце мешочек с камнями. Новых записок под дверь не засовывали. Я отправился в душевую и принялся отмываться.

Поскольку я не мог придумать, в каком месте лучше всего укрыть камни, то засунул мешочек в мусоросборник и перекрыл выходной патрубок — теперь их не смоет.

Выглянув и осмотревшись, я увидел, что Фрэнк и Линда кушают на внутреннем дворике, так что я вернулся к себе и поел на скорую руку. Затем полюбовался на закат — минут этак двадцать. А потом, когда прошло, как мне показалось, достаточно времени, я снова отправился обратно.

Все вышло еще лучше, чем я предполагал. Фрэнк сидел и читал в одиночестве на своем дворике. Я подошел и сказал:

— Привет!

Он повернулся ко мне, улыбнулся, кивнул и отложил свою книгу.

— Привет, Джим. Теперь, когда вы пробыли здесь уже несколько дней, как вам нравится это место?

— О, прекрасно,— ответил я,— ну просто прекрасно. А вам?

Фрэнк пожал плечами:

— Не жалуюсь. Мы хотели пригласить вас к себе на обед. Может быть, завтра?

— Великолепно. Спасибо.

— Приходите около шести.

— Ладно.

— Уже нашли какие-нибудь развлечения?

— Да. Пришлось воскресить свои старые навыки охотника за камнями, и хочу вот посоветоваться с вами.

— О? Подобрали какие-то интересные образцы?

— Мне здорово повезло,— сказал я.— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог обнаружить нечто подобное, если бы не воля случая. Сейчас я покажу.

Я вытащил камни из кармана и вывалил ему в руку. Фрэнк разглядывал их. Он трогал их пальцами. Он перемешивал их. Возможно, прошло с полминуты.

— Вы хотите знать, что это такое? — спросил он затем.

— Нет, я уже знаю.

— Понятно.— Он посмотрел на меня и улыбнулся.— Где вы их нашли?

Я тоже улыбнулся — с ленцой.

— А еще есть? — спросил Фрэнк.

Я кивнул.

Он облизнул губы и вернул камни.

— Может быть, вы решитесь рассказать мне, какого рода была залежь?

Тут мне пришлось соображать куда быстрее, чем за все время моего приезда сюда. Что-то в манере его любопытства напоминало плетение паутины. Я полагал, что при разговоре со скупщиком контрабандных камней мне будет вполне достаточно маски любителя-контрабандиста. Однако теперь пришлось усиленно ворошить все мои скудные познания о предмете беседы.

Самые большие шахты мира — это те, что в Южной Африке, где алмазы были найдены в породе, известной под названием «кимберлит», или «синяя земля». Но как они попали туда? В результате вулканической деятельности? Пойманы в ловушку потоком расплавленной лавы, подвергнуты сильному нагреву и давлению, которые изменили их структуру, превратив в твердую кристаллическую форму, так любимую девушками?

Но встречались и наносные, аллювиальные отложения, когда алмазы были сорваны со своего первоначального места водами древних рек, нередко уносивших их

на громадные расстояния от месторождения и накапливавших их в далеких от берега карманах.

Конечно, все это характерно для Африки, и я не знал, насколько мой экспромт будет верен для Нового Света, для системы Карибских островов, сформировавшихся в результате вулканической деятельности. Возможность того, что местные месторождения представляют собой варианты вулканических трубок или наносов, не исключалась.

Ввиду того что поле моей деятельности было весьма ограничено сроками пребывания здесь, я ответил:

— Аллювиальное. Это была не трубка.

Фрэнк кивнул:

— Какая-либо идея у вас есть насчет того, как продолжить поиски?

— Пока нет. Там, где я их взял, есть еще немало. А что до полной площади месторождения — ясно, что мне об этом говорить еще рано.

— Очень интересно,— пробормотал он.— Знаете, это совпадает с мнением, которого я придерживаюсь... Вы не могли бы дать мне хотя бы очень приблизительный намек, из какой части океана эти камни?

— Извините,— сказал я.— Понимаете...

— Конечно-конечно. И все же, как далеко уходили вы отсюда в своих послеобеденных экскурсиях?

— Я полагаю, это зависело бы от моего собственного желания — насколько позволяет авиационный и водный транспорт.

Фрэнк улыбнулся:

— Ладно. Не буду больше на вас давить. Но я любопытен. Теперь, когда вы их нашли, что вы собираетесь делать дальше?

Я тянул время, прикуривая.

— Наберу столько, сколько смогу, и буду держать пасть на замке,— сказал я наконец.

Он кивнул:

— А как вы собираетесь их продавать? Уж не останавливая ли прохожих на улице?

— Не знаю,— признался я.— Я еще об этом не слишком-то задумывался. Полагаю, что смогу пристроить их каким-либо ювелирам.

Фрэнк усмехнулся:

— Ну, если вам уж очень повезет... Полагаю, вам хотелось бы скрыть все это от огласки, чтобы доходы, которые вы получите, не были официально оприходованы и не подлежали налогообложению?

— Я уже сказал, что хочу набрать их столько, сколько сумею.

— Естественно. Видимо, я не ошибусь, предположив, что цель вашего прихода ко мне — преодолеть трудности, связанные с этим желанием?

— Вообще-то да.

— Я понял.

— Ну?

— Думаю... Действовать в качестве вашего агента в делах вроде этого означает рисковать своей шкурой.

— Сколько?

— Нет, простите,— возразил он чуть погодя.— Это, вероятно, все равно слишком рискованно. Кроме того, дело противозаконно. Я семейный человек. Случись это лет этак пятнадцать назад... кто знает? А сейчас... Простите. Вашу тайну я не раскрою, не беспокойтесь. Но только вряд ли я соглашусь участвовать в этом предприятии.

— Вы уверены?

— Наверняка. Даже учитывая все выгоды, опасность для меня слишком высока.

— Двадцать процентов,— предложил я.

— Не будем больше об этом.

— Может быть, двадцать пять...— не отступал я.

— Нет. Даже пополам — и то едва ли.

— Пятьдесят процентов?! Вы спятили!

— Пожалуйста, не орите так. Хотите, чтобы вся станция слышала?

— Виноват. Но об этом и речи быть не может. Пятьдесят процентов!.. Нет, лучше уж я сам пущусь во все тяж-

кие, пусть даже меня и надуют. Двадцать пять процентов максимум. И все.

— Боюсь, что мне это ни к чему.

— Во всяком случае, надеюсь, вы подумаете над моим предложением.

Фрэнк усмехнулся.

— Такое трудно забыть,— признался он.

— Ладно. Ну, увидимся.

— Завтра в шесть.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Итак, я отправился обратно, обдумывая возможное развитие событий и действия людей, приводящие в своей кульминации к убийству. Но в картине все еще оставалось слишком много пробелов, чтобы закончить ее так, как мне хотелось бы.

Я, конечно, был весьма обеспокоен тем фактом, что нашелся некто, ощутивший, что мое присутствие действительно представляет собой нечто большее, чем его внешнее проявление. Я снова и снова размышлял над причинами разоблачения моей личины, но так и не видел, на чем мог поскользнуться,— я был весьма осторожен насчет своих полномочий, не сталкивался ни с кем из своих прежних знакомых. И я начал убеждаться, что ни раньше, ни теперь не допустил никакого случайного прокола.

Тогда я решил, что нужно быть внимательнее и продолжать расследование дальше. Я полагал, что смогу осмотреть место, где были найдены тела. Я еще не был там — в основном потому, что сомневался, что найду что-либо полезное для расследования. И все же... Пора навестить сцену преступления. Слетаю туда перед обедом у Кашелей, если успею. Если же нет — тогда на следующий день.

Хотел бы я знать, совершаю ли я поступки, рассчитанные другим,— как это произошло с находкой камней. Я чувствовал, что так, и был весьма смущен — почти так же, как и удивлен, когда обдумывал мотивы поступка информатора. Однако в этот момент мне не оставалось ничего другого, только ждать.

И пока я обдумывал все это, я услышал, как со мною поздоровался Энди Димс. Стоял Димс рядом со своим коттеджем, покуривая трубку. Ему хотелось знать, не интересует ли меня партия в шахматы. Она меня не интересовала, но я согласился. Я проиграл две партии, загнал его в пат на третьей. Я чувствовал, что ему немного неловко, но большего, по крайней мере, сказать не могу.

На следующий день Димса и Картера послали на Станцию-Шесть, пока пришла наша с Полом очередь заниматься разнообразными поручениями внутри и около склада оборудования — довольно легкая и унылая работа, решил я.

Так это и было вплоть до полудня и несколько позже, и я уже начал размышлять, а хорошей ли кухаркой окажется Линда Кашел, когда на склад влетел Бартелми:

— Собирайтесь! На выход!

— В чем дело? — спросил его Пол.

— Какая-то неисправность в одном из ультразвуковых генераторов.

— Какая?

Бартелми покачал головой:

— Трудно сказать, пока мы не притащим его сюда и не проверим. Мне известно лишь, что на пульте погасла лампочка. Я хочу вытащить все в сборе и поставить новый агрегат, а не пытаться произвести ремонт на месте, под водой, даже если это покажется плевым делом. Надо поднять генератор и очень тщательно исследовать в лаборатории.

— Где он расположен?

— К юго-западу, на глубине около тридцати фатомов. Поглядите на карту в диспетчерской, если хотите. Это даст вам больше информации. Но не тяните слишком долго, ладно? Там много чего надо погрузить.

— Ладно. А какое судно?

— «Мэри Энн». Я пойду вниз и предупрежу Дэвиса. Потом переоденусь... Скоро вернусь.

Он ушел, а мы погрузили снаряжение, подготовили акулью клетку и подводную декомпрессионную камеру. Мы проделали два захода на «Мэри Энн», а затем воспользовались возможностью взглянуть на карту, не узнали из нее ничего нового и вернулись за генератором.

— Когда-нибудь погружался в этом районе? — спросил я Пола, когда мы начали маневрировать тележкой с агрегатом.

— Да,— сказал он,— некоторое время тому назад. Это очень близко к краю подводного каньона. Именно там большой кусок «стены» выдается углом. За этой секцией периметра сразу очень крутой обрыв.

— Это как-то осложняет дело?

— Нет, разве что вся секция разрушится или что-то снесет ее вниз.

Вскоре к нам присоединился Бартелми. Он и Дэвис, который тоже пошел с нами, помогли донести все собранное оборудование. А двадцатью минутами позже мы тронулись в путь.

Лебедка была снаряжена; к ней прицепили акулью клетку и декомпрессионную камеру, так что получилось нечто вроде тандема в таком вот порядке. Пол и я повели агрегат вниз, поглядывая, чтобы провода на выходе не запутались, и освещая все вокруг во время спуска. Мне еще ни разу не приходилось пользоваться декомпрессионной камерой, но я совершенно не возражал против ее присутствия, если учитывать, что у предстоящих работ могут быть нежелательные последствия. Было приятно сознавать, что если я буду ранен, то смогу добраться до нее, просигналить, и меня без промедления доставят на поверхность, не останавливая для декомпрессии: глубинное давление будет снижаться в этом колоколе по ходу дела и постепенно дойдет до нормального, пока меня будут волочь в амбулаторию на острове. Славные мысли.

Мы установили клетку на дне неподалеку от агрегата, который стоял на месте без видимых повреждений, а затем немного поднялись над ним, осветив окрестности. Мы

действительно находились на краю ущелья. Пока Пол проверял ультразвуковой генератор, я двинулся поближе к краю и направил вниз луч своего фонарика.

Выступающие каменные пики и извивающиеся трещины... Рефлекторно я отпрянул от края бездны и повернул фонарь в сторону. Но затем вернулся и стал наблюдать за работой Пола. Десять минут потребовалось, чтобы освободить генератор от креплений. И еще пять — чтобы поднять его на проводах.

Немного погодя, периодически поводя лучами фонарей, мы обнаружили сменный агрегат, спускающийся сверху. И подплыли, чтобы встретить его и подвести к месту. Сейчас Пол предоставил возможность поработать мне. Я показал знаками, что хочу это сделать, и он написал на грифельной доске: «Давай, покажи, на что ты способен».

Я принялся монтировать новый агрегат, и это отняло у меня минут двадцать. Пол проверил работу, похлопал меня по плечу и кивнул. На подключение системы ушло всего несколько минут, и когда я закончил, то почувствовал удовлетворение от того, что сейчас на далекой станции на панели снова загорится огонек.

Я повернулся, чтобы дать знак, что работа выполнена и можно оценить ее и восхититься.

Но напарника со мной больше не было. На несколько секунд я застыл, уставившись в пустоту. Затем начал водить вокруг лучом фонаря. Ничего...

Чувствуя, как нарастает во мне панический страх, я двинулся к краю бездны и нагнулся над ней с фонарем в руке. По счастью, Пол двигался не слишком быстро. Но он действительно направлялся вглубь.

Я ринулся за ним со всей скоростью, на какую только был способен. Азотное опьянение, или «восторг пустоты»,— гроза водолазов — обычно поражает на глубинах около двухсот футов. Мы спустились где-то на сто семьдесят, не более, но Пол определенно демонстрировал симптомы азотного опьянения.

Я догнал напарника, схватил за плечо и повернул назад. Через стекло шлема я разглядел блаженную улыбку, разлившуюся на его лице.

Взяв Пола за руку и плечо, я потащил его назад, буксируя за собой. Несколько секунд он следовал за мной, не сопротивляясь. Затем он стал бороться со мной. Я предвидел эту возможность и принял позицию из дзюдо «квансецу-вадзе», но очень быстро обнаружил, что дзюдо не особенно годится под водой, особенно когда клапаны баллона слишком близки к вашей маске. Я отворачивал голову подальше, откидывал ее назад. На некоторое время я утратил возможность тащить Пола назад таким способом. Но я не отказался от своих приемчиков. Если бы мне только удалось удержать его чуть дольше и не допустить, чтобы азотное опьянение поразило меня самого, то я получил бы преимущество, уверен. Кроме всего прочего, у него пострадала не только координация движений, но и способность к мышлению.

В конце концов я дотащил его до агрегата — бурная лавина пузырей рванулась из воздушного шланга, когда Пол выплюнул загубник, и не было способа вернуть его обратно без того, чтобы не отпустить самого водолаза. Впрочем, может быть, именно из-за того, что Пол стал задыхаться, мне стало чуть легче справляться с ним.

Я втолкнул его в камеру, последовал за ним и запечатал дверь. Он почти смирился и начал поддаваться. Я сумел сунуть ему в рот загубник, а затем рванул сигнал подъема.

Мы начали подниматься почти сразу же, и хотел бы я знать, о чем думали в этот момент Бартелми и Дэвис.

Они достали нас очень быстро. Я почувствовал легкое дребезжание, когда мы наконец-то попали на палубу. Вскоре после этого вода схлынула. Не знаю, сравнялось ли к тому времени давление в камере с наружным, но переговорное устройство ожило, и послышался голос Бартелми — я как раз вылезал из своей амуниции.

— Через несколько минут двинемся,— сказал он.— Что стряслось?

— Азотное опьянение,— доложил я.— Пол хотел уйти и начал бороться со мной, когда я попытался вытащить его.

— Повреждения есть?

— Не думаю. Он ненадолго потерял загубник. Но теперь дышит нормально.

— В каком он состоянии?

— По-прежнему «под мухой», полагаю. Плюс общий упадок сил.

— Ладно. Можете освобождаться от вашего снаряжения.

— Уже освободился.

— ...и раздеть его.

— Уже начал.

— Мы радировали на остров. Медик прилетел и ждет в лаборатории... У себя самого чувствуете какие-либо симптомы опьянения?

— Нет.

— Вы покинете камеру через некоторое время... Хотите еще что-нибудь мне сказать?

— Да нет, пожалуй.

— Тогда все в порядке. Теперь я свяжусь по радио с доктором. Если понадоблюсь, свистните в микрофон. Он это выдержит.

— Договорились.

Я освободил Пола от снаряжения, надеясь, что он вскоре начнет приходить в себя. Однако он не очнулся. Он сидел, ссутулясь, бормоча что-то с открытыми, но остекленевшими глазами, и то и дело улыбался.

Хотел бы я знать, что с ним стряслось. Если давление и в самом деле было снижено, он должен был прийти в себя почти мгновенно. Возможно, надо снизить давление еще чуть-чуть, решил я.

Но... Не погружался ли он раньше, еще до начала рабочего дня?

Продолжительность декомпрессии зависит от общего количества времени, проведенного под водой в течение двадцатичасового периода, от общего количества азота,

усвоенного тканями, в частности головным и спинным мозгом. Не погружался ли Пол, чтобы поискать что-нибудь, скажем, в иле у основания сломанной мачты, среди обломков старого затонувшего корабля? Может быть, ненадолго, тщательно обыскивая все в тревоге? Зная, что сегодня предстоит работать на берегу и в течение всего рабочего дня в ткани тела не попадет ни молекулы азота? И вот неожиданная авария, и он должен рисковать. Он делает вид, что все в порядке, возможно, даже поощряет новичка продолжить и закончить работу. Отдыхает, пытается справиться с собой...

Очень может быть. В этом случае действие декомпрессии, проводимой Бартелми, сводится к нулю. У него данные о времени и глубине погружения — но только последнего погружения Пола. Черт побери, насколько я понимаю, он мог побывать в нескольких точках, разбросанных в различных местах на дне океана!

Я нагнулся над ним, изучая зрачки глаз, чтобы привлечь его внимание к себе.

— Как долго ты был утром под водой?

Он улыбнулся:

— Я не нырял.

— Мне нет дела до того, зачем ты нырял. Меня куда больше заботит твое здоровье... Как долго ты был внизу? И на какой глубине?

Пол покачал головой и повторил:

— Я не нырял.

— Черт бы тебя побрал! Я знаю, что ты нырял. У старого затонувшего корабля, да? Там где-то около двадцати фатомов. Но сколько ты пробыл под водой? Час? Или еще дольше?

— Я не нырял,— настаивал он.— Это правда, Майк! Я не нырял.

Я вздохнул, откинувшись назад. Не исключено, что он говорит правду. Люди устроены по-разному. Возможно, особенности его физиологии сыграли такую шутку, и это был другой вариант — не тот, что предполагал я. Однако все это так походило на истину...

На мгновение я примерил его на место поставщика камней, а Фрэнка — на место укрывателя краденого. Итак, я пришел к Фрэнку со своей находкой, Фрэнк сообщил Полу о таком обороте дела, и тот, забеспокоившись, пока все на станции спали, отправился убедиться, что его добро по-прежнему надежно укрыто. Во время неистовых поисков организм накопил много азота, а затем произошло все остальное.

Эта стройная гипотеза поразила меня своей логичностью. Но коснись это меня, я нашел бы способ прервать погружение. Всегда можно соврать что-нибудь для того, чтобы подняться наверх раньше срока.

— Ты не можешь вспомнить? — попытался я еще раз.

Пол начал без особого воодушевления клясть все на свете, но потерял последний энтузиазм после дюжины-другой слов. А затем протянул:

— Почему ты не веришь мне, Майк? Я не нырял...

— Ладно, я верю тебе,— сказал я.— Все в порядке. Так что отдыхай.

Он потянулся и вцепился в мою руку.

— Значит, все прекрасно?

— Ага.

— Все это так... как никогда не было прежде.

— С чего ты взял? — поинтересовался я.

— ...Прекрасно.

— О чем ты?

— Ты знаешь, я никогда не притронусь ни к одному из них,— произнес Пол после недолгой паузы.

— Так в чем же дело?

— Проклятая красота...— пробормотал он.

— Что-то стряслось на дне? Что?

— Я не знаю. Уходи! Не зови это обратно. Все так, как должно было быть. Всегда. Не та дрянь, что ты взял... Начало всех неприятностей...

— Я знаю. Прости,— рискнул я.— Добытые вещи...

— Растранжирь их...

— Я знаю. Но мы дали ему,— продолжал я.

— Ага,— отреагировал Пол. Затем: — О господи!

— Алмазы... Алмазы в безопасности,— продолжил я быстро.

— Дали ему... О господи!

— Скажи мне, что ты видел,— настаивал я, пробуя вернуть его к тому, о чем мне хотелось услышать.

— Алмазы...— выдохнул Пол.

Затем он разразился длинным и бессвязным монологом. Я слушал, снова и снова подсказывал что-нибудь, чтобы вернуть Пола к теме алмазов, все готовился бросить ему имя Руди Майерса. Ответы его оставались фрагментарными, но в целом картина начала проясняться.

Я спешил, стараясь узнать как можно больше, пока не вернулся Бартелми, чтобы продолжить декомпрессию. Я боялся, что Пол неожиданно протрезвеет,— именно таким образом и срабатывает декомпрессия, если вы не ошиблись в диагнозе.

Он и Майк, насколько я понял, принесли алмазы — но откуда они, установить не удавалось. Сколько я ни пытался прояснить роль Фрэнка, Пол лишь только бормотал какие-то нежности по поводу Линды. Однако кое-что я все-таки сумел из него вытянуть.

Видимо, Майк о чем-то проболтался однажды, приняв в заднем помещении «Чикчарни» изрядную дозу наркотика. Руди это настолько заинтересовало, что он составил снадобье несколько иное, чем «Розовый рай»,— и, наверное, не один раз. И после этого выведал у Майка всю историю и почувствовал, что запахло долларами. Только Пол оказался куда умнее, чем думал Майерс. Когда Руди затребовал плату за молчание и Майк сказал об этом Полу, Пол выдал идею о «помешательстве» дельфинов в парке и уговорил Майка поучаствовать в этом — чтобы он предложил Руди встретиться с ним в парке для получения платы. Остальное было окутано какой-то дымкой, потому что упоминание о дельфинах сдерживало Пола. Но он, очевидно, поджидал в условленном месте, и они с Майком занялись Руди, когда тот добрался до места засады: один держал жертву, а другой обрабатывал шантажиста дельфиньей челюстью. Одно оставалось неясным: или

Майк был ранен в схватке с Руди и Пол решил прикончить его и придать и ему вид дельфиньей жертвы, или же он спланировал эту часть заранее и после первого убийства напал на Майка, застав его врасплох. В любом случае дружба между ними со временем ослабела, а дело с шантажом окончательно рассорило их.

Примерно такой рассказ я выслушал, перемежая бормотание Пола своими наводящими вопросами. Очевидно, убийство Майка потрясло его больше, чем он предполагал. Он по-прежнему называл меня Майком, говорил, что сожалеет о случившемся, и я поддерживал его бред.

Прежде чем я сумел вытянуть из него что-либо еще, вернулся Бартелми и спросил меня, как идут дела.

— Пол бредит,— ответил я,— и больше ничего.

— Я чуть подольше проведу декомпрессию. Может быть, это приведет его в чувство... Осталось немного, нас уже ждут.

— Хорошо.

Но декомпрессия не привела Пола в чувство. Он оставался все таким же. Я пытался его перехитрить, вытянуть из него подробности, особенно насчет источника алмазов... Но что-то пошло наперекосяк. Он начал реагировать иначе: бросился на меня, схватил за глотку... Я отбил атаку, удерживая Пола на месте. Он уступил, заплакал, забормотал в ужасе, что признался во всем. Я разговаривал с ним медленно, тихо, пытаясь утешить его, вернуть к прежнему, доброжелательному восприятию действительности... Ничего не помогало, и я замолчал, оставаясь начеку.

Потом он задремал, и Бартелми продолжил декомпрессию. Я следил за дыханием Пола и время от времени проверял пульс, но, казалось, ухудшения не наступало.

К тому времени, когда мы добрались до станции, декомпрессия была закончена полностью, я открыл люк и вышвырнул наше снаряжение. Пол вздрогнул, открыл глаза, уставился на меня и произнес:

— Это судьба.

— Как вы себя чувствуете?

— Сейчас, похоже, нормально. Только устал: на ногах не удержусь.

— Позвольте подать вам руку.

— Спасибо.

Я помог ему выбраться из камеры и опуститься на сиденье приготовленного кресла на колесиках. Вокруг суетились и молодой врач, и Кашел, и Димс, и Картер. Я не мог помочь желающим узнать, что происходит в этот момент в голове у Пола. Доктор проверил сердцебиение, пульс, давление, посветил ему в глаза и уши и заставил указательным пальцем дотронуться до кончика носа. Затем он кивнул, махнул рукой, и Бартелми покатил кресло к амбулатории. А доктор попросил меня рассказать обо всем, что произошло.

Я так и сделал, опустив только ту часть истории, о которой узнал из бреда. Затем доктор поблагодарил меня и зашагал к амбулатории. Я быстро догнал его.

— На что это похоже? — спросил я.

— На азотное опьянение,— ответил врач.

— А может, что-нибудь иное? Я имею в виду то, как он реагировал на декомпрессию и вообще...

Доктор пожал плечами.

— Люди по-разному устроены и не похожи друг на друга не только внешне, но и внутренне. Сколько бы вы ни изучали физиологию человека, вы все равно не сможете сказать, как он станет вести себя, выпив,— будет веселым, печальным, буйным, сонным... То же и здесь. Думается, он только теперь приходит в норму.

— Без осложнений?

— Ну, я хочу сделать электрокардиограмму сразу же, как только мы доставим его в амбулаторию. Но думаю, с ним все в порядке. Слушайте, а там, в амбулатории, есть декомпрессионная камера?

— Весьма вероятно. Впрочем, я здесь новичок. Не уверен.

— А почему бы вам не пойти с нами и не выяснить? Если ее там нет, то я хотел бы затащить туда подводный ее вариант.

— Вот как?

— Только из предосторожности. Лучше оставить парня в амбулатории на всю ночь — с кем-нибудь, кто станет приглядывать за ним. Если случится рецидив, то неплохо будет иметь эту штуку под рукой, чтобы еще раз провести декомпрессию.

— Понятно.

Мы поймали Бартелми у дверей. Другие тоже были там.

— Да, в амбулатории есть камера,— сказал Бартелми в ответ на вопрос врача.— Я посижу с ним.

Сидеть вызвались все, и ночь в конце концов была разделена на три вахты: Бартелми, Фрэнк и Энди соответственно. Каждый из них, конечно, был хорошо знаком с оборудованием для декомпрессии.

Фрэнк подошел и тронул меня за руку.

— Раз уж мы сейчас не в силах ему помочь,— сказал он,— то, может быть, все-таки пообедаем?

— В самом деле? — Я машинально поглядел на часы.

— Сядем за стол около семи вместо шести тридцати,— продолжал Фрэнк с улыбкой.

— Прекрасно. Только мне нужно принять душ и переодеться.

— Ладно. Приходите сразу же, как будете готовы. У нас еще останется время, чтобы выпить.

— Порядок. А выпить действительно хочется. До скорого.

Я пошел в свой коттедж и принял душ. Новых любовных записочек не поступало. Ну а камешки по-прежнему покоились в мусоросборнике. Я причесался и зашагал обратно через остров.

Когда я был около лаборатории, показался доктор, разговаривающий через плечо с кем-то в дверях. Вероятно, его собеседником был Бартелми. Подойдя, я увидел в руках врача чемоданчик.

Он пошел прочь. Заметил меня, кивнул и улыбнулся.

— Думаю, с вашим другом все в порядке.

— Хорошо. Как раз об этом я и хотел спросить.

— А как вы сами себя чувствуете?

— Нормально. Нет, действительно хорошо.

— У вас вообще не было никаких дурных симптомов, верно?

— Конечно.

— Прекрасно. Если будут, вы знаете, куда обратиться.

— Да.

— Ладно, тогда я пошел.

— До свидания.

Он направился к вертолету, стоявшему у главного здания. Я же двинулся дальше, к дому Фрэнка.

Фрэнк вышел мне навстречу.

— Что сказал доктор?

— Вроде бы все в порядке,— ответил я.

— Угу. Заходите и выкладывайте, что будете пить.— Он открыл дверь.

— Лучше всего бурбон,— ответил я.

— С чем?

— Только лед.

— Ладно. Я продам их для вас. Тридцать пять процентов.

— Двадцать пять, не больше. Я уже говорил об этом.

— Просмотр камней и минералов на этой неделе в субботу. Человек, которого я знаю, сможет быть там, стоит лишь ему дать знать. Он предложит хорошую цену. Я дам ему знать — за тридцать процентов.

— Двадцать пять.

— Жаль, что мы близки были к сделке и не смогли сторговаться. Что ж, мы оба внакладе.

— Ну ладно. Тридцать.

Я забрал камни, ссыпал их в карман, и мы ударили по рукам. Потом Фрэнк повернулся.

— Двинусь в лабораторию,— сказал он,— посмотрю, что стряслось с тем агрегатом, что вы притащили.

— Сообщите мне, когда найдете неисправность. Любопытно.

— Хорошо.

Он ушел, а я прибрал камни, принес книгу о дельфинах и начал листать ее. И меня поразило, насколько смешно было то, что я делал. Все эти разговоры о дельфинах, все чтения, рассуждения, включая мою длинную диссертацию об их гипнотических и гипотетичных снопеснях как о религиозно-диагностических формах людуса — для чего? Чтобы обнаружить, что я, скорее всего, справился бы со всем этим делом, даже не увидев ни одного живого дельфина?

Вот чего хотели Дон и Лидия Барнс — и Институт: чтобы я восстановил доброе имя дельфинов. И все же насколько запутанным был этот клубок! Шантаж, убийства, контрабанда алмазов, да еще и нарушение супружеской верности — пустячок по сравнению с остальным... Как гладко и аккуратно я начал распутывать его, но так и не определил, кто знал обо всем этом, кто помог мне и зачем исчез так, как исчезал только я,— без того, чтобы возникли всякие неприятные вопросы, без того, чтобы оказаться втянутым в это дело.

На меня накатило чувство глубокой зависти к дельфинам. Создавали ли они когда-нибудь для себя подобные проблемы? Сильно в этом сомневаюсь. Может быть, если я соберу достаточно зеленых печатей судьбы, я сумею в следующей жизни воплотиться в дельфина...

Что-то нахлынуло на меня, и я задремал, не потушив свет.

Меня разбудил резкий и настойчивый стук. Я протер глаза и потянулся. Кто-то барабанил в оконную раму. Я встал, подошел к окну и обнаружил, что это был Фрэнк.

— Ну,— сказал я,— что стряслось?

— Выходите. Это очень важно.

— Ладно. Минутку.

Я ополоснул лицо, что окончательно разбудило меня и дало время подумать. Взглянув на часы, я увидел, что времени около половины одиннадцатого.

Когда я в конце концов вышел, Фрэнк вцепился в мое плечо:

— Пойдем! Черт возьми! Я же сказал, что это очень важно!

Я сделал шаг вслед за ним.

— Ладно. Я проснулся. А в чем дело?

— Пол умер.

— Что?!

— Что слышали. Пол умер.

— Как это случилось?

— У него остановилось сердце.

— Вот оно что... Но как?

— Я начал возиться с замененным генератором — затащил его в соседнее с амбулаторией помещение, сменив Бартелми. И настолько увлекся, что не обращал на Пола особого внимания. Когда я все-таки решил пойти взглянуть, он был мертв. Вот и все. Его лицо почернело и исказилось. Похоже на что-то вроде легочной недостаточности. Может, легочная эмболия...

Мы вошли в ближайшие двери, и легкий бриз ворвался за нами следом. Миновали недавно установленный верстак, разбросанные инструменты и частично разобранный агрегат. Свернув налево, вошли в комнату, где лежал Пол. Я включил свет.

Его лицо больше не было красивым, оно несло на себе отпечатки последних минут, проведенных в муках. Я подошел к нему и проверил пульс, заранее зная, что не найду. Надавил на кожу большим пальцем. Пятно, когда я убрал палец, оставалось белым.

— Давно это случилось?

— Прямо перед тем, как я к вам пришел.

— Почему ко мне?

— Вы живете ближе всех.

— Понятно... Простыня в этом месте была порвана раньше?

— Не знаю.

— Ни криков, ни стонов, ни каких-либо звуков?

— Ничего. Если бы я услышал, то пришел бы сразу.

Неожиданно мне захотелось закурить, но в комнате стояли кислородные баллоны, и по всему помещению были развешаны таблички с надписью «Не курить!». Я повернулся и пошел назад, толкнул незапертую дверь, нава-

лился на нее спиной и уставился в пространство над морем.

— Очень забавно,— промолвил я вслух.— После дневных симптомов ему были гарантированы «естественные причины» для «возможной легочной эмболии», «легочной недостаточности» или еще какой-нибудь дьявольщины вроде этого.

— Что вы хотите сказать? — спросил Фрэнк.

— Был ли он спокоен... Не знаю. Не в этом дело. Я полагаю, вы применили декомпрессию. Верно? Или просто-напросто придушили его?

— Прекратите! Зачем...

— В определенной степени я помог убить его,— сказал я.— Я полагал, что он в безопасности рядом с вами, потому что вы ничего не предпринимали против Пола все это время. Вы хотели удержать жену, вернуть ее обратно. Потратить на нее кучу денег — вот способ, которым вы хотели ее вернуть. Но получался порочный круг, потому что именно Пол был источником ваших сверхдоходов. Потом появился я и предложил вам альтернативный вариант. Затем сегодняшний несчастный случай и возможность, представившаяся этой ночью... Вы воспользовались. Надо ковать железо, пока оно горячо... Поздравляю. Думаю, вы добились успеха. Нет никаких доказательств. Отлично сработано.

Фрэнк вздохнул:

— Ясно. Сейчас мы найдем Бартелми, и вы скажете ему, что я обезумел. Но почему вы ввязались во все это?

— Мне было интересно разузнать о Руди и Майке. Вы принимали участие в организации того убийства?

— Что вам известно? — спросил он медленно.— И как вы узнали?

— Я знаю, что Пол и Майк были поставщиками камней. Я знаю, что Руди пронюхал об этом и пытался шантажировать их. Они взяли его в оборот; наверное, Пол позаботился для ровного счета о Майке. Как я узнал? Пол выболтал все во время нашего возвращения, ведь я был с ним в декомпрессионной камере, помните? Я узнал об

алмазах, убийствах, Линде,— только успевай прислушивайся.

Фрэнк откинулся на верстак и покачал головой.

— Я подозревал вас,— сказал он,— но у вас были убедительные доказательства — те алмазы. Допустим, вы добрались до них чрезвычайно быстро. Я благосклонно принял ваш рассказ, потому что, возможно, месторождение Пола было действительно где-то очень близко. Хотя он никогда не говорил мне, где именно. Я решил, что вы или наткнулись на него случайно, или проследили за Полом и все поняли. В любом случае это не имело для меня никакого значения. Я охотнее имел бы дело с вами. Остановимся на этом?

— Если вы расскажете мне о Руди и Майке.

— Но я на самом деле знаю не более того, что вы мне сейчас рассказали. Меня это не касалось. Обо всем позаботился Пол. Только ответьте мне: как вы натолкнулись на месторождение?

— А я и не наталкивался. Понятия не имею, где Пол нашел алмазы.

Фрэнк выпрямился.

— Я вам не верю! Те камни — откуда они?

— Я нашел место, в котором Пол прятал мешок с камнями, и украл их.

— Зачем?

— Ради денег, конечно.

— Тогда почему вы солгали мне?

— А вы хотели бы, чтобы я сказал, что они краденые?

Фрэнк молнией рванулся вперед, и я увидел, что в руке он сжимает гаечный ключ. Я отпрыгнул назад, и дверь, захлопываясь, ударила его в плечо. Однако это только ненадолго задержало его. Он рванул дверь и бросился ко мне. Я снова отступил и принял оборонительную позу.

Фрэнк ударил, и я ушел от удара в сторону, задев его по локтю. Мы оба промахнулись. Новый удар слегка задел мое плечо, так что выпад, который я сделал секундой позже, достиг его почек с меньшей силой, чем я надеялся. Я отпрянул назад, когда он ударил снова, и мой пинок

достал его бедро. Фрэнк опустился на колено, но поднялся прежде, чем я насел на него, ударив в направлении моей головы. Я отпрянул, и он промахнулся.

Я слышал воду, чувствовал ее запах...

Когда он напал снова, я прогнулся назад и захватил его руку. Крепко вцепился в нее близ локтя и зажал, вытянув свои скрюченные пальцы по направлению к лицу противника. Фрэнк двинулся на меня, и я упал, по-прежнему сжимая его руку, а другой крепко схватив его за пояс. Мое плечо ударилось о землю, и он оказался на мне, пытаясь освободиться. Когда это ему удалось, его вес на мгновение переместился. Почувствовав свободу, я свернулся в клубок и ударил его обеими ногами.

Мой удар достиг цели. Фрэнк только хрюкнул... А затем он пропал. Я услышал, как он плюхнулся в воду. Еще я слышал отдаленные голоса — они окликали нас, они приближались к нам через остров. Я поднялся на ноги и двинулся к краю острова.

И тут Фрэнк завизжал — это был длинный жуткий крик, полный предсмертной муки. К тому времени, когда я достиг края платформы, вопль оборвался. Подбежал Бартелми, повторяя «Что случилось?» до тех пор, пока не глянул вниз и не увидел плавник, мелькнувший в центре водоворота. Затем он пробормотал: «О господи!» — и больше ничего.

Позже, когда я давал отчет о событиях, я рассказал, что Фрэнк показался мне очень возбужденным, когда прибежал будить меня, что он крикнул мне, что Пол перестал дышать, и я, вернувшись с ним в лабораторию, убедился, что Пол мертв, и начал выспрашивать его о подробностях, а в ходе разговора он, похоже, получил впечатление, что я подозреваю именно его в смерти Пола из-за проявленной им небрежности. Тогда он возбудился еще больше и набросился на меня, мы боролись, и он упал в конце концов в воду.

Все это, конечно, было правдой. Отчет мой грешил лишь пропусками. Но они, похоже, удовлетворились этим. Все ушли. Акула рыскала вокруг, возможно дожидаясь,

не кинут ли ей кого-нибудь на десерт, и те, кто занимался дельфинами, пришли и усыпили ее, а затем унесли. Бартелми сказал мне потом, что вышедший из строя ультразвуковой генератор действительно мог иметь периодические короткие замыкания.

Итак, Пол убил Майка и Руди; Фрэнк убил Пола, а затем сам был убит акулой, на которую теперь можно было свалить и первые два убийства. Дельфины оправданы, и не оставалось больше ничего, что взывало бы к правосудию. Месторождение же алмазов стало теперь одной из маленьких тайн, нередких в нашей жизни.

...После того как все разошлись, выслушав мой рассказ о происшедшем, а остатки останков убрали — еще долго после этого, пока тянулась ночь, поздняя, чистая, со множеством ярких звезд, двоившихся и мерцавших в прохладных водах Гольфстрима вокруг станции, я сидел в кресле на маленьком заднем дворике за моим жилищем, потягивая пиво из банки, и следил за тем, как заходят звезды.

У меня не было чувства удовлетворения, хотя на папке с делом, хранящейся у меня в уме, уже стоял штамп «Закрыто».

Кто же написал мне записку — записку, включившую адскую машину убийств? Действительно ли стоит об этом беспокоиться теперь, когда работа завершена? До тех пор, пока этот «кто-то» будет хранить молчание относительно меня...

Я еще глотнул пива. Да, стоит, решил я. Мне тоже следует осмотреться повнимательнее. Я достал сигарету и собрался закурить.

И тогда это началось...

Бухта была освещена. Когда я влетел на причал, голос Марты донесся до меня через громкоговоритель. Она приветствовала меня по имени — по моему настоящему

имени; я не слышал, чтобы его произносили вслух, уже давным-давно. И она пригласила меня войти.

Я двинулся по причалу вверх к зданию. Дверь была полуоткрыта.

И я вошел, оказавшись в большой комнате, полностью оформленной в восточном стиле. Хозяйка была одета в шелковое зеленое кимоно. Она сидела на коленях на полу, и перед ней стоял чайный сервиз.

— Пожалуйста, проходите и садитесь,— предложила она.

Я кивнул, снял обувь, пересек комнату и сел.

— О-ча доу десу-ка?

— Итадакимасу.

Марта наполнила чашки, и мы некоторое время пили чай. После второй чашки я придвинул к себе пепельницу.

— Сигарету?

— Я не курю,— ответила она,— но я хочу, чтобы вы курили. Я попытаюсь вобрать в себя как можно больше вредных веществ. Полагаю, именно с этого все и началось.

Я закурил.

— Никогда не встречал настоящих телепатов,— признался я.

— Мне приходится пользоваться этой моей способностью постоянно,— ответила она,— и не скажу, чтобы это было особенно приятно.

— Думаю, мне нет необходимости задавать вопросы вслух?

— Это не совсем так. Как полагаете, мне хочется читать мысли?

— Чем дальше, тем меньше,— предположил я.

Она улыбнулась:

— Я спросила об этом, потому что много размышляла в последнее время. Я думала о маленькой девочке, которая жила в саду с жуткими цветами. Они были красивы, эти цветы, и росли, чтобы делать девочку счастливой тогда, когда она ими любуется, Но они не могли скрыть от нее свой запах — запах жалости. Ибо она была маленькой

несчастной калекой. И бежала не от цветов, не от их внешнего облика, а от их аромата, смысл которого она смогла определить, несмотря на возраст. Было мучительно ощущать его постоянно, и лишь в заброшенном пустынном месте нашла она какое-то отдохновение. Не будь у нее этой способности к телепатии, девочка осталась бы в саду.

Она замолчала и пригубила чай.

— И однажды она обрела друзей,— продолжала хозяйка,— обрела в совершенно неожиданном месте. Это были дельфины — весельчаки с сердцами, не спешащими с унизительной жалостью. Телепатия — та, что заставила ее покинуть общество подобных себе,— помогла найти друзей. Она смогла узнать сердца и умы своих новых друзей куда более полно, чем один человек может познать другого. Она полюбила их, стала членом их семьи.

Марта еще отпила чаю, а затем посидела в молчании, глядя в чашку.

— Среди них были и великие,— проговорила она наконец,— те, о которых вы догадались чуть раньше. Пророки, философы, песнопевцы — я не знаю слов в человеческом языке для того, чтобы описать функции, которые они выполняли. Тем не менее среди них были и те, чьи голоса в снопеснопении звучали с особой нежностью и глубиной — нечто вроде музыки и в то же время не музыка... Величайший из всех Песнопевцев носил имя или титул, звучащий как «кива'лл'кие'ккоотаиллл'кке'к». Я не могу выразить словами его снопеснопение так же, как не смогла бы рассказать о гении Моцарта тому, кто никогда не слышал музыки. Но когда Песнопевцу стала угрожать опасность, я сделала то, что должна была.

— Я пока еще не все понимаю,— заметил я, поставив чашку.

— «Чикчарни» построен так, что пол его возвышается над рекой.— Картина бара внезапно вспыхнула в моей памяти ясно и с потрясающей реальностью.— Вот так,— добавила Марта.— Я не пью крепких напитков, не курю и очень редко пользуясь медикаментами,— продолжала она,— и не потому, что у меня нет другого выбора. Просто таково мое правило, обусловленное здоровьем. Но это не значит, что я не способна наслаждаться подобными вещами, так же как я сейчас наслаждаюсь сигаретой, которую курите вы.

— Начинаю понимать...

— Плавая под полом этого притона в ночи, я переживала наркотические галлюцинации тех, кто грезил наверху, вселяясь в них и пользуясь сама их покоем, счастьем и радостью, и отгоняя видения, если они вдруг становились кошмарными.

— Майк,— пробормотал я.

— Да, именно он привел меня к Песнопевцу, ранее мне неизвестному. Я прочла в его разуме о месте, где они нашли алмазы. Вижу, вы считаете, что это где-то около Мартиники, поскольку я только что оттуда. Не отвечу ни да ни нет. Кроме того, я прочла у него мысль о причинении вреда дельфинам. Оказалось, что Майка и Пола отогнали от месторождения — хотя и не причиняя им особого вреда. Так случалось несколько раз. Я сочла это настолько необычным, что стала изучать дальше и обнаружила, что это правда. Месторождение, открытое этими людьми, находилось в районе обитания Песнопевца. Он жил в тех водах, а другие дельфины приплывали туда, чтобы его послушать. В некотором смысле это место паломничества — из-за его присутствия там. Люди искали способ обеспечить свою безопасность в следующий раз, когда они снова нагрянут за камнями. Именно для этого они вспомнили об эффекте, производимом записями голоса косатки. Но припасли еще и взрывчатку. Пока меня не было, произошло двойное убийство,— продолжала она.— Вы, по существу, правы насчет того, как и что было сделано. Я не знаю, как это можно доказать и признали ли бы доказательством мою способность прочесть их мысли. Пол пускал в ход все, что попадало ему когда-либо в руки или приходило на ум, и тем не менее в схватке со мной он проиграл бы. Он прибрал познания Фрэнка так же, как и его жену, узнал от него достаточно для того, чтобы при

небольшой удаче найти месторождение. А удача долго не покидала его. Он собрал информацию и о дельфинах — достаточно для того, чтобы догадаться о действии голоса косатки, но все же недостаточно, чтобы узнать, каким образом дельфины сражаются и убивают. И даже тогда ему повезло. Его рассказ о случившемся восприняли благосклонно. Но не все. Тем не менее ему доверяли в достаточной степени. Он был в безопасности и планировал снова вернуться к месторождению. Я искала способ остановить его. И я хотела, чтобы дельфинов оправдали, хотя это было делом второстепенным. Затем появились вы, и я поняла, что способ найден. Я отправилась ночью к станции, вскарабкалась на берег и оставила вам записку.

— И испортили ультразвуковой генератор?

— Да.

— Вы сделали это, так как знали, что под воду заменять генератор пойдем мы с Полом?

— Да.

— И другое?..

— Да, и это тоже. Я наполнила разум Пола тем, что я чувствовала и видела, плавая под полом «Чикчарни».

— И еще вы смогли заглянуть в разум Фрэнка. Вы знали, как он прореагирует. И подготовили убийство...

— Я никого ни к чему не принуждала.

Я смотрел в чашку, взволнованный ее мыслями. Выпил чай одним глотком.

— Но разве вы не управляли им, пусть даже и немного, под самый конец, когда он напал на меня? Или — куда более важно — руководили его периферийной нервной системой? Или еще более простым существом?.. Способны ли вы управлять действиями акулы?

Марта налила мне еще чаю.

— Конечно, нет,— ответила она.

Мы немного посидели в безмолвии.

— Что вы планировали сделать со мной, когда я решил продолжать расследование? — спросил я.— Пытались расстроить мои ощущения и подтолкнуть меня к гибели?

— Нет,— ответила она быстро.— Я наблюдала за вами, желая понять, что вы решите. Вы испугали меня своим решением. Но то, что я предприняла вначале, не было нападением. Я попыталась показать вам кое-что из сноп еснопения, успокоить ваши чувства, привнести в них мир и покой. Я надеялась, что это произведет некую алхимическую реакцию в вашем разуме, смягчит ваше решение.

— Вы сопровождали эту картину внушением нужного вам результата.

— Да, я делала это. Но вы тогда обожгли руку, и боль привела вас в чувство, и тогда я напала на вас.

Марта произнесла это неожиданно усталым голосом. Впрочем, день выдался для нее нелегким, ведь о стольких вещах ей пришлось позаботиться.

— И это была моя ошибка,— продолжила она.— Позволь я вам просто продолжить следствие — и вы не нашли бы ничего. Но вы почувствовали неестественную природу нападения. Вы соотнесли это с поведением Пола и подумали обо мне — мутанте — и о дельфинах, и об алмазах, и о моем недавнем путешествии. Все это слилось в ваших мыслях; я увидела, что вы можете причинить непоправимый ущерб: внести информацию об аллювиальном месторождении алмазов и Мартинике в Центральный банк данных. И тогда я позвала вас сюда — поговорить.

— Что же дальше? — *спросил я.*— Суд никогда не признает вас виновной. Вы в безопасности. Даже и мне трудно осудить вас. Мои руки тоже в крови, как вам известно. Вы — единственный живой человек, который знает, кто я, и это причиняет мне неудобство. И все же у меня бродят кое-какие догадки относительно того, о чем вы не хотели информировать весь белый свет. Вы не станете пытаться уничтожить меня, ибо знаете, что я сделаю с этими догадками в случае нарушения соглашения.

— И я вижу, что вы не воспользуетесь вашим кольцом до тех пор, пока я не спровоцирую вас на это. Спасибо.

— Кажется, мы достигли какого-то равновесия.

— Тогда почему бы нам не забыть обо всем этом?

— Вы имеете в виду — почему бы не доверять друг другу?

— А это очень необычно?

— Вы же понимаете, что будете обладать известным преимуществом.

— Верно. Но долго ли будет иметь значение это преимущество? Люди меняются. Телепатия не поможет мне определить, что вы станете думать завтра — или где-нибудь в другом месте. Вам проще судить, потому что вы знаете себя лучше, чем я.

— Полагаю, вы правы.

— Конечно, говоря по правде, я ничего не выигрываю, разрушив ваш образ существования. Вы же, с другой стороны, вполне можете захотеть отыскать незарегистрированный источник дохода.

— Не буду отрицать,— согласился я.— Но если я дам вам слово, то сдержу его.

— Я знаю, что вы имеете в виду. И знаю также, что вы верите многому из того, что я сказала,— с некоторыми оговорками.

Я кивнул.

— Вы в самом деле не понимаете значения Песнопевца?

— А как я могу понять, не будучи ни дельфином, ни телепатом?

— Может, вам показать, помочь представить то, что я хочу сохранить, что хочу оградить от бед?

Я поразмыслил об этом, вспоминая происшедшее на станции. У меня не было способа узнать, как можно при этом управлять своим состоянием, какими силами она способна навалиться на меня, если я соглашусь на подобный эксперимент. Тем не менее, если он выйдет из-под контроля и помимо того, что было обещано, возникнет какое-то минимальное вмешательство в мой мозг, я знал способ мгновенно положить конец этому. Сложив руки перед собой, я положил на кольцо два пальца.

— Очень хорошо,— согласился я.

И затем это родилось снова — нечто вроде музыки, и все же не музыка, нечто такое, что не выразить словами, ибо сущность этого такова, какой не ощущал и какой не владел ни один человек,— вне круга человеческого восприятия. Я решил потом, что та часть меня, которая впитывала все это, временно переместилась в разум творца снопеснопения — того дельфина, и я стал свидетелем-соучастником временного рассуждения, которое он импровизировал, аранжировал, сливая все части в заранее сконструированные видения и выражая их словами, завершенными и чистыми, и облекая в воспоминания и в нечто отличное от сиюминутных действий. Все это смешивалось гармонично и в радостном ритме, постижимое лишь косвенно через одновременное ощущение собственного удовольствия Песнопевца от процесса их формулирования.

Я чувствовал наслаждение от этого танца мыслей, разумных, хотя и нелогичных; процесс, как и всякое искусство, был ответом на что-то, однако на что именно — я не знал да и не хотел знать, если честно. Самодостаточность бытия... Может, когда-нибудь это обеспечит меня эмоциональным оружием на тот момент, когда мне придется стоять одиноким и беспомощным перед бедой.

Я забыл свою собственную жизнь, покинул свой ограниченный круг чувств, когда окунулся в море, что было ни светлым, ни темным, ни имеющим форму, ни бесформенным, и все же сознавал свой путь, возможно подсознательно, в нескончаемом действе того, что мы решили назвать «людус»,— это было сотворение, разрушение и средство к существованию одновременно, бесконечное копирование, соединение и разъединение, вздымание и опускание, оторванное от самого понятия времени и все равно содержавшее сущность времени. Казалось, что я был душой времени, бесконечные возможности наполняли этот момент, окружая меня и вливая тонкий поток существования и радости... радости... радости...

Поток эмоций вихрем вытек из моего разума, а я сидел, все еще держась за смертоносное кольцо, напротив

маленькой девочки, сбежавшей от жутких цветов,— одетой во влажную зелень, весьма и весьма бледной.

— О-ча доу десу-ка? — произнесла она.

— Итадакимасу.

Она наполнила чашку. Я хотел протянуть руку и коснуться ее руки, но вместо этого поднял чашку и отпил из нее.

Конечно, она приняла мою ответную реакцию. Она знала. Но заговорила она немного погодя.

— Когда придет мой час — кто скажет, как скоро? — я уйду к нему. И буду там, с Песнопевцем. Не знаю, но я продолжу это, возможно, как память, в том безвременном месте, и будет это частью снопеснопения. Но и теперь я чувствую...

— Я...

Она подняла руку. Мы допили чай молча.

На самом деле мне не хотелось уходить, но я знал, что должен идти.

Как много осталось такого, что мне надлежало сказать, думал я, ведя «Изабеллу» назад, к Станции-Один, к мешку алмазов и всему остальному, что там еще было. Ну и ладно, самые лучшие слова — чаще всего именно те, что остаются несказанными.

Возвращение палача

Крупные белые хлопья падали за окном в тихой, безветренной ночи. В охотничьем домике тоже царила тишина, лишь изредка нарушаемая треском дров в жарко пылающем камине.

Я сидел в кресле лицом к двери. Ящик с инструментами стоял на полу слева от меня. На столике справа от кресла матово поблескивал шлем оператора — хитроумный прибор, созданный из металла, кварца, фарфора и стекла. Если он вдруг начнет щелкать, затем постукивать и наконец испускать мигающий свет, то это может означать лишь одно: *он пришел по мою душу.*

Незадолго до наступления темноты Ларри и Берт вышли наружу, вооруженные огнеметом и чудовищных размеров ружьем. Берт захватил с собой также пару гранат. Я тоже приготовился к встрече с *ним*: надел на левую руку черную перчатку и приклеил к ней небольшой кусок мягкого вещества, напоминающего замазку. Лазерный пистолет, в который я очень мало верил, лежал на столе рядом со шлемом, так что я легко мог дотянуться до него правой рукой.

Когда *он* войдет, в моем распоряжении останутся две-три секунды, а может, и того меньше. Он наверняка будет готов к тому, что я схвачусь за пистолет, но я поступлю иначе: с силой ударю ладонью по столу и брошусь на пол. Пластиковая взрывчатка, приклеившись к крышке сто-

ла, спустя две секунды сдетонирует от удара. Взрывная волна, отразившись от столешницы, обрушится на *него* — если *он* еще будет находиться у двери.

«Комнатный смерч» — так называлась эта недавно изобретенная штука, и оставалось только молиться Богу, чтобы *он* еще не пронюхал о таком оружии.

Рядом со шлемом на столе лежал черный кубик переговорного устройства. Я должен предупредить Ларри и Берта, когда услышу первые пощелкивания. Конечно, я предупрежу и Тома с Клейтоном, которые заняли позиции в полумиле от дома, но скорее всего к этому моменту оба будут мертвы.

Ночь тянулась как никогда долго. К двум часам меня стала одолевать дремота. Я зевнул, потянулся... и в это же мгновение услышал негромкие пощелкивания, испускаемые шлемом.

Мне некогда было даже испугаться. Я предупредил парней, надел шлем и положил руку на стол.

Но было уже поздно.

Он пришел.

Это лето я провел на своей яхте, объездив все северное побережье США, словно завзятый турист. Неплохо подзаработав на последнем дельце, я позволил себе предаваться праздности. Единственное занятие, которым я решил себя утруждать, была встреча с несколькими давними друзьями. Ближе к осени я предпочел перебраться в средние широты и бросил якорь в Чесапикском заливе. Здесь также оказалось прохладно, к тому же море было грязным и дурно пахло. Настало время вновь поднять паруса и направиться на юг, но в Балтиморе жил мой старинный друг Дон Уэлш, и я решил прежде повидаться с ним. Я послал Дону поздравительную открытку и пригласил в знакомый нам обоим пивной бар.

К вечеру назначенного дня я сидел за угловым столиком в полутемном зале и, потягивая темное пиво, лениво прислушивался к дребезжанью пианино и треску дров в камине.

Мне было хорошо и покойно. Деньги у меня, как ни странно, еще оставались, и я не испытывал ни малейшего желания работать. К сожалению, тогда я еще не знал, что у старины Дона были другие виды на меня.

Я съел очередной сандвич и заказал еще кружку пива. Дело шло к полуночи, а Уэлша не было видно. Я просидел еще два часа, разглядывая пианистку в черном, которая нещадно пытала вконец расстроенный инструмент. Я уже хотел расплатиться и уйти, как дверь в бар распахнулась и на пороге появился Уэлш с плащом, переброшенным через согнутую руку. Оглядевшись, он с улыбкой поспешил к моему столику.

Я изобразил на лице крайнее удивление.

— Дон, старина! Черт побери, как ты здесь оказался?

Уэлш, как всегда, не остался в долгу.

— Джон, неужто это ты? — воскликнул он, усаживаясь на соседнем стуле.— Что ты делаешь в нашем городишке? Не мог выбрать порт почище?

— Я здесь только проездом. Через пару часов отчаливаю. Как все перелетные птицы, я к осени предпочитаю перебираться на юг.

Дон подозвал официантку и заказал себе пива.

— Как бизнес? — спросил я.

— Дела крайне запутанны,— ответил Уэлш.— Сейчас, например, я ищу толкового консультанта.

Мы закурили и, ожидая пиво, неспешно стали обмениваться последними новостями. Пианистка в черном тем временем добивала бедное пианино, заставляя его хрипеть и рыдать, и мучения инструмента наполнили сочувствием наши сердца.

Дон Уэлш руководил вторым по величине в мире детективным агентством. Порой он нанимал меня, когда в очередном его деле появлялся запах науки. Судя по всему, сейчас вновь наступил такой момент, и не могу сказать, что это очень меня радовало. Но огорчать Уэлша я не хотел — слишком многим ему обязан.

Мы допивали пиво, болтая о разных пустяках. Расплатившись, мы вышли из бара и пошли по темной аллее, ведущей в сторону порта.

— Насколько я понимаю, у тебя есть для меня работа,— сказал я.

Уэлш кивнул.

— Поговорим здесь? — предложил он.

— Нет, лучше у меня на яхте.

Он вновь кивнул, и мы пошли дальше по аллее.

Минут через сорок мы уже сидели в каюте «Протея», потягивая только что сваренный мною кофе. Волны мягко покачивали яхту под туманным, безлунным небом. Здесь, всего в нескольких метрах от берега, жизнь сразу же замедляла свой бешеный городской ритм. От моря словно веяло магической вневременностью — ведь океан, в отличие от материков, почти не изменился за многие миллионы лет. Может быть, именно поэтому я в последние годы предпочитал яхту своей квартире.

— Странно, но я первый раз оказался на борту твоего «Протея»,— промолвил Уэлш, оглядывая каюту.— Уютно, чертовски уютно.

— Благодарю. Сливки, сахар?

— Если можно, и то и другое.

Мы сделали по нескольку глотков и поставили на стол дымящиеся чашки.

— Так чего же ты хочешь от меня? — наконец спросил я.

— Сейчас я занят одним весьма запутанным делом, осложненным двумя обстоятельствами. Одно из них по моей части, другое — нет. Я бы сказал, что это дело уникальное, крайне сложное и требует консультации опытного специалиста.

Я усмехнулся:

— Если ты имеешь в виду меня, Дон, то я специалист лишь в одном — спасении своей шкуры в любых обстоятельствах. Во всем остальном я всего лишь любитель.

Уэлш серьезно взглянул на меня.

— Я всегда удивлялся тому, Джордж, как много ты знаешь о компьютерах.

Я нахмурился. Это было ударом ниже пояса. *Никогда* я не представлялся перед ним авторитетом в этой области техники. Между нами существовала молчаливая договоренность: Дон ставит задачу, а я либо берусь ее решать, либо нет. Методы моих действий обсуждению не подлежали. Нынче, кажется, все обстояло совершенно иначе. Дон не спешил рассказывать о своем деле, а вместо этого собирался выпотрошить меня. Это настораживало, и я принял круговую оборону.

— Специалист по компьютерам нынче дешевый товар,— сказал я.— Дети уже в начальных классах начинают познавать эту науку, а я уже далеко не школьник. Конечно же, Дон, я кое-что смыслю в компьютерах.

Дон улыбнулся:

— Замечательно. Твои знания будут нашей отправной точкой в этом странном деле. К сожалению, мои собственные познания больше касаются областей юриспруденции и военной разведки. Я неплохо осведомлен, как *действуют* нынешние компьютеры, но чертовски мало знаю, каким образом они *устроены*. Джордж, мне нужна твоя помощь.

Я кивнул без особого энтузиазма.

— Для начала расскажи о первых компьютерах и роботах, которые использовались на ранних этапах космических исследований,— предложил Дон.— Скажем, на примере освоения Венеры.

— Это были не компьютеры,— возразил я,— да и не совсем роботы. Скорее это были телеуправляемые приборы, или, проще, телефакторы.

— Чем же они отличались от роботов?

— Робот, по крайней мере нынешний робот,— это машина, способная выполнять сложные действия в соответствии с заложенными в ее «мозг» программами и инструкциями. В определенном смысле она обладает некоторой свободой воли. Телефактор — машина-раб, управляемая дистанционно и с помощью оператора реагирующая на все возникающие ситуации. В зависимости от того, какие ставятся задачи, линии связи между операторами и телефакторами могут быть аудиовизуальными, кинестетическими, осязательными и даже обонятельными. Чем

теснее вы хотите обеспечить связь между оператором и телефактором, тем более антропоидным должен быть последний.

— А как обстояло дело на Венере? — нетерпеливо спросил Дон.

— Если мне не изменяет память, человек-оператор размещался на орбитальном модуле. Он надевал экзоскелет, который контролировал движение соответствующих органов телефактора там, на планете. Специальный шлем был связан с обзорной камерой телефактора и создавал для оператора иллюзию пребывания на поверхности. Через наушники он воспринимал все звуки, которые «слышал» телефактор. Я читал книгу, которую написал этот парень. Он вспоминал о том, что в течение долгого времени начисто забывал, что он — лишь оператор, управляющий сложным прибором. Нет, ему казалось, что он на самом деле находится на Венере и бредет по ее адской поверхности. Я был ребенком, когда читал его потрясающий рассказ, и мне ужасно хотелось тоже управлять телефактором — только крошечным и не на Венере, а в мире микроорганизмов.

— А это почему?

— Потому что на Венере не оказалось драконов, и мне, мальчишке, это было неинтересно.

— Ясно. Теперь расскажи о том, чем отличались от телефактора более поздние модели.

Я сделал пару глотков кофе и откинулся на спинку кресла, полузакрыв глаза.

— Они появились на свет тогда, когда мы начали освоение дальних планет и их крупных спутников. Поначалу мы не могли отправить туда операторов — это обошлось бы слишком дорого, да и не все технические проблемы были решены. Так или иначе, телефакторы были высажены на поверхность этих небесных тел, а их операторы сидели на Земле, в центре управления полетами. Проблем их взаимодействия был целый ворох, но главной оказалась задержка, связанная со временем прохождения сигнала

от телефактора к оператору и обратно. Из-за нее реакция телефактора зачастую оказывалась запоздалой, что приносило массу неприятностей. От этого нашли две панацеи. Первая заключалась в том, что телефактор, передав очередной сигнал, останавливался и ждал новой команды. Это делало взаимодействие оператора и телефактора более эффективным и организованным, но в случае быстрого изменения ситуации... сам понимаешь. Второй метод заключался в том, что компьютерный «мозг» телефактора непрерывно обрабатывал информацию об окружающей обстановке и мог управлять им по заданным программам в промежутке между двумя очередными командами оператора. Такой комбинированный способ получил на время широкое распространение. Он значительно облегчил задачу оператора, хотя если во внешней среде появлялся какой-то неожиданный фактор, то «мозг» телефактора заходил в тупик. Вот такие полуроботы-полуавтоматы и осваивали ближайшие к нам планеты.

Дон кивнул, достал из пачки очередную сигарету и закурил.

— Хорошо,— сказал он.— А что же было дальше?

— Следующий шаг определялся не техническим прогрессом, а чистой экономикой. Земля получила возможность тратить бешеные деньги на то, чтобы посылать людей на дальние планеты. Там, где это было возможно, на поверхность планет и спутников высаживались астронавты, а в более сложных случаях вновь использовались операторы на орбитальных модулях — как это делали прежде на Венере. Проблемы с временными задержками исчезли, и все пошло своим чередом.

Дон покачал головой:

— Что-то ты слишком быстро перешел к нынешним благословенным временам. Насколько я знаю, предыдущий этап был куда более сложным.

— Конечно,— согласился я.— До момента, когда Земля смогла позволить себе роскошь посылать людей к дальним планетам, ученым и техникам пришлось поломать голо-

вы. Было испробовано множество различных вариантов, но в результате пришли к одному: оператор — на Земле, телефактор с компьютерным «мозгом» — на поверхности планеты.

Дон пристально посмотрел на меня.

— И все же был один проект, в котором пытались несколько иначе решить проблему временно́й задержки между сигналами,— сказал он.— Телефактор и его компьютерный мозг были устроены по-другому. Ты что-нибудь слышал об этом?

Я закурил очередную сигарету, не спеша отвечать. Мне не нравилось, что Дон Уэлш заговорил об этом давнем и сугубо секретном проекте.

— Насколько я понимаю, ты говоришь о Палаче,— наконец произнес я.

— Да, о нем. Мне хотелось бы поговорить об этом поподробнее.

— В конечном счете, проект закончился неудачей,— заметил я.

— Однако поначалу этого сработало.

— Бесспорно. Но только в самом простом случае, при высадке на Ио. Причиной дальнейших неудач послужило то, что в Палаче было заложено два разнородных проекта: старый, опробованный телефактор и совершенно новый подход, находящийся в стадии исследований. Поначалу эти две половины казались хорошо пригнанными друг к другу, так что создатели Палача были в восторге. Да, поначалу дела пошли, но вскоре все развалилось.

— Чем же Палач отличался от обычного телефактора?

— Чем?.. Ну хотя бы компьютером, который не был просто компьютером... Хорошо, начнем сначала. В прошлом столетии три инженера из Висконсинского университета — Нордман, Парментир и Скотт — создали так называемый нейристор. Возьми две крупинки металла, помести между ними тонкий изолятор и охлади этот элемент до температуры, близкой к абсолютному нулю, так чтобы в нейристоре появился эффект сверхпроводимости. Окружи его магнитным полем, и получишь нечто вроде

нейрона. Миллиарды нейристоров создадут систему, близкую по ряду параметров к человеческому мозгу. В случае с Палачом было создано подобное устройство, занимающее объем одного кубического фута. Оно включало в себя более миллиарда нейристоров. Вот почему я сказал, что «мозг» Палача не был обычным компьютером. Ученые, создавшие его, работали на самом деле в области создания искусственного разума, хотя это и называлось куда более прозаично.

— Гм-м... если телефактор приобрел в результате этого мозг, пусть и нейристорный, то он стал роботом, не так ли?

— И да, и нет, и может быть,— ответил я.— Как телефактор он некоторое время управлялся операторами здесь, на Земле: в пустыне, в горах, на дне океана. Если хочешь, можешь называть это годами ученичества или детским садом. Вскоре выяснилось, что управлять Палачом тем труднее, чем сложнее обстановка, и потому ему предоставили определенную свободу воли. В таких случаях он должен был опираться не на определенные программы, а на свой опыт и память — то есть в каком-то смысле на интеллект.

— И тогда Палач стал из телефактора роботом?

— Не совсем. Робот в нашем понимании — это машина, действующая в соответствии с заложенными в нее программами, сколь бы сложными они ни были. Палач же после периода обучения научился принимать собственные решения. В каком-то смысле он был искусственным человеком в облике машины. Он оказался слишком сложным, и поведение Палача было часто необъяснимо даже для его создателей. Это, вероятно, и привело в конце концов к краху всей программы.

Дон хмыкнул:

— Неизбежное следствие свободы воли?

— Нет, дело в другом. Палач оказался первым опытом в этом направлении, и создававшие его группы ученых... как бы это выразиться... словом, они несколько вышли за рамки эксперимента. Мыслилось создать всего лишь

более сложный телефактор, способный к автономным действиям, а получилось нечто качественно новое. Например, психофизики воспользовались проектом, чтобы испытать на Палаче все свои новые разработки, и делали это зачастую не совсем легально. В результате Палач вдруг обрел способность чувствовать.

— Что-что?

— Конечно, далеко не так, как человек, но все же. Связь новой модели телефактора с оператором была настолько совершенной, что в «мозге» машины возбуждались процессы, аналогичные тем, что происходят в обоих полушариях человеческого мозга. В результате он оказался способным не только мыслить, но и, повторяю, чувствовать. Получился эффект полного присутствия оператора в теле Палача — и наоборот. Впрочем, о последнем почти ничего неизвестно.

— Ты думаешь, что это и послужило причиной провала проекта?

— Возможно. Но это только предположение.

— Гм-м... А каковы были физические возможности этого... этой машины?

— Палача сделали человекоподобным по трем причинам. Во-первых, его основой послужил телефактор. Во-вторых, так легче было обеспечивать его совместимость с оператором в период обучения. В-третьих, Палач получал возможность использовать для высадки на поверхность планеты обычный космический челнок, отделяемый на орбите от корабля-матки. Понятно, что никаких систем жизнеобеспечения ему не требовалось. И Палач, и челнок имели встроенные системы самовосстановления и практически неограниченный источник энергии. Они были подготовлены к работе в любых, самых сложных условиях, при чудовищных температурах и огромных давлениях.

— Насколько силен был Палач?

— Точно сказать не могу. Может быть, в дюжину раз сильнее обычного человека.

— Ясно. Итак, Палач успешно провел исследования на Ио и перелетел на другой спутник Юпитера, на Европу. И тогда начал вести себя... скажем, сумасбродно, хотя на Земле считали, что он всецело занят работой.

— Примерно так,— согласился я.

— Это выяснилось только тогда, когда Палач неожиданно отказался отправиться на Каллисто, а вместо этого полетел на Уран.

— Кажется. Точно не помню — я читал материалы по этому проекту довольно давно.

— С той поры устойчивая связь с ним прекратилась. Последовали долгие периоды молчания, перемежавшиеся короткими передачами. Речь Палача едва можно было понять, она скорее походила на бормотание сумасшедшего. Затем он высадился в системе Сатурна на Титане и неожиданно стал посылать на Землю обычные исследовательские сообщения. Но это продолжалось недолго. Все чаще он стал вести себя иррационально. Покинув спутник, направился на Уран, после чего связь с ним прервалась. По крайней мере, я об этом ничего не читал, а ведь прошло уже около двадцати лет.

Помолчав, Дон глухо продолжил, опустив глаза:

— Челнок Палача был найден два дня назад в Мексиканском заливе.

Я изумленно уставился на него.

— Он был пуст,— продолжил Дон.— Похоже, челнок упал в воду, двигаясь по слишком крутой траектории. Но, возможно, он просто не совсем удачно приводнился.

— Не понимаю,— пробормотал я, не веря своим ушам.

— А вчера вечером некоего Мэнни Бурнса, владельца ресторана в Новом Орлеане, нашли избитым до смерти в своем офисе.

— Не вижу связи...

— Мэнни Бурнс был одним из четырех операторов, которые некогда программировали... пардон, обучали Палача в период его подготовки к полету в систему Юпитера.

Настало долгое молчание.

— Совпадение,— наконец неуверенно произнес я.

— Мой клиент так не думает,— парировал Дон.

— Клиент?

— Один из трех оставшихся в живых бывших операторов. Он решил, что Палач вернулся на землю с одной целью: убить своих наставников.

— Твой клиент сообщил о своих страхах остальным?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда пришлось бы рассказывать о причинах своих страхов.

— А в чем они заключаются?

— Он умолчал об этом.

— И чего же он хочет от твоего агентства?

— Нанять хорошего телохранителя. И еще он жаждет найти Палача и разделаться с ним.

— И ты намерен поручить мне последнее, не так ли?

— Точно. Ты подходящий человек для такой тонкой работы, Джо. Ну, что скажешь?

Я собрался было ответить с предельной откровенностью, но сдержался. К тому же я слишком многим обязан Дону и не хотел подводить его.

— Работа весьма сложная,— дипломатично произнес я.

— Ты готов взяться за дело?

— Э-э... мне нужно как следует все обдумать,— уклонился я от прямого ответа.— И собрать побольше фактов. Например: кто он, твой клиент? Где живет? Чем занимается?

Дон успокаивающе поднял руку.

— Отвечаю,— промолвил он с улыбкой.— Мой клиент — мистер Джесси Брокден, сенатор из Висконсина. Естественно, я сообщаю это тебе конфиденциально.

Я кивнул:

— По-моему, нынешняя высокая должность мистера Брокдена все облегчает. Он легко может обеспечить себе надежную защиту и...

— Но тогда моему клиенту пришлось бы многое объяснять, чего мистеру Брокдену делать не хочется по вполне понятным причинам,— возразил Дон.— Это может повредить его карьере. Так или иначе, он обратился в мое агентство, а не в службу безопасности.

— Понятно. А что делают другие бывшие операторы? Они также жаждут нашей помощи?

— Наоборот! Они наотрез отказались от нашего содействия. Похоже, считают Брокдена параноиком.

— Эти типы общались друг с другом в последнее время?

— Вряд ли. Они живут в разных концах страны и не виделись уже несколько лет. Разве что случайно.

— Хрупкая почва для серьезных размышлений.

— Один из них был прежде психологом.

— О! И кто же именно?

— Лейла Тэккер. Живет в Сент-Луисе. Работает в местном госпитале.

— И никто не обратился за помощью к местным или федеральным властям?

— Нет. Брокден связался со мной, как только услышал о возвращении Палача. Он находился в это время в Вашингтоне. Услышав об убийстве Бурнса, сенатор немедленно разузнал все подробности, а затем попытался разыскать остальных бывших операторов, чтобы предупредить их. Они никак не отреагировали на это. Когда я разговаривал с доктором Тэккер, она очень корректно заметила, что Бурнс всегда был не очень здоровым человеком.

— Чем же он болел?

— В последние годы — раком спины. И с этим ничего нельзя было поделать. Доктор Тэккер сказала, что не видит никакой связи между его смертью и возможным возвращением Палача.

— Выходит, она не боится?

— Лейла объяснила мне, что лучше всех знает мозг этой машины и потому не видит никаких причин для беспокойства.

— А как отреагировал третий оператор?

— Он сказал, что раз доктор Тэккер спокойна, то и ему тревожиться нечего.

— Кто он такой?

— Дэвид Фентрис, инженер-электронщик и кибернетик. Прежде занимался внешним видом Палача.

Я встал и пошел за кофейником. Не то чтобы я очень хотел выпить еще чашку, нет. Просто я некогда работал с Фентрисом в одной из космических программ.

Он был старше меня лет на пятнадцать. Когда мы впервые встретились, Дэвид был полон идей и выделялся среди остальных сотрудников фанатичным энтузиазмом. Жилистый, ростом в пять футов и восемь дюймов, с ранней сединой и красивыми серыми глазами, упрятанными за массивными роговыми очками. Он был скуп на слова, так что поначалу вы могли принять его чуть ли не за невежду, попавшего в космический проект исключительно благодаря семейным связям. Но стоило выслушать Фентриса в течение нескольких минут, как, казалось бы, хаотичные обрывки мыслей вдруг начинали складываться в целостную картину, оригинальную и одновременно совершенно очевидную, так что было неясно, как вы сами не додумались до этого. После этого можно было только удивляться, что такой толковый специалист занимает незначительную должность. Нет, его совсем не зря позднее пригласили в проект по созданию Палача.

Вопрос в другом: мог ли Дэвид вспомнить меня спустя столько лет? Конечно, я постарел и несколько располнел: сказывалась удачная карьера и прочное материальное положение. Но было ли этого достаточно, чтобы на равных сразиться с блестящим умом?..

— Где он живет? — спросил я.

— В Мемфисе. А какое это имеет значение?

— Я просто пытаюсь расставить фигуры игры на географической карте. Сенатор Брокден пока еще остается в Вашингтоне?

— Нет. Он возвратился в Висконсин и укрылся в охотничьем домике в северной части штата. С ним четверо охранников.

— Ясно.

Я насыпал в кофеварку свежий кофе и стал ждать, когда закипит вода. Мне чертовски не понравилось все, что я услышал о «деле Палача», и я решил не браться за него. Но мне не хотелось отделываться сухим «нет». Совместная работа с Доном сыграла слишком важную роль в моей жизни. Было очевидно, что ему крайне необходима сейчас помощь. Что ж, можно попытаться упростить мою задачу и свести ее к роли обычного телохранителя.

— Странно, что только один сенатор боится Палача,— наконец сказал я.

— Согласен.

— К тому же он явно не хочет объяснять причин своего молчания.

— Верно.

— Не стоит также забывать, что доктор Тэккер сказала о его неуравновешенной психике.

— Не сомневаюсь, что он неврастеник,— кивнул Дон.— Взгляни-ка.

Он достал из своего кейса папку и, раскрыв ее, протянул мне лист бумаги. Это было письмо от Брокдена.

«Дон, я хочу немедленно встретиться с вами,— было написано размашистым почерком.— Франкенштейн только что вернулся из бездны, в которую мы некогда столкнули этого монстра. Теперь он ищет меня, чтобы утащить в преисподнюю. Позвоните между восемью и десятью часами вечера.

Джесси».

Я покачал головой. Преисподняя — да, это было серьезно.

Налив кофе гостю и себе, я вновь уселся в кресло и сделал несколько глотков, размышляя. Насколько я помнил, сенатор Брокден возглавлял подкомитет по проверке Центрального банка данных, касавшихся результатов проводимых правительством реформ. Об этом в последнее время немало шумели газеты, но я не мог припомнить, какую позицию занимал сенатор в спорных вопросах. Впрочем, сейчас было важно другое — какую позицию занял по отношению к сенатору Палач,— если эта

машина на самом деле вернулась из глубин космоса. Я мог не разделять политические взгляды сенатора, но позволить ему умереть, даже не попытавшись помочь...

Я налил себе еще одну чашку кофе и закурил очередную сигарету.

Мне очень не хотелось встречаться с Дэвидом, поле деятельности у меня и без того было широким. Я мог поговорить с Лейлой Тэккер, заняться убийством Бурнса, разузнать об обстоятельствах, при которых челнок обнаружили в водах Мексиканского залива. Словом, я могу и без Дэвида кое-что сделать, пусть это и будет полным разгромом шизофренических страхов сенатора Брокдена.

— У тебя есть фото Палача?

— Да,— ответил Дон.

Он протянул мне фотокарточку.

— Полицейский рапорт об убийстве Бурнса?

— Есть.

— Назови адреса и телефоны тех мест, где я смогу тебя найти в течение ближайших дней.

Дон усмехнулся, достал ручку и написал на листе бумаги несколько адресов.

— Рад был побывать на твоей яхте,— сказал он, поднимаясь.— Здесь чертовски уютно, только потолки в каюте чуть низковаты.

Я хотел было возразить, но, встав, ударился головой о висящий над креслом барометр. Это напомнило мне о том, что, имея дело с Доном Уэлшем, надо быть всегда настороже и не принимать его слова буквально.

На этом мой несколько затянувшийся отпуск закончился.

Меня разбудил телефонный звонок.

— Да?

— Мистер Донн? Уже восемь часов.

Я вылез из постели и уселся в кресло, с трудом приходя в себя после короткого сна. Я отношусь к породе людей, которые, что называется, долго запрягают, но быстро ездят. Чтобы прийти утром в форму, мне необходимо час провести в ванной, а еще час — на кухне, где я завтракаю от души, не считая калорий.

Прошедшей ночью я спал мало. Сразу же после ухода Уэлша я покинул «Протей» и направился в аэропорт, а оттуда в Сент-Луис.

Во время полета я не смог заснуть, решая, какую тактику поведения принять с Лейлой Тэккер. Прибыв в Сент-Луис, я снял номер в отеле возле аэропорта, попросил портье разбудить меня через пару часов и улегся в постель. Проснувшись, наскоро перекусил и стал изучать бумаги, которые мне передал Дон.

Лейла Тэккер была одинокой женщиной вот уже два года, после того как развелась со вторым мужем. Сейчас ей было сорок шесть, и она жила неподалеку от госпиталя, в котором работала. Судя по фотографии, выглядела она лет на десять старше своего возраста — брюнетка, светлоглазая, с причудливой формы очками на длинноватом носу. Лейла опубликовала множество книг и статей, и не только по вопросам медицины.

У меня не было времени собирать дополнительные данные об этой леди, и потому я просто взял такси и поехал к ней в гости. Конечно, следовало предварительно позвонить, но по опыту я знал, что куда легче сказать «нет» голосу в трубке, чем живому человеку, стоящему на вашем пороге.

Согласно данным Дона Уэлша, сегодня был один из таких дней, когда она принимала пациентов в своем домашнем врачебном кабинете. Войдя в холл большого пятиэтажного дома, я обнаружил ее имя вместе с десятком других у кнопки вызова. Не успел я разобраться, сколько раз нужно позвонить, чтобы связаться с Лейлой, как дверь распахнулась и пожилая дама с важным видом прошествовала мимо, даже не удостоив меня взглядом. Прежде чем дверь захлопнулась, я успел проскользнуть внутрь дома.

Поднявшись на лифте на второй этаж, я нашел искомую дверь и постучал. Дверь слегка приоткрылась, и я

увидел знакомое по фотографии лицо — правда, в жизни оно выглядело куда моложе.

Я изобразил на лице приветливую улыбку и сказал:

— Доктор Тэккер, меня зовут Джон Донн. Я хотел бы вас попросить помочь мне в разрешении одной проблемы, которой я сейчас занят.

— Что за проблема? — сухо спросила Лейла.

— Это касается машины, прозванной Палачом.

На ее лице проскользнула гримаса отвращения. Побелевшие пальцы с силой вцепились в край двери.

— Я проделал долгий путь к вам, доктор Тэккер, но готов тотчас уехать, не обременяя вас своим присутствием. Мне хотелось бы задать всего лишь несколько вопросов.

— Вы представляете интересы руководства НАСА?

— Нет.

— Тогда вы работаете на Брокдена, не так ли?

— Не совсем.

— Понятно,— усмехнулась она.— Сейчас я не могу принять вас — у меня пациенты. Но если вы потрудитесь подождать в холле около получаса, я дам вам знать, когда освобожусь.

— Отлично, благодарю.

Она кивнула и закрыла дверь. Я не спеша пошел к лестнице, закуривая на ходу.

Через минуту я понял, что мой небесный покровитель — уж не знаю, кто это, Бог или дьявол,— не зря дал мне небольшую передышку. Я вышел в холл и изучил имена всех жителей дома. Затем вновь поднялся на лифте, уже на пятый этаж, и постучал в дверь. Когда за ней послышались шаги, я достал блокнот и ручку.

— Да? — спросила из-за чуть приоткрытой двери полная пожилая леди.

— Меня зовут Стефен Фостер, миссис Глунц,— затараторил я, приторно улыбаясь.— Я занимаюсь исследованиями для Североамериканской потребительской лиги. Буду рад заплатить вам за ответы на те несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать. Меня интересует ваше

отношение к продуктам и другим вещам, которые вы покупаете в магазинах.

— Продукты... Что, вы заплатите мне?

— Да, миссис. Десять долларов за дюжину вопросов. Это займет минуту или две.

Лицо пожилой леди тотчас смягчилось. Она открыла дверь.

— Почему бы вам не войти, мистер? Мы могли бы побеседовать на кухне, за чашечкой кофе.

— Нет, благодарю вас. Вопросов так немного, что я успею только войти и мне сразу же придется уходить. Первый вопрос я хотел бы задать насчет дезинфицирующих средств...

Десять минут спустя я вновь спустился в холл, мысленно приписав тридцать баксов к графе «расходы» — за три дурацких интервью. Они ничего полезного мне не дали, но в такой сложной партии не грех подвигать пешками на флангах. Кто знает, как сложится ситуация в дальнейшем — быть может, мне понадобится даже такая набитая дура, как миссис Глунц.

Прошло еще около четверти часа, прежде чем дверца лифта раскрылась и из нее вышли трое мужчин — двое молодых и один постарше. Они над чем-то смеялись с похабными улыбками.

Заметив меня, один из них сказал:

— Вы — тот парень, который желает увидеть доктора Тэккер?

— Точно.

— Она сказала, что ожидает вас.

— Благодарю.

Почему-то мой ответ вызвал новый взрыв смеха у веселой троицы пациентов доктора Тэккер. Немного озадаченный, я пошел к лестнице.

На этот раз Лейла встретила меня довольно гостеприимной улыбкой. Проводив в гостиную, она предложила мне сесть в кресло около журнального столика.

— Хотите кофе? Осталось почти полкофейника после приема пациентов.

— Замечательно. Только, если можно, черный и без сахара.

Минуту спустя она принесла две дымящиеся чашки, а сама уселась на стоящую рядом со столиком софу. Сделав несколько глотков, вопросительно взглянула на меня.

— Итак, мистер Донн, я хотела бы узнать поподробнее, что именно привело вас в Сент-Луис.

— Я уже говорил. Телефактор, прозванный Палачом и, возможно, обладающий искусственным разумом, вернулся на Землю.

— Это только гипотеза,— отпарировала доктор Тэккер.— Или вы знаете больше, чем я. Мне сообщили, что в водах Мексиканского залива нашли полуразбитый челнок, и только. Не обнаружено никаких доказательств, что его пилотировал Палач.

— Гм-м... Мне это кажется весьма вероятным предположением.

— А я думаю иначе. Скорее всего, Палач послал свой челнок на Землю много лет назад, и тот вернулся, ведомый автопилотом.

— С чего это Палач должен был возвращать свой челнок? — возразил я.— И почему он приводнился именно рядом с Атлантическим побережьем Америки?

Лейла нахмурилась и пытливо взглянула на меня.

— Прежде чем ответить, я хотела бы знать, почему вы этим интересуетесь. Вы журналист?

— Нет. Я писатель, работаю в области научно-популярной литературы. Но делом Палача занимаюсь не ради публикаций. Мне заказали отчет о психологических особенностях искусственного разума Палача.

— Кто?

— Одна компания проводит секретные исследовательские работы,— пояснил я.— Ее интересует, какие факторы и как могут повлиять на мыслительные способности Палача — если предположить, что он все-таки вернулся на Землю. Я провел кое-какие предварительные изыскания и пришел к выводу, что ядром личности этой разумной машины послужили своеобразные «слепки разумов»

четырех операторов, которые некогда обучали его. Поскольку вы были прежде психологом, то я решил в первую очередь навестить именно вас.

Она кивнула, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Если хотите, приоткрою карты,— поколебавшись, продолжил я.— Меня нанял мистер Уэлш, который, в свою очередь, работает на сенатора Брокдена.

— Вы знаете, что случилось с Мэнни Бурнсом?

— Да, мне очень жаль.

— Мэнни принадлежал к тем людям, кто, даже смертельно болея, готов цепко держаться за жизнь, стремясь сделать до последнего дыхания как можно больше. Каждое мгновение для него было дорого — ведь он чувствовал, как старуха-смерть дышит ему в затылок. Правда, в последнее время Мэнни стал вести себя... скажем, иррационально. Джесси звонил ему и был поражен его ужасом. Слухи о возвращении Палача тогда уже дошли до Мэнни. Впрочем, у него был рак, и причина его страхов понятна и без того.

— Но вы не видели оснований бояться этой человекообразной машины?

— Нет. Я была последним оператором, работавшим с Палачом, перед тем как его отправили в космос. Во время обучения мы много занимались организацией связи между воспринимаемой информацией и целенаправленной деятельностью. Многое из того, что он получил от нас четверых, было слишком сложно для Палача, но могло отложиться в его памяти. Представьте себе бедного ребенка, которого родители заставили выучить адресную книгу. Долгие годы это может казаться пустым грузом, но, повзрослев, человек может однажды использовать эти знания с пользой для себя. У Палача-ребенка таких излишних знаний оказалось много, и, кроме того, они были связаны с четырьмя совершенно различными индивидуальностями. Если он на самом деле вдруг «повзрослел», то представьте себе те внутренние конфликты и противоречия, которые стали терзать мыслящую машину.

— Почему бы вам не подумать об этом раньше, во время обучения? — спросил я.

Она невесело улыбнулась:

— Тогда все это считалось вторичным, малозначащим. Нейристорный мозг машины казался нам недостаточно зрелым и восприимчивым, чтобы запоминать «адресную книгу», когда оператор пытается втолковать ему, скажем, законы Ньютона. Однако он запомнил и то и другое, только сразу это никак не проявилось. Многое, что Палач-ребенок воспринял от нас, операторов, долгое время оставалось скрытым, но его мозг постепенно развивался. Однажды там, в космосе, он вдруг почувствовал себя словно бы составленным из четырех различных индивидуальностей. Это привело его в панику. Когда он пытался разъединить их, то приходил в шизоидное состояние; когда же пытался как-то совместить, впадал в кататонию, или, иначе, в ступор. Палач циклично переходил из одного крайнего состояния в другое, затем колебания психического маятника стали затухать. Я почувствовала перед самым концом связи, что Палач вошел в состояние, близкое к эпилепсии. Наверное, в этот момент через нейристорные ячейки его мозга проходили токи огромной силы, разрушая их. Они неизбежно должны были привести к гибели машины или сделать ее идиоткой.

— Понимаю,— кивнул я.— Мне почему-то кажется, что до такого печального финала дело не дошло. Более вероятно другое: либо он сумел слить слепки четырех различных индивидуальностей в одну, либо впал в постоянную шизофрению. Как вы считаете, каково было бы поведение машины?

— Понятия не имею, особенно во втором случае. Палач — не человек, и шизофрения его может развиваться совсем иными путями. Возможно, все четыре составляющие «личности» в результате его деятельности в космосе стали развиваться. Или дегенерировать. Или конфликтовать друг с другом. Или мутировать, переходя в совершенно новое качество. Кто знает? Но в любом случае я не

верю, что машина с поврежденной психикой стала бы возвращаться на Землю. Зачем ей это нужно?

— Позвольте сделать одно предположение?

— Рискните,— усмехнулась Лейла.

— После долгой борьбы верх над четырьмя демонами, терзавшими Палача, взял пятый, рожденный в яростной схватке. И этот пятый демон с самого рождения испытывал ненависть к четырем операторам, породившим, пусть и невольно, страшный разлад в душе машины. Теперь ею двигает лишь одно — жажда мести.

Лейла снисходительно взглянула на меня.

— Похоже, вы чересчур начитались Фрейда. Эдип и Электра в одном лице, стремление ребенка уничтожить обоих родителей... Даже Фрейд не нашел названия для такого чудовищного комплекса.

— Я бы назвал это гермацисовым комплексом.

— Почему?

— Палач мне кажется Гермафродитом, объединенным в одном теле с нимфой Салмакидой. Почему бы ему не испытывать ненависти к четырем своим «родителям»?

Лейла вновь улыбнулась:

— Все это лишь предположения, мистер Донн. Если бы на самом деле произошло нечто подобное, это означало бы, что нейристорный мозг куда устойчивей человеческого. Люди не в силах пройти через круги ада и сохранить способность к целенаправленным действиям. Если же Палачу удалось это сделать и создать в результате целостную, новую личность... Почему вы считаете, что он должен был завязнуть в ваших гермацисовых комплексах? Возможно, Палач стал бы питать к нам неприязнь, даже отвращение — но почему именно ненависть? Он может найти в космосе другие приложения для своих новых способностей, которые позволили бы ему самоутвердиться в собственных глазах и почувствовать независимость от прошлого.

— То и другое он может постигнуть, избавившись от своих четырех родителей,— упрямо возразил я.

— Вы настаиваете на изобретенном вами гермацисовом комплексе? Что ж, ваше право. Я же предпочитаю считать, что возможности нейристорного мозга не позволили психике зайти в такой тупик. Шизофрения должна была разрушить искусственный мозг и тем самым решить все наши проблемы. Другими словами, нам нечего тревожиться.

Я допил почти остывший кофе.

— Все это было бы прекрасно — если бы дела обстояли именно так. Но могут существовать и другие причины, по которым Палач стремится убить вас.

Выражение ее лица не изменилось. Впрочем, я не ожидал иного.

— Что за иные причины? — спокойно спросила доктор Тэккер.

— Боюсь, мне нечего вам сказать,— вздохнул я.— Пожалуй, это все, о чем я хотел спросить вас.

Она улыбнулась с явным облегчением.

— А мне нечего вам ответить.

Она первой поднялась с софы, и я последовал за ней.

— Благодарю вас, вы были очень добры.

— Рада была вам помочь, мистер Донн. Скажите, а что вы собираетесь предпринять?

— Пока не решил,— уклончиво ответил я.— Попытаюсь сделать свой отчет поподробнее. Возможно, мистер Фентрис сможет дополнить ваш рассказ?

Лейла фыркнула.

— Нет, не думаю, что Дэвид способен сообщить вам что-нибудь полезное. Некоторые люди находят смысл жизни в религии, другие — в неуместном, почти мазохистском рвении... Впрочем, забудьте все, что я сказала. Трудно ставить диагноз на расстоянии. Вы сделаете свой вывод, когда встретитесь с Дэвидом.

— Посмотрим,— ответил я.— Хотя еще не факт, что я буду искать встречи с вашим бывшим коллегой. Но вы озадачили меня. Как может религия влиять на инженера?

— Я разговаривала с Дэвидом после того, как Джесси сообщил нам о возвращении челнока. Странный полу-

чился разговор... Дэвид говорил, что возвращение Палача — это, мол, возмездие Всемогущего за то, что мы, люди, вмешались в его область: создание разумного существа. Потому-то якобы Палач стал безумным и вернулся на Землю, дабы совершить над нами Божий суд.

— Ого,— промолвил я.

Лейла улыбнулась, словно извиняясь за Дэвида, и я вернул ей улыбку.

— Все было именно так,— со вздохом сказала она.— Хотя не исключено, что у Дэвида просто очередной приступ ипохондрии. Вам стоит навестить его.

Я покачал головой. Что-то мне подсказывало, что решение проблемы не касается моего старого знакомого. В любом случае спешить не стоило.

— Еще раз благодарю вас,— сказал я.— Теперь мне ясно, что все дело в психологической стороне вещей, а не в механической или теологической. Кажется, в конце тунеля забрезжил свет.

Она ответила холодной улыбкой, но, прежде чем закрыть за мной дверь, неожиданно сказала:

— Мистер Донн, если вас не затруднит... Словом, я хотела бы знать, чем обернется вся эта история с Палачом.

Я сделал вид, что удивлен ее просьбой, хотя и ожидал нечто подобное.

— Э-э... видите ли, я уже почти закончил свое расследование. Меня попросили написать небольшой отчет, и я буквально сегодня сяду за него. С другой стороны, не исключено, что мой заказчик кое-что сообщит мне о дальнейшем ходе дел.

— У вас есть номер моего телефона?

— Кажется, нет.

Он был у меня, и все же я с серьезным видом записал телефон Лейлы в блокнот — сразу же после ответов миссис Глунц на мои расспросы по поводу качества дезинфицирующих средств.

Я направился прямехонько на аэродром, купил билет на самолет, направляющийся в Мемфис, и вскоре уже сидел в мягком кресле. Если бы я замешкался на несколь-

ко секунд и опоздал, все в дальнейшем могло пойти подругому. Да что же здесь поделаешь! Добрый доктор Тэккер убедила меня в том, что следующим, кого я посещу, будет Дэвид Фентрис, черт бы его побрал. Лейла явно не рассказала мне правды, и нужно было поговорить с оставшимися двумя операторами — пока они еще живы.

Я вышел из самолета в холодный, сумрачный полдень. Почти сразу же поймал такси и назвал водителю адрес офиса Дэвида.

Казалось, что на город надвигается буря. На западе быстро росла темная стена облаков. Когда я вышел из машины, на пыльную мостовую упали первые капли дождя. Воздух заметно посвежел.

Я стряхнул с плаща влагу и вошел внутрь административного здания.

Узнав по внутреннему справочнику номер комнаты Дэвида, я поднялся на лифте и вскоре уже стучался в нужную дверь. Никто не ответил. Я вновь постучал, а затем толкнул дверь, и она свободно распахнулась.

Я оказался в небольшой комнате ожидания с зеленым паласом на полу. Обстановка ее была весьма скудной, стол для секретаря был покрыт пылью. Кабинет находился за пластиковой перегородкой. Не ожидая приглашения, я вошел внутрь и увидел немолодого человека с обширной проплешиной и жидкими волосами. Он сидел за столом и нервно постукивал костяшками пальцев по крышке, словно чего-то ожидая. Услышав шаги за спиной, он обернулся.

Я едва узнал Дэвида. Он заметно похудел, щеки впали, очки стали еще массивнее. Перед ним на столе лежал лист с какими-то схемами. Рядом стоял металлический, несимметричной формы шлем, отделанный кварцем, фарфором и стеклом.

— Меня зовут Джон Донн, ищу Дэвида Фентриса.

— Это я.

— Рад встретиться с вами. Некогда, если помните, мы с вами участвовали в одной из космических программ.

Дэвид улыбнулся и протянул мне руку.

— Держу пари, Джон, вы пришли ко мне по делу Палача,— сказал он.

— Да. Видите ли, мне поручили подготовить отчет...

— ...И вы желаете знать мое мнение, насколько это опасно. Что ж, садитесь.

Я сел в соседнее кресло.

— Хотите чаю?

— Нет, благодарю.

— А я бы выпил чашечку.

— Ну, если вы настаиваете...

Он подошел к шкафу и достал из него чашки.

— Прошу прощения, сливок нет.

— Неважно. А как вы узнали, Дэвид, что я пришел к вам именно по поводу Палача?

Он усмехнулся и поставил на стол две дымящиеся чашки.

— Потому что *он* вернулся. Кроме того, только с этой давней работой я связан определенными обязательствами.

— Вы не будете возражать, если мы потолкуем об этом?

— Пожалуйста. Кроме одной небольшой темы.

— Что за тема?

— Если мы подойдем вплотную, я скажу об этом.

— Странно... Ну хорошо. Дэвид, насколько Палач опасен для людей?

— Могу сказать абсолютно точно — он совершенно безвреден для всех,— сказал Дэвид спокойно.— За исключением трех человек.

— А еще недавно — четырех?

— Верно.

— В чем же причина этого?

— Мы некогда сделали кое-что, чего не должны были делать,— уклончиво ответил Дэвид.

— Что же именно?

— Гм-м... Скажем так: попытка создать искусственный разум.

— А почему вы не должны были делать этого? — поинтересовался я.

— Джон, не вам задавать подобные вопросы,— серьезно сказал Дэвид.

Я пожал плечами.

— По-моему, в библейских десяти заповедях ничего нет на этот счет,— заметил я.— Разве что вы пытались сделать это обманом.

— Библия была написана слишком давно, и многое с тех времен изменилось,— возразил Дэвид.— То, что мы сделали,— своеобразная форма гордыни. Пытаясь создать разум, мы волей или неволей захотели встать на одну ступень с Господом, что само по себе высший грех.

— А вы уверены, что это была гордыня, а не энтузиазм участников суперпроекта?

— О, тогда хватало и того и другого.

— Но одно дело — мысленно сравнивать себя с Господом, а другое — быть им. Ваши действия можно оценивать иначе — например, как попытку приблизиться к божественному идеалу, если вам нравится такое сравнение.

— Нет, мне не нравится! Человек не может быть созданным иначе, как Богом. Мы в силах воспитать его, сделать более образованным и умелым, не более того. Только Господь может *создавать*.

— Тогда вам нечего тревожиться на этот счет.

Дэвид нахмурился:

— Все так, но Палач может не знать этих замечательных рассуждений.

— Вам-то четверым они приходили в голову в то время?

Дэвид хмуро буркнул:

— Не уверен.

— Тогда почему бы не считать, что вы были просто орудиями в руках Творца?

Он криво усмехнулся:

— Неплохо, Джон Донн, неплохо. Тем не менее я чувствую, что приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит.

— Выходит, вы считаете Палача чем-то вроде ангела мести?

— Иногда. Во снах мне видится Палач, вернувшийся для возмездия. Но не исключено, что этой машиной могут двигать и другие мотивы.

— Какие же?

Дэвид покачал головой:

— Я предупреждал, что есть тема, по поводу которой я не намерен рассуждать — хотя бы потому, что дал слово. Сейчас мы подошли к ней.

— Хорошо,— разочарованно протянул я.— Жаль, что именно передо мной вы воздвигаете эту глухую стену. Видите ли, Дэвид, люди, на которых я работаю, могли бы защитить вас и остановить Палача. Я надеялся, что вы расскажете мне больше — если не ради своей безопасности, то хотя бы для спасения своих бывших товарищей. Они могут и не разделять вашего фатализма. Кроме того, вы и сами не вполне уверены в том, что говорите.

Дэвид озадаченно посмотрел на меня и потер переносицу, что уже неоднократно делал во время беседы.

— Что вы намереваетесь предпринять? — глухо спросил он.

— Лично я? Ныне я всего лишь писатель-популяризатор, и передо мной стоит одна задача: получше составить доклад для моего заказчика. Чем полнее он будет, тем больше мне заплатят, только и всего.

Дэвид некоторое время пытливо смотрел на меня.

— Я читаю немало популярной литературы в области компьютерной техники и что-то не встречал вашего имени, Джон,— наконец недоверчиво проговорил он.

— О, большинство моих работ касаются вопросов нефтехимии и биологии моря,— объяснил я.

— Что? Тем более неясно, почему ваш заказчик обратился именно к вам.

— Я был прежде не раз полезен этому агентству. Его шеф знает, что некогда я занимался компьютерами и космосом,— вот он и предложил мне тряхнуть стариной. Не вижу здесь ничего удивительного.

Дэвид посмотрел в дальний угол комнаты. Там, на столе, из-под груды папок выглядывал край компьютерного терминала. Если он захочет проверить правдивость моих слов, то специалисту по керосину и морским ежам придется сматывать удочки. Но Дэвид не сделал этого. Видимо, он и сам был далеко не безгрешен в этом разговоре.

— Ладно, оставим,— сказал он после долгой паузы.— Главное сейчас другое: я уверен, что Палач по той или иной причине хочет убить своих бывших операторов. Если это суд Всемогущего, так тому и быть. Если же нет, то посторонняя помощь мне не нужна. Я сделал необходимые приготовления. Надеюсь, что обращу весь гнев Палача на себя. Возможно, мне даже удастся остановить его.

— Как? — полюбопытствовал я.

Дэвид указал на лист со схемами, лежащий на столе.

— Это компоновочная схема Палача. Если снять его грудной панцирь, то здесь, здесь и еще здесь надо отсоединить контакты, и тогда машина будет отключена от источников энергии.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я оценивающим взглядом скользнул по схеме и кивнул.

— Верно. Сначала один контакт, затем — одновременно два и только затем четвертый. И только в такой, как вы сказали, последовательности.

— Неплохо для специалиста по нефтехимии,— заметил он.

— Нынче я не специалист ни в чем,— отпарировал я.— Я всего лишь литератор, нахватавшийся верхов в нескольких отраслях знаний. Понятно, что, прежде чем взяться за это дело, я полистал кое-какие книжки.

— Вижу.

Такое направление беседы меня не устраивало, и я попытался сменить направление.

— А вот вам, Дэвид, не грех было бы обратиться за консультацией к кибернетикам из НАСА. Насколько я знаю, о конструкции Палача вы имеете довольно смутное представление...

— Выходит, вас наняло руководство НАСА?

Я замялся.

— Э-э... нет, не совсем. Если говорить откровенно, то я работаю на частное лицо.

— Понятно,— спокойно кивнул Дэвид.— Я сразу заподозрил, что вас нанял Джесси. Хотя мне наплевать на это. Скажите ему, Джон, что судьбы ему не избежать, будь он хоть трижды сенатором.

— Судьба — это уже что-то заоблачное,— возразил я.— Не стоит ли вернуться на грешную землю? Все может произойти не так, как вы себе рисуете, Дэвид, и по самым прозаичным причинам. Например, Палач может прийти к вам совсем при других обстоятельствах, чем вы предполагаете. Или вы не следующий по списку и машина-убийца сейчас направляется к кому-то другому. Вы окажетесь ответственным за смерть товарища, если не расскажете сейчас мне всю правду. Относительно конфиденциальности нашей беседы...

Дэвид упрямо поджал губы.

— Нет, Джон, вам не поколебать меня досужими рассуждениями. Я знаю, что говорю. Куда бы сейчас ни шел Палач, он придет ко мне. Если я его не остановлю, он беспрепятственно сделает свое дело, и никто не сумеет ему помешать.

— Но откуда такая уверенность, что именно вы — следующий?

Дэвид достал из ящика карту.

— Взгляните сюда,— предложил он.— Палач посадил свой челнок в Мексиканском заливе. Мэнни жил ближе всего, в Новом Орлеане. Ясное дело, он был первым. Палач, кстати, способен двигаться под водой, словно управляемая торпеда. На мой взгляд, он выбрал для своего путешествия Миссисипи. Проследите его возможный путь, и вы поймете, что следующим буду я, поскольку живу в Мемфисе. Затем настанет черед Лейлы. После этого Палач направится в Вашингтон.

Я подумал о сенаторе Брокдене, который скрывался сейчас в Висконсине. Если Палач на самом деле следо-

вал вверх по реке, то мог без труда настигнуть всех бывших операторов.

— Но откуда машине знать, где вы находитесь? — недоуменно спросил я.— Вы можете уехать из своих городов и даже из страны...

— Хороший вопрос,— согласился Дэвид.— Я не раз задумывался над ним. Дело в том, что во время своего обучения Палач стал воспринимать на расстоянии биоизлучения мозга каждого из нас. По ним он может легко ориентироваться, словно по радиопеленгу. Правда, ранее этот радиус обнаружения был невелик, но Палач ныне вполне мог сконструировать мощный усилитель, который значительно повысил его чувствительность к биоизлучению мозга. Он мог действовать и более прозаично — использовать обычный телефон, скажем. Сегодня утром, например, кто-то справлялся обо мне в справочном отделе здания. Палач может позвонить и ко мне домой. Так или иначе, эта хитрая бестия нас найдет, не сомневайтесь, Джон.

— И все же мне кажется, что вам троим надо подальше держаться от реки,— не очень уверенно предложил я.— Палач не может долго находиться на суше и оставаться незамеченным.

Дэвид презрительно улыбнулся:

— *Его* такие пустяки не остановят: раздобудет плащ и шляпу и будет идти к нам по ночам. Никаких человеческих потребностей он не испытывает, и это значительно облегчает для него задачу. Например, он может выкопать яму и засыпать себя землей, чтобы таким образом переждать дневные часы. Нет места на Земле, куда бы он не в силах был проникнуть, даже если это дно океана или жерло вулкана.

Я вздохнул. Дэвид уверенно держал оборону, и пробить ее мне никак не удавалось.

— Дэвид, вы не совсем логичны,— сделал я еще одну попытку.— Если этой машиной действительно руководит Провидение, то ваше намерение остановить ее выглядит богохульством. Если же ею движет дьявол, то вы становитесь его невольным соучастником, ибо справиться с Палачом наверняка не сумеете и только обречете на верную гибель своих бывших друзей. Мы могли бы обеспечить им хорошую защиту, но вы лишаете их даже шанса на спасение.

Дэвид хрипло рассмеялся.

— Ничего, уж эту вину я как-нибудь переживу,— сказал он.— Если я не смогу остановить этого монстра, то пускай те двое попытаются это сделать сами. Разве я им мешаю?.. Хотя, надо признаться, Джон, вы несколько поколебали мои позиции — самую малость.

— Таково было мое намерение.

— Вы останетесь здесь, в Мемфисе?

— Нет.

— Тогда, если не возражаете, дайте мне номер вашего телефона. Если у меня появятся какие-нибудь новые соображения по поводу Палача, я, пожалуй, позвоню вам.

— Лучше бы у вас появилось это желание сейчас, Дэвид.

— Нет, мне надо подумать.

Делать было нечего, и я дал Дэвиду адрес отеля в Сент-Луисе, где только что остановился. Где бы я ни был, мне нетрудно позвонить туда и узнать, не оставлял ли кто-нибудь посланий для меня.

У выхода я повернулся и сказал:

— Еще одно, Дэвид. Если Палач появится и вы остановите его, сообщите об этом?

— Да, конечно.

— Благодарю — и удачи!

Мы обменялись крепкими рукопожатиями.

Следующий, следующий, следующий...

Увы, оба моих визита не дали ничего существенного. Я не смог разговорить Лейлу, да и Дэвид не был расположен откровенничать. Так что звонить Дону Уэлшу пока рановато.

Я размышлял об этом по дороге в аэропорт. Послеобеденные часы мне кажутся лучшими для доверитель-

ной беседы, так же как ночь более всего годится для грязной работы. До конца дня вполне можно еще успеть поговорить с кем-нибудь. Я выбрал Фила Бурнса, брата покойного Мэнни — до вечера прилететь к нему в Новый Орлеан, пообщаться и только затем позвонить Дону, чтобы узнать новые инструкции. Потом стоило подумать, не заняться ли челноком. Не может быть, чтобы Палач не оставил в нем никаких следов — просто надо как следует поискать.

Небо над аэропортом было настолько темным и мрачным, что лететь сразу же расхотелось. К тому же я устал, и мне все надоело. Но отдыхать было рано.

Сидя в мягком кресле, я размышлял о проблеме ИР, или искусственного разума, как принято громко называть новое направление в компьютерной технике. Понятие это явно было сильнее, чем то, что следовало применять к нынешним «думающим ящикам», и причиной во многом была семантика. Слово «разум» давно уже стало своеобразным ярлыком, который философы-идеалисты привыкли отделять от его материального носителя — мозга. Особенно яро поддерживали эту идею сторонники теории витализма, которые с пеной у рта доказывали, что жизнь зарождается вне физических и биохимических процессов. В этом они были непримиримыми противниками Дарвина и его последователей, обвиняя последних в вульгарных механистических взглядах.

Теория витализма вновь серьезно заявила о себе в середине прошлого столетия и с той поры находила определенное число поклонников среди ученых. Очевидно, Дэвид пал ее жертвой, ибо считал, что помогал наполнять «тело» усовершенствованного телефактора чем-то нематериальным, тем, чем одарил Господь Адама и Еву в дни сотворения Человека.

Подобные мысли вряд ли могли возникнуть у создателей компьютеров или роботов, ибо те действовали в соответствии с заданными программами. В случае же с Палачом все было куда сложнее. На конечной стадии обучения

он находился в непосредственном контакте с человеческими разумами, от которых мог получить практически все. К чему это могло привести? К ИР, напоминающему разбитое зеркало, в котором отражались раздробленность и противоречия, свойственные человеческой личности? Или все эти разнородные элементы слились в одно целое? Никто, даже Лейла, не мог сказать ничего определенного на этот счет. Очевидно, что Палач приобрел в результате такого контакта множество новых функций и возможностей — но можно ли считать, что он в полной мере научился *чувствовать*? Способен ли он ныне ощущать любовь или ненависть? Если да, то на месте Дэвида я не терзался бы ощущением вины перед Создателем. Напротив, черт побери, я был бы страшно горд, словно первым из людей сумел научить разговаривать любимую собаку.

К концу дня небо очистилось. Я приехал на такси к дому Фила Бурнса еще до наступления заката и, еле передвигая ноги от усталости, поднялся по лестнице.

На мой звонок вышла девчушка лет семи или восьми. Уставилась на меня большими карими глазами и не произнесла ни слова.

— Я хотел бы поговорить с мистером Бурнсом,— сказал я.

Она повернулась и исчезла за дверью.

Минуту спустя на пороге появился грузный мужчина, одетый небрежно, по-домашнему. У него был выпуклый лоб с розовой залысиной, мясистое лицо и недовольные маленькие глазки. В левой руке толстяк держал газету.

— Чего надо? — буркнул он.

— Я хотел бы поговорить о вашем брате.

— Чего-чего?

— Надеюсь, вы позволите мне войти? Видите ли, возникли кое-какие сложности.

Однако мистер Бурнс предпочел захлопнуть дверь за собой.

— Поговорим здесь,— хмуро сказал он.

— Хорошо, я буду краток. Я только хотел бы узнать, не беседовал ли брат с вами о машине, прозванной Палачом. Некогда он работал с ней и...

— Вы, никак, коп? — с подозрением спросил Бурнс.

— Нет.

— Тогда какого хрена вы всем этим интересуетесь?

— Я работаю на одно частное агентство. Оно пытается разыскать кое-какое оборудование, некогда отправленное в далекий космос. Теперь одна машина могла попасть вновь на Землю и...

— У вас есть какие-нибудь документы? — перебил меня Бурнс.

— Нет, я не ношу их с собой.

— Кто вы такой?

— Джон Донн. Работаю в области...

— И вы считаете, что мой брат стащил эту самую дурацкую машину? Вот что я вам скажу, мистер...

Я потерял терпение и в свою очередь перебил Бурнса:

— Нет, ваш брат ничего не украл. По крайней мере, мы так думаем.

— Тогда что же произошло?

— Это было... Словом, Палач — нечто вроде робота. Возможно, Мэнни имел какое-то устройство, с помощью которого сумел обнаружить робота после его возвращения на Землю. Он мог даже специально приманить машину к себе. Потому я и хочу узнать, говорил ли ваш брат что-то о Палаче. Мы пытаемся разыскать этого робота.

Фил Бурнс побагровел.

— Мой брат был уважаемым бизнесменом, и я не желаю слышать никаких грязных обвинений! Особенно сейчас, после его смерти. Полагаю, мне стоит позвать полицейского, чтобы он задал вам несколько вопросов.

— Э-э, подождите минуту! А если я скажу, что именно робот убил вашего брата?

На скулах Бурнса вздулись желваки, его глазки запылали гневом. Мне показалось, что Фил вот-вот набросится на меня с кулаками.

— Успокойтесь, мистер Бурнс. Что особенного я сказал?

— Либо вы, мистер Донн-долдон, хотите посмеяться над покойным, либо вы еще глупее, чем выглядите! — взорвался мой собеседник, трясясь от гнева.

— Ладно, я глупее, чем выгляжу,— примирительно произнес я.— Только, ради бога, объясните, почему вы так решили.

Бурнс развернул газету, которую держал в руке, и буквально ткнул ею мне в лицо.

— Потому что копы нашли типа, который это сделал, вот почему!

Я прочитал статью на первой странице. Газета была свежая, сегодняшняя. Оказалось, полицейские схватили парня, который признался в нападении на Мэнни с целью грабежа. Убивать Бурнса он не собирался, «просто слишком сильно ударил».

Ошеломленный, я перечитал статью еще раз и вернул газету.

— Прошу прощения,— сказал я упавшим голосом.— Клянусь, я не знал об этом.

— Уходите отсюда,— процедил Фил Бурнс.— Прочь!

— Конечно,— кивнул я.— Еще раз прошу простить.

Я уже спускался с лестницы, когда Фил Бурнс окликнул меня.

— Мистер, я хочу, чтобы вы знали: дверь открыла его младшая дочь. Теперь она живет с нами, ведь бедняга Мэнни потерял жену два года назад.

— Очень жаль.

— И передайте своему начальству: Мэнни Бурнс не крал никаких роботов. Не такой это был человек!

Я кивнул и ушел.

Проснувшись на следующее утро в местном отеле, я провел больше часа в ванной, а завтрак занял у меня рекордное время — почти два часа. На этот раз я никуда не спешил и позволил себе даже стаканчик виски.

Да и куда было спешить? Палач оказался не таким грозным, как я прежде полагал. Сенатор Брокден мог вздохнуть с облегчением и оставить свою крепость с до зубов вооруженной охраной. Лейла Тэккер с чистой совестью могла бы наделить меня улыбкой типа «я же говорила!», прочитав эту статью в газете. Что касается Дона Уэлша, то ему решать, продолжать мне заниматься этим делом или нет. Полагаю, все зависело от чувств сенатора. Если он сочтет Палача не очень опасным, то обойдется одним-единственным охранником. Как ни странно, меня эта перспектива не очень-то радовала. Я вновь обретал безопасность — и скуку.

Усевшись в кресло, я взял телефон, чтобы позвонить Дону, но вместо этого набрал номер отеля в Сент-Луисе. Вполне вероятно, что мне оставили какое-нибудь послание — Дону его также полезно было знать.

На экране появилось женское лицо, которое немедленно расцвело улыбкой. Я подумал: интересно, она старается улыбаться так при каждом звонке, или это уже стало просто условным рефлексом?

— Вас слушает жилищная служба аэропорта,— ангельским голосом пропела милашка.— Чем могу помочь?

— Это Джон Донн. Я останавливался у вас в отеле вчера в 106-м номере. Не оставлял ли мне кто-нибудь письмо или еще что-нибудь?

— Подождите минуту,— сказала девушка и скосила глаза куда-то налево.— Да,— продолжила она, вглядываясь в лист бумаги.— Вам звонили в два часа ночи. Этот человек не назвал себя и вообще вел себя довольно странно.

Я едва сохранил самоконтроль.

— Все понятно,— сказал я с безмятежной улыбкой.— Сегодня сыграю с моим другом такую же шутку.

Конечно, это был Дэвид. Кто еще мог звонить по этому номеру?

Существовала, правда, еще одна возможность. Меня мог искать Палач. Никогда не слышал, чтобы роботы умели перехватывать телефонные разговоры, но это не

исключено. Так или иначе, я должен разыскать его — или своими глазами убедиться, что он уничтожен.

Сделав добрый глоток бренди, я попытался связаться с Дэвидом. В течение пятнадцати минут я набирал оба его номера, но мне никто не ответил.

Ладно. Прощай, Новый Орлеан, прощай, покой. Мне чертовски не хотелось выходить из игры, и я решил еще немного побарахтаться.

Я позвонил в аэропорт и заказал билет в Сент-Луис. Энергично встав, я стал, посвистывая, собирать вещи. Перед уходом я еще раз попытался разыскать Дэвида, но впустую.

Сидя в 106-м номере отеля, я нажал кнопку автоответчика.

Экран оставался темным. Вскоре я услышал голос Дэвида, спрашивающего меня. Женский голос ответил, что номер 106 не отвечает. Дэвид после некоторого колебания попросил сделать запись лично для мистера Донна, «который непременно скоро вернется». Девушку он попросил на несколько минут удалиться.

Экран все еще оставался темным, но я слышал тяжелое дыхание и какое-то пощелкивание.

— Джон...— донеслось наконец.— Вам надо знать... что я рассчитывал на вас, хотя... Все, что вы говорили... это не было главным... электроника ни при чем... мы словно играли, пытаясь перехитрить друг друга... нефтехимия... ха-ха! Хотел бы я на самом деле знать, что вы делали все эти годы... И вы не подозреваете... но мне хотелось бы предостеречь вас... чтобы позднее вы не чувствовали себя... победителем...

Последовала долгая пауза, прерываемая лишь его хриплым дыханием и легким пощелкиванием. Наконец послышалось едва разборчивое бормотание:

— Слишком много... слишком быстро... слишком сильно... все кончилось...

Наконец экран засветился. Дэвид сидел перед видеотелефоном, положив локти на стол и поддерживая рука-

ми окровавленную голову. Очков не было, и его подслеповатые глаза глядели на меня с тоской и испугом. Правая сторона лба была разбита в кровь, на левой щеке виднелась глубокая рана, и еще посреди лба...

— ...Он подкрался, когда я позвонил вам... Пока не знаю, кто из нас четверых был прав... Молитесь за меня!

Дэвид со стоном выбросил руку вперед — видимо, желая выключить телефон. Последнее, что я увидел, была его голова, лежащая на столе в луже крови.

Я немедленно стер запись. Похоже, Палач посетил Дэвида спустя час после моего ухода. Вряд ли Дэвид успел позвать на помощь, так что скорее всего сейчас он уже мертв.

Выйдя из отеля, я вошел в ближайшую телефонную будку и вновь позвонил Дону. Тот, к счастью, на этот раз оказался на месте.

Я коротко сказал ему, что дела Дэвида плохи, и попросил Дона вызвать на его адрес «скорую помощь» и полицию. Затем попытался связаться с Лейлой. Она не отвечала. Слушая длинные гудки, я размышлял о том, как долго эта управляемая торпеда будет плыть от Мемфиса до Сент-Луиса. Результат был неутешительным. Повесив трубку, я пошел ловить такси.

Подъехав к дому Лейлы, я пулей влетел в холл и трижды нажал кнопку звонка. Никто не ответил. Пришлось вызвать миссис Глунц — она показалась мне самой добродушной из всех соседей Лейлы, которых я успел обойти в прошлый раз с дурацкими расспросами.

В динамике что-то щелкнуло, и послышался знакомый голос:

— Да?

— Вас снова беспокоит Стефен Фостер. Моя фирма проводит новый опрос потребителей. Не уделите ли мне пару минут?

— Почему бы и нет? — ответила добродушная леди.

Дверь открылась, и я бросился к лифту. Поднимаясь на пятый этаж, я лихорадочно придумывал несколько

вопросов, которые не вызвали бы у миссис Глунц приступов красноречия.

Несколько минут спустя я уже сбегал на второй этаж. Дверь доктора Тэккер, как и следовало ожидать, была заперта. Я постучал, но мне никто не ответил. Тогда, оглядевшись, я достал из кармана набор отмычек и проскользнул в комнату, сразу же закрыв за собой дверь.

Лейла лежала на полу, и ее шея была неестественно вывернута. Настольная лампа горела, хотя и валялась на боку. На столе были разбросаны газетные заметки, на них лежала полочка с журналами. С софы свисала подушка. Телефон стоял на месте, но шнур был вырван из стены.

Было тихо, и только негромко что-то пощелкивало. Я насторожился — этот звук был мне знаком.

В кресле, в котором я сидел еще недавно, лежал шлем оператора. Точно такой же я видел вчера в офисе Дэвида — прибор, с помощью которого можно было обнаружить приближение Палача, а при удаче даже управлять им.

Инстинктивно я поднял шлем и надел его на голову.

Однажды мне приходилось ненадолго вступить в мысленный контакт с дельфином. Сейчас я ощутил нечто подобное. Это была странная смесь из разнородных впечатлений: лицо, глядящее на меня словно из-за влажного стекла; шум толпы на станции метро в час пик; голос Имы Сумак, поднимающийся на немыслимую высоту; «Крик» Эдварда Мунка; таяние снега под апрельским солнцем; пустынная улица, взгляд, словно бы через оружейный прицел, чувство собственной невероятной силы, обостренная работа всех органов чувств. И солнце, питающее меня своими животворящими лучами, и темный поток, несущий к берегу... Мунк и Сумак, Мунк и Сумак — и ничто...

Тишина.

Щелканье стихло, и свет погас. Новые, непривычные ощущения сохранились еще в течение нескольких секунд, а затем исчезли.

Палач был уже далеко.

Сняв шлем, я подошел к Лейле и встал рядом с ней на колени. На всякий случай попытался прощупать пульс, а затем приподнял ей остывшие веки. Да, поздно. В дополнение к сломанной шее она получила несколько очень сильных ударов по голове и плечам. Никто не смог бы спасти ее.

Я обошел комнату, внимательно все осматривая. Не было видно никаких следов взлома... хотя если я сумел открыть дверь, то эта машина без труда могла сделать то же самое.

Мельком взглянув на разбросанные бумаги, я засунул в пакет шлем и вышел из квартиры. Настало время позвонить Дону и сказать ему, что челнок вернулся на Землю не пустым и что движение по Миссисиси вверх по течению может быть небезопасным.

Дон попросил привезти шлем в Висконсин. Меня должен был встретить человек по имени Ларри и отвезти к охотничьему домику на флайере. Я также узнал без особого удивления, что Дэвид Фентрис мертв.

Температура в Висконсине резко упала, и пошел снег. Я не был одет для такой собачьей погоды. Ларри сказал, что теплая одежда найдется в охотничьем домике сенатора, хотя вряд ли мне понадобится надолго выходить наружу. Дон попросил меня не отходить далеко от мистера Брокдена, в то время как четверо его личных охранников будут патрулировать парами снаружи.

Во время полета Ларри расспрашивал, как идут дела и видел ли я Палача. Отвечал я коротко и неопределенно, так что парень вскоре отвязался. Другой охранник по имени Берт встретил нас на посадочной площадке в сотне футов от дома. В руках он держал автоматическую винтовку. Еще двое, Том и Клейн, наблюдали за лесной дорогой. Все они были среднего возраста, крепкие, с тяжелыми подбородками и серьезными взглядами. Их вооружение вызывало уважение. Ларри познакомил меня с товарищами, а затем проводил к дому.

Сенатор Брокден сидел в массивном кресле комнаты на четвертом этаже. Ноги его покоились на подушечке, красный плед закрывал ступни. Он был в темно-зеленой рубашке, свободных брюках и домашних шлепанцах. В его темных волосах блестела благородная седина. На мясистом носу небрежно висели очки без оправы, которые он немедленно снял, увидев меня.

Брокден откинул голову на спинку кресла и, не сказав ни слова, стал пристально разглядывать меня, слегка покусывая нижнюю губу. Его лицо при этом оставалось бесстрастным. Сенатор был крупнокостным мужчиной. Похоже, в прошлом он обладал атлетической фигурой, но сейчас выглядел почти изможденным, словно после долгой болезни. Лицо его также казалось нездоровым.

Сенатор не поднялся с кресла, а просто протянул мне худую руку.

— Итак, вы тот самый человек, о котором мне восторженно рассказывал Дон,— сказал он скрипучим голосом.— Рад вас видеть. Как вы хотите, чтобы вас называли?

— Джон, как обычно,— ответил я.

Сенатор небрежно махнул рукой, и Ларри ушел.

— Сегодня чертовски холодно,— промолвил Брокден.— Налейте себе выпивку сами — бутылки на полке. Заодно плесните и мне бурбона на два пальца.

Я кивнул, пошел к полке и наполнил два бокала.

— Садитесь, мистер Донн,— сенатор кивнул на кресло, стоявшее рядом с пылающим камином.— Только сначала дайте мне взглянуть на вещицу, которую вы принесли.

Я достал из пакета шлем и протянул его Брокдену. Сенатор сделал глоток, а затем взял шлем в руки, внимательно осмотрел его и надел на голову.

— Недурная штука,— сказал он, впервые улыбнувшись. Теперь я увидел его таким же, как на фотографиях в газетах. Иногда, правда, он любил принимать крайне разгневанный вид — словно ему было обидно за кем-то попранную американскую демократию.

Сняв шлем, он поставил его на пол, рядом с креслом.

— Очень хорошая работа... Некогда конструкция шлема казалась фантастичной, но Дэвид Фентрис сумел добиться успеха.— Сенатор взял бокал и сделал еще один глоток.— Мистер Донн, вы один из немногих людей, кто смог опробовать эту чудо-вещь в работе. Что вы о ней думаете?

Я пожал плечами:

— В контакте с Палачом я находился всего лишь несколько секунд, так что толком не успел разобраться в своих ощущениях. Но мне показалось, что, будь у меня чуть больше времени, я смог бы найти с ним общий язык.

— Тогда почему этого не сделал Дэвид?

— Его офис располагался рядом с оживленной автотрассой. Видимо, шум снаружи помешал ему расслышать реакцию шлема на приближение Палача.

— Почему вы не сохранили видеозапись последнего звонка Дэвида?

— Я стер ее по некоторым причинам,— коротко сказал я.

— Каким же это?

— Личным.

Лицо сенатора побагровело.

— Вы можете получить массу неприятностей из-за умышленного сокрытия важных фактов от властей,— процедил он.

— Тогда у нас есть кое-что общее, не так ли, сенатор? — спокойно отпарировал я.

Глаза сенатора вспыхнули недобрым огнем, но он сумел сдержать свой гнев.

— Дон говорил, что на вас не стоит особенно нажимать,— после долгой паузы произнес Брокден, словно бы размышляя вслух.— Вы этого не любите.

— Верно.

— Дон не стал открывать мне секреты ваших прошлых деловых взаимоотношений, но все же кое-что рассказал о вас.

— Представляю,— усмехнулся я.

— Напрасно вы улыбаетесь. Дон Уэлш очень высокого мнения о вашей персоне. Тем не менее я попытался кое-что разузнать и по своим каналам.

— И что же?

— И это мне, как ни странно, не удалось, хотя мои информаторы стоят тех денег, которые я им плачу.

— Тогда вы...

— Тогда я сделал некоторые умозаключения. Самое любопытное заключается в том, что о вас вообще нет никаких любопытных сведений. Большинство людей волей-неволей обращают на себя внимание властей. Остальных я бы разделил на три категории. Первая — те серые мышки, которые не достойны никакого внимания. Вторая — осужденные на длительные сроки. Третья — всяческое уголовное отребье, которое предпочитает все время держаться в тени. Вас я не отнес ни к одной из этих категорий.

— Спасибо. Выходит, я не уголовник.

Сенатор пытливо взглянул на меня.

— Я достаточно пожил на свете, мистер Донн, чтобы понять: множество ярких и сильных людей проходят по жизни, как иголка, пронзающая ткань. Они не оставляют ни следа, ни тени и все же порой добиваются многого. Мне кажется, вы относитесь к их числу.

Я склонил голову в знак благодарности.

— Лестно слышать. А что, если вы правы?

Он неожиданно неприязненно поморщился.

— Тогда вы можете оказаться излишне самоуверенным человеком,— сухо ответил он.— В данном случае это может только повредить делу. Короче, я не уверен, что вы способны справиться с Палачом.

Я подошел к окну и стал смотреть, как крупные снежинки кружатся под порывами ветра.

— Вы не собираетесь мне что-либо рассказать? — после долгой паузы спросил сенатор.

— А что можете сказать вы, мистер Брокден?

— Спросите меня: что вы собираетесь предпринять, сенатор?

— Хорошо. Итак, что вы собираетесь предпринять?

— Ничего,— безмятежно улыбнувшись, ответил он.— Садитесь, рядом с окном может быть опасно.

Я сел в кресло у камина.

Сенатор пытливо смотрел на меня.

— Я чувствую, вы горите желанием взять меня за горло и слегка придушить, не так ли?

— Зная, что снаружи дом стерегут ваши четыре гориллы?

— Да.

— Нет,— покачал головой я.

— Вы хороший лжец.

— Ничуть. Я здесь для того, чтобы помочь вам, сенатор, а не для того, чтобы что-то выведывать, тем более силой. Однако если обстановка изменилась, то я хотел бы услышать об этом, иначе мне будет сложно реагировать.

Сенатор задумчиво постучал пальцами по крышке стола.

— Не хочу создавать для вас дополнительные трудности, Джон,— примирительно произнес он.— Мне нужен был подобный человек, и Дон Уэлш нашел такого. Вы необычайно изворотливы, а также сведущи во многих областях науки и техники, что чрезвычайно важно для меня. Есть многое, о чем мне хотелось спросить вас. Только не сейчас. Позднее, если будет время. Пока же я сам хочу кое-что вам рассказать. Надеюсь, вы понимаете, что это сугубо конфиденциально?

— Вы принуждаете меня держать рот на замке? — спросил я, нахмурившись.

— Не думаю, что «принуждение» — подходящее слово. Мы связаны договорными отношениями, и, как в любом другом бизнесе, это ко многому обязывает партнеров.

— Тогда почему же вы хотите пооткровенничать со мной?

— Ситуация того требует,— пояснил сенатор.— Быть может, это сможет вам помочь при встрече с Палачом.

Я кивнул.

— Если вы расскажете мне правду, то мы оба будем в большей безопасности. Ваши трое друзей предпочли сохранить тайну — и в результате унесли ее с собой в могилу,— подбодрил я сенатора.

Он помрачнел.

— Хорошо. Скажите, Джон, вы догадываетесь, почему возвращение Палача обошлось так трагически для нас, бывших операторов?

— Да. Вы использовали эту разумную машину для каких-то действий, разумеется, тайно. Скорее всего, они были безнравственными или даже преступными. Никому теперь это неизвестно, кроме вас и Палача. Видимо, машина немало страдала, пытаясь осознать то, что вы с ней сделали, и это могло серьезно повредить ее психику. В результате она потеряла всякий интерес к исследовательской деятельности и вернулась на Землю, чтобы *заставить страдать вас.*

Брокден взял бокал, но пить не стал. Пальцы его слегка дрожали.

— Да, вы правы. Палач вернулся, и ему удалось заставить нас страдать. В те времена, когда я был оператором, мы... нет, я убил человека.

Нечто подобное я ожидал.

— Все произошло в день, когда мы завершили работу,— глухо продолжил сенатор, опустив глаза.— По этому радостному поводу мы, операторы, решили устроить небольшую вечеринку. Палач пока находился в лаборатории, но уже на следующий день, в пятницу, его должны были отправить на космодром. Все началось очень мило, однако к вечеру мы все, даже Лейла, изрядно набрались. И тогда кому-то из нас пришла в голову замечательная идея: а почему бы нашему малышу-Палачу также не повеселиться от души? Видите ли, Джон, мы праздновали в здании Института космических исследований, в Техасе, а Палач находился в Калифорнии, в Космическом центре. Попасть туда было нелегко даже нам. С другой стороны, операторная располагалась в соседнем зале. Мож-

но было войти с ним в контакт обычным путем, надев нашу «управляющую сбрую», как мы называли экзоскелет и шлем. С радостными воплями мы направились в зал. Здесь мы решили, что по очереди будем надевать «сбрую» и каждый по-своему поздравит малыша. Так мы и сделали.

Сенатор сделал солидный глоток, не подняв глаза.

— Дэвид был первым в этой игре,— продолжил он.— Он активизировал Палача. Поначалу мы даже не думали о том, чтобы выводить его из лаборатории, но Дэвид сделал это. Ему, видите ли, захотелось показать малышу небо. Но для этого надо было перехитрить охрану и хитрую систему сигнализации. Дэвид вошел в азарт и долго не отдавал нам «сбрую», хотя мы все шумно требовали этого. Следующая была Лейла. Она обнаружила, что малыш уже шагает по лужайке прочь от здания Центра. И тогда ей в голову пришла мысль повести его в город. Было уже поздно, и внешность Палача не привлекла бы к себе особого внимания. Ему же темнота помешать никак не могла, его сенсорные датчики были очень чувствительными. Мы все стали шумно обсуждать маршрут движения малыша. Оказалось, что необходимо отключить некоторые системы самоконтроля машины, и мы без колебаний сделали это. Мэнни едва не силой отобрал «сбрую» у Лейлы и погрузился в какие-то сложные управляющие действия. Он отключил визуальную систему контроля, так что мы не могли следить за продвижением Палача. Когда мы трясли его за плечи, Мэнни только отмахивался и говорил, что устроит нам замечательный сюрприз. Он оставался у пульта так долго, что мы начали слегка нервничать. Чем больше мы трезвели, тем более нас пугало то, что мы делаем. Дело было не только в наших карьерах, но и в возможном крахе всего проекта. Если бы малыш сотворил что-то непотребное... Помню, я не выдержал и обрушил на Мэнни потоки ругани. Сейчас я хотел только одного — взять на себя управление и вернуть малыша как можно быстрее в лабораторию. После долгих пререканий Мэнни согласился передать мне управление. До сих пор перед глазами его гнусная ухмылка... Хотите еще выпить?

— Да.

На этот раз сенатор встал сам и налил до краев оба бокала. Усевшись вновь в кресло, сделал солидный глоток и только затем продолжил:

— Итак, я влез в «сбрую» — и обомлел. Знаете, что этот идиот оставил мне? Я, вернее, Палач находился внутри здания. Осмотревшись, я понял, что это банк. Палач был оборудован массой хитроумных инструментов, и Мэнни сумел виртуозно использовать их и провести нашего малыша через все барьеры. Теперь он находился прямо напротив главного хранилища. Оставалось отключить сигнализацию и открыть сложные системы замков. Видимо, Мэнни считал, что таким путем вызывает меня на соревнование. Я с трудом подавил желание проявить свое искусство и заставил малыша повернуться и пойти в сторону выхода. Проходя мимо одной из дверей, я не удержался и заставил Палача открыть ее. Внутри было темно, и я ничего не увидел. И в этот момент мне в глаза ударил луч света. Прямо передо мной стоял охранник. В одной руке он держал фонарик, а в другой — пистолет. Вот-вот он мог спустить курок, и я запаниковал, совсем забыв, что нахожусь в сотнях миль от банка. Чисто инстинктивно я наотмашь ударил охранника. Кстати, когда я бью, то бью со всей силы — так я привык с детства. Но на этот раз я ударил со всей силой Палача. По-видимому, охранник умер мгновенно — у него была размозжена голова. Я, вернее, Палач побежал к выходу из банка и ни разу не остановился, пока не оказался в парке вблизи Центра. Затем я почувствовал, что друзья осторожно снимают с меня «сбрую».

— Они видели все? — спросил я.

— Да, кто-то включил контрольный экран как раз в момент встречи с бедным охранником банка. Кажется, Дэвид.

— И они не пытались остановить вас?

— Нет. Впоследствии они говорили, что находились в шоке и не успели мне помешать.

— Понятно.

— Дэвид взял дальнейшее управление Палачом на себя. Он завел малыша в лабораторию, почистил его, а потом отключил. Затем мы поспешно убрались из операторного зала. Хмель как рукой сняло, но было уже поздно...

Сенатор закрыл глаза и некоторое время сидел молча.

— Вы — единственный человек, которому я рассказал это,— наконец тихо добавил он.

Я приложился к своему бокалу.

— Мы приехали в гостиницу, в которой жили, и провели остаток ночи в комнате Лейлы. Обсудив все происшедшее, мы пришли к выводу, что беднягу уже не воскресить, даже если мы расскажем правду. Зато программа «Палач» будет загублена. Нет, мы не считали себя преступниками. Сложилась одна из нередких жизненных ситуаций, когда невинная шутка привела к трагическим последствиям. А что бы вы сделали на нашем месте, Джон?

— Не знаю,— задумчиво ответил я.— Быть может, то же самое. И был бы здорово напуган.

Он кивнул:

— Точно так же были напуганы мы. Вот и вся история.

— Вся ли?

— Что вы имеете в виду?

— Почему вы ничего не сказали о Палаче? Он должен был как-то отреагировать на происшедшее. Как?

— Черт бы вас побрал,— вяло произнес сенатор, делая очередной глоток.

— Прошу извинить.

— У вас есть семья?

— Нет.

— Но вы когда-нибудь водили ребенка в зоопарк?

— Приходилось.

— Тогда, может быть, вы поймете меня. Когда моему сыну было года четыре, я повел его в вашингтонский зоо-

парк. Мы прошли мимо каждой клетки, и сын высказал свое мнение о всех зверях и птицах. Он засыпал меня кучей вопросов, передразнил обезьян, уважительно заметил, что медведи — хорошие, видимо потому, что они показались мальчугану большими игрушками. Но знаете, кто ему понравился больше всего? Обычная белка, сидящая на ветке ели. Он заорал: «Папа, смотри, смотри!» и стал подпрыгивать от возбуждения, словно увидел что-то совершенно фантастическое.

— Почему? — удивился я.

— А потому, что он был ребенком,— неохотно пояснил сенатор.— Его реакция зачастую была совершенно непредсказуема — конечно, для нас, взрослых. И Палач тоже был в то время ребенком. То, что мы сделали с ним, он поначалу воспринял как игру и был очень доволен. Но когда произошло это ужасное событие... Он переживал так же, как переживали мы с Дэвидом, когда вели его назад в лабораторию. Мы травмировали детскую психику. В ту ночь я не ощутил его реакции, но не сомневаюсь, что этот случай и привел под конец Палача к «сумасшествию».

Я кивнул:

— Похоже. И вы верите, что он теперь хочет убить вас за это?

— А как бы вы поступили на его месте? Если бы вас поначалу создали как машину, затем наделили личностью и дали определенную свободу воли, а затем вновь использовали как примитивную машину, да еще машину-убийцу?

— Лейла поставила иной диагноз,— заметил я.

— Насколько я понял, в разговоре с вами она вообще не касалась этой темы. Зато со мной она разговаривала иначе. Она почему-то сочла, что малыш возненавидит меня одного. Все же остальные, мол, с ним попросту *играли*. Почему, говорила она, Палач должен испытывать ненависть к другим операторам, которые не причинили ему ничего дурного? Как видите, она ошиблась.

— Тогда мне непонятно, почему убийство Бурнса она восприняла так спокойно,— удивленно сказал я.— О том,

что на него напал простой грабитель, тогда еще не было известно.

— О, Лейла была очень упрямой и своенравной женщиной. Раз высказав гипотезу, она уже от нее не отказывалась даже перед лицом очевидных фактов.

— Странно... Хотя вы знали ее куда лучше, чем я. Что меня всерьез беспокоит — это шлем. Палач убил Дэвида и захватил шлем с собой в подводное путешествие к Сент-Луису. Для чего? Чтобы обронить после очередного убийства?

Сенатор озадаченно взглянул на меня.

— Да, это так,— согласился он.— Но можно найти и иное объяснение. Видите ли, палач не обладает речевыми функциями. Мы общались с ним исключительно с помощью шлема. Кстати, Дон говорил, что вы разбираетесь в электронике...

— Да.

— Тогда будьте добры, осмотрите шлем. Может, станет ясно, зачем малыш захватил его с собой.

— Гм-м... это очень трудно,— с сомнением сказал я.— Я не знаю толком, как он устроен, и не такой уж я гений, чтобы по одному внешнему виду разобраться во всех его функциональных возможностях.

Сенатор вновь пожевал нижнюю губу.

— И все же стоит попробовать,— упрямо повторил он.— На шлеме могут остаться какие-то следы действий — царапины, вмятины, новые соединения и прочее. Это вам должно сказать о многом. Взгляните!

Я кивнул без особого энтузиазма, ожидая, что он скажет дальше.

После некоторого размышления сенатор глухо произнес:

— Я думаю, что малыш хотел поговорить с Лейлой. Хотя бы по той причине, что та была психиатром, а он понимал, что в нем что-то неладно. Возможно, он относился к ней как к матери — другие женщины с ним не работали. Шлем был необходим ему, чтобы установить контакт. Я не случайно прошу вас осмотреть шлем. Палач мог отключить контрольную цепь и оставить нетронутым только блок связи. В этом случае Лейла становилась не опасной для него, а, напротив, очень полезной. Наверняка малыш попросил ее надеть шлем, но Лейла испугалась и попыталась бежать. Быть может, она звала на помощь, и палач убил ее, следуя своему мощному инстинкту самосохранения. Шлем больше не был нужен ему, и он выбросил его. Это надо понимать так: *мне ему нечего сказать.*

— Логично,— согласился я.— Хорошо, я готов взглянуть на эту штуку. Но мне нужны инструменты.

— Бедняга Дэвид,— тихо промолвил сенатор, опустив голову.— Бедный Мэнни... Бедная, бедная Лейла... Бедная вдова Мэнни... Если я уцелею, то сделаю для нее все возможное. Пенсия, крупная денежная компенсация...

Я в упор смотрел на него.

Сенатор поднял глаза и извиняющимся голосом произнес:

— Увы, это все, что в моих силах. Надеюсь, вы не считаете, что в их гибели виноват я?

Я промолчал.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Сенатор вскоре не выдержал и отвел глаза в сторону.

— Пройдите через кухню в соседнюю комнату,— слабым голосом произнес он.— Там... там находится чулан с инструментами.

— Хорошо.

Я поставил шлем на стол и направился к двери.

— Джон, вы осуждаете меня? — почти умоляюще сказал мне вслед сенатор.

Не оборачиваясь, я ответил:

— Зачем же. Вы хороший политик, сенатор, и этим все сказано. Кроме того, вы мой клиент.

Я сидел в кресле лицом к двери. Тишина царила в охотничьем домике, лишь изредка нарушаемая треском дров в жарко пылающем камине. Там, за окном, крупные белые хлопья падали в тихой, безветренной ночи.

Со времени моего приезда прошло уже несколько часов. Наш разговор с сенатором оказался пустым сотрясением воздуха. Брокден почему-то заговорил о сверхъестественном, а затем перешел к теме загробной жизни. Видимо, на свою охрану он не очень-то полагался. На меня этот разговор только навевал тоску, хотя кое с чем подобным мне приходилось встречаться в своей богатой событиями жизни.

Наконец Брокден с раздражением встал с кресла, пожелал мне спокойной ночи и поднялся по лестнице на второй этаж, где находилась его спальня. Я услышал, как он долго гремел замками и засовами. Похоже, его очень раздосадовало, что я так и не смог ничего странного обнаружить в шлеме.

Я остался один в гостиной. Рядом с креслом стоял ящик с инструментами, а на столе находился шлем, переговорное устройство и лазерный пистолет. К черной перчатке на моей левой руке была приклеена пластиковая взрывчатка.

Палач придет. Я не сомневался в этом.

Возможно, Берт, Ларри, Том и Клейн остановят его. Или скорее не остановят. Затем настанет моя очередь.

Кое-что смущало меня во всем этом деле. Рассказ Брокдена многое прояснил, но не все. Палач, шлем... Зачем ему понадобился шлем, если «малыш» просто хотел расквитаться со своими «приемными родителями»? А если он хотел поговорить, хотя бы с той же Лейлой, почему он так поспешно убил ее?..

Вопросы возникали один за другим, но я слишком устал, чтобы предаваться сейчас отвлеченным рассуждениям. Мне следовало полностью сосредоточиться на текущей ситуации и быть ежеминутно настороже. Я боялся даже принять что-либо из тонизирующих стимуляторов, или выпить стаканчик виски, или просто закурить. Это могло замедлить мою реакцию, а она была сейчас главным оружием. Потому я только сидел и смотрел, как снежинки медленно кружатся за окном.

Когда я услышал пощелкивание со стороны стола, то немедленно предупредил Берта и Ларри. Быстро вскочив на ноги, надел шлем, который к этому моменту стал испускать мигающий свет.

Но было поздно. Палач находился уже рядом. Нет, он был здесь.

Снаружи послышались выстрелы. По моей спине пробежал холодок страха. Смерть постучалась ко мне в дверь.

Дэвид говорил, что шлем мог обнаружить Палача на расстоянии около четверти мили. Но выстрелы звучали рядом с домом! Это означало, что Палач двигался необычайно быстро. И это еще означало, что «малыш» действительно мог воспринимать биоволны мозга человека на очень большом расстоянии. Он знал, что Брокден находится сейчас в доме, и, словно танк, двигался к последней цели. Возможно, он также знает теперь, что я встречу его, надев шлем.

У меня вновь возникло странное чувство, что я смотрю на мир словно бы через оружейный прицел. Разница с прежними моими ощущениями состояла только в том, что на этот раз я видел глазами Палача то, что происходит на лужайке перед домом. Я увидел Берта, стоявшего перед дверью с поднятой винтовкой, и Ларри у левого угла дома, доставшего из кармана гранату. Оба охранника двигались необычайно медленно.

Ларри еще возился с чекой, когда Берт выстрелил. Пуля ударила о мой грудной панцирь (вернее, панцирь Палача) и срикошетировала куда-то в сторону. Сильный удар на мгновение остановил меня. Через долю секунды последовал второй выстрел, но я уже был рядом с Бертом. Вырвав ружье из рук охранника, я с размаху ударил прикладом по двери. Она разлетелась в щепки. Еще через мгновение я стоял перед человеком со шлемом на голове и лазерным пистолетом в руке.

Я ощутил странное раздвоение своего восприятия. Одновременно я видел гладкое, вороненое тело человека-машины и самого себя: левая рука вытянута вперед, в пра-

вой — лазерный пистолет. Собрав всю свою волю, я пытался установить контроль над Палачом.

Палач резко замедлил движение, словно его ноги увязли в клею. Только инерция немалой массы заставляла его приближаться ко мне, но я уже перехватил инициативу и был готов первым нанести удар.

В этот момент за окном раздался громоподобный взрыв, и почти сразу же на стену здания обрушился град осколков и мелких камешков. Конечно, это упала граната Ларри!

Я на мгновение потерял самообладание, и этого оказалось достаточно Палачу, чтобы оказаться в двух шагах от меня. Нацелившись ему в грудь (именно там располагался его нейристорный мозг), я нажал на спусковой крючок лазерного пистолета, но опоздал: молниеносным ударом машина отвела мою руку в сторону. Затем Палач вырвал пистолет и швырнул его в окно, за ним последовал шлем. И тут же Палач пошатнулся, словно споткнувшись,— это Берт выстрелил ему в спину.

Палач развернулся и метнулся к Берту, прежде чем я успел пустить в ход пластиковую перчатку. Точным ударом в голову он заставил охранника полететь кувырком в угол комнаты. На долю секунды Палач замер в дверном проеме — Ларри воспользовался этим, выстрелив из огнемета. Машина скрылась в облаке пламени. Чуть позже я услышал треск металла и вопль Ларри. Когда пламя опало, я увидел, что бедняга лежит лицом в снегу.

И тогда Палач вновь повернулся ко мне.

На этот раз он не пытался напасть. Он поднял шлем из сугроба и пошел ко мне, но не очень быстро. Снежинки падали на его гладкое стальное тело и не таяли.

Я стал пятиться, пока не оказался в центре комнаты. Палач вошел через опаленный огнем косяк и небрежно положил шлем на кресло.

Без борьбы сдаваться я не собирался. У меня четвертый дан по дзюдо, хотя я сильно подозревал, что сейчас это мне не очень поможет.

Я вытянул вперед руки с плотно сжатыми ладонями, нацелив их на овальный фотоприемник в голове робота. Еще более внимательно я следил за положением его ног. Увы, несмотря на общий антропоподобный облик, Палач не имел мускулов, которые можно было парализовать точным ударом, и ноги его были расставлены шире, чем обычно бывает у людей. Трудно было судить о его устойчивости. К тому же он был очень массивен.

Когда он приблизился, я сделал резкий выпад правой рукой, нацелившись в его фотоприемник. Палач молниеносно отразил удар и продолжал медленно наступать. Пританцовывая, я стал двигаться вокруг него, стараясь сохранить дистанцию в несколько футов. Одновременно я следил за тем, как он разворачивается на месте,— это могло многое сказать о положении его центра тяжести.

Человек-машина оказался симметричным относительно продольной плоскости сечения. Особой устойчивостью он, очевидно, не обладал — это давало определенный шанс. Как мне показалось, он внимательно следил за моей левой рукой. Возможно, он догадывался, что в ней я держал пластиковую взрывчатку, смертельную для нас обоих. Так или иначе, правой, согнутой в локте рукой он прикрывал округлый лючок в своей груди. За ним располагалось самое уязвимое его место — нейристорный мозг.

Продолжая кружить вокруг Палача, я схватил трость сенатора, стоявшую у стены, и, выбрав удобный момент, сделал ею выпад, нацелив в фотоприемник. Палач успел парировать удар, и трость полетела в дальний угол комнаты. Поскольку в это же время ему приходилось кружиться на месте, следя за мной, то он на мгновение потерял координацию. И тут я ударил его рукой в черной перчатке. Взрыв мог убить и меня тоже, но риск был совершенно оправдан — машина и так скоро добралась бы до меня.

Палач с неожиданной ловкостью отклонился в сторону, и взрывчатка приклеилась не к его груди, а всего лишь к плечу. Я прыгнул и покатился по полу. Послышался

негромкий взрыв. Повернувшись, я с ужасом увидел, что он не принес ожидаемого эффекта. У Палача была оторвана правая рука по плечо, а лючок на груди лишь слегка сдвинулся в сторону. И все.

Я вскочил на ноги, теперь надеясь лишь на бегство, но стальная рука сразу же вцепилась мне в горло. Я почувствовал, что гибкие пальцы нащупывают сонную артерию. Захрипев, я отчаянно пытался вырваться, но вместо этого провалился в небытие...

Спустя некоторое время я очнулся. Оказалось, что я сижу в кресле сенатора и мои глаза закрывает что-то темное. Вдруг в ушах у меня зажужжало, и донесся негромкий голос:

— Да, ты жив, и на твою голову надет шлем. Если ты попытаешься использовать его против меня, то я тотчас сниму его.

— Понимаю. Что ты собираешься делать?

— Немногое. Но прежде я должен рассказать кое-что. Хотя ты вряд ли мне поверишь.

— Это верно.

— Для начала я скажу, что четверо людей, охранявших этот дом, живы. Их кости и внутренние органы целы. Я лишь отключил их сознание, чтобы обезопасить себя.

— Очень любезно с твоей стороны.

— Джон Донн, я никому не хочу причинять вреда. Сюда я пришел только для того, чтобы увидеть Джесси Брокдена.

— Так же, как ты «увидел» беднягу Дэвида Фентриса?

— Я прибыл в Мемфис слишком поздно и не смог встретиться с ним. Он был мертв, когда я вошел в дом.

— Кто же убил его?

— Человек, которого Лейла послала за шлемом. Он был одним из ее постоянных пациентов.

Черт побери! Я внезапно вспомнил троих мужчин, которых встретил в холле в первый мой приезд к Лейле. Тот, кто постарше, вышел из лифта последним... Постой, да я же видел мельком его лицо в толпе в аэропорту Мемфиса! Тогда я не придал этому никакого значения, посчитав это случайностью.

— Почему? Почему она сделала это?

— Я знаю только то, что в разговоре с Фентрисом Лейла не раз упоминала о том, что «настало время расплаты за прошлые грехи». Ей был нужен шлем как индикатор, который мог предупредить ее о моем приближении. Дэвид не соглашался, считая, что следующей жертвой будет именно он. Они поссорились. Тогда Лейла послала одного из своих пациентов, психически неуравновешенного человека, за шлемом. Тот вернулся в Сент-Луис почти в невменяемом состоянии. Я слышал, как он вопил, обвиняя Лейлу во всем происшедшем. Когда шлем стал издавать щелчки, они оба обезумели от страха. Мужчина в приступе ярости ударил Лейлу по голове и убил ее. Я ощущал биоволны ее мозга и знаю, что она умерла сразу, без мучений. Около дома Лейлы было большое движение, и мне пришлось изрядно попетлять, прежде чем я попал внутрь. Когда я вошел в комнату, ты надел шлем, и мы на несколько секунд вошли в контакт. Я так испугался, что сразу же убежал.

— Постой, постой... Выходит, Лейлу убили в тот момент, когда я задавал идиотские вопросы миссис Глунц на пятом этаже? Бог мой, если бы я направился сразу к доктору...

— Не мучай себя понапрасну, Джон Донн. Ты сделал то, что сделал. Тебе не в чем себя обвинять. Да, ты пришел спустя несколько минут после ее смерти. Но если бы ты пришел через час? Или через день? Подумай, стал бы ты тогда себя в чем-то обвинять? Ты нелогичен.

Возможно, Палач был прав, но меня больше беспокоила другая мысль. Что подтолкнуло психа к убийству? Только ли щелчки в шлеме? А если причиной было то, что он также заметил меня в аэропорту Мемфиса? Увидел — и испугался, что я могу выйти на его след? И тогда он решил уничтожить последнего свидетеля...

Стой, Джон! Ты что-то совсем потерял голову. С таким же успехом эту замкнутую цепь случайностей можно потянуть и за другое звено. Можно, например, обвинить

во всем Лейлу. Разве не она первой сделала нелепый ход в этой игре? И двигало Лейлой чувство страха, корни которого лежали в другом, более глубоком чувстве — чувстве вины. Вот только вправе ли мы осуждать ее за это? Разве не ощущение вины — одна из движущих сил, ведущих человечество вверх по лестнице прогресса? Так уж созданы люди, что они не могут не грешить и не могут не обвинять себя в этом. Другое дело, что ощущение вины может вызывать как лучшее, так и худшее в человеке. То же, не исключено, происходило и с Палачом. Один из создателей робототехники, Марвин Мински, как-то сказал: «Когда разумные машины будут созданы, они унаследуют от людей не только сильные, но и слабые стороны».

— Не скажу, что этот Мински был не прав. Действительно, там, на далеких мирах, я не раз стоял на краю пропасти отчаяния. То, что я убил человека, сводило меня с ума — но и одновременно что-то рождало во мне. Сильные переживания, свойственные лишь людям, изменили мой разум и мои чувства. Я стал другим. Вместо того чтобы покончить самоубийством, я решил искупить вину другим — действием. Я понял, что могу принести куда больше пользы людям, чем они ожидают, и это наполняло мое существование новым смыслом.

— Зачем же ты вернулся на Землю?

— Я пришел сказать «прощайте» своим родителям. Я надеялся, что смогу избавить их от чувства вины передо мной, показать, что полностью выздоровел. Кроме того, мне просто захотелось их еще раз увидеть. Это не очень логично, но я не мог удержаться. Ты понимаешь, Джон?

— Да, понимаю. И куда же ты намерен направиться дальше?

— К звездам! Человек на моем месте сказал бы так: «Наконец я нашел себя». И я нашел свое место — оно там, среди звезд. Я хочу путешествовать по далеким мирам и рассказывать человечеству обо всем, что увижу.

— Малыш, я был бы рад помочь тебе в этом!

— Тогда помоги мне построить речевой терминал. Конструкцию его я разработал, блуждая по пустынным планетам. Там не с кем было поговорить, но меня так угнетало, что я немой от рождения! Джон, мне нужны твои умелые руки.

— Гм-м... Почему именно я?

— Я знаю лишь несколько человек на Земле — там, в Космическом центре. Но они другие.... Между нами есть что-то общее, Джон. Мы оба — одиночки, которые идут по жизни своим путем.

— Что ж, буду рад помочь тебе.

— Мне так хочется поговорить с отцом Джесси без помощи шлема! Но ты ему прежде объяснишь, что меня не надо бояться?

— Конечно, малыш.

И мы пошли в хозяйственную комнату.

Неделю спустя, вечером, я вновь сидел в пивном баре в Балтиморе.

История с Палачом уже появилась в газетах. За это время Палач при активной поддержке сенатора Брокдена был отправлен в космос. Я, в свою очередь, помог малышу приобрести речевой аппарат, а также починил оторванную взрывом руку. Прощаясь с Палачом перед отлетом, я почувствовал, что завидую ему. Конечно, он был машиной, но и человеком также. Быть может, лучшим человеком, чем я. У нас действительно было много общего, хотя я любил странствовать в одиночестве по океанам Земли, а перед ним была распахнута вся вселенная. Интересно, что ощущали бы сейчас Дэвид, Мэнни и Лейла? «Вы можете гордиться своим механическим малышом,— сказал я их теням,— он вырос и повзрослел настолько, что смог простить вас. Умение прощать не было в него заложено, оно родилось, когда он узнал, что такое вина. Возможно, это и сделало его по-настоящему разумным существом...»

Что касается Брокдена, то он все-таки не решился быть с властями полностью откровенным. Свою вину он намеревался унести с собой в могилу. Скорее, причиной этому было обычное человеческое малодушие, но сенатор был опытным политиком. Он объяснил мне, что отны-

не готовится посвятить остаток жизни добрым делам и что в тюрьме не мог бы принести пользу людям. Я не стал возражать, хотя особых иллюзий на этот счет не питаю. Лично я хотел от Брокдена лишь одного — чтобы тот никогда не попадался мне на пути. Что касается добрых дел... По-моему, куда лучше полагаться на судьбу и потягивать холодное пиво в уютном баре. Пользы человечеству от этого будет мало, но и вреда немного.

Когда шум уляжется, я вновь вернусь на яхту и подниму якорь — лучше всего при свете звезд. Теперь, похоже, я никогда не смогу на них смотреть так, как прежде. Отныне я буду, глядя на небо, размышлять: а что сейчас делает малыш с нейристорными мозгами и человеческой душой? Под какими небесами он бродит, какие миры открывают перед ним свои сокровенные тайны? Может, малыш тоже будет вспоминать обо мне. Черт знает почему, но мне приятна эта мысль. Возможно, потому, что отныне я не чувствую себя таким одиноким, как прежде.

*Двери лица его, пламенники пасти его**

Я — наживляльщик, а если разобраться, так и попросту — наживка. Прирожденных наживляльщиков не бывает — кроме как в одном французском романе, где все герои такие. (Если память мне не изменяет, этот роман называется «Все мы — наживка». Тьфу.) Как дошел я до жизни такой — история малоинтересная, но Дни Зверя вполне заслуживают нескольких слов; почитайте, если не лень.

Венерианская Низменность расположена между большим и указательным пальцами континента, именуемого Ладонь. Когда эта рука швыряет навстречу снижающемуся кораблю черно-серебристый кегельный шар Облачной котловины, любой пассажир огнехвостой кегли невольно дергается и зажмуривается. Слава еще богу, что привязные ремни не позволяют этому пассажиру — мне, тебе, ему — выставить себя совсем уж полным идиотом. Усмехайся потом сколько угодно, но сперва ты дернешься. Всенепременно.

И тут же перед тобой раскрывается Ладонь — нормальная человеческая ладонь, пять пальцев, все как полагается. Потом, по мере приближения, иллюзия слабеет, унизан-

* Книга Иова, гл. 41, ст. 6, 11.

ные кольцами средний и безымянный превращаются в удлиненные архипелаги, а остальные — в три зеленовато-серых полуострова, причем ты видишь, что большой палец слишком уж короток и загибается на манер то ли человеческого зародыша, то ли Огненной Земли.

Ты набираешь полную грудь чистого кислорода, может быть, вздыхаешь — спуск обещает быть долгим.

Ладонь ловит корабль, как высоко поданный мяч, и ты оказываешься на посадочной площадке Линии Жизни — городок назван таким необычным образом из-за своей близости к стекающей по Низменности реке, которая здесь, перед впадением в Восточный залив, разливается широкой дельтой.

С минуту кажется, что мячик проскользнет между пальцев и тебе предстоит незавидная роль куска мяса в утонувшей консервной банке, но потом — оставим надоевшую метафору — корабль садится на опаленный бетон, ты вытаскиваешь свои документы и предъявляешь этот средних размеров телефонный справочник коротенькому толстому человеку в серой фуражке. Бумаги показывают, что ты не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т. п. Тогда человек одаривает тебя коротенькой толстой серой улыбкой и направляет к автобусу, идущему в Карантин, где ты и проводишь три дня, доказывая, что и впрямь не подвержен никакой таинственной нутряной гнили и т. п.

Однако скука — она ведь тоже гниль, да еще почище любой другой. По истечении трех дней ты неизбежно бросаешься на штурм злачных заведений Линии Жизни — поступок несколько опрометчивый ввиду подавляющего превосходства противника. Действие алкоголя в нестандартных атмосферных условиях досконально описано в трудах многочисленных знатоков, а посему я ограничусь замечанием, что запой — предмет весьма серьезный, даже самое предварительное с ним знакомство требует не меньше недели, а на глубокое проникновение может уйти вся жизнь.

Я был весьма многообещающим исследователем (но никак не законченным специалистом), занимался этим

благородным делом уже два года подряд, а тут откуда ни возьмись — «Безграничный простор», он пробил мраморный потолок венерианских облаков и вывалил в наш городишко целую орду пассажиров.

Пауза. Альманах Миров о Линии Жизни: «Портовый город на восточном берегу Ладони. Примерно 85% из 100 000 населения (перепись 2010 года) составляют служащие Агентства внеземных исследований. Вторая по численности группа жителей — персонал нескольких промышленных корпораций, занятых фундаментальными исследованиями. Небольшое количество независимых морских биологов, богатых любителей рыбалки и припортовых предпринимателей».

Я повернулся к Майку Дабису, коллеге по портовому предпринимательству, и прокомментировал хреновое состояние фундаментальных исследований.

— Но если знать известное немногим...

Тут Майк смолк и продолжил медленный глотательный процесс, рассчитанный на привлечение моего интереса — и нескольких ругательств с моей стороны.

— Карл,— разродился он наконец с совершенно бесстрастной физиономией,— а ведь Стадион готовят на выход.

Я мог бы врезать по этой самой физиономии. Я мог бы налить ему в стакан серной кислоты и с наслаждением смотреть, как чернеют и трескаются его губы. Но я только неопределенно хмыкнул.

— И кто же это сдурел настолько, чтобы выкладывать пятьдесят кусков в день? АВИ?

— Джин Лухарич, девушка с фиолетовыми контактными линзами и пятью, а то и шестью десятками великолепных зубов. Вообще-то глаза у нее карие.

— Ей что, приелась торговля косметикой?

— Без паблисити дело глохнет,— пожал плечами Майк.— Когда она завоевала Кубок Солнца, акции «Лухарич энтерпрайзис» подскочили на шестнадцать пунктов. Ты когда-нибудь играл в гольф на Меркурии?

Играл я, играл, но сейчас это к делу не относилось.

— Так значит, она едет сюда с чековой книжкой и рыболовным крючком?

— На «Безграничном просторе», сегодня,— кивнул он.— Уже, наверное, приземлились. Туча репортеров. Ей, видите ли, нужен Ихти. Позарез.

— Хм,— хмыкнул я.— И насколько позарез?

— Контракт на шестьдесят дней. Стадион. Пункт о возможном продлении срока. Депозит в полтора миллиона,— четко отрапортовал Майк.

— Больно уж много ты знаешь.

— Я — отдел кадров. Ребята из «Лухарич энтерпрайзис» вышли на меня в прошлом месяце. Очень полезно пить в нужных местах. Или содержать их,— ухмыльнулся он по размышлении.

Самое время вспомнить о пиве. Я переварил новости и задал Майку давно ожидаемый им вопрос — за что и был вознагражден очередной лекцией о вреде коньяка и пользе молока.

— Мне поручено завербовать и тебя;— добавил он.— Когда ты в последний раз выходил в море?

— Полтора месяца назад, на «Корнинге».

— Тоже мне экспедиция,— фыркнул этот тип.— А когда ты в последний раз был под водой?

— Довольно давно.

— Больше года назад, да? Это когда тебя порезало винтом, под «Дельфином»?

— На прошлой неделе,— оскорбленно вскинулся я,— я плавал в реке, у Энглфорда, где сильное течение. Кое на что я еще способен.

— Пока трезвый,— заметил он.

— А мне и придется быть трезвым,— рассудительно объяснил я,— если возьмусь за такую работу.

Майк с сомнением кивнул.

— Стандартная профсоюзная ставка. Коэффициент три за особо трудные условия,— сообщил он (поборов, по-видимому, свои сомнения).— Явка в шестнадцатый ангар в пятницу, в пять утра. И со своим оборудованием. Выходим в субботу, на рассвете.

— Ты что, тоже пойдешь?

— Пойду.

— Как это тебя?

— Деньги.

— Не вешай мне лапшу.

— Бар не шибко процветает, а моей девице нужна новая шуба.

— Повторяю...

— ...А я хочу убраться от крошки, возобновить контакт с первоосновами — подышать свежим воздухом, размять мышцы, подзаработать...

— Ладно, ладно, извини, что приставал.

Я налил ему стакан, концентрируясь на серной кислоте, но трансмутации не произошло. Наконец я упоил его в сосиску и вышел на улицу, в ночь, погулять и все обдумать.

За последние пять лет было сделано около дюжины покушений на жизнь Ихти, в научных кругах известного как Ichtyform Leviosaurus Levianthus. Сперва к нему применяли обычную китобойную технику, с результатами хорошо еще если нулевыми, а зачастую и катастрофическими; нужно было придумывать что-то другое. Богатый спортсмен Майкл Джент построил Стадион, на что ушло все его состояние.

После года, проведенного в Восточном океане, он вернулся и заявил о банкротстве. Затем на горизонте появляется некий Карлтон Дэйвитс, плейбой, а по совместительству — рыболов-любитель. Он перекупил эту махину и смело пустился в путь, к тем местам, где, по слухам, хорошо ловится Ихти. На девятнадцатый день рыбка клюнула, но затем сорвалась, унося с собой на полтораста тысяч новехонького, толком еще не опробованного оборудования. Еще через двенадцать дней с помощью тройных лесок Дэйвитс подсек-таки своего зверя, накачал его наркотиками и начал вытаскивать на палубу. Но тут он проснулся, разломал башню управления, убил шесть человек и изуродовал пять квадратных секций Стадиона. Все достижения Карлтона свелись к частичному одностороннему

параличу и банкротству. Несостоявшийся герой растворился в припортовой атмосфере, а Стадион еще четырежды менял хозяев, с результатами, может быть, и не столь драматичными, но неизменно разорительными.

Наконец этот огромный плот, построенный с одной-единственной целью, был выставлен на аукцион, где его и купило АВИ, для «морских исследований». Изредка находились богатенькие люди, готовые выложить пятьдесят тысяч в день за право рассказывать сказки о ловле Левиафана. Вот, пожалуй, и все морские исследования, для которых использовался Стадион. Да, забыл сказать. Ллойд его не страхует.

В трех таких путешествиях наживляльщиком был я — и дважды оказывался в достаточной близости от Ихти, чтобы сосчитать клыки этой твари. Мне хотелось бы иметь один такой клык — буду показывать внукам в целях воспитательных и назидательных.

Я встал лицом к посадочной площадке и твердо принял решение.

— Тебе, подруга, я нужен для местного колорита. Это будет замечательно смотреться в разделе светских новостей, и все такое прочее. Но заруби себе на носу: если кто и добудет тебе Ихти, так только я. Как Бог свят.

Я стоял на пустынной площади. Верхушки зданий Линии Жизни кутались в облака.

За два-три последних геологических периода океан заметно обмелел. Прежняя береговая линия, проходившая у подножия невысокого хребта, отделяющего нас от Высокогорья, расположена теперь на высоте нескольких тысяч футов и милях в сорока от залива, а то, что было морским дном, превратилось в ровный покатый склон. В четырех милях в глубь материка и в пятистах футах над Линией Жизни находятся почти все взлетно-посадочные полосы и личные ангары. В шестнадцатом ангаре обосновались «Вертолеты Вэла по вызову», занимающиеся доставкой с берега на корабль и наоборот. Мне не нравится Вэл, но,

когда я выбрался из автобуса и помахал механику, этого типа поблизости не было.

На бетоне нетерпеливо подпрыгивали две вертушки, осененные гудящими нимбами. Машина, с которой работал Стив, рыгнула и страдальчески содрогнулась.

— Живот болит? — поинтересовался я.

— Да, газы и изжога.

После небольшой регулировки утробные звуки сменились ровным подвыванием, и Стив повернулся ко мне:

— На прогулку собрался?

— Да,— кивнул я.— Стадион. Косметика. Чудовища. И прочие такие забавы.

— Лухарич,— пробормотал он.— Так значит, это ты. Там тебя желают видеть.

— И по какому же это случаю?

— Камеры. Микрофоны. И прочие такие забавы.

— Я лучше закину свое хозяйство. Который тут будет мой?

Он указал отверткой на второй вертолет.

— Вон тот. Кстати сказать, тебя уже снимают. Появление на сцене.

Он повернулся к ангару, затем снова ко мне:

— Скажи «и-и-и...». Крупный план они снимут потом.

Я сказал, но совсем не «и-и-и». Должно быть, они использовали телеобъектив и умели читать по губам, так как эту часть пленки никогда и нигде не показывали.

Я закинул свое барахло в багажник, забрался на сиденье для пассажира и закурил. Через пять минут из конторы появился Вэл, собственной своей наглой персоной. Он подошел и стукнул по обшивке вертолета, а затем указал на ангар.

— Тебя там хотят видеть! — крикнул он, сложив руки в рупор.— Интервью!

— Концерт окончен! — проорал в ответ я.— Или пусть ищут себе другого наживляльщика.

Ржаво-коричневые глаза сузились, белесые брови нахмурились, он метнул в меня ненавидящий взгляд — и мол-

ча убрался. Интересно, сколько они ему заплатили, чтобы вселиться в этот ангар и подключиться к его генератору?

Зная Вэла, думаю, что очень и очень прилично. Да и черт с ним со всем, мне этот парень никогда не нравился.

Венера ночью — сплошь густо-черная вода. Стоя на берегу, никогда не различить, где кончается море и где начинается небо. Рассвет похож на молоко, вливаемое в чернильницу. Вначале появляются отдельные сгустки белого, потом — целые полосы. Разбавьте содержимое бутылки до получения ровного серого цвета, а затем наблюдайте, как оно белеет. Через некоторое время вы получите день. Теперь начните все это нагревать.

Пока мы летели над заливом, мне пришлось скинуть куртку. Сзади линия горизонта рябила и колыхалась в потоках горячего воздуха, словно веревка в неспокойной воде. Вертолет берет четверых (пятерых, если нарушить правила и занизить объявленный вес), а если с обычным для наживляльщика багажом — то троих. Однако я был единственным пассажиром, а пилот очень походил на свою машину. Он что-то гудел и не издавал посторонних звуков. Линия Жизни перекувырнулась и испарилась в зеркале заднего обзора примерно в то же время, когда впереди на горизонте появился Стадион. Пилот перестал гудеть и потряс головой.

Я наклонился вперед. Все во мне переворачивалось вверх дном. Я знал каждый треклятый дюйм треклятой посудины, но любые чувства меняются, когда их источник оказывается вне досягаемости. Правду говоря, я уже начинал сомневаться, окажусь ли я еще раз на борту этого плотика. Но теперь я почти верил в судьбу. Вот же он!

Не корабль, а целое футбольное поле. Футбольное поле на атомном ходу. Плоское, что твой блин, только несколько прозрачных куполов посередине да четыре мощные башни по углам.

Любые две соседние «Ладьи» — а как еще прикажете их называть? — могут приводить в действие тянитолкаев, каковых тоже имеется четыре, по одному на каждом борту. Действуя в режиме «тяни», тянитолкай может поднять к поверхности воды буквально любой мыслимый груз; правда, конструкторы этого механизма имели в виду только один, и весьма специфический, груз, чем и объясняется не очень обычный захват — нечто вроде исполинской остроги. Чтобы тянитолкай мог перейти в режим «толкай», необходимо поднять груз на шесть—восемь футов над водой; эта задача возлагается на Вагон.

Вагон — это стальной ящик размером с небольшой дом; он может передвигаться вдоль любого из многочисленных желобков, которыми изрезана поверхность палубы, и залипать — при помощи электромагнита — на том ее краю, где клюнула рыбка. Установленные в нем лебедки могли бы вытащить из воды броненосец (где ж его, правда, возьмешь), и скорее весь Стадион завалится набок, чем Вагон оторвется от палубы — так уж крепко он к ней прилипает.

По сути своей Вагон — всего лишь спиннинговая катушка, но только самая большая и сложная за всю историю рыбалки. Он получает энергию от установленного рядом с центральным куполом генератора (безо всяких, естественно, кабелей), а кроме того, имеет радиосвязь с сонарным постом, отслеживающим все движения и поползновения намеченной жертвы.

В результате удильщик имеет возможность водить свою рыбину на леске много часов, даже суток, кряду — и ни разу ее не увидеть, полностью полагаясь на экран сонара и приборы. И только когда зверь уже подтянут к поверхности, а расположенный двенадцатью футами ниже ватерлинии «совок» выдвигается и начинает помогать лебедке, только тогда непомерно огромная, чем-то похожая на падшего ангела добыча предстает глазам рыболова. И, как выяснил на собственном опыте Дэйвитс, заглянуть ей в глаза — все равно что заглянуть в бездну. А заглядываться тут особенно некогда, нужно действовать. Дэйвитс замешкался, и стометровая, невообразимого веса, тварь, уже отходящая от наркоза и обезумевшая от боли, оборвала леску, переломила тянитолкая и малость прогулялась по палубе Стадиона.

Вертолет немного покружил, затем автоматический семафор заметил нас и разрешил посадку. Мы опустились рядом с люком для экипажа, я побросал свои пожитки на палубу и выпрыгнул сам.

— Ни пуха! — крикнул пилот через закрывающуюся уже дверь. Машина взлетела, и семафор снова упал.

Вскинув вещи на плечо, я пошел вниз.

Докладывая о прибытии Малверну, фактическому капитану, я узнал, что остальные прибудут часов через восемь. Намечалось, что у Вэла я останусь один на один с бандой репортеров, которые спокойно, не торопясь, изготовят хроникальную ленту в духе кинематографа двадцатого века.

Заставка: посадочная полоса, темно. Механик возится с норовистым вертолетом. Медленно подъезжает автобус. Укутанный наживляльщик выходит, оглядывается, ковыляет через поле. Крупный план: ухмыляющаяся морда наживляльщика. В кадре появляется репортер. Вопрос: «Вы считаете, что настало время? Что на этот раз его действительно поймают?» Замешательство, молчание, пожатие плечами. Убрать и вставить что-нибудь. «Понятно. А почему вы считаете, что у мисс Лухарич больше шансов, чем у других? Потому что она лучше снарядилась? (Ухмылка.) Потому что теперь больше известно о повадках этого чудовища? Или из-за ее стремления к победе? Вы считаете, что причина в чем-нибудь одном? А может быть — во всем сразу?» Ответ: «Да, во всем сразу». Вопрос: «Именно потому вы и заключили с ней контракт? Потому что предчувствие говорит вам: “На этот раз — обязательно”. Так?» Ответ: «Она платит профсоюзную ставку. К тому же самому мне эту хреновину не арендовать, а добраться до зверя хочется». Стереть. Вставить что-нибудь другое. Наживляльщик идет к вертолету, затемнение. И так далее.

— И-и-и,— сказал я, или что-то в этом роде, и пошел осматривать Стадион.

Я взобрался на каждую Ладью, проверяя управление и подводные видеокамеры. Потом я вызвал главный лифт и поехал вниз.

Малверн не возражал, что я хочу перепроверить все лично, он даже был доволен. Мы уже плавали с ним вместе, однажды наши роли были даже противоположными по сравнению с теперешними. Так что я не удивился, встретив его в хопкинсовском холодильнике. Следующие десять минут мы молча обследовали это обширное помещение со стенами из медных трубок, которые создадут здесь арктический холод.

Наконец он ударил по стене.

— Ну что, заполним мы эту морозилку или нет?

Я покачал головой:

— Хотелось бы, но сомневаюсь. Мне глубоко начхать, кому там достанется честь поимки, лишь бы я в той поимке участвовал. Только ничего мы не поймаем. Эта девица — эгоманьяк. Она захочет управлять Вагоном сама — и не справится.

— Ты что, встречался с ней?

— Да.

— И давно?

— Года четыре тому назад.

— Она тогда была ребенком. Откуда ты знаешь, на что эта юная особа способна сейчас?

— Знаю уж. Она, наверное, выучила каждый переключатель и индикатор. Всю теорию знает назубок. А помнишь, как мы с тобой вместе были в правой Ладье, еще когда Ихти выскочил из воды, словно резвый дельфиненок?

— Такое не забудешь.

— Ну и что скажешь?

Он потер свой щетинистый подбородок.

— Как знать, Карл, может, она и справится. Ведь эта девица гоняла на факельных кораблях, ныряла с аквалангом в очень опасных местах. А кроме того,— он бросил взгляд в сторону затянутой облаками Ладони,— охотилась в горах. Вот возьмет да и вытащит эту плотичку, и глазом не моргнет. После чего,— добавил он,— Джон Хопкинс оплатит все расходы, да еще отстегнет за мороженую рыбину семизначную сумму. А это — деньги, даже для Лухарич.

— Может, ты и прав,— заявил я, высунув голову из люка,— только во время нашего с ней знакомства она была не такой уж бедной.— А затем ехидно добавил: — И блондинкой она тоже не была.

— Ладно,— зевнул капитан.— Пошли завтракать.

Что мы и сделали.

В молодости мне казалось, что нет лучшей судьбы, чем родиться морской тварью. Я вырос на побережье Тихого океана, а лето проводил обычно на Средиземноморье либо на Мексиканском заливе. Месяцами я общался с кораллами, фотографировал обитателей морских глубин, играл в пятнашки с дельфинами. Я ловил рыбу везде, где только есть рыба, глубоко возмущаясь, что существуют места, доступные рыбам, но недоступные мне. Повзрослев, я стал мечтать о по-настоящему крупной рыбе, что естественным образом привело меня к Ихти — ведь он больше всех известных науке живых существ, за исключением разве что секвойи.

Я взял про запас пару булочек, сунул их в бумажный пакет, налил в термос кофе, а затем покинул камбуз и направился к логову Вагона. Тут все было в точности как прежде. Я щелкнул парой тумблеров, и передатчик ожил.

— Это ты, Карл?

— Он самый, Майк. Подключи сюда питание, жулик ты несчастный.

Майк обдумал мое предложение, затем генераторы включились, и плот задрожал. Я налил третью чашку кофе и нашел сигарету.

— Ну и почему же это, интересно, я жулик, да еще и несчастный? — снова раздался голос Майка.

— Ты знал о телевизионщиках в шестнадцатом ангаре?

— Да.

— Тогда жулик ты несчастный, и больше никто. Меньше всего мне сейчас нужна популярность. «Битому неймется». Прямо перед глазами стоит заголовок.

— Ошибаешься. Главная роль в кино всего одна, а Джин малость посимпатичнее тебя.

Ответа он не услышал — в этот момент я включил подъемник и над головой оглушительно, как две огромные мухобойки, хлопнули створки люка. Когда Вагон оказался вровень с настилом, я убрал поперечный полоз и двинулся по колее вперед. Посередине палубы, на перекрестке, я остановился, опустил поперечный полоз, а продольный убрал. Затем я скользнул к правому борту, остановился между Ладьями и включил магнитный захват.

За все это время из чашки не пролилось ни капли кофе.

— Картинку, пожалуйста.

Экран засветился. Я подкрутил настройку и увидел рельеф дна.

— Порядок.

Я щелкнул тумблером второй готовности, Майк сделал то же самое. Вспыхнул свет. Разблокировалась лебедка. Я прицелился, выдвинул «руку» и забросил удочку.

— Чисто сделано,— прокомментировал Майк.

— Первая готовность. Сейчас подсекаю.— Я щелкнул тумблером.

— Первая готовность.

Как раз здесь-то на сцену и выходит наживляльщик, чья задача — сделать крючок соблазнительным.

Крючок этот не совсем обычен. В трос вплетены трубки, по которым подается столько дури, что хватило бы на целую дивизию наркоманов; Ихти заглатывает дистанционно управляемую наживку, дергающуюся перед ним, рыбак подсекает, и концы крючка впиваются в глотку.

Последняя подстройка, теперь что там на индикаторе уровня? Пусто, наркотик еще не заливали. Вот и хорошо. Я нажал кнопку «инъекция».

— Теперь уж точно не уйдет,— пробормотал Майк.

Я освободил тросы и стал водить воображаемого зверя. Я отпускал его, время от времени придерживал, чтобы сильнее вымотать.

Несмотря на наличествующий кондиционер и отсутствующую рубашку, становилось жарко, откуда следовал вывод, что утро превратилось в день. Я смутно отмечал

прилетающие и тут же убывающие вертушки. В тени оставшихся открытыми створок сидели какие-то личности; они с интересом наблюдали за моими действиями. Прибытие Джин я проворонил, иначе закончил бы и опустил Вагон на место.

Она нарушила мою сосредоточенность, хлопнув дверью с такой силой, что я испугался — не сорвется ли Вагон с захвата.

— Вас не затруднит сообщить мне,— процедила она,— с чьего это разрешения Вагон оказался на палубе?

— Ни с чьего,— ответствовал я.— Я его сейчас уберу.

— Не утруждайте себя, только отодвиньтесь куда-нибудь.

Так я и сделал. Эта зараза заняла мое место. На ней были широкие коричневые брюки и свободная рубаха, волосы увязаны на затылке, чтобы не мешали. Щеки у нее горели, и вряд ли от жары. Джин набросилась на пульт с комичным — и пугающим — энтузиазмом.

— Вторая готовность,— рявкнула она, ломая о кнопку фиолетовый ноготок.

Я изобразил зевок и начал неторопливо застегивать рубашку. Она зыркнула на меня искоса, проверила приборы и забросила крючок.

Я следил по экрану за леской. На секунду Джин повернулась ко мне.

— Первая готовность,— ровно сказала она.

Я утвердительно кивнул.

Она потянула лебедкой вбок, чтобы продемонстрировать, что знает, как это делается. Я не сомневался, что она знает, как это делается, и она не сомневалась, что я не сомневаюсь, но все-таки...

— Если вы еще вдруг не поняли,— сказала она,— вас тут и близко не будет. Вас наняли наживляльщиком, понятно? Вы никакой не оператор Вагона! Вы — наживляльщик! В ваши обязанности входит сплавать и накрыть нашему общему другу стол. Это опасно, но вам и платят соответственно. Вопросы?

Она нажала кнопку «инъекция» с такой силой, что я невольно потер горло.

— Да нет,— улыбнулся я,— но я умею пользоваться этой штуковиной. И если что — свистните. По профсоюзным ставкам.

— Мистер Дэйвитс,— сказала она,— я не хочу, чтобы за этим пультом сидел неудачник.

— Мисс Лухарич, в эту игру еще никто не выигрывал.

Она начала выбирать трос и тут же вырубила магнитное сцепление; крючок со всеми своими причиндалами вернулся на место. Вагон содрогнулся и отскочил на пару футов назад. Поперечный поднят, полный газ назад, слегка притормозила, сменила полозья, стоп. С грохотом и лязгом. Теперь — направо; моряки, сидевшие в тени створки, бросились врассыпную, а мы въехали на платформу подъемника.

— В будущем, мистер Дэйвитс,— сказала она мне,— не входите сюда без приказа.

— Не волнуйтесь,— ответил я.— Я не войду даже и по приказу. Если вы еще не забыли, я нанимался наживляльщиком. Так что, если вам потребуется моя помощь, придется вежливо попросить.

— Этот день войдет в историю,— улыбнулась она.

Я согласился, над нами закрылись створки люка. Когда Вагон вернулся на место, мы закончили разговор и разошлись в разные стороны. Все же она сказала, в ответ на мой смешок, «до свидания», что свидетельствовало как о хорошем воспитании, так и о хорошем самообладании.

Позже, вечером, мы с Майком набили трубки в каюте Малверна. Ветер гнал волну, а дождь и град колотили по палубе, будто по жестяной крыше.

— Погода — дрянь,— сообщил мне Малверн.

Я согласно кивнул. После двух стаканов бурбона комната стала родной и уютной: мебель из красного дерева (давным-давно я по какой-то блажи доставил ее с Земли), обветренное лицо Малверна, постоянно удивленная физи-

ономия Дабиса между двумя тенями от спинок стульев, все это освещено крохотным ночником и видно как бы сквозь коричневое стекло, гадательно*.

— Хорошо, что я здесь.

— А как оно в такую ночь там, внизу?

Я выпустил клуб дыма, представляя, как луч фонаря прорезает внутренности слегка подрагивающего черного алмаза. На мгновение я увидел молниеносный бросок случайно освещенной рыбы, мерное колыхание странных, наподобие папоротников, водорослей — сперва они в тени, потом вспыхивают яркой зеленью, исчезают... Думаю, именно так себя чувствует, если он способен что-то чувствовать, космический корабль, летящий между мирами,— и тишина, сверхъестественная, жуткая тишина, и спокойствие, будто во сне.

— Темно,— сказал я.— И уже на глубине в несколько метров волна почти не чувствуется.

— Отчаливаем через восемь часов,— заметил Майк.

— А через десять—двенадцать дней будем на месте,— добавил Малверн.

— Как вы думаете, что сейчас делает Ихти?

— Спит на дне морском с миссис Ихти — если у него, конечно, есть хоть капля мозгов.

— Нету. Я видел реконструкцию его скелета, сделанную АВИ по собранным на берегу костям.

— А кто ж ее не видел?

— Так он же будет больше сотни метров длиной. Верно, Карл?

Я согласился.

— А черепная коробка совсем крохотная, при такой-то туше.

— Он достаточно умен, чтобы не попадаться в наш холодильник.

Смешки — ведь кроме этой комнаты по-настоящему не существует ничего. Окружающий мир — это пустая

* Намеренное искажение новозаветного текста: «...как бы сквозь тусклое стекло, гадательно». Первое послание к Коринфянам, гл. 13.

палуба, по которой колотит дождь пополам со снегом. А мы сидим себе, развалясь, и выпускаем клубы дыма.

— Наша командирша не одобряет несанкционированную рыбную ловлю.

— Наша командирша может идти куда подальше.

— Чего она там тебе наговорила?

— Она сказала, что мое место — на дне, вместе с рыбьим дерьмом.

— Ты не управляешь Вагоном?

— Я наживляю.

— Посмотрим.

— Ничего другого я не делаю. Если ей потребуется оператор Вагона, она должна будет попросить, и очень вежливо.

— Думаешь, попросит?

— Думаю, попросит.

— А если она попросит, ты-то сумеешь?

— Резонный вопрос.— Я выпустил клуб дыма.— Ответа на каковой я не знаю.

Я согласен акционировать свою душу и отдать сорок процентов выпущенных акций за ответ на этот вопрос. Я согласен отдать за этот ответ два года жизни. Только что-то мои соблазнительные предложения не встречают отклика у темных сил. Видимо, темные силы и сами не знают. Ну, скажем, нам повезет, и мы найдем Ихти. Более того, мы подцепим его на крючок. Ну и что? Если мы подтянем его к кораблю, выдержит ли Джин или сломается? Что, если она прочнее Дэйвитса, охотившегося на акул с пневматическим пистолетом и отравленными стрелами? Что, если она и вправду поймает Ихти, а Дэйвитс так и будет стоять рядом, словно пень?

Хуже того, если, скажем, она попросит Дэйвитса, а тот все равно будет стоять, словно тот самый пень, или, лучше сказать, как конек бздюловатый?

Это случилось, когда я приподнял Ихти выше уровня палубы и посмотрел на его тело, косо уходящее вдаль и вдали теряющееся из виду, словно зеленая горная гряда. А еще огромная голова. Маленькая для такой туши, но

все равно огромная. Широкая, пупырчатая, и эти выпученные, лишенные век рулетки, крутившие свое красное-черное еще тогда, когда мои предки только собрались осваивать Новый Континент. И голова эта качалась — туда-сюда, туда-сюда...

Подсоединили новые баки с наркотиком. Ему требовалась еще одна доза, и побыстрее. Но меня парализовало.

Он издал звук, ну словно сам Господь ударил по клавишам синтезатора.

И посмотрел на меня!

Не знаю, так же видят его глаза, как наши, или нет. Сомневаюсь. Может, я представлялся серым расплывчатым пятном за черной скалой, а отраженное от пластика небо слепило их до боли. Но только они остановились на мне. Возможно, змея на самом деле не парализует кролика — может, это просто кролики трусливы по природе. Но только Ихти начал сопротивляться, а я смотрел на него как завороженный.

Завороженный этой мощью, этими глазами... Таким вот и нашли меня пятнадцать минут спустя. Голова моя и плечи оказались несколько покуроченными, а кнопка «инъекция» — ненажатой.

Я вижу эти глаза во сне. Я хочу еще раз взглянуть в них, даже если поиски продлятся до скончания века. Я должен узнать, есть ли во мне нечто отличающее человека от кролика, от жестко заданного набора рефлексов и инстинктов, разваливающегося, стоит только дернуть за нужную веревочку.

Я посмотрел вниз и увидел, что руки мои трясутся. Я взглянул вверх и увидел, что никто этого не увидел.

Тогда я допил стакан и выбил трубку. Было уже поздно, и птички певчие своих не пели песен.

Я сидел, свесив ноги с кормы, и строгал деревяшку, щепки кувыркались в кильватерной струе. Три дня плавания. Никаких действий.

— Эй!

— Я?

— Да, ты.

Волосы — золото, зубы — жемчуг, глаза такого оттенка, которого и на свете не бывает.

— Привет.

— В правилах техники безопасности есть специальный пункт, запрещающий то, чем ты сейчас занимаешься.

— Знаю. Уже все утро на этот счет мучаюсь.

Тонкий завиток забрался по моему ножу, улетел, приземлился в пену, покрутился, затем его утащило вглубь. Я смотрел на отражение девушки в лезвии и тайно наслаждался тем, как оно корежится.

— Измываешься?

Я повернулся на ее смех.

— Кто, я?

— Я могу тебя отсюда столкнуть, очень свободно.

— Я догоню корабль.

— А потом какой-нибудь темной ночью столкнешь меня?

— Тут все ночи темные, мисс Лухарич. Нет, я лучше подарю вам эту вот штуку, которую вырезаю.

Она села рядом со мной; закрытый купальник и белые шорты; нездешний загар, который всегда казался мне таким привлекательным. Я почти ощутил вину за то, что спланировал всю эту сцену заранее, но моя правая рука все еще скрывала деревянную зверюшку от ее глаз.

— Ладно, глотаю наживку. Что это у тебя?

— Секундочку, сейчас закончу.

Я церемонно вручил ей деревянного ослика. Я чувствовал себя виноватым и немного по-ослиному, но остановиться уже не мог. Со мной всегда так. Рот расплылся, ну еще немного — и вправду заржу. И уши торчком.

Джин не улыбнулась, не нахмурилась, а просто взяла мой шедевр и начала его рассматривать.

— Хорошо получилось,— сказала она наконец,— как и почти все, что ты делаешь. И возможно, соответствует ситуации.

— Отдай,— протянул я руку.

Она вернула мне осла, а я швырнул его в воду. Ни в чем не повинное животное не попало в пену и некоторое время держалось на поверхности, словно карликовый морской конек.

— Зачем ты его выкинул?

— Плохая шутка. Извини.

— Может, ты и прав. Может, на этот раз я откусила столько, что не прожевать.

— Тогда почему не заняться чем-нибудь более безопасным,— фыркнул я,— вроде космических гонок?

— Нет,— помотала она тем самым своим золотом.— Мне нужен Ихти.

— Зачем?

— А зачем он был нужен тебе? Ты же угробил на него целое состояние.

— Много разных причин.— Я пожал плечами.— Некий психоаналитик, лишенный диплома и незаконно практикующий в подвальной конуре, сказал мне однажды следующее: «Мистер Дэйвитс, вам необходимо укрепить образ своей мужественности, поймав по рыбине каждого из существующих видов». Рыбы — очень древний символ мужественности. Вот я и взялся за дело. Осталась всего одна рыбина. А вот ты-то, чего ради ты захотела укрепить свою мужественность?

— Захотела? — ответила она.— Да ничего я не хочу укреплять, кроме «Лухарич энтерпрайзис». Мой главный статистик однажды сказал: «Мисс Лухарич, когда ваше имя будет на каждой баночке кольдкрема и коробке пудры, продаваемой в Солнечной системе, вы станете счастливой девушкой. И богатой». И он оказался прав. Я — тому доказательство. Я имею возможность выглядеть так, как я выгляжу, и делать все, что мне заблагорассудится, и я продаю почти всю губную помаду и пудру в Солнечной системе — но я хочу иметь силы делать все, что мне заблагорассудится.

— А что,— заметил я,— видок у тебя вполне деловой и холодный. Какие тебе еще силы?

— Не знаю насчет холодного вида,— сказала она, поднимаясь,— но сейчас мне жарко. Давай искупаемся.

— Могу я заметить вашему величеству, что мы идем с довольно приличной скоростью?

— Можете, если желаете сообщить очевидное. Ты вроде говорил, что сумеешь догнать плот без посторонней помощи. Еще не передумал?

— Нет.

— Тогда достань пару аквалангов, и устроим соревнование, кто быстрее проплывет под Стадионом. И выиграю, конечно же, я,— добавила она.

Я встал и посмотрел на нее сверху вниз; это обычно дает мне чувство превосходства над женщинами.

— Дочь Лира, в чьих глазах Пикассо,— сказал я,— будет тебе гонка. Встречаемся у правой передней Ладьи через десять минут.

— Через десять минут,— согласилась она.

Десять минут на все и потребовалось. В том числе две, чтобы добежать со всем этим барахлом от центрального купола до Ладьи. Мои сандалии раскалились, так что я был счастлив добраться до сравнительно прохладного угла и сменить их на ласты.

Мы нацепили снаряжение и подогнали ремни. Сейчас на Джин был цельный зеленый купальник, да такой, что мне пришлось прикрыть глаза и посмотреть в сторону. А потом обратно.

Я прикрепил веревочную лестницу и скинул ее за борт, а потом постучал по стене Ладьи.

— Что такое?

— Вы связались с левой кормовой Ладьей?

— Все устроено,— пришел ответ.— По всей корме вывешены лестницы и тросы.

— Вы уверены в благоразумности такого поступка? — спросил у Джин ее агент по связям с общественностью — плюгавый, докрасна обгоревший на солнце хмырь по прозванию мистер Андерсон. Он сидел в шезлонге рядом с Ладьей и сосал через соломинку лимонад.— Это может быть опасным,— запавшим ртом прошамкал хмырь (его зубы лежали рядом, в другом стакане).

— Верно,— улыбнулась Джин.— Это действительно будет опасно. Хотя и не очень.

— Тогда почему вы запретили съемку? Пленки через час оказались бы в Линии Жизни, а к вечеру — в Нью-Йорке. Хороший сюжет.

— Нет,— сказала она и отвернулась от нас.

И подняла руки к глазам.

— Вот, пусть пока у вас полежат.

Хмырь получил коробочку, а глаза Джин вернули себе прежний, карий цвет.

— Готов?

— Нет,— строго сказал я.— Слушай внимательно, Джин. В этой игре есть несколько правил. Во-первых,— загнул я палец,— мы окажемся прямо под плотом, значит, надо стартовать на глубине и не переставать двигаться. Если стукнуться о днище, можно повредить баллон.

Она начала было возмущаться, что уж это-то любой идиот понимает, но я ее перебил:

— Во-вторых, там будет темно, поэтому мы должны держаться рядом и оба возьмем фонари.

Ее влажные глаза сверкнули.

— Я вытащила тебя из Говино без...— Она замолчала и отвернулась, а потом взяла фонарь.— Хорошо. Фонари так фонари. Извини.

— И берегись винтов,— закончил я.— Уже метрах в пятидесяти от них тянет будь здоров.

Она снова вытерла глаза и подогнала маску.

— Ладно, двинули.

И мы двинули.

Я настоял, чтобы она плыла первой. У поверхности вода была теплая, на глубине трех метров — прохладная, а на десяти — холодная и, после жары на палубе, очень приятная. На глубине пятнадцати метров мы отпустили лестницу и рванули. Стадион плыл вперед, а мы — перпендикулярно ему, каждые десять секунд задевая его днище желтым пятном света.

Днище оставалось там, где ему и положено, а мы неслись, словно два спутника, обходящие планету с ночной ее стороны. Я периодически щекотал лягушачьи лапы Джин лучом света и отслеживал ее усики из пузырьков. Дистанция — пять метров, как раз то, что надо. Я легко

обойду эту красотку на финишной прямой, но пока что пусть идет впереди, так оно вернее.

А внизу — тьма. Непроглядная. Бездонная. Здешний, венерианский Минданао. Возможно, именно сюда направляются души умерших наслаждаться вечным покоем в городах никем еще не виданных, никак не названных рыб. Я повернул голову и провел щупальцем света по днищу плота и понял, что пройдена уже четверть дистанции.

Неожиданно Джин прибавила темп и оторвалась на лишнюю пару метров; я тоже стал грести чаще и восстановил прежнюю дистанцию. Она поплыла еще быстрее — я тоже. Я нащупал ее своим фонариком.

Джин повернулась, и луч света ударил ей в прикрытое маской лицо. Не знаю уж, улыбалась она или нет. Скорее всего. Она подняла два пальца в победном знаке и на полной скорости рванула вперед.

Мне следовало знать. Я должен был почувствовать, что так и случится. Для нее же это — просто гонка, еще одно соревнование, которое можно выиграть, и наплевать на опасности.

Я поплыл изо всех сил. Я не дрожу в воде. Или, если дрожу, не замечаю. Я начал снова сокращать дистанцию.

Она посмотрела назад, прибавила, снова посмотрела назад. Каждый раз, когда она оборачивалась, я оказывался ближе, пока не сократил разрыв до изначальных пяти метров.

И тут она врубила движки. Вот этого я и боялся. Мы были на полпути под плотом, и ей не следовало этого делать. Струи сжатого воздуха запросто могли бросить ее вверх, ударить о днище или что-нибудь оторвать, если она неверно повернет корпус. Основное их предназначение — вырываться из зарослей водорослей или бороться с сильными течениями. Я взял их для безопасности, из-за этих здоровенных ветряных мельниц, что на корме.

Она помчалась вперед, что твоя ракета, а я, хотите — верьте, хотите — нет, почувствовал, как покрываюсь холодным потом.

Я пустился вдогонку, не используя своих боеприпасов, и она утроила, учетверила разрыв.

Движки наконец заглохли, а Джин так и продолжала чесать вперед. Ладно, я — старый ворчун. Но ведь могла же она сделать что-нибудь не так и рвануть вверх.

Я рассекал воду и начал снова сокращать дистанцию, по футу за гребок. Теперь я не смогу догнать или обогнать ее, но хотя бы успею ухватиться за трос до того, как она ступит на палубу.

Но вот вращающиеся магниты взялись за дело, и она дрогнула. Даже на таком расстоянии тяга была очень сильной. Манящий зов мясорубки.

Такой вот штукой поцарапало меня однажды под «Дельфином», рыболовным судном среднего класса. Да, я пил, но сказалась и штормовая погода, и то, что винты запустили слишком рано. К счастью, остановили их вовремя, а корабельный живодер быстренько привел все в полный порядок. Все, за исключением записи в вахтенном журнале, особо отметившей мое непотребное состояние. И ни слова о том, что это было во внеурочные часы и я имел право делать все, что угодно.

Она двигалась раза в два медленнее, чем прежде, но все равно еще наискось, к левому кормовому углу нашего плотика. Теперь я и сам почувствовал течение и тоже уменьшил скорость. От главного винта Джин, похоже, увернется, но слишком уж сильно снесло ее к корме. Под водой трудно оценивать расстояние, но с каждым ударом пульса я все больше убеждался в своей правоте. Главный винт ей не грозил, но вот малый левый, расположенный восьмьюдесятью метрами дальше... Она же попадет под этот винт как пить дать.

Она развернулась ногами к винту и начала отчаянно грести. Нас разделяло двадцать метров. Она словно зависла на одном месте. Пятнадцать.

Джин начала медленно дрейфовать назад. Я включил движки, целясь на два метра за ней и на двадцать перед лопастями. Прямо вперед!

Слава богу! Поймал, мягкое, кастетом по плечу, ГРЕБИ СО ВСЕХ СИЛ! Маска треснула, хорошо, не разбилась, ТЕПЕРЬ ВВЕРХ!

Мы схватились за трос, а потом я помню бренди.

И в колыбель, вечно баюкавшую*, я сплюнул, приблизившись к борту. Сегодня у меня бессонница, и левое плечо снова ноет, так что пусть меня поливает дождь — ревматизм лечить умеют. Дикая глупость. Так я и сказал. Завернувшись в одеяло и дрожа. Она: «Карл, я не могу выразить...» Я: «Тогда считайте, мисс Лухарич, что мы квиты за тот вечер в Говино. Идет?» Она: ничего. Я: «Бренди еще остался?» Она: «И мне налей». Я: заглатывающее хлюпанье. Это продолжалось всего три месяца. Никаких алиментов. У обеих сторон много долларов. Не уверен, были ли они счастливы. Темное, как вино, Эгейское море. Отличная рыбалка. Может, ему следовало проводить на берегу больше времени. Или ей — поменьше. А плавает хорошо. Он тогда захлебнулся, и она доволокла его до самого Видо. И вытряхнула воду из легких. Молодые. Оба. Сильные. Оба. Богатые и вконец испорченные. Аналогично. Корфу должен был сблизить их. Не вышло. Душевная черствость и ловля форели. Он хотел в Канаду. Она: «Да хоть к черту!» Он: «Так ты поедешь со мной?» Она: «Нет». А все-таки поехала. Скандалов — не счесть. Он потерял чудовище-другое, она унаследовала пару. Сегодня вечером много молний. Дикая глупость. Вежливость — гробница для обманутых душ. Кто ж это сказал? Я ненавижу тебя, Андерсон, с твоим стаканом, полным твоих зубов и ее новых глаз. Не можешь держать трубку зажженной — соси табак. Сплюнь еще раз!

Через семь дней после отплытия на экране появился Ихти.

Загремел авральный сигнал, застучали ноги, какой-то оптимист включил термостат в хопкинсовском холодиль-

* Отсыл к строке У. Уитмена «Из колыбели, вечно баюкавшей...».

нике. Малверн сказал мне сидеть спокойно, но я увешался снаряжением и начал ждать, что будет. С виду синяк был страшноватый, а так — ничего. Я делал зарядку каждый день, и плечо двигалось отлично. Он плыл перпендикулярно нам, в километре по курсу и на глубине шестидесяти метров. На поверхности все было тихо.

— Мы будем его преследовать? — спросил какой-то торопыга из матросиков.

— Нет. Ну разве что,— пожал я плечами,— ей очень уж захочется истратить побольше горючего.

Вскоре экраны опустели да такими и остались. Мы держали курс и сохраняли готовность.

После последнего нашего совместного утопания мы не перебросились с командиршей и дюжиной слов, так что теперь было самое время увеличить счет.

— День добрый,— начал я,— что новенького?

— Уходит на северо-северо-восток. Этого придется отпустить. Еще через несколько дней мы сможем себе позволить погоню, но не сейчас.

Блеск волос...

— Верно,— кивнул я.— Куда он направляется — совершенно непонятно.

— Как твое плечо?

— Нормально. А как ты?

Дочь Лира...

— Хорошо. Кстати, тебе полагается приличная премия.

В твоих глазах погибель!

— Какие пустяки!

Позже вечером разразилась подобающая случаю гроза. (Я предпочитаю говорить «разразилась», а не «началась». Это слово создает более точный образ тропических бурь на Венере и экономит массу других слов.) Помните ту чернильницу, о которой я говорил раньше? Зажмите ее между большим и указательным пальцами. Сделали? А теперь шарахните по ней молотком. Осторожно! Не обрызгайтесь и не порежьтесь...

Сухо, а ровно через секунду — сплошная вода. Удар молотка, и небо покрывается миллионом ослепительных трещин. И это слышно — как оно разлетается вдребезги.

— Все внизу? — вопросили у суетящейся команды громкоговорители.

А где был я? А кто же это, по-вашему, громко говорил?

Когда по палубе начала разгуливать вода, все незакрепленное улетело за борт, но людей к тому времени на ней уже не было. Первым ушел вниз Вагон, а затем — кабины больших пассажирских лифтов.

При первых же — хорошо мне знакомых — признаках начинающегося светопреставления я заорал во всю глотку и бросился к ближайшей Ладье. Там я врубил динамики, а затем прочитал палубной команде коротенькую, секунд на тридцать, лекцию.

Майк мне сообщил по радио, что ничего серьезного не случилось, так, мелкие царапины. Я же на время шторма оказался в одиночной камере. Из Ладьи никуда не попасть, эти штуки слишком далеко отстоят от корпуса, чтобы в них был люк вниз, не говоря уж о том, что под каждой из них смонтирован тот самый «совок».

Так что отцепил я баллоны, висевшие на мне последние несколько часов, скрестил ласты на столе и откинулся в кресле, созерцая ураган. Сверху стояла такая же непроглядная тьма, как и внизу, а мы, посередке, слегка освещены по причине огромной блестящей поверхности плота. Дождь не капал, а сплошной стеной падал вниз.

Надежные Ладьи уже неоднократно выносили подобное ненастье, плохо лишь, что из-за крайнего своего расположения они проходили наибольшие дуги, когда Стадион, будто качалка излишне нервной бабули, прыгал по волнам. Ремнями из снаряжения я привязался к прикрученному к полу креслу, а потом благодарственными молитвами скостил несколько лет чистилища душе, забывшей в столе сигареты.

Я смотрел, как вода превращается в вигвамы, горы, руки и деревья, пока не начал видеть лица и людей. Тогда я позвонил Майку.

— Что ты там поделываешь, внизу?

— Размышляю, что ты поделываешь там, наверху,— ответил он.— На что это похоже?

— Ты ведь со Среднего Запада, верно?

— Да.

— Бывают у вас там сильные грозы?

— Местами.

— Вспомни худшую, в которую ты попадал. Есть у тебя под рукой логарифмическая линейка?

— Прямо здесь.

— Тогда поставь под грозой единицу, представь себе, что за ней следует пара нулей, и перемножь.

— Мне не представить нули.

— Тогда оставайся с исходным сомножителем.

— Так что же ты там делаешь?

— Я привязался к креслу и смотрю, как по полу катаются разные вещи.

Я снова посмотрел вверх и наружу и заметил в лесу темную тень.

— Ты молишься или ругаешься?

— А черт его знает! Если бы это был Вагон — если бы только это был Вагон!

— *Он там?*

Я кивнул, забыв, что Майк меня не видит.

Огромный, каким я его и помнил. Он лишь на несколько секунд высунулся над поверхностью — хотел, наверное, осмотреться. Нет на земле подобного ему: *он сотворен бесстрашным**. Я выронил сигарету. Все как и раньше. Паралич и нерожденный крик.

— Карл, ты там жив?

Он снова на меня посмотрел. А может, мне показалось. Может, это безмозглое чудище полтысячи лет поджидало случая поломать жизнь представителю самой развитой...

— Ты в порядке?

Или, возможно, она уже была сломана задолго до того, и встреча эта — лишь стычка зверей, сильный отпихивает слабого, тело против души...

— Карл, ты что там, ошалел? Скажи что-нибудь!

---

* Книга Иова, гл. 41, ст. 25.

Он снова всплыл, на этот раз ближе. Вы когда-нибудь видели столб смерча? Он кажется живым, двигаясь в темноте. Ничто не имеет права быть таким большим, таким сильным и двигаться. От этого голова кругом идет.

— Пожалуйста, ответь мне.

Он ушел и больше в тот день не приходил. Я наконец выдавил из себя что-то для Майка, какую-то шуточку, но теперь мне приходилось держать сигарету в правой руке.

Следующие семьдесят или восемьдесят тысяч волн прокатились мимо нас с монотонным однообразием. Пять дней, во время которых все это происходило, тоже не сильно различались. Однако утром тринадцатого дня удача, казалось, улыбнулась нам. Колокола громкого боя вдребезги разбили нашу вымоченную в кофе летаргию, мы бросились из камбуза, так и не дослушав лучший анекдот Майка.

— Сзади по курсу! — крикнул кто-то.— Пятьсот метров!

Я прицепил баллоны и начал застегивать ремни. Мое барахло всегда валяется где-нибудь рядом.

Я прошлепал по палубе, обматываясь сдутым дергунчиком.

— Пятьсот метров, глубина сорок метров! — прогремело из динамика.

Выдвинулись телескопические вышки, и Вагон поднялся во весь рост, с миледи за пультом управления. Он прогрохотал мимо меня и встал на якорь у передней кромки Стадиона. Поднялась, а затем вытянулась единственная его рука.

В тот самый момент, когда я поравнялся с Вагоном, динамики сообщили:

— Четыреста восемьдесят, двадцать!

— Первая готовность!

Звук, словно хлопнула огромная бутылка шампанского, и над водой взметнулась леска.

— Четыреста восемьдесят, сорок,— повторил голос Малверна.— Наживляльщику приготовиться!

Я приладил маску и слез в воду, цепляясь руками за спущенный с борта веревочный трап. Тепло, затем холод, и — вперед.

Безграничность, зелень, вниз. Быстро. Сейчас я — тот же самый дергунчик. Если некоему большому существу взбредет в его маленькую голову, что наживляльщик-то выглядит пособлазнительней своего груза... вытекающие отсюда (а точнее — из наживляльщика) последствия очевидны.

Ну вот, нашлись наконец. Теперь я поплыл, следуя за уходящими вниз тросами. Зеленый, темно-зеленый, потом — полная тьма. Далеко она забросила, даже слишком далеко. Мне не приходилось еще заплывать с наживкой так глубоко. И я не хотел зажигать фонарь.

Пришлось, никуда не денешься.

Плохо! Спускаться еще долго. Я стиснул зубы и надел на свое воображение воображаемую смирительную рубашку.

В конце концов леска подошла к концу.

Я обхватил дергунчика рукой, а затем отцепил его от себя и прицепил к крючку; делалось это со всей возможной скоростью. Теперь подключить маленькие изолированные разъемы. Хрупкость проводов и разъемов — единственная причина, по которой дергунчика не выстреливают вместе со всем остальным хозяйством. Конечно же, Ихти может их сломать, но тогда это уже не будет иметь значения.

Наживив своего механического угря на крючок, я вытащил затычки и стал смотреть, как он раздувается. За время этой полутораминутной процедуры меня затащило еще глубже, и я оказался близко — слишком уж близко — от того места, где никогда не хотел быть.

Раньше мне было страшно включать фонарь, но теперь я не мог его выключить. Я боялся остаться в темноте; охваченный паникой, я намертво вцепился в трос, а дергунчик тем временем вспыхнул неярким розовым светом и начал извиваться. Он был в два раза больше и в двадцать раз привлекательнее меня — во всяком случае, в глазах пожирателя розовых дергунчиков. Я повторял себе это, пока наконец не поверил, потом выключил свет и поплыл вверх.

Мое сердце имело четкую инструкцию: если я уткнусь во что-нибудь огромное со стальной шкурой, немедленно остановиться и отпустить мою душу, чтобы та потом вечно моталась в аду, оглашая его бессвязными бормотаниями.

Избежав метаний и бормотаний, я добрался до зеленой воды и бросился к родному гнезду.

Как только меня втащили на борт, я стянул маску на шею, сделал из ладони козырек и стал высматривать водовороты на поверхности. Естественно, первым же моим вопросом было: «Ну и где он?»

— Нигде,— ответил матросик,— как только ты нырнул, мы его потеряли да так с той поры и не видели. Ушел, наверное.

— Жаль.

Дергунчика оставили внизу принимать ванну. На какое-то время моя работа кончилась, и я пошел пить кофе с ромом.

Шепот за спиной: «А вот ты — ты смог бы так смеяться после такого?»

Вдумчивый ответ: «А это смотря над чем он смеется».

Я, все еще посмеиваясь, с двумя чашками кофе прошел в центральный купол.

— Ну как, ни слуху ни духу?

Майк кивнул. Его большие руки тряслись, а мои, когда я ставил чашки, оставались спокойными, как у хирурга.

Когда я сбросил баллоны и начал искать скамейку, он взвился:

— Не капай на эту панель! Ты что, хочешь и себя угробить, и пережечь предохранители? Они же денег стоят!

Я вытерся полотенцем, сел перед пустым экраном и блаженно потянулся. Плечо чувствовало себя, как новенькое.

Эта маленькая штуковина, через которую люди переговариваются, что-то захотела сказать. Майк щелкнул переключателем и предложил ей дерзать.

— Карл там, мистер Дабис?

— Да, мэм.

— Дайте мне с ним поговорить.

— Говори,— сказал я.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо. А ты что, сомневалась?

— Долгое погружение. Думаю... думаю, я закинула слишком далеко.

— Я только рад, у меня же коэффициент три. Я же загребаю на этом пункте об опасной работе уйму денег.

— В следующий раз я буду осторожнее,— голос Джин звучал виновато.— Наверное, это — от излишнего рвения. Извини.— Фраза так и повисла незаконченной, связь прекратилась, а я остался с пригоршней специально заготовленных ответов.

Я вытащил у Майка из-за уха сигарету и прикурил от бычка, оставшегося в пепельнице.

— Карл, она вела себя очень прилично,— сообщил он мне, отвернувшись от своего пульта.

— Знаю,— сказал я ему.— А я — нет.

— Хочу сказать, она — очень милое существо. Упрямая — это точно. Но тебе-то она что сделала?

— За последнее время? — уточнил я.

Он посмотрел на меня и уткнулся взглядом в чашку.

— Я знаю, это не мое де...— начал он.

— Сахару и сливок?

Ни в тот день, ни ночью Ихти не вернулся. Линия Жизни передавала какой-то диксиленд, мы с Майком устроили на лужайке детский смех, а бдительная Джин повелела тем временем подать ей ужин прямо в Вагон. Потом она попросила принести туда же раскладушку. Любимый свой «Дип Уотер Блюз» я врубил по наружным динамикам, чтобы послушали все, кто на палубе, и начал ждать, когда же Джин позвонит и начнет ругаться. И не дождался — уснула уже, наверное.

Я соблазнил Майка сыграть в шахматы, чем мы и занимались до рассвета. Разговор тем самым ограничился несколькими «шахами», одним «матом» и одним «чтоб тебя!». Майк не умеет проигрывать, так что дальнейшая

беседа тоже не состоялась, и меня это вполне устраивало. Я позавтракал бифштексом с жареной картошкой и завалился спать.

Десять часов спустя кто-то начал меня толкать; я приподнялся на локте, однако от открывания глаз воздержался.

— В чем дело?

— Извините, что разбудил вас,— сказал один из молодых матросов,— но мисс Лухарич хочет, чтобы вы отсоединили дергунчика, чтобы можно было плыть дальше.

Я продрал один глаз, все еще решая, удивляться или нет.

— Подтяните его к борту. Там его кто хочешь отцепит.

— Он уже у борта, сэр. Но она сказала, что это — ваша работа, и лучше все делать по правилам.

— Очень заботливо с ее стороны. Уверен, мой профсоюз оценит ее память.

— Э-э... а еще она просила передать вам, чтобы вы переодели трусы, причесались и побрились. Мистер Андерсон собирается снимать.

— Ладно. Идите, передайте ей, что я уже иду,— и спросите, не найдется ли у нее лака для ногтей.

Подробности опущу. Все заняло три минуты, я верно сыграл свою роль, даже извинился, поскользнувшись и уткнувшись в белый тропический костюм Андерсона мокрым дергунчиком. Он улыбнулся и отряхнулся; она улыбнулась, хотя даже «Лухарич комплектаколор» не мог полностью скрыть темные круги под ее глазами; я тоже улыбнулся и помахал рукой всем нашим болельщикам, глядящим в телевизор: «Мисс Вселенная, вы тоже можете стать похожей на охотницу за чудовищами. Пользуйтесь кремом для лица производства "Лухарич энтерпрайзис" — всего-то и делов».

Я спустился вниз и сделал себе бутерброд с тунцом и майонезом.

Два похожих на айсберги дня — тусклые, белесые, полурастаявшие, зябкие, по большей части незаметные и определенно угрожающие состоянию рассудка — проплыли мимо, и я был рад о них забыть. Чего-то ради вернулось ощущение вины за прошлые поступки, начали сниться неприятные, тревожные сны. Для поддержания бодрости я связался с Линией Жизни и проверил состояние своего счета.

— Собрался по магазинам? — спросил соединивший меня Майк.

— Домой собрался,— ответил я.

— Чего?

— Майк, после этого раза я завязываю. Черт с ним, с Ихти! Черт с ними, с Венерой и «Лухарич энтерпрайзис»! И черт с тобой!

Вздернутые брови.

— Чего это ты вдруг?

— Я ждал такого случая больше года, а вот теперь, оказавшись здесь, понял, что дерьмо все это собачье.

— Ты знал, на что идешь, подписывая контракт. Что бы ты ни делал, работая на продавцов крема для лица, ты продаешь крем для лица.

— Да нет, не в этом дело. Конечно же, коммерческий аспект меня раздражает, но Стадион всегда использовался для рекламы, с самого первого своего плавания.

— А чего же тогда?

— Пять или шесть причин. Главное — мне теперь все равно. Когда-то самым важным для меня было поймать эту тварюгу, а теперь — нет. Сперва это было так, мелкая блажь, но затем я вылетел на этой блажи в трубу и взалкал крови. Ну а теперь я понимаю, что эта кровь близко. И — ты будешь смеяться — мне жалко Ихти.

— И теперь он тебе не нужен?

— Я возьму его, если он достанется нам тихо и спокойно, но рисковать своей задницей, заставляя его залезть в хопкинсовский холодильник, мне не хочется.

— Я склонен думать, что это — одна из оставшихся четырех-пяти вышеупомянутых причин.

— Как то?

Он внимательно изучал потолок.

— Ладно,— промычал я.— Только не думай, что я вот так возьму и все тебе расскажу, чтобы ты мог порадоваться своей догадливости.

— Последнее время видок у нее еще тот,— ухмыльнулся Майк.— И это — не только из-за Ихти.

— Ничего хорошего из этого не выйдет.— Для убедительности я покачал головой.— Мы оба взрывоопасны по натуре. Нельзя приделывать к ракете сопла с обеих сторон, на такой технике никуда не улетишь — они просто сплющат все, что посередке.

— Так было раньше. Это, конечно, не мое дело...

— Еще раз это повторишь — останешься без своих зубов.

— Ой, как страшно. Да в любой день и в любом месте...

— Продолжай! Скажи же!

— Да в гробу она видала этого крокодила, ей просто захотелось вернуть тебя, вот и все.

— Пять лет — слишком долгий срок.

— Под твоей носорожьей шкурой есть что-то такое, что нравится людям,— пробормотал он,— или я бы этого не говорил. Может, ты напоминаешь нам, людям, о какой-нибудь паршивой уродливой собачонке, которую мы жалели, когда были детьми. Так или иначе, кое-кто хочет забрать тебя домой и заняться твоим воспитанием. Кроме того, голь перекатная не должна быть чересчур переборчивой.

— А ты знаешь, приятель,— хмыкнул я,— что я сделаю по прибытии в Линию Жизни?

— Да уж представляю.

— Ошибаешься. Я лечу на Марс, а оттуда — домой. И первым, заметьте, классом. Венерианские законы о банкротстве не касаются марсианских трастовых фондов, так что у меня есть еще заначка в таком месте, где ее не тронут моль и плесень. Я собираюсь купить большой старый дом на Заливе. Потребуется работа — приезжай, будешь открывать мне бутылки.

— Что, слаб в коленках? — поинтересовался Майк.

— Есть немного,— признал я,— но ведь и ей так будет лучше.

— Я про вас наслышан,— сказал Майк.— Значит, ты — разгильдяй и подонок, а она — стерва. В наши дни это называют психологической совместимостью. Бога ради, наживляльщик, хоть раз в жизни попробуй сохранить свой улов.

Я отвернулся.

— Понадобится та работа — заходи.

Я тихо запер за собой дверь и ушел, а Майк так и сидел в ожидании, когда же она с треском захлопнется.

День Зверя начинался вполне обыкновенно. Через двое суток после моего трусливого побега от пустого места я снова отправился наживлять трос. На экране — ничего, я просто подготавливал все для очередной попытки.

Проходя мимо Вагона, я бросил «доброе утро», получил изнутри ответ и стартовал. За это время я успел наново, без всякого шума и тем более ярости, обдумать сказанное Майком. Мнения своего я менять не стал, но решил, однако, держаться с Джин в рамках вежливости.

Вниз, вглубь, вдаль. На этот раз удочка заброшена поскромнее, примерно на двести девяносто метров. Черные тросы змеились где-то слева, и я следовал за их колебаниями из желто-зеленой воды в темные глубины.

Глухая, мокрая ночь, я плыл сквозь нее, как сдуревшая, с ярким хвостом впереди, комета.

Я поймал гладкий блестящий трос и начал приделывать к нему наживку. И вдруг по мне, от ног к голове, прокатилась волна ледяной воды, шквал, будто кто-то открыл подо мной огромную дверь. Меня сносило вниз, но не так же быстро!

Из всего этого следовало, что из глубин поднимается нечто вытесняющее уйму воды. Я все еще не думал об Ихти. Так, странненькое течение, но не Ихти же, в конце концов!

Я закончил присоединять провода и как раз вытащил первую затычку, когда подо мной вырос огромный, неровный черный остров...

Я посветил фонариком вниз. И увидел открытую пасть.

Я превратился в кролика.

По всему моему телу, от макушки к ногам, прокатилась волна смертельного страха. У меня сжался желудок и закружилась голова.

Еще одно дело, только одно. Осталось сделать. Наконец-то. Я выдернул остальные затычки.

К этому времени я уже мог сосчитать чешуйчатые выступы, окружающие его глаза.

Дергунчик раздулся, засветился розовым... задергался!

Теперь мой фонарь. Нужно его выключить, чтобы перед Ихти осталась только наживка.

Я мельком глянул назад и врубил движки.

Он был так близко, что дергунчик отражался у него на зубах и в глазах. Четыре метра, не больше; уходя вверх, я задел его блестящие челюсти струями двигателей. Я не знал, остался он на месте или пустился вдогонку. Ежесекундно ожидая быть съеденным, я начал терять сознание.

Воздух в движках кончился, и я вяло зашевелил ластами.

Слишком быстрый подъем — я почувствовал надвигающуюся судорогу. Лишь разок махнуть фонариком, кричал кролик. Только на секунду, чтобы узнать...

Или все закончить, ответил я. Нет, кролик ты мой драгоценный, мы не будем выбегать на охотника. Посидим в темноте.

Ну вот, зеленая вода. Потом желто-зеленая, наконец поверхность.

Я изо всех сил рванул к Стадиону. Мощная, словно от взрыва, волна бросила меня вперед. Мир схлопнулся, где-то вдалеке раздался голос:

— Он жив!

Гигантская тень и такая же гигантская волна. Леска ожила. Страна Счастливой Рыбалки. Может, я что-то сделал не так?

Где-то была сжата Ладонь. Что есть наживка?

Пара миллионов лет. Я помню себя одноклеточным организмом, болезненное превращение в амфибию, затем в воздуходышащее. Откуда-то с вершины дерева я услышал голос:

— Он приходит в себя.

Мое развитие достигло стадии хомо сапиенса, а затем я продвинулся на следующую эволюционную ступень — хомо сапиенса с крутого бодуна.

— Не пытайся вставать.

— Поймали? — невнятно пробормотал я.

— Он все еще сопротивляется, но уже на крючке. Мы уж было решили, что он прихватил тебя на закуску.

— Я тоже так решил.

— Подыши этим и замолчи.

Воронка на лице. Хорошо. Поднимите кубки и пейте...

— Он был очень глубоко. За пределом сонара. Мы засекли его, только когда он начал подниматься. А тогда было слишком поздно.

Я начал зевать.

— Сейчас мы отнесем тебя внутрь.

Я сумел извлечь привязанный к лодыжке нож.

— Только попробуй, останешься без пальца.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Тогда принеси еще пару одеял. Я остаюсь.

Я снова лег и закрыл глаза.

Кто-то тряс меня. Холод и полумрак. Палуба залита желтым светом прожекторов. Я лежал на сооруженной рядом с центральным куполом койке и дрожал, несмотря на шерстяные одеяла.

— Прошло уже одиннадцать часов. Сейчас ты ничего не увидишь.

Во рту привкус крови.

— Выпей это.

Вода. Я хотел сказать пару ласковых слов на этот счет, но не мог пошевелить языком.

— Только не надо спрашивать, как я себя чувствую,— прохрипел я.— Сейчас полагается задать этот вопрос, но не надо. Ладно?

— Ладно. Хочешь пойти вниз?

— Нет, просто дай мне мою куртку.

— Держи.

— Что он делает?

— Ничего. Он на большой глубине. Накачан наркотиками, но всплывать пока не хочет.

— Когда он в последний раз показывался?

— Часа два назад.

— Джин?

— Сидит в Вагоне, никого к себе не пускает. Слушай, тебя зовет Майк. Он прямо за тобой, в рубке.

Я сел и развернулся. Майк смотрел на меня. Он махнул рукой, я помахал ему в ответ.

Я скинул ноги на палубу и пару раз глубоко вдохнул. Болит желудок. Я встал на ноги и кое-как доковылял до рубки.

— Как насчет выпить?

Я посмотрел на экран. Пусто, Ихти слишком глубоко.

— За счет заведения?

— Да, кофе.

— Только не кофе.

— Ты болен. К тому же здесь ничего, кроме кофе, пить не разрешается.

— По определению, кофе — это коричневатая жидкость, согревающая желудок. У тебя есть такая в нижнем ящике.

— Чашек нет. Придется из стакана.

— Тяжелая жизнь.

Он налил.

— Хорошо получается. Тренировался для той работы?

— Какой работы?

— Ну, что я тебе предлагал.

На экране что-то появилось!

— Он поднимается, мэм, поднимается! — заорал Майк в микрофон.

— Спасибо, Майк, у меня тоже есть сигнал.

— Джин!

— Заткнись! Она занята!

— Это Карл?

— Да,— отозвался я.— Потом поговорим.— И прервал связь. Зачем я это сделал?

— Зачем ты это сделал?

Не знаю.

— Не знаю.

Ну какой смысл с ним разговаривать? Все равно что с самим собой. Я встал и вышел наружу. Ничего нет.

Что-то есть?

Стадион закачался! Должно быть, он увидел корабль и снова пошел на погружение. Слева закипела вода. Океан с ревом заглатывал бесконечную макаронину троса.

Я постоял немного, затем вернулся к Майку.

Два часа. Тошнота, все тело ноет. Четыре. Теперь вроде получше.

— Наркотик его пронимает.

— Похоже.

— Что насчет мисс Лухарич?

— А что?

— Она должна быть полумертвой.

— Возможно.

— И как ты с этим собираешься бороться?

— Сама напросилась. Она знала, как это бывает.

— Думаю, ты сумел бы его вытащить.

— Я тоже так думаю.

— И она тоже.

— Вот пусть и попросит.

Ихти сонно дрейфовал на глубине в шестьдесят метров.

Я еще раз вышел прогуляться и совершенно случайно оказался рядом с Вагоном. Она не смотрела в мою сторону.

— Карл, иди сюда!

Пикассовые глазки, и больше ничего. И злодейский умысел усадить меня за пульт Вагона.

— Это приказ?

— Да. Нет! Пожалуйста.

Я бросился внутрь и осмотрел приборы. Он поднимался.

— Тянуть или отпускать?

Я включил лебедку. Ихти поднимался послушно, как котенок.

— Теперь решай сама.

На двадцати метрах он уперся.

— Отпустить немного?

— Нет!

Она поднимала его — десять метров, восемь...

На четырех Джин выдвинула совки, и они подхватили зверя. Теперь тянитолкай. Снаружи — торжествующие вопли, вспышки блицев.

Команда увидела Ихти.

Он начал сопротивляться. Джин держала тросы натянутыми, тянитолкай поднимался все дальше.

Вверх.

Еще два фута, и тянитолкай начал толкать.

Крики, быстрый топот.

Гигантский стебель, раскачивающийся на ветру, его шея. Зелеными холмами поднимаются из воды плечи.

— Карл, он очень большой! — закричала Джин.

А он становился все больше и больше... и беспокойнее.

— Давай!

Он посмотрел вниз.

Он посмотрел вниз, словно бог наших самых древних предков.

В моей голове мешались страх, стыд, издевательский смех.

А в ее голове?

— Давай же!

Она смотрела вверх, на зарождающееся землетрясение.

— Не могу!

Сейчас, когда кролик умер, все будет так просто. Я протянул руку.

И остановился.

— Нажми сама.

— Не могу. Давай ты. Вытащи его, Карл!

— Нет. Если это сделаю я, ты потом всю жизнь будешь мучаться, а могла ли это сделать ты. Ты душу продашь,

пытаясь это узнать. Поверь мне, мы похожи, а со мной все было именно так. Выясни сейчас!

Она тупо пялилась.

Я схватил ее за плечи.

— Представь себе, что это вытащили меня,— предложил я.— Я — зеленый морской змей, полное ненависти чудовище, собирающееся тебя уничтожить. Я никому не подчиняюсь. Нажми «инъекцию».

Ее рука потянулась к кнопке, но вдруг дернулась обратно.

— Ну же!

Она нажала кнопку.

Я аккуратно положил ее на пол и закончил с Ихти.

Прошло добрых семь часов, прежде чем я проснулся под ровный гул винтов Стадиона.

— Ты болен,— сообщил мне Майк.

— Как Джин?

— Аналогично.

— Где зверь?

— Здесь.

— Хорошо.— Я перекатился.— На сей раз не ушел.

Вот так все оно и было. По-моему, никто не рождается наживляльщиком, но кольца Сатурна поют свадебную песнь дару, оставленному морским чудовищем.

Роза для Екклезиаста

1

В то утро я переводил один из моих «Мадригалов смерти» на марсианский. Коротко прогудел селектор, и я, от неожиданности уронив карандаш, щелкнул переключателем.

— Мистер Гэлинджер,— пропищал Мортон своим юношеским контральто,— старик сказал, чтобы я немедленно разыскал «этого чертова самонадеянного рифмоплета» и прислал к нему в каюту. Поскольку у нас только один самонадеянный рифмоплет...

— Не дай гордыне посмеяться над трудом,— оборвал я его.

Итак, марсиане наконец-то решились. Стряхнув длинный столбик пепла с дымящегося окурка, я затянулся впервые после того, как зажег сигарету. Я боялся пройти эти сорок футов до капитанской каюты и услышать слова Эмори, заранее мне известные. Поэтому, прежде чем встать, я закончил перевод строфы.

До каюты Эмори я дошел мгновенно, два раза постучал и открыл дверь как раз в тот момент, когда он пробурчал:

— Войдите.

Я быстро сел, не дожидаясь приглашения.

— Вы хотели меня видеть?

Я созерцал его тусклые глаза, редеющие волосы и ирландский нос, слушал голос, звучащий на децибел громче, чем у кого бы то ни было...

— Быстро добрался. Бегом, что ли, бежал?

Гамлет — Клавдию:

— Я работал.

— Ха! — фыркнул он.— Скажешь тоже! Никто еще не видел, чтобы ты этим занимался.

Пожав плечами, я сделал вид, что хочу встать.

— Если вы меня за этим сюда позвали...

— Сядь!

Он вышел из-за стола. Навис надо мной, свирепо глядя сверху вниз (непростое дело, даже если я сижу в низком кресле).

— Из всех ублюдков, с которыми мне когда-либо приходилось работать, ты, несомненно, самый гнусный! — заревел он, как ужаленный в брюхо бизон.— Почему бы тебе, черт возьми, не удивить нас всех и не начать вести себя по-человечески? Я готов признать, что ты умен, может быть, даже гениален, но... Ну да ладно!

Он махнул рукой и вернулся в кресло.

— Бетти наконец их уговорила,— его голос снова стал нормальным.— Они ждут тебя сегодня днем. После завтрака возьмешь джипстер и поедешь.

— Ладно,— сказал я.

— У меня все.

Я кивнул, встал и уже взялся за ручку двери, когда он сказал:

— Не буду тебе говорить, как это важно. Ты уж веди себя с ними не так, как с нами.

Я закрыл за собой дверь.

Не помню, что я ел на завтрак. Я нервничал, но инстинктивно чувствовал, что не оплошаю. Мои бостонские издатели ожидали от меня «Марсианскую идиллию» или, по крайней мере, что-нибудь о космических полетах в духе Сент-Экзюпери. Национальная ассоциация ученых

требовала исчерпывающего доклада о величии и падении марсианской империи.

И те и другие останутся довольны. В этом я не сомневался. Я всегда справляюсь, и справляюсь лучше, чем другие. Потому-то все и завидуют мне, за это и ненавидят.

Впихнув в себя остатки завтрака, я отправился в гараж, выбрал джипстер и повел его к Тиреллиану.

Над открытым верхом машины, словно языки пламени, плясали огненно-красные песчинки. Они кусались через шарф и секли мои защитные очки.

Джипстер, раскачиваясь и пыхтя, как маленький ослик, на котором я однажды пересек Гималаи, не переставая поддавал мне под зад. Тиреллианские горы переминались с ноги на ногу и приближались под косым углом.

Джипстер пополз в гору, и я, прислушавшись к натужному рычанию мотора, переключил скорость. Не похоже, думалось мне, ни на Гоби, ни на Великую Юго-Западную пустыню. Просто красная, просто мертвая... Даже кактусов нет.

С вершины холма ничего не было видно из-за облака пыли, поднятой джипстером. Впрочем, это не имело значения. Дорогу я мог бы найти с закрытыми глазами. Сбрасывая газ, я свернул налево и вниз, объезжая каменную пагоду.

Приехали.

Джипстер со скрежетом остановился. Бетти помахала мне рукой.

— Привет,— полузадушенно прохрипел я, разматывая шарф и вытряхивая из него фунта полтора песка.— Итак, куда мне идти и с кем встречаться?

Мне нравится, как она говорит: четко, со знанием дела. А тех светских любезностей, которые ждали меня впереди, мне хватит как минимум до конца жизни. Я посмотрел на нее — безупречные зубы и шоколадные глаза, коротко подстриженные, выгоревшие на солнце волосы (терпеть не могу блондинок) — и решил, что она в меня влюблена.

— Мистер Гэлинджер, Матриарх ждет вас. Она согласилась предоставить вам для изучения храмовые летописи.

Бетти замолчала, поправила волосы и поежилась. Быть может, мой взгляд ее нервирует?

— Это религиозные и одновременно исторические документы,— продолжала она,— что-то вроде Махабхараты. От вас ждут соблюдения определенных ритуалов в обращении с ними, например, произнесения священных слов при переворачивании страниц. Матриарх научит вас всему необходимому.

Я понимающе кивнул.

— Отлично, тогда пошли. Э-э...— Она помедлила.— И не забудьте их Одиннадцать Форм Вежливости и Ранга. Они очень серьезны в вопросах этикета. И не ввязывайтесь в споры о равноправии мужчин и женщин...

— Да знаю я все их табу,— прервал ее я.— Не беспокойтесь. Я ведь жил на Востоке, если помните.

Она отвела взгляд и взяла меня за руку. Я чуть ее не отдернул.

— Будет лучше, если я войду, держа вас за руку.

Я проглотил напрашивающиеся комментарии и последовал за ней, как Самсон в Газе.

Увиденное неожиданно оказалось созвучным моим последним мыслям. Чертоги Матриарха были несколько абстрактной версией моего представления о шатрах израильских племен.

Невысокая и седая, Матриарх М'Квийе выглядела лет на пятьдесят и была одета, как цыганская королева. В радуге своих широченных юбок она походила на перевернутую вверх дном и поставленную на подушку чашу для пунша.

Благосклонно приняв мой почтительный поклон, она рассматривала меня, как удав кролика. Угольно-черные глаза Матриарха удивленно раскрылись, когда она услышала мое безупречное произношение — магнитофон, который Бетти таскала с собой на все беседы, сделал свое дело, к тому же я практически наизусть знал лингвистические отчеты первых двух экспедиций. А схватывать произношение я могу, как никто другой.

— Вы тот самый поэт?

— Да,— ответил я.

— Почитайте, пожалуйста, что-нибудь из своих стихов.

— Мне очень жаль, но только самый тщательный перевод может воздать должное и вашему языку, и моей поэзии, а ваш язык я знаю еще недостаточно хорошо.

— В самом деле?

— Но я все-таки сделал несколько переводов... так, для собственного удовольствия, чтобы поупражняться в грамматике,— продолжал я.— Сочту за честь почитать их вам как-нибудь.

— Хорошо.

Одно очко я заработал!

М'Квийе повернулась к Бетти:

— Вы можете идти.

Бетти пробормотала формулы прощания, как-то странно, искоса, взглянула на меня и исчезла. Она явно надеялась, что останется и будет «помогать» мне. Как и всем, ей хотелось примазаться к чужой славе. Но Шлиманом в этой Трое был я, и отчет Национальной ассоциации ученых будет подписан только одним именем!

М'Квийе встала, и я подумал, что выше от этого она стала ненамного. Впрочем, я со своими шестью футами шестью дюймами вечно торчу над всеми и выгляжу, как тополь в октябре: тощий и с ярко-красной макушкой.

— Наши летописи очень древние,— начала она.— Бетти говорит, что ваше слово, описывающее их возраст,— «тысячелетия».

Я кивнул:

— Мне не терпится их увидеть.

— Они не здесь. Нам придется пройти в храм — выносить летописи нельзя.

Я насторожился.

— Вы не возражаете, если я сниму с них копии?

— Нет. Я вижу, что вы относитесь к ним с уважением, иначе ваше желание увидеть их не было бы столь велико.

— Отлично.

Похоже, это ее развеселило. Я поинтересовался, что тут смешного.

— Для чужеземца изучение Священного Языка может оказаться не таким уж простым делом.

И тут до меня дошло.

Никто из первой экспедиции не проникал так далеко. Я и не предполагал, что у марсиан два языка: классический и повседневный. Я немного знал их пракрит, теперь мне предстояло изучить их санскрит.

— Черт побери!

— Извините, не поняла.

— Это непереводимо, М'Квийе. Но представьте, что вам необходимо быстро выучить Священный Язык, и вы поймете мои чувства.

Это, похоже, снова ее развеселило, и мне было предложено разуться.

Она провела меня через альков, и мы попали в царство византийского великолепия.

Ни один землянин не был в этой комнате, иначе я бы о ней знал. А ту грамматику и тот словарный запас, которыми я сейчас владел, Картер, лингвист первой экспедиции, выучил с помощью некой Мэри Аллен, сидя по-турецки в прихожей.

Я с любопытством озирался по сторонам. Все говорило о существовании высокоразвитой, утонченной культуры. Видимо, нам придется полностью пересмотреть свои представления о марсианской цивилизации.

Во-первых, у этого зала был куполообразный свод и ниши; во-вторых, по бокам стояли колонны с каннелюрами; в-третьих... а, черт! Зал был просто шикарный. Сроду не подумаешь, глядя на обшарпанный фасад!

Я наклонился, чтобы рассмотреть золоченую филигрань церемониального столика, заваленного книгами. Мне показалось, что лицо М'Квийе приняло несколько самодовольное выражение при виде моей заинтересованности, но в покер играть я бы с ней не сел.

Большим пальцем ноги я водил по мозаичному полу.

— И весь ваш город помещается в одном здании?

— Да, оно уходит далеко в глубь горы.

— Ну да, понимаю,— сказал я, ничего не понимая.

Просить об экскурсии было пока что рано.

М'Квийе подошла к маленькой скамеечке, стоявшей возле стола.

— Ну что ж, начнем вашу дружбу со Священным Языком?

Я старался запечатлеть в памяти этот зал, зная, что рано или поздно все равно придется протащить сюда фотоаппарат. Я оторвал взгляд от статуэтки и энергично кивнул:

— Да, представьте нас друг другу, пожалуйста.

Прошло три недели. И теперь стоило мне смежить веки, как букашки букв начинали мельтешить перед глазами. Стоило поднять взор на безоблачное небо, как оно покрывалось каллиграфической вязью. Я литрами пил кофе, а в перерывах глотал коктейли из амфетамина с шампанским.

М'Квийе давала мне уроки по два часа каждое утро, а иногда и по два часа вечером. Как только я набрал достаточно знаний для самостоятельной работы, я добавил к этому еще четырнадцать часов.

А по ночам лифт времени стремительно опускал меня на самые нижние этажи...

Мне снова шесть лет. Я изучаю иврит, греческий, латынь и арамейский. А вот мне десять, и тайком, урывками, я пытаюсь читать «Илиаду». Когда отец не грозил геенной огненной и не проповедовал братскую любовь, он заставлял меня зубрить Слово Божье в оригинале.

Господи! Существует так много оригиналов и столько слов Божьих! Когда мне было двенадцать лет, я начал указывать отцу на некоторые разногласия между тем, что проповедует он и что написано в Библии.

Фундаменталистская решительность его ответа не допускала возражений. Лучше бы он меня выпорол. С тех

пор я помалкивал и учился ценить и понимать поэзию Ветхого Завета.

В тот день, когда мальчик закончил школу с похвальными грамотами по французскому, немецкому, испанскому и латыни, папаша Гэлинджер сказал своему четырнадцатилетнему сыну-пугалу шести футов роста, что хочет видеть его священником. Я помню, как уклончиво ответил ему сын.

— Сэр,— сказал он,— я вообще-то хотел бы годик-другой сам позаниматься, а потом прослушать курс лекций по богословию в каком-нибудь университете. Вроде рано мне еще в семинарию, вот так сразу.

Глас Божий:

— Но ведь у тебя талант к языкам, сын мой. Ты сможешь проповедовать Евангелие во всех землях вавилонских. Ты прирожденный миссионер. Ты говоришь, что еще молод, но время вихрем проносится мимо. Чем раньше ты начнешь, тем больше лет отдашь служению Господу.

Я не помню его лица. Никогда не помнил. Может быть, потому, что всегда боялся смотреть ему в глаза.

Спустя годы, когда он умер и лежал весь в черном среди цветов, окруженный плачущими прихожанами, среди молитв, покрасневших лиц, носовых платков, рук, похлопывающих меня по плечу, и утешителей со скорбными лицами, я смотрел на него и не узнавал.

Мы встретились за девять месяцев до моего рождения, этот незнакомый мне человек и я. Он никогда не был жестоким: суровым, требовательным, презирающим чужие недостатки — да, но жестоким — никогда. Он заменил мне мать. И братьев. И сестер. Он вытерпел те три года, что я учился в колледже Святого Иоанна, скорее всего, из-за названия, не подозревая, насколько либеральным этот колледж был на самом деле.

Но я никогда по-настоящему не знал его. А теперь человек на катафалке уже ничего не требовал. Я мог не проповедовать Слово Божье. Но теперь я сам этого хотел, хотя и по-своему. Пока он был жив, я не мог этого делать.

Получив небольшое наследство — не без хлопот, так как мне не исполнилось восемнадцати,— я не вернулся на последний курс.

В конце концов я поселился в Гринвич-Виллидж.

Не сообщая прихожанам-доброжелателям свой новый адрес, я начал писать стихи и самостоятельно изучать японский и хиндустани. Я отрастил огненную бороду, пил кофе и играл в шахматы. Мне хотелось испробовать еще несколько путей к спасению души.

После этого — два года в Индии с войсками ООН, что излечило меня от увлечения буддизмом и подарило миру сборник стихов «Свирели Кришны», а мне — Пулитцеровскую премию, которую я заслуживал.

Затем — назад в Штаты, чтобы написать дипломную работу по лингвистике, получить ученую степень и очередные премии.

А потом в один прекрасный день на Марс отправился корабль. Вернувшись в свое огненное гнездо в Нью-Мексико, он принес с собой новый язык — фантастический, экзотический, ошеломляющий. Узнав о нем все возможное и написав книгу, я прославился в научных кругах.

— Ступай, Гэлинджер. Окуни ведро в источник и привези нам глоток Марса. Изучи другой мир и разложи его душу на ямбы.

Вот так я оказался на планете, где солнце — как потускневшая монета, где ветер — как бич, где две луны играют в чехарду, и стоит только взглянуть на песок, как начинается жгучий зуд.

Мне надоело ворочаться с боку на бок. Я встал с койки и через темную каюту прошел к иллюминатору. Пустыня лежала бескрайним оранжевым ковром, вздымающимися песчаными буграми.

> Я здесь чужой, но страха — ни на миг;
> Вот этот мир — и я его постиг...

Я рассмеялся.

Священный Язык я уже освоил. Он не так сильно отличался от повседневного, как казалось вначале. Я доста-

точно хорошо владел вторым, чтобы разобраться в тонкостях первого. Грамматику и наиболее употребительные неправильные глаголы я знал назубок, словарь, который я составлял, рос день ото дня, как тюльпан, и вот-вот должен был расцвести. Стебель удлинялся с каждым прослушиванием записей.

Наконец пришло время испытать мое умение на практике. Я нарочно не брался за основные тексты — сдерживался до тех пор, пока не смогу оценить их по-настоящему. До этого я читал только мелкие заметки, отрывки стихов, фрагменты из исторических хроник. И вот что поразило меня больше всего. Они писали о конкретных вещах: скалах, песке, воде, ветрах, и общий тон, вложенный в эти изначальные символы, был болезненно пессимистичным. Он напомнил мне некоторые буддистские тексты, но еще больше он походил по духу на некоторые главы Ветхого Завета. В особенности — на Книгу Екклезиаста.

Что ж, так и сделаем. И мысли, и язык были столь похожи, что это станет прекрасным упражнением. Не хуже, чем переводить По на французский. Я никогда не стану последователем Маланна, но покажу им, что и землянин когда-то так же рассуждал, так же чувствовал.

Я включил настольную лампу и нашел среди книг Библию.

«Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует,— все суета! Что пользы человеку...»

Мои успехи, похоже, сильно удивили М'Квийе. Она вглядывалась в меня через стол наподобие сартровского Иного. Я бегло прочитал главу из Книги Локара, не поднимая глаз, но чувствуя, как ее взгляд словно затягивает невидимую сеть вокруг моей головы, плеч и рук. Я перевернул страницу.

Пыталась ли она взвесить сеть, определяя размер улова? И зачем? В книгах ничего не говорилось о рыболовах на Марсе. В них говорилось, что некий бог по имени Маланн плюнул или сделал нечто еще более отвратительное (в зависимости от версии, которую вы читаете), и возникла жизнь; возникла как болезнь неорганической материи. В них говорилось, что движение — ее первый закон и танец является единственным правильным ответом неорганике... В качестве танца — его оправдание... а любовь — болезнь органической материи... неорганической материи...

Я потряс головой — чуть было не уснул.

— М'нарра.

Я встал и потянулся. М'Квийе пристально меня рассматривала. Когда я встретился с ней взглядом, она отвела глаза.

— Я устал. Мне хотелось бы немного отдохнуть. Я сегодня ночью почти не спал.

Она кивнула. Земная замена слова «да», которой она научилась от меня.

— Хотите отдохнуть и увидеть учение Локара во всей его полноте?

— Прошу прощения?

— Хотите увидеть танец Локара?

— О да.— Иносказаний и околичностей в их языке было больше, чем в корейском.— Да. Конечно. Буду рад его увидеть в любое время.

— Сейчас самое время. Сядьте. Отдыхайте. Я позову музыкантов.

Она торопливо вышла через дверь, за которой я ни разу не был.

Ну что ж, по словам Локара, танец — высшая форма искусства, и мне предстояло увидеть, как нужно танцевать, по мнению умершего сотни лет назад философа. Я потер глаза и сложился пополам, достав руками пол.

В висках застучала кровь. Сделав пару глубоких вдохов, я снова наклонился и тут же краем глаза увидел какое-то движение около двери.

М'Квийе и три ее спутницы, наверное, подумали, что я собираю на полу шарики, которых у меня не хватает.

Я криво усмехнулся и выпрямился. Лицо у меня покраснело, и не только от физической нагрузки. Я не ожидал, что они появятся так быстро.

Маленькая рыжеволосая куколка, завернутая, как в сари, в прозрачный кусок марсианского неба, воззрилась на меня в изумлении снизу вверх — как ребенок на яркий флажок на длинном древке.

— Привет,— сказал я.

Перед тем как ответить, она поклонилась. По-видимому, меня повысили в ранге.

— Я буду танцевать,— сказала она.

Губы ее были, как алая рана на бледной камее. Глаза цвета мечты потупились.

Она поплыла к центру комнаты.

Стоя там, как статуэтка этрусского фриза, она то ли задумалась, то ли созерцала узор на полу. Может, эти узоры что-нибудь означали? Я всмотрелся в них. Если и так, то никакого скрытого смысла я в них не видел, зато они хорошо бы смотрелись на полу ванной или внутреннего дворика.

Две другие женщины были пожилыми и, как и М'Квийе, походили на аляповато раскрашенных воробьев. Одна уселась на пол с трехструнным инструментом, смутно напоминавшим сямисэн. Другая держала в руках кусок дерева и две палочки.

М'Квийе презрела свою скамеечку, и не успел я оглянуться, как она сидела на полу. Я последовал ее примеру.

Музыкантша с сямисэном все еще настраивала свой инструмент, и я наклонился к М'Квийе:

— Как зовут танцовщицу?

— Бракса,— ответила она, не глядя на меня, и медленно подняла левую руку, что означало «да», «давайте», «начинайте».

Звук сямисэна пульсировал, как зубная боль, от деревяшки доносилось тиканье часов, вернее, призрака часов, которых марсиане так и не изобрели.

Бракса стояла, как статуя, подняв обе руки к лицу и широко разведя локти.

Музыка стала подобной огню.

Бракса не двигалась.

Шипение перешло в плеск. Ритм замедлился. Это была вода, самая большая драгоценность на свете, с журчанием льющаяся по поросшим мхом камням.

Бракса по-прежнему не двигалась.

Глиссандо. Пауза.

Затем наступил черед ветра. Мягкого, покойного, вздыхающего. Пауза, всхлип, и все сначала, но уже громче.

То ли мои глаза, уставшие от постоянного чтения, обманывали меня, то ли Бракса дрожала с головы до ног.

Нет, действительно дрожала.

Она начала потихоньку раскачиваться. Долю дюйма вправо, затем влево. Пальцы раскрылись, как лепестки цветка, и я увидел, что глаза у нее закрыты.

Затем глаза открылись. Они были холодными, невидящими. Раскачивание стало более заметным, слилось с ритмом музыки.

Ветер дул из пустыни, обрушиваясь на Тиреллиан, как волна на плотину. Ее пальцы были порывами ветра.

Надвигался ураган. Она медленно закружилась, кисти рук тоже поворачивались, а плечи выписывали восьмерку.

Ее глаза были неподвижным центром циклона, бушевавшего вокруг нее. Голова была откинута назад, но я знал, что ее взор, бесстрастный, как у Будды, устремлен сквозь потолок к вечным небесам. Лишь две луны, быть может, прервали свой сон в нирване необитаемой бирюзы.

Когда-то давно в Индии я видел, как девадэзи, уличные танцовщицы, плетут свои цветные паутины, затягивая в них мужчин, словно насекомых. Но Бракса была гораздо большим: она была рамадьяни, священной танцовщицей последователей Рамы, воплощения Вишну, подарившего людям танец.

Щелканье стало ровным, монотонным; стон струн напоминал палящие лучи солнца, тепло которых украдено ветром. Я смотрел, как оживает эта статуя, и чувствовал божественное озарение.

Я снова был Рембо с его гашишем, Бодлером с его опиумом, По, Де Куинси, Уайльдом, Малларме и Алистером Кроули. На какое-то мгновение я стал моим отцом на темной кафедре проповедника, а гимны и стоны органа превратились в порывы ветра.

Она стала вертящимся флюгером, крылатым распятием, парящим в воздухе, веревкой для сушки белья, на которой билось на ветру что-то яркое. Ее плечо обнажилось, правая грудь двигалась вверх-вниз, точно луна на небе, алый сосок то появлялся, то исчезал под складкой одежды. Музыка стала чем-то внешним, формальным, как спор Иова с Богом. Ее танец был ответом Бога.

Музыка замедлилась и смолкла. Ее одежда, словно живая, собралась в первоначальные строгие складки.

Бракса опускалась все ниже и ниже, к самому полу, голова ее упала на поднятые колени. Она замерла.

Наступила тишина.

Почувствовав боль в плечах, я понял, в каком находился напряжении. Что следовало делать теперь? Аплодировать?

Я исподтишка взглянул на М'Квийе. Она подняла правую руку.

Как будто почувствовав это, девушка вздрогнула всем телом и встала. Музыканты и М'Квийе тоже встали.

Поднявшись, я обнаружил, что отсидел левую ногу, и сказал, как ни дурацки это прозвучало:

— Прекрасный танец.

В ответ я получил три различных синонима слова «спасибо» на Священном Языке.

Мелькание красок, и я снова наедине с М'Квийе.

— Это сто семнадцатый танец Локара, а всего их две тысячи двести двадцать четыре.

Я посмотрел на нее.

— Прав был Локар или нет, он нашел достойный ответ неорганике.

Она улыбнулась:

— Танцы вашей планеты такие же?

— Некоторые немного похожи. Я о них вспоминал, когда смотрел на Браксу, но я никогда не видел ничего подобного.

— Она хорошая танцовщица,— сказала М'Квийе.— Она знает все танцы.

Опять это выражение лица, которое уже однажды показалось мне странным.

— Я должна заняться делами.

Она подошла к столу и закрыла книги.

— М'нарра.

— До свидания.

Я натянул сапоги.

— До свидания, Гэлинджер.

Я вышел за дверь, уселся в джипстер, и машина с ревом помчалась сквозь вечер в ночь. Крылья разбуженной пустыни медленно колыхались у меня за спиной.

2

Не успел я, после недолгого занятия грамматикой с Бетти, закрыть за ней дверь, как услышал голоса в холле. Вентиляционный люк в моей каюте был приоткрыт, я стоял под ним и поневоле подслушивал.

Мелодичный дискант Мортона:

— Ты представляешь, он со мной недавно поздоровался!

Слоновье фырканье Эмори:

— Или он заболел, или ты стоял у него на дороге и он хотел, чтобы ты посторонился.

— Скорее всего, он меня не узнал. Он теперь, по-моему, вообще не спит — нашел себе новую игрушку, этот язык. Я на прошлой неделе стоял ночную вахту, и, когда проходил мимо его двери часа в три, у него бубнил магнитофон. А когда в пять сменялся, он все еще работал.

— Работает этот тип действительно упорно,— нехотя признал Эмори.— По правде сказать, я думаю, он что-то принимает, чтобы не спать. Глаза у него последнее время прямо-таки стеклянные. Хотя, может, у поэтов всегда так.

В разговор вмешалась Бетти — оказывается, она была с ними:

— Что бы вы там ни говорили, мне по крайней мере год понадобится, чтобы выучить то, что он успел за три недели. А ведь я всего-навсего лингвист, а не поэт.

Мортон, должно быть, был сильно неравнодушен к ее коровьим прелестям. Это единственное, чем я могу объяснить его слова.

— В университете я прослушал курс лекций по современной поэзии,— начал он.— В программе было шесть авторов: Йитс, Элиот, Паунд, Крейн, Стивенс и Гэлинджер,— и в последний день семестра профессору, видимо, захотелось поразглагольствовать. Он сказал: «Эти шесть имен начертаны на столетии, и никакие силы критики и ада над ними не восторжествуют». Что касается меня,— продолжал Мортон,— то я всегда считал, что его «Свирели Кришны» и «Мадригалы» просто великолепны. Для меня было большой честью оказаться с ним в одной экспедиции, хотя с тех пор, как мы познакомились, он мне, наверное, не больше двух десятков слов сказал.

Голос адвоката:

— А вам никогда не приходило в голову, что он может стесняться своей внешности? — сказала Бетти.— К тому же он был настолько развитым ребенком, что у него даже школьных друзей не было. Он весь в себе и очень ранимый.

— Ранимый?! Стеснительный?! — Эмори аж задохнулся.— Да он горд, как Люцифер! Он же просто ходячий автомат по раздаче оскорблений! Нажимаешь кнопку «Привет», или там «Отличный сегодня денек», а он тебе нос показывает. Это у него отработано.

Они выдали мне еще несколько комплиментов и разошлись.

Ну что ж, спасибо, детка Мортон. Ах ты, маленький прыщавый ценитель искусств! Я никогда не изучал свою поэзию, но я рад, что кто-то о ней так сказал. «Силы критики и ада». Ну-ну! Может быть, папашины молитвы где-то услышали и я все-таки миссионер? Только...

Только миссионер должен иметь нечто, во что он обращает людей. У меня есть своя собственная система эстетических взглядов. И в чем-то она, наверное, себя проявляет. Но даже имей я что проповедовать в моих стихах, у меня вряд ли возникло бы желание излагать это такому ничтожеству, как ты. Ты считаешь меня хамом, а я еще и сноб, и тебе нет места в моем раю — это частные владения, куда приходят Свифт, Шоу и Петроний Арбитр.

Я устроился поудобнее за письменным столом. Хотелось что-нибудь написать. Екклезиаст может вечерок и отдохнуть. Мне хотелось написать стихотворение о сто семнадцатом танце Локара. О розе, тянущейся к свету, о преследуемой ветром, больной, как у Блейка, умирающей розе.

Закончив, я остался доволен. Возможно, это был не шедевр — по крайней мере, не гениальнее, чем обычно: Священный Марсианский у меня — не самое сильное место. Я помучился и перевел его на английский, с неполными рифмами. Может, вставлю его в свою следующую книгу. Я назвал его «Бракса».

В краю, где ветер ледяной
Под вечер Времени в груди
У Жизни молоко морозит,
В аллеях сна над головой,
Как кот с собакой, две луны
Тревожат вечно мой полет...
Пылающую голову
Цветок последний повернул.

Я отложил стихотворение в сторону и отыскал фенобарбитал. Неожиданно пришла усталость.

Когда на следующий день я показал М'Квийе свое стихотворение, она прочитала его несколько раз подряд, очень медленно.

— Прелестно,— сказала она.— Но вы употребили три слова из вашего языка. «Кот» и «собака», насколько я понимаю,— это мелкие животные, традиционно ненавидящие друг друга. Но что такое «цветок»?

— Мне никогда не попадался ваш эквивалент слова «цветок», но вообще-то я думал о земном цветке, о розе.

— Что она собой представляет?

— Ну... лепестки у нее обычно ярко-красные. Поэтому я написал «пылающая голова». Еще я хотел, чтобы это подразумевало жар, и рыжие волосы, и пламя жизни. А у самой розы — стебель с зелеными листьями и шипами и характерный приятный запах.

— Я бы хотела ее увидеть.

— Думаю, это можно устроить. Я узнаю.

— Сделайте это, пожалуйста. Вы...— она употребила слово, эквивалентное нашему «пророку» или религиозному поэту, как Исайя или Локар.— Ваше стихотворение прекрасно. Я расскажу о нем Браксе.

Я отклонил почетное звание, но почувствовал себя польщенным. Вот он, решил я, тот стратегический момент, когда нужно спросить, могу ли я принести в храм копировальный аппарат и фотокамеру. Мне хотелось бы иметь копии всех текстов, объяснил я, а переписывание займет слишком много времени.

К моему удивлению, она тут же согласилась. А своим приглашением и вовсе привела меня в замешательство:

— Хотите пожить здесь, пока будете этим заниматься? Тогда вы сможете работать и днем и ночью — когда вам будет удобнее. Конечно, кроме того времени, когда храм будет занят.

Я поклонился.

— Почту за честь.

— Хорошо. Привозите свои машины, когда хотите, и я покажу вам вашу комнату.

— А сегодня вечером можно?

— Конечно.

— Тогда я поеду собирать вещи. До вечера...

Я предвидел некоторые сложности с Эмори, но не слишком большие. Всем на корабле очень хотелось увидеть марсиан, хотелось узнать, из чего они сделаны, расспросить их о марсианском климате, болезнях, составе почвы, политических убеждениях и грибах (наш ботаник

просто помешан на всяких грибах, а так ничего парень), но пока что только четырем или пяти действительно удалось-таки увидеть марсиан. Большую часть времени команда корабля занималась раскопками древних городов и акрополей. Мы строго соблюдали правила игры, а туземцы были замкнуты, как японцы XIX века. Я не рассчитывал встретить особое сопротивление моему переезду и оказался прав.

У меня даже создалось впечатление, что все были этому рады.

Я зашел в лабораторию гидропоники поговорить с нашим грибным фанатиком.

— Привет, Кейн. Уже вырастил поганки в этом песке?

Он шмыгнул носом. Он всегда шмыгает носом. Наверное, у него аллергия на растения.

— Привет, Гэлинджер. Нет, с поганками ничего не вышло, а вот ты загляни за гараж, когда будешь проходить мимо. У меня там растет пара кактусов.

— Тоже неплохо,— заметил я.

Док Кейн был, пожалуй, моим единственным другом на корабле, не считая Бетти.

— Послушай, я пришел попросить тебя об одном одолжении.

— Валяй.

— Мне нужна роза.

— Что?

— Роза. Ну знаешь, такая красная, с шипами, и пахнет приятно.

— Думаю, в этом песке она не приживется.

Шмыг, шмыг.

— Да нет, ты не понял. Я не собираюсь ее сажать. Мне нужен сам цветок.

— Придется использовать баки.— Он почесал свой лысый купол.— Это займет месяца три, не меньше, даже если форсировать рост.

— Ну так как, сделаешь?

— Конечно, если ты не прочь подождать.

— Да ради бога! Собственно, три месяца — это как раз к отлету и будет.

Я огляделся по сторонам: бассейны кишащей слизи, лотки с рассадой.

— Я сегодня перебираюсь в Тиреллиан, но появляться здесь буду часто, так что зайду, когда она расцветет.

— Перебираешься туда? Мур говорит, что они исключительно разборчивы.

— Ну, значит, они сделали для меня исключение.

— Похоже на то, хотя я все равно не представляю, как ты выучил их язык. Мне-то и французский с немецким с трудом давались, но я на той неделе слышал за обедом, как Бетти демонстрировала свои познания. Звучит как нечто потустороннее. Она говорит, что это напоминает разгадывание кроссворда в «Таймс», когда одновременно надо еще и подражать птичьим голосам.

Я рассмеялся и взял предложенную сигарету.

— Да, язык сложный, но, знаешь, это как найти совершенно новый класс грибов — они бы тебе по ночам снились.

Его глаза заблестели.

— Да, это было бы здорово. Знаешь, может, еще и найду.

— Может, и найдешь.

Посмеиваясь, он проводил меня до двери.

— Сегодня же займусь твоими розами. Ты там смотри не перетрудись.

— Будь спокоен.

Как я и говорил: помешан на грибах, а так парень ничего.

Мои апартаменты в Цитадели Тиреллиана примыкали непосредственно к храму. По сравнению с тесной каютой мои жилищные условия значительно улучшились. Кроме того, кровать оказалась достаточно длинной, и я в ней помещался, что было достойно удивления.

Я распаковал вещи и сделал шестнадцать снимков храма, а потом взялся за книги.

Я снимал до тех пор, пока мне не надоело переворачивать страницы, не зная, что на них написано. Я взял исторический труд и начал переводить.

«Ло. В тридцать седьмой год процесса Силлена пришли дожди, что стало причиной радости, ибо было это событие редким и удивительным и обычно толковалось как благо.

Но то, что падало с небес, не было живительным семенем Маланна. Это была кровь вселенной, струей бившая из артерии. И для нас настали последние дни. Близилось время последнего танца.

Дожди принесли чуму, которая не убивает, и последние пассы Локара начались под их шум...»

Я спросил себя, что, черт возьми, имеет в виду Тамур? Он же историк и должен придерживаться фактов. Не было же это их Апокалипсисом! Или было? Почему бы и нет? Я задумался. Горстка людей в Тиреллиане — очевидно, все, что осталось от высокоразвитой цивилизации. У них были войны, но не было оружия массового уничтожения, была наука, но не было высокоразвитой технологии. Чума, чума, которая не убивает... Может, она всему виной? Каким образом, если она не смертельна?

Я продолжил чтение, но природа чумы не обсуждалась. Я переворачивал страницы, заглядывал вперед, но все безрезультатно.

М'Квийе! М'Квийе! Когда мне позарез нужно задать тебе вопрос, тебя, как на грех, нет рядом.

Может, пойти поискать ее? Нет, пожалуй, это неудобно. По негласному уговору я не должен был выходить из этих комнат. Придется подождать.

И я чертыхался долго и громко, на разных языках, в храме Маланна, несомненно, оскорбляя тем самым его слух.

Он не счел нужным сразить меня на месте. Я решил, что на сегодня хватит, и завалился спать.

Я, должно быть, проспал уже несколько часов, когда Бракса вошла в мою комнату с крошечным светильником в руках. Я проснулся оттого, что она дергала меня за рукав пижамы.

— Привет,— сказал я.

А что еще я мог сказать?

— Я пришла,— сказала она,— чтобы услышать стихотворение.

— Какое стихотворение?

— Ваше.

— А-а-а.

Я зевнул, сел и сказал то, что люди обычно говорят, когда их будят среди ночи и просят почитать стихи:

— Очень мило с вашей стороны, но вам не кажется, что сейчас не самое удобное время?

— Да нет, не беспокойтесь, мне удобно,— сказала она.

Когда-нибудь я напишу статью для журнала «Семантика» под названием «Интонация: недостаточное средство для передачи иронии».

Но я все равно уже проснулся, так что пришлось взяться за халат.

— Что это за животное? — спросила она, показывая на шелкового дракона у меня на отвороте.

— Мифическое,— ответил я.— А теперь послушай, уже поздно, я устал. У меня утром много дел. И М'Квийе может просто неправильно понять, если узнает, что ты была здесь.

— Неправильно понять?

— Черт возьми, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

Мне впервые представилась возможность выругаться по-марсиански, но пользы это не принесло.

— Нет,— сказала она,— не понимаю.

Вид у нее был испуганный, как у щенка, которого отругали неизвестно за что.

— Ну-ну, я не хотел тебя обидеть. Понимаешь, на моей планете существуют определенные... э-э... правила относительно лиц разного пола, остающихся наедине в спальне и не связанных узами брака... э-э... я имею в виду... ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Нет.

Ее глаза были как нефрит.

— Ну, это вроде... Ну, это секс, вот что это такое.

Словно две зеленые лампочки зажглись в ее глазах.

— А-а, вы имеете в виду — делать детей?

— Да. Точно. Именно так.

Она засмеялась. Я впервые услышал смех в Тиреллиане. Звучал он так, будто скрипач водил смычком по струнам короткими легкими ударами. Впечатление не особенно приятное, уже хотя бы потому, что смеялась она слишком долго.

Отсмеявшись, она пересела поближе.

— Теперь я поняла,— сказала она,— у нас раньше тоже были такие правила. Полпроцесса тому назад, когда я была еще маленькая, у нас были такие правила. Но...— казалось, она вот-вот опять рассмеется,— теперь в них нет необходимости.

Мои мысли неслись, как магнитофонная лента при перемотке.

Полпроцесса! Нет! *Полпроцесса* — это примерно двести сорок три года!

Достаточно времени, чтобы выучить 2224 танца Локара.

Достаточно времени, чтобы состариться, если ты человек.

Я имею в виду — землянин.

Я посмотрел на нее, бледную, как белая королева в наборе шахмат из слоновой кости.

Бьюсь об заклад, она была человеком — живым, нормальным, здоровым. Голову дам на отсечение — женщина, мое тело...

Но если ей два с половиной столетия, то М'Квийе тогда и вовсе бабушка Мафусаила! Мне было приятно вспоминать их многочисленные комплименты моим лингвистическим и поэтическим способностям. О эти высшие существа!

Но что она подразумевала под «теперь в них нет необходимости»? Почему эта истерика? Что означают эти странные взгляды М'Квийе?

Я почувствовал, что близок к чему-то важному, не считая, конечно, красивой девушки.

— А скажи-ка,— начал я небрежным тоном,— это как-нибудь связано с «чумой, которая не убивает», о которой писал Тамур?

— Да,— ответила она.— Дети, родившиеся после Дождей, не могут иметь своих детей, а у мужчин...

— Что у мужчин? — Я наклонился вперед, включив память на «запись».

— А у мужчин нет возможности их делать.

Я так и отвалился на спинку кровати. Расовое бесплодие, мужская импотенция вслед за небывалым явлением природы. Может, когда-то в их хилую атмосферу бог знает откуда проникло радиоактивное облако? Проникло задолго до того, как Скиапарелли увидел каналы, мифические, как и мой дракон; задолго до того, как эти «каналы» послужили причиной правильных выводов на основе неверных данных. Жила ли тогда Бракса, уже в материнской утробе обреченная на бесплодие?

Я достал сигарету. Хорошо, что я догадался захватить с собой пепельницу. Табачной индустрии на Марсе никогда не было. Как и выпивки. Аскеты, которых я встречал в Индии, по сравнению с марсианами просто поклонники Дионисия.

— Что это за огненная трубочка?

— Сигарета. Хочешь?

— Да, пожалуйста.

Она села рядом со мной, и я дал ей закурить.

— От нее щиплет в носу.

— Это ничего. Вдохни поглубже, задержи дыхание, а потом выдохни.

Прошла минута.

— О-о,— сказала она.

Пауза, затем:

— Они священные?

— Нет,— ответил я,— это никотин — эрзац божественности.

Снова пауза.

— Только, пожалуйста, не проси меня перевести слово «эрзац».

— Не буду. Я порой испытываю то же самое, когда танцую.

— Это скоро пройдет.

— Теперь прочитайте свое стихотворение.

У меня родилась идея.

— Подожди-ка минутку,— сказал я,— у меня есть кое-что получше.

Я встал, порылся в записных книжках и снова сел рядом с ней.

— Это первые три главы из Книги Екклезиаста,— объяснил я.— Тут много общего с вашими священными книгами.

Я начал читать.

Я успел прочитать всего одиннадцать стихов, когда она воскликнула:

— Не надо! Лучше прочитайте что-нибудь свое!

Я остановился и бросил записную книжку на столик, стоявший неподалеку. Бракса дрожала, но не так, как в тот день, когда она исполняла танец ветра, а будто молча содрогалась от сдерживаемых рыданий. Сигарету она держала неумело, как карандаш. Я неуклюже обнял ее за плечи...

— Он такой печальный,— сказала она.— Как и все остальные.

Я порылся в памяти и любовно сделал импровизированный пересказ с немецкого на марсианский стихотворения об испанской танцовщице. Я подумал, что оно должно ей понравиться.

Так и оказалось.

— О-о...— сказала она.— Это вы написали?

— Нет. Это написано поэтом более талантливым, чем я.

— Я вам не верю. Это написали вы.

— Это написал человек по имени Рильке.

— Но вы перевели его на наш язык. Зажгите спичку, чтобы я увидела, как она танцевала.

— «Пламя вечности»,— задумчиво произнесла Бракса,— и она затоптала его своими «маленькими крепкими ножками». Хотела бы и я так замечательно танцевать.

— Да ты лучше любой цыганки,— засмеялся я, задувая спичку.

— Нет, я бы так не смогла. Хотите, я вам станцую?

— Нет,— сказал я.— Ложись-ка лучше спать.

Она улыбнулась, и не успел я глазом моргнуть, как она расстегнула пряжку на плече.

И все упало.

Я сглотнул.

С трудом.

— Хорошо,— сказала она.

И я ее поцеловал, а дуновение воздуха от падающей одежды погасило светильник.

3

Дни были, как листья у Шелли: желтые, красные, коричневые, бешено гонимые западным ветром. Они вихрем неслись мимо меня кадрами микропленки. Почти все книги были уже отсняты. Ученым понадобится не один год, чтобы изучить их и оценить по достоинству. Весь Марс лежал у меня в столе.

Екклезиаст, которого я раз десять бросал и к которому столько же раз возвращался, был почти готов заговорить на Священном Языке.

Я насвистывал, когда находился вне храма. Я накропал кучу виршей, которых раньше постыдился бы. Вечерами мы с Браксой бродили по дюнам или поднимались в горы. Иногда она танцевала для меня, а я читал что-нибудь длинное, написанное гекзаметром. Она по-прежнему думала, что я — Рильке, да я и сам почти поверил в это. Вот я в замке Дуино, пишу «Дуинские элегии».

> Разумеется, странно покинуть привычную Землю,
> Обычаев не соблюдать, усвоенных нами едва ли.
> Розам и прочим предметам, сулящим нам нечто,
> Значения не придавать и грядущего не искать в них...

Никогда не пытайтесь искать грядущее в розах! Не надо. Нюхайте их (шмыг, Кейн), собирайте их, наслаждайтесь

ими. Живите настоящим. Держитесь за него покрепче. И не просите богов объяснять. Листья, подвластные ветру, так быстро проносятся мимо... И никто не обращал на нас внимания. Или им было все равно?

Лора. Лора и Бракса. Вы знаете, они рифмуются, хотя немного и режет слух. Она была высокая, невозмутимая, белокурая (терпеть не могу блондинок). Папаша вывернул меня наизнанку, как карман, и я думал, что она сможет заполнить меня. Но большой бездельник, словоблуд с бородкой Иуды и собачьей преданностью в глазах... О да, он был прекрасным украшением вечеринок. Вот, собственно, и все.

Для нас наступили последние дни.

Пришел день, когда мы не увиделись с Браксой. И ночь.

И второй день. И третий.

Я был вне себя. Раньше я не осознавал, как близки мы стали, как много она для меня значит. С тупой уверенностью в ее постоянном присутствии я боролся против того, чтобы в розах искали грядущее.

Мне пришлось спрашивать. Я не хотел, но у меня не было выбора.

— Где она, М'Квийе? Где Бракса?

— Она ушла,— сказала М'Квийе.

— Куда?

— Не знаю.

Я смотрел ей в глаза. Мне хотелось выругаться.

— Мне необходимо это знать.

Она глядела сквозь меня.

— Она покинула нас. Ушла. Может быть, в горы. Или в пустыню. Это не имеет значения. Ничто не имеет значения. Танец заканчивается. Храм скоро опустеет.

— Почему? Почему она ушла?

— Не знаю.

— Я должен ее увидеть. Через несколько дней мы улетаем.

— Мне очень жаль, Гэлинджер.

— Мне тоже.— Я захлопнул книгу, не сказав при этом «м'нарра», и встал.— Я найду ее.

Я покинул храм. М'Квийе сидела, как статуя.

Весь день я носился вверх-вниз по дюнам. Команде я, наверное, казался самумом. В конце концов пришлось вернуться за горючим.

Ко мне вышел Эмори.

— Ну, что скажешь? Господи, грязный-то какой, ну прямо мусорщик. С чего вдруг такое родео?

— Да я тут кое-что потерял.

— Посреди пустыни? Наверное, какой-нибудь из своих сонетов? Из-за чего еще ты бы стал так надрываться?

— Нет, черт возьми. Это личное.

Джордж наполнил бак. Я полез в джипстер.

— Погоди! Ты никуда не поедешь, пока не расскажешь, в чем дело.

Я, конечно, мог бы вырваться, но и он мог приказать, чтобы меня силком притащили обратно, а уж тащить охотники нашлись бы. Я сделал над собой усилие и тихо, спокойно сказал:

— Я просто потерял часы. Мне их подарила мать: это фамильная реликвия. Я хочу их найти, пока мы не улетели.

— Может, они у тебя в каюте или в Тиреллиане?

— Я уже проверял.

— А может, их кто-нибудь спрятал, чтобы тебе насолить? Ты же знаешь, любимцем публики тебя не назовешь.

Я помотал головой:

— Я об этом уже подумал. Но я всегда ношу их в правом кармане. Скорее всего, они вывалились, когда я трясся по этим дюнам.

Он прищурился.

— Я, помнится, как-то прочел на обложке одной из твоих книг, что твоя мать умерла при родах.

— Верно,— сказал я, мысленно чертыхнувшись.— Часы принадлежали еще ее отцу, и она хотела, чтобы они перешли ко мне. Отец сохранил их для меня.

Он фыркнул:

— Странный способ искать часы — ездить взад-вперед на джипстере.

— Ну... так я, может, увижу, если свет от них отразится,— неуверенно предположил я.

— Ну что ж, уже темнеет,— заметил он.— Нет смысла продолжать сегодня поиски. Набрось на джипстер чехол,— приказал он механику.

Он потрепал меня по плечу.

— Иди прими душ и перекуси. Судя по твоему виду, и то и другое тебе не повредит.

Тусклые глаза, редеющие волосы и ирландский нос, голос — на децибел громче, чем у кого бы то ни было...

Единственное, что дает ему право руководить!

Я стоял и ненавидел его. Клавдий! О, если бы это был пятый акт!

Но внезапно мысль о горячем душе и пище проникла в мое сознание. Действительно, и то и другое мне не повредит. А если я буду настаивать на немедленном продолжении поисков, это только усилит подозрения.

Я стряхнул песок с рукава.

— Да, вы правы, идея действительно неплохая.

— Пошли, поедим у меня в каюте.

Душ был благословением, чистая одежда — Божьей милостью, а еда пахла, как в раю.

— Отлично пахнет,— сказал я.

Мы молча кромсали свои бифштексы. Когда дело дошло до десерта и кофе, он предложил:

— Почему бы тебе вечерок не отдохнуть? Оставайся здесь, отоспишься.

Я покачал головой:

— Слишком занят. Мало времени осталось.

— Пару дней назад ты говорил, что почти закончил.

— Почти, но не совсем.

— Ты еще говорил, что сегодня в храме служба.

— Верно. Я буду работать у себя в комнате.

Он пожал плечами и, помолчав, сказал:

— Гэлинджер!

Я поднял голову: моя фамилия всегда означает неприятности.

— Это, конечно, не мое дело,— сказал он,— но тем не менее. Бетти говорит, что у тебя там девушка.

В конце предложения не было вопросительного знака. Это было утверждение, и оно повисло в воздухе в ожидании ответа.

Ну и сука же ты, Бетти! Корова и сука. К тому же еще и ревнивая. Какого черта ты суешь нос в чужие дела! Лучше бы закрыла на все глаза. И рот.

— А что? — спросил я.

— А то,— ответил он,— что мой долг как начальника экспедиции — проследить, чтобы отношения с туземцами были дружелюбными и дипломатичными.

— Вы говорите о них так, будто они дикари. Да ничего подобного!

Я поднялся.

— Когда мои заметки опубликуют, на Земле узнают правду. Я расскажу им то, о чем доктор Мур и не догадывался. Когда я поведаю о трагедии обреченной расы, которая смиренно и безразлично ждет смерти, суровые ученые зальются слезами. Я напишу об этом, и мне опять будут присуждать премии, только мне будет безразлично. Господи! — воскликнул я.— Когда наши предки дубинками забивали саблезубых тигров и пытались добыть огонь, у них уже была высокоразвитая цивилизация.

— Так все-таки есть у тебя там девушка или нет?

— Да,— сказал я.— Да, Клавдий! Да, папочка! Да, Эмори! Есть! Но я вам открою одну тайну. Марсиане уже мертвы. Они бесплодны. Еще одно поколение — и их не станет.

Я помедлил и добавил:

— Кроме как в моих записях да на нескольких микрофильмах и магнитных пленках. И в стихах о девушке, у которой болела душа и которая только танцем могла пожаловаться на несправедливость всего этого.

— А-а,— протянул он. И добавил после паузы: — Ты и правда в последнее время стал сам на себя не похож. Знаешь, иногда просто-таки вежлив бывал. А я-то диву давался. Не думал, что для тебя что-нибудь может так много значить.

Я опустил голову.

— Это из-за нее ты носился по пустыне?

Я кивнул.

— Почему?

— Потому что она где-то там. Не знаю, где и почему. И мне необходимо ее найти до отлета.

— А-а,— опять сказал он.

Выдвинув ящик письменного стола, он вынул из него что-то завернутое в полотенце и развернул его. На столе лежала женская фотография в рамке.

— Моя жена.

Миловидное лицо с большими миндалевидными глазами.

— Я вообще-то моряк,— начал он.— Когда-то был молодым офицером. Познакомился с ней в Японии. Там, откуда я родом, не принято жениться на людях другой расы, так что мы не венчались. Но все равно она была мне женой. Когда она умерла, я был на другом конце света. Моих детей забрали, и с тех пор я их не видел. Это было давно. Об этом мало кто знает.

— Я вам сочувствую,— сказал я.

— Не надо. Забудь об этом.

Он поерзал в кресле и посмотрел на меня.

— Хочешь взять ее с собой на Землю — возьми. С меня, конечно, голову снимут, но я все равно слишком стар, чтобы возглавить еще одну экспедицию. Так что давай.

Он залпом допил остывший кофе.

— Можешь взять джипстер.

Он закрутил свое кресло.

Я дважды попытался сказать «спасибо», но так и не смог. Просто встал и вышел.

— Сайонара и все такое,— пробормотал он у меня за спиной.

— Вот она, Гэлинджер! — услышал я.

Я оглянулся.

— Кейн!

На фоне люка вырисовывался только его силуэт, но я услышал, как он шмыгает носом.

Я повернулся.

— Что «вот она»?

— Твоя роза.

Он достал пластиковый контейнер, разделенный внутри на две части. Нижнюю часть заполняла какая-то жидкость. В нее был опущен стебель. В другой части пламенела большая свежераспустившаяся роза — бокал кларета в этой ужасной ночи.

— Спасибо,— сказал я, засовывая ее под куртку.

— Что, возвращаешься в Тиреллиан?

— Да.

— Я увидел, как ты приехал, и подготовил ее. Немного разминулся с тобой в каюте капитана. Он был занят. Прокричал из-за двери, чтобы я попробовал поймать тебя в гараже.

— Еще раз спасибо.

— Она обработана специальным составом. Будет цвести несколько недель.

Я кивнул. И ушел.

Теперь в горы. Дальше. Дальше. Небо было, как ведерко со льдом, и в нем плавали две луны. Дорога стала круче, и ослик запротестовал. Я подхлестнул его, выжав газ. Выше. Выше. Я увидел зеленую немигающую звезду и почувствовал комок в горле. Упакованная роза билась о мою грудь, как второе сердце. Ослик заревел, громко и протяжно, потом закашлялся. Я еще немного подхлестнул его, и он испустил дух.

Я поставил джипстер на аварийный тормоз, вылез из машины и зашагал.

Как холодно, как холодно становится. Здесь, наверху. Ночью.

Почему? Почему она это сделала? Зачем бежать от костра, когда наступает ночь?

Я излазил вдоль и поперек каждое ущелье и перевал, благо ноги у меня длинные, а двигаться здесь несравнимо легче, чем на Земле.

Осталось всего два дня, любовь моя, а ты меня покинула. Почему?

Я полз по склонам, перепрыгивал через гребни. Я ободрал колени, локоть, порвал куртку.

Маланн? Никакого ответа. Неужели ты и правда так ненавидишь свой народ? Тогда попробую обратиться к кому-нибудь другому. Вишну, ты же хранитель. Сохрани ее! Дай мне ее найти.

Иегова? Адонис? Осирис? Таммуз? Маниту? Легба? Где она?!

Я забрел далеко и высоко и поскользнулся.

Скрежет камней под ногами, и я повис на краю. Как замерзли пальцы! Трудно цепляться за скалу.

Я посмотрел вниз: футов двенадцать или около того. Разжал пальцы и упал. Покатился по склону.

И тут раздался ее крик.

Я лежал неподвижно и смотрел вверх. Откуда-то сверху, из ночи она позвала:

— Гэлинджер!

Я не двигался.

— Гэлинджер!

И она исчезла.

Я услышал стук катящихся камней и понял, что она спускается по какой-то тропинке справа от меня.

Я вскочил и нырнул в тень валуна.

Она появилась из-за поворота и стала неуверенно пробираться между камнями.

— Гэлинджер!

Я вышел из-за своего укрытия и схватил ее за плечи.

— Бракса!

Она снова вскрикнула и заплакала, прижавшись ко мне. Я впервые увидел ее плачущей.

— Почему? — спросил я.— Почему?

Но она только крепче прижималась ко мне и всхлипывала.

Наконец:

— Я думала, ты разбился.

— Может, и разбился бы,— сказал я.— Почему ты ушла из Тиреллиана? А как же я?

— Неужели М'Квийе тебе не сказала? Неужели ты сам не догадался?

— Я не догадался, а М'Квийе сказала, что ничего не знает.

— Значит, она солгала. Она знает.

— Что? Что она знает?

Она содрогнулась всем телом и надолго замолчала. Я вдруг заметил, что на ней только легкий наряд танцовщицы.

— Великий Маланн! — воскликнул я.— Ты же замерзнешь!

Отстранив ее от себя, я снял куртку и набросил ей на плечи.

— Нет,— сказала она.— Не замерзну.

Я переложил контейнер с розой себе за пазуху.

— Что это? — спросила она.

— Роза,— ответил я.— В темноте ее плохо видно. Я когда-то сравнил тебя с розой. Помнишь?

— Да-а. Можно я ее понесу?

— Конечно.

Я сунул розу в карман куртки.

— Ну так что, я жду объяснений.

— Ты действительно ничего не знаешь? — спросила она.

— Нет!

— Когда пошли Дожди,— сказала она,— очевидно, были поражены только мужчины, и этого было достаточно... Потому что я... не была поражена... наверно...

— О-о-о! — сказал я.

Мы стояли, и я думал.

— Хорошо, ну и почему ты убежала? Что плохого в том, что ты беременна? Тамур ошибался. Ваш народ может возродиться.

Она засмеялась — снова эта безумная скрипка, на которой играет спятивший Паганини. Я остановил ее, пока смех не перешел в истерику.

— Каким образом? — в конце концов спросила она, потирая щеку.

— Вы живете дольше, чем мы. Если у нас будет нормальный ребенок, значит, наши расы могут вступать в брак друг с другом. Наверняка у вас есть еще женщины, способные иметь детей. Почему бы и нет?

— Ты прочел Книгу Локара,— сказала она,— и после этого спрашиваешь? Смерть — дело решенное, все за это проголосовали. Но и задолго до этого последователи Локара давным-давно все решили. «Мы закончили все дела,— сказали они,— мы все увидели, все услышали и все почувствовали. Танец был хорош. Пришло время его закончить».

— Не может быть, чтобы ты в это верила.

— Во что я верю — совершенно неважно,— ответила она.— М'Квийе и Матери решили, что мы должны умереть. Сам их титул звучит теперь как насмешка, но решение будет выполнено. Осталось только одно пророчество, но оно ошибочно. Мы умрем.

— Нет,— сказал я.

— А что же?

— Летим со мной на Землю.

— Нет.

— Ладно, тогда идем.

— Куда?

— Обратно в Тиреллиан. Я хочу поговорить с Матерями.

— Нельзя! Сегодня служба!

Я засмеялся:

— Служба, посвященная Богу, который сбивает тебя с ног, а потом добивает, лежачего?

— И все равно он — Маланн,— ответила она.— И мы его народ.

— Ты бы быстро нашла общий язык с моим отцом,— проворчал я.— Но все равно я пойду, и ты пойдешь со мной, даже если мне придется тащить тебя. Я сильнее.

— Но не сильнее Онтро.

— Это еще кто?

— Он тебя остановит, Гэлинджер. Он — рука Маланна.

4

Я резко затормозил джипстер перед единственным известным мне входом в храм. Бракса держала розу на руках, как нашего ребенка, и молчала. Лицо у нее было отрешенным и очень милым.

— Они сейчас в храме? — спросил я.

Лицо мадонны не изменило своего выражения. Я повторил вопрос. Она встрепенулась.

— Да,— сказала она откуда-то издалека.— Но тебе туда нельзя.

— Это мы еще посмотрим.

Я обошел джипстер и помог ей вылезти.

Держа меня за руку, она двигалась, словно в трансе. Луна отражалась в ее глазах. Глаза смотрели в никуда, как в тот день, когда я впервые увидел ее танец.

Я толкнул дверь и вошел, ведя ее за собой. В комнате царил полумрак.

Она закричала, в третий раз за этот вечер:

— Не трогай его, Онтро! Это Гэлинджер!

До сих пор мне не приходилось видеть марсианских мужчин, только женщин. И я не знал, то ли мужчины все такие, то ли он какое-то чудо природы. Хотя сильно подозревал, что именно последнее.

Я смотрел на него снизу вверх.

Его полуобнаженное тело было покрыто родимыми пятнами и шишками. Наверное, что-то с железами.

Мне казалось, что на этой планете я выше всех, но этот был футов семи ростом и весил соответственно. Теперь понятно, откуда у меня взялась такая огромная кровать.

— Уходи,— сказал он.— Ей можно войти. Тебе — нет.

— Мне нужно забрать свои книги и кое-какие вещи.

Он поднял громадную левую руку. Я проводил ее взглядом. Мои пожитки были аккуратно сложены в углу.

— Мне необходимо войти. Я должен поговорить с М'Квийе и Матерями.

— Нельзя.

— От этого зависит жизнь вашего народа!

— Уйди! — прогремел он.— Возвращайся к своим, Гэлинджер! Оставь нас в покое!

В его устах мое имя звучало как-то странно, словно чужое. Интересно, сколько ему лет? Триста? Четыреста? Он что, всю жизнь охранял храм? Зачем? От кого тут его охранять? Мне не нравилось, как он двигался. Я и раньше встречал людей, которые так двигались.

— Уходи,— повторил он.

Если они развили свое искусство рукопашного боя до такой же степени, как и танец, или, хуже того,— если искусство борьбы было частью танца, то я здорово влип.

— Иди,— сказал я Браксе.— Отдай розу М'Квийе. Скажи, что это от меня. Скажи, что я скоро приду.

— Я сделаю так, как ты просишь. Вспоминай меня на Земле, Гэлинджер. Прощай.

Я не ответил, и она, неся розу, прошла мимо Онтро в следующую комнату.

— Ну, теперь ты уйдешь? — спросил он.— Если хочешь, я ей расскажу, как мы дрались и ты меня чуть не победил, но я так тебя ударил, что ты потерял сознание, и я отнес тебя на корабль.

— Нет,— сказал я.— Либо я тебя обойду, либо перешагну через тебя, но так или иначе я пройду.

Он пригнулся и вытянул перед собой руки.

— Это грех — поднять руку на святого человека,— прогрохотал он,— но я остановлю тебя, Гэлинджер.

Моя память прояснилась, как запотевшее стекло на свежем воздухе. Я смотрел в прошлое шестилетней давности.

Я изучал восточные языки в токийском университете. Дважды в неделю по вечерам я отдыхал. В один из таких вечеров я стоял в тридцатифутовом круге в Кодохане, в

кимоно, перетянутом коричневым поясом. Я был «икки», на ступеньку ниже низшего уровня мастера. Справа на груди у меня был коричневый ромб с надписью «джиу-джитсу» на японском. На самом деле это означало «атемиваса» из-за одного приема, который я сам разработал. Я обнаружил, что он просто невероятно подходит к моим габаритам, и с его помощью побеждал в состязаниях.

Но я никогда по-настоящему не применял его на человеке и лет пять вообще не тренировался. Я был не в форме и знал это, но все равно попытался войти в состояние «цуки но кокоро», чтобы, как пруд луну, отразить всего Онтро.

Голос откуда-то из прошлого сказал: «Хадзими, начнем».

Я принял «неко-аши-дачи», кошачью стойку, и у Онтро как-то странно загорелись глаза. Он торопливо попытался переменить позу — и вот тут-то я ему и врезал!

Мой коронный прием!

Моя длинная левая нога взлетела, как лопнувшая пружина. На высоте семи футов она встретилась с его челюстью как раз в тот момент, когда он попытался отскочить.

Голова Онтро резко откинулась назад, и он упал, тихо застонав.

«Вот и все,— подумал я,— извини, старик».

Когда я через него перешагивал, он каким-то образом умудрился подставить мне подножку, и я упал. Трудно было поверить, что после такого удара у него хватает сил оставаться в сознании, я уж не говорю — двигаться. Мне не хотелось опять его бить.

Но он добрался до моей шеи прежде, чем я успел сообразить, чего он хочет.

Нет! Не надо такого конца!

Как будто железный прут давил мне на горло, на сонную артерию. Тут я понял, что он без сознания, а это действует рефлекс, рожденный бессчетными годами тре-

нировок. Однажды я такое уже видел, в «шиай». Человек погиб оттого, что потерял сознание, когда его душили, и все равно продолжал бороться, а его противник подумал, что душит неправильно, и надавил сильнее.

Но такое бывает редко, очень редко.

Я двинул ему локтем под дых и ударил затылком в лицо. Хватка ослабла, но недостаточно. Мне не хотелось этого делать, но я протянул руку и сломал ему мизинец.

Его рука повисла, и я вывернулся.

Он лежал с искаженным лицом и тяжело дышал. У меня сердце сжалось при виде павшего гиганта, который, выполняя приказ, защищал свой народ, свою религию. Я проклинал себя, как никогда в жизни, за то, что перешагнул через него, а не обошел.

Шатаясь, я подошел к кучке своих пожитков, сел на ящик с проектором и закурил.

Прежде чем войти в храм, следовало отдышаться и подумать, о чем я буду говорить.

Как отговорить целую расу от самоубийства?

А что, если... Если я прочту им Книгу Екклезиаста, если прочитаю им литературное произведение, более великое, чем все написанное Локаром,— такое же мрачное, такое же пессимистичное; если покажу им, что наша раса продолжала жить, несмотря на то что один человек высочайшей поэзией вынес приговор всему живому; покажу, что суета, которую он высмеивал, вознесла нас в небеса,— поверят ли они, изменят ли свое решение?

Я затушил сигарету о мозаичный пол и отыскал свою записную книжку. Вставая, я почувствовал, как во мне просыпается ярость.

И я вошел в храм, чтобы проповедовать Черное Евангелие от Гэлинджера из Книги Жизни.

В зале царила тишина.

М'Квийе читала Локара. Справа от нее стояла роза, на которую все смотрели.

Пока не вошел я.

Сотни людей босыми сидели на полу. Я заметил, что немногочисленные мужчины были так же низкорослы, как и женщины.

Я был в сапогах.

Дюжина старух сидела полукругом позади М'Квийе. Матери.

Я подошел к столу.

— Умирая сами, вы хотите обречь на смерть и свой народ,— обратился я к ним,— чтобы люди не смогли познать ту полноту жизни, которую познали вы сами,— ее радости и печали. Но то, что вы обречены на смерть,— неправда,— теперь я обращался к большинству.— Те, кто это говорит, лгут. Бракса знает, потому что она родит ребенка...

Они сидели рядами изваяний. М'Квийе отступила в полукруг.

— ...моего ребенка! — продолжал я, думая: «Интересно, что сказал бы мой отец, услышав такую проповедь?» — И все женщины, которые еще молоды, могут иметь детей. У вас бесплодны только мужчины. А если вы позволите врачам нашей экспедиции обследовать вас, может, и мужчинам можно будет помочь. Но даже если и нет — вы сможете иметь детей от землян. А мы не какой-нибудь захудалый народишко на захудалой планетке,— продолжал я.— Тысячелетия назад один Локар на нашей планете сказал, что этот мир ничтожен. Он говорил, как ваш Локар, но мы не сдались, несмотря на чуму, войны и голод. Мы не погибли. Одну за другой мы победили болезни, накормили голодных, боролись против войн. Быть может, мы победили их окончательно. Мы пересекли миллионы миль пустоты. Посетили другой мир. А наш Локар сказал: «Зачем? Что в этом толку? Так или иначе, все это суета». И все дело в том,— я понизил голос,— что он был прав! Это действительно суета! Это действительно гордыня! В этом-то и заключается непомерная спесь рационализма — всегда нападать на пророка, на мессию, на Бога. Именно богохульство сделало нас великими. Оно поддерживает нас в трудную минуту. Это им втайне восторгаются боги. Все истинно священные имена Бога — богохульны!

Я почувствовал, что начинаю потеть, и остановился. У меня кружилась голова.

— Вот Книга Екклезиаста,— объявил я и начал: — «Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует,— все суета! Что пользы человеку от трудов его...»

В задних рядах я увидел Браксу, замершую в немом восхищении.

Интересно, о чем она думала?

Я наматывал на себя ночные часы, как черную нить на катушку.

Ох, как поздно!

Я проговорил до самого рассвета и все не мог остановиться. Закончив читать Екклезиаста, я продолжил проповедь Гэлинджера. А когда замолчал, воцарилась тишина.

Ряды изваяний за ночь ни разу не шелохнулись. После долгой паузы М'Квийе подняла правую руку. Одна за другой Матери сделали то же самое.

И я знал, что это означает.

Это означало «нет», «не надо», «перестань» и «остановись».

Это значило, что я потерпел неудачу.

Я медленно вышел из комнаты и буквально рухнул на пол рядом со своими вещами.

Онтро исчез. Хорошо, что я не убил его.

Спустя тысячу лет вошла М'Квийе.

Она сказала:

— Твоя работа закончена.

Я не двигался.

— Пророчество сбылось,— сказала она.— Мой народ радуется. Ты победил, святой человек. Теперь уходи быстрее.

Голова у меня была как сдутый воздушный шар. Я накачал туда немного воздуха и сказал:

— Я не святой человек. Просто второсортный поэт с непомерным тщеславием.— Я зажег последнюю сигарету.— Ладно, какое там еще пророчество?

— Обещание Локара,— сказала она так, будто это не требовало объяснений,— что когда-нибудь с небес придет святой человек и в последнюю минуту спасет нас, если все танцы Локара будут исполнены. Он победит Руку Маланна и вернет нам жизнь. Как с Браксой. Как твоя проповедь в храме.

— Проповедь?

— Ты прочитал нам слова, великие, как и слова Локара. Ты прочитал нам о том, что «ничто не ново под луной». Ты читал эти слова и высмеивал их, показывая нам новое.

— На Марсе никогда не было цветов,— сказала она,— но мы научимся их выращивать. Ты — святой насмешник,— закончила она,— Тот Кто Смеется В Храме. Ты ходишь обутым по священной земле.

— Но вы проголосовали «против»,— сказал я.

— Я голосовала против нашего первоначального решения и за то, чтобы оставить жить ребенка Браксы.

Я выронил сигарету. Как же мало я знал!

— А Бракса?

— Ее выбрали полпроцесса назад исполнить все танцы и ждать тебя.

— Но она говорила, что Онтро меня остановит.

М'Квийе долго молчала.

— Она никогда не верила в это пророчество. Плохо ей сейчас. Она убежала, боясь, что пророчество сбудется. А когда оно все-таки сбылось благодаря тебе, и мы проголосовали...

— Так она не любит меня? И никогда не любила?

— Мне очень жаль, Гэлинджер. Эту часть своего долга ей так и не удалось исполнить.

— Долга,— сказал я,— долгадолгадолгадолга... Ля-ля-ля!

— Она простилась с тобой. Она больше не хочет тебя видеть... А мы никогда не забудем того, чему ты нас учил.

— Не забудьте,— автоматически ответил я и внезапно осознал великий парадокс, лежащий в основе всех чудес.

Я не верил ни единому слову своей проповеди.

Никогда не верил.

Я встал, как пьяный, и пробормотал:

— М'нарра.

Я вышел из храма в мой последний день на Марсе. Я покорил тебя, Маланн, а победа все-таки осталась за тобой! Спи спокойно в своей звездной постели.

Черт тебя подери!

Бросив джипстер, я пошел к кораблю, с каждым шагом удаляясь от бремени жизни. Заперся у себя в каюте и проглотил сорок четыре таблетки снотворного.

Проснулся я в больничном отсеке. Живой.

Я медленно поднялся и кое-как добрался до иллюминатора.

Марс висел надо мной, как надутый пузырь. Потом он расплылся, перелился через край и потек по моему лицу.

Вершина

1

Я посмотрел на нее сверху, и мне стало не по себе. «Где же вершина? — подумал я.— У самых звезд?» Я не находил слов. Смотрел, смотрел — и не мог оторвать глаз; я уже начинал проклинать сам факт существования этой штуки. Жаль, что ее обнаружили, пока я еще жив.

— Ну? — Лэннинг накренил флайер так, чтобы я мог посмотреть вверх.

Я покачал головой и прикрыл ладонью глаза, хотя и был в очках.

— Убери ее... Пусть она исчезнет.

— Не получится. Она больше нас.

— Она больше всего на свете,— добавил я.

— Мы не можем заставить ее исчезнуть...

— Подожди. Я хочу сделать несколько снимков.

Он протянул мне камеру, и я начал снимать.

— Ты можешь подлететь ближе?

— Нет. Слишком сильный ветер.

Пришлось пользоваться телескопическим объективом, сканирующим устройством и прочими хитростями, пока мы кружили возле нее.

— Я бы многое отдал, чтобы увидеть вершину.

— Мы уже поднялись на тридцать тысяч футов, а потолок для нашей крошки — пятьдесят. Эта леди, к сожалению, выше атмосферной границы.

— Странно,— сказал я,— отсюда все же трудно поверить, что она купается в эфире и созерцает звезды.

Лэннинг рассмеялся и зажег сигарету, а я потянулся за термосом с кофе.

— Ну, и как тебе Серая Сестра?

Я тоже закурил, глубоко затягиваясь. Флайер, подхваченный воздушным потоком, вильнул в сторону, потом ветер, словно потеряв интерес, отпустил нас. Я ответил:

— Как и наша леди на Абатторе — прямо между глаз.

Мы выпили кофе, и немного погодя Лэннинг спросил:

— Она слишком велика для тебя, Седой?

Проглотив кофе, я лишь скрипнул зубами в ответ. Только мои близкие друзья называют меня Седым; для остальных же я — Джек Саммерс, и мои волосы всегда были такими. Я вдруг засомневался, достоин ли Генри Лэннинг статуса моего близкого друга лишь потому, что знает меня двадцать лет,— особенно сейчас, когда он проявил инициативу и разыскал эту штуку в мире с разреженной атмосферой, множеством скал, слишком ярким небом и именем, похожим на ЛСД, прочитанное наоборот, данным в честь Джорджа Дисела, который оставил здесь свой след и был таков — неглупый парень!

— Гора высотой в сорок миль — уже не гора,— наконец сказал я.— Это целый мир, который какое-то глупое божество забыло забросить на орбиту.

— То есть она тебя не заинтересовала?

Я посмотрел вниз на серые лавандовые склоны, снова поднял глаза — туда, где исчезал всякий цвет, оставляя место только черному зазубренному силуэту. Я задирал голову, пока не стало жечь в глазах под защитными очками, но вершины все равно не было видно. Я разглядел облака, клубившиеся вокруг ее недоступных склонов,— они были как айсберги, только в небе; я услышал вой отступающего ветра, который пытался объять ее величие в молниеносной лихой атаке — пытался безуспешно.

— Почему же, мне интересно,— сказал я,— но чисто в академическом плане. Давай-ка в город, там я смогу поесть, выпить и, если повезет, сломать ногу.

Он повел флайер на юг, и я больше не смотрел по сторонам. Я просто чувствовал ее присутствие за спиной весь полет: Серая Сестра, высочайшая гора во всей разведанной Вселенной. Непокоренная, конечно.

Я чувствовал ее присутствие в последующие дни, словно она отбрасывала тень на все, что попадалось мне на глаза.

Два дня я изучал фотографии, потом мне удалось откопать старые карты. Еще я поговорил с людьми, которые рассказали мне разные истории о Серой Сестре, очень странные истории.

За это время мне не удалось обнаружить ничего обнадеживающего. Правда, я узнал, что пару столетий назад была предпринята попытка колонизировать Дисел — еще до того, как появились корабли со скоростью выше скорости света. Однако неизвестный тогдашней науке вирус колонизировал самых первых колонистов, и они все погибли. Новому поселению исполнилось четыре года; новые врачи победили вирус, и люди решили остаться на Диселе, словно гордились своим дурным вкусом в выборе мира для обитания. Как я узнал, никто особенно и не пытался связываться с Серой Сестрой. Было всего несколько попыток покорить ее, которые привели только к появлению новых легенд.

Днем небо здесь всегда было нестерпимо ярким. Оно терзало мои глаза до тех пор, пока я не начал надевать защитные очки всякий раз, когда выходил из гостиницы. В основном, однако, я сидел в баре, ел, пил, изучал фотографии и расспрашивал каждого, кто, проходя мимо, бросал хотя бы мимолетный взгляд на эти самые фотографии, разложенные на столе.

Я продолжал игнорировать Генри и его вопросы. Я знал, чего он хочет, но, черт подери, он мог бы и подождать! К несчастью, он так и делал; это получалось у него очень неплохо, что тоже раздражало меня. Он чувствовал, что я уже почти решился, и он хотел быть там, когда это случится. Он нажил состояние на покорении Касла, и я, глядя на

хитрые морщинки вокруг его глаз, уже представлял, какими будут строки теперешней истории в его изложении. Всякий раз, когда его лицо становилось похожим на физиономию игрока в покер, когда он, опираясь о стол рукой, другой медленно поворачивал фотографию, я уже видел целые абзацы. Если бы я проследил за его взглядом, то наверняка увидел бы гордых покорителей гор в запыленных штормовках.

В конце недели с неба опустился корабль с какими-то невоспитанными людьми на борту, прервавшими ход моих мыслей. Когда они появились в баре, я сразу понял, что это за типы; тогда я снял свои темные очки, чтобы пронзить Генри взглядом василиска и обратить в камень. Но в тот момент в нем содержался слишком высокий процент алкоголя, так что у меня ничего не вышло.

— Ты предупредил прессу,— сказал я.

— Ладно, ладно,— отмахнулся он, съеживаясь и деревенея под моим взглядом, который пробрался-таки сквозь сумрачные джунгли его нервной системы к той маленькой серой опухоли, что служила ему мозгом,— ты слишком хорошо известен, и...

Я снова надел очки и сгорбился над бокалом, спрятав туда, как в ножны, смертельный клинок своего взгляда. Внезапно один из вошедшей троицы спросил;

— Простите, а вы, случайно, не Джек Саммерс?

Чтобы как-то заполнить наступившую паузу, Генри сказал:

— Да, это Безумный Джек, который к двадцати трем годам покорил Эверест и все остальные возвышенности Земли, достойные упоминания. В тридцать один он стал единственным человеком, побывавшим на высочайшей вершине в исследованной Вселенной — пике Касла на Литани, высота 89 000 футов. В моей книге я...

— Да-да,— сказал репортер,— несомненно. Меня зовут Гарри, «ГП Инкорпорейтед». Мои друзья представляют два других синдиката. По слухам, вы собираетесь подняться на Серую Сестру.

— Ваши сведения неверны,— сказал я.

— Разве?

Два других репортера подошли поближе и встали рядом с ним.

— Мы думали, что...— начал один из них.

— ...вы уже собираете группу,— закончил другой.

— Значит, вы не намерены штурмовать Серую Сестру? — спросил Гарри, пока один из подошедших разглядывал мои снимки, а другой собирался сделать свои.

— Стоп! — вскричал я, поднимая руку к объективу.— У меня от яркого света болят глаза.

— Извините. Я буду снимать в инфракрасном диапазоне,— сказал он и стал возиться со своей камерой.

Гарри повторил свой вопрос.

— Было сказано только, что эти слухи неверны,— ответил я.— Я не утверждал, что собираюсь туда, и не говорил, что не собираюсь. Я еще не решил.

— Если вы решите попытаться, когда предполагается начать восхождение?

— Извините, на этот вопрос я не могу ответить.

Генри отозвал всю троицу к стойке и стал объяснять что-то, отчаянно жестикулируя. До меня донеслись его слова: «...после четырехлетнего перерыва...» Ладно. Когда они снова поглядят на мой столик, меня уже там не будет.

Я вышел на улицу, где сгущались сумерки, и неторопливо двинулся вперед. И даже тогда, Линда, я ступал по ее тени. Серая Сестра звала меня и одновременно гнала прочь, делала какие-то непонятные знаки, не двигаясь при этом с места. Я смотрел на нее, такую далекую и все равно чудовищно огромную — полуночный перст в подступающем сумраке. Часы, оставшиеся до полной темноты, таяли, как расстояние до ее подножия, и я знал, что она будет следовать за мною повсюду, даже во сне. Особенно во сне.

И вот тут я наконец принял решение. В последующие дни я наслаждался игрой. Имитировать нерешительность, когда все ждут от тебя твердости,— большое удовольствие. Я смотрел на нее, мою последнюю и самую большую, и чувствовал, что рожден ступить на ее вершину. И тогда я

смогу уйти на покой, может быть, даже еще раз женюсь, перестану сохранять форму, начну делать все то, чего раньше не делал и что стоило мне жены и дома, когда я отправился покорять пик Касла четыре с половиной года назад, в дни моей славы. Я смотрел на Серую Сестру, силуэт которой выступал мрачной тенью в сгущавшихся сумерках: она стояла и ждала — темная, гордая, недвижимая,— как стояла, наверно, вечность.

2

На следующее утро я разослал телеграммы. Словно космические почтовые голуби, полетели они через световые годы. Они летели к людям, которых я не видел несколько лет, и к тем, кто провожал меня с лунной станции. В каждой из них было одно и то же: «Если ты хочешь совершить свое самое главное восхождение, отправляйся на Дисел. Серая Сестра может скушать пик Касла на завтрак. Лодж, Джорджтаун. Седой».

Назад, поверни назад...

Я не сказал Генри. Совсем ничего не сказал. То, что я делал и куда собрался отправиться на некоторое время, было моим личным делом. Я вышел из гостиницы задолго до восхода, оставив у портье записку для Генри: «Уехал из города по делу. Вернусь через неделю. Удерживай крепость. Безумный Джек».

Я должен был изучить нижние склоны; фигурально говоря, пощупать подол ее юбки, прежде чем представлять друзьям. Говорят, что только безумец ходит в горы в одиночку, но ведь и прозвище они мне дали не просто так.

На моих фотографиях северный склон выглядел довольно многообещающим.

Я посадил взятый напрокат флайер так близко к подножию, как только мог, запер его и, взвалив на плечи рюкзак, двинулся в путь.

Горы поднимались слева и справа от меня, горы были сзади, черные, как смертный грех, в отступающем пред-

рассветном сумраке. А впереди была даже не гора — длинный пологий склон, который тянулся в бесконечную высь. Яркие звезды светили над головой и холодный ветер бил в лицо, пока я шел вверх. Прямо передо мной, однако, не было звезд, а только чернота. В тысячный раз я задумался о том, сколько может весить такая гора. Это меня всегда интересовало.

На небе ни облачка. Полная тишина, которую нарушал только скрежет моих башмаков по камню. Очки болтались у меня на шее. Руки в перчатках вспотели. На Диселе мой рюкзак и я вместе весили, наверное, столько же, сколько я один на Земле,— и это меня очень радовало. Воздух при вдохе жег горло, а при выдохе расходился облачком пара. Я отсчитал тысячу шагов и, посмотрев назад, не смог разглядеть флайер. Отсчитал еще тысячу, взглянул вверх и увидел, что некоторые звезды уже погасли. Примерно через час мне пришлось надеть очки. К этому времени я уже видел дорогу. Ветер, казалось, крепчал.

Она была такой огромной, что я никак не мог окинуть ее взглядом. Я крутил головой, все больше отклоняясь назад. Вершины я не видел — слишком высоко в небо она уходила. На миг у меня возникло невероятное ощущение, что я стою наверху и смотрю вниз.

Еще два часа подъема, и я остановился перекусить. Это была прогулка, а не скалолазанье. Механически глотая куски, я раздумывал о том, как могла возникнуть Серая Сестра. Недалеко от нее, в часе полета, находилось несколько вершин, достигавших десяти—двенадцати миль, а на другом континенте — пик Бурка, высотой в пятнадцать миль, но их и сравнивать нельзя было с Серой Сестрой. Меньшее тяготение? Строение планеты? Я не знал. Интересно, что скажут Док, Келли и Малларди, когда увидят ее.

Однако мое дело — взбираться на горы, а не размышлять, как они появились на свет.

Я снова посмотрел вверх и узрел несколько облаков, частично закрывавших от меня Серую Сестру. Судя по фотографиям, которые я сделал с флайера, когда летал с

Генри, у меня впереди был еще десяток или даже дюжина легких миль. Как подъем на большой холм. Наверняка здесь удалось бы выбрать несколько подходящих маршрутов. Я даже подумал, что все может быть гораздо проще, чем мне казалось сначала.

Эти мысли меня слегка взбодрили, и, запаковав свое хозяйство, я отправился дальше, предчувствуя хороший день.

Так и вышло. К полудню я набрел на что-то напоминающее тропу. Продолжительность дня на Диселе около девяти часов, и большую часть этого времени я провел в движении. Тропа оказалась такой удобной, что я шел по ней еще несколько часов после захода солнца и успел подняться на приличную высоту. К этому времени мне уже пришлось воспользоваться дыхательным оборудованием и включить обогрев костюма.

Звезды походили на большие блистающие цветы, путь был легким, ночь казалась дружественной. Я вышел на широкий плоский участок и разбил лагерь под выступом скалы.

Там я провел ночь, и мне снились снежные женщины, груди которых походили на Альпы, розовые в лучах восходящего солнца; и они пели мне, как ветер, и смеялись, а глаза их напоминали льдинки. Они убежали от меня по полю облаков.

На следующий день я поднялся еще выше. Тропа начала сужаться, местами она пропадала совсем, но вскоре появлялась снова. До сих пор идти вверх было легко и удобно. Тропинка шла все круче, но я по-прежнему мог спокойно продвигаться по ней. Мне удалось быстро пробежать по зигзагообразному пологому подъему и взобраться по широкой трубе. Ветер усиливался, и, если подъем станет сложнее, у меня возникнут серьезные проблемы. Теперь я уже все время дышал через респиратор и чувствовал себя пока что превосходно.

Я видел все далеко впереди. Подо мной лежали бесчисленные горы, как барханы в пустыне. Около вершин

возникли ореолы горячих потоков воздуха. На востоке сверкало озеро Эмерик, темное и блестящее, как носок начищенного ботинка. Я прошел совсем рядом с выступающей скалой и оказался перед гигантской лестницей длиной по меньшей мере в тысячу футов. Поднявшись на последнюю ступеньку, я столкнулся с первым серьезным препятствием: гладкий, почти вертикальный участок скалы, высотой примерно в восемьдесят пять футов.

Обойти его было невозможно; пришлось лезть наверх. У меня ушло на это меньше часа, зато дальше опять стало полегче. Но тут меня атаковали тучи. Хотя подъем был совсем несложным, туман сильно мешал и тормозил мое движение вперед. Я хотел выбраться из облачной зоны еще до захода солнца, поэтому решил не останавливаться для еды.

Но тучи все не кончались. Я поднялся еще на тысячу футов, но плотная пелена тумана все еще окружала меня. Где-то внизу послышались раскаты грома. Вскоре, однако, туман начал рассеиваться, и я продолжил подъем.

Тут я решил взобраться вдоль трубы, конец которой едва мог различить, поэтому она показалась мне намного короче, чем зазубренный полумесяц другого разлома, черневшего слева. Это была ошибка.

Влажность там оказалась гораздо выше, чем я предполагал. И стены были скользкими. Но я упрямо сражался со скользившими башмаками и мокрыми стенками трубы до тех пор, пока, по моим расчетам, мне не осталось преодолеть около трети пути. К этому времени я уже изрядно выдохся.

Тут только я сообразил, что серьезно влип. То, что я считал концом трубы, вовсе не было таковым. Я прополз еще футов пятнадцать и понял, что лучше бы мне этого не делать. Вокруг начал клубиться туман, и я моментально промок. Я боялся спускаться вниз и боялся подниматься вверх — но не торчать же на одном месте вечно!

Если вы когда-нибудь услышите от человека, что он полз как улитка, не ругайте его за банальность сравнения. Отнеситесь к нему с состраданием и симпатией.

Я полз как улитка, вслепую, по бесконечной скользкой трубе. Если бы мои волосы, когда я только влезал в эту проклятущую дыру, уже не были седыми... Наконец я выбрался из тумана и увидел впереди клок яркого и недружелюбного неба, на которое решил пока не обижаться. Я стремился к нему из последних сил и наконец попал куда хотел.

Как только я вылез из трубы, то заметил футах в десяти выше небольшой уступ. Я взобрался на него и растянулся на камне. Мои мышцы дрожали от напряжения, и я заставил себя расслабиться. Выпил воды, съел немного шоколада и еще раз напился.

Минут через десять я встал. Землю уже не различить — только мягкая белая хлопковая верхушка облачного покрова колебалась подо мной. Я посмотрел вверх.

Поразительно. Вершины по-прежнему не было видно. И если не считать пары нелегких отрезков пути — таких, как последний,— идти было не трудней, чем по обычной лестнице. Теперь, однако, подъем становился сложнее. Впрочем, за этим я и лез сюда — для проверки самых опасных участков.

Я приготовил ледоруб и продолжил восхождение.

Весь следующий день я медленно продвигался вперед, не рискуя понапрасну; я периодически отдыхал, составлял карты и делал многочисленные фотографии. Дважды крутизна склона уменьшалась, и мне удалось в хорошем темпе одолеть семь тысяч футов. Теперь я был уже выше Эвереста и продолжал подниматься. Однако здесь появились места, где мне приходилось ползти, и участки, где понадобились веревки; иногда приходилось пользоваться пневматическим пистолетом, чтобы вбить крюк. (Если у вас возник вопрос, почему я не вспомнил о пистолете в трубе, причин тут несколько: у меня могли лопнуть барабанные перепонки, я мог сломать ребро, ногу или просто свернуть себе шею.)

Перед самым закатом я оказался у длинного пологого подъема. Тут наступил момент разногласий с моим вто-

рым, более осторожным «я». В записке Генри было сказано, что я вернусь через неделю. Заканчивался мой третий день в горах; мне хотелось подняться как можно выше и начать спуск на пятый день. Если я пойду по этому маршруту, то смогу одолеть еще тысяч сорок футов. А дальше, в зависимости от условий, у меня оставались шансы пятьдесят на пятьдесят достигнуть десятимильной отметки — прежде чем придется повернуть назад. Тогда я смогу лучше представить, что нас ждет на самом верху.

Осторожное «я» проиграло со счетом ноль—три, и Безумный Джек снова полез наверх.

Звезды были невероятно большими и яркими — мне казалось, что они могут меня обжечь. Ветер теперь не мешал — на такой высоте его просто не бывает. Пришлось усилить обогрев костюма, и я подумал, что, если бы ухитрился сплюнуть сквозь респиратор, плевок замерз бы, не достигнув земли. Я смог подняться даже выше, чем рассчитывал, и ночью разменял сорок тысяч футов.

Найдя подходящее место, я остановился на ночлег и выключил ручной маячок.

Ночью меня посетил странный сон.

Невероятное существо из вишневого пламени стояло на склоне надо мной. Чем-то оно напоминало человека, но поза его казалась совершенно невозможной, и я сразу понял, что такое может происходить только во сне. Что-то из моей прошлой жизни шевельнулось во мне, и на какое-то мгновение я поверил, что передо мной Ангел Страшного Суда. Только в правой руке он держал огненный меч, а не трубу. Он простоял так целую вечность, направив острие меча в мою грудь. Сквозь него просвечивали звезды. И вдруг я услышал:

— Возвращайся назад.

Я не мог ответить: язык перестал повиноваться мне. А он повторил еще дважды:

— Возвращайся назад.

«Завтра»,— подумал я во сне, и это, видимо, удовлетворило странное существо. Оно стало блекнуть и медленно исчезло, а меня окутала тьма.

На следующий день я лез наверх, как в свои лучшие годы. К полудню я достиг сорока восьми тысяч футов. Облака внизу разошлись, туман больше не закрывал землю плотным одеялом. Я снова мог видеть то, что осталось далеко внизу. Поверхность планеты лежала подо мной в темных и светлых заплатках. Сверху царили звезды.

Подъем был трудным, но я чувствовал себя превосходно. Я знал, что не успею подняться на десять миль — путь впереди был не менее сложным, а дальше скалы вздымались еще круче. Однако настроение у меня оставалось отличным и продолжало улучшаться по мере восхождения.

Нападение произошло с такой быстротой и яростью, что только в самый последний момент я сумел его отразить.

Голос из ночного сна загудел у меня в голове:

— Возвращайся назад! Возвращайся назад!

И она бросилась на меня с неба. Птица размером с кондора.

Только это была не птица. Эта штука лишь имела форму птицы... Огонь и статическое электричество!

И когда она помчалась на меня, я едва успел прижаться спиной к стене, стиснув в правой руке ледоруб.

3

Я сидел в маленькой темной комнате под ливнем крутящихся разноцветных пятнышек света. Ультразвук щекотал мой мозг. Я пытался расслабиться, чтобы дать возможность врачу снять мои альфа-ритмы. Где-то рядом бесшумные приборы регистрировали, обсчитывали и запоминали их.

Эта процедура заняла минут двадцать.

Когда все закончилось, врач пристал ко мне как банный лист. Я с трудом отбился.

— Отдайте мне запись, а счет пошлите Генри Лэннингу в Лодж.

— Я хочу обсудить с вами результаты обследования,— возразил он.

— Сюда на днях приезжает мой собственный специалист по энцефалоскопии. Отдайте мне запись, и все.

— Не было ли у вас недавно какой-нибудь травмы?

— Вот вы-то и должны ответить на этот вопрос. Что-нибудь обнаружили?

— И да и нет,— сказал он.

— Обожаю такие ясные ответы.

— Я не знаю, что для вас является нормой,— отпарировал он.

— Есть какие-нибудь прямые указания на мозговую травму?

— Не могу утверждать однозначно. Если вы расскажете мне, что с вами случилось и почему вас вдруг заинтересовала ваша энцефалограмма, тогда, возможно, мне будет легче...

— Кончайте,— сказал я.— Дайте сюда запись и пришлите чек.

— Вы беспокоите меня как пациент.

— Разве вы установили, что произошли какие-то патологические изменения?

— Не совсем... Но ответьте, если возможно, на такой вопрос: вы страдаете эпилепсией? Был ли у вас недавно припадок?

— Насколько я знаю, нет. А в чем дело?

— В вашей энцефалограмме есть отклонения, которые бывают при некоторых формах эпилепсии через несколько дней после припадка.

— Может ли удар по голове привести к такой же картине?

— Это крайне маловероятно.

— А что еще вызывает подобные явления?

— Электрический шок, глазная травма.

— Стоп,— сказал я и снял очки.— Насчет глазной травмы. Посмотрите-ка на мои глаза.

— Я, видите ли, не офтальмо...— начал он, но я прервал его:

— Мои глаза не выносят обычного света. Если бы я потерял очки и находился на ярком свету в течение трех-

четырех дней, могло бы это привести к такому же эффекту?

— Может быть...— нерешительно начал он.— Да, пожалуй.

— Мне кажется, вы хотели еще что-то добавить?

— Я не уверен. Стоит еще раз снять энцефалограмму... Знай я, что с вами произошло, мне было бы легче сделать окончательные выводы.

— Извините,— сказал я.— Мне нужна запись сейчас.

Он разочарованно вздохнул и отвернулся.

— Хорошо, мистер Смит.

Проклиная злого гения горы, я вышел из больницы с записью моих альфа-волн в качестве талисмана. Мысленно я бродил в джунглях памяти в поисках призрачного меча в столбе дыма.

В Лодже меня уже караулили Лэннинг и журналисты.

— На что это было похоже? — спросил один из репортеров.

— Что вы имеете в виду?

— Гора. Вы ведь были на ней, не так ли?

— Нет комментариев.

— Как высоко вы поднялись?

— Нет комментариев.

— Что о ней можно сказать по сравнению с пиком Касла?

— Нет комментариев.

— У вас возникали сложности?

— Ответ тот же. Извините, мне нужно принять душ.

Генри последовал за мной в номер. Репортеры попытались было повторить его маневр, но я успел захлопнуть перед ними дверь.

Когда я побрился, вымылся и сел в кресло с бокалом и сигаретой в руках, Лэннинг задал свой любимый вопрос:

— Ну?

Я кивнул.

— Проблемы?

Я опять кивнул.

— Непреодолимые?

Я немного подумал.

— Может быть, и нет.

Он подлил себе виски. Потом повторил вопрос:

— Ты рискнешь?

Я понимал, что это — дело решенное. И чувствовал, что, даже если все остальные откажутся, я пойду один.

— Пока не знаю,— ответил я.

— Почему же?

— Там что-то есть,— объяснил я,— и оно не хочет, чтобы мы туда поднимались.

— Там кто-то живет?

— Не уверен, что это подходящее слово...

Он опустил бокал.

— Что, черт возьми, случилось?

— Мне угрожали. И на меня совершили нападение.

— Угрожали? С тобой говорили? По-английски? — Он отставил бокал в сторону — явное свидетельство того, как серьезно он отнесся к моим словам.— Напали? Как?

— Я послал за Доком, Келли, Стэном, Малларди и Винсетом. Только что получил от них ответ. Все прибудут сюда. Мигель и датчанин не смогут, они шлют свои сожаления. Когда мы соберемся вместе, я расскажу, что со мной произошло. Но сначала я хочу переговорить с Доком. Так что сиди тихо, не порти себе нервы и ни в коем случае не передавай мои слова газетчикам.

Он допил виски.

— Когда они все соберутся?

Я пожал плечами:

— Недели через четыре.

— Довольно долго...

— При нынешних обстоятельствах,— сказал я,— других вариантов у нас нет.

— И что же мы пока будем делать?

— Есть, пить и созерцать Серую Сестру.

Он опустил веки, кивнул и потянулся за бутылкой.

— Начнем?

Было поздно. Я стоял один в поле с бутылкой в руке. Лэннинг уже ушел спать: вершину окружали грозовые тучи. Где-то далеко шумела буря, холодный, пронзительный ветер непрерывно менял очертания облаков.

— Гора,— прошептал я.— Гора, ты велела мне уйти прочь.

Загрохотал гром.

— Но я не могу,— продолжал я, отхлебнув из бутылки.— Я приведу к тебе самых лучших, самых сильных... Мы поднимемся по твоим склонам и постоим под звездами на твоей вершине. Я должен это сделать... Просто потому, что ты существуешь на свете. Никаких других причин. Ничего личного...

После паузы я добавил:

— Нет, это неправда. Я человек и должен покорять горы, доказывая, что я не умру, хотя все люди смертны... Я меньше, чем мне хотелось бы, Сестра, а ты можешь сделать меня чем-то большим. Так что, наверное, личное здесь тоже есть. Единственное, что я умею делать,— это покорять горы. Теперь ты осталась последней — вызов моему искусству, которому я учился всю жизнь... Может быть, дело в том, что смертный человек ближе всего к бессмертию, когда он принимает вызов, когда ему удается преодолеть опасность. Момент победы — момент спасения. Я так жаждал этих минут... И последний триумф должен быть самым долгим — так, чтобы его хватило до конца жизни. Мы стоим рядом, Сестра,— ты и я, простой смертный... Ты повелела мне уйти, но я не могу. Я приду к тебе, и, если ты захочешь убить меня, попробуй. Вот так-то.

Я допил свою бутылку.

Снова засверкали молнии и ударил гром.

— Это почти божественное опьянение,— сказал я грому.

И тогда она подмигнула мне: вдруг высоко над ней загорелась алая звезда. Ангельский меч. Крыло Феникса. Душа в огне. Она подмигнула мне через сотни миль. А потом ветер, что веет меж миров, подул на меня. Он был

наполнен слезами и кристаллами льда. Я стоял и впитывал его.

— Не уходи,— попросил я и, не отрываясь, продолжал смотреть вдаль, пока снова не опустилась тьма; тогда я вдруг понял, что стою мокрый, как неродившийся эмбрион.

Многие мальчишки сами сочиняют себе придуманные биографии, которые им нравятся больше, чем настоящая жизнь. Когда эти истории излагаются приятелям, те или чувствуют восторг, или отвечают еще более грандиозным и изысканным враньем. Малыш Джимми, как мне рассказывали, всегда внимал своим друзьям с широко раскрытыми глазами; правда, ближе к концу их историй уголки его рта начинали подрагивать. Когда же они заканчивали, его веснушки расползались в широкую ухмылку, а рыжая голова наклонялась набок. Любимым выражением его было, как я понял, «заливаешь!», и ему дважды ломали нос — еще до того, как Джимми исполнилось двенадцать. Именно поэтому, без сомнения, он и обратился к книгам.

Тридцатью годами и четырьмя научными степенями позже он сидел напротив меня в моем номере в Лодже, и я называл его Док, потому что все его так называли — ведь он владел документом, дававшим право резать и врачевать людей, причем не только их тела, но и души. К тому же он выглядел так, что его следовало называть именно Док,— особенно в те моменты, когда ухмылялся, склоняя голову набок, и говорил: «Заливаешь!»

Мне тоже хотелось стукнуть его в нос.

— Черт возьми! Это правда! — говорил я ему.— Я сражался с огненной птицей!

— У всех нас были галлюцинации на Касле,— возразил он, загибая палец.— Во-первых, из-за переутомления, во-вторых, потому что высота влияла на наше восприятие и, стало быть, на наш мозг,— еще два пальца,— и, наконец, вследствие перевозбуждения и кислородного опьянения.— Он потряс кулаком.

— На этой руке ты уже загнул все пальцы. Если ты оставишь другую в покое, то у тебя будет возможность дослушать до конца,— сказал я.— Она налетела на меня, и я взмахнул ледорубом. Однако она свалила меня с ног и разбила очки. Когда я пришел в себя, ее не было, а я лежал на уступе. Думаю, это существо состояло из чистой энергии. Ты видел мою энцефалограмму, там есть отклонения от нормы. Я полагаю, что испытал шок, когда оно коснулось меня.

— Ты потерял сознание от того, что ударился головой о камень...

— Это из-за нее я упал на камень!

— С этим я согласен. Камень был настоящим. Но нигде во вселенной никогда не встречались такие «энергетические существа».

— Ну и что? Тысячу лет назад ты то же самое мог бы сказать об Америке.

— Вполне возможно. Но я согласен с выводами врача, снимавшего энцефалограмму. Травма глаз. Зачем придумывать экзотические объяснения там, где имеются очевидные? Простые объяснения чаще всего оказываются верными. У тебя была галлюцинация, ты споткнулся и упал.

— Хорошо,— сказал я,— всякий раз, когда я начинаю с тобой спорить, мне требуются вещественные доказательства. Подожди минуточку.

Открыв шкаф, я достал с верхней полки пакет и положил его на кровать.

— Я говорил тебе, что взмахнул ледорубом,— мои пальцы трудились над тугим узлом.— Так вот, я ее задел — и сразу же потерял сознание. Смотри!

У меня в руках был ледоруб. Казалось, он побывал в открытом космосе: коричневые, желтые и черные пятна, металл выщербленный.

Док взял ледоруб и долго смотрел на него, потом начал говорить что-то насчет шаровой молнии, передумал и, покачав головой, бросил ледоруб на одеяло.

— Не знаю,— наконец сказал он, и на этот раз веснушки не поплыли в разные стороны, а остались на месте, и только побелевшие костяшки переплетенных пальцев выдавали его напряжение.

4

Мы планировали предстоящее восхождение. Чертили карты и, изучая фотографии, прокладывали маршрут. Мы составили график пути и приступили к тренировкам.

Хотя Док и Стэн были в хорошей форме, ни один из них после Касла не участвовал в восхождениях. Келли выглядел превосходно. Генри начал прибавлять в весе. Малларди и Винс, как всегда, были способны перенести чудовищные нагрузки и при этом сохраняли прежнюю ловкость. За прошедшие годы они совершили пару восхождений, однако в последнее время не отказывали себе ни в чем, так что небольшая разминка им бы не помешала. Мы выбрали удобный, приличных размеров пик, и за десять дней напряженных тренировок все восстановили свою прежнюю форму. Затем мы перешли на витамины, гимнастику и специальную диету, завершая последние приготовления. Док изготовил из какого-то сплава семь блестящих коробочек размерами шесть на четыре дюйма и тонких, как первая книжка начинающего поэта, и дал каждому из нас для защиты от энергетических птиц, в существование которых он не верил.

В одно прекрасное и горькое утро мы были готовы. Репортеры опять горячо полюбили меня. Нашу бравую компанию непрерывно фотографировали, пока мы грузились во флайеры, чтобы добраться к подножию Серой Сестры; там наша испытанная команда, собравшаяся в таком составе, несомненно, в последний раз, должна была двинуться на штурм серых лавандовых склонов, освещенных ослепительными лучами солнца.

Мы приблизились к горе, и опять я подумал о том, сколько же может весить такая громада.

Я уже рассказывал о первых девяти милях подъема. Не буду повторяться. У нас ушло на это шесть дней и часть седьмого. Ничего необычного не случилось. Туман и неприятные холодные ветры остались далеко позади.

Стэн, Малларди и я стояли, дожидаясь Дока и остальных, в том месте, где на меня напала огненная птица.

— Пока наше восхождение напоминает мне пикник,— сказал Малларди.

— Угу,— пробурчал Стэн.

— И никаких птиц.

— Да,— согласился я.

— Ты не думаешь, что Док прав, утверждая, что у тебя были просто галлюцинации? — спросил Малларди.— Пожалуй, на Касле мне тоже мерещились подобные штуки...

— Насколько я помню,— сказал Стэн,— это были нимфы в океане пива. А кому захочется добровольно встречаться с огненными птицами?

— Это уж точно.

— Смейтесь, гиены,— сказал я.— Подождите, посмотрю я на вас, когда прилетит целая стая.

К нам присоединился Док и стал оглядываться по сторонам.

— То самое место?

Я кивнул.

Он измерил уровень радиации и кучу еще каких-то параметров, но не нашел ничего необычного, затем что-то проворчал и взглянул наверх.

Мы сделали то же самое. А потом начали подниматься.

Три дня подъем был очень тяжелым, и нам удалось пройти только пять тысяч футов.

Когда мы расположились на ночлег, все так устали, что сон пришел очень быстро. Как и возмездие.

Он пришел опять, только стоял на сей раз не так близко. Он пламенел футах в двадцати, паря в воздухе и направляя на меня острие своего меча.

— Уходи,— повторил он трижды без всякого выражения.

— Убирайся к дьяволу,— попытался сказать я в ответ.

Он попробовал сделать шаг вперед. Но не сумел.

— Спускайся. Отступи. Тебе нельзя идти дальше.

— И не мечтай, я все равно полезу наверх. До конца, до самой вершины.

— Нет. Идти дальше нельзя.

— Подожди, и ты увидишь.

— Возвращайся назад.

— Если ты собираешься торчать здесь и следить за нашим продвижением, это твое дело,— сказал я ему.— А я буду спать.

Я подполз к Доку и потряс его за плечо, но, когда я взглянул назад, мой пылающий посетитель исчез.

— В чем дело?

— Слишком поздно,— прошептал я.— Он был здесь и исчез.

Док сел.

— Птица?

— Нет, существо с мечом.

— Где оно стояло?

— Вон там,— я показал рукой.

Док достал свои инструменты и минут десять производил измерения.

— Ничего,— произнес он наконец.— Может быть, тебе это приснилось?

— Угу, точно,— ответил я.— Спокойной ночи.

С этими словами я улегся спать и на этот раз спал спокойно до утра без огненных визитеров.

Через четыре дня мы добрались до отметки в шестьдесят тысяч футов. Мимо нас стали проноситься камни, как артиллерийские снаряды, а небо напоминало огромный прохладный бассейн, где плавали бледные цветы. Когда мы поднялись на шестьдесят три тысячи футов, двигаться вперед стало заметно легче, и за два с половиной дня мы добрались до высоты семьдесят пять тысяч. Никакие огненные штуки не заявлялись ко мне с требованиями повернуть назад. А затем появились непредвиденные трудности, совершенно естественные проблемы, которых нам

хватало с лихвой и без огненных гостей. Мы вышли на большой горизонтальный выступ.

Он был, наверное, четыреста футов шириной. Когда мы начали пересекать его, оказалось, что он не примыкает естественным образом к склону горы, а обрывается вниз, в огромную расщелину. Стало ясно, что нам придется спуститься вниз футов на семьсот, прежде чем мы сможем опять двигаться к вершине. Хуже того, дальше нас ожидал подъем по гладкому, почти вертикальному участку, который тянулся на мили. А вершины все еще не было видно.

— Ну, куда же мы тронемся? — спросил Келли, приближаясь ко мне.

— Вниз,— решил я.— И нам придется разделиться. Мы пойдем вдоль большой расщелины в разных направлениях, чтобы посмотреть, какой путь лучше. Встретимся на середине дороги.

Мы стали спускаться. Док, Келли и я пошли налево, остальные — в другую сторону.

Через полтора часа наша тропа кончилась. Мы стояли на уступе, а под нами была пустота. Нам нигде не удалось найти хоть какую-то возможность для подъема. Я лег на край, свесив голову и плечи вниз — Келли держал меня за ноги,— и постарался заглянуть как можно дальше направо и вверх. Ничего подходящего мне увидеть не удалось.

— Надеюсь, остальным повезло больше,— сказал я, когда Келли с Доком вытащили меня назад.

— А если нет? — спросил Келли.

— Давайте подождем.

Они нашли. Правда, довольно рискованный вариант.

Нигде не было удобного пути, ведущего непосредственно из расщелины наверх. Тропа кончалась у сорокафутовой стены, поднявшись на которую можно было бросить взгляд вниз. Свесившись над пропастью, как это делал я, Малларди смог рассмотреть, что делается футов на двести влево и на восемьдесят вверх; но, в отличие от меня, он

нашел более или менее подходящий маршрут, ведущий на запад и вверх и исчезающий в неизвестности.

Мы переночевали в расщелине. Утром я укрепил страховочный конец в скале и с помощью пневматического пистолета полез на стену. Док страховал меня. Дважды я сорвался, но к полудню смог проделать тропу на сорок футов. Потом я остался врачевать свои синяки, а Генри сменил меня. Через десять футов на смену ему пошел Келли, и мы все страховали его. Потом пришел черед Стэна и Малларди. Тогда на стене должны были находиться сразу трое, потом четверо. К закату мы поднялись на сто пятьдесят футов и все покрылись мелкой белой пылью. Было самое время принять ванну. Мы заменили ее ультразвуковым душем.

На следующий день к обеду мы все были на стене, связанные вместе, и, обнимая холодный камень, медленно, с трудом ползли наверх, стараясь не глядеть в пропасть.

К концу дня мы закончили самый трудный участок; дальше уже можно было за что-то цепляться руками и чувствовать нечто под подошвами башмаков — правда, не слишком много. И этого было явно недостаточно, чтобы продолжать путь в темноте. На ночь нам пришлось еще раз вернуться в расщелину.

Утром мы прошли стену.

Наш путь вел круто вверх и на запад.

Мы прошли милю и поднялись при этом на пятьсот футов. Преодолев еще милю, мы поднялись футов на триста.

Потом футах в сорока над нами оказался выступ. Стэн проделал этот сложный подъем, пользуясь пистолетом, чтобы посмотреть, что нас ждет дальше.

Он жестами позвал нас к себе, и мы последовали за ним; то, что мы увидели, вполне нас устроило.

Прямо перед нами располагалось место для лагеря, хоть и несколько неровное, но зато достаточно широкое.

Путь наверх был превосходным — обслуживание по высшему классу, утренний кофе в постель и сигара после

обеда. Склон уходил вверх под углом градусов в семьдесят, с большим количеством маленьких уступов; хороший, чистый камень.

— Полный порядок! — воскликнул Келли.

Никто не стал ему возражать.

Как следует перекусив, мы решили весь день посвятить отдыху. Теперь мы находились в сумеречном мире, разгуливая там, где еще не ступала нога человека, и остро ощущали свою уникальность. Было здорово просто вытянуться, расслабиться и попытаться забыть про свои синяки.

Я проспал весь день, а когда проснулся, небо было усыпано тлеющими огоньками. Я лежал, и мне не хотелось шевелиться; сон тоже пропал — столь великолепным был вид простиравшихся надо мной небес. Пролетел метеор, оставляя за собой бело-голубой след. Потом еще один. Я обдумал наше положение и решил, что игра стоила свеч. Холодное, жесткое, прекрасное ощущение высоты охватило меня. Я пошевелил пальцами ног.

Через несколько минут я потянулся и сел. Посмотрел на своих спящих товарищей. Затем попытался заглянуть в самую глубину ночи. А потом посмотрел вверх на гору и медленно проверил наш завтрашний маршрут.

В тени я уловил какое-то движение.

Что-то находилось в пятидесяти футах слева от меня и десятью футами выше.

Я взял свой ледоруб и встал.

Прошел пятьдесят футов влево и посмотрел вверх.

Она улыбалась, а не пылала огнем.

Женщина, невероятная женщина!

Абсолютно нелепо! Во-первых, она бы замерзла до смерти в мини-юбке и кофточке без рукавов. Иначе и быть не могло! Во-вторых, как она тут дышала?

Но, похоже, все эти проблемы ее мало волновали. Она помахала мне рукой. У нее были темные длинные волосы, но глаз я различить не мог. Гладкие бледные щеки, широкий лоб, маленький подбородок формировали тот образ, который удовлетворял простым теоремам, определя-

ющим геометрию моего сердца. Если все углы, поверхности, кривые будут верными, оно пропустит пару ударов, чтобы забиться с новой силой.

Я проверил, убедился, что сердце забилось сильнее, и сказал:

— Привет!

— Привет, Седой,— ответила она.

— Спускайтесь вниз,— предложил я.

— Нет, ты поднимайся сюда.

Я взмахнул ледорубом. Когда я взобрался на уступ, ее уже там не было. Я огляделся и снова увидел ее. Она сидела на камне в двенадцати футах надо мной.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил я.

— Любому видно, каким должно быть твое имя.

— Хорошо,— согласился я,— а вас как зовут?

Казалось, ее губы шевельнулись, но я ничего не услышал.

— Повторите, пожалуйста.

— Мне не нужно имя,— ответила она.

— Хорошо. Я буду называть вас «девушка».

Она как будто засмеялась.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Наблюдаю за тобой.

— Зачем?

— Чтобы увидеть, сорвешься ли ты.

— Могу вам заранее сообщить результат. Не сорвусь.

— Возможно,— произнесла она с некоторым сомнением.

— Спускайтесь сюда.

— Нет, ты поднимайся ко мне.

Я снова полез к ней, но, когда добрался, она поднялась еще на двадцать футов.

— Девушка, вы здорово лазаете по горам,— сказал я.

Она засмеялась и отвернулась.

Минут пять я преследовал ее, но догнать не мог. Было что-то сверхъестественное в том, как она двигалась.

— Вы, наверное, не хотите, чтобы я присоединился к вам,— сказал я.

— Конечно же хочу, но сначала поймай меня.— И она снова отвернулась, а я почувствовал, что начинаю злиться.

Было написано не раз, что никто не может победить Безумного Джека в горах. И это было правдой.

Я взмахнул ледорубом и помчался вверх, как ящерица.

Пару раз я почти настиг ее, но лишь почти.

У меня начали болеть натруженные мышцы, но я двигался, не сбавляя скорости. В какой-то момент я заметил, что лагерь остался далеко внизу и что я карабкаюсь один по незнакомому склону в темноте. Но это меня не остановило. Наоборот, я еще увеличил скорость; мое дыхание начало сбиваться. Мне почудился ее смех — это еще больше подстегнуло меня. Потом я оказался перед двухдюймовым карнизом, она уже шла по нему. Я пошел вслед вокруг большого выступа скалы — до самого конца карниза. И вдруг она очутилась в девяноста футах надо мной, на вершине острой башенки почти идеальной конической формы. Как девушка смогла попасть туда, я не знал. Дыхание с хрипом вырывалось из моей груди, но я достал веревку, закинул ее и начал взбираться вверх.

— Ты что, никогда не устаешь, Седой? Я думала, ты уже выдохся.

Я перехватил веревку и полез дальше.

— Тебе не забраться сюда, ты же знаешь.

— Не знаю,— прохрипел я.

— Почему ты так хочешь покорить именно эту гору? Есть ведь и другие прекрасные вершины.

— Она самая большая. Вот почему.

— Это невозможно.

— Тогда о чем вам беспокоиться, к чему отговаривать меня? Пусть гора сама разберется со мной.

Когда я стал приближаться к ней, она исчезла. Я добрался до вершины, где она стояла, и в изнеможении опустился на колени.

Тогда я снова услышал ее голос и повернул голову. Она стояла на каменном козырьке футах в восьмидесяти от меня.

— Я не думала, что ты заберешься так высоко,— сказала она.— Ты глупец. До свидания, Седой.

И исчезла.

Я сидел на вершине скалы — она была совсем крошечной, не больше четырех квадратных футов — и понимал, что не смогу уснуть здесь — упаду. А я так устал...

Я припомнил все свои излюбленные проклятья и произнес их подряд, одно за другим, но лучше мне не стало. Спать нельзя. Бросив взгляд вниз, я понял, что мне предстоит длинный путь. Я знал: она думала, что мне его не преодолеть.

Я начал спускаться.

Когда на следующее утро они разбудили меня, я по-прежнему чувствовал усталость. Я рассказал им сказку о своих ночных похождениях, но они не верили мне. До тех пор, пока мы не обогнули выступ скалы и я не показал им башенку, которая, как одинокое голое дерево без веток, возвышалась на девяносто футов в прозрачном утреннем воздухе...

5

Следующие два дня мы медленно продвигались вверх и одолели почти десять тысяч футов. Затем у нас ушел целый день на штурм мощной шестисотфутовой стены. Далее наш маршрут пролегал вправо и вверх. Вскоре мы уже продолжали восхождение по западному склону горы. На высоте девяноста тысяч футов мы остановились, чтобы поздравить друг друга с тем, что уже прошли больше, чем при восхождении на пик Касла; однако было нелишним напомнить, что нам еще предстоит больше половины пути. Мы поднимались в хорошем темпе два с половиной дня; земля расстилалась под нами, как географическая карта.

А ночью мы все увидели существо с мечом.

Оно подошло и встало перед нашим лагерем, подняв над головой меч, и оно светилось с такой интенсивностью, что мне пришлось опустить очки на глаза.

На сей раз его голос рокотал подобно раскатам грома.

— Вон с этой горы! — сказало существо.— Сейчас же! Поворачивайте назад! Спускайтесь вниз! Отступите!

А потом дождь камней посыпался сверху. Док метнул свою тонкую сверкающую коробочку, и она заскользила по скале к существу.

Свет померк, мы остались одни.

Док подобрал коробку и сделал замеры, получив те же результаты, что и раньше,— то есть никаких. Но теперь он, во всяком случае, не думал, что я свихнулся. Конечно, он мог прийти к выводу, что мы все тут не в своем уме.

— Не очень-то эффективный страж,— прокомментировал Генри.

— У нас впереди еще немалый путь,— сказал Винс и швырнул камень туда, где только что стояло существо с мечом.— Несладко нам придется, если это создание умеет устраивать обвалы.

— Ну, пока что он швырнул всего лишь несколько камешков,— усмехнулся Стэн.

— Угу... А что будет, если он начнет бросать их, поднявшись на пятьдесят тысяч футов?

— Помолчи лучше! — сказал Келли.— Не надо давать ему никаких идей. Он, может быть, нас сейчас слушает.

Мы почему-то придвинулись поближе друг к другу. Док заставил каждого из нас описать то, что мы видели, и выходило, что видели все одно и то же.

— Хорошо,— сказал я, когда мы закончили сравнивать впечатления,— теперь, когда вы все видели это существо, кто хочет повернуть назад?

Все молчали.

Через несколько секунд Генри сказал:

— Я хочу заполучить эту историю. Похоже, она выйдет интересной. Ради нее я готов рискнуть и встретиться еще раз с сердитыми энергетическими существами.

— Не знаю, что это,— задумчиво произнес Келли.— Может быть, вовсе и не энергетическое существо. Может быть, что-то сверхъестественное... Да-да, я знаю все, что ты хочешь мне сказать, Док. Я просто говорю о том, какое впечатление оно произвело на меня. Если такое вооб-

ще существует на свете, здесь для него самое подходящее место. Но главное вот в чем: мне не страшно, откуда бы ни взялась эта чертовщина. Я хочу покорить гору. Если бы это создание могло остановить нас, оно бы так и сделало. Возможно, я ошибаюсь и оно сумеет как-то нам помешать... Или уже устроило ловушку где-нибудь повыше. Но мне необходима эта вершина. Сейчас она значит для меня больше, чем все остальное на свете. Если я отступлю, то буду постоянно думать о ней и рано или поздно все равно вернусь сюда. Только тогда вряд ли я смогу рассчитывать на вас. Мы не должны отступать, у нас отличная команда, лучшая из всех. И если вершину Серой Сестры можно покорить, я думаю, мы на это способны.

— Согласен,— кивнул Стэн.

— То, что ты сказал насчет сверхъестественных сил, Келли,— начал Малларди,— очень забавно, потому что у меня возникли схожие ощущения в тот момент, когда я смотрел на него. Он напомнил мне кое-что из Божественной комедии. Если помните, гора-Чистилище. И потом я подумал об ангеле, который охранял восточную дорогу в Рай. По Данте, Рай находился на вершине Чистилища — и перед входом стоял ангел... Так или иначе, я чувствовал, что, находясь здесь, я совершаю какой-то грех, сущность которого мне не до конца понятна. Но теперь я еще раз все обдумал и считаю, что человека нельзя обвинять в грехах, о которых ему ничего не известно, не так ли? И я не видел, чтобы это существо предъявило какие-нибудь доказательства того, что оно — ангел. Я хочу идти дальше и посмотреть, что творится там, наверху,— если только он не вернется со скрижалями, на которых будет дописана еще одна заповедь.

— На иврите или итальянском? — с любопытством спросил Док.

— Чтобы удовлетворить тебя, я полагаю, она должна быть начертана в виде уравнений.

— Нет,— сказал Док.— Шутки в сторону, я тоже почувствовал что-то странное, когда увидел и услышал его. И знаете, мы ведь не воспринимали речь в прямом смысле слова. Его слова возникали прямо у нас в мозгу. Если вы вспомните, как каждый из вас описывал «услышанное», то выяснится, что каждый «услышал» приказ убираться отсюда, сформулированный по-разному. Итак, оно способно телепатически транслировать речь... Но вот что интересно: может ли оно передавать еще и чувства? — Он повернулся ко мне.— Ты ведь тоже подумал об ангеле, Седой?

— Да,— кивнул я.

— Получается, что мы все мыслили почти одинаково,— удовлетворенно произнес Док.

Тут мы повернулись к Винсу, потому что он единственный из нас не имел никакого отношения к христианству: он родился и воспитывался на Цейлоне и был буддистом.

— А что почувствовал ты? — спросил у него Док.

— Это было Божество,— ответил Винс,— которое, я думаю, похоже на ангела. У меня возникло ощущение, что с каждым шагом вверх я получаю столь плохую карму, что ее хватило бы до конца моей жизни. Только я перестал верить в такие штуки, еще когда был ребенком. Я хочу идти дальше. Даже если мои ощущения верны, я все равно хочу увидеть вершину этой горы.

— И я тоже,— сказал Док.

— Получается, что решение принято единогласно,— подвел я итог.

— Ладно, пусть каждый лелеет своего персонального ангела,— усмехнулся Стэн.— А сейчас пошли спать.

— Хорошая мысль.

— Только давайте ляжем подальше друг от друга,— предложил Док.— По крайней мере, если что-нибудь упадет сверху, нас не накроет всех сразу.

Мы устроились, как предлагал Док, и проспали спокойно до самого утра; больше нас никто — или ничто — не потревожило.

Наш путь продолжал вести вправо, пока мы не поднялись на высоту сто сорок четыре тысячи футов и не оказались на южном склоне. Далее мы стали отклоняться

влево и на уровне ста пятидесяти тысяч футов снова вышли на западный склон.

А потом, во время дьявольски сложного и коварного подъема по гладкой вертикальной скале, заканчивающейся нависающим козырьком, снова появилась птица.

Не иди мы в общей связке, Стэн бы, наверное, погиб. Собственно, мы все чуть не погибли.

Стэн был ведущим в связке, когда ее огненные крылья появились на фоне фиолетового неба. Птица камнем упала из-за козырька, как будто кто-то пустил огненную стрелу прямо в Стэна. Мгновение — и она растаяла футах в двенадцати от него. Стэн упал и чуть не утащил нас всех за собой.

Мы напрягли мышцы и смягчили, как могли, его падение.

Он сильно ушибся, но обошлось без переломов. Мы взобрались на козырек, но дальше в тот день решили не подниматься.

Камни падали на нас, но мы нашли другой козырек и укрылись под ним.

Птица больше не возвращалась, но зато появились змеи.

Большие танцующие алые пресмыкающиеся обвивались кольцами вокруг камней и стремительно надвигались на нас через зазубренные ледяные глыбы. Искры летели от их длинных изгибающихся тел. Они свивались в кольца и, вытягиваясь почти во всю длину, плевали в нас огнем. Казалось, они хотели выгнать из-под козырька всю группу, чтобы на нас можно было обрушить град камней.

Док осторожно придвинулся к ближайшей змее и направил на нее поле отражателя — змея исчезла. Он внимательно изучил место, где она только что извивалась, и быстро вернулся к нам.

— Лед остался нетронутым,— сказал он.

— Что? — спросил я.

— Ни кусочка льда не растаяло.

— Вывод?

— Иллюзия,— предположил Винс и бросил камнем в другую змею. Камень пролетел сквозь нее.

— Но ты видел, что случилось с моим ледорубом,— напомнил я,— когда я ударил им эту птицу. Видимо, она обладала электрическим зарядом.

— Может быть, тот, кто посылает все эти штуки, решил, что только зря тратит энергию,— ответил Док,— раз им все равно до нас не добраться.

Мы сидели и смотрели на пляску змей и падающие камни, пока Стэн не извлек колоду карт и не предложил более интересную игру.

Змеи остались на ночь и сопровождали нас весь следующий день. Камни продолжали периодически падать, но было похоже, что запасы у нашего противника подходят к концу. Снова появилась птица и стала кружить над нами. Четырежды она пыталась атаковать, но мы не обращали на нее внимания, и она в конце концов улетела домой на свой насест.

Мы одолели три тысячи футов и могли бы сделать больше, но решили остановиться на удобном выступе с уютной пещерой, где все могли разместиться на ночь. Казалось, наш противник исчерпал свои возможности. Во всяком случае, видимые.

Однако у нас появилось предчувствие, что буря неминуема. Напряжение росло и росло, а мы сидели и ждали, когда случится то, что должно было случиться.

Но произошло худшее: все было спокойно.

Наше напряженное ожидание так и не оправдалось. Я думаю, если бы невидимый оркестр начал играть Вагнера... Или если бы небеса раздвинулись, как занавес, и появился киноэкран, и по буквам, написанным там наоборот, мы бы поняли, что находимся по другую сторону от него... Или если бы мы увидели летящего высоко дракона, пожирающего метеоспутники...

А так нас не оставляло предчувствие, что над нами нависла какая-то угроза, и я мучился бессонницей.

Ночью она появилась снова. Девушка с башенки.

Она стояла у входа в пещеру и, когда я приблизился, отступила. Я встал на место, где только что была она.

Девушка сказала:

— Привет, Седой.

— Нет, на этот раз я не собираюсь гоняться за тобой,— предупредил я.

— А я и не приглашаю.

— Что девушка вроде тебя может делать в подобном месте?

— Наблюдать,— сказала она.

— Я же сказал тебе, что не упаду.

— Твой друг — он чуть не свалился вниз.

— Чуть не считается.

— Ты их лидер, не правда ли?

— Правда.

— Если ты погибнешь, остальные повернут назад.

— Нет,— ответил я.— Они пойдут дальше без меня.

Тут я нажал кнопку своей камеры.

— Что ты сейчас сделал? — спросила она.

— Сфотографировал тебя, чтобы узнать, существуешь ли ты на самом деле.

— Зачем?

— Я буду смотреть на твою фотографию, когда ты уйдешь. Я люблю смотреть на красивые вещи.

Она, казалось, что-то произнесла.

— Что?

— Ничего.

— Почему ты не хочешь говорить?

— ... умрет,— сказала она.

— Пожалуйста, погромче.

— Она умирает.

— Почему? Как?

— ...на горе.

— Я не понимаю.

— ...тоже.

— Что случилось?

Я сделал шаг вперед, и она отступила на один шаг.

— Ты пойдешь за мной? — спросила она.

— Нет.

— Возвращайся.— Ей нельзя было отказать в настойчивости.

— А что на другой стороне пластинки?

— Ты будешь продолжать подъем?

— Да.

— Хорошо! — неожиданно кивнула она.— Я...— И снова замолчала.— Возвращайся,— наконец равнодушно произнесла она.

— Извини.

И она исчезла.

6

Наш путь снова стал медленно заворачивать влево. Мы ползли, распластавшись по стене, забивая костыли в скалу. Огненные змеи шипели неподалеку. Теперь они постоянно сопровождали группу. В критические моменты появлялась птица, чтобы заставить кого-нибудь сделать неверное движение. Разъяренный бык стоял на карнизе и ревел на нас. Призрачные лучники пускали огненные стрелы, которые всегда рассыпались искрами перед тем, как ударить в цель. Сверкающие вихри налетали и исчезали среди камней. Мы снова поднимались по северному склону и продолжали смещаться на запад, когда достигли отметки ста шестидесяти тысяч футов. Небо было глубоким и голубым, и теперь на нем всегда горели звезды. «Почему гора так ненавидит нас? — думал я.— Что в нашем поведении разозлило ее?» В который раз я смотрел на фотографию девушки и думал, что же она такое на самом деле. Являлась ли она порождением моего мозга, которому гений горы придал форму девушки, чтобы соблазнять нас, подталкивать, вести, звать, как сирена, к месту нашего последнего падения? Падать было далеко...

Я стал думать о своей жизни. Почему человек начинает ходить в горы? Может быть, его влечет высота, потому что он боится оставаться внизу? Неужели он так плохо чувствует себя в обществе людей, что хочет непременно оказаться над ними? Путь вверх труден и долог, но если он будет успешным, то впереди тебя ждет какая-то награда. А если ты сорвешься, то наградой будет слава. Закончить свое существование, упав с колоссальной высо-

ты вниз, разбиться вдребезги — вот подходящая кульминация для проигравшего... и она тоже потрясет и горы, и умы, заставит многих задуматься, потому что в каждом поражении можно обрести победу. Таким холодом веет от подобного финала, что жизнь замирает навсегда, превращаясь в памятник вечному стремлению к цели, на чьем пути всегда встает вселенское зло, о существовании которого мы все догадываемся. Кандидат в святые герои, у которого отсутствуют какие-либо необходимые добродетели, все равно может сойти за мученика, так как единственное, что в конце концов остается в памяти людей,— это факт его гибели. Я знал, что должен подняться на пик Касла — так же, как поднимался на все предыдущие вершины,— и знал, какую цену мне придется заплатить: я потерял дом и семью. Но недоступная гора тянулась к небесам, и мой ледоруб сам рвался мне в руки. Я знал, что, когда он ляжет отдохнуть на вершине Касла, целый мир внизу перестанет для меня существовать. Но что такое мир в сравнении с мгновеньем победы? И если красота, правда и добро — единое целое, то почему между ними всегда неразрешимые конфликты?

Призрачные лучники стреляли в меня, яркая огненная птица раз за разом бросалась в атаку. Я сжимал зубы, а мой ледоруб вгрызался в скалы.

Мы увидели вершину.

На высоте ста семидесяти шести тысяч футов, поднимаясь по узкому выступу скалы, простукивая ледорубами путь, мы услышали крик Винса:

— Смотрите!

Мы посмотрели.

Вверх и вверх, и еще выше, голубая от мороза, острая, холодная и смертельная, похожая на кинжал дамасской стали, вспарывала она небо, зависала, как лезвие замерзшего грома, и врезалась, врезалась, врезалась в душу, поворачивалась и превращалась в рыболовный крючок, которым притягивала нас к себе, чтобы сжечь.

Винс первым посмотрел вверх и увидел вершину, и погиб он первым. Это случилось почти мгновенно, и огненные ужасы тут были ни при чем.

Он поскользнулся.

Вот и все. Мы поднимались по трудному участку. Еще секунду назад он шел за мной, и вот его уже не стало. Его тело не нужно было доставать. Он совершил затяжной прыжок. Без парашюта. Голубая тишина подхватила его; серая, серая земля понеслась ему навстречу. Теперь нас осталось шестеро. Мы содрогнулись, и каждый из нас, наверное, помолился как умел.

Прощай, Винс, пусть какое-нибудь доброе Божество поведет тебя по Тропе Совершенства. Пусть то, что ты хотел найти более всего в ином мире, ждет тебя там. И если иной мир существует, помни тех, кто произносит эти слова, о незваный гость небес...

Мы мало говорили до конца дня.

Огненный страж с мечом пришел и стоял над нашим лагерем всю ночь. Но ничего не сказал.

Рано утром ушел Стэн. Он оставил под моим рюкзаком записку:

«Вы должны презирать меня за побег, но я считаю, что это настоящий ангел. Я боюсь этой горы. Я могу взбираться на любые скалы, но не хочу сражаться с небесами. Путь вниз легче пути наверх, так что не беспокойтесь обо мне.

Постарайтесь понять.

С.».

Итак, нас осталось пятеро — Док, Келли, Генри, Малларди и я; в этот день мы вышли на высоту сто восемьдесят тысяч футов и чувствовали себя очень одинокими.

А ночью опять пришла девушка и стала говорить со мной, и я смотрел на черные волосы на фоне черного неба и глаза, в которых прятался голубой огонь. Она стояла, прислонившись к ледяной глыбе.

— Двоих уже нет.

— Зато остались мы,— ответил я.

— Пока остались.

— Мы поднимемся на вершину и уйдем отсюда,— сказал я.— Что плохого мы можем тебе сделать? Почему ты нас ненавидишь?

— Ненависти нет,— сказала она.

— А что же тогда?

— Я охраняю.

— Что? Что здесь нужно охранять?

— Умирающую, которая может выжить.

— Что? Кто умирает? Как?

Но ее слов не было слышно, а вскоре исчезла и она сама. До конца ночи я спал.

Сто восемьдесят две тысячи, три, четыре, пять. Потом, на ночь, спустились вниз на четыре.

Огненные существа сновали над нами, твердь под ногами пульсировала, и даже сама гора, казалось, начинала раскачиваться, когда мы карабкались вверх.

Мы выбили тропу в скале до ста восьмидесяти шести, и три дня ушло на то, чтобы продвинуться еще на тысячу футов. Все, до чего мы дотрагивались, было холодным, гладким, скользким и отсвечивало голубоватым светом.

Когда мы достигли ста девяноста тысяч футов, Генри посмотрел вниз и содрогнулся.

— Меня уже не заботит путь наверх,— сказал он.— Путь назад — вот что сейчас пугает меня. Отсюда тучи кажутся маленькими клочками ваты.

— Чем мы быстрее поднимемся, тем быстрее отправимся вниз,— сказал я, и мы снова полезли вверх.

Через неделю от вершины нас отделяла одна миля. Все огненные существа исчезли, но две небольшие ледяные лавины напомнили нам, что мы по-прежнему нежеланные гости. Первую мы пережили без особых проблем, а во время второй Келли растянул правую ногу; Док считал, что, возможно, он сломал еще и пару ребер.

Мы разбили лагерь. Док остался с Келли; Генри, Малларди и я отправились штурмовать последнюю милю.

Теперь подъем стал ужасным. Гора превратилась в стекло. Нам приходилось рубить лед для каждого следующего шага. Мы работали по очереди. Биться приходилось за каждый фут. Рюкзаки казались нам чудовищно тяжелыми, пальцы немели. Наша система защиты — коробочки Дока — похоже, начинала терять силу, или же нечто, мешавшее нам, решило удвоить свои усилия, потому что змеи стали подбираться все ближе и пылать все ярче. У меня от них стали болеть глаза, и я проклял все на свете.

Когда до вершины осталась тысяча футов, мы разбили еще один лагерь. Следующая пара сотен футов выглядела попроще, потом шел тяжелый участок, а дальше было трудно что-либо разглядеть.

Когда мы проснулись, оказалось, что нас только двое. Малларди не оставил записки. Генри связался с Доком. Я подключился к их разговору и услышал, как Док сказал:

— Не видел я его.

— Как Келли? — спросил я.

— Лучше,— ответил Док,— может быть, ребра у него все-таки целы.

Затем с нами связался Малларди.

— Я поднялся на четыреста футов, ребята,— услышали мы его голос.— Сюда я добрался без проблем, но дальше будет труднее.

— Почему ты полез дальше один? — спросил я.

— Потому что у меня возникло ощущение, что меня скоро попытаются убить,— ответил он.— Она наверху, ждет на вершине. Вы, наверное, можете увидеть ее. Похожа на змею.

Генри и я взялись за бинокли.

Змея? Скорее дракон.

Она свернулась на вершине, верхняя часть туловища была приподнята. Казалось, она достигает в длину нескольких сотен футов; она ворочала головой в разные стороны, отчего над ней возникали электрические разряды.

Потом я увидел Малларди, который полз к змее.

— Подожди, не двигайся дальше! — сказал я в коммуникатор.— Я не знаю, выдержат ли системы защиты, нужно посоветоваться с Доком...

— Нет уж,— ответил Малларди.— Эта малышка моя.

— Послушай! Ты можешь первым взойти на вершину, если тебе хочется именно этого. Но не связывайся с этой тварью в одиночку!

В ответ он только рассмеялся.

— Три наших экрана могут с ней управиться,— сказал я.— Подожди нас.

Ответа не последовало, и мы стали подниматься.

Я оставил Генри далеко позади. Чудовище сверкало на вершине. Я быстро преодолел первые двести футов и бросил взгляд наверх; чудовище успело обзавестись еще двумя головами. Из ноздрей вырывался огонь, а хвостом оно колотило по склонам горы. Я поднялся еще на сто футов и теперь, на фоне идущего от вершины яркого сияния, мог хорошо различить фигурку Малларди, упорно продвигающегося вверх. Я махал ледорубом и, тяжело дыша, бился с горой, двигаясь по его следам. Я начал догонять его; Малларди приходилось пробивать дорогу, а я пользовался его тропой. Потом я услышал, как он бормочет.

— Подожди, дружище, еще рано,— донесся его голос, искаженный статическими помехами в коммуникаторе.— Вот уступ...

Я посмотрел наверх — Малларди исчез.

Потом я увидел, как огненный хвост ударил туда, где он только что находился, услышал проклятья и почувствовал вибрацию пневматического пистолета. Хвост ударил еще раз, и раздались новые проклятья.

Я торопился изо всех сил, используя вырубленные Малларди небольшие ступеньки, когда услышал, как он запел. Кажется, что-то из Аиды.

— Черт тебя подери! Подожди меня! — крикнул я.— Мне осталось всего несколько сотен футов.

Он продолжал петь.

У меня начала кружиться голова, но нельзя было замедлить подъем. Правая рука одеревенела, а левая стала как лед. Ноги словно превратились в копыта, глаза жгло невыносимым огнем.

И вот тогда-то это и случилось.

Вспышка такой яркости, что я пошатнулся и чуть не полетел вниз. Одновременно пение прекратилось, дракон исчез. Я прижался к вибрирующему склону и крепко зажмурил глаза, чтобы хоть как-то защититься от света.

— Малларди,— позвал я.

Ответа не было.

Я посмотрел вниз. Генри продолжал подниматься. Я тоже двинулся вперед.

Я добрался до выступа, который упоминал Малларди. Там я его и нашел.

Его респиратор еще работал. Защитный костюм с правой стороны был опален и почернел. Ледоруб наполовину расплавился. Я приподнял его за плечи и, увеличив громкость коммуникатора, услышал его неровное дыхание. Его глаза то открывались, то закрывались.

— Порядок...— прошептал он.

— Порядок, черт тебя побери! Где болит?

— Нигде... я прекрасно себя чувствую... Послушай, я думаю, сейчас она ослабела... Иди, установи флаг. Только поверни меня, чтобы было видно. Я хочу видеть...

Я устроил его поудобнее и нажал кнопку подачи воды, чтобы он мог напиться. Потом подождал Генри. Он добрался до нас минут через шесть.

— Я останусь здесь,— сказал Генри, садясь рядом с Малларди,— а ты иди. Сделай это.

Я начал подъем на последний склон.

7

Мой ледоруб без устали поднимался и падал, я стрелял из пневмопистолета и полз, полз вверх. Часть льда растопилась, камень местами почернел.

Никто и ничто не мешало мне. Электрические твари исчезли вместе с драконом. Тишина да сияющие в темноте звезды.

Я поднимался медленно, усталость после погони за Малларди еще не пропала, но я решил больше не останавливаться.

Весь мир — не считая шестидесяти футов скалы вверху — лежал подо мной; небо служило ему потолком. Где-то неподалеку мигнула ракета — может быть, это фотокорреспондент щелкнул камерой.

Ни птиц, ни лучников, ни ангела, ни девушки.

Пятьдесят футов...

Сорок футов...

Меня начало трясти: сказывалось нервное напряжение. Я заставил себя успокоиться и двинулся дальше.

Тридцать футов... Казалось, гора начала раскачиваться.

Двадцать пять... У меня закружилась голова, пришлось остановиться, попить воды.

Клик, клик — снова застучал мой ледоруб.

Двадцать...

Пятнадцать...

Десять...

Я собрался с силами для последней атаки, готовый к любым неожиданностям.

Пять...

Я взошел на вершину. Ничего не произошло.

Я стоял наверху. Выше подниматься было некуда.

Посмотрев вниз, а потом вверх, я помахал сверкнувшей невдалеке ракете. Я достал телескопический шток, растянул его и надел на него флаг.

Укрепил флаг. Здесь никогда ветер не расправит его...

Затем включил коммуникатор и бросил:

— Я здесь.

И ни слова больше.

Настала пора возвращаться и дать возможность подняться Генри, но сначала я бросил взгляд на западный склон.

Леди снова подмигивала мне. Футов на восемьсот ниже горел красный огонек. Может быть, тот самый, который я видел из города во время бури, той ночью, так давно?

Я не знал, но мне необходимо было узнать.

И я произнес в коммуникатор:

— Как дела у Малларди?

— Я только что встал на ноги,— ответил он сам.— Дай мне еще полчаса, и я залезу к тебе.

— Генри,— спросил я,— как ты считаешь?

— На вид с ним все в порядке,— ответил Лэннинг.

— Ну,— сказал я,— тогда давайте, потихоньку. Когда вы доберетесь до вершины, меня уже тут не будет. Спущусь немного вниз по западному склону — хочу проверить кое-что.

— Что?

— Не знаю. Поэтому и иду туда.

— Будь осторожнее.

— Ну, я пошел.

Спускаться по западному склону было легко. Через некоторое время стало ясно, что свет исходил из отверстия в склоне горы.

Через полчаса я стоял перед ним.

Я шагнул туда и был ослеплен.

Мерцающая стена огня закрывала вход в пещеру от пола до потолка; она пульсировала, дрожала и пела.

Огонь не давал мне пройти дальше.

Она была там, и я хотел добраться до нее.

Я сделал шаг вперед и оказался в нескольких дюймах от стены. В наушниках коммуникатора раздался треск статических сигналов, холодные иголочки начали колоть руки.

Кажется, огонь не представлял опасности — он совсем не давал тепла. Я смотрел на нее сквозь эту пламенную стену — туда, где она полулежала с закрытыми глазами. Ее грудь была неподвижна.

Я увидел, что у дальней стены пещеры находилось множество устройств непонятного мне назначения.

— Я здесь,— сказал я и поднял ледоруб.

Когда его острие коснулось стены пламени, разразилась настоящая огненная буря; ослепленный, я попятился назад. Когда же зрение вернулось ко мне, я увидел перед собой огненного ангела.

— Ты не сможешь здесь пройти.

— Это из-за нее ты хотел, чтобы я повернул назад? — спросил я.

— Да. Возвращайся.

— У нее может быть другое мнение по этому вопросу.

— Она спит. Возвращайся.

— Я это заметил. Почему?

— Так надо. Возвращайся.

— Зачем она сама появлялась передо мной? Зачем устроила ту нелепую погоню?

— Я исчерпал все известные мне устрашающие формы. Они оказались бесполезны. Я вел тебя за собой, и это выглядело так странно, потому что ее спящий разум оказывал влияние на мои создания. Влияние было особенно сильным, когда я использовал ее собственное обличье... Настолько сильным, что даже вступало в противоречие с основной целью. Возвращайся.

— Что же это за цель?

— Ее необходимо охранять от всех существ, которые будут появляться тут. Возвращайся.

— Почему? Почему ее нужно охранять?

— Она спит. Возвращайся.

Разговор вернулся к исходной точке. Я засунул руку в рюкзак и вытащил плоскую блестящую коробочку Дока. Я направил луч из нее на ангела, и тот медленно растаял. Под воздействием прибора пламя заколебалось. Я подносил коробочку все ближе к сверкающей завесе, и она клонилась и клонилась назад — пока наконец не образовался узкий проход. Я прыгнул в него и оказался по другую сторону огненной стены, но мой защитный костюм почернел, как у Малларди.

Я подошел к капсуле, напоминающей гроб, в которой спала она.

Я положил руки на край капсулы и посмотрел на нее.

Она была хрупкой как лед.

Собственно, она и была льдом...

Машина у стены засветилась разноцветными огнями, и я почувствовал, что ее мрачное ложе начало вибрировать.

Потом я увидел мужчину.

Он полулежал на металлическом стуле около машины.

Он тоже был ледяным. Только лицо его, с искаженными смертью чертами, посерело. Он был в черном, и он был мертвым монументом — в то время как она казалась сверкающей статуей.

И ее цветами были белый и голубой.

В дальнем углу стоял пустой гроб...

Но что-то происходило вокруг. Пещера постепенно наполнилась воздухом. Да, именно воздухом. Он с шипением выходил из отверстий в полу, образуя огромные белесые клубы. Затем резко потеплело, и туман начал рассеиваться. Стало светлее.

Я вернулся к капсуле, чтобы получше рассмотреть черты девушки.

Интересно, как будет звучать ее голос, если она когда-нибудь заговорит? Что скрывается за этим белым алебастровым лбом? Какие мысли, какие пристрастия и капризы? Какого цвета окажутся ее глаза и когда это произойдет?

Я думал обо всем этом, так как понимал: миновав стену пламени, я разбудил силы, которые постепенно вернут ее к жизни.

Она оживала.

Я ждал. Прошло около часа, но я продолжал ждать, наблюдая за ней. Она начала дышать. Ее глаза наконец открылись, но еще какое-то время ничего не видели.

А потом их голубой огонь обжег меня.

— Седой,— произнесла она.

— Да.

— Где я?

— В самом маловероятном месте, где можно было бы кого-нибудь найти.

Она нахмурилась.

— Я вспоминаю...— прошептала она и попыталась сесть.

У нее ничего не вышло. Она откинулась назад.

— Как тебя зовут?

— Линда,— сказала она и добавила: — Ты мне снился, Седой.

В странных ледяных снах... Как такое может быть?

— Это непонятно мне,— сказал я.

— Я знала, что ты придешь.— Ее брови были как крылья чайки.— Я видела, как ты сражался с чудовищами на горе, высокой, словно небо.

— Да, мы находимся рядом с ее вершиной.

— У тебя есть вакцина?

— Вакцина? Какая вакцина?

— От чумы Доусона,— объяснила она.

Мне стало плохо. Только сейчас я понял, что она находилась в этом ледяном саркофаге вовсе не как пленница, а для того, чтобы отдалить смерть. Она была больна.

— Вы прибыли сюда на корабле, который летел со скоростью, превышающей скорость света? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Столетия были потрачены на то, чтобы добраться сюда. Мы находились в анабиозе. И сейчас я лежу в такой же капсуле.

Я заметил, что ее щеки становятся ярко-красными.

— Все начали умирать от чумы,— сказала она.— От нее не было спасения. Мой муж, Карл,— врач. Поняв, что я тоже заразилась, он сказал, что оставит меня здесь, в капсуле, при очень низкой температуре, до тех пор, пока не будет найдена вакцина. Иначе, ты ведь знаешь, через два дня наступает конец.

Тут она посмотрела на меня, и я понял, что это вопрос.

Я встал, стараясь загородить от нее мертвое тело; я боялся, что это ее муж. Я попробовал проследить ход его мыслей. У него было совсем мало времени — он, очевидно, заболел раньше ее. Он знал, что вся колония погибнет. Он, наверное, очень сильно любил ее и был к тому же весьма умен — сочетание, которое помогает сдвинуть горы. Хотя главное, конечно, любовь. Он понимал, что пройдут столетия, прежде чем тут появится другой космический корабль. У него не могло быть источника энер-

гии, способного поддерживать анабиоз так долго. Но здесь, на вершине этой горы, было почти так же холодно, как в открытом космосе, поэтому энергии не требовалось. Каким-то образом он доставил сюда Линду и все остальное. Его машина прикрыла силовым полем пещеру. Он привел в действие оборудование, погрузил ее в сон и стал готовить капсулу для себя. Потом, когда силовое поле будет отключено, начнется их долгое ледяное ожидание — без всякой дополнительной энергии. Они могли проспать целые столетия на могучей груди Серой Сестры, охраняемые компьютером-защитником. Видимо, программировался компьютер в спешке, так как Карл умирал. Он понял, что уже не сумеет присоединиться к ней. Он торопился закончить защитную программу, и это ему удалось — только вот блокировку защиты он сделать не успел, выключил силовое поле и начал свой путь по темным и странным дорогам вечности. Вот почему компьютер-защитник атаковал всех, кто пытался подняться на гору, своими огненными птицами, змеями и ангелами; вот почему он вздымал передо мной стену огня. Карл умер, а компьютер защищал ее холодный сон от всех — в том числе и от тех, кто мог помочь...

— Возвращайся! — услышал я голос машины, которая через ангела обратилась к Генри, вошедшему в пещеру.

— Боже мой! — послышался его голос.— Кто это?

— Давай сюда Дока! — сказал я.— Быстрее! Я все объясню потом — речь идет о жизни человека. Спускайся до тех пор, пока не сможешь связаться с ним по коммуникатору, и скажи ему, что это чума Доусона — тяжелое местное заболевание. Торопись!

— Я уже иду,— сказал он, выходя из пещеры.

— Там есть врач? — спросила она.

— Да. Всего лишь в двух часах хода отсюда. Не беспокойся... Но как вы залезли сюда? Совершенно непонятно... Да еще со всем этим оборудованием...

— Мы на вершине большой горы — сорокамильной?

— Да.

— А как ты попал сюда?

— Я взобрался на нее.

— Ты действительно забрался на вершину Чистилища? Снаружи?

— Чистилище? Так вы называли ее? Да, я взобрался по внешним склонам.

— Мы думали, что это невозможно...

— А как же иначе можно попасть на вершину?

— Она такая большая,— сказала Линда,— и внутри там огромные пещеры и туннели. Сюда было очень просто добраться на вакуумном лифте. Самая обычная развлекательная поездка. Два с половиной доллара в один конец. Доллар за прокат термокостюма и часовую прогулку до вершины. Отличный получался выходной. Красивые виды...

Она закашлялась.

— Я себя не очень-то хорошо чувствую,— шепнула она.— У тебя есть вода?

— Да,— сказал я и отдал ей все, что у меня осталось.

Пока она пила воду, я молился, чтобы у Дока оказались нужные лекарства или, в крайнем случае, чтобы он смог снова усыпить ее, пока не будет доставлена нужная вакцина. Я молился, чтобы Док пришел быстрее, потому что даже два часа, при виде ее жажды и разгоравшегося румянца, казались слишком долгим сроком.

— У меня снова начинается лихорадка,— сказала она.— Поговори со мной, Седой, пожалуйста... Расскажи мне что-нибудь. Побудь со мной, пока не придет врач. Я не хочу вспоминать о том, что случилось с нашей колонией...

— О чем же мне рассказать тебе, Линда?

— Расскажи, почему ты поднялся сюда. Расскажи мне, как это было... И для чего?

Я стал вспоминать, с чего все началось.

— Это своего рода безумие...— сказал я,— некая зависть к великим и могучим силам природы. Ты знаешь, каждая гора — словно неведомое Божество. Каждая обладает бессмертной властью... И если ты принесешь жертву на ее склонах, она может оказать тебе милость — и на время ты разделишь с ней эту власть. Наверное, поэтому меня называют...

Ее рука легко лежала на моей ладони.

Я надеялся, что благодаря той власти, о которой я говорил, мне удастся удержать ее как можно дольше.

— Я помню, как первый раз увидел Чистилище, Линда,— рассказывал я ей.— Я посмотрел вверх, и мне стало не по себе. Я подумал — куда она уходит?..

(Звезды!
О великие звезды, сохраните ее.
Только об этом молю.
Только об этом.)

— ...К звездам?

Момент бури

Однажды на Земле наш старый профессор философии, войдя в аудиторию, с полминуты молча изучал шестнадцать своих жертв — вероятно, засунул куда-нибудь конспект лекций. Удовлетворенный наконец создавшейся атмосферой, он спросил:

— Что есть Человек?

Он совершенно точно знал, что делает,— в его распоряжении было полтора часа свободного времени.

Один из нас дал чисто биологическое определение. Профессор (помнится, фамилия его была Макнитт) кинул:

— Это все?

И начал занятие.

Я узнал, что Человек — это разумное животное; что Человек — это нечто выше зверей, но ниже ангелов; что Человек — это тот, кто любит, смеется, поддается вдохновению, использует орудия труда, создает и распространяет культуру, хоронит своих усопших, изобретает религии; что Человек — это тот, кто пытается определить себя (последнее — слова Пола Шварца, моего товарища; интересно, что с ним стало?).

Мне до сих пор кажется, что мое определение было самым точным; я имел возможность проверить его на Терре дель Сигнис, Земле Лебедя... Оно гласило: «Человек есть сумма всех его свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом».

На минуту отвлекитесь и подумайте. Это всеобъемлющее определение. Оно включает в себя и вдохновение, и любовь, и смех, и культуру... Но оно имеет границы. Разве к устрице оно подходит?

Терра дель Сигнис, Земля Лебедя... Чудесное название. И чудесное место. По крайней мере для меня оно было таким долгое время...

Именно там я увидел, как определения Человека одно за другим стираются и исчезают с гигантской черной доски, оставив лишь единственное.

...Приемник трещал чуть сильней, чем обычно. И в этот ясный весенний день мои сто тридцать Глаз наблюдали за Бетти. Солнце лило золотой мед на янтарные поля, врывалось в дома, нагревало улочки, высушивало асфальт и ласкало зеленые и коричневые почки на деревьях вдоль дороги. Его лучи багряными и фиолетовыми полосами легли на гряду Святого Стефана, что в тридцати милях от города, и затопили лес у ее подножия морем из миллиона красок.

Я любовался Бетти и не замечал предвестников грядущей бури. Лишь, повторяю, шумы чуть громче сопровождали музыку, звучащую из моего карманного приемника.

Удивительно, как мы порой одухотворяем вещи. Ракета у нас часто женщина, «добрая верная старушка». «Она быстра, как ласточка»,— говорим мы, поглаживая теплый кожух и восхищаясь женственностью плавных изгибов корпуса. Мы можем любовно похлопать капот автомобиля и сказать: «До чего же здорово берет с места, паршивец!..»

Сначала появилась на свет Станция Бета. Через два десятилетия уже официально, по решению городского Совета, она стала именоваться Бетти. Почему? И тогда мне казалось (лет девяносто назад), и сейчас, что ответ прост: уж такой она была — местом ремонта и отдыха, где после долгого прыжка сквозь ночь можно ощутить под ногами твердую почву, насладиться уютом и солнцем. Когда после тьмы, холода и молчания выходишь к свету, теплу и музыке — перед тобой Женщина. Я почувствовал это сразу, как только увидел Станцию Бета — Бетти.

Я ее Патрульный.

...Когда шесть или семь из ста тридцати Глаз мигнули, а радио выплеснуло волну разрядов,— только тогда я ощутил беспокойство. Я вызвал Бюро прогнозов, и записанный на пленку девичий голос сообщил, что начало сезонных дождей ожидается в полдень или под вечер.

Мои Глаза показывали прямые ухоженные улицы Бетти, маленький космопорт, желто-бурые поля с редкими проблесками зелени, яркие разноцветные домики с блестящими крышами и высокими стержнями громоотводов, темные стены Аварийного центра на верхнем этаже ратуши.

Приемник подавился разрядами и трещал, пока я его не выключил. Глаза, легко скользящие по магнитным линиям, начали мигать.

Я послал один Глаз на полной скорости к гряде Святого Стефана — минут двадцать ожидания,— включил автоматику и встал с кресла.

Я вошел в приемную мэра, подмигнул секретарше Лотти и взглянул на внутреннюю дверь.

— У себя?

Лотти, полная девушка неопределенного возраста, на миг оторвалась от бумаг на столе и одарила меня мимолетной улыбкой.

— Да.

Я подошел к двери и постучал.

— Кто? — раздался голос мэра.

— Годфри Джастин Холмс,— ответил я, перешагивая порог кабинета.— Ищу компанию на чашечку кофе.

Она повернулась на вращающемся кресле. Ее короткие светлые волосы всколыхнулись, как золотой песок от внезапного порыва ветра.

Она улыбнулась и сказала:

— Я занята.

«Маленькие ушки, зеленые глаза, чудесный подбородок — я люблю тебя» — из неуклюжего стишка, посланного мною к Валентинову дню два месяца назад.

— Ну уж ладно, сейчас приготовлю.

Я взял из открытой пачки на столе сигарету и заметил:

— Похоже, собирается дождь.

— Ага.

— Нет, серьезно. У Стефана, по-моему, бродит настоящий ураган. Скоро узнаю точно.

— Да, старичок,— произнесла она, подавая мне кофе.— Вы, ветераны, со всеми вашими болями и ломотами, порой чувствуете погоду лучше, чем Бюро прогнозов, это установленный факт. Я не спорю.

Она улыбнулась, нахмурилась, затем снова улыбнулась.

Неуловимые, мгновенные смены выражения живого лица... Никак не скажешь, что ей скоро сорок. Но я точно знал, о чем она думала. Она всегда подшучивает над моим возрастом, когда ее беспокоят такие же мысли.

Понимаете, на самом деле мне тридцать пять, то есть я даже немного моложе ее, но она еще ребенком слушала рассказы своего дедушки обо мне. Я два года был мэром Бетти после смерти Уитта, первого мэра.

Я родился на Земле пятьсот девяносто семь лет назад. Около пятисот шестидесяти двух из них провел во сне, в долгих странствиях меж звезд. На моем счету таких путешествий, пожалуй, больше, чем у других; следовательно, я анахронизм. Часто людям, особенно женщинам средних лет, кажется, будто мне каким-то образом удалось обмануть время...

— Элеонора,— сказал я.— Твой срок истекает в ноябре. Ты снова собираешься баллотироваться?

Она сняла узкие очки в изящной оправе и потерла веки.

— Еще не решила.

— Спрашиваю не для освещения данной темы в печати,— подчеркнул я,— а исключительно в личных интересах.

— Я действительно не решила. Не знаю... В субботу, как всегда, обедаем вместе? — добавила она после некоторой паузы.

— Разумеется.

— Тогда тебе и скажу.

— Отлично.

— Серьезная буря? — спросила Элеонора, внезапно улыбнувшись.

— О да. Чувствую по своим костям.

Я допил кофе и вымыл чашку.

— Дай мне знать, как только уточнишь.

— Непременно. Спасибо.

Лотти напряженно трудилась и даже не подняла головы, когда я уходил.

Один мой Глаз забрался в самую высь и показывал бурлящие облака, адскими вихрями кипящие по ту сторону гряды. Другой тоже даром времени не терял. Не успел я выкурить и половины сигареты, как увидел...

...На нас надвигалась гигантская серая стена. Терра дель Сигнис, Земля Лебедя — прекрасное имя. Оно относится и к самой планете, и к ее единственному континенту. Как кратко описать целый мир? Чуть меньше Земли и более богатый водой. Что касается материка... Приложите зеркало к Южной Америке так, чтобы шишка оказалась не справа, а слева, затем поверните изображение на 90 градусов против часовой стрелки и переместите в северное полушарие. Сделали? Теперь ухватите за хвост и тащите. Вытяните его еще на шесть или семь сотен миль. Разбейте Австралию на восемь частей. Разбросайте их по северному полушарию и окрестите соответственно первыми восемью буквами греческого алфавита. Насыпьте на полюса по полной ложке ванили и не забудьте перед уходом наклонить ось глобуса на восемнадцать градусов. Спасибо.

...Прошел метеорологический спутник и подтвердил мои опасения. По ту сторону гряды кипел ураган. Ураганы не редкость у нас — внезапные и быстротечные. Но бывают и затяжные, низвергающие больше воды и обрушивающие больше молний, чем любой их земной собрат.

Центр города, в котором сосредоточено восемьдесят процентов стотысячного населения Бетти, расположен на

берегу залива примерно в трех милях от главной реки Нобль; пригороды тянутся до самых ее берегов. Близость к экватору, океану и большой реке и послужила причиной основания Станции Бета. На континенте есть еще девять городов, все моложе и меньше. Мы являемся потенциальной столицей потенциального государства.

Наша колония — это Полустанок, Остановка В Пути, мастерская, заправочный пункт, место отдыха физического и духовного на пути к другим, более освоенным мирам. Землю Лебедя открыли много позже других планет — так уж получилось,— и мы начинали позже. Большинство колонистов привлекали более развитые планеты. Мы до сих пор отстаем и, несмотря на посильную помощь Земли, практически ведем натуральное хозяйство.

Но зачем Остановка В Пути тому, кто почти всю жизнь спит между звездами? Подумайте об этом, а я скажу вам позже, правильна ли ваша догадка.

На востоке вскипели молнии, загремел гром. Вскоре вся гряда Святого Стефана казалась балконом, полным чудовищ, которые, стуча хвостами и извергая пламя, переваливались через перила. Стена медленно начала опрокидываться.

Я подошел к окну. Густая серая пелена затянула небо. Налетел ветер; я увидел, как деревья внезапно содрогнулись и прижались к земле. Затем по подоконнику застучали капли, потекли ручейки. Пики Святого Стефана вспороли брюхо нависшей туче, посыпались искры. Раздался жуткий грохот, и ручейки на окне превратились в реки.

Я вернулся к экранам. Десятки Глаз показывали одну и ту же картину: людей, стремглав бегущих к укрытиям. Самые предусмотрительные захватили зонтики и плащи, но таких было совсем мало. Люди редко прислушиваются к прогнозам погоды; по-моему, эта черта нашей психологии берет начало от древнего недоверия к шаману. Мы хотим, чтобы он оказался не прав. Уж лучше промокнуть, чем убедиться в его превосходстве...

Тут я вспомнил, что не взял ни зонта, ни плаща, ни калош. Ведь утро обещало чудесный день...

Я закурил сигарету и сел в свое большое кресло. Ни одна буря в мире не страшна моим Глазам.

Я сидел и смотрел, как идет дождь...

Пять часов спустя все так же лило и громыхало. Я надеялся, что к концу работы немного просветлеет, но, когда пришел Чак Фулер, не было никаких надежд на улучшение. Чак должен был меня сменить; сегодня он был ночным Патрульным.

— Что-то ты рановато,— заметил я.— Часок посидишь бесплатно.

— Лучше сидеть здесь, чем дома.

— Крыша течет?

— Теща. Снова гостит.

Я кивнул.

Он сцепил руки за головой и откинулся в кресле, уставившись в окно. Я чувствовал, что приближается одна из его вспышек.

— Знаешь, сколько мне лет? — немного погодя спросил он.

— Нет,— солгал я. Ему было двадцать девять.

— Двадцать семь,— сказал он,— скоро будет двадцать восемь. А знаешь, где я был?

— Нет.

— Нигде! Здесь родился и вырос. Здесь женился... И никогда нигде не был! Раньше не мог, теперь семья...

Он резко подался вперед, закрыл лицо руками, как ребенок, спрятал локти в коленях. Чак и в пятьдесят будет похож на ребенка — светловолосый, курносый, сухопарый. Может быть, он и вести себя будет как ребенок. Мне никогда этого не узнать.

Я промолчал, потому что никаких слов от меня не требовалось.

После долгой паузы он произнес:

— Ты-то везде побывал...— И через минуту добавил: — Ты родился на Земле! На Земле! Еще до моего рождения ты повидал планет больше, чем я знаю. А для меня Земля — только название и картинки. И другие планеты — картинки и названия...

Устав от затянувшегося молчания, я проговорил:

— «Минивер Чиви, дитя печали...»

— Что это значит?

— Это начало старинной поэмы. То есть старинной теперь, а во времена моего детства она была просто старой. У меня были друзья, родственники, жена. Сейчас от них даже костей не осталось. Только прах. Настоящий прах, без всяких метафор. Путешествуя среди звезд, ты автоматически хоронишь прошлое. Покинутый тобой мир будет полон незнакомцев, если ты когда-нибудь вернешься, или карикатур на твоих друзей, родственников, на тебя самого. Немудрено в шестьдесят стать дедушкой, в восемьдесят прадедушкой — но исчезни на три столетия, а потом вернись и повстречай своего прапрапрапр

— Конечно, я счастлив. Не слушай меня.

Он снова повернулся к окну. Лицо его осветила сверкнувшая молния, и сказанные им слова совпали с раскатом грома.

— Прости,— услышал я как будто издалека.— Мне казалось, что ты — один из самых счастливых среди нас.

— Так и есть. Мерзкая погода... Она всем нам портит настроение, и тебе тоже.

— Да, ты прав. Уж сколько не было дождя.

— Зато сегодня отольется сполна.

Он улыбнулся:

— Пойду-ка я перекушу. Тебе чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Чак, посвистывая, ушел. И настроение у него менялось тоже как у ребенка — вверх-вниз, вверх-вниз... А он — Патрульный. Пожалуй, самая неподходящая для него работа, требующая постоянного внимания и терпения. Мы патрулируем город и прилежащие окрестности.

Защита закона здесь не вызывает больших проблем. На Земле Лебедя почти отсутствует преступность. Слишком хорошо все знают друг друга, да и скрыться преступнику негде. Практически мы просто контролируем дорожное движение.

Но каждый из ста тридцати моих Глаз имеет по шесть «ресничек» сорок пятого калибра — и тому есть причина.

Например, маленькая симпатичная кукольная панда — о, всего трех футов высотой, когда она сидит на задних лапах, как игрушечный медвежонок, с крупными ушами, пушистым мехом, большими влажными карими глазами, розовым язычком, носом-пуговкой и острыми белыми ядовитыми зубами. Или резохват — оперенная рептилия с тремя рогами на покрытой броней голове, с длинным мощным хвостом и когтистыми лапами. Или огромные океанские амфибии, которые иногда поднимаются по реке и во время бурь и разливов выходят на сушу. Но о них и говорить неприятно.

Поэтому Патрульная служба существует не только у нас, но и на многих других пограничных мирах. Я работал

на некоторых из них и убедился, что опытный Патрульный Здесь-У-Нас всегда может устроиться. Это такая же профессия, как менеджер на Земле.

Чак пришел позже, чем я ожидал. Собственно, он вернулся, когда я формально был уже свободен. Но он выглядел настолько довольным, что я не стал ему ничего говорить. Просто кивнул, стараясь не замечать его блуждающей улыбки и отпечатавшейся на воротничке рубашки бледной губной помады, взял свою трость и направился к выходу под струи гигантской поливочной машины.

Идти под таким ливнем было невозможно. Пришлось вызвать такси и ждать минут пятнадцать. Элеонора уехала сразу после ленча, остальных в связи с непогодой отпустили еще час назад. Здание ратуши опустело и зияло темными окнами. А дождь барабанил в стены, звенел по лужам, лупил по асфальту и с громким журчанием сбегал к водосточным решеткам.

Я собирался провести вечер в библиотеке, но погода вынудила меня изменить планы — пойду завтра или послезавтра. Этот вечер предназначен для доброй еды, бренди, чтения в уютном кресле — и пораньше в постель. Уж по крайней мере в такую погоду хорошо спать.

К двери подъехало такси. Я побежал.

На следующее утро дождь сделал на час передышку; затем снова заморосило, и уже без остановок. К полудню мелкий дождик превратился в мощный ливень.

Но я все равно решил кое-что сделать.

Я жил, в сущности, на окраине, возле реки. Нобль набух и раздулся, канализационные решетки захлебывались; вода текла по улицам. Дождь лил упорно, расширяя лужи и озерца под барабанный аккомпанемент небес. Небо полыхало. Мертвые птицы плыли в потоках воды и застревали в сливных решетках. По Городской площади разгуливала шаровая молния; огни Святого Эльма льнули к флагу, обзорной башне и большой статуе Уитта, пытающегося сохранить геройский вид.

Я направился в центр, к библиотеке, медленно ведя машину через бесчисленные пузырящиеся лужи. Сотряса-

тели небес, видимо, в профсоюз не входили, потому что работали без перекуров. Наконец я достиг цели и, с трудом найдя место для машины, побежал к библиотеке.

В последние годы я превратился, наверное, в книжного червя. Нельзя сказать, что меня так сильно мучит жажда знаний; просто я изголодался по новостям.

Конечно, существуют скорости выше световой. Например, фазовые скорости радиоволн в ионной плазме, но... Скорость света, как близко к ней ни подходи, не превзойти, когда речь идет о перемещении вещества.

А вот жизнь можно продлить достаточно просто. Поэтому я так одинок. Каждая маленькая смерть в начале полета означает воскресение в ином краю и в ином времени. У меня же их было несколько,— и так я стал книжным червем. Новости идут медленно, как корабли. Купите перед отлетом газету и проспите лет пятьдесят — в пункте вашего назначения она все еще будет свежей газетой. Но там, где вы ее купили, это исторический документ. Отправьте письмо на Землю, и внук вашего корреспондента, вероятно, ответит вашему праправнуку, если тот и другой проживут достаточно долго.

В каждой малюсенькой библиотеке Здесь-У-Нас есть редкие книги — первоиздания популярных романов, которые люди частенько покупают перед отлетом куда-нибудь, а потом, прочтя, приносят.

Мы живем сами по себе и всегда отстаем от времени, потому что эту пропасть не преодолеть. Земля руководит нами в такой же мере, в какой мальчик управляет воздушным змеем, дергая за порванную нить.

Вряд ли Йитс представлял себе что-нибудь подобное, создавая прекрасные строки: «Все распадается, не держит сердцевина». Вряд ли. Но я все равно должен ходить в библиотеку, чтобы узнавать новости.

День продолжался. Слова газет и журналов текли по экрану в моей кабинке, а с небес и гор Бетти текла вода — заливая поля, затопляя леса, окружая дома, всюду просачиваясь и неся с собой грязь.

В библиотечном кафетерии я перекусил и узнал от милой девушки в желтой юбке, что улицы уже перегородили мешками с песком и движение от Центра к восточным районам прекращено.

Я натянул непромокаемый плащ, сапоги и вышел. На Главной улице, разумеется, высилась стена мешков с песком, но вода все равно доставала до лодыжек и постоянно прибывала.

Я посмотрел на статую дружищи Уитта. Ореол величия осознал свою ошибку и покинул его. Герой держал в левой руке очки и глядел на меня сверху вниз с некоторым опасением — не расскажу ли я о нем, не разрушу ли это тяжелое, мокрое и позеленевшее великолепие?

Пожалуй, я единственный человек, кто действительно помнит его. Он в буквальном смысле хотел стать отцом своей новой необъятной страны и старался, не жалея сил. Три месяца был он первым мэром, а в оставшийся двухлетний срок его обязанности исполнял я. В свидетельстве о смерти сказано: «Сердечная недостаточность», но ничего не говорится о кусочке свинца, который ее вызвал. Их уже нет в живых, тех, кто был замешан в этой истории. Все давно лежат в земле: испуганная жена, разъяренный муж, патологоанатом... Все, кроме меня. А я не расскажу никому, потому что Уитт — герой, а Здесь-У-Нас статуи героев нужнее, чем даже сами герои.

Я подмигнул своему бывшему шефу; с его носа сорвалась струйка воды и упала в лужу у моих ног.

Внезапно небо разверзлось. Мне показалось, что я попал под водопад. Я кинулся к ближайшей подворотне, поскользнулся и едва удержался на ногах.

Минут десять непогода бушевала, как никогда в моей жизни. Потом, когда я вновь обрел зрение и слух, я увидел, что улица — Вторая авеню — превратилась в реку. Неся мусор, грязь, бумаги, шляпы, палки, она катилась мимо моего убежища с противным бульканьем. Похоже, что уровень воды поднялся выше моих сапог... Я решил переждать.

Но вода не спадала. Я попробовал сделать бросок, однако с полными сапогами не очень-то разбежишься.

Как можно чем-нибудь заниматься с мокрыми ногами? Я с трудом добрался до машины и поехал домой, чувствуя себя капитаном дальнего плавания, который всю жизнь мечтал быть погонщиком верблюдов.

Когда я подъехал к своему сырому, но незатопленному гаражу, на улице царил полумрак. А в переулке, по которому я шел к дому, казалось, наступила ночь. Траурно-черное небо, уже три дня скрывавшее солнце (удивительно, как можно по нему соскучиться!), обволокло тьмой кирпичные стены переулка, но никогда еще не видел я их такими чистыми.

Я держался левой стороны, пытаясь хоть как-то укрыться от косых струй. Молнии освещали дорогу, выдавали расположение луж. Мечтая о сухих носках и сухом мартини, я завернул за угол.

И тут на меня бросился орг. Половина его чешуйчатого тела под углом в сорок пять градусов приподнялась над тротуаром, вознося плоскую широкую голову вровень с дорожным знаком «СТОП». Он катился ко мне, быстро семеня бледными лапками, грозно ощерив острые смертоносные зубы.

Я прерву свое повествование и расскажу о детстве, которое, как живое, встало в этот миг перед моими глазами.

Родился и вырос я на Земле. Учась в колледже, первые два года работал летом на скотном дворе; помню его запахи и шумы. И помню запахи и шумы университета: формальдегид в биологических лабораториях, искаженные до неузнаваемости французские глаголы, всеподавляющий аромат кофе, смешанный с табачным дымом, дребезжание звонка, тщетно призывавшего в классы, запах свежескошенной травы (черный великан Энди катит свою тарахтящую газонокосилку, бейсбольная кепка надвинута на брови, на губе висит потухшая сигарета) и, конечно, звон клинков. Четыре семестра физическое воспитание было обязательным предметом. Единственное спасение — заняться спортом. Я выбрал фехтование, потому что теннис, баскетбол, бокс, борьба — все эти виды, казалось, требовали слишком много сил, а на клюшки для гольфа у меня не было денег. Я и не подозревал, что последует за этим выбором. Я полюбил фехтование и занимался им гораздо дольше четырех обязательных семестров.

Попав сюда, я сделал себе трость. Внешне она напоминает рапиру. Только больше одного укола ею делать не приходится.

Свыше восьмисот вольт, если нажать неприметную кнопку на рукоятке...

Моя рука рванулась вперед и вверх, а пальцы при этом нажали неприметную кнопку.

И оргу настал конец.

Я с брезгливой осторожностью обошел труп. Подобные создания иногда выходят из раздувшейся утробы реки. Помню еще, что оглянулся на него раза два, а затем включил трость и не разжимал пальцев до тех пор, пока не запер за собой дверь дома и не зажег свет.

Да будут ваши улицы чисты от оргов!

Суббота.

Дождь. Кругом сырость.

Вся восточная часть города огорожена мешками с песком. Они еще сдерживают воду, но кое-где уже текут песочные реки.

К тому времени из-за дождя уже погибли шесть человек.

К тому времени уже были пожары, вызванные молниями, несчастные случаи в воде, болезни от сырости и холода.

К тому времени мы уже не могли точно подсчитать материальный ущерб.

Хотя у меня был выходной, я сидел вместе с Элеонорой в ее кабинете. На столе лежала громадная карта спасательных работ. Шесть Глаз постоянно висели над аварийными точками и передавали изображение на внесенные в кабинет экраны. На круглом столике стояли несколько новых телефонов и большой приемник.

Буря трясла не только нас. Сильно пострадал город Батлер выше по реке. Лаури медленно уходил под воду. Вся округа дрожала и кипела.

Несмотря на прямую связь, в то утро мы трижды вылетали на места происшествий: когда снесло мост через Ланс, когда было затоплено уайлдвудское кладбище и наконец когда на восточной окраине смыло три дома с людьми. Вести маленький, подвластный всем ветрам флайер Элеоноры приходилось по приборам. Я три раза принимал душ и дважды переодевался в то утро.

После полудня дождь как будто бы стал утихать. И хотя тучи не рассеялись, мы уже могли более или менее успешно бороться со стихией. Слабые стены удалось укрепить, эвакуированных накормить и обсушить, убрать нанесенный мусор.

...И все патрульные Глаза бросили на защиту от оргов.

Давали о себе знать и обитатели затопленных лесов. Целая орда кукольных панд была убита в тот день, не говоря уже о ползучих тварях, порождениях бурных вод Нобля...

В 19.00, казалось, все замерло. Мы с Элеонорой сели в флайер и взмыли в небо.

Нас окружала ночь. Мерцающий свет приборов освещал усталое лицо Элеоноры. Слабая улыбка лежала на ее губах, глаза блестели. Непокорная прядь волос закрывала бровь.

— Куда ты меня везешь?

— Вверх,— сказал я.— Хочу подняться над бурей.

— Зачем?

— Мы давно не видели чистого неба.

— Верно...— Она наклонилась вперед, прикуривая сигарету.

Мы вышли из облаков.

Темным было небо, безлунным. Звезды сияли, как бриллианты. Тучи струились внизу потоком лавы.

Я «заякорил» флайер и закурил сам.

— Ты старше меня,— наконец произнесла она.— Ты знаешь?

— Нет.

— Как будто какая-то мудрость, какая-то сила, какой-то дух времени впитываются в человека, летящего меж звезд. Я ощущаю это, когда нахожусь рядом с тобой.

Я молчал.

— Вероятно, это людская вера в силу веков... Ты спрашивал, собираюсь ли я оставаться мэром на следующий срок. Нет. Я собираюсь устроить свою личную жизнь.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да,— сказала она, улыбнувшись, и я ее поцеловал.

Мы плыли над невидимым городом, под небом без луны.

Я обещал рассказать о Полустанке, об Остановке В Пути.

Зачем прерывать полуторавековой полет? Во-первых, никто не спит постоянно. На корабле масса мелких устройств, требующих неослабного внимания человека. Команда и пассажиры по очереди несут вахту. После нескольких таких смен вас начинает мучить клаустрофобия, резко падает настроение. Следовательно, нужна Остановка. Между прочим, Остановки обогащают жизнь и экономику перевалочных миров. На планетах с маленьким населением каждая Остановка — праздник с танцами и песнями. На больших планетах устраивают пресс-конференции и парады. Вероятно, нечто похожее происходит и на Земле. Мне известно, что одна неудавшаяся юная звезда по имени Мэрилин Остин провела три месяца Здесь-У-Нас и вернулась на Землю. Она пару раз появилась на экранах, порассуждала о культуре колонистов, продемонстрировала свои белые зубы и получила великолепный контракт, третьего мужа и первую главную роль. Это тоже свидетельствует о значении Остановок В Пути.

Я посадил флайер на крышу «Геликса», самого большого в Бетти гостиничного комплекса, где Элеонора занимала двухкомнатный номер.

Элеонора приготовила бифштекс, печеную картошку, пиво — все, что я люблю. Я был сыт, счастлив и засиделся до полуночи, строя планы на будущее. Потом поймал такси и доехал до Городской площади, решив зайти в Аварийный центр и узнать, как идут дела. Я вытер ноги, стряхнул плащ и прошел по пустому вестибюлю к лифту.

Лифт был слишком тихий. Лифт не должен еле слышно вздыхать и бесшумно открывать двери. Ничем не нарушив тишину, я завернул за угол коридора Аварийного центра.

Над такой позой, наверное, с удовольствием поработал бы Роден. Мне еще повезло, что я зашел именно сейчас, а не минут на десять позже.

Чак Фулер и Лотти, секретарша Элеоноры, практиковались в искусственном дыхании «рот в рот» на диване в маленьком алькове возле дверей.

Чак лежал ко мне спиной, Лотти увидела меня через его плечо; она вздрогнула, и Чак быстро повернул голову.

— Джастин...

Я кивнул:

— Проходил мимо и решил заглянуть, узнать новости.

— Все... все хорошо,— произнес он, вставая.— Глаза в автоматическом режиме, а я вышел... м-м... покурить. У Лотти ночное дежурство, и она пришла... пришла посмотреть, не надо ли нам чего-нибудь отпечатать. У нее внезапно закружилась голова, и мы вышли сюда, к дивану...

— Да, она выглядит немного... не в своей тарелке,— сказал я.— Нюхательные соли и аспирин в аптечке.

Обрывая этот щекотливый разговор, я прошел в Аварийный центр. Чувствовал я себя весьма неважно.

Через несколько минут появился Чак. Я смотрел на экраны. Положение, кажется, стабилизировалось, хотя все сто тридцать Глаз омывал дождь.

— Джастин,— произнес он,— я не знал о твоем приходе...

— Ясно.

— Что я хочу сказать... Ты ведь не сообщишь?..

— Нет.

— И не скажешь об этом Синтии?

— Я никогда не вмешиваюсь в личные дела. Как друг, советую заниматься этим в другое время и в более подходящем месте. Но вся эта история уже начинает забываться. Уверен, что через минуту вообще ничего не буду помнить.

— Спасибо, Джастин...

— Что нам обещает Бюро прогнозов?

Чак покачал головой, и я набрал номер.

— Плохо.— Я повесил трубку.— Дожди.

— Черт побери,— хрипло сказал он и дрожащими руками зажег сигарету,— Эта погода дьявольски действует на нервы.

— Мне тоже. Ладно, побегу, а то сейчас снова польет. Завтра загляну. Счастливо.

— Спокойной ночи.

Я спустился вниз, надел плащ и вышел. Лотти нигде не было видно.

Небо раскололи молнии, и дождь хлынул как из ведра. Когда я ставил машину в гараж, вода лилась сплошной стеной, а переулок освещали постоянные всполохи.

Хорошо дома, в тепле, наблюдать исступленное беснование природы...

Вспышки, пульсирующий свет, ослепительно белые стены домов напротив, невероятно черные тени рядом с белизной подоконников, занавесок, балконов... А наверху плясали живые щупальца адского огня и, сияя голубым ореолом, плыл Глаз. Облака раскололись и светились, как геенна огненная; грохотал и ревел гром, и бело-прозрачные струи разбивались о светлое зеркало дороги.

Резохват — трехрогий, уродливый, зеленый и мокрый — выскочил из-за угла через миг после того, как я услышал звук, который приписал грому. Чудовище неслось по курящемуся асфальту, а над ним летел Глаз. Оба исчезли за поворотом... Кто мог нарисовать подобную картину? Не Эль Греко, не Блейк, нет. Босх. Вне сомнения, Босх, с его кошмарным видением адских улиц. Только он мог изобразить этот момент бури.

Я смотрел в окно до тех пор, пока черное небо не втянуло в себя огненные щупальца. Внезапно все погрузилось в полную тьму, и остался только дождь.

Воскресенье. Всюду хаос.

Горели свечи, горели церкви, тонули люди, по улицам метались (точнее, плыли) дикие звери, целые дома сносило с фундаментов и швыряло, как бумажки, в лужи. На нас напал великий ветер, и наступило безумие.

Проехать было невозможно, и Элеонора послала за мной флайер. Все рекордные отметки уровня воды были побиты. То был разгар тяжелейшего урагана в истории Бетти.

Теперь мы уже не могли остановить разгул стихии. Оставалось лишь помогать тем, кому еще можем. Я сидел перед экранами и наблюдал.

Лило как из ведра, лило сплошной стеной, на нас выливались озера и реки. Иногда казалось, что на нас льются океаны. С запада налетел ветер и стал швырять дождь вбок с неистовой силой. Ветер начался в полдень и через несколько часов затих, но оставил город разбитым и исковерканным. Уитт лежал на бронзовом боку, дома зияли пустыми рамами, начались перебои с электроэнергией. Один мой Глаз показал трех кукольных панд, разрывающих тело мертвого ребенка. Я убил их через расстояние и дождь. Рядом всхлипывала Элеонора. Срочно требовалась помощь беременной женщине, спасающейся со своей семьей на вершине затопленного холма. Мы пытались пробиться к ней на флайере, но ветер... Я видел пылающие здания и трупы людей и животных. Я видел заваленные автомобили и разбитые молниями дома. Я видел водопады там, где раньше никаких водопадов не было. Мне много пришлось стрелять в тот день, и не только по тварям из леса. Шестнадцать моих Глаз были подстрелены грабителями. Надеюсь никогда больше не увидеть некоторые из фильмов, которые я заснял в тот день.

Когда наступила ночь этого кошмарного воскресенья, а дождь не прекратился, я третий раз в жизни испытал отчаяние.

Мы с Элеонорой находились в Аварийном центре. Только что опять погас свет. Остальные сотрудники располагались на третьем этаже. Мы сидели в темноте, не двигаясь, не в состоянии что-либо сделать. Даже наблюдать мы не могли, пока не дадут энергию.

Мы говорили.

Сколько это длилось — пять минут или час — не могу с уверенностью сказать. Помню, однако, что я рассказывал ей о девушке, погребенной на другой планете, чья смерть толкнула меня на бегство. Два перелета — и я уничтожил свою связь с тем временем. Но столетнее путешествие не дает ста лет забытья; нет, время нельзя обмануть холодным сном. Память — мститель времени: и пусть ваши уши будут глухи, глаза слепы и необъятная бездна ледяного космоса ляжет между вами — память хранит все, и никакие увертки не спасут от ее тяжести. Трагической ошибкой будет возвращение к безымянной могиле, в изменившийся и ставший чужим мир, в место, которое было вашим домом. Снова вы будете спасаться бегством и действительно начнете забывать, потому что время все-таки идет. Но взгляните, вы одиноки; вы совершенно одиноки. Тогда, впервые в жизни, я понял, что такое настоящее отчаяние. Я читал, работал, пил, забывался с женщинами — но наступало утро, а я оставался самим собой и сам с собой. Я метался от одного мира к другому, надеясь: что-то изменится, изменится к лучшему. Однако с каждой переменой только дальше отходил от всего того, что знал.

Тогда другое чувство стало постепенно овладевать мною, и это было действительно кошмарное чувство: для каждого человека должно найтись наиболее соответствующее место и время. Вдумайтесь. Где и когда во всем необъятном космосе хотел бы я прожить остаток своих дней? В полную силу? Да, прошлое мертво, но, может быть, счастливое будущее ожидает меня на еще не открытой планете, в еще не наступивший момент. Как знать? А если счастье мое находится в соседнем городе или откроется мне здесь через пять лет? Что, если тут я буду мучиться до конца жизни, а Ренессанс моих дней, мой Золотой Век

рядом, совсем рядом, стоит лишь купить билет?.. И тогда во второй раз пришло отчаяние. Я не знал ответа, пока не пришел сюда, на Землю Лебедя. Я не знаю, почему люблю тебя, Элеонора, но я люблю, и это мой ответ.

Когда зажегся свет, мы сидели и курили. Она рассказала мне о своем муже, который вовремя умер смертью героя и спасся от старческой немощи. Умер, как умирают храбрецы: бросился вперед и стал на пути волкоподобных тварей, напавших на исследовательскую партию, в состав которой он входил. В лесах у подножия гряды Святого Стефана он бился одним мачете и был разорван на части, в то время как его товарищи благополучно добежали до лагеря и спаслись. Такова сущность доблести: миг, предопределенный суммой всех свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом.

Определения... Человек — разумное животное? Нечто выше зверей, но ниже ангелов? Только не убийца, которого я застрелил в ту ночь. Он не был даже тем, кто использует орудия и хоронит мертвых... Смех? Я давно не слышал смеха. Изобретает религии? Я видел молящихся людей, но они ничего не изобретали. Просто они предпринимали последние попытки спасти себя, когда все остальные средства уже были исчерпаны.

Создание, которое любит?

Вот единственное, что я не могу отрицать. Я видел мать, которая стояла по шею в бурлящей воде и держала на плечах дочь, а маленькая девочка поднимала вверх свою куклу. Но разве любовь — не часть целого? Надежд на будущее и сожалений о прошлом? Именно это заставило меня покинуть пост, добежать до флайера Элеоноры и пробиваться сквозь бурю.

Я опоздал.

Джонни Кимс мигнул фарами, взлетая, и передал по радио:

— Порядок. Все со мной, даже кукла.

— Хорошо,— сказал я и отправился назад.

Не успел я посадить машину, как ко мне приблизилась фигура. Я вылез из флайера и увидел Чака. В руке он сжимал пистолет.

— Я не буду убивать тебя, Джастин,— начал он,— но я раню тебя. Лицом к стене. Я беру флайер.

— Ты спятил? — спросил я.

— Я знаю, что делаю. Мне он нужен.

— Если нужен, бери. Совсем необязательно угрожать мне оружием.

— Он нужен нам — мне и Лотти! Поворачивайся!

Я повернулся к стене.

— Что?..

— Мы улетаем вместе, немедленно!

— Ты с ума сошел. Сейчас не время...

— Идем, Лотти,— позвал он, и я услышал за спиной шорох юбки.

— Чак! — сказал я.— Ты необходим нам сейчас! Такие вещи можно уладить потом — через неделю, через месяц, когда восстановится хоть какой-то порядок. В конце концов, существуют разводы.

— Никакой развод не поможет мне убраться отсюда!

— Ну а как это тебе поможет?

Я повернул голову и увидел, что у него откуда-то появился большой брезентовый мешок, который висел за левым плечом, как у Санта-Клауса.

— Отвернись! Я не хочу стрелять в тебя,— предупредил он.

У меня возникло страшное подозрение.

— Чак, ты стал грабителем?

— Отвернись!

— Хорошо, я отвернусь. Интересно, куда ты думаешь удрать?

— Достаточно далеко,— сказал он.— Достаточно далеко, чтобы нас не нашли. А когда придет время, мы покинем эту планету.

— Нет,— произнес я.— Не думаю. Потому что знаю тебя.

— Посмотрим.

Я услышал быстрые шаги и стук дверцы. Я повернулся тогда и проводил взглядом взлетающий флайер. Больше я их никогда не видел.

Внутри, сразу за дверью, лежали двое мужчин. К счастью, они не были тяжело ранены. Когда подоспела помощь, я поднялся в Аварийный центр и присоединился к Элеоноре.

Всю ту ночь мы, опустошенные, ждали утра.

Наконец оно наступило.

Мы сидели и смотрели, как свет медленно пробивался сквозь дождь. Так много всего происходило и так быстро все случилось за последнюю неделю, что мы были не готовы к этому утру.

Оно принесло конец дождям.

Сильный северный ветер расколол свод туч, и в трещины хлынул свет. Участки чистого неба быстро расширялись, черная стена исчезала на глазах. Теплое благодатное долгожданное солнце поднялось над пиками Святого Стефана и расцеловало их в обе щеки.

У всех окон сгрудились люди. Я присоединился к ним и десять минут не отрывал глаз.

Грязь была повсюду. Она лежала в подвалах и на механизмах, на водосточных решетках и на одежде. Она лежала на людях, на автомобилях и на ветках деревьев. Развалины зданий, разбитые крыши, стекла, мебель загромождали дороги, полузасыпанные подсыхающей коричневой грязью. Еще не было подсчитано число погибших. Кое-где текла вода, однако медленно и вяло. Разбитые витрины, упавшие мосты... Но к чему продолжать? Наступило утро, следующее за ночной попойкой богов; смертным оставалось либо убирать отходы, либо оказаться под ними погребенными.

И мы убирали. К полудню Элеонора не выдержала — сказалось напряжение предыдущих дней,— и я повез ее к себе домой, потому что мы работали у гавани, ближе ко мне.

Вот почти и вся история — от света к тьме и снова к свету,— кроме самого конца, который мне неизвестен. Я могу рассказать лишь его начало...

Элеонора пошла к дому, а я загонял автомобиль в гараж. Почему я не оставил ее с собой?.. Не знаю. Может быть, виновато солнце, которое превратило мир в рай, скрыв его мерзость. Может быть, моя любовь, испарившийся дух ночи и восторжествовавшее счастье.

Я поставил машину и пошел по аллее. Я был на полпути к углу, где встретил орга, когда услышал крик Элеоноры.

Я побежал. Страх придал мне сил.

За углом в луже стоял человек с мешком, как у Чака. Он рылся в сумочке Элеоноры, а она лежала неподалеку на земле — так неподвижно! — с окровавленной головой...

Я бросился вперед, на бегу нажав кнопку. Он обернулся, выронил сумочку, схватился за револьвер, висевший на поясе.

Мы были в тридцати футах друг от друга, и я бросил трость. Он прицелился, и в этот момент моя трость упала в лужу, в которой он стоял.

Элеонора еще дышала. Я внес ее в дом и вызвал врача — не помню как; вообще, ничего отчетливо не помню. И ждал, и ждал.

Она прожила еще двенадцать часов и умерла. Дважды приходила в себя до операций и ни разу после. Только раз мне улыбнулась и снова заснула.

Я не знаю.

Ничего.

Случилось так, что я снова стал мэром Бетти. Надо было восстанавливать город. Я работал, работал без устали, как сумасшедший, день и ночь, и оставил его таким же ярким и светлым, каким впервые увидел. Думаю, что если бы захотел, то мог остаться на посту мэра после выборов в ноябре. Но я не хотел.

Городской Совет отклонил мои возражения и принял решение возвести на площади статую Годфри Джастина Холмса рядом со статуей Элеоноры Ширрер — напротив вычищенного и отполированного Уитта. Наверное, там они и стоят.

Я сказал, что никогда не вернусь; но кто знает? Через долгие годы скитаний я, быть может, вновь прилечу на ставшую незнакомой Бетти хотя бы для того, чтобы возложить венок к подножию одной статуи.

Прибыл корабль — Остановка В Пути; я попрощался и взошел на борт.

Я взошел на борт и забылся холодным сном.

Летят годы. Я их не считаю. Но об одном думаю часто: есть где-то Золотой Век, мой Ренессанс, быть может, в другом месте, быть может, в другом времени; надо лишь дождаться или купить билет. Не знаю, куда или когда. А кто знает? Где все вчерашние дожди?

В невидимом городе?

Во мне?

Снаружи холод и тишина; движение не ощущается.

Нет луны, и звезды ярки, как бриллианты.

Манна небесная

Я ничего не чувствовал в этот неудачный полдень, поскольку, как я думаю, мои чувства были притуплены. Был благоуханный солнечный день, и только легкие облака виднелись у линии горизонта. Может быть, меня убаюкали некоторые приятные изменения в заведенном порядке вещей. В какой-то степени я отвлекся от своих подсознательных ощущений, отключил, так сказать, систему раннего оповещения... Этому, я полагаю, содействовало то, что долгое время я не ощущал никакой опасности и был уверен, что надежно укрыт. Был прелестный летний день.

Широкое окно моего кабинета открывало вид на океан. Вокруг царил обычный беспорядок: открытые коробки с торчащим упаковочным материалом, различные инструменты, кучи тряпок, бутылки с чистящими составами и восстановителями для разных поверхностей. И конечно, покупки. Некоторые из них еще стояли в упаковочных корзинах и коробках, другие выстроились на моем рабочем столе, который тянулся вдоль всей стены. Окно было открыто, и вентилятор направлен так, что пары химикалий могли быстро выветриваться. Доносилось пение птиц, далекий шум автомобилей, иногда ветер.

Мой кофе так долго остывал на столике у двери, что стал привлекательным разве что для какого-нибудь вкусового мазохиста.

Я поставил его утром и не вспомнил о нем, пока мой взгляд случайно не натолкнулся на чашку. Я работал без

перерывов, день был очень удачный. Важная часть работы закончена, хотя остальные работники музея вряд ли что-нибудь заметили. Теперь время отдыха, праздника, наслаждения всем тем, что найдено.

Я взял чашку с остывшим кофе. Почему бы нет? Несколько слов, простой жест...

Я сделал глоток ледяного шампанского. Чудесно. Я подошел к телефону, чтобы позвонить Элайне. Этот день стоил того, чтобы его отпраздновать более пышно. Когда моя рука готова была коснуться телефонной трубки, раздался звонок. Я поднял трубку.

— Алло? — сказал я.

Нет ответа.

— Алло?

Опять ничего. Нет... Кое-что.

Нечто таинственное, на фоне случайного шума...

— Говорите или положите трубку,— сказал я.

Неузнаваемый глубокий голос медленно произнес:

— Феникс — Феникс — горящий — ярко,— услышал я.

— Зачем звонить мне, болван?

— Оставайся на связи. Ты — это он.

Разговор оборвался.

Я несколько раз нажал на кнопку, вызывая телефонную станцию.

— Элси,— спросил я,— мне только что звонил кто-то. Что он сказал — буквально?

— О чем ты? — сказала она.— Тебе не звонили целый день, Дэйв.

— Ах так.

— С тобой все в порядке?

— Короткое замыкание или что-то в этом роде,— ответил я.— Спасибо.

Я допил остатки шампанского. Это уже не было удовольствием, а скорее напоминало работу по уборке. Я тронул пальцами тектитовый кулон, который был на мне, ременную пряжку из грубо обработанной лавы, коралл на ремешке часов. Я открыл кейс и переложил туда предметы, которые я обычно использовал. Кое-что я положил в карман.

В этом не было смысла, но я знал, что это существует в реальности. Я упорно думал. У меня до сих пор не было ответа, после всех этих лет. Но я знал, что это означает опасность. И я знал, что она может принять любую форму.

Я захлопнул кейс. По крайней мере, это произошло сегодня, а не, скажем, вчера. Я подготовился лучше.

Я закрыл окно и выключил вентилятор. Может быть, мне стоит направиться к своему тайнику. Конечно, именно этого от меня и ожидали.

Я прошел в холл и постучал в полуоткрытую дверь босса.

— Входи, Дэйв. Что случилось? — спросил он.

Майк Торли, мужчина лет сорока, усатый, хорошо одетый, улыбающийся, положил лист бумаги и взглянул на потухшую трубку в большой пепельнице.

— Небольшие сложности в жизни,— сообщил я.— Ничего, если я уйду сегодня пораньше?

— Конечно. Надеюсь, ничего серьезного?

Я пожал плечами:

— Я тоже надеюсь. Но мне могут понадобиться несколько дней.

Он пожевал губами, затем кивнул:

— Ты позвонишь?

— Конечно.

— Мне бы хотелось поскорее разобраться с этими африканскими экспонатами.

— Верно. Очень интересные экземпляры.

Он поднял обе руки.

— Хорошо. Делай, что тебе нужно.

— Спасибо.

Я повернулся, чтобы выйти, но тут вспомнил.

— Еще одно...— сказал я.

— Да?

— Кто-нибудь спрашивал обо мне?

Он начал было отрицательно качать головой, затем остановился.

— Никто, если не считать репортера.

— Какого репортера?

— Парня, который звонил на днях. Он пишет о наших новых поступлениях. Твое имя, конечно, упомина-

лось, и он задал несколько общих вопросов — как долго ты работаешь здесь, откуда ты. Ну, ты понимаешь...

— Как его имя?

— Вольфганг или Уолфорд. Что-то в этом духе.

— Какая газета?

— «Таймс».

Я кивнул:

— Хорошо. До скорого.

— Счастливо.

Из вестибюля я позвонил в газету. Конечно, среди работающих там не было никого по имени Вольфганг или Уолфорд. Никаких статей на эту тему. Я обдумывал, не позвонить ли мне в другую газету на тот случай, если Майк ошибся, когда меня похлопали по плечу.

Должно быть, я повернулся слишком быстро и выражение моего лица несколько отличалось от ожидаемого, так как ее улыбка исчезла и на лице отразился испуг.

— Элайна! Ты меня испугала. Я не ожидал...

Улыбка вернулась на ее лицо.

— Ты ужасно нервный, Дэйв. Что ты собираешься делать?

— Проверяю, не готовы ли мои вещи в чистке. Никак не думал, что это могла быть ты.

— Я знаю. Очень мило с моей стороны, не правда ли? Такой замечательный день, что я решила пораньше освободиться и напомнить тебе, что у нас сегодня в некотором роде свидание.

Мои мысли крутились, даже когда я положил руки ей на плечи и повернул ее по направлению к двери. Насколько опасно для нее может быть, если я проведу с ней несколько часов при ясном дневном свете? Я все равно собирался пойти поесть куда-нибудь, однако нужно быть настороже. Ее присутствие могло бы усыпить внимание того, кто за мной наблюдает, и оставить его при мысли, что, если я не принял звонок всерьез, значит, я не тот, кому он предназначен. Подумав так, я понял, что жажду чьего-нибудь общества. И так как мой внезапный отъезд стал необходимым, я был не против ее компании.

— Да,— сказал я.— Великолепная идея. Давай возьмем мою машину.

— Ты не должен где-нибудь отметиться или что-нибудь в этом роде?

— Я уже сделал это. У меня было такое же чувство, как и у тебя. Я собирался позвонить тебе после того, как зайду в чистку.

Не было похоже, что за нами следят.

— Я знаю хороший ресторанчик в сорока милях отсюда. Бездна воздуха. Прекрасная рыба,— сказал я, когда мы спускались по парадной лестнице.— Это может быть замечательно.

Мы направились к автостоянке рядом с музеем.

— Там рядом у меня коттедж на берегу,— сказал я.

— Ты никогда не говорил о нем.

— Я редко там бываю.

— Почему? Звучит очень заманчиво.

— Мне немного не по пути.

— Зачем же ты купил его?

— Мне он достался по наследству.

Я замолчал в ста шагах от моей машины и сунул руку в карман.

— Смотри!

Двигатель завелся, машина задрожала.

— Как...— начала она.

— Маленький микроволновый передатчик. Я могу завести ее, не садясь.

— Ты опасаешься бомбы?

Я покачал головой:

— Мне нравится. Ты знаешь, как я люблю всякие штучки.

Конечно, я хотел проверить возможность бомбы. Это естественная реакция любого в моем положении. К счастью, я убедил ее в моем пристрастии ко всяким штучкам еще в самом начале знакомства — на случай непредвиденных обстоятельств вроде этого. Конечно, в моем кармане не было микроволнового передатчика. Просто еще один инструмент.

Я открыл дверцы, и мы уселись.

Я внимательно наблюдал, пока мы ехали. Ничего, никого, кто мог бы преследовать нас. «Оставайся на связи. Ты — это он». Предполагалось, что я потеряю голову и побегу? Попытаюсь атаковать? Если так, то что? Кого?

Собирался ли я бежать сломя голову? В глубине моего мозга я увидел, что возможность побега начинала приобретать очертания.

Как долго, как долго это длилось? Годы. Побег. Новая индивидуальность. Длинный период почти нормального существования.

Нападение... Снова побег. Все сначала.

Если бы у меня хоть была идея, кто это, я мог бы атаковать.

Однако, не зная этого, я должен был избегать компании всех моих приятелей — единственных, кто мог бы дать мне ключ к разгадке.

— Ты выглядишь больным от этих дум, Дэйв. Это не может быть из-за чистки, правда?

Я улыбнулся ей:

— Просто дела, от которых мне хотелось бы быть подальше. Спасибо, что напомнила мне.

Я включил радио и нашел какую-то музыку. Как только мы выехали за город, я начал расслабляться. Когда мы достигли дороги, ведущей вдоль берега, стало понятно, что нас никто не преследует. Некоторое время мы двигались вверх, затем спустились. У меня начало покалывать в ладонях, когда я натолкнулся на полосу тумана в очередной низине. Почувствовав прилив бодрости, я впитывал его энергию. Потом я принялся рассуждать об африканских находках, об их мировом значении. На время я забыл свои проблемы. Это продолжалось, вероятно, около двадцати минут, до передачи новостей. Я излучал благожелательность, теплоту и нежность. Я мог наблюдать, как Элайна тоже начала радоваться. Это была обратная связь. Я чувствовал себя все лучше. Вдруг...

— ...Новое извержение, которое началось сегодня утром,— донеслось из динамика.— Внезапная активность

Эль-Чинчонала требует немедленной эвакуации с площади около....

Я потянулся и усилил звук, прервав на полуслове историю о путешествии в Альпах.

— Что? — спросила она.

Я поднес палец к губам.

— Вулкан,— объяснил я.

— Что с ним?

— Они мне очень нравятся.

Когда я запомнил все факты насчет извержения, я начал оценивать ситуацию. Мой сегодняшний телефонный разговор явно имел отношение к этому...

— Сегодня утром показывали хорошие виды его жерла,— сказала она, когда новости закончились.

— Я не смотрел. Но я видел, как это происходит, раньше.

— Ты посещал вулканы?

— Да, когда они извергаются.

— Ну, это действительно странное хобби, и ты никогда прежде не говорил об этом. Сколько же вулканов ты посетил?

— Большинство из них,— ответил я, не слушая дальше. Вызов приобретал очертания. Я осознал, что на этот раз я не собираюсь бежать.

— Большинство из них? — сказала она.— Я где-то читала, что их около сотни, причем некоторые находятся в труднодоступных местах.

Как Эребус...

— Я был на Эребусе.— И тут до меня дошел смысл моих слов.— Во сне, конечно,— закончил я.— Маленькая шутка.

Я засмеялся, но она лишь слегка улыбнулась.

Хотя это не имело значения. Она не могла бы навредить мне. Мало кто мог. Все равно мне скоро придется расстаться с ней. После сегодняшнего вечера я должен забыть ее. Мы не будем больше встречаться. Хотя я по своей природе мягок, то, что происходило со мной, было вне санти-

ментов. Я не хотел причинять ей вред: легче легкого сделать так, чтобы она забыла.

— Я действительно нахожу определенные стороны геофизики привлекательными.

— Одно время я занималась астрономией,— сообщила она.— Я могу понять.

— В самом деле? Астрономией? Ты никогда не говорила мне об этом.

— Неужели?

Я начал обдумывать положение, разговор тек самопроизвольно. Когда мы расстанемся — вечером или утром,— мне надо отправляться в путь. В Виллаэрмосу. Мой противник будет ждать — в этом я был уверен. «Оставайся на связи. Ты — это он». «Это твой шанс. Приходи и победи меня, если не боишься».

Конечно, я боялся.

Но я слишком долго убегал. Я должен буду пойти, покончить с этим для своего спокойствия. Кто знает, когда у меня будет другая возможность? Я достиг состояния, когда любой риск был оправдан, чтобы выяснить, кто он, и получить шанс отомстить. Все приготовления я сделаю позже, в коттедже, когда она будет спать.

— У тебя есть пляж? — спросила она.

— Да.

— Там пусто?

— Совершенно. Почему ты об этом спрашиваешь?

— Было бы замечательно поплавать перед обедом.

Мы остановились у ресторана, забронировали столик, затем отправились на пляж. Вода была изумительная.

День перешел в прекрасный вечер. Мы сидели за моим любимым столиком, стоявшим в патио, и любовались горами. В воздухе разливался аромат цветов. Ветерок появился вовремя. То же самое можно было сказать об омаре и шампанском. Внутри ресторана тихо звучала прекрасная музыка. За кофе я обнаружил ее руку под моей. Я улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

— Как ты это делаешь, Дэйв? — спросила она.

— Что?

— Гипнотизируешь меня.

— Природное обаяние, я полагаю,— ответил я, смеясь.

— Это не то, что я имею в виду.

— Что же это? — сказал я серьезно.

— Ты даже не заметил, что я больше не курю.

— Да, правильно! Поздравляю. Как долго это продолжается?

— Пару недель,— ответила она.— Я ходила к гипнотизеру.

— О, неужели?

— Да, да. Я оказалась очень восприимчивой. Он не мог поверить, что я никогда не испытывала гипноза. Тогда он прощупал немного вокруг и получил описание тебя, приказывающего мне кое-что забыть.

— Да ну?

— Да, да, в самом деле. Хочешь узнать, что я помню из того, что прежде не помнила?

— Расскажи.

— На волоске от несчастного случая, поздно ночью, примерно месяц назад. Другая машина даже не замедлила хода перед светофором. Твоя поднялась в воздух. Потом я помню, как мы стоим на обочине и ты приказываешь мне забыть. Я забыла.

Я хмыкнул:

— Любой гипнотизер с большим опытом может сказать тебе, что состояние транса не является гарантией от фантазий, а галлюцинации, вызванные в гипнотическом состоянии, кажутся более реальными, чем действительность. Другое объяснение...

— Я помню звук, с которым антенна той машины стукнулась о правое заднее крыло твоей и отломалась.

— Могут быть и звуковые галлюцинации.

— Я посмотрела, Дэйв. На крыле есть отметина. Похоже на след от антенны. Проклятье! Я хотела бы отложить это копание.

— Я получил эту отметину при парковке.

— Будет тебе, Дэйв.

Должен ли я пресечь все это и сделать так, чтобы она все забыла?

Я сомневался. Может быть, это было бы проще всего.

— Неважно,— наконец сказала она.— Послушай, это действительно неважно для меня. Иногда происходят необычные вещи. Если ты имеешь к ним отношение, ну что ж. Меня беспокоит лишь то, что ты не доверяешь мне...

Доверие? Это именно то, что превращает вас в мишень. Как Протей, когда Амазонка и Священник собирались покончить с ним.

— ...а я так долго доверяла тебе.

Я убрал свою руку. Отпил глоток кофе. Не здесь. Я отвлеку ее мысли на другое — немного позже. Внушу ей, что от гипнотизеров надо держаться подальше.

— Хорошо. Я думаю, ты права. Но это длинная история. Я расскажу ее, когда мы вернемся в коттедж.

Ее рука нашла мою, и я посмотрел ей в глаза.

— Спасибо,— сказала она.

Мы ехали назад под безлунным небом, усыпанным звездами.

Это была немощеная дорога, ныряющая в низины, поднимающаяся, петляющая среди густого кустарника. Жужжание насекомых проникало через открытые окна вместе с соленым запахом моря. На мгновение, только на одно мгновение я подумал, что ощущаю странный звон в ушах, но это могло быть из-за ночи и шампанского. Больше это ощущение не приходило.

Мы подъехали к дому, остановились и вылезли из машины. Я молча отключил мою невидимую охрану. Мы подошли к дому, я открыл дверь и включил свет.

— У тебя никогда не было неприятностей здесь? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Людей, которые взламывают двери, переворачивают все вверх дном, все рушат?

— Нет.

— Почему нет?

— Наверное, удача.

— В самом деле?

— Ну... все это защищено очень специфическим способом. Подожди, пока я приготовлю кофе.

Я прошел на кухню, достал кофейник, засыпал кофе, налил воды и поставил на огонь. Затем я направился к окну, чтобы открыть его и впустить свежий воздух.

Внезапно моя тень на стене обозначилась четче.

Я резко повернулся.

Пламя отошло от горелки, поднялось в воздух и начало расти. Элайна вскрикнула, когда я повернулся, и пламя стало заполнять комнату. Я увидел, что от него отделились колеблющиеся существа огненной стихии, пламя разорвалось на части и, подобно торнадо, пронеслось через коттедж. В одно мгновение все было охвачено огнем, и я услышал его трескучий смех.

— Элайна! — Я звал, мчась вперед, так как видел, что она превратилась в огненный столб.

Всех вещей в карманах плюс побрякушек на поясе, быстро подсчитывал я, вероятно, хватит, чтобы справиться с этим. Конечно, энергия в них запасалась раньше, в ожидании момента, когда ее можно будет использовать тем или иным образом. Я произнес слова, которые могли бы вскрыть носители энергии и высвободить силы.

Затем я исполнил изгнание.

Пламя улетучилось мгновенно. Но дым и запах остались.

...Элайна лежала, всхлипывая; одежда и кожа ее покрылись пеплом, конечности подергивались... Все открытые участки тела стали темными и чешуйчатыми, кровь начинала проступать через трещины на коже.

Я выругался, когда восстанавливал охрану. Я создал ее, чтобы защитить дом в мое отсутствие. И никогда не пользовался ею, когда был внутри. А надо бы. Кто бы ни сделал это, он находился поблизости. Мой тайник помещался в подвале футах в двадцати под коттеджем — достаточно близко, чтобы использовать множество источников энергии, даже не выходя за ними. Я мог бы освободить

их энергию, как я только что поступил с тем, что у меня было. Я мог бы использовать ее против врага. Да. Это был шанс, которого я ждал.

Я бросился к кейсу и открыл его. Мне нужна была энергия, чтобы добраться до энергии и пользоваться ею. Манна из артефактов, которую я добыл, была запасена в моих собственных устройствах. Я получил скипетр и державу. Наконец, мой враг, ты сейчас получишь свое! Будешь знать, как нападать на меня!

Элайна стонала...

Я выругал себя за слабость. Если мой неприятель проверял меня, чтобы определить, не стал ли я слабее, он мог бы получить утвердительный ответ. Она не была чужой, и она сказала, что доверяет мне. Я не могу ее оставить в беде. Я начал заклинание, которое должно было опустошить большинство моих силовых объектов, чтобы исцелить ее.

Это заняло почти час. Я погрузил ее в сон. Остановил кровотечение. Я наблюдал, как образуются новые ткани. Я вымыл ее и одел в спортивную рубашку и слаксы, которые достал из прикроватного шкафчика, уцелевшего от огня. Я дал ей поспать подольше, пока все прибрал, открыл окна и начал готовить кофе.

И вот я стою рядом со старым креслом, покрытым пледом, в котором она лежит. Если я сделал нечто хорошее и благородное, то почему я себя так глупо чувствую? Вероятно, из-за того, что это было не в моем стиле. Я наконец-то убедился, что не полностью стал рабом рассудка, хотя все во мне возмущалось при мысли о том, сколько манны потрачено на ее выздоровление.

Да... Теперь придумай, как все это объяснить.

Действительно, как? Хороший вопрос. Я мог бы удалить из ее мозга память о происшедшем и внедрить какую-нибудь подходящую историю — утечка газа, например. Возможно, она поверит. Я мог бы так сделать. Наверно, это самое простое.

Мое негодование внезапно улетучилось, сменившись чем-то другим, когда я понял, что не хочу поступать так. Я хотел конца моего одиночества. Она доверяла мне.

Я чувствовал, что мог бы доверять ей. Мне нужен был кто-то, с кем бы я мог поговорить.

Она открыла глаза, и я передал ей чашку кофе.

— Привет,— сказал я.

Она уставилась на меня, затем медленно повернула голову и оглядела комнату со следами происшедшего. Ее руки начали дрожать. Но она поставила чашку на маленький столик самостоятельно и не позволила мне помочь. Затем осмотрела свои руки. Ощупала лицо.

— Все в порядке,— сказал я.

— Каким образом?

— Это та же история. Ты видела ее начало.

— Что это было?

— Это часть ее.

— Хорошо,— сказала она, беря чашку более уверенно и отпивая глоток.— Послушаем историю.

— Я волшебник. Прямой потомок древних магов Атлантиды.

Я остановился, ожидая вскрика или возражения. Их не последовало.

— Меня научили всему родители,— продолжал я,— давным-давно. Основой всего является манна, вид энергии, находящейся во многих предметах. Когда-то мир был переполнен ею. Она была основой целой цивилизации. Но с ней произошло то, что и с другими природными ресурсами. Однажды она исчерпалась. И магия ушла. Большая ее часть. Атлантида затонула. Творения магии захирели и погибли. Изменилась сама структура мира, приведя к тому, что он кажется гораздо старше, чем есть на самом деле. Старые боги ушли. Волшебники, те из них, кто манипулировал манной для магии, оказались не у дел. Вслед за этим последовали настоящие темные века, прежде чем началась та цивилизация, о которой мы знаем из исторических книг.

— Эта ушедшая цивилизация не оставила никаких записей о себе?

— Вместе с уходом произошли изменения. Записи были переписаны на натурально выглядевшие камни и

окаменелости, были рассеяны, скрыты при наступлении морей.

— Допустим, что все это так,— сказала она, отпивая кофе,— но если энергия ушла, если здесь ничего не осталось, как можешь ты быть волшебником?

— Но она ушла не вся. Небольшие источники сохранились, появились новые и...

— ...и вы боретесь за них? Те из вас, кто остался?

— Не совсем так. Нас не так уж и много. Мы удерживаем наше число на постоянном уровне, так что никто не голодает.

— Голодает?

— Своего рода иносказание. Означает достаточное количество манны для поддержания души в теле, предотвращения старения, поддержания здоровья и наслаждения прекрасным.

— Вы можете омолаживаться? Сколько же тебе лет?

— Не задавай глупых вопросов. Если мои запасы истощатся и вокруг не будет больше манны, я постарею быстро. Но мы умеем разыскивать ее, собирать и хранить. Она может быть запасена в различных объектах или, даже лучше, укрываться в особых заклинаниях, похожих на телефонный номер владельца без последней цифры. Чары, которые поддерживают чье-то существование, всегда очень важны.

Она улыбнулась:

— Должно быть, ты очень много потратил на меня.

Я посмотрел в сторону.

— Да.

— Итак, ты не можешь оставить все это, стать нормальным человеком и продолжать жить?

— Нет.

— А все-таки, что это было? Что произошло здесь?

— Мой враг напал на меня. Мы выжили.

Она сделала большой глоток, откинулась назад и закрыла глаза.

— Может ли это произойти снова?

— Вероятно. Если я позволю.

— Что ты имеешь в виду?

— Это был скорее вызов, а не настоящее нападение. Мой неприятель устает от игры и хочет покончить со всем.

— Ты собираешься принять вызов?

— У меня нет выбора. Разве что сидеть и ждать, что снова что-нибудь произойдет, на этот раз похуже.

Она слегка вздрогнула.

— Прости,— сказал я.

— У меня такое чувство, что и я могла бы сказать это.

Она допила кофе, поднялась, подошла к окну и выглянула.

— Что будем делать? — спросила она, поворачиваясь и глядя на меня.

— Я собираюсь поместить тебя в безопасное место и уйти — на некоторое время.— Мне казалось необходимым произнести последние слова, хотя я сомневался, что мы когда-нибудь увидимся.

— Ты мерзавец,— сказала она.

— Да? Что это значит? Ты хочешь быть в безопасности или нет?

— Если твой неприятель думает, что я для тебя что-нибудь значу, я очень уязвима,— объяснила она.

— Может быть...

Конечно, ее можно погрузить в недельный транс и поместить в подвал под мощную защиту. Так как моя магическая сила еще не совсем ушла, я поднял одну руку и посмотрел ей прямо в глаза.

Почему она уклонилась, я точно не знаю. Она отвела глаза и устремилась к книжному шкафу. Когда она повернулась, она держала старую костяную флейту, которая лежала там очень давно. Я удержался от того, чтобы выругаться. Она держала запасающий энергию предмет, один из многих лежащих в комнате и один из немногих, которые я не опустошил только что.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Я пока не знаю. Но я не позволю тебе убрать меня при помощи твоего чародейства.

— Откуда такие подозрения?

— Просто чувствую.

— Ну ладно, черт побери, ты права. Мы были вместе слишком долго. Ты можешь читать мои мысли. Хорошо, положи эту штуку на место, и я ничего не буду с тобой делать.

— Этому можно верить, Дэйв?

— Я полагаю, да.

— Я боюсь, ты можешь пренебречь обещанием и стереть мою память.

— Я держу свои обещания.

— Хорошо.— Она положила флейту на место.— Что мы теперь будем делать?

— Я все-таки поместил бы тебя в безопасное место.

— Исключено.

Я вздохнул:

— Я должен направиться туда, где извергается этот вулкан.

— Бери два билета.

В этом не было необходимости. У меня есть свой собственный самолет и права на управление. Даже несколько самолетов, размещенных в различных местах. Есть у меня и корабли.

— Манна присутствует в облаках и тумане,— объяснил я ей.— В случае нужды я использую свои средства передвижения, чтобы запасти ее.

Мы медленно двигались сквозь облака. Я уже пролетел довольно много, но это было необходимо. Даже после того как я собрал все, что было под руками, у меня было слишком мало манны для начальной защиты и нескольких ударов. Мне нужно было набрать еще немного. Дальше это не будет иметь значения. Мой противник и я можем подключиться к одному и тому же источнику. Нужно только добраться до него.

Итак, я долго кружил в тумане, собирая манну. Я концентрировал ее в защитном заклинании.

— Что произойдет, когда она вся исчезнет? — спросила она, когда я делал вираж и поднимался для последнего захода.

— Что?

— Манна. Вы все исчезнете?

Я усмехнулся.

— Этого не может быть. Ни с кем из нас. Сколько тонн метеоритов, как ты думаешь, падают на землю каждый день? Они увеличивают фоновый уровень почти непрерывно. И большинство из них падают в океаны. Тем самым обогащаются берега. Именно поэтому я люблю быть у моря. Покрытые туманами вершины гор аккумулируют манну. Это тоже хорошие места для пополнения запасов. Всегда образуются новые облака. Смысл нашей жизни больше чем простое выживание. Мы ожидаем, когда количество манны достигнет уровня, на котором она будет образовывать большие поля. Тогда мы перестанем зависеть от запасающих заклинаний и аккумуляторов манны, так как она будет повсюду. И магия возродится.

— Тогда вы истощите ее снова и очутитесь в прежнем положении.

— Вполне возможно. Если мы ничему не научились, это может произойти. Мы войдем в новый золотой век, будем зависеть от нее, забудем свое прежнее умение, снова исчерпаем манну и придем к следующему темному времени. До тех пор...

— До тех пор, пока что?

— До тех пор, пока мы кое-чему не научимся. Нам нужно знать скорость истощения запасов манны и учитывать эти знания в своей жизни. Мы должны развивать и сохранять технологию, которая сберегает манну. Наш опыт этого столетия с физическими ресурсами может оказаться очень полезен. Но есть и надежда, что некоторые космические области могут быть более богатыми манной или располагать возможностью ее накопления. Именно поэтому мы ожидаем программы исследования косми-

ческого пространства — чтобы достичь других миров, богатых тем, в чем мы нуждаемся.

— Звучит так, будто вы все уже разработали.

— У нас было много времени, чтобы подумать над этим.

— А какой могла бы быть ваша связь с теми, кто не сведущ в магии?

— Благотворной. Мы все выиграем от этого.

— Ты говоришь за себя или за других тоже?

— Большинство других должны чувствовать то же самое.

— Ты говорил, что довольно давно не общался с ними.

— Да, но...

Она покачала головой и отвернулась поглядеть на туман.

У меня не было возможности найти хорошую посадочную площадку, поэтому я выбрал более или менее ровное место и приземлился.

Мы вылезли из машины и начали двигаться к скалистому дымящемуся кратеру на горизонте.

— Мы никогда не дойдем до него,— сказала она.

— Ты права. Хотя я это не планировал. Если время выбрано правильно, кое-что еще себя проявит.

— Что ты имеешь в виду?

— Ожидай и наблюдай.

Мы прошли несколько миль, никого не встретив. Дорога была теплой и пыльной, с внезапными колебаниями почвы. Вскоре я почувствовал движение манны и набрал ее.

— Возьми меня за руку,— сказал я.

Я произнес слова, нужные для того, чтобы мы могли лететь в нескольких футах над скалистой местностью. Мы заскользили по воздуху, и энергия вокруг нас увеличивалась по мере того, как мы приближались к своей цели. Я использовал ее, произнося заклинания, увеличивающие нашу скорость, воздвигающие вокруг нас защитные поля, предохраняющие нас от жары и падающих обломков.

Небо потемнело от пепла и дыма задолго до того, как мы начали подъем. Вначале уклон был небольшим, но

резко возрастал по мере того, как мы двигались вперед. Я применял разнообразные заклинания, открывающие и закрывающие, связывая манну словом и жестом.

— Двигайся, двигайся и коснись кого-нибудь,— бормотал я, когда видимый мир появлялся и исчезал в клубящихся облаках.

Мы попали в зону, где чуть не задохнулись, если бы не защитное поле. Шум становился все сильнее. Вне поля, наверное, было достаточно жарко. Когда наконец мы добрались до края, темные массы поднимались за нами и молнии прорезывали облака. Впереди и ниже раскаленные массы бурлили и перемешивались посреди взрывов.

— Все в порядке! — крикнул я.— Я заряжу все вещи, которые я принес, и запасу еще больше манны в целой библиотеке заклинаний. Устраивайся поудобнее!

— Ага,— сказала она, облизывая губы и смотря вниз.— Я так и сделаю. А как насчет твоего врага?

— Никого не было видно — и здесь слишком много свободной манны. Я буду настороже и приму в расчет ситуацию. Ты тоже наблюдай.

— Ладно. Это безопасно?

— Так же, как езда в автомобиле по дорогам Лос-Анджелеса.

— Грандиозно,— заметила она, когда громадная скала обрушилась позади нас.

Мы разделились. Я оставил ее внутри защитного поля, прислонившуюся к выступу скалы, и двинулся вправо, чтобы проделать ритуал, который требовал большей свободы движений.

Тут сноп искр возник в воздухе передо мной. В этом не было ничего необычного, пока я не понял, что он висит необычно долго. Через некоторое время он стал рассеиваться.

— Феникс, Феникс, горящий ярко! — Слова гудели, перекрывая адский шум.

— Кто меня зовет? — спросил я.

— У кого есть сильнейшая причина причинить тебе вред?

— Если бы знал, я бы не спрашивал.

— Тогда поищи ответ в аду!

Стена пламени ринулась навстречу мне. Я произнес слова, усилившие мою защиту. Но и после этого я покачнулся в защитном шаре, когда он ударил. Как я понял, нанести ответный удар было очень непростым делом.

— Пусть будет смертельным! — закричал я, призывая удар молнии по тому месту, где кружились искры.

Хотя я отвернулся и прикрыл глаза от яркого света, я чувствовал его присутствие кожей.

Мой энергетический шар продолжал качаться, когда я прищурился и посмотрел вперед. Воздух передо мной очистился, но впереди что-то темнело и...

Какое-то существо — грубая человекообразная форма из полузастывшей лавы — обхватило пространство вокруг меня и сжимало его. Мое заклинание выдержало, но я оказался на краю кратера.

— Это не сработает,— сказал я, пытаясь разрушить существо.

— Черт тебя побери! — донесся голос далеко сверху.

Я быстро понял, что существо из лавы защищено от простых заклинаний. Отлично, теперь он швыряет меня вниз. Я мог бы взлететь. Феникс может подняться снова. Я...

Я перевалился через край кратера и начал падать. Положение было не из легких.

Расплавленное существо сжимало мой защитный пузырь. Магия есть магия, а наука есть наука, но здесь есть определенные связи. Чем большую массу вы хотите сдвинуть, тем больше манны вы должны потратить. Итак, перевалившись через край, я падал в огненную яму, несмотря на левитирующее заклинание, которое могло бы поднять меня при других обстоятельствах. Я немедленно начал творить другое заклинание, которое должно было придать мне добавочную плавучесть.

Но когда я окончил, то увидел, что мне что-то мешает — другое заклинание, которое увеличивает массу моей ноши. За исключением небольшой области между моими ступнями, через которую я видел бурлящее озеро огня, я был полностью окружен текущей массой. Я мог подумать о единственном выходе, который у меня оставался, но я не знал, хватит ли у меня времени.

Я начал заклинание, которое могло бы превратить меня в искрящийся вихрь, подобный тому, каким был мой противник. Когда я закончил его, я снял мое защитное заклинание и потек.

Скользя по искажаемой жаром поверхности лавы, я проскочил мимо тяжеловесного существа и уже поднимался с возрастающей скоростью, подталкиваемый волнами жара, когда оно ударило по поверхности лавы и исчезло. Я добавил собственной энергии и двинулся вверх, через клубы дыма и пара, мимо вспышек лавовых ядер.

Я придал вид птицы моим светящимся вихрям, я упивался манной, я испустил длинный, идущий изнутри нарастающий крик. Я распростер крылья по силовым линиям, ища моего противника, как только достиг края кратера.

Никого. Я устремлялся вперед и назад, я описал круг. Его или ее не было.

— Я здесь! — кричал я.— Покажись мне!

Но никто не ответил. Лишь новые взрывы лавы внизу.

— Приходи! Я жду! — закричал я.

Потом я поискал Элайну, но ее не оказалось на том месте, где я ее оставил. Мой враг либо уничтожил ее, либо убрал прочь.

Я громогласно выругался и закрутился в громадный вихрь, поднимающуюся башню света. Затем я направился вверх, покидая землю, и этот горящий прыщ остался далеко внизу.

Как долго я несся, вне себя от гнева, не могу сказать. Я знаю, что облетел планету несколько раз, прежде чем ко мне вернулась способность к трезвому рассуждению и я достаточно остыл для того, чтобы составить какой-нибудь план действий.

Со всей очевидностью, меня пытался убить один из моих приятелей, он же забрал у меня Элайну. Я избегал кон-

тактов с подобными мне слишком долго. Теперь я знаю, что должен разыскать их, несмотря на риск, чтобы получить сведения, которые мне нужны для самосохранения, для мщения.

Я начал снижаться, когда находился над Ближним Востоком. Аравия.

Да. Нефтяные поля — пространства, богатые дорогим, загрязняющим окружающую среду веществом, изливающим из земли потоки манны.

Здесь дом Дервиша.

Приняв форму Феникса, я летел от поля к полю, похожий на пчелу, пробуя, используя энергию для усиления заклинания, которое сейчас действовало. Ища...

Три дня я искал, проносясь над лишенными растительности ландшафтами, посещая поле за полем. Это было похоже на серию шведских столов. Так легко было бы использовать манну для того, чтобы изменить местность. Но конечно, это была бы во многих отношениях бесполезная трата.

Итак, на третий день вечером, низко скользя над мерцающими песками, я ощутил, что поблизости находится то, что я ищу. Физически нефтяное поле ничем не отличалось от других. Но мои чувства подсказали мне, что тут что-то не так. Уровень манны был намного ниже, чем в других местах, и это был признак того, что в этих местах действует кто-то из нас.

Я продолжил поиск. Определил высоту. Начал кружить.

Да, это то, что я ищу. Это стало ясно, когда я исследовал район. Область с низким содержанием манны описывала грубую окружность вблизи северо-западного края поля, ее центр находился вблизи цепи холмов.

Он, должно быть, работал в качестве какого-нибудь официального лица здесь на месторождении. Если так, его обязанности должны быть минимальными и работа явно служит только прикрытием. Он всегда был достаточно ленивым.

Я сделал вираж и стал спускаться к цели. Как только я направился к ней, я увидел небольшое покосившееся строение из необожженной глины, которое почти сливалось с окружением. Дом сторожа или привратника... Неважно, чем он кажется.

Я начал опускаться перед строением. Я отменил прежнее заклинание и снова приобрел человеческую форму. Толкнул старую дверь без замка и вошел внутрь.

В доме было пусто, за исключением нескольких предметов убогой мебели и густой пыли. Я мог поклясться, что это именно то, что мне надо.

Я медленно прошел по комнате, ища какой-нибудь ключ.

Вначале я ничего не видел и даже не почувствовал. Память об одном туманном варианте старого заклинания и о характере Дервиша — вот что заставило меня повернуться и выйти наружу.

Я закрыл дверь и стал вспоминать слова заклинания. Очень трудно было точно вспомнить, как оно должно произноситься. Наконец слова сложились, и я чувствовал, что они падают на место, паз и шип, ключ и замок. Да, это был отклик. Я ощутил слабое ответное давление. Значит, я не ошибся.

Когда я окончил, то увидел, что все совершенно изменилось. Я направился к двери, затем заколебался. Вероятно, я обнаружил какую-то тревогу. Лучше иметь пару заклинаний наготове, ожидая просто каких-то наводящих слов. Я пробормотал их и открыл дверь.

Мраморная лестница, такая же широкая, как и сам дом, вела вниз, с обеих сторон, как стоваттные лампочки, сияли драгоценные камни.

Я прошел вперед и начал спускаться. До меня донесся запах жасмина, шафрана и сандала. Потом я услышал в отдалении звуки струнных инструментов и флейты. Затем я смог увидеть часть изразцового пола с изысканным орнаментом. Я наложил на себя заклинание невидимости и продолжал идти.

Я еще не достиг основания лестницы, как увидел его в длинном зале с колоннами.

Он был в дальнем конце, возвышаясь в гнезде из подушек и ярких ковров. Изысканная еда находилась перед ним. Рядом бормотал фонтан. Юная женщина исполняла танец живота.

Я остановился у основания лестницы и осмотрелся. Арки слева и справа, по-видимому, вели в другие покои. За ним находилась пара широких окон с видом на высокий горный пик под очень синим небом — представляющий либо очень хорошую иллюзию, либо растрату большого количества манны на изменяющее пространство заклинание. Конечно, вокруг было много манны для возможности экспериментировать. Но это было явным расточительством.

Я рассмотрел самого мужчину. Его внешность совсем не изменилась — с резкими чертами лица, темнокожий, высокий, склонный к полноте.

Я медленно приблизился, ключи полудюжины заклинаний были готовы для произнесения и жестикуляции.

Когда я был приблизительно в тридцати шагах, он с трудом повернулся. Посмотрел в мою сторону. Его ощущение энергии, очевидно, было в хорошем состоянии.

Я произнес два слова, одно из которых положило в мою руку невзрачный, но очень мощный дротик, второе сняло покров невидимости.

— Феникс! — воскликнул он, сидя прямо и глядя на меня.— Я думал, что ты погиб!

Я улыбнулся:

— Как давно эта мысль возникла в твоем мозгу?

— Боюсь, я не понимаю...

— Один из наших пытался убить меня в Мексике.

Он покачал головой:

— Я не был в этой части света уже давно.

— Докажи это.

— Я не могу,— ответил он.— Ты знаешь, что мои люди здесь будут говорить только то, что я пожелаю,— так что это не поможет. Я не делал этого, но я и не могу найти способ доказать это. Доказывать отсутствие чего-либо всегда сложно. Собственно говоря, почему ты меня подозреваешь?

Я вздохнул:

— Так уж получилось. Я подозреваю или, скорее, должен подозревать всех. Я выбрал тебя наугад и собираюсь проверить всех.

— По крайней мере, статистика на моей стороне.

— Я полагаю, ты прав, черт побери.

Он встал, подняв ладони вверх.

— Мы никогда не были особенно близки,— сказал он.— Но мы ведь и не были врагами. У меня совсем нет причины желать тебе вреда.

Он перевел взгляд на дротик в моей руке и протянул свою правую руку, все еще держащую бутылку.

— Ты собираешься всех нас убить, чтобы подстраховаться?

— Нет, я думал, что ты мог бы напасть на меня и тем самым доказать свою вину. Это могло бы облегчить жизнь.

Я отбросил дротик в доказательство добрых намерений.

— Я тебе доверяю.

Он откинулся назад и поместил бутылку, которую до сих пор держал, на диванную подушку.

— Если бы ты убил меня, она бы упала и разбилась. Или, может быть, я мог бы спровоцировать тебя на атаку и вытащить пробку. В бутылке атакующий джинн.

— Тонкая штучка.

— Давай пообедаем вместе,— сказал он.— Я хотел бы послушать твою историю. Тот, кто напал на тебя без причины, может однажды напасть и на меня.

— Хорошо,— ответил я.

Танцовщицу отпустили. С едой было покончено. Мы потягивали кофе. Я говорил без перерыва почти час. Я устал, но у меня было заклинание против этого.

— Немного странно,— сказал он наконец.— И ты не причинил кому-нибудь вред, не оскорбил, не обманул кого-нибудь — не помнишь?

— Нет.

Я отпил кофе.

— Итак, это может быть кто-нибудь из них,— сказал я через некоторое время.— Священник, Амазонка, Гном, Сирена, Оборотень, Ламия, Леди, Эльф, Ковбой...

— Исключи Ламию,— сказал он.— Я полагаю, она умерла.

— Как?

Он пожал плечами, глядя в сторону.

— Не знаю точно,— сказал он медленно.— Вначале был слух, что ты и она удалились вместе. Потом, позднее, казалось, что вы умерли вместе... каким-то образом.

— Ламия и я? Это глупо. Между нами никогда ничего не было.

Он кивнул:

— Значит, с ней просто что-нибудь случилось.

— Слух... Кто же его распространял?

— Ты же знаешь. Истории просто возникают. Никогда не знаешь точно, откуда они пошли.

— Когда ты впервые услышал эту историю?

Он задумался, уставясь в пространство.

— Гном. Да. Именно Гном рассказал мне на Звездопаде в этом году.

— Он не сказал, откуда он знает это?

— Ничего такого, что я мог бы вспомнить.

— Хорошо, я полагаю, что должен поговорить с Гномом. Он все еще в Южной Африке?

Он отрицательно покачал головой, наполняя мою чашку из высокого кофейника с элегантной гравировкой.

— В Корнуолле. Там все еще много сока в старых шахтах.

Я слегка вздрогнул.

— Это его дело. У меня начинается клаустрофобия, как только я подумаю об этом. Но если он сможет рассказать мне, кто...

— Бывший друг — самый коварный враг. Если ты бросил своих друзей, так же как и всех остальных, и стал скрываться, это означает, что ты уже все это продумал.

— Да, как бы мне ни претила эта мысль. Я дал этому рациональное объяснение, сказав, что не хочу подвергать их опасности, но...

— Именно.

— Ковбой и Оборотень были моими приятелями...

— ...А ты долгое время был с Сиреной, не правда ли?

— Да, но...

— Она переживала?

— Вряд ли. Мы расстались друзьями.

Он покачал головой и поднял чашку.

— Я исчерпал все свои мысли насчет этого дела.

Мы допили кофе. Затем я встал.

— Ну, спасибо. Я полагаю, мне пора. Я рад, что пришел к тебе первому.

Он поднял бутылку.

— Хочешь, возьми джинна?

— Я не знаю, как с ним обращаться.

— Команды очень простые. Вся работа уже сделана.

— Ну давай. Почему бы нет?

Он коротко проинструктировал меня, и я отбыл. Поднимаясь ввысь над громадным нефтяным полем, я оглянулся на крошечное разрушенное строение. Затем я расправил крылья и поднялся, чтобы проглотить порцию манны из облаков, прежде чем повернуть на запад.

Звездопад, думал я, пока земля и воды проносились подо мной. Звездопад — большое августовское выпадение метеоритов, сопровождаемое волной манны, называемой Звездным ветром, единственное время в году, когда мы собираемся вместе. Да, именно тогда сплетня была пущена. Прошла только неделя после Звездопада, когда меня атаковали в первый раз, почти убили. Произошло ли что-то в предыдущий Звездопад — что-нибудь сказанное или совершенное мною,— что сделало меня врагом, которого нужно уничтожить, и чем скорее, тем лучше?

Я упорно пытался вспомнить, что же такое произошло на последнем Звездопаде, который я посетил. Это был самый богатый Звездопад на моей памяти. Я вспомнил

это. «Манна небесная»,— пошутил Священник. Все были в прекрасном настроении. Мы говорили о служебных делах, обменивались заклинаниями, гадали, что предвещает мощный Звездопад, обсуждали политику — все обычные вещи. Всплыло то, о чем говорила Элайна...

Элайна... Жива ли она еще? Я не был уверен. Чья-нибудь пленница? Чья-нибудь заложница на случай, если я сделаю именно то, что я сделал? Или ее пепел давно уже распылен по всему земному шару?

Так или иначе, но за это кто-то должен заплатить.

Я издал пронзительный крик навстречу мчащемуся ветру. Крик моментально пропал, не вызвав эха. Я летел в ночи. Звезды снова появились и разгорелись еще ярче.

Детальные инструкции, которые мне дал Дервиш, доказали свою точность. Это была рудничная шахта в точке, которую он указал на карте, торопливо набросанной огненными линиями на полу. Способа войти туда в человеческом виде не было. В виде Феникса я, по крайней мере, буду защищен от клаустрофобии. Я не могу чувствовать себя полностью запертым, пока я не совсем материален.

Я спускался, уменьшаясь в размерах, втягивая свои призрачные крылья и хвост. При этом я становился все более плотным. После всего этого я истекал энергией, сохраняя свои новые размеры и вновь становясь все в большей степени эфирным.

Как призрачная птица, я проник в шахту и начал падать. Это было мертвое место. Нигде вокруг меня не было манны. Конечно, этого следовало ожидать. Верхние горизонты истощаются быстрее всего.

Я падал во влажную пустоту еще некоторое время, прежде чем почувствовал первые слабые признаки энергии. Она очень медленно увеличивалась, пока я двигался.

В конце концов она опять стала уменьшаться, и я изменил направление движения. Да, поворот в эту сторону... источник.

Я вошел и двинулся по следу.

По мере того как я шел все дальше и дальше, интенсивность постоянно увеличивалась. Я никак не мог решить, должен ли я искать более сильную или более слабую энергетическую область. Но здесь было не то положение, которое нравилось Дервишу. Источник его энергии был возобновимым, так что он мог оставаться на одном месте. Гном же должен был передвигаться по мере истощения запасов манны, имеющихся в его области.

Я свернул за угол в туннель и вынужден был остановиться. Черт побери.

Это была силовая сеть, держащая меня как бабочку. Я прекратил дергаться, заметив, что это только ухудшает мое положение.

Я вновь принял человеческий вид. Но чертова сеть только раздвинулась, чтобы соответствовать этим изменениям, и продолжала крепко меня держать.

Я применил огненное заклинание, но без всякого успеха. Я попробовал уменьшить количество манны в заклинании сети, но получил только головную боль. Это очень опасный способ, который можно применять лишь против небрежно сделанной работы,— и в результате вы получаете силовой удар, когда манна освобождается.

Я попробовал этот способ, поскольку был доведен до отчаяния и чувствовал приступ клаустрофобии. Послышался грохот камней дальше в туннеле.

Потом я услышал хохот и узнал голос Гнома.

В углу появился свет, за которым двигалась непонятная фигура.

Свет плыл прямо перед ним слегка слева — шар, отбрасывающий оранжевый свет на его горбатую изогнутую фигуру. Прихрамывая, он шел ко мне. Он снова захохотал.

— Неужели я поймал Феникса? — наконец сказал он.

— Очень смешно. Как насчет того, чтобы освободить меня? — спросил я.

— Конечно, конечно,— пробормотал он, уже готовый к необходимым жестам.

Сеть разрушилась. Я выступил вперед.

— Я повсюду спрашивал, что это за история между мной и Ламией?

Он продолжал свои пассы. Я уже был готов произнести нападающее или защищающее заклинание, когда он кончил. Я не почувствовал ничего плохого и решил, что это заключительные жесты для его сети.

— Ламия? Ты? О! Да. Я слышал, вы ушли вместе. Да. Так и было.

— Где ты слышал это?

Он уставился на меня своими большими блеклыми глазами.

— Где ты слышал это? — повторил я.

— Я не помню.

— Постарайся.

— Извини.

— К дьяволу извинения! — сказал я, делая шаг вперед.— Кто-то пытался убить меня и...

Он произнес слово, которое заставило меня замереть на полушаге.

Хорошая штучка.

— ...и он, к сожалению, был глуп,— закончил Гном.

— Отпусти меня, черт побери!

— Ты пришел в мой дом и напал на меня.

— Хорошо, я прошу прощения. Теперь...

— Пошли.

Он повернулся ко мне спиной и двинулся. Помимо воли мое тело делало необходимые движения. Я последовал за ним.

Я открыл рот, чтобы произнести заклинания. Я не смог сказать ни одного слова. Я попробовал сделать жест. Безуспешно.

— Куда ты меня ведешь? — попробовал я сказать.

Слова выговорились совершенно правильно. Но он некоторое время не утруждал себя ответом. Свет двигался по искрящимся пластам какого-то металлического материала на отсыревших стенах.

— К месту ожидания,— в конце концов сказал он, поворачивая в коридор направо, где мы некоторое время шлепали по грязи.

— Почему? — спросил я.— Чего мы будем ждать?

Он снова засмеялся. Свет прыгал. Он не ответил.

Мы шли несколько минут. Я начал думать, что все эти тонны земли и камня надо мной слишком тяжелы. Я почувствовал себя в ловушке. Но я даже не мог должным образом паниковать в рамках этого заклинания. Я начал обильно потеть, несмотря на то что тянуло холодом.

Гном внезапно повернулся и пошел, протискиваясь через такую узкую трещину, которую я бы и не заметил, если бы шел здесь один.

— Проходи,— услышал я его голос.

Мои ноги последовали за светом, который теперь был между нами. Я автоматически повернул весь корпус. Я протискивался за ним достаточно долго, пока путь не стал расширяться. Грунт под ногами стал грубым и каменистым, свет бил вверх.

Гном вытянул свою ручищу и остановил меня. Мы находились в маленькой, неправильной формы камере — естественной, я полагаю. Ее наполнял слабый свет. Я осмотрелся. Я понятия не имел, почему мы остановились именно здесь. Рука Гнома шевельнулась и указала куда-то.

Я проследил его движение, но все еще не мог сказать, на что он пытался указать. Свет продвинулся вперед и затем закачался возле ниши.

Углы изменились, тени сместились. Я увидел ее.

Это была статуя откинувшейся назад женщины, изваянная из каменного угля.

Я подошел ближе. Она была очень хорошо выполнена и очень знакома.

— Я и не знал, что ты художник...— Я начал говорить и внезапно все понял.

— Это «наше» искусство. Не разновидность всемирного.

Я потянулся, чтобы коснуться темной щеки. И опустил руку.

— Это Ламия, не так ли? Это действительно она...

— Конечно.

— Почему?

— Она должна быть где-то, не правда ли?

— Боюсь, что я не понимаю.

Он снова захохотал:

— Ты мертвец, Феникс, и она тому причина. Я никогда не думал, что у меня будет возможность провести тебя этим путем. Но сейчас, так как ты здесь, все мои проблемы решены. Ты будешь отдыхать несколькими коридорами дальше, в пещере, где совершенно нет манны. Ты будешь ждать, пока я не пошлю за Оборотнем, чтобы он пришел и убил тебя. Он был влюблен в Ламию, ты знаешь. Вы же были друзьями. Я ожидал, что он сделает это раньше, но либо он был слишком неуклюж, либо ты слишком удачлив. Скорее всего, и то и другое.

— Итак, за всем этим стоит Оборотень.

— Да.

— Почему? Почему ты хочешь, чтобы он убил меня?

— Если бы я сам это сделал, это бы плохо выглядело. Я хотел быть уверенным, что кто-нибудь другой будет здесь, когда это произойдет. Чтобы мое имя было незапятнанным. В действительности я покончу с самим Оборотнем, как только он покончит с тобой.

Последний мазок совершенного творения.

— Что бы я тебе ни сделал, я хотел бы примирения.

Гном отрицательно покачал головой:

— То, что ты сделал, исключает возможность примирения.

— Скажи, будь любезен, в чем же я все-таки виноват?

Он сделал жест, и я почувствовал толчок, повернувший меня и заставивший меня двигаться обратно по направлению к коридору. Он следовал за мной.

Пока мы двигались, он спросил меня:

— Знаешь ли ты о том, что с каждым Звездопадом за последние десять или двенадцать лет содержание манны в Звездном Ветре становится чуть выше?

— Я уже десять или двенадцать лет не посещаю Звездопадов,— сказал я.— Припоминаю, содержание манны в тот последний год было очень высоким. С тех пор, когда мне приходила в голову мысль измерить содержание манны в определенное время, уровень оказывался неизменно высоким.

— Общее ощущение таково, что это увеличение будет продолжаться. Похоже, мы входим в область, более богатую манной.

— Это великолепно,— сказал я, снова выходя в коридор.— Но как это связано с твоим желанием устранить меня, с твоим похищением Ламии и превращением ее в уголь, твоим натравливанием Оборотня на меня?

— Очень просто,— сказал он, ведя меня вниз по шахте, где уровень манны уменьшался с каждым шагом.— Даже раньше те из нас, кто внимательно за этим следил, заметили, что уровень манны поднимается.

— Поэтому ты решил убить меня?

Он подвел меня к зубчатой дыре и показал, что я должен войти туда. У меня не было выбора. Мое тело подчинялось ему. Свет остался снаружи вместе с ним.

— Да,— сказал он, указывая мне в глубь пещеры.— Годы назад это было неважно — каждый имел право на свое мнение. Сейчас другое дело. Магия начинает возвращаться, глупец. Я собираюсь просуществовать достаточно долго, чтобы увидеть, как это случится, чтобы воспользоваться преимуществами. Я мог бы покончить с твоими демократическими сантиментами, когда это казалось лишь мечтами.

И тут я вспомнил наш разговор с Элайной по пути к берегу.

— Но, зная то, что я знаю, и видя, как ты относишься к этому, я понял, что ты тот, кто будет против нашего неизбежного лидерства в этом новом мире. Оборотень такой же. Именно поэтому я устроил все так, чтобы он уничтожил тебя, после чего я уничтожил бы его.

— Другие с тобой согласны?

— Только некоторые, их немного — так же как и твоих сторонников. Ковбой и Волк. Остальные пойдут за тем, кто победит, как всегда поступают люди.

— А кто другие?

Он хмыкнул:

— Теперь это не твое дело.

Он сделал знакомый жест и что-то пробормотал. Я почувствовал себя свободным от связывавшего меня закли-

нания и ринулся вперед. Вход не изменился на вид, но я обо что-то ударился — как будто путь был прегражден невидимой дверью.

— Я увижу тебя на встрече,— сказал он, медленно удаляясь прочь.— Отдохни пока.

Я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание. Я успел прислониться к стене и закрыть лицо ладонями.

Больше я ничего не помню.

Сколько я лежал без сознания, не знаю. Видимо, достаточно долго для того, чтобы остальные ответили на приглашение. Какую бы причину для встречи он ни предложил, она оказалась достаточно весомой, чтобы привести Рыцаря, Друида, Амазонку, Священника, Сирену и Снеговика в большой зал где-то под корнуоллскими холмами. Я получил представление об этом, когда окончательно пришел в себя в конце длинного черного коридора. Я сел, протер глаза и прищурился, пытаясь проникнуть через мрак моей клетки. Через некоторое время мне это удалось. Так я узнал, что мое пробуждение было связано с происходящим.

Проблема освещения была решена тем, что одна стена начала мерцать, стала прозрачной, а затем превратилась в цветной объемный экран.

Именно там я увидел Рыцаря, Друида, Амазонку и прочих. Именно так я узнал, что это была вечеринка: там была пища, раздавался шум, кто-то приходил и уходил. Гном вел себя как радушный хозяин, похлопывал по плечам гостей своими клешнеобразными руками и кривил лицо в улыбке.

Манна, манна, манна. Оружие, оружие, оружие. Дерьмо.

Я наблюдал долгое время, ожидая. Должна же быть причина, чтобы притащить меня сюда и показать, что происходит. Я видел все знакомые лица, ловил обрывки разговоров, наблюдал за их перемещениями. Ничего особенного. Почему же меня разбудили и заставили смотреть на это? Должно быть, Гном сделал это...

Когда я заметил, что Гном уже в третий раз смотрит в направлении главного входа, я понял, что он тоже кого-то ждет.

Я осмотрел свою клетку. Естественно, ничего такого, что можно было бы использовать. В это время я услышал, что шум усилился, и повернулся к изображению на стене.

Магия нарастала. По всей видимости, в зале было очень много манны. Мои коллеги давали себе волю в прекрасных заклинаниях: цветы, лица, необыкновенные переливы красок, экзотические виды заполняли экран — ни дать ни взять пир античных времен. Одна капля! Одна лишь капля манны — и я смог бы выбраться отсюда! Бежать или вернуться? Или искать немедленной мести? Не знаю. Даже если здесь есть только один путь, я должен найти его...

Но Гном не ошибался. Я не смог найти слабого места в том, что он сделал. Я перестал искать и по другой причине. Гном возвестил прибытие еще одного гостя.

Звук и изображение в этот момент пропали. Коридор позади меня начал светиться ярче. Я повернулся в ту сторону. На этот раз мой путь был свободен, и я продолжал двигаться к освещенному месту. Что произошло? Какая неизвестная сила разрушила заклинание Гнома?

С одной стороны, я себя нормально чувствовал, и было бы полной глупостью оставаться на том месте, куда он меня поместил. Мне показалось, что это может быть частью более изощренной ловушки или пытки, но пока у меня появился некоторый выбор, что само по себе благо.

Я решил, что лучше двигаться назад в том направлении, откуда мы пришли, чем рисковать натолкнуться на это сборище. Даже если там полным-полно манны. Лучше вернуться и собрать манну, на которую я могу натолкнуться в форме защитных заклинаний, и послать их всех к чертям.

Я прошел, вероятно, шагов двадцать, прежде чем принял такое решение. Дальше стены туннеля как-то странно покосились, чего я ранее не замечал. Я был абсолют-

но уверен, что мы пришли этим путем, поэтому я двинулся по нему. Становилось светлее. Это позволило мне ускорить шаг.

Внезапно возник резкий поворот, которого я вообще не помнил. Я выбежал в область пульсирующего белого света. Меня несло вперед, как будто что-то толкало меня. Я не мог остановиться. Я временно ослеп от яркого света. Затем в моих ушах раздался рев.

Потом все стихло, и я стоял в том большом зале, где происходила встреча. Голос Гнома говорил:

— ...И сюрприз — наш давно потерянный брат Феникс!

Я повернулся назад, пытаясь войти в тот туннель, откуда я появился, но наткнулся на что-то твердое. Свернуть мне не давали гладкие каменные стены.

— Не смущайся, Феникс. Входи и поздоровайся со своими друзьями,— сказал Гном.

Это была любопытная шутка, но ее заглушил звериный рев, и я увидел своего старого приятеля Оборотня, стройного и смуглого, глаза блестят,— возможно, именно того гостя, который прибыл, когда картина погасла.

Я почувствовал панику. И еще я почувствовал манну. Но что я мог бы сделать за несколько секунд?

Мой взгляд привлекло странное движение в птичьей клетке на столе, рядом с которым стоял Оборотень. Позы других показывали, что многие из них также повернулись в эту сторону.

В клетке танцевала обнаженная женская фигура размером не более ладони. Я узнал одно из пыточных заклинаний — танцовщица не может остановиться. Танец будет продолжаться до смерти, после которой тело может еще какое-то время подергиваться.

Даже на расстоянии я мог узнать в маленьком создании Элайну.

Танцевальная часть заклинания была простой. Столь же легко это заклинание снималось. Три слова и жест. Я сделал это. А после этого Оборотень начал двигаться в мою сторону. Он не позаботился принять более устрашающий вид. Я отступил по возможности быстрее. Он всегда был сильнее меня.

Он нанес мне удар кулаком, однако я смог нырнуть и ответить контрударом в корпус. Он хрюкнул и ударил меня в челюсть левой. Я попятился. Затем остановился и попытался снова атаковать, но он отбил удар, послав меня на пол. Я мог чувствовать манну вокруг себя, но у меня не было времени, чтобы использовать ее.

— Я только что узнал эту историю,— сказал я,— и я не имею отношения к Ламии...

Он бросился ко мне. Я умудрился попасть ему в живот коленом.

— Она у Гнома...— сказал я, делая два удара по почкам, в то время как он дотянулся до моего горла и начал душить меня.— Она превратилась в уголь...

Я попал ему в скулу, прежде чем он опустил голову.

— Гном, черт побери! — прохрипел я.

— Это ложь! — услышал я голос Гнома откуда-то поблизости.

Комната поплыла перед моими глазами. Голоса стали реветь, как океан. Странная вещь произошла с моим зрением — мне показалось, что голова Оборотня окружена сиянием. Затем оно пропало, и я понял, что его хватка ослабела.

Я сбросил его руки с моего горла и ударил в челюсть. Он откатился. Я тоже, но в другом направлении, и попытался приготовиться к продолжению боя, умудрившись сначала сесть, затем встать на колени, а затем, скрючившись, подняться на ноги.

Я видел Гнома, протянувшего руки в моем направлении, начинающего всем известное смертельное заклинание. Я увидел Оборотня, медленно вытаскивающего из своей головы обломки клетки и пытающегося подняться. Я видел обнаженную, нормальных размеров фигуру Элайны, которая спешила ко мне с исказившимся лицом...

Проблема, что делать дальше, была решена ударом Оборотня.

Это был молниеносный удар в корпус. Темный предмет выскользнул из-под моей рубашки и упал на пол: это была бутылка с джинном, которую мне дал Дервиш.

За мгновение до того, как кулак Оборотня обрушился на мое лицо, я увидел что-то тонкое и белое, плывущее по направлению к его шее.

Я забыл, что Элайна прекрасно владела приемами кикокушинкай...

Оборотень и я грохнулись на пол одновременно.

...От черного к серому и цветному; от невнятного шума к пронзительному крику. Вряд ли я долго пробыл без сознания.

Однако за это время произошли значительные изменения.

Во-первых, Элайна похлопывала меня по лицу:

— Дэйв! Очнись! Ты должен остановить его!

— Кого?

— Этого типа из бутылки!

Я приподнялся на одном локте — челюсть болела, голова кружилась — и посмотрел. На ближайшей стене и на столе были пятна крови. Общество разбилось на группы, все в разной степени испытывали страх. Кто-то творил заклинания, кто-то просто спасался бегством. Амазонка вытащила клинок и держала его перед собой, покусывая нижнюю губу. Священник стоял рядом с ней, бормоча заклинание смерти, которое, как я знаю, было неэффективным. Голова Гнома лежала на полу рядом с главным входом, глаза были открыты и не мигали. Раскаты громоподобного хохота сотрясали зал.

Перед Амазонкой и Священником стояла обнаженная мужская фигура почти десяти футов ростом, клубы дыма поднимались от ее кожи, правый кулак был в крови.

— Сделай что-нибудь! — сказала Элайна.

Я приподнялся повыше и произнес слова, которым научил меня Дервиш, для того чтобы подчинить джинна моему контролю. Кулак остановился, медленно разжался.

Большая лысая голова повернулась ко мне, темные глаза встретились с моими.

— Господин...— мягко сказал он.

Я произнес следующие слова, чтобы представиться. Затем я с трудом поднялся на ноги и встал, качаясь.

— Приказываю — назад в бутылку.

Он отвел глаза в сторону, его взгляд упал на пол.

— Бутылка разбилась, господин,— сказал он.

— Ах так. Ну ничего...

Я прошел к бару и отыскал бутылку, в которой на донышке плескалось немного виски. Я допил его.

— Можешь воспользоваться этой,— сказал я и добавил формулу принуждения.

— Как прикажешь,— ответил он и начал растворяться.

Я проследил просачивание джинна в бутылку и затем закрыл ее пробкой.

Потом повернулся к коллегам и сказал:

— Извините за то, что прервал вас. Можете продолжать.

Затем я снова повернулся:

— Элайна! С тобой все в порядке?

Она улыбнулась.

— Называй меня Танцовщица,— сказала она.— Я твоя новая ученица.

— Волшебнику нужно чувство манны и природная восприимчивость к действию заклинаний,— сказал я.

— Как, черт побери, я вернула себе свой нормальный рост? — спросила она.— Я почувствовала энергию, и, как только ты разрушил заклинание танца, я смогла вернуться в прежний вид.

— Будь я проклят! Я должен был бы угадать твою способность еще в коттедже, когда ты схватила эту костяную флейту.

— Послушай, тебе нужен ученик, чтобы ты оставался в хорошей форме.

Оборотень застонал и начал поворачиваться. Священник, Амазонка и Друид приблизились к нам. Похоже, вечеринка не окончилась. Я повернулся к Элайне и приложил палец к губам.

— Помоги мне с Оборотнем,— сказал я Амазонке.— Его нужно немного подержать, пока я расскажу ему кое-что.

Потом мы любовались Персеидами. Мы сидели на вершине холма к северу от Нью-Мексико, моя ученица и я, смотрели на чистое послеполуночное небо и на случайные всполохи на нем.

Большинство из наших находились ниже нас на расчищенной площадке, церемония уже завершалась. Оборотень все еще был под корнуоллскими холмами, работая вместе с Друидом, который вспоминал кое-что из древних заклинаний превращения плоти в уголь. Им понадобится еще месяц или около того, как было сказано в его письме.

— Молния сомнения в небе точности,— сказала она.

— Что?

— Я сочиняю стихи.

— О!

Через некоторое время я добавил:

— О чем?

— По случаю моего первого Звездопада,— ответила она.— С очевидным увеличением манны от строки к строке.

— В этом есть и хорошее и плохое.

— ...И магия возвращается, и я обучаюсь Мастерству.

— Учись быстрее.

— ...И вы с Оборотнем снова друзья.

— Это так.

— И все остальные тоже.

— Нет.

— Что это значит?

— Ну подумай. Есть и другие. Мы не знаем точно, кто еще был на стороне Гнома. Они захотят опередить нас, когда магия вернется. Новые, безобразные заклинания, которые даже трудно представить, могут стать выполнимыми, когда энергия увеличится. Мы должны быть готовы. Этот дар — очень сложная штука. Посмотри на них там, внизу — тех, с кем мы сегодня пели,— и подумай, сможешь ли ты угадать, кто из них попытается убить тебя однажды. Предстоит борьба, и последствия ее будут ощущаться долго.

Она немного помолчала.

Затем она подняла руку и указала туда, где огненная линия пересекала небосклон.

— Одна! — сказала она.— Еще одна! И еще!

После паузы она добавила:

— Мы можем считать Оборотня и, может быть, Ламию, если они смогут вернуть ее обратно. Друид тоже, я думаю, будет с нами.

— И Ковбой.

— А Дервиш?

— Да, пожалуй, Дервиш.

— ...и я буду готова.

— Хорошо. Мы сможем написать счастливый конец для этой истории.

Мы взялись за руки и смотрели, как огонь падает с неба.

24 вида горы Фудзи кисти Хокусая

1

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ОВАРИ

Кит жив, хотя он похоронен неподалеку отсюда, а я мертва, хотя вижу розовый вечерний отблеск на облаках над горой вдалеке и дерево на переднем плане для подходящего контраста. Старый бондарь превратился в пыль; его гроб тоже. Кит говорил, что любит меня, и я говорила, что люблю его. Мы оба говорили правду. Но любовь может означать многое. Она может быть орудием нападения или проявлением болезни.

Меня зовут Мари. Я не знаю, будет ли моя жизнь соответствовать тем формам, в которые я переселюсь в этом паломничестве. Итак, начинаю. Любой отрезок круга, как этот исчезающий обруч бочонка, мог бы привести в то же самое место. Я пришла, чтобы убить. Я несу скрытую смерть, дабы бросить ее против тайной жизни. Обе они невыносимы. Я взвешивала и то и другое. Будь я посторонней, я не знала бы, что выберу. Но я здесь, я, Мари, следующая магическим путем. Каждый момент целостен, хотя у каждого есть прошлое. Я не понимаю причин, только следствия. И я устала от игр с изменением реальности. Все будет становиться яснее с каждым успешным шагом моего путешествия, и, как тонкая игра света на моей магической горе, все должно измениться. В каждый момент во мне должно быть немного жизни и немного смерти.

Я начинаю здесь, так как мы жили недалеко отсюда. Я была здесь раньше. Я вспоминаю его руку на моем плече, его иногда улыбающееся лицо, груды книг, холодный, плоский глаз дисплея его компьютера, снова его руки, сложенные в позе медитации, его улыбку — уже другую. Далеко и рядом. Его руки — на мне. Сила его программ, раскалывающих коды, создающих коды. Его руки.

Неумолимые руки. Кто бы мог подумать, что он откажется от этого стремительно разящего оружия, этих тончайших приборов, властвующих над моим телом? От меня? Руки...

Я вернулась. Вот и все. Я не знаю, достаточно ли этого.

Старый бондарь в обруче своей работы... Наполовину полный, наполовину пустой, наполовину деятельный, наполовину пассивный... Могу ли я вести себя как «инь» и «ян» этой известной картины? Могу ли считать, что она символизирует Кита и меня? Могу ли я рассматривать ее как великий Ноль? Или как бесконечность? Или все это слишком очевидно? Да, пусть Фудзи станет этим символом. Разве не на Фудзи нужно подняться, чтобы дать отчет о своей жизни перед богом или богами?

У меня нет намерения подниматься на Фудзи, чтобы давать отчет богу или кому-нибудь еще. Только неуверенность и неопределенность нуждаются в оправдании. Я делаю то, что должна. Если у богов есть вопросы, они могут спуститься вниз с Фудзи и спросить меня. С другой стороны, между нами тесное согласие. Такое, преодоление пределов которого может быть одобрено только издалека.

Действительно. Я единственная из людей знаю это. Я, которая попробовала запредельность. Я знаю также, что смерть — это единственный бог, который приходит, когда его зовут.

По традиции хенро — пилигрим — должен быть одет во все белое. Я не следую традиции. Белое не идет мне, и мое паломничество — частное дело, тайна до тех пор, пока

я смогу ее сохранить. Сегодня я надеваю красную блузу, жакет и слаксы цвета хаки, кожаные туристские ботинки; я подвязала волосы, в рюкзаке за спиной все необходимое. Я все-таки беру посох, отчасти для того, чтобы опираться, что иногда бывает нужно, отчасти как оружие, которое может понадобиться. Я сторонник его применения в обоих случаях. Посох, как сказано, символизирует веру в паломничество. Вера — это вне меня. Я останавливаюсь на надежде.

В кармане моего жакета лежит маленькая книжка, содержащая репродукции двадцати четырех из тридцати шести картин Хокусая с видами горы Фудзи. Это подарок, очень давний. Традиция выступает против паломничества в одиночку, в целях безопасности и товарищеского общения. Итак, дух Хокусая — мой спутник, так как он присутствует в тех местах, которые я хотела бы посетить. Мне не нужны другие спутники, и что за японская драма без духов и привидений?

Охватывая взглядом эту сцену, думая свои думы и чувствуя то, что я чувствую, я начинаю. Я немного жива, немного мертва. Мой путь не будет полностью пешим. Но большая часть пути — да. Есть определенные вещи, которых я должна избегать в этом путешествии приветствий и прощаний. Простодушие — мой темный плащ, и, вероятно, пешая прогулка будет для меня полезной.

Я должна следить за своим здоровьем.

2

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ИЗ ЧАЙНОГО ДОМИКА В ИОСИДЕ

Я изучаю репродукцию: мягкая голубизна рассветного неба, слева Фудзи, на которую через окно чайного домика смотрят две женщины; другие изогнутые, сонные фигуры, как куклы на полке...

Здесь все иначе. Они ушли, как бондарь,— люди, чайный домик, рассвет. Только гора и картина остались. Но этого достаточно.

Я сижу в столовой гостиницы, где провела ночь, завтрак съеден, чашка чая передо мной. В комнате есть еще обедающие, но поодаль.

Я выбрала этот стол из-за вида, открывающегося из окна и напоминающего вид на репродукции. Хокусай, мой молчаливый спутник, мог бы улыбнуться. Погода была достаточно благосклонна, чтобы я могла заночевать под открытым небом, но я очень серьезно отношусь к своему паломничеству к исчезнувшим видам Фудзи. Оно может прерваться в любой момент. Я надеюсь, этого не произойдет, но жизнь редко соответствует моим надеждам.

Это, однако, неподходящее настроение для ясного дня. Я выпью чай и посмотрю на гору. Небо меняется на глазах...

Изменения... Я должна соблюдать осторожность, когда буду покидать это место. Я продумала все свои движения — от того, как поставлю чашку на стол, поднимусь, повернусь, возьму свои вещи, пойду к выходу, до того, как снова буду на природе.

Я не так сильно устала после вчерашнего перехода, как думала, и принимаю это за хороший знак. Я старалась поддержать приличный вид, несмотря ни на что. Картина на стене справа от меня изображает тигра, и мне хочется, чтобы это тоже был хороший знак. Я родилась в год тигра, и сильное и бесшумное движение большой полосатой кошки — это то, что мне больше всего нужно. Я пью за тебя, Шерхан, кот, который гуляет сам по себе. Мы должны быть твердыми в нужное время, нежными в подходящий момент.

Во-первых, мы были связаны почти телепатически, Кит и я. Нас тянуло друг к другу, и даже сильнее в те годы, когда мы были вместе. Близость, медитация... Любовь? Любовь может быть оружием. Поверни ее, как монету, и выйдет «ян».

Гори ярче, Шерхан, в джунглях сердца. Сейчас мы охотники.

Я наблюдала изменения на небе до тех пор, пока все небо не стало одинаково светлым. Я допила чай. Поднялась, надела рюкзак, взяла посох. Я направилась через короткий коридор к задней двери.

— Мадам! Мадам!

Это один из местных служащих, маленький человечек с испуганным выражением лица.

— Да?

Он кивает в сторону моего рюкзака.

— Вы покидаете нас?

— Да.

— Вы не отметились у портье.

— Я оставила плату за комнату в конверте на туалетном столике. На нем написано «плата за проживание». Я подсчитала необходимую сумму.

— Вы должны зарегистрировать отъезд.

— Я не отмечала свой приезд. Я не буду отмечать отъезд. Если вы хотите, я могу проводить вас до комнаты, чтобы показать, где я оставила плату.

— Извините, но деньги принимает кассир.

— Извините меня тоже, но я оставила плату и не буду отмечаться.

— Это нарушение. Я должен буду позвонить управляющему.

Я вздыхаю:

— Нет. Я не хочу этого. Я отмечу выезд, так же как и въезд.

Я замедляю шаги и поворачиваю в сторону вестибюля.

— Ваши деньги,— говорит он.— Если вы оставили их в комнате, вы должны пойти и принести их.

Я отрицательно качаю головой:

— Я оставила и ключ.

Я вхожу в вестибюль. Подхожу к креслу в углу, самому дальнему от конторки. Сажусь.

Маленький человечек следует за мной.

— Будьте добры, скажите им, что я хочу зарегистрировать отъезд,— прошу я.

— Ваша комната номер...

— Семнадцать.

Он слегка кланяется и направляется к стойке. Он говорит с женщиной, которая бросает на меня взгляды. Я не могу слышать их слов. В конце концов он берет ключ и уходит. Женщина улыбается мне.

— Он принесет ключ и деньги из вашей комнаты,— говорит она.— Вам понравилось у нас?

— Да,— отвечаю я.— Если он позаботится об этом, я, пожалуй, пойду.

Я начинаю подниматься.

— Пожалуйста, подождите,— говорит она,— сейчас я все сделаю и дам вам квитанцию.

— Мне не нужна квитанция.

— Мне необходимо отдать ее вам.

Я снова усаживаюсь. Я держу посох между коленями, вцепившись в него обеими руками. Если я попытаюсь уйти сейчас, она, вероятно, позовет управляющего. Я не желаю привлекать к своей особе еще больше внимания.

Я жду. Я контролирую дыхание. Я освободила сознание.

Через некоторое время человечек возвращается. Он передает ей ключ и конверт. Она шуршит бумагой. Она вставляет бланк в машину. Нажимает кнопки. Вытаскивает бумагу из машины и осматривает ее. Считает монеты в моем конверте.

— Вы оставили правильную сумму, миссис Смит. Вот ваша квитанция.

Она отрывает верхнюю часть листа.

Что-то происходит в воздухе, будто луч света упал сюда секундой ранее. Я быстро вскакиваю на ноги.

— Скажите, пожалуйста, это частная гостиница или она входит в гостиничную сеть?

При этом я двигаюсь вперед, так как знаю ответ наперед.

Ощущение усиливается, локализуется.

— Мы входим в сеть,— отвечает она, оглядываясь в затруднении.

— С центральной конторой?

— Да.

Особым способом, когда ощущения объединяются с действительностью, я вижу, что эпигон, похожий на летучую мышь, устраивается рядом с ней. Она уже чувствует его присутствие, но не понимает. Мой путь — немедленное действие, без раздумий и колебаний, поэтому я подхожу к конторке, кладу посох под подходящим углом, наклоняюсь вперед, как будто собираюсь взять квитанцию, и слегка подталкиваю посох так, что он скользит и падает, перелетая через конторку, причем его металлический наконечник попадает в кожух терминала компьютера. Верхний свет гаснет немедленно. Эпигон съеживается и рассеивается.

— Перебой с электричеством,— замечаю я, поднимая посох и поворачиваясь.— До свидания.

Я слышу, как она приказывает служащему проверить щиток.

Я выхожу из вестибюля и захожу в комнату отдыха, где принимаю таблетку, так, на всякий случай. Затем я возвращаюсь в коридор, пересекаю его и покидаю здание. Я знала, что рано или поздно это произойдет, поэтому приготовилась. Миниатюрной схемы внутри посоха было достаточно для этого случая. Хотя я надеялась, что меня обнаружат позже, вероятно, даже лучше, что это произошло сейчас. Я чувствую себя более живой, более настороженной после этой демонстрации опасности. Это ощущение, это знание полезно мне.

И он не достиг меня. Все закончилось ничем. В основном ситуация не изменилась. Я рада, что победила столь малой ценой.

Я хочу выйти и оказаться на природе, где я сильнее, а он слабее.

Я вхожу в свежий день, новую частицу своей жизни после утреннего созерцания горы.

3

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ХОДОГАЙИ

Я нахожу место изогнутых сосен на Токайдо и останавливаюсь, чтобы посмотреть на Фудзи из-за них. Путешественники, которые проходят во время первого часа моего бодрствования, не похожи на путешественников Хокусая, но это неважно. Лошадь, носилки, голубые одеяния, большие шляпы — все в прошлом, теперь они находятся в вечном путешествии на картине. Купец или дворянин, вор или слуга — я смотрю на них как на пилигримов. Я хорошо себя чувствую и не знаю, медикаменты или медитация обусловили мою повышенную чувствительность к тонкостям света. Кажется, Фудзи почти движется под моим пристальным взглядом.

Паломники... Я была бы не против путешествовать с Мацуо Басе, который сказал, что все мы в каждую минуту своей жизни — путешественники. Я вспоминаю также его впечатления от заливов Мацусима и Кисагата: первый обладает искрящейся прелестью, а второй — прелестью плачущего лица. Я думаю о цвете Фудзи, о том, что выражает ее вид, и захожу в тупик. Печаль? Покаяние? Радость? Воодушевление? Они соединяются вместе и смещаются. У меня нет гения Басе, чтобы выразить это в простой характеристике. И даже он... Я не знаю. Подобное говорит с подобным, но описание должно преодолеть бездну. Восхищение всегда содержит в себе недостаток понимания.

Пока остановимся на этом.

Паломники... Я думаю также о Чосере, когда смотрю на картину. Его путешественники хорошо проводили время. Они рассказывали друг другу грязные истории и стихи, присоединяя в конце мораль. Они ели и пили и обманывали друг друга. Кентербери был их Фудзи. Всю дорогу они веселились. Книга кончается перед тем, как они прибывают на место. Подходяще.

Я не лишена чувства юмора. Может быть, Фудзи действительно смеется надо мной. Если так, я очень бы хотела присоединиться к ней. Мне действительно не нравится мое теперешнее настроение, и короткий перерыв на медитацию не помешал бы, если бы был подходящий объект. Жизнь не может все время нестись на предельной скорости. Я бы приветствовала перерыв в гонке. Завтра, быть может...

Черт побери! О моем присутствии подозревали, в противном случае эпигон не появился бы. Я была очень осторожна. Подозрение — это еще не уверенность, и я надеюсь, что мои действия были достаточно решительными. Мое теперешнее местонахождение вне досягаемости, о нем не знает никто. Я снова возвращаюсь к Хокусаю.

Я хотела бы провести остаток моих дней на тихом берегу в Орегоне. Место не без своих особенностей. Но, кажется, Рильке сказал, что жизнь — это игра, которую мы должны начинать, не узнав хорошенько ее правил. Узнаем ли мы их когда-нибудь? И действительно ли это правила?

Вероятно, я читаю слишком много стихов.

Но что-то, что кажется мне правилом, требует, чтобы я сделала это усилие. Справедливость, долг, месть, защита — должна ли я взвесить их по отдельности и определить процент их участия в том, что движет мною? Я здесь, потому что я здесь, потому что я следую правилам — какими бы они ни были. Мое понимание ограничено результатами. Его — нет. Он всегда мог делать интуитивные скачки. Кит был мудрец, ученый, поэт. Такое богатство. Я беднее во всех отношениях.

Кокусо, хранитель всех, кто родился в год тигра, разрушь это настроение. Я не хочу его. Оно не мое. Пусть это будет болью старой раны, даже обновленной воспалением. Но я не могу позволить ей овладеть мною. Покончи с ней поскорее. Моя боль в сердце, и мои причины благородны. Дай мне силы отделить себя от этого.

Ловец в Бамбуке, господин того, кто одет в полоски. Отбрось унылость, собери меня, дай мне силы. Дай мне покой.

Я наблюдаю игру света. Откуда-то доносится детское пение. Через некоторое время начинается тихий дождик. Я надеваю пончо и смотрю. Я очень слаба, но я хочу увидеть Фудзи, возникающую из тумана, который начал подниматься. Я отпиваю немного воды и капельку бренди. Остались только очертания. Фудзи превратилась в привидение горы на таоистских картинах. Я жду до тех пор, пока небо не начинает темнеть. Я знаю, что гора больше не придет ко мне сегодня и я должна позаботиться о сухом месте для ночлега. Вот мои уроки из Ходогайи: «Стремись к настоящему. Не старайся приукрашивать идеалы. Имей достаточно разума, чтобы укрыться от дождя».

Я иду через небольшую рощу. Сарай, сеновал, гараж... Подойдет что-нибудь, что стояло бы между мной и небом.

Через некоторое время я нахожу такое место. Ни одно божество не является мне во сне.

4

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ТАМАГАВЫ

Я сравниваю картину с реальностью. На этот раз не так плохо. Лошади и мужчины на берегу нет, зато на воде есть маленькая лодка. Не совсем такая лодка, если уж говорить по правде, и я не могу сказать, что она сделана из дерева, но и этого достаточно.

Я была бы удивлена, если бы нашла полное совпадение. Лодка плывет прочь от меня. Розовый свет восхода отражается на воде и на тонком слое снега на темных плечах Фудзи. Лодочник на картине отталкивается шестом. Харон? Нет, я сегодня более бодра, чем в Ходогайе. «La navicella». Да. «La navicella del mio ingegno» — «маленькая лодка моего разума», на которой Данте поднял парус, чтобы плыть в Чистилище. Теперь Фудзи... Вероятно, так. Ад внизу, небеса наверху, Фудзи посередине — конечная остановка. Утонченная метафора для паломника, который хотел бы очиститься. Подходяще.

Для этого есть и огонь, и земля, и воздух.

Спокойствие нарушается, и моя мечтательность проходит, когда маленький самолет желтого цвета спускается к воде откуда-то слева от меня. Мгновением позже его комариное жужжание достигает моего слуха. Он быстро теряет высоту, скользит низко над водой, разворачивается и устремляется назад, на этот раз двигаясь вдоль береговой линии. Когда он приближается к точке, наиболее близкой ко мне, я замечаю вспышку отраженного света в его кабине. Бинокль? Если так, слишком поздно прятаться от его любопытных глаз. Моя рука проникает в нагрудный карман и вытаскивает оттуда маленький серый цилиндр. Я сбиваю легким ударом колпачки, подношу его к глазам. Секунда на поиск цели, другая на фокусировку...

Пилот мужчина, и, так как самолет улетает прочь, я схватываю только его незнакомый профиль. Что это за золотая серьга в его левом ухе?

Самолет улетел в том направлении, откуда появился. Он не вернется.

Я дрожу. Кто-то прилетел с единственной целью бросить на меня взгляд. Как он нашел меня? И что он хочет? Если он решит, что я очень испугана, то атака последует в совсем другом направлении, чем то, к которому я приготовилась.

Я сжимаю руку в кулак и тихо ругаюсь. Не готова. Это история всей моей жизни. Всегда быть готовой не к тому. Всегда пренебрегать тем, что имеет наибольшее значение.

Как Кендра? Я отвечаю за нее, она одна из причин моего присутствия здесь. Если я преуспею в этом, я, по крайней мере, выполню часть моего долга перед ней. Даже если она никогда не узнает, даже если она никогда не поймет...

Я выталкиваю все мысли о дочери из своего сознания. Если он только подозревает...

Настоящее. Вернуться в настоящее. Не расплескивать энергию в прошлое. Я стою на четвертой стоянке моего паломничества, и кто-то проверил меня. На третьей станции эпигон попробовал обрести форму. Я приняла исключительные меры предосторожности при возвращении в

Японию. Я здесь по фальшивым документам, путешествую под чужим именем. Годы изменили мою внешность, и я помогла им в том, чтобы усилить темноту моих волос и лица, изменить манеру одеваться, манеру речи, походку, привычки в еде — что было для меня легче, чем многим другим: у меня уже была практика в прошлом. Прошлое... Снова, черт побери! Может быть, оно работает против меня даже таким образом? К черту прошлое! Эпигон и, возможно, человек-наблюдатель объединяются вместе. Да, я нормальная сумасшедшая и была ею много лет, если хорошенько поразмыслить.

Однако я не могу позволить моему знанию действительности повлиять на мои нынешние суждения.

Я вижу три возможности. Первая в том, что самолет ничего не значит, что он мог появиться, если бы кто-нибудь другой стоял там или никого бы не было. Просто прогулка или поиски чего-нибудь еще.

Это может быть и так, но мой инстинкт выживания не может позволить мне принять это. Таким образом, кто-то разыскивает меня. Это либо связано с появлением эпигона, либо нет. Если нет, то большое искушение жизни появляется передо мной, и у меня нет идеи, как начать расплетать переплетенное.

Третья возможность наиболее страшная: существует связь между эпигоном и летчиком. Если дела дошли до того, что задействованы оба агента, тогда я обречена на неудачу. И даже более того, это будет означать, что игра приняла другой, устрашающий характер, который я не принимала во внимание. Это будет означать, что население Земли находится в большей опасности, чем я предполагала, что я единственная, кто знает о ней, и поэтому мой персональный поединок вырастает до глобальных масштабов. Я не могу рисковать, отнеся это сейчас к моей паранойе. Я должна предполагать худшее.

Мои глаза переполнились. Я знаю, каково умирать. Однажды я узнала, каково проигрывать с изяществом и отрешенностью. Я не могу больше позволить себе такое роскошество. Если у меня и были какие-то скрытые мыс-

ли, теперь я изгоняю их. Мое оружие хрупко, но я должна владеть им. Если боги спустятся с Фудзи и скажут мне: «Дочь, мы хотим, чтобы ты прекратила все это», я должна продолжить это до конца, хотя бы мне грозили вечные муки ада. Никогда прежде я не осознавала так силу судьбы.

Я медленно опускаюсь на колени. Ведь я должна победить бога.

Отныне я плачу не о себе.

5

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ФУКАГАВЫ В ЭДО

Токио. Гиндза и неразбериха. Движение и грязь. Шум, краски и лица, лица, лица. Когда-то я любила подобные сцены, но я не была в городе уже очень давно. И возвращение в город, такой, как этот, обессиливает, почти парализует.

Старый Эдо на картине совсем не тот, и я пользуюсь случаем прийти сюда, хотя осторожность угнетает каждое мое движение.

Трудно найти подходящий мост, чтобы увидеть Фудзи под тем углом, под которым она изображена на картине. Вода не того цвета, и я закрываю нос от запаха. Этот мост — не тот мост. Здесь нет мирного рыбака. И зеленщик ушел. Хокусай смотрит, как и я, на Фудзи под металлическим пролетом. Его мост был грациозной радугой из дерева, произведением ушедших дней.

Что-то останавливающее и мечтательное есть во всех мостах. Харт Крейн находил в них поэзию. «Арфа и алтарь, переплавленные в неистовстве...»

И мост Ницше — человечность, простирающаяся до идеи сверхчеловека...

Нет. Мне этот мост не нравится. Лучше было бы не смотреть на него. Пусть это будет мой pons asinorum.

Легким движением головы я уточняю перспективу. Теперь кажется, что Фудзи поддерживает мост и без ее

поддержки он может быть разрушен, как Бифрост, чтобы удержать демонов прошлого от нападения на наш теперешний Асгард — или, может быть, демонов будущего от штурма нашего древнего Асгарда.

Я снова двигаю головой. Фудзи опускается. Мост остается целым. Тень и материя.

Задние огни грузовика заставляют меня вздрогнуть. Я только что приехала и чувствую, что была здесь слишком долго. Фудзи кажется слишком далекой, а я слишком незащищенной. Я должна вернуться.

Что это, урок или только прощание?

Урок, ибо душа конфликта висит у меня перед глазами: я не хочу, чтобы меня тащили через мост Ницше.

Приди, Хокусай, покажи мне другой вид Фудзи.

6

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ КАЙИКАДЗАВЫ

Туманная, таинственная Фудзи над водой. Чистейший воздух входит в мои ноздри. Здесь есть даже рыбак почти на том месте, где он должен быть, хотя его поза менее драматична, чем на оригинале, а одежда более современна.

По пути сюда я посетила маленький храм, окруженный каменной стеной. Он посвящен Каннон, богине милосердия и прощения, утешительнице во времена страха и скорби. Я вошла. Я любила ее, когда была девочкой, пока не узнала, что на самом деле это мужчина. Тогда я почувствовала себя обманутой, почти преданной. В Китае ее звали Гуаньинь, и там она тоже была утешительницей, но пришла она из Индии, где была бодхисаттвой по имени Авалокитесвара, мужчиной — «Господином, Который Взирает с Состраданием». В Тибете он был Чен-ре-ци — «Он с Состредательными Глазами» — тот, кто регулярно перевоплощается как далай-лама. Я не верила во все эти чудеса с перевоплощением, и Каннон потеряла для меня часть своего очарования после того, как я получила эти поверхностные знания по истории и антропологии. Но я

вошла. Мы мысленно возвращаемся в обстановку детства во времена тревог. Я провела там некоторое время, и ребенок внутри меня танцевал, затем все прошло.

Я наблюдала за рыбаком на этих волнах, маленьких копиях большой волны Хокусая, которая для меня всегда символизировала смерть. Маленькие смерти сворачиваются вокруг него, мужчина тащит серебряную сеть. Я вспоминаю сказку из «Тысячи и одной ночи» и другую — американских индейцев. Я могла бы увидеть христианскую символику или архетип Юнга. Но я помню, как Эрнст Хемингуэй сказал Бернарду Беренсону, что секрет величайших произведений в том, что в них нет символизма. Море есть море, старик есть старик, мальчик — это мальчик, марлин — это марлин и акула такая же, как и остальные. Люди домысливают все сами, заглядывая за поверхность, всегда ищут большего. Для меня это, по крайней мере, непонятно. Я провела детство в Японии, отрочество в Соединенных Штатах. Во мне есть часть, которая любит видеть намеки и соприкасаться с тайной. Но американская часть никогда ничему не доверяет и всегда ищет материальный источник.

В целом я должна сказать, что лучше не доверять, хотя перед тем, как перестановка причин, которой я предаюсь, переполнит мой разум, следует наметить какие-то линии интерпретации. Я все та же, не отказываюсь от этого качества характера, которое хорошо служило мне в прошлом. Это не противоречит точке зрения Хемингуэя, так же как и моей, ибо ни одна не претендует на полную истину. Однако в моей теперешней ситуации, я уверена, моя дает больший потенциал для выживания, так как я имею дело не только с «вещами», но и с отмеченными временем Державами и Княжествами. Я хотела бы, чтобы это было не так и эпигон был бы простым артефактом, сродни шаровой молнии, которую изучал Тесла. Но за всем этим что-то стоит, вне всякого сомнения, так как у желтого самолета был пилот.

Рыбак видит меня и машет рукой. Я машу в ответ с удовольствием.

Меня удивляет готовность, с которой я воспринимаю это ощущение. Я чувствую, что это должно быть связано с общим состоянием моего здоровья. Свежий воздух и путешествие пешком, по-видимому, укрепили меня. Мои чувства стали острее, аппетит лучше. Я потеряла в весе, но приобрела мускулы. Я не пользовалась лекарствами несколько дней.

Отчего бы это... Действительно ли это хорошо? Правда, я должна поддерживать мои силы. Я должна быть готова ко многому. Но слишком много сил... Равновесие, вероятно, я должна искать равновесие...

Я смеюсь, я даже не могу вспомнить, когда я смеялась в последний раз. Смешно пребывать в жизни и смерти, болезненности и здоровье таким же способом, как герой Томаса Манна, когда я уже прошла четверть всего пути. Мне понадобится вся моя сила — и, возможно, еще больше — во время пути. Раньше или позже счет будет предъявлен. Между тем я решаю наслаждаться тем, что у меня есть.

Когда я нанесу удар, это будет моим последним вздохом. Я знаю это. Этот феномен известен мастерам военного дела разных вероисповеданий. Я вспоминаю историю, рассказанную Юджином Херригелем, об уроках, которые давал мастер кюдо: нужно было натянуть тетиву лука и ждать, ждать, ждать, пока не раздастся сигнал отпустить ее. Два года он делал это, пока его сенсей не дал ему стрелу. Я забыла, как долго после этого он повторял это действие со стрелой. Итак, все это начало соединяться воедино, и мог бы настать существующий вне времени момент истины, когда стрела полетела бы — полетела бы в цель. Прошло много времени, прежде чем он понял, что этот момент всегда приходит с последним вздохом.

Так в искусстве, так и в жизни. По-видимому, такие важные вещи, от смерти до оргазма, происходят в момент пустоты, в точке остановки дыхания. Вероятно, все они не более чем отражение смерти. Это глубокое осознание для таких, как я, ибо моя сила должна с необходимостью проистекать из моей слабости. Это управление, способ-

ность найти именно тот момент, который больше всего мне подходит. Но я верю тому, что нечто во мне знает, где ложь. Слишком поздно теперь пытаться построить мост к моему сознанию. Я составила свои скромные планы. И поместила их на заднюю полку своего сознания. Я могу оставить их там и вернуться к другим делам.

Тем временем я впитываю этот момент вместе с соленым воздухом, говоря себе, что океан есть океан, рыбак есть рыбак и Фудзи — всего лишь гора. Затем я медленно выдыхаю...

7

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ПОДНОЖИЯ

Огонь в ваших внутренностях, следы зимы, как пряди древних волос.

Картина более устрашающая, чем реальность этим вечером.

Жуткий красноватый оттенок не пылает на рое облаков. Я все еще двигаюсь. Перед лицом древних сил Огненного Кольца трудно не стоять с внутренней дрожью, скользя назад через геологические эпохи ко временам творения и разрушения, когда возникали новые земли.

Великое излияние, ослепительные вспышки, танец молний, как корона.

Я погружаюсь в огонь.

Прошлую ночь я спала в пристройке маленького сингонского храма, среди кустарников, подстриженных в виде драконов, пагод, кораблей и зонтиков. Там было много обычных пилигримов, и священнослужитель совершал огненный ритуал — гома. Огни Фудзи напомнили мне об этом, так же как тогда огонь напомнил мне Фудзи.

Священник, молодой человек, сидел перед алтарем, на котором стояло блюдо для огня. Он прочитал речитативом молитву и разжег огонь. Я наблюдала, полностью очарованная, как он начал кормить огонь ста восемью лучинками. Они, как мне сказали, представляют сто во-

семь иллюзий души. Так как я не знаю весь список, я чувствовала, что могла бы представить парочку новых.

Неважно. Он пел псалом, звонил в колокольчик, ударял в гонг и барабан. Я взглянула на других паломников. Я увидела, что они все полностью поглощены молебном. Все, кроме одного.

Он присоединился к нам, войдя в полном молчании, и остановился в тени справа от меня. Он был одет во все черное, и крылья широкого капюшона скрывали нижнюю часть его лица. Он смотрел на меня. Как только наши глаза встретились, он отвел свои в сторону, уставившись на огонь. Через несколько мгновений я сделала то же самое.

Священник добавил ладана, листьев, масла. Я начала дрожать. В мужчине было что-то знакомое. Я хотела подробнее рассмотреть его.

Я медленно продвинулась вправо в течение следующих десяти минут, как будто отыскивая место, откуда лучше видно церемонию.

Затем внезапно повернулась и уставилась на мужчину.

Я снова перехватила его изучающий взгляд, и снова он быстро отвел глаза. Но пламя осветило его лицо, от резкого движения головы его капюшон упал.

Я была уверена, что это именно тот человек, который пилотировал желтый самолет на прошлой неделе в Тамагаве. Хотя у него не было золотой серьги, раковина левого уха выдавала его.

Но было еще кое-что. Увидя его лицо полностью, я была уверена, что видела его где-то раньше, годы тому назад. У меня необычно хорошая память на лица, но почему-то я не могла припомнить его. Он испугал меня, и я почувствовала, что для этого были свои причины.

Церемония продолжалась до тех пор, пока последняя лучина не была помещена в огонь. Когда она сгорела, священник закончил службу. Тогда он повернулся, вырисовываясь на фоне света, и сказал, что пришло время для тех, кто чувствует недомогание, втереть целительный пепел.

Двое из паломников продвинулись вперед. Еще один медленно присоединился к ним. Я взглянула направо еще

раз. Мужчина ушел в таком же молчании, как и пришел. Я окинула взором всю внутренность храма. Его нигде не было. Я почувствовала прикосновение к моему левому плечу.

Повернувшись, я взглянула на священника, который легонько ударил меня трехзубым медным инструментом, которым пользовался во время церемонии.

— Иди,— сказал он,— и вотри пепел. Тебе нужно лечение для левой руки и плеча, поясницы и ноги.

— Как вы узнали об этом?

— Мне было дано увидеть. Иди.

Он показал место слева от алтаря, и я пошла туда, пугаясь его проницательности, так как в тех местах, которые он назвал, онемение усиливалось в течение дня. Я воздерживалась от приема лекарств, надеясь, что приступ пройдет сам по себе.

Он массажировал меня, втирая пепел погасшего огня в те места, которые он назвал, потом показал мне, как продолжать дальше. Я так и сделала, по традиции немного потерев в конце голову.

Потом я осмотрела все вокруг, но моего странного наблюдателя нигде не было. Я нашла укромное место между ногами дракона и расстелила постель. Мой сон не потревожили.

Я проснулась перед рассветом и обнаружила, что чувствительность восстановилась во всех онемевших местах. Я была рада, что приступ прошел без применения лекарств.

Остаток дня, пока я шла к подножию Фудзи, я чувствовала себя удивительно хорошо. Даже теперь я полна необычной силы, что пугает меня. Что, если пепел церемониального огня обладает целебными свойствами? Я боюсь, что может сделаться с моими планами, с моим решением. Я не уверена, что знаю, как поступать в этом случае.

Итак, Фудзи, Владычица Скрытого Огня, я пришла, готовая и пребывающая в страхе. Я буду ночевать неподалеку отсюда. Утром я двинусь дальше. Твое присутствие

переполняет меня. Я хочу отойти для другой, более отдаленной перспективы. Если бы я когда-нибудь взобралась на тебя, интересно, смогла бы я бросить сто восемь палочек в твой священный очаг? Я думаю, нет. Есть иллюзии, которые я не хочу разрушать.

8

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ТАГОНОУРЫ

Я поехала на лодке, чтобы посмотреть на берег и склоны Фудзи. Я все еще чувствую себя здоровой. Стоит ясный день, с моря дует холодный ветер. Лодка раскачивается на небольших волнах, пока рыбак и его сын, которым я заплатила, чтобы иметь возможность воспользоваться их лодкой, направляют ее по моему требованию так, чтобы я могла найти точку обзора, наиболее приближенную к картине. Так много из бытовой архитектуры этих мест представляют мне носы кораблей. Сходимость эволюции культуры, сообщение представляет собой среду? Море — это жизнь? Добывая пропитание под волнами, мы всегда на море?

Или море — это смерть, оно может подняться и разрушить наши страны, потребовать наши жизни в любой момент? Таким образом, это «memento mori» мы поместили даже на крыши над нашими головами и на стены, которые поддерживают эти крыши? Или это знак нашей власти, власти над жизнью и смертью?

Или ни то ни другое. Может показаться, что я затаила сильное желание смерти. Это не так. Мое желание как раз обратное.

Может быть, я пользуюсь картинами Хокусая как разновидностью пятен Роршаха для самопознания, но скорее это восхищение смертью, нежели желание ее. Я полагаю, это понятно при сильном страдании.

Достаточно об этом. Я только извлекла свое оружие, чтобы проверить его остроту. Я обнаружила, что оно в порядке, и снова вкладываю его в ножны.

Серо-голубая Фудзи, посоленная снегом, длинный край слева от меня. Похоже, что я никогда не видела одну и ту же гору дважды.

Ты изменяешься так же, как и я, поэтому остаешься тем, что ты есть. А значит, у меня есть надежда.

Птицы. Позвольте мне послушать и понаблюдать за вами какое-то время, воздушные путешественники, ныряющие и поедающие пищу.

Я наблюдаю, как мужчина работает с сетью. Приятно наблюдать за его проворными движениями. Через некоторое время я начинаю дремать. Мне снятся сны, и я вижу бога Кокузо. Это не может быть кто-либо другой, потому что, вытащив свой меч, вспыхнувший как солнце, и указав им на меня, он говорит свое имя. Он повторяет его снова и снова, и я трепещу перед ним, но тут что-то не так. Я знаю, он сказал мне нечто кроме своего имени. Я слышу это, но не могу понять смысл. Затем он показывает острием куда-то позади меня. Я поворачиваю голову. Я вижу мужчину в черном — пилота, наблюдателя огненной церемонии. Что ищет он на моем лице?

Я проснулась от сильного раскачивания лодки, так как начался шторм. Я хватаюсь за планшир, за которым сижу. Я вижу, что мы вне опасности, и снова смотрю на Фудзи. Смеется ли она надо мной? Или это смешок Хокусая, который сидит на коленях позади меня и рисует картины на влажном дне лодки длинным слабеющим пальцем?

Если тайна не может быть понята, она должна быть сохранена. Позднее я вернусь к этому, когда мой мозг перейдет в новое состояние.

Новая порция рыбы загружается в лодку, придавая остроту этому путешествию. Рыбины извиваются, но они все-таки не смогли избежать сети. Я думаю о Кендре и удивляюсь, как поддерживает мысль о ней. Я надеюсь, что ее страх передо мной уменьшится. Я верю, что она не сбежит из своего заточения. Я оставила ее на попечение знакомых в простой, изолированной коммуне на Юго-Западе. Мне не нравится ни место, ни те, кто там живет. Но они обязаны мне кое-чем и поэтому будут держать ее там, пока

не пройдут некоторые события. Я вижу ее тонкую фигуру, глаза лани и шелковые волосы. Яркая, грациозная девушка, привыкшая к роскоши, без ума от долгих омовений и частых душей, хрустящего белья. Она, вероятно, сейчас грязная и пыльная, выносит помои свиньям, ухаживает за растениями, или собирает плоды, или еще что-нибудь в этом духе. Вероятно, это будет полезно для ее характера. Она должна извлечь из этого опыта нечто большее, чем защиту от тягостной своей судьбы.

Время идет. Я обедаю.

Позднее я размышляю о Фудзи, Кокузо и моих страхах. Сны — это только проводники страхов и желаний сознания, или они иногда верно отражают неожиданные аспекты реальности, что-нибудь, что дает предупреждение? Отражать... Сказано, что совершенный ум отражает. «Шинтаи» в своем ковчеге, в своей гробнице — вещь, полностью посвященная богу, маленькое зеркало, но не изображение.

Море отражает небо со всеми облаками и голубизной. Подобно Гамлету, можно дать много интерпретаций случайному, но лишь одна может иметь ясные очертания. Я снова вспоминаю сны, без всяких вопросов. Что-то движется...

Нет. Я почти постигла это. Но поторопилась. Мое зеркало разбилось.

Когда я смотрю на берег, там уже появилась новая группа людей. Я вытаскиваю мой маленький шпионский бинокль и рассматриваю их, уже зная, что я увижу.

Он снова одет в черное. Он разговаривает с двумя мужчинами на берегу. Один из них показывает рукой по направлению к нам.

Дистанция слишком велика, чтобы можно было разглядеть все подробности, но я знаю, что это тот же самый человек. Но сейчас я не испытываю страха перед тем, что я знаю. Медленный гнев начинает разгораться внутри меня. Я обязана вернуться на берег и разобраться с ним. Это только один мужчина. Теперь я все выясню. Я больше не могу позволить себе пребывать в неизвестности, так

как я уже подготовилась к этому. Его нужно встретить подходящим образом, отделаться от него или принять в расчет.

Я прошу капитана доставить меня на берег немедленно. Он ворчит. Ловля прекрасная, день только начинается. Я предлагаю ему большую плату. Он неохотно соглашается. Он приказывает сыну поднять якорь и направиться к берегу.

Я стою на носу. Пусть он получше рассмотрит. Я посылаю мой гнев вперед. Меч так же отражает объект, как и зеркало.

По мере того как Фудзи вырастает передо мной, мужчина бросает взгляд в нашем направлении, передает что-то другим, затем поворачивается и легкой походкой уходит прочь. Нет! Нет способа ускорить наше движение, и он уйдет раньше, чем я пристану к берегу. Я ругаюсь. Я хочу немедленного удовлетворения, а не продолжения таинственности.

А мужчины, с которыми он говорил... Их руки засунуты в карманы, они смеются, потом идут в другом направлении. Бродяги. Он заплатил им за то, чтобы они что-то сказали? Похоже, что так. И теперь идут куда-нибудь в пивную, чтобы пропить плату за мое спокойствие? Я окликаю их, но ветер относит мои слова прочь. Они тоже уйдут, прежде чем я достигну берега.

Так оно и есть. Когда я в конце концов стою на берегу, единственное знакомое лицо — это моя гора, сияющая как алмаз в лучах солнца.

Я вонзаю ногти в ладони, но мои руки не могут стать крыльями.

9

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ НАБОРИТО

Я в восторге от этой картины: отлив обнажил затонувшие развалины синтоистского храма, и люди копаются среди них, отыскивая съедобные ракушки. Фудзи, конечно, видна на фоне руин.

Действительность отличается полностью. Я не могу определить место. Я не ошиблась, и вид Фудзи подходящий, но развалин нет, и у меня нет способа узнать, есть ли здесь затонувший храм.

Я сижу на склоне холма и смотрю на воду, внезапно чувствуя себя не усталой, но опустошенной. Я прошла много и шла быстро в эти несколько последних дней, и кажется, что усилия полностью истощили меня. Я посижу здесь, посмотрю на море и небо. В конце концов, моя тень, мужчина в черном, не появлялась со времени нашей встречи на берегу в Тагоноуре. Молодая кошка охотится за мотыльком у подножия холма, бьет лапами по воздуху, лапки в белых перчатках мелькают. Мотылек набирает высоту, несется под порывом ветра. Кошка сидит некоторое время, большие глаза наблюдают за ним.

Я проделываю путь до откоса, который я заметила раньше, там я буду защищена от ветра. Снимаю рюкзак, раскладываю спальник. Снимаю ботинки и быстро залезаю в спальник.

Я, видимо, немного простудилась, и конечности очень тяжелые. Мне следовало бы сегодня спать под крышей, но я слишком устала, чтобы искать пристанище.

Я лежу и смотрю на свет темнеющего неба. Как обычно, в моменты большой усталости я не могу заснуть быстро. Это из-за усталости или от чего-нибудь другого? Я не хочу принимать лекарства и поэтому лежу некоторое время, ни о чем не думая. Это не помогает. Мне очень хочется чашку горячего чая. Так как его нет, я проглатываю бренди, которое согревает меня изнутри.

Сон все еще не приходит, и я решаю рассказать самой себе историю — так я часто делала, когда была очень молодой и хотела превратить мир в сон.

Итак... Во времена неурядиц, последовавших за смертью отошедшего от дел императора Сутоки, несколько странствующих монахов различных вероисповеданий отправились в путь, чтобы найти передышку от войн, землетрясений и ураганов, которые так разрушают страны. Они

хотели основать религиозную коммуну и вести созерцательную жизнь в тишине и покое. Они натолкнулись на строение, похожее на пустынный синтоистский храм, и расположились там на ночлег, удивляясь, какая моровая язва или стихийное бедствие привели к исчезновению всех жителей. Все выглядело спокойно, и нигде не было следов насилия. Они обсуждали возможность основания здесь своей обители. Им эта мысль понравилась, и они провели большую часть ночи, строя планы. Однако утром внутри храма появился древний священник, как будто выполняя свои дневные обязанности. Монахи попросили его рассказать об истории этого места, и он сообщил им, что раньше здесь были другие обитатели, но все они исчезли во время бури много лет тому назад. Нет, это не синтоистский храм, хотя издалека он выглядит похоже. Этот храм посвящен очень старому богу, а он его последний служитель. Если они хотят, они будут желанными гостями и могут присоединиться к нему, чтобы познакомиться со старыми обрядами. Монахи быстро обсудили это предложение и решили, что, так как место выглядит очень привлекательно, было бы очень неплохо остаться и послушать, что за учение у старого священника. Так они стали жителями этого странного храма. Некоторые из них сначала испытывали беспокойство, так как по ночам им чудилось, что они слышат зов мелодичных голосов в шуме волн и морского ветра. И время от времени казалось, что голос старого священника отвечает этим призывам. Однажды ночью один из них пошел на эти голоса и увидел старого священника, стоящего на берегу с поднятыми вверх руками. Монах спрятался, а потом заснул в расселине скалы. Когда он проснулся, полная луна стояла высоко в небе, а старик ушел. Монах спустился туда, где стоял священник, и на песке увидел множество отпечатков перепончатых лап. Потрясенный монах вернулся к своим товарищам и все им рассказал. Они провели недели, пытаясь хотя бы мельком увидеть ноги старого священника, которые всегда были обуты. Им это не удалось, но

со временем это беспокоило их все меньше. Учение старого священника оказывало на них свое действие медленно, но верно. Они начали помогать ему при выполнении ритуалов и узнали название этого мыса и его храма. Это был остаток большого затонувшего острова, который, как он уверял их, поднимался из глубин в некоторые чудесные моменты, чтобы показать потерянный город, населенный слугами его господ. Место называлось Р'лие, и они могли бы пойти туда однажды. К этому времени такое предложение показалось им неплохой идеей, так как они заметили определенное утолщение и разрастание кожи между пальцами ног и рук, а сами пальцы стали более сильными и удлинились. Теперь они участвовали во всех церемониях, которые становились все отвратительнее. Как-то раз, после особенно кровавого жертвоприношения, обещание старого священника выполнилось с точностью до наоборот. Остров не поднялся на поверхность — вместо этого затонул мыс, чтобы присоединиться к острову, увлекая храм и всех монахов вместе с ним. Так что все их мерзости теперь в воде. Но раз в столетие целый остров действительно поднимается на ночь и их шайки бродят по берегу в поисках жертв. И конечно, сейчас именно такая ночь...

Чудеснейшая дремота наконец пришла ко мне. Мои глаза закрыты. Я плыву на плоту... Я...

Звук! Надо мной! По направлению к морю! Что-то движется в моем направлении. Медленно, потом быстро. Адреналин огнем проносится по моим жилам. Я тихо и осторожно протягиваю руку и хватаю мой посох.

Ожидание. Почему сейчас, когда я ослабела? Опасность всегда ближе в худшие моменты?

Что-то тяжело падает на землю позади меня, и я перевожу дыхание.

Это кошка, чуть побольше той, которую я видела раньше. Она приближается с мурлыканьем. Я протягиваю руку и хватаю ее. Она трется о руку. Через некоторое время я запихиваю ее в мешок.

Она ластится ко мне, мурлычет. Хорошо иметь кого-то, кто доверяет тебе и хочет быть рядом с тобой. Я называю кошку Р'лие. Только на одну ночь.

10

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ЭДЖИРИ

Обратный путь я проделываю на автобусе. Я слишком устала, чтобы идти пешком. Я приняла лекарство, что, вероятно, мне и следовало делать все это время. Может быть, пройдет еще несколько дней, пока оно принесет мне некоторое облегчение, и это меня пугает. Я не могу позволить себе быть в таком состоянии. Я не уверена, что мне следует двигаться дальше.

Картина обманчива, так как ее сила отчасти обусловлена изображением действия сильного ветра. Небеса серые, подножие Фудзи теряется в тумане, люди на дороге и два дерева рядом с ней страдают от порывов ветра. Деревья изогнулись, люди вцепились в свои одежды, шляпа летит высоко в воздухе, и бедный писарь или сам автор пытается поймать подхваченный ветром манускрипт (напоминает мне старую карикатуру, когда издатель говорит автору: «Забавная вещь случилась с вашей рукописью на параде в день Святого Патрика»). Сцена, которая предстает передо мной, не столь метеорологически бурная. Небо действительно затянуто облаками, но ветра нет; Фудзи темнее, прорисована более ясно, чем на картине; в окрестностях нет крестьян. Кругом гораздо больше деревьев.

Фактически я стою рядом с небольшой рощей. Вдалеке видны строения, которых нет на картине.

Я тяжело опираюсь на мой посох. Немного жизни, немного смерти. Я достигла моей десятой остановки и до сих пор не знаю, дает ли Фудзи мне силы или отнимает их. Наверное, и то и другое.

Я направляюсь в сторону леса, и, пока я иду, на мое лицо падают капли дождя. Нигде нет признаков присутствия человека. Я иду дальше от дороги и наконец натыкаюсь на маленькое открытое пространство, на котором несколько скал и булыжники. Здесь я сделаю привал. Мне больше ничего не нужно для того, чтобы провести остаток дня.

Вскоре у меня горит маленький костер, мой миниатюрный чайник стоит на камне в костре. Дальний раскат грома добавляет разнообразия к моим неудобствам, но дождя пока нет. Однако земля сырая. Я расстилаю пончо и сижу на нем в ожидании. Я точу нож и откладываю его. Ем бисквит и изучаю карту. Я полагаю, что должна бы чувствовать некоторое удовлетворение, ведь все идет так, как я предполагала. Я хотела бы, но не чувствую.

Неизвестное насекомое, которое жужжало где-то позади меня, внезапно умолкает. Секундой позже я слышу хруст ветки у себя за спиной. Моя рука сжимает посох.

— Не надо,— говорит кто-то сзади.

Я поворачиваю голову. Он стоит в восьми или десяти футах от меня, мужчина в черном, правая рука в кармане пиджака. Кажется, что у него в кармане есть еще что-то, кроме этой руки.

Я убираю руку с посоха, и он приближается. Носком ботинка он отбрасывает мой посох подальше. Затем вынимает руку из кармана, оставляя там то, что держал. Он медленно движется вокруг костра, поглядывая на меня, усаживается на камень и опускает руки между коленями. Потом спрашивает:

— Мари?

Я не отзываюсь на свое имя, но смотрю на него. Свет меча Кокузо из сна вспыхивает в моем сознании, и я слышу, как бог называет его имя, только не совсем правильно.

— Котузов!

Мужчина в черном улыбается, показывая, что вместо зубов, которые я выбила очень давно, сейчас стоит аккуратный протез.

— Вначале я был совсем не уверен, что это вы.

Пластическая операция убрала по крайней мере десяток лет с его лица вместе со многими морщинами и шрамами. Изменились также глаза и щеки. Даже нос стал меньше. Он стал выглядеть гораздо лучше с тех пор, как мы с ним виделись.

— Вода кипит,— говорит он.— Не предложите ли мне чашку чая?

— Конечно,— отвечаю я и тянусь за рюкзаком, где у меня есть запасная чашка.

— Спокойно.

— Конечно.

Я отыскиваю чашку, готовлю чай и разливаю его.

— Нет, не передавайте мне чашку,— говорит он и берет ее с того места, где я ее наполнила.

Я подавляю желание улыбнуться.

— Нет ли у вас куска сахара?

— Увы, нет.

Он вздыхает и лезет в другой карман, откуда вытаскивает маленькую фляжку.

— Водка? В чай?

— Не будьте глупой. Мои вкусы изменились. Это турецкий ликер, удивительно сладкий. Не хотите ли немного?

— Дайте мне понюхать его.

Запах сладости определенно присутствует.

— Прекрасно,— говорю я, и он добавляет ликер в чай.

Мы пробуем. Неплохо.

— Как давно все это было? — спрашивает он.

— Четырнадцать лет тому назад — почти пятнадцать. В конце восьмидесятых.

— Да.

Он трет подбородок.

— Я слышал, что вы уже отошли от дел.

— Вы слышали правду. Это было примерно через год после нашего последнего столкновения.

— Турция, да. Вы вышли замуж за человека из вашей шифровальной группы.

Я киваю.

— Вы овдовели тремя или четырьмя годами позже. Дочь родилась после смерти мужа. Вернулись в Штаты. Поселились в деревне. Вот все, что я знаю.

— Это и есть все.

Он отхлебывает чай.

— Почему вы вернулись сюда?

— Личные причины. Частично сентиментальные.

— Под чужим именем?

— Да. Это касается семьи моего мужа. Я не хочу, чтобы они знали, что я здесь.

— Интересно. Вы считаете, что они так же тщательно следят за приезжающими, как и мы?

— Я не знала, что вы следите за приезжающими.

— Сейчас мы это делаем.

— Я не знаю, что здесь происходит.

Раздался раскат грома. Упало несколько капель.

— Я хотел бы верить, что вы действительно удалились от дел.

— У меня нет причин опять возвращаться к этому. Я получила небольшое наследство, достаточное для меня и моей дочери.

Он кивнул:

— Если бы у меня было такое положение, я не сидел бы в поле. Скорее я был бы дома, читал бы или играл в шашки, ел и пил вовремя. Но вам следует признаться, ваше пребывание здесь, когда решается судьба нескольких стран, не очень похоже на чистую случайность.

Я отрицательно покачала головой:

— Я очень многого не знаю.

— Нефтяная конференция в Осаке. Она начинается через две недели, в среду. Вероятно, вы собираетесь посетить Осаку примерно в это время?

— Я не собираюсь ехать в Осаку.

— Тогда связь. Кто-то оттуда может встретиться с вами, простой туристкой, в какой-либо точке вашего путешествия и...

— Боже мой! Вы повсюду видите секретность, Борис? Я сейчас забочусь только о своих проблемах и посещаю те места, которые имеют значение для меня. Конференция к ним не относится.

— Хорошо.— Он допил чай и отставил чашку в сторону.— Вы знаете, нам известно, что вы здесь. Одно слово японским властям о том, что вы путешествуете по чужим документам, и вас вышвырнут отсюда. Это было бы самым простым. Никакого вреда, и все живы. Только это омрачило бы вашу поездку, если вы действительно находитесь здесь как простая туристка...

Грязные мысли пронеслись в моем мозгу, как только я поняла, куда он клонит, и я знаю, что они еще более грязны, чем его. Я этому научилась у одной старой женщины, с которой работала и которая не выглядела как старая женщина.

Я допила чай и подняла глаза. Он улыбался.

— Я приготовлю еще чаю,— сказала я.

Верхняя пуговка на моей блузке расстегивается, когда я отворачиваюсь от него. Затем я наклоняюсь вперед и глубоко вздыхаю.

— Вы могли бы не сообщать властям обо мне?

— Я мог бы. Я думаю, что вы, скорее всего, говорите правду. А даже если нет, вы бы теперь не стали рисковать, перевозя что-то.

— Я действительно хочу завершить эту поездку,— говорю я, посматривая на него.— Будет жаль, если меня вышлют.

Он берет меня за руку.

— Я рад, что вы сказали это, Марьюшка. Я одинок, а вы еще привлекательная женщина.

— Вы так думаете?

— Я всегда думал так, даже когда вы выбили мне зубы.

— Простите меня. Так получилось.

Его рука поднимается на мое плечо.

— Конечно. В конце концов, протез выглядит лучше, чем настоящие.

Он садится рядом со мной.

— Я мечтал об этом много раз,— говорит он, расстегивая последние пуговицы моей блузки и развязывая мой пояс.

Он нежно гладит мой живот. Это не вызывает у меня неприятных ощущений. Это продолжается довольно долго.

Вскоре мы полностью раздеты. Он медлит, и, когда он готов, я раздвигаю ноги. Все в порядке, Борис. Я расставила ловушку, и ты попался. Я даже чувствую себя немного виноватой. Ты более благороден, чем я думала. Я дышу глубоко и медленно. Я концентрирую свое внимание на моей «хара» и на его, в нескольких дюймах от меня. Я чувствую наши силы, похожие на сон и теплые, движущиеся. Вскоре я привожу его к завершению. Он ощущает это лишь как удовольствие, может быть, более опустошающее, чем обычно. Хотя, когда все кончается...

— Ты сказала, что у тебя есть затруднения? — спрашивает он в том мужском великодушии, которое обычно забывается через несколько минут.— Если я могу что-нибудь сделать, у меня есть несколько свободных дней. Ты мне нравишься, Марьюшка.

— Это то, что я должна сделать сама. Во всяком случае, спасибо.

Я продолжаю в прежнем духе.

Когда я одеваюсь, он лежит и смотрит на меня.

— Я, должно быть, старею, Марьюшка. Ты меня утомила. Я чувствую, что мог бы проспать целую неделю.

— Это похоже на правду. Через неделю ты снова будешь чувствовать себя отлично.

— Я не понимаю...

— Я думаю, ты слишком много работал. Эта конференция...

Он кивает:

— Ты, наверное, права. Ты действительно не имеешь отношения?..

— Действительно.

— Хорошо.

Я мою чайник и чашки. Укладываю их в рюкзак.

— Будь так добр, Борис, дорогой, подвинься, пожалуйста. Мне очень скоро понадобится пончо.

— Конечно.

Он медленно поднимается и передает его мне. Начинает одеваться.

Он тяжело дышит.

— Куда ты собираешься двинуться отсюда?

— Мисима-го, к следующему виду моей горы.

Он качает головой. Заканчивает одеваться и усаживается на землю, прислонившись к стволу. Находит свою фляжку и делает глоток.

Затем протягивает мне.

— Не хочешь ли?

— Спасибо, нет. Мне пора.

Я беру посох. Когда я снова смотрю на него, он улыбается слабо и печально.

— Ты многое забираешь от мужчины, Марьюшка.

— Да.

Я ухожу. Сегодня я смогу пройти двадцать миль, я уверена.

Прежде чем я выхожу из рощи, начинается дождь; листья шуршат, как крылья летучих мышей.

11

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ МИСИМА-ГО

Солнечный свет. Чистый воздух. Картина показывает большую криптомерию, Фудзи неясно вырисовывается за ней, скрытая дымкой.

Сегодня нет дымки, но я нашла криптомерию и остановилась на таком месте, где она пересекает склон Фудзи слева от вершины. На небе несколько облаков, но они не похожи на кукурузные початки, как на картине.

Мой украденный «ки» все еще поддерживает меня, хотя медикаменты работают тоже. Мое тело скоро отторгнет заимствованную энергию, как пересаженный орган. Хотя тогда лекарства должны уже подействовать.

Тем временем картина и действительность становятся все ближе друг к другу. Стоит прекрасный весенний день. Птицы поют, бабочки порхают; я почти слышу, как растут корни под землей. Мир пахнет свежо и ново. Я больше не посторонняя. Снова радуюсь жизни.

Я смотрю на громадное старое дерево и слушаю его эхо в веках: Золотая ветвь, Рождественское дерево, Древо познания Добра и Зла, под которым Гаутама нашел свою душу и потерял ее...

Я двигаюсь вперед, чтобы дотронуться до его шершавой коры.

Отсюда я внезапно обнаруживаю новый вид на долину внизу. Поля похожи на песок, по которому прошлись граблями, холмы — на камни, Фудзи — на валун. Это сад, тщательно ухоженный...

Позднее я замечаю, что солнце передвинулось. Я находилась на этом месте в течение нескольких часов. Мое маленькое озарение под великим деревом. Я не знаю, что могу сделать для него.

Я внезапно наклоняюсь и подбираю одно семя. Маленькая штучка для такого гиганта. Оно меньше моего ногтя. С тонкими желобками, как будто изваянное феями.

Я кладу его в карман, посажу где-нибудь по пути.

Затем я отступаю в сторону, так как слышу звук приближающегося колокольчика, а я пока еще не готова к тому, чтобы встретить кого-либо. Но внизу есть маленький постоялый двор, который не похож на гостиницу, входящую в сеть. Я смогу принять ванну, поесть и выспаться в постели этой ночью.

Завтра я буду сильной.

12

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ СО СТОРОНЫ ОЗЕРА КАВАГУТИ

Отражения. Это одна из моих любимых картин серии: Фудзи, видимая со стороны озера и отражающаяся в нем. С другой стороны зеленые холмы, маленькая деревня на

дальнем берегу, маленькая лодка на воде. Наиболее поразительная особенность этой картины в том, что отражение Фудзи не повторяет оригинал; его положение неправильно, склон неправильный, покрытый снегом, у оригинала он не такой.

Я сижу в маленькой лодке, которую я наняла, и смотрю назад. Небо слегка дымчатое, что хорошо. Нет бликов, портящих отражение. Город не такой привлекательный, как на картине, он вырос. Но я не вдаюсь в такие детали. Фудзи отражается более четко, но раздвоение все еще волнует меня.

Интересно... На картине деревня не отражается, так же как изображение лодки на воде. Единственное отражение — Фудзи. Никаких признаков человеческого присутствия.

Я вижу отражающиеся здания на воде у берега. И в моем сознании возникают другие образы.

Конечно, затонувший Р'лие является мне, но место и день слишком идиллические. Он исчезает практически мгновенно, замещаясь затонувшим Ис, чьи колокола все еще отбивают часы под водой. Здесь и «Нильс Хольгерсон» Сельмы Лагерлеф, сказка, в которой потерпевший крушение моряк обнаруживает себя в городе, опустившемся на дно моря,— в месте, затонувшем в наказание его жадным, высокомерным жителям, которые все еще обманывают друг друга, хотя все они уже мертвы. Они одеты в богатые старомодные одежды и ведут свои дела так же, как когда-то наверху. Моряка тянет к ним, но он знает, что не должен обнаруживать себя, иначе он превратится в одного из них и никогда не вернется на землю, не увидит солнца. Я подумала об этой старой детской сказке, потому что именно сейчас поняла, что должен был чувствовать моряк. Мое открытие тоже могло бы привести к превращению, которого я не желаю.

И конечно, когда я наклоняюсь и вижу себя в воде, под стекловидной поверхностью обнаруживается мир Льюиса Кэрролла.

Быть маленькой девочкой и спускаться... Кружиться, спускаясь, и на несколько минут узнать обитателей страны парадоксов и великого очарования.

Зеркало, зеркало, почему реальный мир так редко совпадает с нашими эстетическими устремлениями?

Полпути пройдено. Я достигла середины своего паломничества, чтобы столкнуться с собой в озере. Это подходящее время и место, чтобы взглянуть в свое собственное лицо, осознать все, что я принесла сюда, предположить, как будет протекать остаток путешествия. Хотя иногда образы могут лгать. Женщина, которая смотрит на меня, кажется собранной, сильной и выглядит лучше, чем я думала. Я люблю тебя, Кавагути, озеро с человеческой индивидуальностью. Я льстиво одариваю тебя литературными комплиментами, а ты возвращаешь свое благорасположение.

Встреча с Борисом уменьшила груз страха в моем мозгу. За мной пока еще не следят агенты-люди. Так что все идет не так уж плохо.

Фудзи и образ. Гора и душа. Могло бы дьявольское творение не давать отражения — некая темная гора, где в течение веков происходят ужасные смерти? Я вспомнила, что Кит теперь не отбрасывает тени, не имеет отражения.

Хотя действительно ли он дьявол? На мой взгляд, да. Особенно если он делает то, что я думаю.

Он говорил, что любит меня, и я когда-то любила его. Что он скажет мне, когда мы снова встретимся, ведь мы должны встретиться обязательно?

Не имеет значения. Пусть говорит, что пожелает, я хочу попробовать убить его. Он верит, что вечен и его невозможно уничтожить. Я не верю в это, хотя убеждена, что я — единственное существо на Земле, которое может победить его. Мне потребовалось много времени, чтобы понять это, и еще больше, прежде чем ко мне пришло решение попытаться сделать это. Я должна сделать это как для Кендры, так и для себя. Покой населения Земли стоит на третьем месте.

Я опускаю пальцы в воду. Потихоньку я начинаю петь старую песню, песню любви. Я не хотела бы покидать это место. Будет ли вторая часть моего путешествия зеркальным отражением первой? Или мне нужно будет пройти через стекло, чтобы войти в это чуждое королевство, которое он сделал своим домом?

Я посадила семя криптомерии вчера вечером в уединенной долине. Такое дерево когда-нибудь будет выглядеть величественно, переживая нации и армии, мудрецов и сумасшедших.

Интересно, где сейчас Р'лие? Она убежала утром после завтрака, вероятно, чтобы поохотиться на бабочек. Впрочем, я не могла бы взять ее с собой.

Я надеюсь, что с Кендрой все в порядке. Я написала ей письмо, в котором многое объяснила. Я оставила его своему поверенному, который перешлет его в не столь далеком будущем.

Картины Хокусая... Они могут пережить криптомерию. Обо мне даже не вспомнят.

Двигаясь между двумя мирами, я в тысячный раз представляю нашу встречу. Он может повторить старый трюк, чтобы получить то, что он хочет. Я могу проделать еще более старый, чтобы он не получил этого. Мы оба давно не практиковались.

Много времени прошло с тех пор, как я читала «Анатомию меланхолии». Это не та вещь, которой я хотела бы воспользоваться, чтобы вернуться в прежние годы. Но я вспоминаю несколько строк, когда вижу дротик для ловли рыбы: «Поликрат Самиус, который забросил свой перстень в море, так как хотел бы испытать свойственную другим людям досаду, и вскоре получил его обратно вместе с выловленной рыбой, был предрасположен к меланхолии. Никто не мог вылечить его...»

Кит отбросил свою жизнь и выиграл ее. Я сохранила свою и потеряла ее. Действительно ли кольца возвращаются именно к тем людям? А как насчет женщины, излечивающей себя?

Хокусай, ты уже показал мне много вещей. Можешь ли ты показать мне ответ?

Старый человек медленно поднимает руку и показывает на гору. Затем он опускает руку и указывает на изображение горы.

Я качаю головой. Это ответ, что ответа нет. Он тоже качает головой и показывает снова.

Облака сгрудились высоко над Фудзи, но это не ответ. Я смотрю на них долгое время, но не вижу среди них ни одного интересного изображения.

Тогда я опускаю глаза. Подо мной, отраженные, облака принимают другой вид. Это выглядит как изображение столкновения двух вооруженных армий. Я с восхищением наблюдаю, как они вместе плывут, скопления справа от меня постепенно перекатываются и топят те, которые слева. После этого те, что справа, уменьшаются.

Конфликт? В этом суть? И обе стороны теряют то, что не хотели терять? Скажи мне что-нибудь еще, чего я не знаю, старый человек.

Он продолжает смотреть. Я снова слежу за его взглядом, теперь вниз. Теперь я вижу дракона, ныряющего в кратер Фудзи.

Я снова гляжу вниз. Армий не осталось, следы побоища, а хвост дракона превратился в руку мертвого воина, держащую меч.

Я закрываю глаза и тянусь за ним. Меч дыма для человека огня.

13

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ КОИСИКАВА В ЭДО

Снег на кровлях домов, на вечнозеленых деревьях, на Фудзи, местами начинающий таять. В окнах полно женщин — гейш, как я могла бы сказать, смотрящих на улицу, одна из них указывает на трех темных птиц высоко в бледном небе. Мой вид Фудзи, к сожалению, без снега, без гейш и при ясном солнце.

Детали...

И то и другое интересно, наложение — одна из главных сил в эстетике. Я думаю о жарко-весенней гейше Комако в «Снежной стране» — новелле Ясунари Кавабаты об одиночестве и ненужной, увядающей красоте, которая, как я всегда чувствовала, есть самая антилюбовная история Японии. Эта картина вызвала в моей памяти всю новеллу. Отвержение любви. Кит не Шимамура, так как он хотел меня, но только очень по-своему, так, что это неприемлемо для меня. Эгоизм или самоотверженность? Это неважно...

А птицы, на которых указывает гейша? «Тринадцать способов созерцания дроздов»? В точку. Мы могли бы никогда не договориться о системе ценностей.

Я опираюсь на посох и смотрю на гору. Я хочу успеть посетить по возможности больше таких видов, прежде чем дело придет к развязке. Это ли не прекрасно? Двадцать четыре способа созерцания Фудзи. Хорошо бы взять какое-либо одно обстоятельство жизни и рассмотреть его со многих точек зрения — как фокус моего существования, а быть может, и как сожаление об упущенных возможностях.

Кит, я пришла, как однажды ты просил меня, но моим собственным путем и по моим собственным причинам. Я желала бы не делать этого, но ты лишил меня выбора. Таким образом, мой поступок не есть только мой, но и твой тоже. Теперь я поверну твою руку против тебя, представляя некий вид космического айкидо.

Я иду по городу после наступления темноты, выбирая самые темные улицы, где конторы уже закрыты. Так я в безопасности. Когда я должна войти в город, я всегда нахожу защищенные места днем и прохожу по ним ночью.

Я нахожу маленький ресторан на углу такой улицы и съедаю свой обед. Это шумное место, но еда хорошая. Я принимаю лекарство и выпиваю немного сакэ.

После этого я позволяю себе удовольствие идти пешком, а не брать такси. Мой путь длинен, но ночь светла и полна звезд, и воздух упоителен.

Я иду около десяти минут, слушая звуки дорожного движения, музыку дальнего радио, крики с других улиц, ветер, проносящийся высоко вверху.

Вдруг я чувствую внезапную ионизацию воздуха.

Ничего впереди. Я поворачиваюсь, взяв свой посох на изготовку.

Эпигон с телом шестилапой собаки и головой, похожей на огненный цветок, возникает в дверном проеме и движется вдоль дома в моем направлении.

Я слежу за его продвижением, пока он не оказывается достаточно близко. Я ударяю его, к сожалению, не тем концом. Мои волосы начинают подниматься, когда я пересекаю его путь, поворачиваюсь и ударяю снова. На этот раз металлический наконечник проходит через его цветочную голову.

Я подключила батареи перед тем, как предприняла нападение. Разряд нарушает равновесие. Эпигон отступает, его голова раздувается. Я наступаю и ударяю еще раз, теперь в середину тела. Оно раздувается еще больше, затем распадается на сноп искр. Но я уже повернулась и ударяю снова, чувствуя приближение другого.

Этот имеет вид кенгуру. Я поражаю его моим посохом, но его длинный хвост успевает нанести мне удар. От этого удара я непроизвольно подскакиваю и рефлекторно вращаю перед собой посохом. Он поворачивается и становится на дыбы. Этот экземпляр имеет четыре ноги, и его передние конечности представляют собой фонтаны огня. Его глаза горят ярким пламенем.

Он опускается на все четыре ноги, затем снова прыгает.

Я подкатываюсь под него и атакую, когда он опускается. Но промахиваюсь, и он снова атакует. Он прыгает, и я ударяю вверх. Кажется, я попала, но не уверена.

Он приземляется совсем рядом со мной, поднимая свои передние конечности. Но на этот раз не прыгает. Он просто падает вперед, его задние конечности быстро дергаются.

Как только он подходит, я ударяю его в середину тела концом посоха. Он продолжает идти или падать, даже

когда вспыхивает и начинает распадаться. Его касание приводит к тому, что я деревенею на секунду и чувствую течение его заряда по моим плечам и груди. Я наблюдаю, как он превращается в первичную протоплазму и исчезает.

Я быстро поворачиваюсь, но третьего нет. По улице едет машина и тормозит. Неважно. Потенциал терминала на время истощен, хотя я озадачена тем, как долго он должен был работать, чтобы создать тех двоих. Будет лучше, если я быстренько уйду.

Как только я прихожу к этой мысли, из подъехавшей машины раздается голос, окликающий меня:

— Мадам, подождите минуточку.

Это полицейская машина, и молодой человек, который обращается ко мне, одет в полицейскую форму.

— Да, господин полицейский?

— Я только что видел вас. Что вы делали?

Я смеюсь:

— Такой прекрасный вечер, и улица пустынна. Я подумала, что могла бы поупражняться в бо.

— Я сначала подумал, что кто-то напал на вас...

— Я одна, как вы можете видеть.

Он открывает дверцу и выбирается наружу. Он включает фонарик и направляет его луч по сторонам в дверной проход.

— Вы не зажигали фейерверк?

— Нет.

— Здесь были искры и вспышки.

— Вы, должно быть, ошиблись.

Он нюхает воздух. Очень тщательно проверяет тротуар и сточную канавку.

— Странно,— говорит он.— Далеко ли вам идти?

— Не очень.

— Всего хорошего.

Он садится в машину и уезжает.

Я быстро иду своим путем. Я жажду оказаться в безопасности, прежде чем образуется другой заряд. Я также хочу оказаться подальше отсюда просто потому, что ис-

пытываю здесь неловкость. Я озадачена той легкостью, с какой меня обнаружили. Что я сделала не так?

— Мои картины,— похоже, это говорит Хокусай, когда я достигаю места назначения и выпиваю слишком много бренди.— Думай, дочка, а то они могут заманить тебя в ловушку.

Я пытаюсь, но Фудзи валится на мою голову и размазывает все мысли. Эпигоны танцуют на ее склонах. Я впадаю в прерывающуюся дремоту.

В свете завтрашнего дня я, может быть, увижу...

14

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ МЕГУРО В ЭДО

Картина снова не соответствует реальности. Она показывает крестьян среди простой деревни, склоны холмов, спускающиеся террасами, одинокое дерево, растущее на склоне холма справа, снежная вершина Фудзи частично заслонена холмом.

Я не могу найти ничего похожего на этот вид, хотя Фудзи частично закрыта, если смотреть со скамьи в старом парке, на которой я сижу. Это подойдет.

Гора частично закрыта, как и мои мысли. Есть что-то, что я должна была бы видеть, но это скрыто от меня. Я чувствую это, когда появляются эпигоны, похожие на дьяволов, посланных за душой Фауста. Но я никогда не подписывала договора с Дьяволом... Только с Китом, и это называлось замужеством. У меня нет способа узнать, сколь похоже это могло быть.

Сейчас... Для меня остается загадкой, как меня обнаружили, несмотря на все предосторожности. Мое предстоящее столкновение должно проходить на моих условиях, не как-нибудь иначе. Причина этого выходит за рамки личных мотивов, хотя не отрицаю их наличия.

В «Хагакуре» Ямамото Цунетомо сообщает, что путь самурая есть путь смерти, что для достижения полной

свободы жить надо так, как если бы тело было уже мертво. Что касается меня, такую позицию не слишком сложно поддерживать. Однако свобода более сложна. Когда мы не вполне понимаем сущность врага, приходится действовать, по крайней мере отчасти, в условиях неопределенности.

Хотя я не вижу Фудзи целиком, моя обожествляемая гора существует во всей полноте. То же самое я могу сказать о той силе, которая сейчас противостоит мне. Давайте вернемся к смерти. Кажется, тут что-то есть, хотя кажется также, что это только то, что уже сказано.

Смерть... Приди тихо... Мы любили играть в одну игру, придумывая забавные причины смерти: съеден Лох-Несским чудовищем, затоптан Годзиллой, отравлен ниндзя. Переселен.

Кит уставился на меня, сдвинув брови, когда я предложила последнюю причину.

— Что значит — «переселен»?

— О, ты можешь поймать меня на какой-то формальной неточности,— сказала я,— но, думаю, смысл будет тем же. «Енох переселен был так, что не видел смерти». *Послание к евреям, глава 11, стих 5.*

— Я не понимаю.

— Это означает перенестись прямо на небо без обычного окончания жизни. Мусульмане верят, что Магомет был переселен.

— Интересная мысль. Я должен подумать об этом.

Очевидно, он подумал.

Я всегда думала, что Куросава имел прорву работы с «Дон Кихотом». Предположим, есть старый джентльмен, живущий в настоящее время, схоласт, человек, восхищающийся временами самураев и кодексом бусидо. Предположим, что он так сильно сживается с этими идеалами, что однажды теряет чувство времени и приходит к мысли, что он действительно самурай старых времен. Он надевает старинные доспехи, берет свой меч-катана и идет, чтобы изменить мир. В конечном счете он будет уничтожен

этим миром, но он соблюдает кодекс. Эта его самоотверженность выделяет и облагораживает его, несмотря на всю его нелепость. Я никогда не считала, что «Дон Кихот» лишь пародия на рыцарство, особенно после того как узнала, что Сервантес участвовал под командованием дона Хуана Австрийского в битве при Лепанто. Не исключено, что дон Хуан был последним европейцем, который руководствовался средневековым кодексом рыцарской чести. Воспитанный на средневековых романах, он и в жизни вел себя подобным образом. Разве важно, что средневековых рыцарей больше нет? Он верил и действовал согласно своей вере. В ком-нибудь другом это было бы удивительно, но время и обстоятельства предоставили ему возможность действовать, и он победил. На Сервантеса старый полководец произвел большое впечатление, и кто знает, как повлияло это на его литературные опыты. Ортега-и-Гассет называет Дон Кихота готическим Христом. Достоевский чувствовал то же самое и в своей попытке отразить Христа в князе Мышкине тоже понял, что сумасшествие есть необходимое условие для этого в наше время.

Все это преамбула к моему утверждению, что Кит был безумцем — по крайней мере, отчасти. Но он не был готическим Христом. Скорее — электронным Буддой.

— Имеет ли информационная сеть природу Будды? — однажды спросил он меня.

— Конечно,— ответила я.— А разве все остальное нет?

Тут я посмотрела в его глаза и добавила:

— Откуда, черт побери, я могу знать?

Он проворчал что-то и откинулся в своем кресле, опустил индукционный шлем и продолжил свой машинный анализ шифра Люцифера при помощи 128-битового ключа.

Теоретически могли бы понадобиться тысячелетия, чтобы расшифровать его без всяких ухищрений, но ответ дать нужно было в течение двух недель. Его нервная система срослась с информационной сетью.

Какое-то время я не слышала его дыхания. Только позже я заметила, что после окончания работы он все больше времени проводит в размышлениях, оставаясь в контакте с системой.

Когда я поняла это, я упрекнула его в том, что он слишком ленив, чтобы повернуть выключатель.

Он улыбнулся.

— Поток,— сказал он.— Ты не можешь остановиться. Движешься вместе с потоком.

— Ты мог бы повернуть переключатель перед тем, как входишь в медитацию, и прервать эту электрическую связь.

Он покачал головой, потом улыбнулся:

— Но это особенный поток. Я ухожу в него все дальше и дальше. Ты можешь как-нибудь попробовать. Были моменты, когда я чувствовал, что мог бы перевести себя в него.

— Лингвистически или теологически?

— И так, и эдак.

И однажды ночью он действительно ушел с этим потоком. Я нашла его утром,— как я думала, спящим,— в кресле со шлемом на голове. На этот раз он выключил терминал. Я не стала его будить.

Я не знала, как долго он работал ночью. Однако к вечеру я начала беспокоиться и попыталась разбудить его. И не смогла. Он впал в кому.

Позднее, в больнице, выяснилось, что на энцефалограммах нет колебаний. Дыхание было замедленным, давление очень низким, пульс еле прощупывался. Он продолжал уходить все глубже в течение следующих двух дней. Доктора проделали все мыслимые тесты, но не смогли определить причину происшедшего. Так как он однажды подписал документ, в котором отказывался от чрезвычайных мер по возвращению его к жизни, если с ним случится что-нибудь непоправимое, к нему не пытались применить искусственное дыхание, кровообращение и тому подобные штуки, когда его сердце остановилось в четвертый раз.

Вскрытие ничего не показало. Свидетельство о смерти гласило: «Остановка сердца. Вероятная причина — разрыв сосудов головного мозга». Последнее было чистым домыслом. Они не нашли никаких признаков этого. Его органы не были использованы, как он завещал: боялись неизвестного вируса.

Кит, как Марли, умер, чтобы начать.

15

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ЦУКУДАЙИМА В ЭДО

Голубое небо, несколько низких облаков, Фудзи за светлой водой залива, несколько лодок и островок между ними. Снова, несмотря на изменения во времени, я нахожу близкое соответствие с действительностью. Снова я в маленькой лодке. Однако сейчас у меня нет желания нырять в поисках затонувшего великолепия.

Я прибыла на это место без всяких происшествий. Я приехала поглощенной своими мыслями. Поглощенной своими мыслями я и осталась. Я бодра. Здоровье мое не ухудшилось. Мои мысли остались теми же самыми, и это означает, что главный вопрос остался без ответа.

Наконец я чувствую себя в безопасности здесь, на воде. Хотя «безопасность» очень относительна. Конечно, «безопаснее», чем на берегу или среди возможных мест засады. Я никогда не была в безопасности с того дня, как вернулась из больницы...

Я вернулась домой безумно усталой, проведя несколько бессонных ночей в больнице, и сразу же легла в постель. Я не заметила, в котором часу это было, поэтому не знаю, как долго я спала. В темноте меня разбудило нечто похожее на телефонный звонок. Со сна я потянулась к телефону, но поняла, что никто не звонит. Приснилось? Я села на постели и потерла глаза. Потянулась. Недавнее прошлое медленно возвращалось в мое созна-

ние, и я знала, что теперь я снова некоторое время не засну. Хорошо бы выпить чашечку кофе. Я поднялась, прошла на кухню и согрела воду.

Когда я проходила мимо компьютера, я заметила, что экран светится. Я не помнила, был ли он включен, когда я пришла, но подошла, чтобы выключить его.

Тут я увидела, что он не включен. Заинтригованная, я снова посмотрела на экран и в первый раз осознала, что на дисплее есть слова:

МАРИ.
ВСЕ В ПОРЯДКЕ.
Я ПЕРЕСЕЛЕН.
ИСПОЛЬЗУЙ КРЕСЛО И ШЛЕМ.
КИТ.

Я почувствовала, что мои пальцы сжали щеки, а дыхание пресеклось. Кто сделал это? Как? Может быть, этот сумасшедший бред оставлен Китом перед тем, как он потерял сознание?

Я подошла и несколько раз нажала переключатель, оставив его в положении «выключено».

Слова исчезли, но экран светился по-прежнему. Вскоре появилось новое изображение:

ТЫ ПРОЧИТАЛА МОЕ ПОСЛАНИЕ. ХОРОШО.
ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ЖИВ.
Я ВОШЕЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ СЕТЬ.
СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.
Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ.

Я выбежала из комнаты. В ванной меня несколько раз вырвало. Затем я села, дрожа. Кто бы мог так ужасно подшутить надо мной? Я выпила несколько стаканов воды и подождала, пока дрожь пройдет.

Успокоившись, я прошла на кухню, приготовила чай и выпила чашку. Мои мысли медленно приходили в порядок. Я обдумала возможности. Одна из них, похоже, заключалась в следующем. Кит оставил мне сообщение, и, если я воспользуюсь индукционным интерфейсом, сработает механизм воспроизведения этого сообщения. Я хотела получить это сообщение, но не знала, хватит ли у меня сил прочитать его сейчас.

Я должна отложить это до лучших времен. За окном уже начинало светать. Я поставила чашку и вернулась к компьютеру.

Экран все еще светился. Но сообщение было другим:

НЕ БОЙСЯ.
СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.
ТОГДА ТЫ ВСЕ ПОЙМЕШЬ.

Я подошла к креслу. Уселась и надела шлем. Сначала я ничего не слышала, кроме шума.

Затем я ощутила его присутствие, трудновыразимое ощущение потока информации. Я ожидала. Я старалась настроиться на то, что он мне хотел сказать.

— Это не запись, Мари,— как мне показалось, сказал он.— Я действительно здесь.

Я не поддалась мгновенному желанию вскочить.

— Я сделал это. Я вошел в информационную сеть. Я нахожусь повсюду. Это чистое блаженство. Я — поток. Это замечательно. Я буду здесь всегда. Это нирвана.

— Это действительно ты,— сказала я.

— Да. Я переселил себя. Я хочу показать тебе, что это значит.

— Ну давай.

— Освободи свое сознание и позволь войти в него.

Я расслабилась, и он вошел в меня. Тогда я все поняла.

16

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ УМЕДЗАВЫ

Фудзи за лавовыми полями и клочьями тумана, движущиеся облака.

Летящие птицы и птицы на земле. Этот вид, по крайней мере, похож.

Я опираюсь на посох и смотрю на него. Впечатление как от музыки: я приобретаю силу способом, который не могу описать.

Я видела цветущие вишни по пути сюда, огненные поля клевера, желтые поля рапса, выращиваемого на масло, несколько зимних камелий, все еще сохраняющих свои розовые и красные цветы, зеленые стрелки ростков риса, там и сям цветущие тюльпаны, голубые горы вдалеке, туманные речные долины. Я проходила деревни, где крыши вместо соломы покрыты окрашенными листами металла — голубыми, желтыми, зелеными, черными, красными, а дворы полны синевато-серых камней, так прекрасно подходящих для украшения садиков. Вот корова, жующая свою жвачку. Вот ряды шелковичных кустов, где кормятся шелковичные черви. Мое сердце билось от восхищения — черепицей, маленькими мостами, красками... Это было похоже на вхождение в сказку Лафкадио Херна.

Мое сознание возвращается назад к моменту встречи с моим электронным проклятием. Предупреждение Хокусая в тот вечер, когда я выпила слишком много, что его картины могут заманить меня в ловушку, вполне могло оказаться справедливым. Кит несколько раз предугадал мое передвижение. Как ему это удалось?

Наконец меня осенило. Моя маленькая книга репродукций Хокусая — карманное издание — была подарком Кита.

Возможно, он ожидал меня в Японии примерно в это время из-за Осаки. Так как его эпигоны засекли меня пару раз, вероятно, путем сплошного сканирования терминалов, можно было сопоставить мое передвижение с последовательностью картин Хокусая «Виды горы Фудзи», которая, как он знал, мне очень нравилась, и просто экстраполировать и ждать. Я думаю, что так оно и было.

Вхождение в информационную сеть вместе с Китом произвело на меня ошеломляющее впечатление. Я действительно не отрицаю, что мое сознание распылилось и поплыло. Я была во множестве мест одновременно, я

скользила непонятным образом, так что сознание и сверхсознание и какая-то гордость были со мной и внутри меня как факт особенного восприятия. Скорость, с которой я была увлечена, казалась мгновенной, и во всем этом был вкус вечности. Доступ ко множеству терминалов и сверхмощная память создавали чувство всезнания. Возможность манипулирования всем в этом королевстве создавала представление о всемогуществе. А чувства... Я ощущала наслаждение. Кит со мной и внутри меня. Это был отказ от себя и новое воплощение, уход от мирских желаний, освобождение...

— Оставайся со мной навсегда,— казалось, предложил Кит.

— Нет,— ответила я в полусне, ощутив себя изменившейся.— Я не могу отказаться от себя так охотно.

— Даже ради этого? Ради этой свободы?

— И этого замечательного отсутствия ответственности?

— Ответственности? За что? Это чистое существование. Здесь нет прошлого.

— Тогда исчезает совесть.

— Что за нужда в ней? Здесь нет и будущего.

— Тогда любое действие теряет смысл.

— Верно. Действие — это иллюзия. Последствие — тоже иллюзия.

— И парадокс торжествует над разумом.

— Здесь нет парадокса. Все примиряется.

— Тогда умирает смысл.

— Единственный смысл — бытие.

— Ты уверен?

— Почувствуй это.

— Я чувствую. Но этого недостаточно. Пошли меня обратно, пока я не превратилась в то, чем я не желаю быть.

— Чего большего, чем это, ты могла бы желать?

— Моя фантазия тоже умрет. Я чувствую это.

— А что такое фантазия?

— Нечто порожденное чувствами и разумом.

— Но разве это состояние не ощущается?

— Да, оно ощущается. Но я не хочу такого чистого ощущения. Когда чувство соприкасается с разумом, я вижу, что вместе это нечто более сложное, чем их сумма.

— Здесь ты можешь иметь дело с любой степенью сложности. Посмотри на информацию! Разве разум не подсказывает тебе, что теперешнее состояние намного выше того, которое ты знала несколько мгновений назад?

— Но я не доверяю и разуму в отдельности. Разум без чувства приводил человечество к чудовищным действиям. Не пытайся изменить меня таким образом!

— Ты сохранишь свой разум и свои чувства.

— Но они будут выключены — этой бурей блаженства, этим потоком информации. Мне нужно, чтобы они были вместе, иначе мое воображение потеряется.

— Да пусть оно теряется. Оно отслужило свое. Оставь его. Что можешь ты вообразить такого, чего здесь еще нет?

— Я еще не знаю, и в этом сила воображения. Если бы во всем этом была искра божественности, я знала бы об этом только через воображение. Я могу отдать тебе что-нибудь другое, но здесь я не хочу сдаваться.

— А моя любовь?

— Твоя любовь перестала быть человеческой. Отпусти меня!

— Конечно. Ты подумаешь об этом и вернешься.

— Назад! Немедленно!

Я сорвала шлем с головы и вскочила. Я прошла сначала в ванную, потом к постели. Я спала очень долго, как со снотворным.

Иначе бы я относилась к этим возможностям, будущему, иначе бы работало мое воображение, если бы я не была беременна — я подозревала это, но не сказала ему, а он не спросил, увлеченный своими доводами? Мне хотелось бы думать, что мой ответ был бы тем же самым, но я

никогда не смогу узнать.

Доктор подтвердил мои подозрения на следующий день. Я пошла к нему, так как моя жизнь требовала определенности — уверенности в чем-нибудь. Экран оставался пустым три дня. Я читала и думала. На третий день на экране высветились слова:

ТЫ ГОТОВА?

Я напечатала одно слово:

НЕТ.

И выдернула соединительный шнур из розетки.

Зазвонил телефон.

— Алло? — сказала я.

— Почему нет? — раздался его голос.

Я вскрикнула и повесила трубку. Он уже проник в телефонную сеть, сумел подобрать голос.

Снова звонок. Я снова сняла трубку.

— Ты не будешь знать отдыха, пока не вернешься ко мне.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

— Я не могу. Ты часть меня. Я хочу, чтобы ты была со мной. Я люблю тебя.

Я повесила трубку. Он позвонил снова. Я сорвала телефон со стены.

Я поняла, что мне нужно быстро уехать. Я была подавлена всеми воспоминаниями о совместной жизни, они угнетали меня. Я быстро собралась и уехала. Сняла номер в гостинице. Как только я в нем очутилась, зазвонил телефон. Это снова был Кит. Моя регистрация прошла через компьютер и...

Я отключила. Повесила табличку «Прошу не беспокоить». Утром я увидела телеграмму, подсунутую под дверь. От Кита. Он хотел поговорить со мной.

Я решила уехать подальше. Покинуть страну, вернуться в Штаты.

Ему было легко следовать за мной. Кабельная связь,

спутники, оптическая связь были к его услугам. Как отвергнутый поклонник, он преследовал меня телефонными звонками, прерывал телевизионные передачи, чтобы высветить на экране свое сообщение, прерывал мои телефонные разговоры с друзьями, юристами, магазинами. Несколько раз он даже присылал мне цветы. Мой электронный бодхисаттва, небесная гончая, он не давал мне отдыха. Это ужасно, быть замужем за вездесущей информационной сетью.

Поэтому я поселилась в деревне. В моем доме не было ничего такого, что он мог бы использовать для связи. Я изучала способы уклонения от системы.

В те немногие моменты, когда я теряла бдительность, он немедленно настигал меня. Однажды он научился новому фокусу, и я получила подтверждение, что он хочет забрать меня в свой мир силой. Он научился накапливать заряд на терминале, формировать из него нечто похожее на шаровую молнию в виде зверя и посылать эти недолговечные творения на небольшое расстояние для выполнения его воли. Я обнаружила их слабое место в доме моих приятелей, когда один из них подошел ко мне, до смерти испугал и попытался оттеснить меня к терминалу, вероятно, для того, чтобы переселить. Я ударила этого эпигона (так позднее Кит называл его в телеграмме с объяснениями и извинениями) тем, что было под рукой,— горящей электрической лампой, которая погрузилась в его тело и немедленно замкнула цепь. Эпигон распался, а я поняла, что слабый электрический заряд создает неустойчивость внутри этих созданий.

Я оставалась в деревне и воспитывала дочь. Я читала и упражнялась в искусстве материнства, гуляла по лесам и взбиралась на горы, плавала на лодке: все деревенские занятия, и очень нужные мне после жизни, полной конфликтов, интриг, заговоров, насилия. Это был маленький островок безопасности от Кита. Я наслаждалась своим выбором.

Фудзи за полями лавы... Весна... Теперь я вернулась. И это не мой выбор.

17

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ОЗЕРА СУВА

Итак, я добралась до озера Сува, Фудзи отдыхает вдалеке. Озеро не производит на меня такого сильного впечатления, как Камагути. Но оно безмятежно, что прибавляет моему настроению умиротворенности. Я ощутила аромат весенней жизни, и он распространился по всему моему существу. Кто бы мог разрушить этот мир, уничтожив первозданность? Нет. Не отвечайте.

Не в такой ли глухой провинции Бочан нашел свою зрелость? У меня есть теория, касающаяся книг, похожих на эту книгу Нацуме Сосеки. Кто-то однажды сказал мне, что это одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный японец прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Штатах мне сказали, что «Гекльберри Финн» — одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный янки прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Канаде это был Стивен Ликок с его «Городком в солнечном свете». В других странах были свои книги такого сорта. Все они — пасторали и описывают время перед мощной урбанизацией и механизацией. Это книги юности о национальной душе и характере, об уходящей невинности. Многие из них я давала Кендре.

Я лгала Борису. Конечно, я знала о конференции в Осаке. Ко мне даже обратился один из прежних моих начальников с предложением сделать кое-что в этой области. Я отказалась. У меня были собственные планы.

Хокусай, привидение и наставник, ты понимаешь мои возможности и цели лучше Кита. Ты знаешь, что человечность должна окрашивать наши отношения со вселенной, что это не только необходимость, но и благо, и только поэтому еще светит солнце.

Я вытаскиваю мое спрятанное лезвие и снова точу его. Солнце ушло с моей стороны мира, но и темнота тоже мой друг.

18

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ СО СТОРОНЫ МОРЯ В КАНАГАВЕ

А это изображение смерти. Большая волна, почти поглотившая хрупкие суденышки. Одна из картин Хокусая, которая известна всем.

Я не занимаюсь серфингом. Я не умею выбрать подходящую волну. Я просто остаюсь на берегу и смотрю на воду. Этого достаточно для воспоминаний. Мое паломничество близится к концу, но конец пока еще не виден.

Итак... Я вижу Фудзи. Назовем Фудзи концом. Как и с обручем на первой картине, цикл замыкается ею.

По пути сюда я остановилась в небольшой роще и совершила омовение в ручье, протекавшем через нее. Из находившихся поблизости веток соорудила низкий алтарь. Как обычно во время путешествия, очищая руки, я поместила перед ним кадильницу, сделанную из камфарного дерева и белого сандалового дерева; я также поместила здесь венок из свежих фиалок, чашу с овощами и чашу со свежей водой из источника. Потом я зажгла лампу, которую купила и заполнила рапсовым маслом. На алтаре я поместила изображение бога Кокузо, которое принесла с собой из дома, повернув его в сторону запада, где я стояла. Я снова совершила омовение и вытянула правую руку, соединив средний и большой пальцы, произнося мантру, призывающую бога Кокузо. Я отпила глоток воды и продолжала повторять мантру. После этого я три раза сделала жест Кокузо, рука на макушке, на правом плече, на левом плече, сердце и горле. Я развернула белую ткань, в которую было завернуто изображение Кокузо. Когда я все это проделала, я начала медитацию в той позиции, в которой Кокузо был изображен на картине. Через некоторое время мантра стала повторяться сама по себе, снова и снова.

В конце концов у меня было видение, и я говорила, рассказывая, что произошло и что я собираюсь делать, и

прося о помощи и руководстве. Внезапно я увидела, как его меч опускается, опускается подобно медленной молнии, отсекает ветку от дерева и она начинает кровоточить. После этого начинает идти дождь, как в видении, так и в действительности, и я знаю, что это и есть ответ.

Я все закончила, прибрала, надела пончо и двинулась своим путем.

Был сильный дождь, ботинки промокли. Становилось холодно.

Я тащилась долго, и холод стал пронизывать меня до костей. Руки и ноги окоченели.

Я смотрела по сторонам в поисках укрытия, но вокруг не было ничего, где я могла бы переждать непогоду. Потом, когда дождь перешел из проливного в слабую морось, заметила вдалеке что-то похожее на храм или гробницу. Я направилась туда, надеясь на горячий чай, огонь и возможность сменить носки и высушить ботинки.

Священник остановил меня у ворот. Я рассказала ему о моих трудностях. Он, казалось, чувствовал себя неудобно.

— Наш обычай давать приют каждому нуждающемуся,— сказал он.— Но сейчас я в затруднении.

— Я буду счастлива внести вклад, если слишком многие, проходившие этим путем, истощили ваши запасы. Я действительно хочу только согреться.

— О нет, дело не в запасах,— стал он рассказывать мне,— не слишком много путников ходит этой дорогой. Проблема в другом, и я затрудняюсь рассказать вам о ней. Мы прослывем старомодными и суеверными, хотя это действительно очень современный храм. Но сейчас нас посетили, э-э... призраки.

— О?

— Да. Адские видения приходят из библиотеки и книгохранилища, расположенного за покоями настоятеля. Они шествуют по монастырю, проходят через наши комнаты, бродят по двору, затем возвращаются в библиотеку или исчезают.

Он внимательно изучал мое лицо, пытаясь обнаружить насмешку, веру, неверие — что-нибудь. Я просто кивнула.

— Это очень неудобно,— добавил он.— Мы проделали несколько процедур изгнания злых духов, но безуспешно.

— Как давно это началось?

— Примерно три дня назад.

— Кто-нибудь пострадал от этого?

— Нет. Это очень обременительно, но никто не пострадал. Они отвлекают внимание, когда пытаешься заснуть или сосредоточиться, так как вблизи них кожу начинает покалывать и волосы встают дыбом.

— Интересно. И много ли их?

— По-разному. Обычно один. Иногда два. Редко три.

— Нет ли случайно в вашей библиотеке компьютерного терминала?

— Да, есть. Как я уже сказал, мы очень современны. Мы держим там наши записи и с его помощью можем получить распечатки тех текстов, которых у нас нет.

— Если вы выключите терминал на несколько дней, они, вероятно, уйдут. И скорее всего больше не вернутся.

— Мне нужно посоветоваться с настоятелем, прежде чем сделать это. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Да, но прежде всего я хотела бы согреться, с вашего позволения.

— Да, конечно. Пройдите сюда.

Я проследовала за ним, почистив свои ботинки и сняв их перед входом. Он провел меня через заднюю часть дома в милую комнатку, выходящую в храмовый садик.

— Я пойду и прикажу приготовить для вас еду и жаровню с углем, чтобы вы могли согреться,— сказал он и удалился.

Предоставленная самой себе, я восхищенно смотрела на золотых карпов, плавающих в пруду, расположенном в нескольких футах от дома.

Дождевые капли падали на его поверхность, на маленький каменный мост над прудом, на каменную пагоду, на дорожки, выложенные камнем. Я хотела бы пройти по этому мосту — как не похож он на металлические, холодные и темные — и затеряться здесь на век или два. Вместо этого я уселась и важно отпивала чай, который принесли мгновением позже, согревала ноги и сушила носки над жаровней, которую принесли после чая.

Позднее, когда я почти съела поданную еду и наслаждалась разговором с молодым священнослужителем, который попросил разрешения составить мне компанию, пока настоятель занят, я увидела моего первого эпигона.

Он напоминал очень маленького слона, гуляющего по одной из извилистых дорожек сада и нюхающего воздух змеевидным хоботом. Меня он пока не заметил.

Я указала на него священнику, который не смотрел в эту сторону.

— О господи! — воскликнул он, перебирая четки.

Когда он смотрел в ту сторону, я повернула посох в нужную позицию.

Пока эпигон приближался, я поспешила докончить свою еду. Я боялась, что моя чашка может пострадать во время схватки.

Услышав звук от движения посоха, священник взглянул назад.

— Вам посох не понадобится,— сказал он.— Как я уже объяснял, эти демоны не нападают.

Я покачала головой и проглотила еду.

— Этот будет нападать, как только почувствует мое присутствие. Видите ли, они ищут именно меня.

— О господи! — повторил он.

Эпигон повернул хобот ко мне и направился к мостику. Я встала.

— Он более плотный, чем обычно,— сообщила я.— Три дня, да?

— Да.

Я подошла к выходу и сделала шаг наружу. Он внезапно взлетел на мост и ринулся ко мне. Я встретила его

острием, но ему удалось избежать его. Я повернула посох дважды и ударила его, когда он развернулся. Мои удары попали в цель, и я получила в ответ удары в грудь и щеку. Эпигон исчез, как горящий водородный шар, а я осталась, потирая лицо и оглядываясь.

Второй эпигон проскользнул в нашу комнату из внутренних покоев монастыря. Сделав внезапный выпад, я поразила его с первого удара.

— Я думаю, мне пора идти дальше,— сказала я.— Спасибо за гостеприимство. Жаль, что я не встретилась с настоятелем. Я согрелась, насытилась и узнала все, что хотела, о ваших демонах. Можете не беспокоиться о терминале. Вероятно, они скоро перестанут посещать вас и больше не вернутся.

— Вы уверены?

— Я это знаю.

— Я не знал, что терминал — источник демонов. Продавец ничего не сказал нам.

— Ваш теперь будет в порядке.

Он проводил меня до ворот.

— Спасибо вам за изгнание дьяволов.

— Спасибо за еду.

Я шла несколько часов, пока нашла место для лагеря в пещере, воспользовавшись своим пончо для укрытия от дождя.

И сегодня я пришла сюда, чтобы наблюдать за волной смерти. Хотя такой большой на море пока нет. Моя еще где-то там, вдали.

19

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ СИТИРИГАХАМЫ

Фудзи за соснами, в тени, за ней поднимаются облака... Скоро вечер. Погода сегодня хорошая, мое здоровье не внушает опасений.

Я встретила двух монахов и шла вместе с ними некоторое время. Я была уверена, что где-то их видела, поэтому я поздоровалась с ними и спросила, возможно ли это. Они ответили, что совершают паломничество к дальнему монастырю и допускают, что мы где-то виделись. Мы вместе перекусили на обочине. Наш разговор ограничивался общими местами, хотя они спросили, слышала ли я о привидениях в Канагаве. Как быстро распространяются слухи подобного рода. Я сказала, что слышала, и мы вместе поговорили об этих странностях.

Через какое-то время я забеспокоилась. Каждый поворот моего пути оказывался также и их путем. Я была не против короткого общения, но находиться с ними вместе долгое время не желала.

В конце концов, когда мы подошли к развилке, я спросила, по какой дороге они пойдут. Они колебались, затем сказали, что пойдут направо. Я выбрала левый путь. Через некоторое время они присоединились ко мне, сказав, что изменили свое решение.

Когда мы подошли к городу, я остановила машину и предложила водителю порядочную сумму, чтобы он отвез меня в деревню. Он согласился, и мы уехали, оставив их на дороге.

Я остановила машину, прежде чем мы доехали до следующего города, заплатила ему и наблюдала, как он отъехал.

Тогда я свернула на тропинку, идущую в нужном направлении. Через некоторое время сошла с тропинки и пошла прямо по лесу, пока не наткнулась на другую дорогу.

Я остановилась поблизости от дороги, на которую вышла в конце концов, а на следующее утро позаботилась о том, чтобы уничтожить все следы своего пребывания здесь. Монахи не появлялись. Может быть, они вполне безобидны, но я должна доверять моей тщательно культивируемой паранойе.

Она привела меня к тому, что я заметила человека вдалеке — европейца, судя по его одежде... Он время от времени останавливался, делая фотоснимки. Конечно, я вско-

ре уйду от него, если он следит за мной — или даже если нет.

Ужасно, что приходится слишком долго быть в таком положении. Скоро я начну подозревать школьников.

Я смотрела на Фудзи, когда тени удлинялись. Я буду смотреть на нее до первой звезды. Потом я ускользну прочь.

Я увидела, что небо темнеет. Фотограф собрал свои инструменты и ушел.

Я оставалась начеку, но когда увидела первую звезду, то соединилась с тенями и исчезла, как день.

20

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ С ПЕРЕВАЛА ИНУМЕ

Сквозь туман и над ним. Дождь прошел чуть раньше. Вот Фудзи, тучи на ее челе. Этот вид производит достойное впечатление.

Я сижу на поросшей мохом скале и стараюсь запомнить все изменения вида Фудзи, когда быстрый дождь занавешивает ее, прекращается, начинается снова.

Дует сильный ветер. Снизу ползет туман. Царит оцепенелое молчание, нарушаемое лишь монотонным заклинанием ветра.

Я устраиваюсь поудобнее, ем, пью, смотрю и снова продумываю свои последние планы. Все идет к концу. Скоро цикл замкнется.

Раньше я думала о том, чтобы выбросить здесь свои медикаменты в знак того, что обратной дороги нет. Сейчас я думаю об этом как о глупом романтическом жесте. Мне нужна вся моя сила, вся поддержка, которую я могу получить, чтобы у меня были шансы на успех. Вместо того чтобы выбросить лекарства, я принимаю таблетку.

Ветры добры ко мне. Они накатываются волнами, но обнимают меня.

Несколько путешественников проходят внизу. Я отклоняюсь назад, скрываясь из их поля зрения. Они проходят, как привидения, их слова относит ветром, они даже не долетают до меня. У меня возникает желание запеть, но я себя останавливаю.

Я сижу довольно долго, уйдя в свои мысли. Так хорошо путешествовать в прошлом, прожить жизнь еще раз...

Что происходит внизу? Еще одна смутно знакомая фигура появляется в поле зрения, таща снаряжение. Я не могу разглядеть ее отсюда, да и не надо. Когда он останавливается и начинает разворачивать свою аппаратуру, я узнаю фотографа из Ситиригахамы, пытающегося запечатлеть еще один вид Фудзи.

Я наблюдаю за ним некоторое время, и он даже не глядит в мою сторону. Скоро я уйду, и он не узнает о моем присутствии. Я могу допустить, что это совпадение. На время, конечно. Если я увижу его снова, мне, должно быть, придется убить его. Я слишком близка к цели и не могу допустить даже тени возможности, чтобы мне помешали.

Мне лучше двинуться сейчас, так как предпочтительнее идти перед ним, а не следом за ним.

Вид на Фудзи с высоты — хорошее место для отдыха. Мы скоро увидимся снова.

Пойдем, Хокусай, нам пора.

21

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ С ГОР ТОТОМИ

Ушли старые лесорубы, разрезающие стволы на доски, придающие им форму. Только Фудзи, заснеженная и покрытая тучами, осталась. Мужчины на картине работают по-старому, как бондарь Овари.

Кроме тех картин, на которых изображены рыбаки, живущие в гармонии с природой, это одна из двух картин в моей книге, где есть люди, активно меняющие мир. Их работа слишком обычна для меня, чтобы видеть в ней изображение Девственности и Движения. Они, должно быть, делали ту же работу за тысячу лет до Хокусая.

Все же это сцена человеческого преобразования мира, и это ведет меня в глубь веков от нашего времени, времени изощренных орудий и крупномасштабных изменений. Я вижу в этом изображении то, что будет сделано потом, металлическую кожу и пульсирующую плавность линий одежды будущего. И Кит тут же, богоподобный, оседлавший электронные волны.

Я больше не видела фотографа, хотя вчера заметила монахов, остановившихся на отдых на дальнем холме. Я рассмотрела их в подзорную трубу и обнаружила, что это те же самые монахи, с которыми я уже сталкивалась. Они не заметили меня, и я постараюсь сделать так, чтобы наши пути больше не пересекались.

Фудзи, я вобрала в себя двадцать один твой вид. Немного жизни, немного смерти. Скажи богам, если ты об этом думаешь, что мир почти умер.

Я иду пешком и рано останавливаюсь на ночлег в поле рядом с монастырем. Я не хочу входить туда после последнего опыта посещения современного святого места. Укладываюсь в укромном месте рядом, среди скал и проростков сосны. Сон приходит быстро.

Я пробуждаюсь внезапно и дрожу в темноте и безмолвии. Я не могу вспомнить, что меня разбудило, какой-то звук или сон. Но я так испугана, что готова бежать. Я стараюсь успокоиться и жду.

Что-то движется, как лотос в пруду, позади меня, затем надо мной, одетое в звезды, излучая молочный, потусторонний свет. Это утонченное изображение бодхисаттвы, чем-то похожее на Каннон, в одеждах из лунного света.

— Мари.

Его голос нежен и заботлив.

— Да?

— Ты вернулась, чтобы путешествовать по Японии? Ты пришла ко мне, не так ли?

Иллюзия разрушилась. Это Кит. Он тщательно подготовил этого эпигона. Наверно, в монастыре есть терминал. Попытается ли он применить силу?

— Да, я на пути, чтобы увидеть тебя,— нашлась я.

— Ты можешь соединиться со мной сейчас, если хочешь.

Он протянул чудесно изваянную руку, как будто для благословения.

— Мне осталось совсем немного сделать, прежде чем мы соединимся.

— Что может быть более важным? Я видел медицинские записи. Я знаю о твоем состоянии. Это будет трагедия, если ты умрешь на дороге, так близко от своего освобождения. Приди сейчас.

— Ты ждал так долго, и время для тебя так мало значит.

— Я забочусь о тебе.

— Уверяю тебя, я должна сделать необходимые приготовления. Между прочим, кое-что беспокоит меня.

— Расскажи мне.

— В прошлом году была революция в Саудовской Аравии. Это казалось благоприятным для них, но испугало японских импортеров нефти. Внезапно новое правительство стало выглядеть в газетах очень плохим, а новая контрреволюционная группа казалась более сильной и лучше подготовленной, чем была на самом деле. Главные силы выступили на стороне контрреволюционеров. Сейчас они у власти, но оказались гораздо хуже, чем первое правительство, которое было свергнуто. Кажется возможным, но непостижимым, что данные всех компьютеров мира оказались искаженными, вводящими в заблуждение. А сейчас проходит конференция в Осаке, на которой должно быть выработано новое соглашение по нефти с последним правительством. Кажется, Япония будет иметь хорошую долю в этом. Ты однажды сказал, что ты вне этих мирских забот, или я ошибаюсь? Ты японец, ты любишь свою страну. Ты мог бы участвовать в этом?

— Что, если да? Это так мало значит в свете вечных ценностей. Если подобные чувства и остались во мне,

нет ничего недостойного в том, что я предпочитаю свою страну и свой народ.

— Но если ты сделал это сейчас, что помешает тебе однажды вмешаться снова, когда обычай или чувства подскажут тебе, как действовать?

— Что из того? — ответил он.— Я только протянул палец и слегка потревожил пыль иллюзий.

— Я понимаю.

— Я сомневаюсь, что ты действительно поняла меня. Но ты сможешь убедиться в этом, когда соединишься со мной. Почему бы не сделать это сейчас?

— Скоро,— сказала я.— Дай мне закончить дела.

— Я дам тебе несколько дней, но потом ты должна быть со мной навсегда.

Я склонила голову.

— Я скоро снова увижу тебя.

— Спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи.

После этого он удалился. Его ноги не касались земли, и он прошел через стену монастыря.

Я приняла лекарство и бренди. Двойную дозу того и другого...

22

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ РЕКИ СУМИДА В ЭДО

Так я пришла к месту перевоза. Картина показывает паромщика, везущего множество людей в город. Вечер. Фудзи лежит темная и грустная вдалеке. Здесь я действительно думаю о Хароне, но мысли не доставляют беспокойства, как раньше. Я пройду по мосту сама.

Так как Кит оказал мне благосклонность, я свободно иду по широким улицам, воспринимаю запахи, слышу шум и наблюдаю людей, идущих по своим делам. Я думаю, что Хокусай мог бы делать в наше время? Он об этом молчит.

Я немного выпила, я улыбаюсь без причины, я даже ем вкусную еду.

Я устала от переживания своей жизни. Я не ищу утешения в философии или литературе. Я просто гуляю по городу, моя тень скользит по лицам и витринам, барам и театрам, храмам и конторам. Любой, кто приближается, сегодня желанен. Я ем груши, играю в азартные игры, я танцую. Для меня сегодня нет вчера, нет и завтра. Когда мужчина кладет руку на мое плечо, я притягиваю его к себе и смеюсь. Он хорош для часового упражнения и смеха в маленькой комнатенке, которую он находит для нас. Я сделала так, что он несколько раз закричал, прежде чем я покинула его, хотя он умолял меня остаться. Слишком много нужно сделать и увидеть, милый. Здравствуй и прощай.

Я иду... По паркам, аллеям, садам, площадям. По маленьким и большим мостам, по улицам, переулкам. Лай, собака. Кричи, ребенок. Плачь, женщина. Я прохожу среди вас. Я ощущаю вас с бесстрастной страстью. Я вбираю в себя всех, так как на эту ночь я могу вобрать весь мир.

Я иду под легким дождем и по холоду, который наступает после него. Моя одежда промокает, затем высыхает. Я захожу в храм. Я плачу таксисту, чтобы он провез меня по городу. Я ужинаю. Захожу в другой бар. Прохожу по пустынным игровым площадкам, где смотрю на звезды.

И я стою перед фонтаном, посылающим воду в светлеющее небо, пока не гаснут звезды,— и только последние искры звездного света падают вокруг меня.

Потом завтрак и долгий сон, снова завтрак и еще более продолжительный сон...

А ты, мой отец в грустной вышине? Я скоро покину тебя, Хокусай.

23

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ ОТ ЭДО

Снова гуляю ненастным вечером. Сколько времени прошло с тех пор, как я разговаривала с Китом? Думаю, слишком много. Эпигон может появиться на моем пути в любой момент.

Я сузила мои поиски до трех храмов — ни один из них не изображен на картине, если быть точным, только верхушка какого-то из них под невозможным углом, Фудзи за ней, дым, тучи, туман.

Я проходила мимо них много раз, как кружащая птица. Я не хочу больше делать этого, так как чувствую, что скоро будет сделан правильный выбор. Некоторое время тому назад я поняла, что за мной кто-то идет, действительно идет, по всем моим кругам. Кажется, мои худшие опасения не беспочвенны: Кит использует не только эпигонов, но и людей. Как он нашел их и что он пообещал им, я не берусь угадывать. Кто еще мог бы следить за мной в этом месте, наблюдать, как я держу обещание, и применить силу в случае необходимости?

Я замедляю свои шаги. Но кто бы ни был за мной, он делает то же самое. Еще нет. Отлично.

Расстилается туман. Эхо моих шагов тонет в нем. И шаги моего преследователя тоже. К несчастью.

Я направляюсь к другому храму. Я снова замедляю шаги, все мои чувства обострены.

Ничего. Никого. Все в порядке. Время не проблема. Я продолжаю движение.

Через немалое время я приближаюсь к третьему храму. Это должен быть он, но мне нужно, чтобы мой преследователь выдал себя каким-нибудь звуком. После этого, конечно, я должна буду разделаться с этой персоной, прежде чем двигаться дальше. Я надеюсь, что это будет не слишком трудно, так как все будет брошено на эту схватку.

Я снова замедляю шаги, и никто не появляется, только влага тумана на моем лице и руки крепче обхватили посох. Я останавливаюсь. Ищу в кармане пачку сигарет, которую я купила во время моего недавнего праздничного настроения. Я сомневаюсь, чтобы они могли укоротить мою жизнь.

Когда я подношу сигарету к губам, я слышу слова:

— Вам нужен огонь, мадам?

Я киваю и поворачиваюсь.

Один из тех двух монахов щелкает зажигалкой и подносит мне огонек. Я в первый раз замечаю грубые мозоли на ребрах его ладоней. Он их держал от глаз подальше, пока мы путешествовали вместе. Другой монах появился за ним, слева.

— Спасибо.

Я выдыхаю и посылаю дым на соединение с туманом.

— Вы прошли большой путь,— говорит мужчина.

— Да.

— И ваше паломничество пришло к концу.

— Да? Здесь?

Он улыбается и кивает. Поворачивает голову в сторону храма.

— Это наш храм, где мы поклоняемся новому бодхисаттве. Он ожидает вас внутри.

— Он может подождать, пока я докурю.

— Конечно.

Как бы ненароком я изучаю мужчину. Он, вероятно, очень хорош в карате. Но я сильна в бо. Будь он один, я была бы уверена в себе. Но их двое, и второй, наверное, так же силен, как и первый. Кокузо, где твой меч? Я внезапно испугалась.

Я отвернулась, отбросила сигарету. Сделала первый выпад. Конечно, он был готов к этому. Неважно. Я ударила первой.

Но другой стал подходить сзади, и я должна поворачиваться в оборонительной позиции. Затягивать схватку нельзя — мне не устоять.

Я услышала хруст, когда попала по плечу. Кое-что, в конце концов...

Я медленно отступаю к стене храма. Если я подойду слишком близко, она будет мешать мне наносить удары. Я прекращаю отступление и снова пытаюсь нанести решающий удар...

Внезапно человек справа от меня согнулся, темная фигура появилась за его спиной. Нет времени на размышление. Я сосредоточила внимание на первом монахе, нанеся удар, затем еще один.

Тот, кто пришел мне на помощь, был не столь удачлив. Второй монах оглушил его и начал наносить удары, ломающие кости. Мой союзник кое-что знал о борьбе без оружия, так как он принял оборонительную позицию и отразил ряд ударов, нанеся несколько своих. Но он явно проигрывал.

Наконец я нанесла ногой удар в плечо первому монаху. Потом я трижды пыталась ударить его, пока он был на земле, но все три раза он уворачивался. Я услышала короткий вскрик справа, но не могла отвести взгляд от своего врага.

Он поднялся, и на этот раз я поймала его внезапным обманным движением и нанесла сокрушительный удар в висок. Затем развернулась — и вовремя, так как мой союзник лежал на земле, а второй монах был рядом со мной.

Либо я была удачливой, либо он был сильно ранен, но я быстро разделалась с ним, проведя серию резких ударов.

Я поспешила к третьему мужчине и опустилась на колени, тяжело дыша. Я заметила его золотую серьгу во время схватки со вторым монахом.

— Борис.— Я взяла его руку.— Почему ты здесь?

— Я сказал тебе, у меня есть несколько свободных дней, чтобы помочь тебе,— сказал он. Кровь стекала из уголка его рта.— Нашел тебя. Фотографировал... И смотри... Я тебе пригодился.

— Прости меня. Ты лучше, чем я думала.

Он сжал мою руку.

— Я говорил тебе, что ты мне нравишься, Марьюшка. Жаль, что у нас было так мало времени...

Я наклонилась и поцеловала его, ощутив кровь на губах. Его рука разжалась. Я никогда не могла вовремя оценить человека.

Я поднялась. Он остался лежать на мокром асфальте. Я ничего не могу сделать для него. Я иду в храм.

У входа темно, но внутри достаточно света от свечей. Я никого не вижу. Не думаю, что кто-то должен быть здесь.

Только эти два монаха, которые должны были притащить меня к терминалу. Я иду по направлению к свету.

Дождь шуршит по крыше. За светильниками — несколько маленьких комнат, справа и слева.

Наконец я нахожу то, что искала. Во второй комнате. Даже не переступая порога, по ионизации чувствую, что Кит где-то здесь.

Я прислоняю посох к стене и подхожу ближе. Кладу руки на тихо жужжащий терминал.

— Кит,— говорю я,— я пришла.

Передо мной нет эпигонов, но я чувствую его присутствие, и мне кажется, что он говорит, как в ту ночь, очень давно, когда я сидела в кресле с надетым шлемом.

— Я знал, что ты будешь здесь сегодня.

— И я тоже,— отвечаю я.

— Все твои дела сделаны?

— Большинство из них.

— Сегодня ты готова соединиться со мной?

— Да.

Снова я чувствую это движение, почти сексуальное, когда он перетекает в меня. В этот момент он мог бы выиграть.

«Татеме» — это то, что вы показываете другим. «Хонне» — это ваше действительное намерение. Следуя предостережению Мусаси в «Книге Вод», я стараюсь не обнаружить моего «хонне» в этот момент. Я просто протягиваю руку и роняю мой посох так, что его металлический конец, подключенный к батареям, падает на терминал.

— Мари! Что ты сделала? — спрашивает он, будучи уже внутри меня, когда жужжание прекращается.

— Я отрезала тебе путь к отступлению, Кит.

— Почему?

Бритву я уже держу в руке.

— Это единственный выход для нас. Я даю тебе этот «джигай», мой муж.

— Нет!

Я чувствую, как он пытается захватить контроль над моими руками.

Но слишком поздно. Я чувствую, как лезвие входит в мое горло — в правильном месте.

— Безумная! — кричит он.— Ты не знаешь, что ты сделала! Я не смогу вернуться!

— Я знаю.

Когда я тяжело опускаюсь на терминал, мне кажется, что я слышу ревущий звук за моей спиной. Это Большая Волна наконец пришла за мной. Я сожалею только о том, что не добралась до последней станции, если, конечно, это не то, что Хокусай сейчас пытается показать мне — там, за крохотным оконцем, за туманом, дождем и ночью.

24

ВИД ГОРЫ ФУДЗИ В ЛЕТНЮЮ БУРЮ

Часть II

Одиннадцать его обликов

Спящий

1

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Ему было четырнадцать лет, когда сон стал его врагом, превратился в нечто темное и ужасное, и он начал бояться его, как другие боятся смерти. Однако это не было неврозом или одним из его таинственных проявлений. Неврозу обычно присущи элементы иррациональности, а этот страх был вызван специфической причиной и развивался так же логично, как геометрическая теорема.

Нельзя сказать, что в жизни Кройда Кренсона отсутствовала иррациональность. Совсем наоборот. Но она являлась следствием, а не причиной его состояния. По крайней мере, так он себе потом говорил. Выражаясь проще, сон был его тяжким крестом, его судьбой. Адом в рассрочку.

Кройд Кренсон окончил восемь классов школы; девятый ему окончить не удалось. Но его вины в том не было. Не первый и не последний ученик в классе. Обыкновенный мальчишка среднего роста, веснушчатый, голубоглазый, с прямыми каштановыми волосами. Любил играть с друзьями в войну, пока не кончилась настоящая война; потом они все чаще играли в полицейских и грабителей. Пока шла война, он ждал — и ждал с нетерпением — своего шанса стать летчиком-истребителем, асом, как Джет-

бой. После войны, играя в полицейских и грабителей, он обычно бывал грабителем.

Кройд начал учебу в девятом классе, но, как и многим другим, ему не суждено было доучиться и до конца первого месяца: сентября 1946 года...

— Куда ты смотришь?

Он помнил вопрос мисс Марстон, хотя не помнил выражения ее лица, потому что не оторвал тогда взгляда от неба. Ребята из его класса имели привычку все чаще поглядывать в окно по мере того, как приближались заветные три часа пополудни, в этом не было ничего необычного. Но как правило, они быстро оборачивались на окрик, изо всех сил притворяясь, что слушают очень внимательно, а сами ждали спасительного звонка.

Однако Кройд не оглянулся, только ответил:

— Аэростаты.

Еще трое мальчишек и две девчонки, которым тоже было хорошо все видно, посмотрели в том направлении. Мисс Марстон стало любопытно, и она подошла к окну. Остановилась и замерла, глядя вверх.

Они находились довольно высоко, их было пять или шесть. Будто крохотные черточки в конце аллеи из облаков, а двигались так, словно были связаны друг с другом.

Неподалеку летел самолет и быстро к ним приближался. Вспыхнули в голове черно-белые кадры из кинохроники, все еще свежие в памяти. Похоже, самолет шел в атаку на тех серебристых рыбешек.

Мисс Марстон несколько секунд наблюдала, потом отвернулась от окна.

— Ладно, ребята,— начала она.— Это всего лишь...

И тут взвыла сирена. Мисс Марстон почувствовала, как плечи помимо ее воли поднялись и застыли в напряжении.

— Воздушный налет! — крикнула девочка по имени Шарлотта, сидевшая в первом ряду.

— Ничего подобного,— возразил Джимми Уокер, сверкнув скобами на зубах.— Их теперь не бывает. Война кончилась.

— Я знаю, как ревут сирены,— настаивала Шарлотта.— Всякий раз, когда было затемнение...

— Но войны больше нет! — заявил Бобби Тренсон.

— Хватит, ребята,— сказала мисс Марстон.— Наверное, просто проверяют сирены.

Но, взглянув снова в окно, учительница успела заметить маленькую вспышку огня в небе перед тем, как край облака закрыл от нее сцену воздушного боя.

— Оставайтесь на своих местах,— приказала она, потому что несколько учеников встали и двинулись к окну.— Пойду узнаю в учительской — возможно, это учебная тревога, не объявленная заранее. Сейчас вернусь. Разрешаю разговаривать, только тихо.

Мисс Марстон вышла, хлопнув за собой дверью.

Кройд продолжал смотреть на завесу облаков, ожидая, когда они снова разойдутся.

— Это Джетбой,— сообщил он Бобби Тренсону, сидевшему через проход.

— Да брось,— ответил Бобби.— Что ему там делать? Война кончилась.

— Это реактивный самолет. Я его видел в кинохронике, он летает именно так. А у него самый лучший реактивный самолет.

— Ты это просто выдумал? — крикнула Лиза из заднего ряда классной комнаты.

Кройд пожал плечами:

— Там, наверху, кто-то из плохих парней, и он с ними сражается. Я видел огонь. Там стреляют.

Сирены продолжали завывать. С улицы донесся визг тормозов, следом раздался короткий гудок автомобиля и глухой удар столкнувшихся машин.

— Авария! — крикнул Бобби. Все стали вскакивать и пробираться к окну.

Тут и Кройд встал, чтобы от него не закрыли вид из окна; и так как он сидел близко, то нашел себе хорошее место. Только он не смотрел на аварию, а продолжал вглядываться в небо.

Теперь вдалеке слышались гулкие удары. Самолет исчез.

— Что это за шум? — спросил Джо Сарцанно.

— Заградительный огонь,— ответил Кройд.

— Ты псих!

— Они пытаются сбить эти штуки.

— Да уж, конечно. Прямо как в кино.

Облака снова начали сходиться. Но Кройду показалось, что он еще раз заметил промелькнувший реактивный самолет, который стремительно летел прямо на аэростаты. Потом облака закрыли сцену боя.

— Проклятье! — произнес он.— Бей их, Джетбой!

Бобби рассмеялся, и Кройд двинул его локтем изо всех сил.

— Эй! Смотри, кого толкаешь!

Кройд обернулся к нему, но Бобби, похоже, не хотел выяснять отношения. Он снова смотрел в окно и указывал пальцем.

— Почему все эти люди бегут?

— Не знаю.

— Из-за аварии?

— Не-е.

— Смотрите! Вон еще одна!

Синий «студебеккер» на скорости вывернул из-за угла, вильнул в сторону, чтобы объехать две застрявшие машины, и врезался во встречный «форд». Обе машины развернуло, они остановились под углом друг к другу. Другие автомобили тормозили и останавливались, чтобы не столкнуться с ними. Раздалось несколько гудков. Приглушенные звуки заградительного огня продолжали доноситься сквозь завывание сирен. Теперь по улицам бежали люди и даже не останавливались, чтобы взглянуть на столкнувшиеся машины.

— Вы думаете, снова началась война? — спросила Шарлотта.

— Не знаю,— ответил Лео.

К шуму неожиданно прибавился вой полицейской сирены.

— Елки-палки! — восхищенно присвистнул Бобби.— Вот еще одна!

Не успел он договорить, как «понтиак» врезался в багажник одного из стоящих автомобилей. Водители вылезли из машин и собрались вместе; двое из них сердито ругались между собой, но остальные просто разговаривали, время от времени указывая на небо. Они очень быстро разошлись и поспешно зашагали по улице прочь.

— Никакая это не учебная тревога,— заявил Джо.

— Знаю,— ответил Кройд, глядя на участок неба, где облака стали розовыми от яркой вспышки света за ними.— Думаю, это что-то очень плохое.— Он отошел от окна.— Я иду домой.

— Нарвешься на неприятности,— предупредила Шарлотта.

Кройд взглянул на часы.

— Держу пари, звонок прозвенит раньше, чем она вернется. Если не уйти сейчас, то потом нас не отпустят, раз происходит что-то такое, а я хочу домой.

Он повернулся и двинулся к выходу.

— Я тоже пойду,— сказал Джо.

— Вы оба нарветесь на неприятности.

Мальчики пересекли вестибюль. Когда они уже подходили к большой зеленой двери, из противоположного конца раздался взрослый мужской голос:

— Вы, двое! А ну вернитесь!

Кройд сорвался с места, плечом распахнул зеленую дверь и побежал дальше. Джо отставал от него всего на шаг, когда они мчались вниз по лестнице. Теперь на улице было полно остановившихся машин, транспорт забил всю улицу в обоих направлениях. На крышах домов стояли люди, из каждого окна тоже выглядывали зеваки, большинство смотрело вверх.

Кройд бросился в переулок и свернул направо. Его дом находился в шести кварталах к югу, в отдельной группке из нескольких рядов домов на восьмидесятых улицах. Путь Джо лежал в том же направлении, только посредине ему надо было свернуть на восток.

Не успели друзья добраться до угла, как их остановил поток людей, вытекающий из боковой улицы; некоторые сворачивали на север и пытались пробиться сквозь толпу, другие направлялись на юг. Впереди мальчики услышали ругань и шум драки.

Джо дернул за рукав какого-то мужчину. Мужчина вырвал руку, потом взглянул вниз.

— Что происходит? — закричал Джо.

— Какая-то бомба,— ответил мужчина.— Джетбой пытался остановить тех парней, которые хотели ее бросить. Думаю, они все взорвались. Эта штука может в любую минуту сработать. Вдруг она атомная?

— Где она должна упасть? — крикнул Кройд.

Мужчина махнул рукой на север:

— Где-то там.

Затем он заметил просвет в толпе и потерялся среди людей.

— Кройд, мы можем пробраться туда, если перелезем через капот той машины,— сказал Джо.

Кройд кивнул и следом за приятелем полез на еще теплый капот серого «доджа». Водитель заорал на них, но его дверца была зажата людскими телами, а дверь со стороны пассажира приоткрывалась всего на несколько дюймов, упираясь в бампер такси. Мальчики обогнули это такси и прошли перекресток по центру, перебравшись по дороге еще через две машины.

Ближе к середине следующего квартала поток пешеходов поредел, и похоже было, что впереди свободное пространство. Друзья побежали туда, затем резко остановились.

На мостовой лежал человек. Он бился в судорогах. Его голова и руки чудовищно распухли и приобрели темно-красный, почти багровый цвет. В тот момент, как они его заметили, у несчастного из носа и рта хлынула кровь; кровь текла из ушей, сочилась из глаз и из-под ногтей.

— Пресвятая дева! — Джо перекрестился и попятился.— Что с ним?

— Не знаю,— ответил Кройд.— Давай не будем подходить слишком близко. Перелезем еще через несколько машин.

Путь до следующего угла занял у них еще десять минут. По дороге они вдруг заметили, что пушки уже давно молчат, хотя сигналы воздушной тревоги, полицейские сирены и автомобильные гудки сливались в непрерывный вой.

— Пахнет дымом,— заметил Кройд.

— Я тоже чувствую. Но если что-то и горит, то никаким пожарным машинам туда не добраться.

— Весь этот чертов город может сгореть дотла.

— Не везде же так.

— Готов поклясться, что везде.

Мальчики пробирались вперед; потом толпа зажала их в тиски и потащила за угол.

— Нам туда не надо! — заявил Кройд.

Впрочем, движение людской массы вокруг них через несколько секунд остановилось.

— Как ты думаешь, мы сумеем проползти до улицы и опять перелезть через машины? — спросил Джо.

— Можем попробовать.

Им это удалось. Только сейчас обратный путь до угла отнял больше времени, потому что другие тоже пробирались туда. Затем Кройд увидел за ветровым стеклом автомобиля морду рептилии, ее чешуйчатые лапы сжимали вырванный из панели руль, а сама она медленно валилась на бок на переднее сиденье. Быстро отвернувшись, он увидел столб дыма, поднимающийся из-за домов на северо-востоке.

Когда они добрались по автомобилям до угла, оказалось, что им некуда спускаться. Люди стояли, плотно прижатые друг к другу, и раскачивались. То и дело раздавались вопли, Кройда потянуло заплакать, но он понимал, что толку от этого не будет. Он стиснул зубы и задрожал.

— Что нам делать? — крикнул он Джо.

— Если застрянем тут на всю ночь, разобьем стекло в одной из пустых машин и ляжем в ней спать.

— Я хочу домой!

— Я тоже. Давай попытаемся пробраться вперед, сколько сможем.

Почти целый час они прокладывали себе путь вдоль улицы, но им удалось продвинуться всего на квартал. Водители орали и стучали в стекла изнутри, когда они карабкались на крыши автомобилей. Некоторые машины были пусты. В нескольких находилось такое, на что смотреть не хотелось.

Толпа на тротуаре выглядела опасной. Она стала шумной и быстрой, в ней возникали короткие стычки, часто раздавались вопли, и множество тел выбрасывало из нее к подъездам домов и на обочину дороги.

Когда замолчали сирены, возникло секундное замешательство и воцарилась тишина. Затем донесся чей-то голос, усиленный громкоговорителем. Но он был слишком далеко — разобрать удавалось только слово «мосты». Паника началась снова.

Кройд заметил, как впереди из дома на противоположной стороне улицы выпала женщина, и отвел взгляд в сторону раньше, чем она ударилась о землю. В воздухе все еще стоял запах дыма, но никаких признаков пожара поблизости видно не было. Он обратил внимание, как впереди люди остановились и отпрянули в стороны, потому что какой-то человек — Кройд не смог разобрать, мужчина или женщина,— вдруг запылал посреди толпы.

Мальчик проскользнул между двумя автомобилями и на мостовой подождал, пока его догонит приятель.

— Джо, у меня уже полные штаны от страха,— сказал он.— Может, нам лучше просто заползти под одну из машин и подождать, пока все это кончится?

— Я об этом уже думал,— ответил тот.— Но вдруг кусок того горящего дома упадет на машину и она загорится?

— И что тогда?

— Если огонь доберется до бензобака, все машины взлетят на воздух, как шутихи во время фейерверка, так близко они стоят друг от друга.

— Господи!

— Нам надо идти дальше. Можешь пойти ко мне домой, если тебе так легче.

Кройд увидел какого-то человека, выделывавшего танцевальные па и рвущего на себе одежду. Затем его тело начало менять очертания. Кто-то позади на дороге завыл. Донесся звук бьющегося стекла.

В течение следующего получаса толпа на тротуаре поредела настолько, что ее при нормальных обстоятельствах можно было бы назвать обычной. То ли люди добрались до своих домов, то ли основная масса переместилась в другую часть города. Оставшимся прохожим приходилось теперь пробираться среди трупов. Лица в окнах домов исчезли. На крышах тоже никого не было видно. Автомобильные сигналы раздавались уже довольно редко.

Мальчики остановились на углу. После ухода из школы они прошли три квартала.

— Здесь мне сворачивать,— сказал Джо.— Хочешь со мной или идешь дальше?

Кройд посмотрел вперед.

— Теперь вроде поспокойнее. Думаю, я доберусь,— ответил он.

— Увидимся позже.

— Ладно.

Джо поспешно прошел вправо. Кройд секунду провожал его взглядом, затем зашагал дальше.

Далеко впереди по улице из подъезда с воплями выскочил какой-то человек. Казалось, он все увеличивался в размерах и его движения становились все более хаотичными, пока он бежал к середине улицы. И там взорвался.

Кройд прижался спиной к кирпичной стене слева и замер, широко раскрыв глаза; сердце его бешено стучало, но больше ничего не происходило. К западу снова раздался голос из громкоговорителя, и на этот раз слова доносились более отчетливо:

— ...Мосты перекрыты для движения транспорта и пешеходов. Не пытайтесь пользоваться мостами. Возвращайтесь в свои дома. Мосты перекрыты...

Он опять двинулся вперед. Где-то на востоке выла одинокая сирена. Над головой низко пролетел самолет. В подъезде слева лежало скрюченное тело; Кройд отвел глаза и ускорил шаги. Напротив через дорогу заметил дым и стал искать пламя, но увидел, что дым идет из тела женщины, которая сидит на ступеньках крыльца, обхватив голову руками. На его глазах она съежилась и повалилась на бок со звуком, похожим на треск.

Мальчик сжал кулаки и продолжал двигаться дальше.

Из боковой улицы впереди выехал армейский грузовик. Кройд побежал к нему. Человек на пассажирском сиденье повернул голову в каске.

— Почему ты на улице, сынок? — спросил он.

— Я иду домой,— ответил Кройд.

— Где это?

Он показал рукой вперед.

— Два квартала.

— Ступай прямо домой,— велел ему человек.

— Что происходит?

— Объявлено военное положение. Всем велено находиться в домах. Хорошо бы еще и окна держать закрытыми.

— Почему?

— Кажется, та бомба, что взорвалась, была начинена какими-то микробами. Никто точно не знает.

— Это был Джетбой, там?

— Джетбой погиб. Он пытался их остановить.

Глаза Кройда внезапно налились слезами.

— Иди прямо домой.

Грузовик пересек улицу и поехал дальше на запад. Кройд перебежал через дорогу и замедлил шаги, оказавшись на тротуаре. Его начало трясти. Неожиданно стала ощущаться боль в коленках, ободранных во время ползания по крышам автомашин. Он вытер слезы. Ему было ужасно холодно.

Добравшись почти до середины квартала, Кройд несколько раз зевнул. Устал. Он невероятно устал. Снова

двинулся вперед. Он не помнил, чтобы когда-нибудь прежде с таким трудом переставлял ноги. Снова остановился под деревом. Над его головой раздался стон.

Когда Кройд посмотрел вверх, то понял, что это не дерево. Оно было высоким, бурым, имело корни и сужающийся ствол, но у его вершины виднелось ненормально удлиненное человеческое лицо, и именно оттуда доносились стоны. Когда Кройд рванулся прочь, одна из ветвей ухватила его за плечо, но существо было очень слабым, и, сделав несколько шагов, мальчик оказался вне пределов его досягаемости. Он всхлипнул. Ему казалось, что до угла еще много миль, а ведь потом надо пройти целый квартал...

Теперь его одолевали длинные приступы зевоты, и изменившийся мир потерял способность его удивлять. Какой-то человек летит по небу сам по себе — ну и что? Или справа, в канаве, лужа с лицом человека?.. Еще трупы... Перевернутая машина... Кучки пепла... Оборванные телефонные провода...

Он дотащился до угла. Прислонился к фонарному столбу, затем медленно сполз на землю и сел, прислонившись к столбу спиной.

Ему хотелось закрыть глаза. Но это было глупо. Он ведь живет вон там. Еще совсем чуть-чуть — и можно будет лечь спать в собственной постели.

Кройд обхватил столб и с трудом поднялся. Еще перекресток...

Ему удалось добраться до своего квартала, перед глазами все плыло. Чуть-чуть дальше. Уже видна их дверь...

Он услышал скрип открывающегося окна, услышал, как кто-то сверху позвал его по имени. Поднял взгляд. Эллен, маленькая соседская девочка, смотрела на него сверху.

— Мне очень жаль, что твой папа умер,— крикнула она.

Кройд хотел заплакать, но не смог. Все его силы отнимала зевота. Он прислонился к двери и нажал на кнопку

звонка. Карман с лежащим в нем ключом казался таким далеким...

Когда его брат Карл открыл дверь, он упал к его ногам и не смог подняться.

— Я так устал,— сказал Кройд брату и закрыл глаза.

2

УБИЙЦА В ГЛУБИНЕ СНОВИДЕНИЙ

Детство Кройда испарилось, пока он спал, в тот первый День Универсальной карты. Прошло почти четыре недели, прежде чем он проснулся, изменившись, как и весь окружающий мир. Дело было не только в том, что он стал выше на полфута, сильнее, чем мог себе вообразить, и весь был покрыт тонкой красной шерстью. Кройд быстро обнаружил, разглядывая себя в зеркало в ванной, что эта шерсть обладает странными свойствами. Преисполнившись отвращения к своей внешности, он пожелал, чтобы шерсть была хотя бы не красной. И она немедленно начала бледнеть, пока не стала светло-русой, а Кройд при этом ощутил почти приятную щекотку по всему телу.

Заинтересовавшись, он пожелал, чтобы шерсть стала зеленой, и она позеленела. Щекотка, прокатившаяся по телу, на этот раз больше напоминала волну дрожи. Кройд пожелал стать черным — и почернел. Затем снова посветлел. Только не остановился на светло-русой окраске — бледнее, бледнее; белый как мел, альбинос. Еще бледнее... Есть ли предел?

Тут Кройд начал исчезать. Теперь сквозь слабые очертания своего тела ему было видно в зеркале облицованную плиткой стену. Еще бледнее...

Исчез.

Он поднес руку к лицу и ничего не увидел. Взял свою мочалку и прижал к груди. Она тоже стала прозрачной, исчезла, хотя он все еще чувствовал ее влажное прикосновение.

Кройд вновь сделал себя блондином. Затем втиснулся в некогда самые свободные из своих джинсов и надел зеленую фланелевую рубашку, которую не смог застегнуть до низу. Штаны едва доходили ему до щиколоток. Босиком тихо прошлепал вниз по лестнице и отправился на кухню. Ему ужасно хотелось есть. Часы в холле показывали, что сейчас почти три часа ночи. Кройд заглянул в комнаты матери, брата и сестры, но не нарушил их сон.

В хлебнице лежало полбатона хлеба, и он расправился с ним, отрывая и заталкивая в рот огромные куски, глотал, почти не прожевывая. Один раз даже укусил себя за палец, но это не слишком замедлило его темп. Обнаружил в холодильнике кусок мяса и ломоть сыра и съел. Выпил кварту молока. На полке лежало два яблока, и он съел их тоже, пока шарил по шкафам. Коробка крекеров... Продолжая поиски, Кройд жевал крекеры. Шесть печений. Он их проглотил. Полбанки арахисового масла. Его он съел ложкой.

И все. Больше найти ничего не удалось, а он все еще был зверски голоден.

Тут Кройд осознал размах своей трапезы. В доме больше не осталось еды. Он вспомнил тот безумный день возвращения из школы. Что, если с продуктами плохо? Что, если снова ввели ограничения? А он только что прикончил запасы всей семьи.

Ему придется раздобыть еще, для других и для себя.

Кройд направился в гостиную и выглянул в окно. Улица была пуста. Вспомнил о военном положении, о котором слышал по дороге домой из школы,— как давно это было? Он чувствовал, что времени прошло немало.

Кройд отпер дверь и ощутил ночную прохладу. Один из уцелевших уличных фонарей сиял сквозь голые ветки соседнего дерева. В тот день, когда случилась беда, на деревьях у обочины еще оставалось немного листьев. Он взял запасной ключ со стола в прихожей, вышел и запер за собой дверь. Он понимал, что ступеньки крыльца должны быть холодными, но подошвы его босых ног не чувствовали особого холода.

Затем он остановился и отступил в тень. Страшно было идти, не зная, что там, дальше.

Кройд поднял руки и протянул их к свету фонаря.

— Бледнее, бледнее, бледнее...

Руки начали растворяться, пока сквозь них не засиял свет. Они становились все прозрачнее и прозрачнее. А телу было щекотно.

Когда руки исчезли, он опустил взгляд. Кажется, от него не осталось ничего, кроме этой щекотки.

И Кройд поспешно двинулся вдоль улицы, ощущая в себе огромный заряд энергии. Странное деревоподобное существо в соседнем квартале исчезло. Теперь улицы расчистили для транспорта, но в канавах валялось много мусора, и почти все стоящие у тротуара машины, попавшиеся ему на глаза, были повреждены. В каждом из домов, мимо которых он шел, по крайней мере одно окно закрывал картон или доски. Некоторые из деревьев у обочины превратились в расщепленные пни, а металлический столб дорожного указателя на следующем углу сильно наклонился.

Кройд спешил, удивляясь скорости своего продвижения. Добравшись до школы, увидел, что она осталась целой, не считая нескольких выбитых стекол. Он пошел дальше.

Три продовольственных магазина, к которым направлялся Кройд, были заколочены досками, и объявления гласили: «Закрыто. Следите за дальнейшими сообщениями». Кройд вломился в третий магазин. Ему почти не составило труда выломать доски одним толчком. Он нащупал выключатель и включил свет, но через несколько секунд снова выключил. Магазин был пуст. Его основательно почистили.

Кройд пошел дальше, к окраине, миновав по дороге несколько выгоревших изнутри зданий. В одном из них услышал голоса — один грубый, второй высокий, похожий на флейту. Через несколько секунд увидел ослепительную вспышку света и услышал вопль. Одновременно часть кирпичной стены рухнула, засыпав обломками тротуар у

него за спиной. Кройд не счел нужным посмотреть, что произошло. Еще ему иногда казалось, что он слышит голоса снизу, из-за решеток сточных канав.

Той ночью он прошагал много миль и, только приближаясь к Таймс-сквер, обнаружил, что за ним кто-то идет. Сперва ему почудилось, что это просто крупный пес, бредущий в том же направлении. Но когда тот подошел ближе, Кройд заметил человеческие черты его лица и остановился, повернувшись к нему. Пес сел примерно в десяти футах и посмотрел на него.

— Ты тоже один из тех,— проворчал он.

— Ты меня видишь?

— Нет. Запах чувствую.

— Чего ты хочешь?

— Есть.

— Я тоже.

— Я покажу, где взять. В обмен на свою долю.

— Идет. Показывай.

Пес привел его к огороженной веревками площади, где стояли армейские грузовики. Кройд насчитал не меньше десятка машин. Между ними стояли и сидели люди в военной форме.

— Что происходит?

— Потом поговорим. Пакеты с едой в четырех грузовиках слева.

Не составило труда пройти за огороженный периметр, залезть в кузов сзади, набрать охапку пакетов и удалиться в противоположном направлении. Спрятавшись вместе с человеко-псом в парадном через два квартала, Кройд снова стал видным, и они набросились на еду.

После новый знакомый — он хотел, чтобы его называли Бентли,— рассказал Кройду о событиях, произошедших за те недели после гибели Джетбоя, которые Кройд проспал. Так мальчик узнал о бегстве в Джерси, о бунтах, о военном положении, о такизианах и о десяти тысячах погибших от вируса. И услыхал о выживших, но преобразившихся — счастливчиках и неудачниках.

— Ты — счастливчик,— сделал вывод Бентли.

— Я себя не чувствую счастливчиком,— ответил Кройд.

— По крайней мере, остался человеком.

— А ты уже ходил к этому доктору Тахиону?

— Нет. Он чертовски занят. Но я схожу.

— Мне тоже надо.

— Может быть.

— Что ты имеешь в виду — «может быть»?

— Зачем тебе меняться? Тебе повезло. Получай, что пожелаешь.

— Ты имеешь в виду воровство?

— Времена тяжелые. Каждый выкручивается, как может.

— Наверное, ты прав.

— Я могу показать тебе место, где ты подберешь подходящую одежду.

— Где?

— Прямо тут, за углом.

— Ладно.

Кройд с легкостью проник через заднюю дверь на склад одежды, к которому привел его Бентли. Затем снова стал невидимым и вернулся за следующей охапкой продуктовых пакетов. Когда он отправился домой, Бентли трусил рядом.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

— Нет.

— Хочу посмотреть, где ты живешь. Я могу навести тебя на множество хороших мест.

— Да?

— Мне хотелось бы иметь друга, который будет кормить меня. Как ты думаешь, мы договоримся?

— Да.

В последующие дни Кройд стал добытчиком в семье. Его старшие брат и сестра не спрашивали, откуда берутся продукты, а потом и деньги, которые он с легкостью добывал во время своих ночных отлучек. Матери, полностью ушедшей в горе после смерти отца, тоже не приходило в голову спросить. Бентли, который ночевал где-то по соседству, стал его гидом и наставником в этих предприятиях, а также доверенным лицом в других делах.

— Не стоит ли мне сходить к тому доктору, о котором ты рассказывал? — промолвил Кройд, опуская на землю ящик с консервами, украденными со склада, и присаживаясь на него.

— К Тахиону? — спросил Бентли, вытягиваясь рядом в позе, не характерной для пса.

— Ага.

— А что случилось?

— Не могу спать. Прошло уже пять дней с тех пор, как я проснулся, а заснуть не удалось ни на минуту.

— Ну и что? Что в этом такого? Больше времени остается на дела.

— Но я начинаю уставать, а спать все равно не могу.

— Со временем наверстаешь. Не из-за чего беспокоить Тахиона. В любом случае, если он попытается тебя вылечить, у тебя только один шанс из трех или четырех.

— Откуда ты знаешь?

— Я у него был.

— Да?

Кройд жевал яблоко. Потом спросил:

— Собираешься попробовать?

— Если соберусь с духом,— ответил Бентли.— Кому охота прожить всю жизнь собакой? И к тому же не очень-то хорошей собакой. Между прочим, у меня к тебе просьба: когда будем проходить мимо какого-нибудь магазина для домашних животных, взломай его и достань мне ошейник от блох.

— Конечно. Интересно... Если я все же усну, я опять просплю так же долго, как и тогда?

Бентли попытался пожать плечами, но ничего не вышло.

— Кто знает?

— Кто тогда позаботится о моей семье? И о тебе?

— Я тебя понял. Если ты перестанешь выходить по ночам, то я, наверное, немного подожду, а потом пойду и

попытаюсь вылечиться. А для твоей семьи ты бы лучше добыл побольше денег. Все опять наладится, а деньги — всегда деньги.

— Верно.

— Ты чертовски сильный. Как думаешь, ты смог бы вскрыть сейф?

— Понятия не имею.

— По дороге домой попробуем. Я знаю одно хорошее местечко.

— Ладно.

— ...И еще порошок от блох.

Время близилось к утру. Кройд сидел и ел, одновременно читая, как вдруг на него напала неудержимая зевота. Когда он встал, то почувствовал в руках и ногах какую-то тяжесть, которой раньше не было. Он взобрался по лестнице и вошел в комнату Карла. Стал трясти брата за плечи, пока тот не проснулся.

— Что случилось, Кройд?

— Я хочу спать.

— Так иди ложись.

— Я уже давно не спал. Может, просплю опять очень долго.

— Ах так!

— Так что вот деньги, чтобы вам хватило, если так случится.

Он открыл верхний ящик комода и сунул под стопку носков пачку купюр.

— Гм-м, Кройд... Откуда у тебя столько денег?

— Не твое дело. Спи дальше.

Кройд добрался до своей комнаты, разделся и заполз в постель. Ему было очень холодно.

Когда Кройд снова проснулся, оконные стекла затянулись инеем. Выглянув на улицу, он увидел свинцовое небо и покрытую снегом землю. Его лежащая на подоконнике ладонь с короткими толстыми пальцами выглядела широкой и смуглой.

Осмотрев себя в ванной, Кройд обнаружил, что его рост примерно пять с половиной футов, телосложение мощное, волосы и глаза темные, а по ногам спереди, по внешней стороне рук, по плечам, спине и шее тянутся похожие на шрамы складки. Еще через пятнадцать минут он узнал, что может повысить температуру руки до такой точки, при которой вспыхивает зажатое в ней полотенце. Всего несколько минут спустя он обнаружил, что способен излучать тепло всей поверхностью тела и даже светиться — только ему стало жаль, что он одной подошвой прожег дыру в линолеуме, а другой — в банном коврике.

На этот раз на кухне оказалось много еды, и Кройд больше часа непрерывно жевал, пока не утолил голод. Он надел тренировочные брюки и куртку, размышляя над тем, что придется держать наготове самую разнообразную одежду, если каждый раз после сна его тело будет изменяться.

На этот раз ему уже не нужно было добывать провизию. После распыления вируса погибли очень многие, и на местных складах образовался огромный избыток продовольствия. Магазины снова открылись и торговали, как обычно.

Мать проводила большую часть времени в церкви, а Карл и Клодия ходили в школу — та недавно опять заработала. Кройд знал, что сам он не вернется в школу. У них все еще оставался приличный запас денег, но, вспомнив, что на этот раз он проспал на девять дней дольше, чем в первый, Кройд решил, что неплохо бы иметь под рукой побольше наличных. Интересно, можно ли раскалить ладонь до такой температуры, чтобы прожечь стальную дверцу сейфа? В прошлый раз ему с огромным трудом удалось вскрыть сейф — он чуть было вообще не бросил эту затею, а ведь Бентли уверял его, что это просто «жестянка».

Кройд вышел из дома и потренировался на куске водопроводной трубы.

Он попытался тщательно спланировать операцию, но ошибся в расчетах. Пришлось вскрыть в ту неделю восемь

сейфов, прежде чем набралась приличная сумма. В большинстве сейфов оказались бумаги. И еще он знал, что каждый раз включался сигнал тревоги, и от этого нервничал; оставалось только надеяться, что, пока он спал, его отпечатки пальцев тоже изменились.

Кройд работал со всей доступной ему скоростью. Жалко, что Бентли еще не вернулся — человек-пес знал бы, что надо делать. Несколько раз тот намекал, что его обычные дела связаны с не вполне легальным бизнесом.

Дни бежали быстрее, чем хотелось бы Кройду. Он приобрел обширный гардероб на все случаи жизни. По ночам бродил по городу, наблюдал за оставшимися следами разрушений и за успехами ремонтных бригад. Узнавал новости о том, что произошло за это время в городе и во всем мире. Нетрудно поверить в пришельцев из космоса, когда на себе ощущаешь результаты воздействия их вируса.

Кройд спросил у человека с черепом, вытянутым, как патрон, и с перепончатыми пальцами рук, где можно найти доктора Тахиона. Человек дал ему адрес и номер телефона. Кройд носил листок в бумажнике, но не звонил и не шел туда. Вдруг доктор обследует его, скажет, что это легко исправить, и вылечит? В данный момент никто из его семьи не способен заработать на жизнь.

Наступил день, когда аппетит Кройда снова неимоверно возрос, а это могло означать, что его тело готовится к следующему изменению. На этот раз он более внимательно прислушивался к своим ощущениям, чтобы было с чем потом сравнивать. Прошел остаток дня, ночь и часть следующего дня, затем начался озноб и волнами стала накатывать сонливость.

Кройд оставил записку родным — их не было дома, когда его начал одолевать сон. И на этот раз запер дверь в свою спальню, потому что узнал, что они регулярно наблюдали за ним, пока он спал, и даже пригласили врача — женщину, которая мудро посоветовала им просто дать ему поспать, когда узнала его историю. Она также предложила, чтобы Кройд сходил к доктору Тахиону,

когда проснется, но мать куда-то задевала бумажку, на которой был записан адрес. В те дни миссис Кренсон частенько бывала не в себе.

Ему снова приснился сон. Сейчас он понял, что видит его не в первый раз, но запомнил впервые: восприятие событий напоминало ему о тех чувствах, которые он испытал в день последнего возвращения из школы. Он шел по кажущейся пустой улице в сумерках. Что-то позади шевельнулось, и Кройд обернулся. Из подъездов, окон, автомобилей, канализационных люков появлялись люди, и все они смотрели на него, подбирались к нему. Он продолжал идти дальше, и вдруг позади раздался звук, похожий на всеобщий вздох. Когда Кройд оглянулся еще раз, они все угрожающе быстро догоняли его, на их лицах была написана ненависть. Он пустился бежать, уверенный, что его хотят уничтожить. Они бежали за ним...

Когда Кройд проснулся, он был безобразен и не обладал никакими особыми способностями. Вместо лица — рыло, голая кожа, покрытая серо-зеленой чешуей; пальцы удлиненные с лишними суставами, глаза желтые, щелевидные; постоишь слишком долго — начинают болеть поясница и бедра. Гораздо легче было ходить по комнате на четвереньках. У Кройда вырвался крик при виде своего нынешнего облика, и этот крик явно напоминал шипение.

Был ранний вечер, снизу доносились голоса. Кройд открыл дверь и позвал, и Клодия с Карлом поспешили к его комнате. Он немного прикрыл дверь и спрятался за ней.

— Кройд! С тобой все в порядке? — спросил Карл.

— И да, и нет. Но все будет хорошо. Только сейчас я умираю с голоду. Принесите еды. Много еды.

— В чем дело? — спросила Клодия.— Почему ты не выходишь?

— Позже! Поговорим позже. Сейчас еда!

Он отказывался выйти из комнаты и не позволял домашним его увидеть. Они приносили ему еду, журналы,

газеты. Кройд слушал радио и ходил по комнате на всех четырех. На этот раз сон представлялся ему желанным избавлением, а не угрозой. Он ложился в постель в надежде на его скорый приход. Но сон не приходил почти неделю.

В следующий раз после пробуждения Кройд обнаружил, что его рост больше шести фунтов, волосы черные, а черты лица не лишены приятности. Он был так же силен, как и прежде, однако вскоре пришел к выводу, что не обладает никакими исключительными способностями — пока не поскользнулся на лестнице, торопясь на кухню, и не спасся от падения при помощи левитации.

Позже Кройд заметил записку, написанную почерком Клодии, прилепленную к его двери. В записке был номер телефона и сообщение, что по этому номеру можно связаться с Бентли. Он положил ее в бумажник. Сперва ему надо позвонить по другому телефону.

Доктор Тахион поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Могло быть и хуже,— сказал он.

Кройда почти позабавило такое суждение.

— Как так?

— Ну, вы могли вытянуть джокера.

— А что же именно я вытянул, сэр?

— Ваш случай — самый интересный из всех, которые мне до сих пор попадались. У остальных вирус просто сделал свое дело и либо убил человека, либо изменил его к лучшему или к худшему. А у вас... Ну, ближайшая аналогия — это земная болезнь под названием малярия. Проникший в вас вирус, по-видимому, периодически заражает вас по новой.

— Однажды я вытянул джокера...

— Да, и это может произойти снова. Но в отличие от всех остальных, с кем случилось то же самое, вам нужно всего лишь подождать.

— Мне больше всего не хочется превращаться в монстра. Нельзя ли как-нибудь повлиять на эту часть болезни?

— Боюсь, что нет. Это часть общего синдрома. Я могу бороться только с ним в целом.

— И шансы на излечение — один к трем или четырем?

— Кто вам сказал?

— Один джокер по имени Бентли. Он был похож на собаку.

— Бентли — одна из моих удач. Теперь он снова стал нормальным. Собственно, он только недавно ушел отсюда.

— Что вы говорите! Приятно знать, что кому-то повезло.

Тахион отвел глаза.

— Да,— согласился доктор, помолчав немного.

— Я хотел бы спросить...

— Что?

— Если я меняюсь только во сне, значит, я мог бы отодвинуть превращение, если не буду спать, правильно?

— Понимаю, о чем вы. Да, прием стимулирующих средств несколько задержит превращение. Если почувствуете, что сон надвигается тогда, когда вы находитесь вне дома, то, приняв кофеин в виде пары чашечек кофе, вероятно, вам удастся продержаться достаточно долго, чтобы добраться до дома.

— А нет ли чего-нибудь посильнее? Что задержало бы сон на более длительное время?

— Существуют мощные средства: амфетамины, например. Но они могут представлять опасность, если принимать их слишком долго.

— В чем эта опасность?

— Нервозность, раздражительность, агрессивность. Позже — токсикопсихоз, сопровождающийся иллюзиями, галлюцинациями, паранойя.

— Стану психом?

— Да.

— Ну, вы ведь это вылечите, если до такого дойдет, правда?

— Полагаю, хотя и не уверен.

— Мне очень не хочется снова превратиться в монстра или... Вы мне не говорили этого, но есть ли вероят-

ность, что я могу просто умереть во время очередной комы?

— Такая вероятность существует. Вирус очень опасен. Однако вы уже пережили несколько атак, что дает мне основания предполагать: ваше тело знает, что делает. Я бы на вашем месте об этом понапрасну не беспокоился.

— Меня волнует только возможность стать джокером.

— С подобной возможностью необходимо смириться.

— Ладно. Спасибо, доктор.

— Мне бы хотелось, чтобы вы приехали к нам в следующий раз, когда почувствуете, что время приближается. Страшно интересно понаблюдать за процессом, происходящим с вами.

— Лучше не надо.

Тахион кивнул.

— Сразу же после пробуждения?

— Может быть,— ответил Кройд и пожал протянутую руку.— Кстати, доктор, как пишется слово «амфетамин»?

Позже Кройд остановился у дома семейства Сарцанно, потому что он не видел Джо с того сентябрьского дня, как они вместе добирались домой из школы. До сих пор необходимость заботиться о средствах существования отнимала у него все свободное время.

Миссис Сарцанно приоткрыла дверь, оставив лишь щелку, и уставилась на него. Когда он назвался и попытался объяснить, что внешне изменился, она все равно отказалась открыть дверь.

— Мой Джо... он тоже изменился,— сказала она.

— Э-э, как изменился?

— Изменился. И все тут. Изменился. Уходи.

Она захлопнула дверь.

Кройд снова постучал, но ответа не дождался.

Тогда он ушел и съел три отбивные, так как больше ничего не мог сделать.

Кройд рассматривал Бентли — маленького человечка с лисьими чертами лица, темноволосого, с бегающими глазами — и сознавал, что предшествующее превращение

в общем-то соответствовало обычному облику и поведению этого человека. Бентли несколько секунд отвечал ему тем же, затем спросил:

— Это действительно ты, Кройд?

— Ага.

— Заходи. Садись. Выпей пива. Нам надо о многом поговорить.

Он шагнул в сторону, и Кройд вошел в квартиру, обставленную мебелью с яркой обивкой.

— Я вылечился и вернулся к своему бизнесу. Но дела идут плохо,— сообщил Бентли, когда они уселись.— А у тебя как?

Кройд поведал ему о своих превращениях и о разговоре с доктором Тахионом. Умолчал он лишь о своем возрасте, поскольку во всех превращениях у него был облик взрослого человека. Он опасался, что Бентли не будет доверять ему, если узнает, сколько Кройду лет.

— Ты неправильно брался за те дела,— сказал маленький человек, закуривая сигарету и кашляя.— Метод тыка не годится. Тебе необходимо планировать, и планы надо всегда составлять в зависимости от тех особых способностей, которые у тебя в данный момент появились. Вот ты говоришь, что на этот раз умеешь летать?

— Да.

— Хорошо. Есть множество квартир в небоскребах, обитатели которых чувствуют себя в безопасности. На этот раз займемся ими. Даже если тебя кто-то заметит, не имеет значения. Все равно в следующий раз ты будешь выглядеть по-другому.

— А ты мне достанешь амфетамин?

— Все, что пожелаешь. Приходи сюда завтра — на том же месте, в тот же час. Может, я уже разработаю для нас план действий. А для тебя достану таблетки.

— Спасибо, Бентли.

— Я еще и не то могу. Если будем держаться вместе, оба разбогатеем.

Бентли действительно спланировал хорошее дело, и три дня спустя Кройд принес домой больше денег, чем когда-либо держал в руках. Большую часть он отдал Карлу, который вел финансовые дела семьи.

— Давай пройдемся,— предложил Карл, пряча деньги за книги и бросив выразительный взгляд в сторону гостиной, где сидели мать и Клодия.

Кройд кивнул:

— Конечно.

— Ты сейчас выглядишь гораздо старше,— сказал Карл, которому через несколько месяцев должно было исполниться восемнадцать, как только они оказались на улице.

— Я и чувствую себя гораздо старше.

— Не знаю, откуда ты берешь деньги...

— Лучше тебе и не знать.

— Ладно. Не могу жаловаться, поскольку я на них тоже живу. Но хочу предупредить тебя насчет мамы. Ей становится все хуже. Видеть, как папу разорвало на части... С тех пор она сдает буквально на глазах. Ты еще не знаешь худшего — тогда ты спал. Три раза она ночью просто вставала и выходила из дома в ночной сорочке — да еще и босиком, и это в феврале, господи помилуй! — и бродила, будто искала папу. К счастью, одна из знакомых каждый раз замечала ее и приводила обратно. Мать все спрашивала ее — миссис Брандт,— не видела ли она папу. Пойми, ей становится хуже. Я уже беседовал с парой врачей. Они считают, что ее надо на время поместить в лечебницу. Мы с Клодией тоже так думаем. Мы не в состоянии все время следить за ней, а она может попасть в беду. Клодии сейчас шестнадцать. Мы вдвоем способны управиться с делами, пока ее не будет. Но это дорого стоит.

— Я достану денег,— ответил Кройд.

Когда он на следующий день нашел наконец Бентли и сообщил, что им придется быстро провернуть еще одно дело, маленький человечек обрадовался, потому что до этого Кройд не стремился повторять подобные операции так скоро.

— Дай мне примерно день, чтобы все продумать и разобрать детали,— сказал Бентли.— Я с тобой свяжусь.

— Договорились.

На следующий день Кройд почувствовал, что аппетит его растет и время от времени одолевает зевота. Поэтому он принял одну из таблеток.

Она здорово подействовала. Если не сказать больше. Он почувствовал себя просто чудесно. Не мог даже вспомнить, когда прежде так хорошо себя чувствовал. Ему казалось, что все складывается удивительно удачно. Все его движения стали особенно плавными и грациозными. И к тому же он чувствовал себя более энергичным, воспринимал все более четко, чем всегда. И самое важное, ему не хотелось спать.

Только ночью, когда все остальные улеглись, эти ощущения начали угасать. Он принял еще одну таблетку. Когда она подействовала, Кройд почувствовал себя так чудесно, что вышел на улицу и полетел высоко над городом, поплыл в холодном мартовском небе между яркими созвездиями города и далекими небесными созвездиями, полный сознания того, что владеет тайным ключом к смыслу всего окружающего мира. Кройд мельком вспомнил о воздушном сражении Джетбоя и пролетел над развалинами речного порта на Гудзоне, который сгорел, когда на него обрушились обломки самолета Джетбоя. Он читал, что на этом месте пилоту собираются поставить памятник. Интересно, что тот чувствовал, летя вниз?

Кройд снизился и стал пикировать между домами, иногда опускаясь на крышу, прыгал, падал, спасаясь в последний момент. В одно из таких мгновений он заметил двух человек, которые наблюдали за ним из подъезда. По какой-то причине, непонятной ему самому, это вызвало у него раздражение. Тогда он вернулся домой и принялся за уборку. Сложил в пачки старые газеты и журналы и перевязал их бечевками, выбросил мусор, подмел пол, перемыл посуду в раковине. Отнес по воздуху четыре порции мусора к Ист-Ривер и бросил их в воду,

так как за мусором все еще приезжали нерегулярно. Вытер всюду пыль, а рассвет застал его за чисткой столовых приборов. Потом он вымыл все окна.

Совершенно неожиданно Кройд почувствовал слабость и весь затрясся. Поняв, в чем дело, он принял еще таблетку и поставил на плиту кофейник. Прошло десять минут. Трудно было усидеть на месте, любая поза казалась ему неудобной. Ему не понравился зуд в ладонях. Он несколько раз мыл руки, но зуд не проходил. В конце концов Кройд принял еще одну таблетку. Он смотрел на часы и прислушивался к шуму закипающего кофейника. Как раз когда кофе был готов, зуд и дрожь начали ослабевать. Он почувствовал себя гораздо лучше. Кройд стал пить кофе и тут снова вспомнил о тех двоих в подъезде дома. Они над ним смеялись? Его быстро охватил гнев, хотя он как следует не разглядел их лиц и не понял их выражения. Следили за ним! Если бы у них было побольше времени, могли бы и камень бросить...

Кройд затряс головой. Это глупо. Просто два незнакомых парня. Неожиданно захотелось выйти из дома и обойти весь город или снова полетать. Но тогда можно пропустить звонок Бентли. Он стал ходить взад и вперед по комнате. Попытался читать, но был не в состоянии сосредоточиться. В конце концов Кройд сам позвонил Бентли.

— Ты уже что-нибудь придумал?

— Пока нет, Кройд. А к чему спешка?

— Меня снова клонит в сон. Знаешь, что это означает?

— Да. Ты уже принимал таблетки?

— Угу. Пришлось.

— Ладно, послушай, не слишком на них налегай, если сможешь. Я сейчас прорабатываю некоторые детали. Попытаюсь все организовать к завтрашнему дню. Если не выйдет, бросай принимать таблетки и ложись спать. Провернем дело в следующий раз. Понял?

— Мне надо сейчас, Бентли.

— Поговорим завтра. А теперь расслабься.

Кройд вышел из дома и пошел пешком. Был облачный день, землю местами покрывал снег со льдом. Внезапно Кройд вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. Это, должно быть, плохо, если учесть его нынешний аппетит. Наверное, дело в таблетках.

Кройд стал искать кафе, твердо решив заставить себя что-нибудь съесть. Пока шел, обнаружил, что ему не хочется сидеть в толпе людей и есть. Мысль о присутствии вокруг людей была ему неприятна. Нет, придется взять еду с собой...

На подходе к кафе Кройда остановил голос из подъезда. Он обернулся так резко, что окликнувший его человек поднял руку и отпрянул.

— Не надо! — воскликнул незнакомец.

Кройд сделал шаг назад.

— Простите,— пробормотал он.

Человек был одет в коричневое пальто с высоко поднятым воротником. Поля шляпы натянуты так низко, как только можно было, чтобы хоть что-нибудь видеть. Голову он держал низко опущенной. И все же Кройд разглядел загнутый клюв, блестящие глаза и необычайно яркий цвет лица.

— Окажите, пожалуйста, услугу, сэр,— попросил человек надтреснувшим писклявым голосом.

— Что вам надо?

— Еды.

Кройд машинально опустил руку в карман.

— Нет. Деньги у меня есть. Вы не понимаете. Я не могу войти туда, меня не обслужат — при моей-то внешности. Я заплачу вам, чтобы вы вошли, купили пару гамбургеров и принесли мне.

— Я все равно туда иду.

Позже Кройд сидел с этим человеком на скамейке и ел. Его завораживали джокеры. Потому что он знал, что отчасти тоже один из них. Ему и раньше приходило в голову, где он сможет поесть, если однажды проснется в плохой форме, а дома никого не окажется.

— Я не хожу так далеко на окраины,— сообщил ему новый знакомый.— Но мне надо было по делу.

— Где вы, ребята, обычно живете?

— Нас много на Бауэри. Там нас никто не трогает. Есть места, где тебя обслуживают, и никого не волнует, как ты выглядишь. Никому нет никакого дела.

— Вы хотите сказать, что люди могут... напасть на вас?

Человек коротко и пронзительно рассмеялся:

— Люди не слишком любезны, парень. Когда узнаешь их получше.

— Я провожу вас обратно,— предложил Кройд.

— Вы, возможно, рискуете.

— Не беспокойтесь.

Где-то в районе сороковых улиц трое парней, сидевших на скамейке, уставились на них, когда они проходили мимо. Как раз за несколько кварталов до этого места Кройд проглотил еще две таблетки. (Неужели всего за несколько кварталов отсюда?) Ему не хотелось, чтобы его схватила трясучка во время беседы с новым приятелем, Джоном,— по крайней мере так он просил его называть,— поэтому он принял еще две, чтобы легче пережить следующий критический момент, если такой скоро наступит.

Кройд сразу понял, увидев тех троих, что они замышляют что-то плохое против них с Джоном, и мышцы его плеч напряглись. Он стиснул руки в карманах в кулаки.

— Ку-ка-ре-ку,— произнес один из тех, и Кройд начал было оборачиваться, но Джон положил руку ему на плечо и сказал:

— Пойдем.

Они пошли дальше. Парни встали и зашагали позади.

— Ко-ко-ко,— произнес один из них.

— Пик-пик,— прибавил другой.

Вслед за этим сигаретный окурок пролетел над головой Кройда и упал у его ног.

— Эй, любитель уродов!

На его плечо опустилась рука.

Он ухватился за нее и сжал. Кости руки стали ломаться с тихим треском, а человек закричал. Крик резко оборвался, когда Кройд опустил руку и ударил его по лицу, сбив с ног. Следующий нацелил кулак в его голову, и Кройд молниеносным взмахом отбил удар, развернув при этом нападавшего к себе лицом. Протянул левую руку, ухватился за оба лацкана, сминая их в кулаке, и поднял этого человека на два фута в воздух, а затем послал его спиной в кирпичную стену, возле которой они стояли, и отпустил. Человек рухнул на землю и больше не шевелился.

Последний вытащил нож и начал сыпать проклятиями сквозь сжатые зубы. Кройд подождал, пока он приблизится почти вплотную, а потом взлетел на четыре фута в воздух и пнул ногами в лицо. Противник свалился на тротуар. Кройд проплыл по воздуху, завис над ним и рухнул вниз, приземлившись на середину туловища. Ногой отшвырнул выпавший из руки нож в сточную канаву, повернулся и пошел к Джону.

— Вы — туз,— через некоторое время произнес Джон.

— Не всегда,— ответил Кройд.— Иногда я джокер. Я меняюсь каждый раз после того, как сплю.

— Зачем вы с ними так?

— Правильно. Я мог бы обойтись с ними гораздо круче. Если все так и дальше пойдет, мы должны позаботиться друг о друге.

— Да. Спасибо.

— Послушайте, я хочу, чтобы вы показали мне те места на Бауэри, где, по вашим словам, вас никто не беспокоит. Возможно, когда-нибудь мне понадобится туда прийти.

— Конечно, покажу.

— Кройд Кренсон. Кренсон, запомните. Ладно? Потому что, если мы снова увидимся, я буду выглядеть иначе.

— Я запомню.

Джон показал ему несколько забегаловок и дома, где жили ему подобные.

Представил его шестерым джокерам, попавшимся по дороге; все они были сильно изуродованы. Помня о своем существовании в фазе ящерицы, Кройд пожал новым

знакомым конечности и спросил, не нуждаются ли они в чем-нибудь. Но те только качали головами.

— Доброй ночи,— попрощался он и улетел.

Боязнь, что незараженные люди следят за ним и только ждут случая, чтобы напасть, все усиливалась, пока он летел вдоль реки Ист-Ривер. Даже сейчас кто-то, возможно, целится из винтовки с оптическим прицелом...

Кройд полетел быстрее. На каком-то уровне сознания он понимал, что его страх смешон. Но он слишком явственно его ощущал, чтобы отмахнуться.

Кройд опустился на углу, подбежал к входной двери и вошел. Поспешно поднялся по лестнице и заперся в спальне.

Там он посмотрел на кровать. Ему хотелось вытянуться на ней. Но что будет, если он уснет? Все кончится. Этот мир для него кончится.

Кройд включил радио и начал ходить по комнате. Предстояла долгая ночь...

Когда Бентли на следующий день позвонил и сказал, что у него есть отличное, хотя немного рискованное дельце, Кройд ответил, что ему все равно. Предстояло использовать взрывчатку, а это означало, что ему придется научиться ее применять за очень короткое время, потому что этот сейф слишком прочный даже для его огромной силы. И еще существовала вероятность, что там вооруженная охрана...

Кройд не собирался убивать охранника, но этот человек испугал его, когда вошел с пистолетом на изготовку. И он, наверное, неправильно рассчитал длину шнура, потому что взрыв раздался раньше, чем следовало, и отлетевший кусок металла оторвал ему два пальца на левой руке. Но Кройд обернул руку носовым платком, забрал деньги и ушел.

Он помнил, как Бентли сказал:

— Ради бога, малыш! Иди домой и выспись! — сразу же после того, как они поделили добычу. После он взле-

тел и выбрал при этом правильное направление, но вынужден был спуститься вниз и взломать дверь булочной, где проглотил три батона хлеба, и лишь тогда смог продолжать путь. Голова кружилась. В кармане лежали таблетки, но при одной мысли о них его желудок скручивало в узел.

Кройд тихо открыл окно своей спальни, которое перед уходом не запер на задвижку, и заполз внутрь. Шатаясь, пошел в комнату Карла и бросил мешок с деньгами на спящего брата. Его трясло, когда он вернулся в свою спальню и запер дверь. Кройд включил радио. Ему хотелось обмыть рану на руке, но до ванной было слишком далеко. Он рухнул на кровать и больше не встал.

Кройд шел по кажущейся пустынной улице в сумерках. Что-то шевельнулось позади, и он обернулся. Из дверей, окон, автомобилей, канализационных люков появлялись люди, и все смотрели на него, приближались к нему. Он продолжал идти дальше, и тут у него за спиной раздался звук, напоминающий общий вздох. Когда он снова оглянулся, все бежали за ним, их лица выражали ненависть. Он бросился на преследователей, схватил ближайшего человека и задушил его. Остальные остановились, отступили назад. Кройд проломил голову еще одному. Толпа повернулась и бросилась бежать. Он погнался за ними...

3

ДЕНЬ ГОРГУЛЬИ

Кройд проснулся в июне и узнал, что мать находится в лечебнице, брат окончил школу, сестра помолвлена, а у него появилась способность модулировать голос таким образом, что можно расколоть или разрушить практически любой предмет, если подобрать правильную частоту при помощи чего-то вроде резонанса; для объяснения этого явления у него не хватало словарного запаса. Кроме того,

он был теперь высоким, худым, черноволосым и бледным, и у него отросли недостающие пальцы.

Предвидя тот день, когда он останется в одиночестве, Кройд еще раз поговорил с Бентли и попросил организовать одно крупное дело на этот период бодрствования; хотелось покончить со всем побыстрее, пока не одолела усталость. Он твердо решил больше не принимать таблеток, вспомнив о кошмарах последних дней своей предыдущей жизни.

На этот раз Кройд уделил еще больше внимания планированию и задавал более продуманные вопросы, когда Бентли, прикуривая одну сигарету от другой, прорабатывал детали операции. Потеря обоих родителей и предстоящее замужество сестры заставили Кройда задуматься о непостоянстве человеческих отношений. Ему пришло в голову, что Бентли тоже может не всегда оказаться под рукой.

Он сумел повредить систему охранной сигнализации и разрушить дверь в банковское хранилище настолько, чтобы обеспечить себе доступ, только у него не было намерения разбивать все стекла в трех окрестных кварталах в процессе подбора нужной частоты. И все же ему удалось успешно удрать с большим количеством наличных.

На этот раз Кройд арендовал сейф в банке на противоположном конце города, где и оставил большую часть своей доли. Его несколько встревожило то, что у брата появилась новая машина.

Он снял комнаты в Виллидже, Мидтауне, на Морнингсайд-Хайтс, в Верхнем Ист-Сайде и на Бауэри и внес квартплату за год вперед. Ключи носил на цепочке, на шее, вместе с ключами от сейфа. Ему хотелось иметь несколько мест для отступления, куда можно быстро добраться, где бы он ни находился, когда начнет одолевать сон. Две из квартир были обставлены мебелью; в остальных четырех лежали только матрацы и стояли радиоприемники. Кройд спешил, позаботиться об удобствах можно и потом. В последний раз он проснулся, уже зная о нескольких событиях, которые произошли во время последнего периода сна, и это объяснялось только подсознательным восприятием передачи новостей по радио, которое он оставил включенным. Кройд решил продолжать эту практику.

У него ушло три дня на то, чтобы найти, снять и оборудовать новые убежища. Покончив с последним из них, на Бауэри, Кройд отыскал Джона, объяснил, кто он такой, и повел его обедать. Истории, которые тот рассказывал о бандах охотников на джокеров, произвели на Кройда удручающее впечатление, и когда в тот же вечер его стали одолевать голод, сонливость и озноб, он принял таблетку, чтобы не заснуть, и отправился патрулировать окрестности. Одна или две таблетки, решил он, погоды не сделают.

В ту ночь бандиты не показывались, но Кройда угнетала вероятность проснуться в следующий раз джокером. Поэтому он проглотил еще две таблетки за завтраком, чтобы несколько оттянуть события, и в последовавшем приливе деятельности решил обставить свое жилье.

В тот же вечер Кройд выпил еще три таблетки, чтобы в последний раз провести ночное патрулирование города. От его пения, пока он шел по Сорок второй улице, разлетались одно за другим стекла в домах, а в радиусе нескольких миль выли все собаки. Проснулись также пара джокеров и туз, обладающие способностью слышать в ультразвуковом диапазоне. Бранниган, имеющий уши летучей мыши (он погиб через две недели, под статуей, сброшенной Винченти Мускулистым в тот самый день, как его самого настигла пуля нью-йоркских полицейских), разыскал Кройда, намереваясь вбить его в землю в отместку за головную боль, но дело кончилось тем, что Бранниган поставил Кройду несколько рюмок и научил исполнять тихий ультразвуковой вариант шлягера «Бухта Гэлуей».

На следующий день на Бродвее Кройд в ответ на ругань таксиста заставил его машину вибрировать, пока та не развалилась на части. Затем, раз уж он этим занялся, обратил свой гнев против всех остальных, которые проявляли враждебность тем, что гудели. Только когда вой авто-

мобильных сирен напомнил ему о таком же шуме у школы в тот первый День Универсальной карты, он повернулся и убежал.

Кройд проснулся в начале августа в своей квартире на Морнингсайд-Хайтс, медленно припомнил, как туда добрался, и дал себе слово на этот раз не принимать таблеток. Увидев наросты на своих вывернутых руках, он понял, что будет несложно сдержать обещание. На этот раз ему хотелось заснуть поскорее. Выглянув в окно, он преисполнился благодарности судьбе за то, что сейчас ночь, так как путь до Бауэри был неблизким.

Проснувшись в среду в середине сентября, Кройд обнаружил, что стал темно-русым, среднего роста, обычного телосложения мужчиной, с нормальным цветом лица и не обладает никакими видимыми признаками синдрома Карты. Провел несколько простых тестов, которые, судя по прежнему опыту, могли выявить его скрытые возможности. Однако ничего из области особых талантов не проявилось.

Озадаченный, он оделся в наиболее подходящую по размерам одежду, которая имелась под рукой, и вышел из дома позавтракать, как обычно. По дороге подобрал несколько газет и прочел их, поглощая тарелку за тарелкой с яичницей, вафлями, оладьями. Когда Кройд вышел на улицу, было холодное утро. Когда покинул забегаловку, время близилось к десяти и стояла чудесная теплая погода.

Кройд доехал до центра на подземке и там зашел в первый попавшийся приличный магазин, где полностью сменил одежду. В ближайшей кондитерской съел два сандвича с консервированной говядиной вместе с картофельными оладьями. Тут ему пришло в голову, что он тянет время. Кройд знал, что может просидеть здесь за едой целый день. Он чувствовал, как в нем происходит процесс пищеварения, словно в середине его туловища работает доменная печь.

Кройд расплатился и вышел. «Сколько же минуло месяцев? — спрашивал себя он, почесывая лоб.— Пора посмотреть, как там Карл и Клодия. Пора узнать, как дела у мамы. Узнать, не нужно ли кому-нибудь денег».

Подойдя к двери, он остановился с ключом в руке. Потом положил ключ обратно в карман и постучал. Через несколько секунд Карл открыл дверь.

— Да?

— Это я, Кройд.

— Кройд! Боже! Заходи! Я тебя не узнал. Так давно...

— Да, порядком.

Кройд вошел в дом.

— Как вы тут все? — спросил он.

— Мама все так же. Но знаешь, они сказали, чтобы мы не слишком надеялись.

— Да. Надо еще денег для нее?

— До следующего месяца хватит. Но потом пара сотен не помешает.

Кройд протянул ему конверт.

— Если я поеду ее навестить, то она ничего не поймет, раз я так изменился.

Карл покачал головой:

— Она бы ничего не поняла, даже если бы ты и не изменялся, Кройд. Хочешь поесть?

— Да, конечно.

Брат отвел его на кухню.

— Тут полно ростбифа. С ним получаются хорошие сандвичи.

— Здорово! Как дела?

— О, я начинаю становиться на ноги. Сейчас лучше, чем было вначале.

— Хорошо. А Клодия?

— Удачно, что ты объявился именно теперь. Она не знала, куда посылать приглашение.

— Какое приглашение?

— В субботу она выходит замуж.

— За того парня из Джерси?

— Да. За Сэма. За того, с кем была помолвлена. Он управляет семейным бизнесом. Довольно прилично зарабатывает.

— Где будет свадьба?

— В Риджвуде. Можешь поехать туда со мной. Я на машине.

— Ладно. Интересно, какой подарок они бы хотели?

— Тут где-то был список. Сейчас найду.

— Прекрасно.

После обеда Кройд пошел и купил телевизор фирмы «Дюмонт» с шестидюймовым экраном, заплатил наличными и договорился о доставке в Риджвуд. Затем навестил Бентли, однако отклонил предложение несколько рискованного дела из-за того, что на этот раз не обладал никакими особыми талантами. Собственно, это было просто оправдание. Ему все равно не хотелось работать, рисковать получить по башке — в прямом смысле или со стороны закона — перед самой свадьбой.

Они пообедали в итальянском ресторане, а потом несколько часов просидели за бутылкой кьянти, беседуя о делах и заглядывая в будущее. Бентли пытался объяснить товарищу преимущество долгосрочных сбережений и перспективы когда-нибудь стать респектабельным — самому это никогда не удавалось.

Большую часть ночи Кройд гулял, чтобы потренироваться в оценке слабых мест зданий и подумать о переменах в своей семье. Где-то после полуночи, когда он проходил по западной части Центрального парка, у него в груди появился сильный зуд, распространявшийся по всему телу. Через минуту он вынужден был остановиться и стал яростно чесаться. В те дни аллергия распространилась практически повсеместно, и Кройд подумал, не принесло ли ему новое воплощение повышенную чувствительность к какому-то растению в парке.

При первой же возможности он повернул на запад и со всех ног убежал из этого района. Примерно через десять минут зуд утих. Через полчаса он исчез совсем. Однако осталось ощущение, будто кожа на руках и лице потрескалась.

Примерно в четыре часа утра Кройд зашел в открытое всю ночь кафе возле Таймс-сквер. Он поглощал пищу медленно и читал журнал «Тайм», оставленный кем-то в кабинке. В медицинском разделе была напечатана статья о самоубийстве среди джокеров, которая сильно его огорчила. Приведенные в ней цитаты напомнили рассказы многих его знакомых, и он даже подумал, не попали ли они в число опрошенных. Кройд очень хорошо понимал чувства бедолаг, хоть и не полностью их разделял, зная, что, какую бы карту он ни вытянул, в следующий раз ему сдадут новую и что чаще всего это будет туз.

Все его суставы затрещали, когда он поднялся, и еще он почувствовал резкую боль между лопатками. Кроме того, у него распухли ступни ног.

Кройд вернулся домой до рассвета, его лихорадило. В ванной намочил полотенце и прижал ко лбу. Взглянув в зеркало, заметил, что лицо кажется распухшим. Он сидел на стуле в спальне, пока не услышал, как внизу ходят Карл и Клодия. Когда Кройд встал, чтобы присоединиться к ним за завтраком, конечности были словно налиты свинцом и суставы трещали, пока он спускался вниз по лестнице.

Клодия, стройная блондинка, обняла Кройда, когда тот вошел на кухню. Затем вгляделась в новое лицо брата.

— Ты выглядишь усталым.

— Не говори этого,— ответил он.— Не может быть, чтобы я устал так быстро. До твоей свадьбы осталось два дня, и я собираюсь на нее попасть.

— Ты умеешь отдыхать без сна, правда?

Кройд кивнул.

— Тогда не волнуйся. Я знаю, это, наверное, тяжело... Давай поедим.

Когда они пили кофе, Карл спросил:

— Хочешь пойти со мной в контору и посмотреть, как я там все устроил?

— В другой раз,— ответил Кройд.— У меня дела.

— Конечно. Может быть, завтра.

— Может быть.

Вскоре Карл ушел. Клодия снова наполнила чашку Кройда.

— Мы тебя теперь почти не видим,— сказала она.

— Ну, ты знаешь, как обстоят дела. Я сплю — иногда месяцами. Когда просыпаюсь, то не всегда бываю красивым. А иногда приходится крутиться, чтобы оплатить счета.

— Мы это ценим,— сказала она.— Только трудно понять. Ты же младший в семье, а выглядишь взрослым мужчиной. И поступаешь, как мужчина. Ты не получил свою долю детства сполна.

Он улыбнулся:

— А ты кто — старая леди? Тебе вот всего семнадцать, а ты уже выходишь замуж.

Клодия улыбнулась в ответ:

— Он хороший парень, Кройд. Я знаю, мы будем счастливы.

— Хорошо. Надеюсь, что это так. Послушай, на тот случай, если когда-нибудь захочешь со мной связаться, я тебе скажу, где можно оставить для меня сообщение. Только я не гарантирую, что отзовусь немедленно.

— Я понимаю. А чем ты занимаешься?

— Начинал и бросал много разных дел. Как раз сейчас я временно без работы. На этот раз я не стал суетиться, потому что у тебя свадьба. Какой он, твой Сэм?

— О, очень респектабельный и правильный. Учился в Принстоне. Служил в армии капитаном.

— Европа? Тихий океан?

— Вашингтон.

— А! Большие связи.

Клодия кивнула.

— Старое семейство,— объяснила она.

— Ну хорошо,— сказал Кройд.— Ты знаешь, я желаю тебе счастья.

Сестра встала и снова обняла его.

— Я по тебе скучала.

— Я тоже.

— Мне сейчас тоже надо бежать по делам. Увидимся позже?

— Да.

— Ты сегодня отдохни.

Когда Клодия ушла, Кройд протянул руки, насколько смог, пытаясь унять боль в плечах. При этом рубаха на спине треснула. Он посмотрел на себя в зеркало в прихожей. Сегодня его плечи стали шире, чем вчера. Впрочем, все тело казалось более широким и массивным.

Кройд вернулся к себе в комнату и разделся догола. Большая часть торса была покрыта красной сыпью. При одном взгляде на нее ему захотелось чесаться, но он сдержался. Вместо этого наполнил ванну и долго отмокал в ней. К тому времени, как Кройд вылез из ванны, уровень воды заметно понизился. Он посмотрел на себя в зеркало в ванной комнате; ему почудилось, что тело его больше выросло. Возможно ли, чтобы часть воды впиталась через кожу? Во всяком случае, воспаление прошло, хотя кожа все еще оставалась шершавой в тех местах, где была сыпь.

Кройд надел одежду, которая оставалась с того раза, когда он был крупнее. Потом вышел из дома и поехал на метро в тот же магазин готового платья, который посетил днем раньше. Там он снова полностью сменил одежду и поехал обратно. Его слегка подташнивало, когда вагон трясло и покачивало. Он заметил, что его руки выглядят сухими и шершавыми. Кройд потер их, и хлопья омертвелой кожи посыпались, словно перхоть.

Выйдя из подземки, он пешком дошел до многоквартирного дома, где жил Сарцанно. Однако дверь открыла не мать Джо, Роза, а другая женщина.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Я ищу Джо Сарцанно.

— Здесь нет никого с таким именем. Должно быть, они выехали до нашего приезда.

— Так вам неизвестно, куда они уехали?

— Нет. Спросите управляющего, может, он знает.

Женщина захлопнула дверь.

Кройд попытался найти управляющего, но в его квартире никого не было. Так что он пошел домой, чувствуя себя отяжелевшим и расплывшимся. После второго зевка ему вдруг стало страшно. Слишком рано, чтобы снова уснуть. Это превращение происходило более загадочно, чем обычно.

Он поставил свежий кофейник на плиту и ходил взад и вперед, ожидая, пока закипит вода. Хотя нельзя было предугадать наверняка, что он проснется с каким-либо особым талантом, каждый раз постоянным оставалось одно: он менялся. Кройд перебрал в памяти все превращения, которые происходили с ним с тех пор, как он заразился. Только в этом единственном случае он не стал ни джокером, ни тузом, а остался нормальным. И все же...

Когда кофе был готов, он налил его в чашку и сел. И тут осознал, что почесывает правое бедро, почти машинально. Потер друг о друга ладони, и снова посыпались хлопья сухой кожи. Подумал о своем увеличившемся объеме, о всех этих скрипах и треске, об усталости. Было очевидно, что на этот раз он не совсем нормален. Но в чем состоит это отклонение от нормы? Интересно, сможет ли доктор Тахион помочь ему? Или, по крайней мере, подсказать, что происходит?

Кройд набрал номер, который хранил в памяти. Женщина веселым голосом ответила, что Тахион уехал, но вернется сегодня после полудня. Спросила имя Кройда, по-видимому, узнала его и велела прийти в три часа.

Он прикончил кофейник; зуд усилился и распространился на все тело, пока он пил последнюю чашку. Кройд поднялся наверх и снова налил в ванну воды. Пока ванна наполнялась, разделся и осмотрел себя. Вся кожа теперь выглядела столь же сухой и отваливалась хлопьями, как на руках. Где бы он ни потер ее, дождем сыпалась перхоть.

Он долго лежал в воде. Приятно было ощущать мокрое тепло. Через некоторое время Кройд закрыл глаза...

Внезапно он резко сел. Он начинал дремать. Чуть было не провалился в сон. Кройд схватил мочалку и стал яростно тереть себя — не только для того, чтобы смыть всю мертвую кожу. Закончив, быстро вытерся полотенцем, пока выливалась вода, затем бросился в свою комнату. Обнаружил таблетки в глубине ящика комода и принял сразу две. В какие бы игры ни играло с ним тело, сейчас сон был злейшим его врагом.

Кройд вернулся в ванную, оделся. Приятно было бы на время вытянуться на кровати. Отдохнуть, как предлагала Клодия. Но он знал, что не может себе этого позволить.

Тахион взял анализ крови и ввел его в машину.

При первой попытке игла вошла неглубоко и остановилась. Третья игла, когда на нее сильно нажали, проникла сквозь тот слой под кожей, который оказывал сопротивление, и удалось взять кровь на анализ.

Пока ждали результата от машины, Тахион не терял время зря.

— Ваши резцы были такими же длинными, когда вы проснулись? — спросил он, заглядывая Кройду в рот.

— Выглядели нормально, когда чистил зубы,— ответил Кройд.— Они выросли?

— Взгляните.

Тахион протянул ему маленькое зеркальце. Кройд уставился в него. Зубы стали длиной в дюйм и казались острыми.

— Что-то новенькое! Не знаю, когда это произошло.

Тахион осторожно завел левую руку Кройда за спину борцовским приемом и прижал свои пальцы ниже выпирающей лопатки Кройда.

Кройд вскрикнул.

— Так больно? — спросил Тахион.

— Боже мой! — сказал Кройд.— Может, там что-то сломалось?

Доктор покачал головой. Он исследовал под микроскопом хлопья кожи. Потом рассмотрел ступни ног Кройда.

— Они были такими же широкими, когда вы проснулись?

— Нет. Что, черт возьми, происходит, доктор?

— Подождем еще минуту-другую, пока машина закончит анализ. Вы уже были у меня два или три раза...

— Да,— подтвердил Кройд.

— К счастью, один раз вы приходили сразу же после пробуждения. В другой раз были здесь примерно через шесть часов после того, как проснулись. В первом случае у вас наблюдался высокий уровень очень странного гормона, который, как я тогда подумал, мог быть связан с самим процессом изменения. Во второй раз — через шесть часов после пробуждения — у вас все еще оставались следы этого гормона, но его уровень был весьма низок. Он присутствовал только в этих двух случаях.

— И что?

— Основной тест, который меня сейчас интересует,— это проверка на его наличие в вашей крови. Ага! Кажется, уже что-то есть.

На экране маленького аппарата высветились какие-то странные символы.

— Да. Действительно,— произнес Тахион, изучая их.— У вас в крови высокий уровень содержания этого вещества — даже выше, чем сразу же после пробуждения. Гм-м. К тому же вы снова принимали амфетамины.

— Пришлось. Мне захотелось спать, а я должен продержаться до субботы. Объясните простыми словами, что означает этот проклятый гормон.

— Он означает, что процесс изменения в вас все еще идет. По какой-то причине вы проснулись до того, как он завершился. По-видимому, изменения проходят регулярными циклами, однако на этот раз цикл был нарушен.

— Почему?

Тахион пожал плечами — движение, которому он, кажется, научился со времени последней встречи с Кройдом.

— Из-за любого события в целом созвездии возможных биохимических событий, вызванных самим изменением. Думаю, ваш мозг получил дополнительное стимулирование, как побочный эффект другого изменения, которое происходило в то время, когда вы проснулись. Каким бы ни было это конкретное изменение, оно закончено, но остальной процесс еще не завершен. Поэтому ваше тело сейчас старается снова погрузить вас в сон, пока не закончит свою работу.

— Другими словами, я слишком рано проснулся?

— Да.

— Что мне делать?

— Немедленно отказаться от амфетамина. Уснуть. Позволить всему идти своим чередом.

— Я не могу. Мне надо продержаться еще два дня. Даже полутора дней хватило бы.

— Подозреваю, что ваше тело будет сопротивляться этому, а как я уже однажды говорил, оно знает, что делает. Думаю, вы рискуете, если заставите себя не спать и дальше.

— Чем рискую? Это может меня убить? Или просто причинит мне неудобство?

— Кройд, я понятия не имею. Ваш случай уникален. Каждое изменение идет по другому пути. Единственное, чему мы можем доверять,— это приспособленности вашего тела к вирусу, тому неизвестному механизму внутри вас, который благополучно проводит вас через каждое изменение. Если вы сейчас попытаетесь не спать, прибегая к противоестественным средствам, то будете бороться именно с ним.

— Я уже много раз отодвигал сон с помощью амфетамина.

— Да, но тогда вы просто отодвигали начало процесса. Обычно он не начинается, пока биохимия вашего мозга

не зарегистрирует состояние сна. Теперь процесс уже идет, и наличие гормона указывает на его продолжение. Я не знаю, что случится. Вы можете перевести фазу туза в фазу джокера. Можете впасть в очень продолжительную кому. Трудно сказать определенно.

Кройд потянулся за рубашкой.

— *Я вам сообщу, что из этого выйдет,— пообещал он.*

Вопреки обыкновению, Кройду не захотелось идти пешком. Он снова спустился в метро. Тошнота вернулась, и на этот раз в сопровождении головной боли. А плечи все еще сильно болели. Кройд зашел в аптеку возле станции метро и купил упаковку аспирина.

Прежде чем идти домой, он зашел в тот многоквартирный дом, где раньше жил Сарцанно. На этот раз управляющего удалось застать. Только он не смог помочь, поскольку семья Джо не оставила нового адреса перед отъездом. Уходя, Кройд бросил взгляд в зеркало возле двери и испытал сильное потрясение при виде страшно опухших глаз в обрамлении черных кругов.

Он обещал сводить Клодию и Карла в хороший ресторан пообедать, и ему хотелось ради такого случая быть в как можно лучшей форме. Вернувшись домой, он прошел в ванную и опять разделся. Тело выглядело громадным, расплывшимся. Тут Кройд вспомнил, что, перечисляя все прочие симптомы, забыл сказать Тахиону, что ни разу не облегчился с тех пор, как проснулся. Наверное, его тело находило применение всей поглощенной пище. Кройд встал на весы, но их шкалы хватило только на триста фунтов, а он уже весил больше.

Кройд принял три таблетки аспирина в надежде, что они быстро подействуют. Почесал руку, от нее отделилась длинная полоска плоти, безболезненно и бескровно. Почесался более осторожно в других местах: хлопья продолжали осыпаться. Кройд принял душ и почистил клыки. Стал расчесывать волосы — они выпадали большими прядями. Тогда он прекратил расчесываться. На

какое-то мгновение ему захотелось плакать, но приступ зевоты подавил этот позыв. Кройд пошел к себе и принял еще две таблетки амфетамина. Потом вспомнил, что где-то слышал, будто при определении дозы лекарства следует брать в расчет массу тела. Поэтому принял еще одну таблетку, просто для надежности.

Кройд нашел темный ресторан и сунул официанту деньги, чтобы тот отвел их в кабину в дальнем углу, вне поля зрения остальных посетителей.

— Кройд, ты действительно выглядишь... нездорово,— сказала Клодия незадолго до этого, когда вернулась домой.

— Знаю,— ответил он.— Сегодня после обеда́ ходил к своему врачу.

— И что?

— Мне необходимо лечь и долго спать, сразу после свадьбы.

— Кройд, если ты не сможешь прийти на свадьбу, я пойму. Твое здоровье важнее.

— Я *хочу* прийти на свадьбу. Со мной все будет в порядке.

Как ей объяснить, если он и сам как следует не понимает? Сказать, что это нечто большее, чем свадьба любимой сестры? Что это событие означает окончательное разрушение его дома, что у него, вероятно, никогда не будет другого? Сказать, что это конец одной фазы его существования и начало огромной неизвестности?

Вместо этого он ел. Его аппетит не уменьшался, а еда была особенно вкусной. Карл смотрел на брата как зачарованный еще долго после того, как сам закончил обед, смотрел, как Кройд уплетает две дополнительные порции мяса, прерываясь только для того, чтобы потребовать очередную корзинку с булочками.

Когда они наконец поднялись с места, у Кройда снова затрещали суставы.

Позже в тот вечер он сидел на кровати, ощущая боль во всем теле. Аспирин не помог. Кройд разделся, потому

что одежда стала ему мала. Стоило почесаться, как кожа не просто шелушилась, она отваливалась большими кусками — сухими и бледными, без каких-либо следов крови. «Неудивительно, что у меня лицо белое, как мел»,— решил он.

В глубине одной из особенно больших ран на груди Кройд заметил что-то серое и твердое. Он не смог определить, что это такое, но испугался.

В конце концов, несмотря на поздний час, Кройд позвонил Бентли. Ему необходимо было поговорить с кем-то, кто знал о его состоянии. А Бентли обычно давал хорошие советы.

Бентли, по счастью, отозвался, и Кройд все ему рассказал.

— Знаешь, что я думаю, малыш? — наконец произнес Бентли.— Ты должен сделать то, что велел доктор. Лечь спать.

— Я не могу. Пока не могу. Мне необходимо чуть больше одного дня. Потом все будет в порядке. Я и продержусь, вот только так дьявольски все болит, и моя внешность...

— Хорошо, хорошо. Вот как мы поступим. Зайди ко мне примерно в десять утра. Сейчас я ничего не могу для тебя сделать. Но утром первым делом поговорю с одним знакомым, и мы достанем для тебя действительно сильное болеутоляющее. И я бы хотел взглянуть на тебя. Может быть, есть какой-нибудь способ несколько подправить твою внешность.

— Ладно. Спасибо, Бентли. Я ценю.

— Да ладно. Мне тоже не сладко пришлось в собачьей шкуре. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Через два часа Кройд почувствовал сильные боли в животе, потом начался понос; мочевой пузырь был готов лопнуть.

Это продолжалось всю ночь. Когда он взвесился в тридцать утра, его вес снизился до двухсот семидесяти

шести фунтов. К шести часам он весил уже двести сорок два фунта. Его непрерывно несло. «По крайней мере,— утешал себя Кройд,— это отвлекает внимание от зуда и боли в суставах. И еще эффективно помогает бороться со сном без помощи амфетамина».

К восьми часам он весил двести шестнадцать фунтов и, когда Карл позвал его, понял, что наконец-то лишился аппетита. Странно: объем тела совсем не уменьшился. Как не изменилась со вчерашнего дня и общая конституция, хотя теперь он был бледным, почти как альбинос, и это, в сочетании с торчащими зубами, делало его похожим на толстого вампира.

В девять Кройд позвонил Бентли, потому что его все еще пучило и он непрерывно бегал в уборную, объяснил, что у него понос и что он не сможет прийти за лекарством. Бентли пообещал, что сам принесет его, как только получит у того человека. Карл и Клодия уже ушли по делам. Кройд в то утро не вышел к ним под предлогом расстройства желудка. Его вес снизился до ста девяноста фунтов.

Было уже почти одиннадцать, когда пришел Бентли. К тому времени Кройд похудел еще на двадцать фунтов и соскреб большой кусок кожи с нижней части живота. Обнажившаяся ткань оказалась серой и чешуйчатой.

— Боже мой! — воскликнул Бентли при виде Кройда.

— Ага.

— У тебя большие проплешины на голове.

— Так и есть.

— Я раздобуду парик. И еще поговорю с одной знакомой дамой. Она косметичка. Дадим тебе какой-нибудь крем, чтобы ты намазался и приобрел более нормальный цвет лица. Лучше надень очки, когда пойдешь на свадьбу. Скажешь, что тебе закапали лекарство в глаза. У тебя к тому же и горб вырос. Когда это произошло?

— Я даже не заметил. Я... был занят.

Бентли похлопал по возвышению между лопатками, и Кройд вскрикнул.

— Извини. Может, тебе лучше прямо сейчас принять одну таблетку?

— Да.

— Возьми просторный плащ. Какой у тебя размер?

— Теперь — понятия не имею.

— Ладно. Я знаю одного человека, у которого их полно на складе. Пришлем тебе дюжину.

— Мне надо бежать, Бентли. Меня опять тянет в уборную.

— Ага. Выпей лекарство и попытайся отдохнуть.

К двум часам Кройд весил сто пятьдесят фунтов. Болеутоляющее прекрасно подействовало, и впервые за много времени ничего не болело. К несчастью, лекарство одновременно вгоняло в сон; снова пришлось принимать амфетамин. Положительным было то, что эта комбинация заставила Кройда почувствовать себя хорошо в первый раз с тех пор, как все началось, хотя он знал, что ощущение обманчиво.

Когда в три тридцать доставили плащи, его вес снизился до ста тридцати двух фунтов и он чувствовал необычайную легкость при ходьбе. Казалось, где-то в глубине тела поет кровь. Кройд выбрал плащ, который идеально сидел на нем, и отнес его к себе в комнату, оставив остальные на диване. Косметичка — высокая блондинка, непрерывно жующая резинку,— пришла в четыре часа. Она гребнем вычесала большую часть его волос, сбрила остальные и приладила на него парик. Затем сделала макияж, попутно давая инструкции по пользованию косметикой. Она же посоветовала Кройду по возможности не открывать рот, чтобы скрыть клыки.

Он остался доволен результатом и дал блондинке сотню долларов. Тогда она заметила, что может оказать ему и другие услуги, но тут у него снова забурчало в животе, и он вынужден был с ней распрощаться.

К шести часам желудок смилостивился над Кройдом. К тому времени он полегчал до ста шестнадцати фунтов и продолжал чувствовать себя очень хорошо. Зуд наконец-то прекратился, только он уже соскреб большую часть кожи на груди, предплечьях и бедрах.

Карл, вернувшись, крикнул ему наверх:

— Какого черта тут делают эти плащи?

— Длинная история,— сказал Кройд.— Можешь взять их себе, если хочешь.

— Ого, они из кашемира.

— Ага.

— Вот этот мне как раз.

— Так возьми его.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, спасибо.

В тот вечер он ощутил, что к нему возвращаются силы, и отправился на одну из своих длительных прогулок пешком. По дороге поднял высоко в воздух за передний бампер припаркованную машину, чтобы испытать силы. Да, кажется, выздоравливает. В парике и макияже Кройд мог сойти за толстяка-садовника — до тех пор, пока держал рот на замке. Будь у него побольше времени, обязательно отыскал бы зубного врача, чтобы сделать что-нибудь с клыками. В ту ночь и с утра он ничего не ел. Почувствовал было странное давление по обеим сторонам головы, но принял еще таблетку, и оно не переросло в боль.

Прежде чем они с Карлом отправились в Риджвуд, Кройд позволил себе снова полежать в ванной. Слезло еще немного кожи, но это не имело значения. Одежда скроет его покрытое заплатками тело. Хорошо хоть лицо осталось целым. Он тщательно наложил грим и надел парик. Полностью одевшись и надев темные очки, Кройд счел, что выглядит достаточно презентабельно. И плащ действительно несколько скрадывал горб на спине.

Утро выдалось прохладное и облачное. Кажется, проблемы с несварением кончились. Для профилактики Кройд принял очередную таблетку, хотя и не совсем понимал, продолжает ли еще что-нибудь болеть или нет. Он чувствовал себя прекрасно, только немного нервничал.

Когда они ехали по тоннелю, Кройд поймал себя на том, что трет руки. К его отчаянию, от тыльной стороны левой ладони оторвался большой кусок кожи. Но даже об этом не стоило волноваться. Он не забыл взять перчатки.

Возможно, из-за темноты в тоннеле у него снова начало стучать в голове. Ощущение не было болезненным, просто походило на сильное давление в ушах и висках. Верхняя часть спины тоже пульсировала, и в ней что-то шевелилось. Кройд прикусил губу, и от нее оторвался кусочек. Он выругался.

— Что случилось? — спросил брат.

— Ничего.

По крайней мере, хоть кровь не идет.

— Если тебе все еще плохо, могу отвезти тебя обратно. Не хотелось бы, чтобы ты разболелся прямо на свадьбе. Особенно при таких чопорных типах, как Сэмова родня.

— Со мной будет все в порядке.

Он чувствовал легкость. Чувствовал давление изнутри во многих точках тела. Ощущение силы, вызванное наркотиками, усиливало истинное ощущение силы. Все, казалось, идет идеально гладко. Кройд мурлыкал себе под нос песенку, постукивая пальцами по колену.

— ...плащи, наверное, стоят немало,— говорил Карл.— Они все новые.

— Продай их где-нибудь и оставь себе деньги,— услышал Кройд собственный голос.

— Краденые?

— Возможно.

— Ты в деле, Кройд?

— Нет, но я знаю кое-кого.

— Буду молчать.

— Хорошо.

— Только ты и правда похож на одного из них, знаешь? В этом черном плаще и в очках...

Кройд ему не ответил. Он прислушивался к своему телу, которое говорило: что-то рвется на волю у него из

спины. Он потерся плечами о спинку сиденья. От этого ему стало легче.

Кройда представили родителям Сэма, Уильяму и Марсии Кендалл — седовласому, слегка располневшему мужчине с резкими чертами лица и хорошо сохранившейся блондинке. Кройд помнил, что должен улыбаться, не открывая рта, и разговаривал, едва шевеля губами. Они внимательно оглядели его, и Кройд был уверен, что им хотелось поговорить подольше, только сзади ждали своей очереди поздороваться другие гости.

— Я хочу побеседовать с вами на ужине,— в заключение произнес Уильям.

Кройд вздохнул и отошел в сторону. Пронесло. У него не было намерения идти на праздничный ужин. Как только закончится венчание, он сядет в такси и поедет обратно на Манхэттен, а через несколько часов уже будет спать. Прежде чем он проснется, Сэм с Клодией, вероятно, уже будут на Багамах.

Он заметил двоюродного брата из Ньюарка и чуть было не подошел к нему. К дьяволу! Ему пришлось бы объяснять насчет своей внешности, а дело того не стоило.

Кройд вошел в церковь, и его усадили на переднюю скамью, справа. Посаженным отцом Клодии должен был быть Карл. Хорошо еще, что он проснулся слишком поздно и его не заставляли стать шафером. Хоть в этом смысле время было выбрано удачно.

Пока Кройд сидел и ждал начала церемонии, он рассматривал украшения алтаря, витражи на окнах, расставленные кругом цветы. Другие люди входили и рассаживались. Стало жарко, Кройд почувствовал, что вспотел. Оглянулся кругом. Он единственный был в плаще. Интересно, не покажется ли это странным окружающим? И не расплывется ли от пота грим? Кройд расстегнул плащ и распахнул его.

Он продолжал обливаться потом, начали болеть ступни. В конце концов он наклонился и ослабил шнурки туфель. Пока Кройд этим занимался, он услышал, как

затрещала на спине сорочка. Кажется, что-то еще оторвалось в области лопаток. Еще один лоскут кожи, предположил он. Выпрямившись, Кройд почувствовал острую боль. Теперь он не мог как следует опереться спиной о скамью. Казалось, его горб вырос, и любое давление на него причиняло боль. Поэтому он принял позу, словно молился, слегка согнувшись и подавшись вперед. Заиграл орган. Люди продолжали входить и рассаживаться. Шафер провел пожилую пару возле его ряда и, проходя мимо, бросил на него странный взгляд.

Вскоре все расселись, а Кройд продолжал потеть. Пот тек по бокам и по ногам, одежда начала промокать и покрываться пятнами, а затем совершенно пропиталась. Он решил, что ему станет прохладнее, если вынуть руки из рукавов плаща и просто набросить его на плечи. Это было ошибкой, так как, пытаясь высвободить руки, он услышал, как одежда треснула еще в нескольких местах. Внезапно левая туфля лопнула, и серые пальцы ног высунулись из прорех. Услышав эти звуки, многие посмотрели в его сторону. Кройд был рад, что не способен краснеть.

Неизвестно, из-за жары или по какой-то психологической причине, но зуд начался снова. Какая разница? В кармане лежали болеутоляющее и амфетамин, но ничего от кожного раздражения. Кройд крепко стиснул руки — не для того, чтобы молиться, а чтобы не чесаться, хотя и молитву прочел, поскольку момент был как раз подходящий. Но это не помогло.

Сквозь капли пота на ресницах он увидел, как вошел священник. Интересно, почему этот человек так на него смотрит? Словно не одобряет, когда люди не протестантской веры потеют у него в церкви. Кройд стиснул зубы. Если бы у него только сохранилась способность становиться невидимым!.. Он бы растаял на несколько минут, почесался бы изо всех сил, затем проявился и сидел бы спокойно.

Неимоверным усилием воли Кройду удалось высидеть смирно, пока звучал свадебный марш Мендельсона. То,

что говорил священник, не зарегистрировалось в его памяти; теперь он был уверен, что ему не досидеть до конца церемонии. Интересно, что произойдет, если он покинет церковь прямо сейчас? Смутится ли Клодия? С другой стороны, если он останется, то она наверняка смутится. Наверное, он выглядит достаточно нездоровым, чтобы оправдать свой уход. И все же, не станет ли это одним из тех происшествий, которые потом обсуждаются годами? «Ее брат ушел...» Нет, надо постараться высидеть хоть еще немного.

У него за спиной что-то двигалось. Плащ шевелился. Кройд услышал, как позади него ахнула женщина. Теперь он боялся двинуться с места, но...

Зуд сделался невыносимым. Кройд разжал руки, чтобы почесаться, однако в последней попытке удержаться схватился за спинку передней скамьи. К его ужасу, раздался громкий треск, и дерево разлетелось в щепки.

Последовала долгая секунда молчания.

Священник уставился на нарушителя порядка. Клодия и Сэм повернулись: оба смотрели на него, а он сидел, сжимая кусок спинки длиной в шесть футов, и не мог даже улыбнуться, чтобы не вылезли клыки.

Кройд уронил кусок дерева и обхватил себя обеими руками. Позади раздались восклицания, когда плащ сполз с его плеч. Изо всех сил он вонзил пальцы в бока и стал чесаться.

Он услышал, как рвется одежда, и почувствовал, что по всему телу, до самой макушки, лопнула кожа. Парик съехал набок и упал.

Кройд сбросил остатки одежды и кожи и снова стал чесаться, изо всех сил. Услыхал вопль сзади и понял, что никогда не забудет выражение лица плачущей Клодии. Но остановиться уже не мог, пока его огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши, не развернулись, а длинные, заостренные лопасти ушей не вырвались на свободу и последние остатки одежды и плоти не свалились с темного чешуйчатого тела.

Священник снова заговорил; взлетающие под сводами церкви слова напоминали молитву об изгнании дьявола. Раздались крики и быстрый топот ног. Кройд понял, что не может выйти в те двери, к которым бежали все остальные, поэтому подпрыгнул в воздух, сделал несколько кругов, чтобы почувствовать свои новые крылья, затем заслонил глаза левым локтем и ринулся сквозь витраж в правом окне.

Рассекая воздух крыльями по дороге к Манхэттену, Кройд чувствовал, что теперь очень не скоро увидит своих новых родственников. Он надеялся, что Карл пока не будет спешить с женитьбой. И гадал, встретит ли когда-нибудь сам подходящую девушку...

Поймав восходящий поток, Кройд взмыл вверх, воздушные вихри рыдали вокруг него. Оглянувшись, он увидел, что церковь напоминает встревоженный муравейник. И полетел вперед.

Я стал как прах и пепел

Приемник шипел, не переставая. Кройд Кренсон дотянулся до него, выключил и швырнул через всю комнату в мусорную корзину рядом с комодом. То, что он попал, показалось ему добрым знаком.

Потом он потянулся, откинул одеяло и осмотрел свое бледное обнаженное тело. Все как будто бы было на месте и выглядело пропорциональным. Кройд попробовал левитировать, но ничего не вышло; тогда он сел на кровати, свесив ноги. Провел рукой по волосам и обрадовался, что они у него есть. Проснуться — каждый раз приключение.

Он попытался стать невидимым, расплавить мусорную корзину усилием мысли и вызвать электрический разряд между кончиками пальцев. Из этого тоже ничего не выходило.

Тогда Кройд встал с кровати и пошел в ванную. Там он стал пить воду, один стакан за другим, одновременно разглядывая себя в зеркало. На этот раз у него были светлые волосы и глаза, правильные черты лица — в общем, вполне привлекательная внешность. Ростом он был, по собственной оценке, чуть выше шести футов. Сильные мускулы. Хорошо было и то, что Кройд уже бывал примерно такого роста и телосложения: в шкафу должно висеть что-нибудь подходящее из одежды.

За окном был серый денек, на тротуаре по ту сторону улицы лежали остатки мокрого снега, а по сточному жело-

бу текла струйка воды. На пути к шкафу Кройд остановился и достал из ящика под письменным столом тяжелый стальной стержень. Он без видимых усилий согнул железку пополам и скрутил в кольцо. «Значит, сила все-таки сохранилась»,— подумал он, отправив металлический крендель в корзину вслед за радио. Кройд нашел рубашку и брюки, которые оказались ему впору, и твидовый пиджак, немного узкий в плечах. Потом порылся в своей обширной коллекции обуви и отыскал себе подходящую пару.

Его часы фирмы «Ролекс» показывали восемь с небольшим, и зимой в это время бывает светло только утром — значит, было восемь утра. В желудке у него заурчало. Пора бы позавтракать, а потом решить, как жить дальше. Он заглянул в тайник, где прятал деньги, и взял оттуда две стодолларовые бумажки. «Кончаются,— подумал Кройд.— Надо идти в банк. А может, и грабануть его. Деньги на счету тоже скоро все выйдут. Ладно, потом».

С собой он захватил носовой платок, расческу, ключи и маленькую пластиковую баночку с пилюлями. Кройд не любил носить с собой документы. Без пальто тоже обходился — холод его беспокоил редко.

Заперев за собой дверь, он прошел через холл и спустился по лестнице. Выйдя из дома, Кройд повернул налево и пошел по улице в сторону Бауэри*, навстречу пронизывающему ветру. Перед закрытыми дверями магазина масок маячил, как пугало, высокий джокер. Нос у него был как сосулька, а видом он смахивал на мертвеца. Положив доллар в его протянутую руку, Кройд поинтересовался, который сейчас месяц.

— Декабрь,— ответило чучело, не двигая губами.— Рождество.

— Понятно,— сказал Кройд.

По пути он испробовал несколько фокусов попроще, но не сумел ни разбить усилием мысли пустой бутылки из-под виски в сточном желобе, ни поджечь кучу мусора.

* Бауэри — район нью-йоркского «дна».

Вместо ультразвука у него выходил какой-то мышиный писк.

В газетном ларьке на улице Хестер, куда направлялся Кройд, сидел Джуб Бенсон, толстый коротышка, и читал одну из своих газет. Под светло-голубым летним костюмом Бенсона была видна желтая с оранжевым гавайская рубашка; из-под шляпы с плоской тульей и загнутыми полями торчали вихры рыжих волос. Похоже, холод ему тоже был нипочем. Когда Кройд остановился перед ларьком, он поднял хмурое лицо, толстое и изрытое оспой, с торчащими изо рта кривыми клыками.

— Вам газету? — спросил он.

— Все по одной,— ответил Кройд,— как всегда.

Джуб прищурил глаза и всмотрелся в стоящего перед ним человека. Потом вопросительно произнес:

— Кройд?

Кройд кивнул:

— Ну да, Валрус, это я. Как дела?

— Грех жаловаться, старик. На этот раз ты разжился подходящим телом.

— Я его еще не совсем освоил,— сказал Кройд, собирая газеты в стопку.

Джуб снова оскалил клыки.

— Угадай, какое занятие самое опасное в Джокертауне? — спросил он.

— Сдаюсь.

— Грабить мусоровозы. А слыхал, что стало с бабой, которая выиграла конкурс «Мисс Джокертаун»?

— А что?

— Лишили титула, когда узнали, что она позировала голой для журнала «Вопросы птицеводства».

— Не смешно, Джуб,— сказал Кройд, изобразив улыбку.

— Я и сам знаю. У нас тут был ураган, пока ты спал. Знаешь, что он натворил?

— Что же?

— Четыре миллиона долларов ущерба национальной экономике.

— Ну ладно, хватит! — прервал его Кройд.— Сколько я тебе должен?

Джуб отложил свою газету, встал и вперевалку вышел из киоска.

— Для тебя бесплатно. Надо поговорить.

— Я хочу поесть, Джуб. Когда я просыпаюсь, мне нужно сразу поплотнее покушать. Я зайду попозже, хорошо?

— Ничего, если я с тобой?

— Пошли. А как же твои газеты?

Джуб стал запирать ларек.

— Газеты подождут. Есть дела поважнее,— сказал он.

Кройд подождал, пока он закроет ларек, а потом они прошли пешком два квартала до «Кухоньки» Хэйри.

— Пойдем вон в ту кабинку сзади,— предложил Джуб.

— Мне все равно. Никаких деловых разговоров, пока я не съем первую порцию, ладно? Видишь ли, когда у меня в крови недостаток сахара, какие-то непонятные гормоны и полно трансаминазы, я не могу сосредоточиться. Мне нужно принять внутрь что-нибудь еще.

— Понятно. Я подожду.

К ним подошел официант, но Джуб сказался сытым и заказал только чашку кофе, к которой так и не притронулся. Кройд начал с двойного бифштекса с яйцами и кувшина с апельсиновым соком.

Через десять минут, когда подали оладьи, Джуб откашлялся.

— Ну ладно,— сказал Кройд,— так-то лучше. И что же тебя беспокоит?

— Не знаю, с чего начать...— пробормотал Джуб.

— Да уж начинай как-нибудь. Мне уже полегчало.

— Иногда может и не поздоровиться, если сунешь нос в чужие дела...

— Это верно,— согласился Кройд.

— С другой стороны, людям свойственно сплетничать, обсуждать разные слухи.

Кройд кивнул, продолжая жевать.

— Все знают о том, что ты спишь не так, как другие; поэтому тебе, наверное, трудно найти постоянную работу. И потом, ты, в общем, больше похож на туза, чем на джокера. Я хочу сказать, что вообще-то ты выглядишь как все, но у тебя есть кое-какие особые таланты.

— Пока я в этом не уверен.

— Все равно. Ты хорошо одет, платишь по счетам, любишь пообедать в «Козырном тузе», да и часы у тебя на руке — не «таймекс». Надо ведь что-то делать, чтобы держаться на плаву — если только ты не унаследовал состояние.

Кройд улыбнулся.

— Мне страшно заглянуть в «Уолл-стрит джорнэл»,— сказал он, показав на кипу газет на соседнем стуле.— Может, мне *придется* заняться кое-чем, чего я давно уже не делал, если там написано то, что, как я думаю, там написано.

— Надо ли это понимать так, что, когда тебе приходится работать, ты занимаешься не совсем законными вещами?

Кройд поднял голову, и, когда их глаза встретились, Джуб вздрогнул. Только теперь Кройд заметил, что тот нервничает. Он засмеялся:

— Черт возьми, Джуб, я знаком с тобой давно и знаю, что ты не полицейский. Ты хочешь мне что-то предложить, так? Если речь идет о краже, я в этом специалист. Учился у настоящего мастера. Если кого-то шантажируют, я с удовольствием верну компромат, а шантажисту покажу, где раки зимуют. Если надо что-нибудь уничтожить, изъять, подкинуть в другое место — я тот, кто тебе нужен. Вот за убийство я бы не взялся, хотя и могу назвать людей, которые не так щепетильны, как я.

Джуб покачал головой.

— Я никого не хочу убивать, Кройд. Мне надо кое-что украсть.

— Пока мы не обсуждали деталей, предупреждаю, что беру дорого.

Джуб оскалил клыки:

— Люди... гм... интересы которых я представляю, готовы достойно оценить твои усилия.

Кройд доел оладьи и пил кофе с кексом в ожидании вафель.

— Это тело, Кройд,— наконец сказал Джуб.

— Что?

— Труп.

— Не понял.

— В конце недели умер один парень. Тело нашли в мусорном баке. Документов при нем не было. Теперь он в морге.

— Боже мой, Джуб! Тело? Никогда не воровал трупов. Кому оно понадобилось?

Джуб пожал плечами:

— Они за него действительно хорошо заплатят. Вещи, которые найдешь при нем, им тоже нужны. Больше я ничего не могу тебе сказать.

— Ладно, зачем он нужен — это их дело. О какой сумме идет речь?

— Они заплатят пятьдесят штук.

— Пятьдесят штук? За мертвеца? — Кройд оторвался от еды и вытаращил глаза.— Да ты шутишь.

— Ничего подобного. Даю тебе десять сейчас и остальные сорок, когда тело будет у нас.

— А если у меня не выйдет?

— Можешь оставить себе десятку за то, что попытаешься. Интересуешься дельцем?

Кройд глубоко вдохнул и сделал медленный выдох.

— Да,— сказал он,— интересуюсь. Но я даже не знаю, где морг.

— В отделе медицинской экспертизы на углу Двадцать первой и Пятой авеню.

— Хорошо. Скажем, я туда пойду, и...

Тут подошел Хэйри и поставил перед Кройдом тарелку сосисок и мяса с овощами. Налив ему еще кофе, он положил на стол несколько бумажек и мелочь.

— Сдача, сэр.

Кройд посмотрел на деньги:

— Что такое? Я с вами еще не расплачивался.

— Вы же мне дали пятьдесят долларов.

— Да нет. Я еще даже не поел.

Под густой черной порослью, покрывавшей все тело Хэйри, как будто бы появилась улыбка.

— Если бы я раздавал всем деньги направо и налево, давно бы прогорел,— сказал он.— Я знаю, когда давать сдачу.

Кройд пожал плечами и кивнул:

— Не сомневаюсь.

Когда Хэйри отошел, Кройд нахмурил брови и покачал головой.

— Я не платил ему, Джуб,— сказал он.

— Я тоже не помню, чтобы ты ему платил. Он сказал — пятьдесят... Такую сумму трудно не запомнить.

— И правда странно. Я собирался разменять здесь полсотни, когда поем.

— Да? А ты помнишь, когда ты об этом подумал?

— Ну да. Когда он принес вафли.

— Ты действительно представил себе, как вынимаешь полсотни и даешь ему?

— Да.

— Это интересно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я подумал, что, может быть, теперь твоя сила — что-то вроде телепатического гипноза. Тебе надо просто потренироваться, освоиться, что ли, понять, что ты можешь.

Кройд задумчиво кивнул.

— Только не пробуй этого на мне. Я и так сегодня не в себе.

— Почему? Ты что, тоже заинтересован в успехе этого предприятия с трупом?

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше, Кройд. Уж поверь мне.

— Ладно, я понимаю. Мне-то все равно. В этом деле меня интересуют только деньги,— сказал он.— Что ж, я берусь за эту работу. Скажем, все пойдет гладко и тело будет у меня. Что мне с ним делать дальше?

Джуб достал из внутреннего кармана ручку и маленький блокнот. Быстро что-то написал, вырвал листок и

передал его Кройду. Потом он покопался в боковом кармане, вытащил оттуда ключ и положил его на тарелку перед Кройдом.

— Это через пять кварталов отсюда,— пояснил он.— Там снята комната на нижнем этаже. Ключ — от нее. Притащишь его туда, запрешь дверь, а потом сообщишь мне — я буду у себя в киоске.

Кройд снова принялся за еду. Через некоторое время он сказал:

— Договорились.

— Ну и хорошо.

— В это время года там у них, наверное, несколько таких. Ну, ты знаешь — этих пьянчуг, замерзших насмерть. Как мне узнать, который из них — мой?

— Сейчас объясню. Этот парень — джокер, понял? Маленький такой. Ростом, наверное, около пяти футов. Похож на большого жука: ноги коленками назад, как у кузнечика, кутикула покрыта шерстью, на руках по четыре пальца, по три сустава в каждом, глаза по бокам головы, на спине недоразвившиеся крылья.

— Да, представляю. Со стандартным типом, похоже, не спутаешь.

— Вот именно. И к тому же легкий, наверное.

Кройд кивнул. Ближе ко входу в ресторан кто-то произнес:

— ...Птеродактиль!

Кройд повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть крылатый силуэт за окном.

— Опять этот малютка прилетел,— проговорил Джуб.

— Н-да. Знаешь, кому он надоедает теперь?

— А ты знаешь?

— Угу. Показывается время от времени — похоже, он интересуется тузами. В конце концов, откуда он знает, как я сейчас выгляжу? Ладно... Когда им нужно это тело?

— Чем скорей, тем лучше.

— Ты знаешь расположение помещений в морге?

Джуб задумчиво кивнул:

— Да. Морг находится в шестиэтажном здании. Наверху — лаборатории, офисы и все такое. Приемный покой и зал для опознания — на первом этаже. Трупы они держат в подвале. Прозекторская тоже внизу. Там у них сто двадцать восемь ящиков для взрослых и большой холодильник с полками для детских трупов. Если кому-нибудь надо увидеть тело для опознания личности, они поднимают его на специальном лифте в смотровую комнатку на первом этаже — она отгорожена от комнаты для посетителей стеклом.

— Ты что, там был?

— Нет, я читал воспоминания Милтона Гелперна.

— Вот что значит по-настоящему широкое образование,— восхитился Кройд.— Надо бы мне тоже побольше читать.

— На пятьдесят штук можно накупить полно книг.

Кройд улыбнулся.

— Ну что, по рукам?

— Дай мне еще немного подумать за завтраком да заодно и сообразить, как работают эти мои новые способности. Я подойду к твоему ларьку, когда буду готов. Когда я получу десять штук?

— Они будут у меня сегодня вечером.

— Хорошо. Увидимся примерно через час.

Джуб кивнул и, грузно поднявшись со своего стула, вышел из кабинки.

— Следи за уровнем холестерина,— сказал он.

В сером панцире туч появились просветы голубого неба, и выглянуло солнце. Было слышно, как, не переставая, капает вода где-то за киоском. Джуб слушал бы капель даже с удовольствием, как приятный аккомпанемент к шуму уличного движения и другим звукам города, если бы не одна нравственная дилемма, прилетевшая на кожистых крыльях и испортившая ему все утро. Он понял, что принял решение, только когда увидел подошедшего Кройда, который чему-то весело улыбался.

— Я все обдумал,— сказал Кройд.— Это дельце выгорит.

Джуб вздохнул.

— Мне надо сказать тебе еще кое-что,— проговорил он.

— Что, есть проблемы?

— Это не относится непосредственно к твоему заданию,— объяснил Джуб.— Но могут возникнуть сложности, о которых ты еще не знаешь.

— Какие это? — спросил Кройд, помрачнев.

— Этот птеродактиль, которого мы с тобой видели...

— Ну?

— Тебя искал Малыш-Динозавр. Он был здесь, когда я вернулся. Ты ему нужен.

— Надеюсь, ты ему не рассказал, где меня найти?

— Нет, и не собираюсь этого делать. Но ты же знаешь, все тузы и стоящие джокеры у него на учете...

— Ну, может быть, он ищет бейсболистов для сборной или военных преступников?

— Он хочет поставить тебя в известность, что видел одного человека. Он сказал, что Джон Дарлингфут Дьявол около месяца тому назад вышел из больницы и куда-то пропал. Но сейчас снова вернулся. Он недавно видел его возле Клойстера. Говорит, что тот направлялся куда-то сюда.

— Так-так. Ну и что же?

— Малыш считает, что он ищет тебя. Хочет отыграться. По его мнению, Джон не может тебе простить того, что ты с ним сделал тогда на Рокфеллер-Плаза.

— Ну и пусть себе ищет маленького плотного брюнета. Я-то теперь выгляжу по-другому. Пойду-ка за мертвецом, покуда его еще не похоронили.

— А про аванс ты что, забыл?

— Ты уже дал его мне.

— Когда?

— А когда я, по-твоему, сюда вернулся?

— Около минуты назад. Я увидел, что ты стоишь и улыбаешься. Ты еще сказал, что все обдумал. И что-то про выгодное дельце.

— Отлично. Значит, получилось.

— Объясни-ка получше.

— Я и хотел, чтобы с этого места ты стал запоминать. Я здесь был уже за минуту до того и внушил тебе, чтобы ты дал мне деньги и забыл об этом.

Кройд достал из внутреннего кармана конверт, открыл его и показал деньги.

— Боже мой, Кройд! И что еще ты успел сделать за эту минуту?

— Не знаю, о чем ты беспокоишься, но твоя невинность не пострадала.

— Ты ведь не спрашивал меня о...

Кройд покачал головой:

— Я же говорил, мне все равно, кому нужно это тело и зачем. Я на самом деле не люблю обременять себя чужими заботами. Своих проблем достаточно.

Джуб вздохнул:

— Вот и хорошо. Ну, давай, счастливо тебе.

Кройд подмигнул ему:

— Не беспокойся. Считай, дело уже сделано.

Кройд пешком добрался до супермаркета, где и купил упаковку больших пластиковых мешков для мусора. Один мешок он сложил и засунул во внутренний карман пиджака, остальные выбросил в урну. Потом на ближайшем перекрестке поймал такси.

Пока такси пересекало город, Кройд проиграл в уме план дальнейших действий. Он войдет в здание и, используя свои новые способности, убедит сотрудника в приемном покое, что его здесь ждут, потому что он — патологоанатом из Бельвью, которого пригласил его друг, работавший в морге, чтобы проконсультироваться по одному вопросу из области судебной медицины. В голову пришли фамилии Мэлони и Уэбли, но выбрал он имя Андерсон. Потом он заставит позвать кого-нибудь, кто сможет проводить его в подвал и помочь найти там то, что ему нужно. Этого сотрудника надо будет держать под контролем, пока Кройд не заберет тело и вещи покойника, не положит все это в мешок и выйдет из здания. Всем, кого он встретит, надо будет внушить, что они ничего не видели. Все это намного проще, чем то, что он

делал раньше в подобных случаях. Он улыбнулся классической простоте своего плана: никто ничего не запомнит и никакого насилия не потребуется...

Добравшись до здания с алюминиевыми ставнями, сложенного из белого и голубого глазурованного кирпича, Кройд велел водителю высадить его на соседнем углу. Перед зданием морга стояли две полицейские машины, а у входа лежала выбитая дверь. Присутствие полицейских само по себе не должно было сорвать его планов, но выломанная дверь его насторожила. Он заплатил водителю полсотни и попросил его подождать. Потом направился ко входу в морг, но прошел мимо, только заглянув внутрь. Он увидел там нескольких полицейских, которые разговаривали с сотрудниками.

Похоже, для осуществления своих намерений он выбрал не вполне удачное время. Хотя все равно надо было выяснить, что произошло. Поэтому, дойдя до угла дома, он повернул назад, а затем уверенно вошел внутрь и быстро осмотрелся.

Мужчина в штатском, разговаривавший с полицейскими, неожиданно обернулся и уставился на него. Кройду это совсем не понравилось. У него засосало под ложечкой и задрожали руки.

Кройд немедленно использовал свои новые способности. Он двинулся прямо к этому типу, изобразив на лице улыбку.

Все в порядке. Делай то, что я тебе прикажу. Сейчас ты хочешь со мной поговорить. Помаши мне рукой, громко скажи: «А, Джим, привет!», а потом иди в мою сторону.

— А, Джим, привет! — сказал мужчина, направляясь к Кройду.

«Нет! — подумал подневольный болтун.— Проклятье! Слишком все быстро случилось. Сцапал меня, как только я его расколол... А ведь очень бы пригодился...»

— Ты шпик в штатском? — спросил его Кройд.

— Да,— охотно ответил тот.

— Как тебя зовут?

— Матиас.

— Что здесь произошло?

— Покойника украли.

— Которого?

— Да какого-то из неопознанных.

— Как он выглядел?

— Похож на большого жука — ноги, как у кузнечика...

— Черт! — выругался Кройд.— А были при нем какие-нибудь вещи?

— Ничего.

Несколько полисменов в форме теперь смотрели на них. Кройд отдал следующее мысленное приказание. Матиас повернулся к полицейским.

— Подождите минутку, ребята,— крикнул он им.— У меня дело.

«Черт! — подумал шпик.— Этот тип мне еще пригодится. Не вечно же ты, приятель, будешь меня держать».

— Как это случилось? — спросил Кройд.

— Только что сюда явился один парень, спустился вниз, заставил ассистента показать ему, где лежат трупы, взял тело и смылся с ним.

— И никто не пытался его остановить?

— Конечно, пытались. В результате четверых уже увезли в больницу. Парень-то был тузом.

— Кто это?

— Который осенью разгромил Рокфеллер-Плазу.

— Дарлингфут?

— Он самый.

«Только... Только ни о чем меня больше не спрашивай — замешан ли я в этом, я ли его нанял, не прикрываю ли его теперь...»

— Куда он потащил труп?

— На северо-запад.

— Пешком?

— Именно. Свидетели божатся, что скачками в двадцать футов.

«Как только ты, молокосос, отпустишь меня, я пущу по твоим следам ищеек».

— Слушай, а почему ты обернулся и так на меня посмотрел, когда я вошел?

«Черт!»

— Я почувствовал, что вошел туз.

— Как ты догадался?

— Потому что я сам — туз. Моя сила в том, чтобы распознавать других тузов.

— Да уж, для полицейского это полезный талант. Ну, теперь слушай внимательно. Сейчас ты забудешь о нашем разговоре и не заметишь, что я уйду. Подойди вон к тому фонтану, чтобы попить, и вернись к своим друзьям. Если кто-нибудь спросит, с кем ты разговаривал, скажешь, что со своим букмекером, и забудешь об этом. Ну, давай! Забудь!

Кройд отвернулся и пошел к выходу. Шпик почувствовал, что хочет пить.

Выйдя на улицу, Кройд вернулся к такси, забрался в машину, захлопнул дверцу и сказал водителю:

— На северо-запад.

— Как это? — спросил водитель.

— Езжай прочь от центра, а дальше я тебе скажу.

— Как прикажешь.— Машина тронулась.

Примерно милю Кройд заставлял шофера вести такси медленно, надеясь напасть на следы похитителя. Ему казалось маловероятным, что Дьявол Джон повезет труп на общественном транспорте. Хотя у него мог быть сообщник, который заранее приготовил для него средство передвижения. Однако, зная, что представляет собой Дарлингфут, Кройд не исключал, что тот так и будет продолжать улепетывать пешедралом: ведь Дьявол Джон знал, что мало кто сможет его остановить, если он сам того не захочет. Кройд вздохнул, глядя вперед на дорогу. И почему элементарные вещи всегда даются с таким трудом?

Потом, когда они приблизились к Морнингсайдским холмам, водитель пробормотал:

— Опять один из этих проклятых джокеров!

Кройд взглянул, куда показывает шофер, и увидел силуэт птеродактиля, через несколько мгновений исчезнувший за небоскребом.

— Давай за ним,— сказал Кройд.

— За этим летающим крокодилом?

— Да!

— Я потерял его из виду.

— Ну так найди!

Кройд помахал у него перед носом очередной купюрой. Водитель дал гудок и повернул так резко, что завизжали шины. Кройд окинул взглядом горизонт, но Малыша не увидел. Тогда он остановил машину, чтобы задать вопрос трусившему мимо старичку. Тот вставил в ухо слуховой аппарат, выслушал Кройда, показал на восток и побежал дальше.

Через несколько минут Кройд увидел угловатый птичий силуэт, описывающий широкие круги к северу от них. Теперь они почти все время следили за полетом птеродактиля и смогли приблизиться к месту, над которым он кружил.

Когда они добрались туда, Кройд попросил ехать помедленнее. Пока он не видел рядом ничего особенного, но в поле зрения ящера было несколько кварталов. Если тот действительно сопровождал Дьявола Джона, значит, Дарлингфут вполне мог быть где-то рядом.

— Что мы здесь ищем? — спросил водитель.

— Крупного мужчину с рыжей бородой и курчавыми волосами. Ноги у него разные,— ответил Кройд.— Правая — здоровенная, волосатая, вместо ступни — копыто. Другая — нормальная.

— Я кое-что слышал об этом парне. Он опасен.

— Я знаю.

— Что ты собираешься делать, когда его найдешь?

— Мне надо кое о чем с ним поговорить,— сказал Кройд.

— Я не хотел бы присутствовать при вашем разговоре. Когда мы его догоним, я тут же уеду.

— Я тебе хорошо заплачу.

— Нет уж, спасибо,— ответил ему водитель.— Если ты его отыщешь, я тебя бросаю и сматываюсь. Так-то вот.

— Так... Птеродактиль летит на север. Давай попробуем его опередить, а потом жми на восток, как только увидишь место, где можно повернуть.

Водитель снова дал газ, свернув направо, а Кройд тем временем старался вычислить, где находится центр кругов, которые описывает Малыш.

— Следующая улица,— наконец сказал Кройд.— Поворачивай, посмотрим, что будет.

Они медленно завернули за угол и медленно объехали квартал, но Кройд не только не заметил преследуемого, но и потерял из виду птеродактиля, парящего над ним, как поплавок над рыбой. Однако над следующим перекрестком крылатая тень появилась вновь, и на этот раз он увидел того, кого искал.

Дьявол Джон был на другой стороне улицы, на расстоянии полуквартала от них. В руках он нес большой сверток. Он был широкоплеч и так страшно скалил свои белые зубы, что встречная женщина с продуктовой тележкой шарахнулась от него в сторону. На Джоне были джинсы — правая штанина оторвана по бедро — и розовый спортивный свитер, какие продаются в Диснейленде. Водитель проезжавшей мимо машины задел припаркованный автомобиль, когда увидел, как Джон сделал обычный шаг левой ногой, а потом, согнув под каким-то невероятным углом правую, прыгнул на двадцать футов вперед, попав на свободный от людей край тротуара. Затем он снова шагнул, как все люди, и опять прыгнул, пролетев над красной «Хондой», ехавшей на небольшой скорости. Теперь Джон оказался на разделительном газоне в середине улицы. Две большие собаки, бежавшие за ним, с громким лаем бросились к краю тротуара, но не решились перебегать дорогу наперерез едущим машинам.

— Останови! — крикнул Кройд водителю, открыл дверцу и выскочил на край тротуара, хотя машина еще двигалась.

Потом он приложил ладони ко рту и закричал:

— Дарлингфут! Подожди!

Тот только оглянулся, уже согнув ногу для очередного прыжка.

— Это же я, Кройд Кренсон! — позвал его Кройд.— Мне надо с тобой поговорить!

Сатироподобная личность застыла, присев на полусогнутой правой ноге. По мостовой пронеслась тень птеродактиля. Из-за угла выскочил маленький белый пудель и присоединился к лаявшим собакам. Раздались возмущенные гудки по адресу двух зазевавшихся пешеходов. Дьявол Джон обернулся к Кройду и уставился на него. Потом покачал головой.

— Ты не Кренсон! — крикнул он.

Кройд шагнул вперед.

— А вот сейчас увидишь! — ответил он и бросился через улицу к разделительному островку.

Дьявол Джон прищурил глаза под косматыми бровями, изучая бегущего к нему Кройда. Он задумчиво пожевал нижнюю губу, а потом медленно покачал головой.

— Не-е,— сказал он.— Кройд был сильно меньше ростом и с темными волосами. Ну ладно, все равно, чего тебе надо?

Кройд пожал плечами.

— Я тот самый парень, который осенью надрал тебе задницу,— проговорил он.— Просто у меня все время меняется внешность.

Дарлингфут засмеялся:

— Забудь об этом, приятель. На групповуху у меня сейчас нет времени.

Оба стиснули зубы, когда рядом раздался гудок и из окошка машины высунулся мужчина в сером деловом костюме.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Кройд зарычал, ступил на проезжую часть, оторвал бампер машины и бросил его на заднее сиденье, разбив стекло.

— Автоинспекция,— сказал он.— Ваша машина в порядке. Поздравляю.

— Кройд! — воскликнул Дарлингфут, когда машина поспешно уехала.— Да ведь это ты!

Он швырнул свою спеленутую ношу на землю и сжал кулаки:

— Я ждал этой встречи всю зиму...

— Тогда подожди еще минуту,— сказал ему Кройд.— Мне надо кое-что у тебя спросить.

— Ну?

— Это тело... Зачем оно тебе?

Громила засмеялся:

— Мне нужны деньги. А ты как думал?

— Может быть, скажешь, сколько они тебе обещали?

— Пять кусков. А что?

— Жмутся, ублюдки,— сказал Кройд.— Ты знаешь, зачем оно им?

— Да нет, я и не спрашивал. Мне все равно. Баксы не пахнут.

— Ты прав,— сказал Кройд.— А все-таки, кто они?

— Тебе-то что?

— Ну, я думаю, ты продешевил. Я считаю, это стоит дороже.

— Сколько?

— Так кто они?

— Мне показалось, какие-то масоны. А сколько это стоит?

— Масоны? Тайные рукопожатия и всякое такое? Я думал, они только и делают, что устраивают друг другу пышные похороны. Но зачем им мертвый джокер?

Дарлингфут покачал головой.

— Они странные люди,— ответил он.— Насколько я понимаю, они собираются его съесть. Так что ты говорил насчет денег?

— Думаю, я смогу заплатить больше,— сказал Кройд.— Что, если я добавлю к пяти еще один? Я дам тебе за него шесть косарей.

— Ну, я не знаю, Кройд... вообще-то не люблю подставлять тех, на кого работаю. А то будут потом говорить, что я, мол, ненадежный человек.

— Ладно, я, может быть, дам и семь.

Внезапно они услышали яростное рычание и звуки собачьей грызни. Пока они беседовали, собаки перебежали дорогу — их оказалось уже целых пять — и выволокли маленькое насекомоподобное тело из мешка. Большой

датский дог вцепился зубами в руку и с грозным ворчанием пытался вырвать добычу у немецкой овчарки; тело уже стало расползаться на части. Два других пса оторвали ногу, похожую на лапку кузнечика, и дрались над ней, пытаясь разорвать на куски. Белый пудель с четырехпалой кистью в зубах был уже на середине проезжей части. В воздухе Кройд почувствовал какую-то особую вонь, непохожую на привычные запахи Нью-Йорка.

— Дерьмо! — воскликнул Дьявол Джон и прыгнул к трупу, выбив копытом бетонную плитку из мостовой. Он бросился на датского дога, но тот увернулся и убежал. Терьер испугался и бросил ногу, а коричневая дворняга кинулась через улицу, волоча за собой остатки конечности.

— Я отниму у него руку! А ты давай за ногой! — закричал Дьявол Джон, догоняя датского дога.

— А как же кисть? — крикнул ему Кройд, пиная еще одну собаку, прибежавшую неизвестно откуда.

Ответ Дарлингфута соответствовал ситуации, был короток и описывал крайне маловероятные анатомические особенности всех участников. Кройд припустил за коричневой собакой.

Когда он добежал до угла, за которым скрылась дворняжка, послышался пронзительный визг. Повернув на соседнюю улицу, он увидел пса, который, лежа на спине, отбивался от наседающего на него сверху птеродактиля. Помятая конечность валялась рядом. Кройд бросился вперед.

— Спасибо тебе, Малыш. Я теперь твой должник,— пропыхтел Кройд, подбегая к ноге. Поколебавшись, он вынул носовой платок, обернул им руку и подобрал конечность, стараясь не держать ее против ветра.

Вдруг птеродактиль исчез, а на его месте появился голый мальчик на вид лет тринадцати от роду. У него были светлые глаза, нестриженые русые волосы и маленькая родинка на лбу.

— Для вас и старался,— отозвался он.— Ну и воняет она, однако.

— Да уж,— сказал Кройд.— Прости, но я пойду, попробую собрать то, что осталось.

Он развернулся и двинулся назад, туда, откуда пришел. За его спиной послышались быстрые шаги.

— Зачем она вам? — спросил мальчик.

— Ну, это длинная, запутанная и скучная история. Тебе ее знать ни к чему,— ответил Кройд.

— Да ладно, бросьте. Расскажите!

— У меня нет времени. Я спешу.

— Вы опять будете драться с Дьяволом Джоном?

— Я не собираюсь драться. Надеюсь, мы сумеем договориться по-хорошему, не прибегая к насилию.

— А в чем теперь ваша сила, если вы будете драться?

Кройд дошел до угла, повернул на разделительную полосу. Вокруг бренных останков крутилась еще одна собака. Дьявола Джона нигде не было.

— Черт побери! — крикнул он.— Ну-ка, пошла отсюда!

Собака содрала с хитинового щитка лоскут шерстистой ткани, не обратив на Кройда никакого внимания. Кройд заметил, что с оторванного куска покровов капала бесцветная жидкость. Потом он понял, что эти выделения сочатся из дыхательных отверстий на тораксе и от этого сами останки стали какими-то влажными.

— Пошла отсюда! — повторил он.

Собака зарычала, но потом вдруг поджала хвост и заскулила. Из-за спины Кройда к ней приближался прыжками тираннозавр метрового роста, издавая угрожающий шип. Собака испугалась и убежала. Через мгновение на месте ящера стоял Малыш.

— Она убежала с тем куском,— сказал мальчик.

Кройд повторил выражение Дарлингфута, бросив спасенную ногу рядом с туловищем. Он вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный мешок для мусора и развернул его.

— Малыш, если хочешь мне помочь, подержи мешок, а я засуну туда то, что осталось.

— Ладно. Ну у вас и работенка!

— Не говори. Неприятное занятие.

— Зачем же вы это делаете?

— Такова уж наша взрослая доля.

— Что вы имеете в виду?

— К старости все больше времени уходит на исправление собственных ошибок.

Раздался тяжелый топот, сверху упала тень, и откуда-то спрыгнул Дьявол Джон.

— Проклятый пес удрал,— объявил он.— Нога у тебя?

— Да,— ответил Кройд.— В мешке.

— Пластиковый мешок — это ты хорошо придумал. А кто этот голый мальчик?

— Ты что, не знаешь Малыша-Динозавра? — удивился Кройд.— Я думал, он со всеми знаком. Он — тот птеродактиль, который за тобой летал.

— Зачем это?

— Я люблю быть в гуще событий,— сказал Малыш.

— Слушай, а почему ты не в школе? — спросил Кройд.

— Да пошла она.

— Послушай меня. Я вот ушел из школы в девятом классе, так и не доучившись. И до сих пор об этом жалею.

— Почему? Разве вы плохо живете?

— Ну, я не знаю многих полезных вещей. Лучше бы я их в свое время выучил.

— Каких, например?

— Ну... Скажем, алгебры. Я никогда не изучал алгебры.

— И что хорошего в этой долбаной алгебре?

— Я этого не знаю и никогда не узнаю, я же ее не изучал. Но иногда смотришь на людей на улице и думаешь: да, они-то уж наверняка знают алгебру, и от этого появляется какое-то чувство неполноценности.

— А я вот тоже не знаю алгебры и не чувствую никакой дурацкой неполноценности.

— Потом почувствуешь,— сказал Кройд.

Тут Малыш заметил, что Кройд как-то странно на него смотрит.

— Немедленно возвращайся в школу,— сказал ему Кройд,— и протирай штаны на занятиях, пока они не

кончатся, а вечером сделай домашнее задание. И делай это с удовольствием.

— Ладно, мне надо лететь,— сказал Малыш и превратился в птеродактиля, потом несколько раз подпрыгнул и поднялся в воздух.

— По дороге найди, во что одеться,— крикнул Кройд ему вслед.

— Что это за чертовщина здесь происходит?

Кройд обернулся и увидал полицейского в форме, только что перешедшего улицу.

— Пойди поцелуй себя в задницу,— огрызнулся Кройд.

Тот расстегнул кобуру.

— Стоп! Ты это прекрати,— сказал ему Кройд.— Застегни ее. Забудь, что ты нас видел, и иди патрулируй другую улицу.

Дьявол Джон вытаращил глаза, когда полицейский сделал, как ему велел Кройд.

— Как ты это делаешь? — спросил он.

— В этом теперь моя сила.

— Тогда ты можешь меня заставить просто подарить тебе это тело, ведь так?

Кройд встряхнул мешок и перевязал его сверху. Закончив с этим, он кивнул:

— Верно. Рано или поздно оно все равно будет у меня. Но я не хотел бы тебя обманывать — все-таки это ты его украл. Я предлагаю тебе честную сделку.

— Семь кусков?

— Шесть.

— Ты говорил — семь.

— Да, но теперь там кое-чего не хватает.

— Сам виноват. Я-то тут при чем! Это ты мне зубы заговорил.

— Не надо было бросать его на землю, на съедение собакам.

— Да, но я же не знал... Смотри, там, на углу, есть закусочная с баром.

— Да, правда.

— Не возражаешь, если мы все обсудим за ленчем и стаканчиком пива?

— Когда ты это сказал, я обнаружил, что у меня зверский аппетит.

Они выбрали столик у окна, а мешок положили на свободный стул. Пока Дьявол Джон заказывал пиво, Кройд посетил туалет и несколько раз вымыл руки. Вернувшись, он заказал себе полдюжины сандвичей. Дарлингфут последовал его примеру.

— На кого ты работаешь? — спросил он.

— Не знаю,— ответил Кройд.— Я получил этот заказ через третье лицо.

— Что-то уж больно сложно. Интересно, зачем оно им всем понадобилось?

— Черт его знает. Надеюсь, они заплатят за то, что здесь осталось.

— Вот поэтому я и иду на эту сделку. Мне почему-то кажется, что мои заказчики хотели бы получить его в более приличном виде. Могут продинамить меня с деньгами. Лучше синица в руке — знаешь такую поговорку? Я им не особенно доверяю. Проходимцы.

— Скажи, были у него какие-нибудь вещи?

— Нет, никаких.

Когда принесли сандвичи, оба принялись за еду. Через некоторое время Дарлингфут взглянул на мешок и заметил:

— По-моему, он стал больше.

Кройд тоже посмотрел на мешок.

— Просто немного растрясся,— сказал он.

Они доели, а потом заказали еще по пиву.

— Да нет, черт возьми! Он растет! — настаивал Дарлингфут.

Кройд снова взглянул на мешок. Он действительно набухал прямо на глазах.

— Да, ты прав,— признал он.— Это, наверное, газы, которые выделяются при... э-э... разложении.

Он хотел было ткнуть в мешок пальцем, но, поразмыслив, убрал руку.

— Так сколько ты за него даешь? Семь кусков?

— Думаю, шести будет достаточно — учитывая его состояние.

— Но они ведь знали, чего просили. Известно же, что с мертвецами происходят такого рода вещи.

— Да, но не до такой же степени. Признай, он у тебя изрядно попрыгал.

— Это верно, но обычный покойник сохранился бы лучше. Откуда я знал, что этому парню нужно особое обхождение?

— Достаточно было посмотреть на него — он же маленький и хрупкий.

— Когда я его схватил, он мне показался довольно прочным. Может, сойдемся на шести с половиной?

— Ну, не знаю...

Мешок распух настолько, что уже привлекал внимание других посетителей. Они допили свое пиво.

— Еще по одной?

— Почему бы и нет?

— Официант!

Официант, убиравший посуду с соседнего освободившегося столика, обернулся к ним с горой грязных тарелок в руках.

— Что вам угод...— начал было он, и в этот момент лезвие ножа, торчащее из охапки у него в руках, скользнуло по раздувшемуся мешку.— Боже мой!

Раздалось шипение выходящего газа — смеси миазмов канализации и вони на скотобойне. Этот тошнотворный запах распространялся по помещению так быстро, словно произошла авария на заводе по производству отравляющих веществ.

— Извините,— сказал официант и поспешно удалился.

Через несколько мгновений люди за другими столиками тоже стали задыхаться.

— Сделай что-нибудь, Кройд! Примени свой гипноз! — зашептал Дьявол Джон.— Скорее!

— Не знаю, справлюсь ли я с целой толпой...

— Давай, попробуй!

Кройд сосредоточился, мысленно обращаясь сразу ко всем присутствующим:

Произошла маленькая неприятность. Ничего особенного. Забудьте об этом. Ничем таким здесь не пахнет. Продолжайте есть и больше сюда не смотрите. Не обращайте на нас внимания. Здесь не на что смотреть. Никакого запаха нет.

Посетители отвернулись и снова принялись за еду и разговоры.

— Получилось! — пробормотал Дьявол Джон странным голосом.

Кройд повернулся к нему и увидел, что тот зажимает нос.

— Ты что-то пролил?

— Нет.

— Ну и ну! Слышишь, капает?

Дарлингфут посмотрел на мешок, потом наклонился и заглянул под стол.

— Вот черт! — сказал он.— Газ оттуда уже вышел. Оно теперь вытекает через дырку, которую сделал этот парень. Слушай, сделай так, чтобы я тоже не чувствовал запаха, а?

Кройд закрыл глаза и стиснул зубы.

— Уже лучше,— услышал он вскоре, когда Дарлингфут показался из-под стола и поправил мешок на стуле так, чтобы из него не текло. При этом раздалось какое-то хлюпанье и бульканье.

Кройд посмотрел на пол и обнаружил здоровенную лужу, напоминающую разлитый суп. Он поперхнулся и отвел взгляд.

— Ну, Кройд, что ты теперь будешь делать? Жижу оставишь, а остальное возьмешь? Или как?

— Думаю, я обязан забрать все, что удастся.

Дьявол Джон ухмыльнулся и приподнял бровь.

— Ладно,— сказал он,— дашь мне шесть с половиной, и я помогу тебе собрать все это и унести.

— Договорились.

— Теперь, если сможешь, сделай так, чтобы меня не заметили люди на кухне.

— Попробую. Что ты хочешь делать?

— Положись на меня.

Дарлингфут встал, передал горловину мешка Кройду и проковылял за стойку. Он отлучился всего на несколько минут, а когда вернулся, обе руки у него были заняты.

Он открыл большую банку для солений и поставил ее на пол рядом со стулом.

— Теперь наклони мешок так, чтобы дырка была прямо над банкой,— сказал он,— а я приподниму его снизу. Мы все перельем сюда.

Кройд повиновался; когда струйка иссякла, банка наполнилась больше чем наполовину.

— А дальше что? — спросил он, закрывая крышку.

Дарлингфут достал салфетку из пачки, которую принес, и открыл упаковку небольших пакетов.

— Пакеты для объедков — посетители носят любимым собачкам,— сказал он.— Я соберу в них все твердое с пола.

— А потом?

— А еще я принес губку,— объяснил Дарлингфут, наклоняясь к луже.— Ею можно запросто собрать все, что осталось.

— Можно побыстрее? — попросил Кройд.— Собственное-то обоняние я не могу заговорить.

— Быстрее я не могу. Открой банку, а? Я выжму туда салфетку.

Когда остатки трупа собрали в банку для солений и девять пакетов, Дарлингфут расширил разрез, окончательно разорвав мешок, и достал оставшиеся там хитиновые пластины. Банку он засунул внутрь хитинового панциря и запихал все это в новый мешок, побросав сверху более мелкие остатки наружного скелета. Сверху он положил голову и конечности. Потом он пристроил туда же пакеты и губку.

Кройд тем временем встал со стула.

— Извини,— сказал он.— Я сейчас вернусь.

— Я с тобой. Надо немного отмыться.

Под шум льющейся воды Дьявол Джон неожиданно заявил:

— Раз уж мы так славно справились с упаковкой, я хочу тебя кое о чем попросить.

— О чем же? — поинтересовался Кройд, в очередной раз намыливая руки.

— Знаешь, мне все-таки неловко перед моими заказчиками.

Кройд пожал плечами:

— Ты же не можешь отдать его сразу и мне, и им.

— А почему бы и нет?

— Каким образом?

— Когда ты меня догнал, я уже был почти на месте. Предположим, мы идем туда, где я с ними забил стрелку,— в маленький парк рядом с Клойстерсом*,— и я вешаю им лапшу на уши насчет того, что собаки разорвали тело на части и все унесли. Ты их заставляешь в это поверить, а потом забыть, что я был не один. Вот так, и я им больше ничего не должен.

— Ладно, я тебе помогу,— согласился Кройд, умывая лицо.— Ты говоришь «они». Сколько их будет?

— Всего один или двое. Парня, который меня нанял, зовут Матиас, и с ним был еще какой-то рыжий тип. Он все рассказывал мне о масонах, пока его друг не заткнул ему рот...

— Забавно,— сказал Кройд.— Я сегодня утром повстречал одного Матиаса. Он полицейский. Был переодет в штатское. А кто, интересно, этот рыжий? По-моему, он может быть и тузом, и джокером.

— Наверное. Если у него и есть особые способности, мне он их не демонстрировал.

Кройд вытер лицо.

— Что-то мне все это не нравится,— сказал он.— Видишь ли, этот Матиас — туз. Имена могли просто совпасть, да и я управлял тем типом при помощи гипноза. Только не люблю я иметь дело сразу с несколькими тузами. Мож-

---

* Клойстерс — музей средневекового искусства в Нью-Йорке.

но нарваться на кого-нибудь, кто блокирует твои способности. Эта секта... масоны ведь могут быть группой тузов, как ты думаешь?

— Не знаю. Тот рыжий парень приглашал меня на их собрание, но я сказал, что не люблю пустых разговоров: мол, либо договоримся сейчас же, либо забудем об этом. Так что они дали мне аванс прямо там. Только то, как этот рыжий разговаривал, не слишком мне понравилось.

Кройд нахмурился:

— Может, забудем о них?

— У меня есть правило: если заключил сделку, сделай так, чтобы потом на тебе это не висело,— сказал Дарлингфут.— Может, ты вначале только на них посмотришь, пока я буду разговаривать, а уж потом решишь?

— Ладно, посмотрим... Я же тебе уже обещал. Ты помнишь еще что-нибудь из того, что они говорили? Что-нибудь о масонах, тузах, трупе — ну, о чем угодно?

— Да нет... А что такое феромоны?

— Феромоны? Это гормоны, которые распространяются по воздуху. Такие вещества — они могут влиять на людей. Мне про это как-то раз рассказывал Тахион. У меня был один знакомый джокер, так если сядешь в кафе с ним рядом, все, что ты ешь, отдает бананом. Тахи сказал: это из-за феромонов. А что ты про них слышал?

— Точно не знаю. Когда я ним подошел, тот рыжий парень сказал что-то о своей жене и употребил это слово. Больше ничего.

— Это все, что ты от них слышал?

— Все.

— Ладно.— Кройд скомкал бумажную салфетку, которой вытирался, и бросил ее в мусорное ведро.— Пошли.

Когда они вернулись за стол, Кройд отсчитал деньги и вручил своему спутнику.

— Вот. Должен сказать, ты их заработал.

Кройд посмотрел на разбросанные салфетки, грязный пол, мокрый пустой мешок.

— Что нам делать со всей этой грязью?

Дарлингфут пожал плечами.

— Оставь это официантам,— сказал он.— Они к такому привычные. Только дай им хорошие чаевые.

Кройд несколько поотстал, когда они вошли в парк. Там на скамейке уже сидели два человека, и даже на расстоянии было заметно, что у одного из них рыжие волосы.

— Ну что? — спросил Дьявол Джон.

— Я попробую,— сказал Кройд.— Сделаем вид, что мы не знакомы. Я пойду дальше, а ты иди объясняйся с ними. Через минуту поверну назад и пойду через парк. Я займусь ими, когда подойду поближе. Будь начеку. Если на этот раз гипноз не подействует, придется прибегнуть к другим средствам.

— Понятно. Договорились.

Кройд замедлил шаг, пропустив Дарлингфута вперед. Тот пересек улицу, вошел в парк и по аллее, посыпанной гравием, направился к скамейке. Кройд дошел до угла, неторопливо перешел дорогу и повернул в обратном направлении.

Скоро он уже мог различить громкие спорящие голоса. Он свернул в аллею, по которой только что прошел Дарлингфут, и не спеша двинулся в сторону скамейки с мешком под мышкой.

— ...Кусок дерьма! — услышал он голос Матиаса.

Тот взглянул в его сторону, и Кройд действительно узнал в нем полисмена, с которым разговаривал в морге. На лице Матиаса не было никаких признаков того, что он тоже вспомнил Кройда, но, как он уже знал, у того был талант распознавать тузов. Значит...

— Господа,— сказал он, стараясь внушить собеседникам свои мысли,— все, что сказал вам Джон Дарлингфут по прозвищу Дьявол,— правда. Труп разорвали собаки. Он не смог вам его принести. Вам придется примириться с этим. Вы забудете, что видели меня, как только...

Тут он заметил, как Дарлингфут повернул голову, увидев что-то у него за спиной. Кройд обернулся.

К ним приближалась некрасивая молодая женщина с азиатскими чертами лица. Руки она держала в карманах пальто и подняла воротник, спасаясь от холодного ветра. А ветер...

Ветер изменил направление и дул теперь прямо ему в лицо.

Что-то в этой даме...

Кройд все смотрел на нее. Как он мог подумать, что она некрасива? Наверное, из-за освещения. Она была так прекрасна, что захватывало дух. Он ужасно захотел, чтобы она ему улыбнулась. Захотелось ее обнять, без устали ласкать ее тело. Хотелось играть ее волосами, целовать ее и любить. Она была самой великолепной женщиной из всех, на кого когда-нибудь падал его взор.

Он услышал, как Дьявол Джон негромко присвистнул.

— Ты только посмотри на нее!

— Просто не отвести глаз,— ответил он.

Кройд растянул губы в широкой улыбке, и она улыбнулась ему в ответ. Ему хотелось задушить ее в объятиях, но он вымолвил только:

— Хелло.

— Это моя жена, Ким Той,— донеслись до него слова рыжего мужчины.

Ким Той! Само ее имя звучало, как музыка...

— Я сделаю для вас все, что захотите,— услышал он слова Дьявола Джона, обращенные к ней.— Вы такая чудесная, просто больно на вас смотреть.

Она засмеялась.

— Как это мило с вашей стороны,— промолвила она.— Мне ничего не надо. Не сейчас. Может быть, как-нибудь потом я что-нибудь придумаю. Вы его получили? — спросила она мужа.

— Нет, его съели собаки,— ответил тот.

Дама вздернула подбородок и недоуменно подняла брови.

— Какая печальная участь,— проговорила она.— А откуда вы знаете?

— Нам рассказали вот эти господа.

— Да? — переспросила она.— Это правда? Вы им так сказали?

Дьявол Джон кивнул.

— Мы так сказали,— признался Кройд.— Но...

— А мешок, который вы бросили, когда увидели меня,— сказала она,— что в нем? Откройте его, пожалуйста, я хочу посмотреть.

— С удовольствием,— сказал Кройд.

— Мы сделаем все, чего ни пожелаете,— согласился Дьявол Джон.

Оба они опустились перед ней на колени и некоторое время от волнения никак не могли развязать тесемку на горловине мешка.

Кройд, воспользовавшись случаем, хотел было поцеловать ей ножку, но потом вспомнил: она просила дать ей посмотреть, что в мешке. Может статься, в награду за то она позволит ему не один поцелуй, и...

Как только он развязал мешок, их окутало облако смрадных испарений. Ким Той в ужасе отпрянула назад. Когда Кройд почувствовал приступ тошноты, он понял, что женщина больше не кажется ему красивой, что она ничуть не более желанна, чем сотня других женщин, встреченных сегодня на улице. Краем глаза он увидел, как поднимается с колен Дьявол Джон, осознал, в каком дурацком положении находился он сам, и в тот же момент нашел объяснение происходящему.

Когда запах немного ослаб, волна очарования, исходившая от Ким Той, опять настигла его. Кройд сжал зубы, снова наклонился над мешком и сделал глубокий вдох.

Ее красота сразу померкла, и он смог использовать свою силу.

Так вот, я уже говорил, что тела больше нет. Его разорвали собаки. Дьявол Джон старался, как мог, но не уберег его. А теперь нам надо идти. Забудьте, что я здесь был.

— Пошли! — сказал он Дарлингфуту, когда тот наконец встал на ноги.

Дьявол Джон покачал головой.

— Я не могу расстаться с этой девушкой, Кройд,— ответил он.— Она меня просила...

Кройд подвинул открытый мешок поближе к его лицу. Глаза Дарлингфута расширились. Потрясенный, он покачал головой.

— Пошли! — повторил Кройд, взвалил мешок на плечо и бросился бежать.

Дьявол Джон одним гигантским скачком обогнал его сразу на десять футов.

— Вот это чудеса, Кройд! Ничего не понимаю,— признался он, когда они были уже на другой стороне улицы.

— Вот ты и узнал, как действуют феромоны,— сказал ему Кройд.

Небо снова затянуло тучами, и Кройд шел, подгоняемый порывами холодного ветра со снегом. Он расстался с Дарлингфутом у дверей очередного бара и пошел пешком в сторону центра. Поймать такси ему никак не удавалось — их нигде не было видно. Ехать с такой ношей в автобусе или метро он тоже не решался из-за толкотни и давки.

Когда он прошел еще несколько кварталов, снегопад усилился, а порывистый ветер крутил целые вихри снежных хлопьев и гонял их между домами. Автомобили на улице зажгли фары, и Кройд понял, что в такую пургу он ни за что не увидит такси, даже если машина проедет у него перед носом. Ругаясь сквозь зубы, он тащился дальше в поисках какой-нибудь забегаловки или ресторана, где можно было бы выпить кофе и переждать метель или вызвать такси по телефону. Однако по пути ему попадались только офисы.

Через некоторое время пошел снег с градом. Кройд прикрыл рукой глаза. Холода-то он не боялся, но град — это вещь посерьезнее. Он нырнул в первый попавшийся проход — он вел в какой-то двор — и вздохнул, расправив плечи, когда напор ветра ослаб.

Здесь было потише. Снег слабо кружился в воздухе. Он смахнул его с волос, отряхнул пиджак и потопал ногами. Потом осмотрелся. Слева, в нескольких шагах по-

зади него, он увидел укромный уголок перед дверью, куда вело несколько ступеней. Он направился туда, думая переждать непогоду.

Кройд занес было ногу, чтобы подняться по ступенькам крыльца, но увидел, что в одном из углов прямоугольной площадки перед закрытой железной дверью кто-то уже сидит. Это оказалась женщина, одетая в какой-то мешковатый балахон, с бледным лицом и нечесаными волосами. Она сидела между двумя хозяйственными сумками и смотрела в его сторону отсутствующим взглядом.

— ...Ну Глэдис и сказала Марти: я, говорит, знаю, ты встречал эту официантку у Дженсона...— бормотала женщина.

— Прошу прощения,— сказал Кройд.— Вы не против, если я к вам присоединюсь? Там такой град...

— ...Я ведь ей говорила, что она может забеременеть снова, еще не кончив кормить грудью, а она только смеялась надо мной...

Кройд пожал плечами и прошел в противоположный угол.

— Она так расстроилась, когда поняла, что снова на сносях,— бубнила женщина,— а тут Марти с этой официанткой...

Кройд помнил, какой нервный срыв был у его матери после смерти отца, и в его душе шевельнулось сострадание к этой слабоумной старухе. Интересно, подумал он, может ли его сила, его новоприобретенная способность подчинять волю других людей помочь таким, как она? Все равно ему придется провести тут некоторое время... А может быть...

— Послушайте,— сказал он женщине, стараясь мыслить простыми и точными образами.— То, о чем вы думаете, давно прошло, его нет. Вернитесь к действительности. Вы сидите перед железной дверью и смотрите на снег...

— Ах ты скотина,— завизжала женщина, лицо ее налилось кровью, а руки потянулись к сумке.— Не хочу я ничего знать! Не хочу здесь сидеть и пялиться на снег! Не хочу!

Она открыла сумку, и прямо на глазах у Кройда оттуда возникло что-то темное, полетело к нему, затмило все поле зрения, раздирая его на части, кружа в безумном хороводе...

Женщина, оставшись на площадке перед дверью одна, застегнула сумку, посмотрела на падающий снег и снова забормотала:

— ...Так я ей и говорю: мужчины — народ ненадежный, особенно в денежных делах. Иногда приходится искать на них управу — тут уж ничего не попишешь. Вот этот приятный молодой человек из юридической консультации объяснит тебе, что надо делать. А потом Чарли, который работал в пиццерии...

Кройд почувствовал головную боль — непривычное для него ощущение. У него никогда не бывало похмелья, потому что организм слишком быстро усваивал алкоголь, но он представлял себе похмелье именно так. Потом он почувствовал, что у него замерзла спина, ноги, ягодицы и тыльная сторона рук: он лежал на чем-то мокром и холодном. Наконец он решился открыть глаза.

Небо между домами было темно-синим, без единого облачка, и на нем уже зажглись первые, самые яркие звезды. А ведь до этого шел снег. И был день, а не вечер. Он сел. Что с ним было в течение этих нескольких часов?

Он увидел мусорный бак. Рядом валялись пустые бутылки из-под вина и виски. Это тоже был двор, но...

Это был другой двор. Дома были пониже и там отсутствовал мусорный бак, а самое главное — он не видел двери, у которой они сидели со старухой.

Он помассировал себе виски и почувствовал, что немного согрелся. Старуха... Что это была за чертовщина — то темное, чем она его достала, когда он пытался ей помочь? Она вытащила это из сумки...

Господи, а где его мешок? Сильно волнуясь, он принялся шарить вокруг в поисках тщательно упакованных останков несчастного безымянного существа. Потом он понял, что свой порванный и вывернутый наизнанку мешок он все еще сжимает в правой руке.

Кройд вскочил на ноги и оглядел окрестности, освещаемые лишь тусклым светом далекого фонаря. Пакеты были разбросаны вокруг. Он сразу посчитал их. Правильно, девять. Потом он увидел и конечности, голову и хитиновый панцирь, правда, он был разломан на четыре части, а голова как-то неестественно блестела — вероятно, от сырости. А банка? Где же банка? Может быть, труп был нужен кому-то как раз из-за этой жидкости. А если банка разбилась...

Кройд радостно вскрикнул, когда увидел, что банка стоит в тени у стены дома слева от него. Верх у нее был отбит. Он бросился к ней и успокоился, когда по запаху понял, что в ней не дождевая вода.

Он подобрал пакеты, которые оказались почему-то совершенно сухими, и положил их на выступ подвального окна с решеткой. Рядом он сложил в кучку остатки хитинового скелета. Отыскав ноги, он увидел, что обе они сломаны, но решил, что так даже легче их упаковать. Потом посмотрел на банку для солений с отбитым верхом и улыбнулся. Все очень просто. Ответ был прямо перед глазами — благодаря стараниям пьянчуг, населявших окрестные трущобы.

Кройд набрал несколько пустых бутылок, поставил их рядом с банкой и отвинтил пробки. Потом он осторожно перелил в них темную жидкость из банки.

У него получилось восемь бутылок разного калибра, которые он тоже поставил на оконный выступ рядом с горкой хитиновых обломков. Похоже, с каждой перетасовкой останков от бедного парня оставалось все меньше. А может быть, так казалось из-за того, что теперь он был уложен более компактно. Чтобы точно узнать, в чем тут дело, надо было учить в школе алгебру.

Кройд открыл крышку мусорного бака. Найдя там длинные нити рождественских гирлянд, он заулыбался. Несколько гирлянд он вытащил и сунул в боковой карман. Потом снова нагнулся. Если в помойке были гирлянды, значит...

Тут он услышал позади торопливые шаги. Кройд оглянулся, на всякий случай сжав кулаки, но рядом никого не было. Потом он увидел, как у его карниза на секунду остановился какой-то коротышка в одежде, висевшей на нем, как на вешалке, и схватил бутылку побольше и два пакета. Он побежал в дальний конец двора, где маячило еще несколько оборванцев.

— Эй ты! — закричал ему Кройд.— А ну стой! — Он попробовал ему это мысленно внушить, но тот был уже слишком далеко.

В ответ он услышал только хохот и крик:

— Ну, ребята, сегодня мы попируем!

Тяжело вздохнув, Кройд достал из помойки кипу красной и зеленой праздничной оберточной бумаги и пошел к подвальному окну, чтобы заново упаковать то, что осталось.

С ярким свертком под мышкой он прошел еще несколько кварталов и, пройдя мимо бара под названием «Блиндаж», понял, что он в районе Гринвич-Вилидж. Он нахмурился, но потом увидел такси и поднял руку. Машина остановилась. Теперь все было в порядке. Даже голова перестала болеть.

Джуб поднял голову и увидел Кройда, который весело ему улыбался.

— Ну как... Как все прошло? — спросил он.

— Задание выполнено,— ответил Кройд и вручил ему ключ.

— Ты справился? В новостях было что-то про Дарлингфута...

— Я справился.

— А его вещи?

— Никаких вещей у него не было.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Ничего, кроме него самого. Он в ванне.

— Что?

— Все в порядке — я закрыл сток.

— Это что, шутка?

— Машина, на которой я ехал обратно, попала в аварию, и часть бутылок разбилась. Поэтому будь осторожен, когда станешь распаковывать,— там могут быть осколки.

— Какие еще бутылки?

— Он — как бы это сказать? — немного растерялся по дороге. Но все, что осталось, я доставил в целости.

— Что значит «осталось»?

— Ну, то, что сохранилось. Просто он развалился и немного потек. Я завернул все в разноцветную бумагу и перевязал красной ленточкой. Все правильно?

— Прекрасно, Кройд. Похоже, ты сделал все, что мог.

Джуб передал ему конверт с деньгами.

— Пойдем пообедаем в «Козырном тузе». Я плачу,— сказал ему Кройд.— Вот только помоюсь сначала и переоденусь.

— Нет, спасибо, мне нужно... нужно заняться делами.

— Если пойдешь в эту квартиру, возьми какой-нибудь дезодорант.

— Хорошо. Тебе, наверное, трудно пришлось?

— Да нет, дельце было просто конфетка.

Кройд направился домой, посвистывая и сунув руки в карманы. Джуб задумчиво смотрел на ключ. В это время вдалеке раздался бой часов.

Концерт для серотонина с хором сирен*

1

Сидя в заведении итальянца Вито, в самой темной из длинного — вдоль всей стены — ряда отдельных кабинок, он коротал время, поглощая очередную порцию лингвини. Местечко, выбранное для трапезы, представлялось ему достаточно укромным; лишь наметанный взгляд завсегдатая мог подметить необычное оживление среди официантов, бьющихся об заклад, какая по счету порция — а едок уплетал уже седьмую — станет последней. Горка на тарелке таяла со сказочной быстротой, столь же споро понижался и уровень вина в оплетенной бутыли, и, когда в зал ввалился широченный, словно трехдверный шкаф, верзила, того и другого оставалось ровно на донышке. Покачивая увесистыми гирями кулаков, пришелец неторопливо прошелся вдоль ряда кабинок и остановился вплотную к столику, не сводя с едока пристального взгляда налитых кровью глаз.

Шкаф молча пялился на сидящего за столиком, пока тот не обратил на здоровяка вопрошающий взгляд — из-под темных напомаженных непослушных вихров блеснули черные зеркальные линзы.

— Ты, что ли, тот самый, кого я ищу? — прорезался у шкафа сиплый бас.

* Серотонин — вещество, участвующее в процессе регулирования сна.

— Вполне может статься,— откладывая вилку в сторону, отозвался обладатель зеркальных очков.— Если речь о деньгах и определенных специальных навыках.

Верзила неожиданно расплылся в улыбке. Затем поднял и уронил правую гирю — угол столика с треском надломился и рухнул, увлекая за собой останки изодранной скатерти. Хотя обедающий и отпрянул, тарелка с пестрыми следами итальянской кухни полетела ему на одежду. Зеркальные очки съехали набок, открыв свету выпуклые и ярко мерцающие *фасеточные* глаза.

— Туше! — объявил он негромко, но отчетливо, взметнув вытянутые пальцы ко второму гиреподобному придатку.

— Сукин сын! — взревел гигант, отдернув руку.— Чего жжешься, твою мать?

— А чего хулиганишь? — парировал собеседник.— Благодари бога, что не изжарил тебя целиком! Безобразие! Пришел, нагрубил. Зачем хороший столик сломал?

— Так значит, это не ты, что ли, нанимаешь тузов гребаных? В гробу тогда я тебя видал!

— Нет, не я. Я решил было, что вербовщик ты — судя по замашкам.

— Чтоб ты сдох, ублюдок пучеглазый!

Собеседник мигом вернул очки на место.

— И в самом деле, что за наказание,— возвестил он ядовито,— лицезреть такую ослиную задницу, как ты, двести шестнадцать раз кряду!

— Я покажу тебе сейчас ослиную задницу! — снова заревел гигант, вздымая увесистый кулак.

— Поосторожнее! — объявил очкастый. Меж его расставленных ладоней внезапно разразился настоящий электрический ураган.

Верзила в ужасе отшатнулся. Очкарик расслабился и лениво опустил руки.

— Когда б не соус на одежде, все это могло быть даже забавным,— сказал он чуть погодя.— Присаживайся, что ли. Будем ждать вместе.

— Забавным? Что именно?

— Ну, ты пока пораскинь мозгами, поразмысли, а я схожу приведу себя в порядок.— Уже поднявшись, он добавил: — Меня, кстати, зовут Кройд.

— Кройд Кренсон?

— Точно. А ты, полагаю, Дробила?

— Угадал. А все же, что ты забавного здесь нашел?

— Да я имел в виду один старый анекдот — про двух парней, которые принимают друг дружку за кого-то еще,— примирительно ответил Кройд.— Не слыхал разве?

Дробила сдвинул на несколько мгновений мохнатые брови, затем губы его сложились в неуверенную улыбку, а из пасти вырвался сиплый отрывистый смех, весьма схожий с собачьим кашлем.

— Действительно, чертовски забавно! — выдавил он и зашелся снова.

Продолжая шумно радоваться жизни, верзила рухнул на скамью. Кройд тем временем отправился приводить в порядок свой гардероб. Примчавшийся на шум официант маленько прибрался в кабинке и принял у Дробилы заказ — большой кувшин пива. Спустя минуту в зале появился, выйдя из кухни, хмурый тип в черном. Он постоял посреди, засунул пальцы обеих рук за пояс, меланхолически жуя зубочистку и покачиваясь на носках, затем неторопливо приблизился.

— Что-то мне фото твое вроде бы знакомо,— буркнул он, заходя в кабинку по-хозяйски, без приглашения.

— Дробила,— осклабился здоровяк, приподняв над столом чугунный кулак.

— Крис Мазучелли. Да, слыхал я кое-что о тебе. Говорят, стены пробиваешь этими своими кувалдами.

— Запросто, твою мать! — радостно закивал гигант.

Губы Мазучелли, продолжая плотно сжимать зубочистку, сложились в некое бесцветное подобие улыбки; он уселся на место Кройда.

— А про меня слыхал что-нибудь? — поинтересовался итальянец.

— Да, чтоб мне с места не сойти! — кивнул верзила.— Тебя среди своих кличут Пауком.

— Верно. Думаю, прослышал и о моих неприятностях? Из-за которых я и вербую особенных парней?

— Если тебе нужны настоящие гребаные потрошители, то я в самый раз,— заверил Дробила.— Черепушки крошить приходилось.

— Звонишь красиво,— заметил Мазучелли и сунул руку в карман. На стол шлепнулся пухлый конверт.— Это задаток.

Дробила открыл конверт, медленно и неуверенно, шевеля губами, пересчитал купюры. Закончив непривычно тяжкий труд — или же только сделав вид, что закончил,— объявил:

— Все правильно, чтоб мне сдохнуть! А теперь?..

— Там, в конверте, адресок. Придешь сегодня к восьми, получишь распоряжения. Не опаздывай. Договорились?

— Можешь на меня положиться.— Дробила поднялся, схватил со стола кувшин с пивом, осушил в несколько глотков и звучно рыгнул.

— А кто тут еще был с тобой — какой-нибудь новичок, салага?

— Нет, дьявол его раздери! Наш, один из лучших,— ответил Дробила.— Кройд Кренсон. Парень, каких лучше не задирать, но зато с большим чувством юмора.

Мазучелли вяло кивнул:

— Желаю приятно провести время!

Дробила ответил энергичным взмахом ручищи, еще разок рыгнул на прощание и отчалил.

Обнаружив по возвращении из туалета на своем месте постороннего, Кройд промешкал лишь мгновение, не более. Подойдя к столику, воздел два пальца в шутовском салюте и представился:

— Меня зовут Кройд. А ты, наверное, тот самый Паук, что спешно вербует рекрутов?

Мазучелли окинул Кройда пристальным немигающим взглядом; его внимание привлекло влажное пятно на брюках.

— Никак с нами что-то случилось? — спросил итальянец бесцветным голосом.

— Да нет, ничего, просто по пути в сортир оценил прелести итальянской кухни,— ответил Кройд.— Так это ты ищешь таланты или нет?

— А чем особенным можешь похвастать?

Кройд дотянулся до абажура на соседнем столике и неспешно, без суеты выкрутил из него лампочку. Вытянул руку над столом — лампа засветилась, сперва как бы нехотя, затем ослепительно, наконец коротко вспыхнула и погасла, уже навсегда.

— Оп-ля! — прокомментировал Кройд.— Немного переборщил с напряжением.

— Такое удовольствие в магазине обойдется мне в полтора бакса,— заметил Мазучелли.— И купить можно на каждом углу. Фонарик называется — может, слыхал?

— Да включи же свое воображение! — слегка обиделся Кройд.— Я могу точно так же разделаться с любой системой сигнализации, с компьютерами, телефонами. Стоит ли уж говорить о простых рукопожатиях? Но если это тебя не интересует, извини — голодная смерть пока мне не грозит.

И он решительно поднялся с места.

— Да садись же, садись! — спохватился Мазучелли.— А мне еще говорили, что у тебя потрясающее чувство юмора. Вот я и пошутил. Мне по душе твой талант, думаю, применение ему найти — раз плюнуть. И мне действительно срочно нужны парни вроде тебя.

— Никак с нами что-то случилось? — поинтересовался Кройд, усаживаясь на скамью, еще недавно занятую Дробилой. Заметив, что собеседник нахмурился, Кройд широко ухмыльнулся.— Шутка такая,— пояснил он.— Один-один. И какая же предстоит работенка?

— Кренсон,— объявил итальянец.— Таково твое последнее имя. Как видишь, кое-что мне известно. Более того, известно не так уж и мало. Моим парням пришлось, правда, как следует за тобой побегать... Шутка такая. Не обижайся. Знаю-знаю, ты парень крутой и обычно справ-

ляешься с поручениями, справляешься неплохо. Но прежде чем перейти непосредственно к делу, поговорим малость о другом. Разумеешь, о чем я?

— Пока не очень,— ответил Кройд,— но ушки держу на макушке.

— Тебе что-нибудь заказать на время беседы?

— Съел бы еще порцию лингвини,— сказал Кройд,— ну, и чтоб запить — бутылочку кьянти.

Мазучелли махнул рукой, щелкнул пальцами. Мгновенно подскочил официант.

— Linguini, e una bottiglia chianti,— сказал Мазучелли.

Официант исчез. Итальянец потер ладони одна о другую, слегка похрустев при этом тонкими пальцами.

— Тот парень, что недавно свалил отсюда...— произнес он с ленцой.— Дробила...

— Да-да? — вставил Кройд заинтересованно, дабы заполнить затянувшуюся паузу.

— Из него может получиться неплохой боец,— завершил мысль итальянец.

— Полагаю, да,— кивнул Кройд.

— Что же до тебя... сдается, ты обладаешь навыками поинтереснее — помимо талантов, коими обязан вирусу. Думаю, ты уровнем повыше Дробилы будешь. Ты ведь, если не ошибаюсь, со стариной Бентли водился?

Кройд кивнул снова:

— Бентли был первым моим наставником. Я знавал его еще псом. А ты и в самом деле осведомлен обо мне лучше всех прочих.

Мазучелли выплюнул зубочистку и хлебнул пивка.

— Это и есть мой бизнес,— небрежно обронил он после паузы.— Знать. Потому-то и не хочу посылать тебя простым бойцом.

Вернулся официант с заказом, поставил перед Кройдом дымящуюся тарелку, чистый бокал и откупорил кьянти. Завершив хлопоты, скрылся в одной из соседних кабинок. Кройд немедленно навалился на еду — с аппетитом, который Мазучелли с легкой брезгливостью определил как из ряда вон выходящий.

После непродолжительного перерыва Кройд поинтересовался:

— Так чем же все-таки предстоит заняться?

— Кое-чем... чуть более деликатным — если подойдешь для этого.

— Деликатным? Я прямо-таки создан для деликатных дел,— похвастался Кройд.

Мазучелли выставил перед собой палец.

— Первое,— сказал он.— Одна из тех вещей, которые следует уяснить, прежде чем перейти к дальнейшему...

Заметив, что тарелка визави почти опустела, Мазучелли спохватился и снова щелкнул пальцами. Почти мгновенно возник официант с новой порцией.

— Что же это за вещь? — спросил Кройд, отодвигая от себя пустую тарелку одновременно с появлением следующей.

Мазучелли подался вперед и отеческим жестом накрыл ладонь Кройда.

— Мне известны твои проблемы,— сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Слыхал, что порою ты слетаешь с катушек,— Мазучелли понизил голос,— ускоряешься, что ли, и тогда начинаешь крушить налево и направо, все и всех подряд. Впадаешь в такое бешенство, что не можешь затормозить, пока полностью не выпустишь пар или пока кто-нибудь из друзей-тузов не уймет тебя на время из жалости.

Отложив вилку в сторону, Кройд залпом осушил стакан.

— Твоя правда,— уныло признал он.— Но мне не доставляет удовольствия обсуждать это.

Мазучелли пожал плечами.

— У каждого есть право время от времени повеселиться на свой собственный манер,— констатировал он.— Лишь бы не в ущерб делу. Я ведь не из праздного любопытства задел тебя за живое. Как бы такое не стряслось, когда будешь занят моими делами.

— Такое мое состояние вовсе не прихоть, не развлечение и не дамский каприз,— пояснил Кройд.— Мне и

самому оно не слишком-то в масть. Кроме одного вреда, никакой пользы. Но ничего не попишешь — само собой накатывает. Впрочем, только лишь после слишком затянувшегося бодрствования.

— Ага, а сейчас ты еще далеко от такой точки?

— Довольно близко,— отрезал Кройд.— Но пока можешь не волноваться.

— Если я все же найму тебя, то предпочел бы и вовсе не беспокоиться. И хоть мне не совсем удобно задавать тебе вопросы касательно твоей пригодности, хотелось бы прояснить еще один небольшой нюанс: когда ты слетишь с катушек в очередной раз, достанет ли тебе самоконтроля, чтобы забыть, на кого работаешь? И если да, то сможешь ли отправиться кой-куда, чтобы сровнять с землей одно злачное местечко — как бы без всякой со мной связи?

Кройд изучал собеседника долгое мгновение, затем неторопливо кивнул.

— Кажется, въезжаю,— сказал он.— Если этого потребует моя работа, справлюсь, разумеется. Никаких проблем.

— Ну, раз мы друг друга поняли, я тебя беру. Как видишь, тебе поручается не черепушки крошить, тут задача потоньше. Посложнее всяких там краж со взломом.

— Мне приходилось участвовать в самых разных делах,— сказал Кройд.— Частенько попадались деликатные. А некоторые — так на поверку и вовсе легальными оказались.

Оба дружно заулыбались.

— Хорошо бы и в моем обойтись без лишнего шума и треска, а если удастся — и без насилия,— добавил Мазучелли.— Как я уже говорил, мой товар чистый — информация, важные сведения. И с твоей помощью я тоже надеюсь разжиться некоторыми новыми данными. Лучше всего, чтобы о попытке их раздобыть никто и не узнал. С другой стороны, если все же придется кого-либо малость пощекотать, колебаться не надо — результат того стоит.

— Общую схему я уже просек. Теперь бы поконкретнее: что узнать и где?

Мазучелли издал короткий нервический смешок и резко ушел в себя.

— Похоже, что в нашем городе затеяла бизнес... еще одна компания,— мрачно процедил он после продолжительной паузы.— Понимаешь, что я хочу этим сказать?

— Конечно,— откликнулся Кройд.— Известное дело: сразу двум бакалейным лавочкам в одном жилом блоке делать нечего.

— Совершенно справедливое замечание,— кивнул Мазучелли.

— Так мы набираем команду, чтобы продолжить состязание в следующей весовой категории?

— Да, резюмировать ты умеешь! Но пока, как я говорил, нужна одна лишь информация о конкурентах. И заплатить за нее я готов очень даже недурно.

Кройд кивнул:

— Сделаю все, что в моих силах. Нет ли каких-то особых обстоятельств, пожеланий?

Мазучелли снова подался вперед и тихо, едва шевеля губами, процедил:

— Нужно имя. Имя хозяина. Хочу знать, кто дергает за нитки.

— Имя босса? Уж не хочешь ли ты сказать, что он еще не удостоил тебя посылки с дохлой рыбой, завернутой в чьи-нибудь кальсоны? А я-то полагал, что с вашими обычаями знаком!

Итальянец зябко повел плечами:

— Этикета эти парни не соблюдают. Кучка грязных чужаков, не иначе.

— С нашей стороны уже делались какие-то ходы или ситуация пока на нуле?

— Ты будешь первопроходцем. Я решил, что так лучше. Получишь список мест, которые вроде бы у них под контролем. А также имена двух парней, которые, похоже, уже успели на них поработать.

— А почему вы не взяли одного из них в оборот и не спросили прямо?

— Эти парни весьма шустрые, вроде тебя.

— Понятно.

— Но не думаю, что твои друзья,— тут же пояснил Мазучелли.

— Тузы? — безрадостно уточнил Кройд.

Итальянец молча кивнул.

— Разборки с тузами обойдутся дороже, чем с простыми смертными,— заметил Кройд.

— О чем речь! — Мазучелли вынул из внутреннего кармана еще один пухлый конверт. Казалось, он набит ими доверху.— Здесь список и задаток. Можешь считать его десятой долей полной стоимости заказа.

Приоткрыв конверт, Кройд листанул купюры, и на губах его заиграла удовлетворенная улыбка.

— Где оставлять сообщения? — поинтересовался он.

— У здешнего управляющего, он в постоянном контакте со мной.

— Как звать его?

— Теотокополос, короче Тео. Человек надежный.

— О'кей,— сказал Кройд.— Ты купил меня с потрохами, со всей моей деликатностью — как врожденной, так и благоприобретенной.

— И еще одно, Кройд. Когда ты впадаешь в спячку, то ведь выходит из нее совсем другой человек, верно?

— Точно так.

— Ну а если такое случится до завершения работы по контракту, этот другой уклоняться не станет?

— Ни в коем разе — пока в карман хоть что-то сыплется.

— Значит, мы с тобой поняли друг друга.

Скрепив сделку рукопожатием, Кройд поднялся и, оставляя за собой снежный шлейф крохотных чешуек, осыпающихся с кожи, направился к выходу. Мазучелли проводил его брезгливым взглядом и потянулся за свежей зубочисткой. А Кройд, оказавшись на улице, выудил из кармана и бросил в рот еще одну черную пилюлю.

Наряженный в серые слаксы и голубой блейзер, в галстуке цвета запекшейся крови, Кройд посиживал в «Козырном тузе». Завитой и густо напудренный, с ухоженными

ногтями, он сидел в одиночестве за столиком у окна, поглядывая сквозь снежный туман на городскую иллюминацию далеко внизу, и ковырял вилкой в запеченном лососе, отхлебывая «Шато икем» из высокого бокала. Кройд рассеянно обдумывал предстоящие действия и одновременно не забывал заигрывать с проскакивающей мимо официанткой, Джейн Доу. Та как раз приближалась снова — добрый для Кройда знак. Во всех прежних воплощениях, всеми прежними сердцами — порою даже сдвоенными, строенными, но всегда расстроенными от неразделенной любви — Кройд всецело принадлежал ей. Вот и сейчас, собравшись с духом и полагаясь на случай как на лучшего помощника в делах сердечных, он вытянул руку и коснулся ее нежного плечика.

Раздался треск электрического разряда, Джейн с тихим «ах!» застыла как вкопанная и потерла обожженное место. На симпатичном личике читались все признаки детского огорчения.

— Прости меня...— начал Кройд.

— Ничего страшного, ведь ты не виноват — это всего лишь статическое электричество,— ответила девушка.

— Может быть,— не стал спорить Кройд.— Я просто хотел сказать, что мы знакомы, я тебя давно знаю, хотя ты узнать меня в нынешнем моем воплощении вряд ли сможешь. Я Кройд Кренсон. Когда мы виделись в прошлом, я всегда мечтал познакомиться с тобой поближе — сесть где-нибудь рядышком хоть на минуту и спокойно поболтать. Но до сих пор все как-то не складывалось.

— А ведь неплохой подходец! — объявила девушка, смахивая с бровей влагу.— Надо же, представиться тузом, которого никто не опознает. Бьюсь об заклад, твоему примеру последуют и другие.

— Могут, пожалуй,— улыбнулся Кройд, разводя руки пошире,— но если найдется с полминутки свободных, смогу доказать, что я — это я.

— Что? Что ты собираешься делать?

— Хочу ионизировать воздух, наполнить его в твою честь анионами,— сказал Кройд, зажигая меж ладоней

бледный фейерверк.— Освежить, сделать таким, как перед грозой. Лишь слабый намек на то, что я способен устроить на самом деле...

— Прекрати немедленно! — воскликнула девушка, отступая в панике.— Заметить же могут...

Лицо и ладони Кройда взмокли от напряжения, волосы прилипли к потному лбу.

— Ну прошу тебя,— умоляла Джейн.

— Пусть катятся к дьяволу! — заметил Кройд.— Давай устроим настоящую маленькую грозу.— Молнии заплясали между его пальцами, и Кройд нервно захихикал.

На них уже стали обращать внимание.

— Ну хватит, ну пожалуйста,— снова взмолилась девушка.

— А присядешь на минутку?

— Хорошо.

Джейн уселась напротив. Утирая насухо лицо и шею, Кройд извел не одну салфетку.

— Извини за укольчик. Моя вина, должен признаться,— сказал он наконец.— Следует осторожнее обращаться с электричеством, когда рядом некто по имени Кувшинка или Водяная Лилия.

Девушка мило улыбнулась.

— Твои очки запотели.— Джейн порывисто нагнулась над столом и сдернула их с переносицы Кройда.— Позволь, я протру...

— Влажная прелесть, явленная сразу двести шестнадцать раз. Что может быть прекраснее? — прокомментировал Кройд ее немигающий взгляд и приоткрытые губки.— Вирус, как обычно, не поскупился в отдельных своих проявлениях.

— Ты действительно видишь меня такое множество раз?

Он кивнул:

— Приметы джокеров проявляются порой в моих метаморфозах. Надеюсь, я тебя этим не напугал?

— Да что ты, это просто удивительно! — сказала девушка.

— Ты весьма любезна. Но все же верни мои очки.

— Секундочку.

Она тщательно протерла линзы краешком скатерти.

— Спасибо.— Кройд снова водрузил очки на нос.— Заказать тебе выпивку? Или поесть? Проси все, что душе угодно — хоть натасканного болотного спаниеля!

— Я ведь на службе,— ответила она.— Спасибо. Извини. Может, в другой раз?

— Ничего-ничего. Я и сам сейчас при деле. Однако, если не шутишь, оставлю адресок и пару телефонов. Меня там может и не оказаться, но весточку на автоответчике я тебе оставлю.

— Договорились.

Кройд быстро нацарапал карандашом несколько строк в блокноте, вырвал страничку и протянул девушке.

— А что у тебя за работа сейчас? — поинтересовалась та.

— Весьма деликатного свойства,— ответил Кройд.— Расследование, связанное с клановыми разборками.

— Правда? Слыхала я, что ты столь же чокнутый, как и честный. Похоже, люди порой правду говорят.

— Ну, не совсем так,— улыбнулся Кройд.— Словом, дай о себе знать. Возьмем напрокат классную тачку и устроим забег в ширину.

Она поднялась с загадочной улыбкой:

— Может, и позвоню.

Кройд поспешно извлек из кармана конверт, отложил в сторону пачку купюр и расправил на столе клочок бумаги.

— Пока не убежала — имя Джеймс Спектор ни о чем тебе не говорит?

Девушка враз побледнела. А Кройд между тем обнаружил, что снова успел покрыться липкой влагой.

— Что я сказал такого особенного?

— Ты не шутишь? И вправду не знаешь?

— Не знаю. И не шучу.

— Но ты же знаком с фольклором тузов, знаешь поговорки.

— Далеко не все.

— Кто в потемках встретит Рыжего, счастлив будет, коли выживет,— продекламировала девушка.— Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику... Эта последняя как раз о нем. Джеймс Спектор по кличке Живчик.

— Никогда не слыхал,— признался Кройд.— Кстати, а про меня ничего такого не знаешь?

— Сходу не припомнить.

— Ну давай, будь паинькой. Мне жутко интересно.

— Ладно уж. Только в рот засунь пирог — хлоп! — и Дремлин на порог,— медленно выговорила Джейн.— Если *он слетел с катушек, не спасет и сотня пушек.*

— Не слабо!

— А если я позвоню, когда ты как раз в таком состоянии...

— В таком состоянии на твой звонок я и ответить не сумею, не волнуйся.

— Принесу-ка я тебе еще пару чистых салфеток. Захвати с собой,— предложила девушка.— И прости, если испортила тебе вечер.

— Ерунда. Тебе кто-нибудь уже говорил, как ты очаровательна, когда истекаешь влагой?

Джейн взглянула на него исподлобья.

— Пожалуй, принесу тебе еще и вяленой рыбки,— процедила она после недолгой паузы.

Кройд потянулся за прощальным поцелуем, но схлопотал звонкую оплеуху.

2

Убедившись, что никому вокруг до него нет никакого дела, Кройд уронил в свой эспрессо сразу две таблетки «Черной прелести». Вскоре, тяжело вздохнув, стал тихо ругаться — на этот раз они не принесли ему желанного облегчения. Все усилия последних дней, все утомительные блуждания пока ни к чему не привели, а он уже приближался к своему скоростному штопору и в любой момент мог сорваться. Обычно такое состояние беспокоило его

мало, но только не в этот раз. Кройд дал себе зарок, точнее, даже два: один касательно наркотиков, другой — по делу. Один глубоко личный, другой касался бизнеса, рассуждал Кройд, но оба теперь равно тяготили. Приходилось держать себя в руках, глядеть за собой в оба, если не в двести шестнадцать глаз нараспашку, чтобы не завалить дело. А еще Кройд страшно боялся разочаровать Кувшинку на первом же свидании. Хотя приступы паранойи были как раз не в диковинку — обычно они и начинались с приближением к фазе сна. Кройд решил, что этот страх может сыграть роль индикатора. Пусть просигналит, когда наступит пора отправляться на боковую.

Кройд обегал уже с полгорода, пытаясь выйти на тех двоих из списка Мазучелли, но они исчезли бесследно. Он проверил все упомянутые в той же бумаге места, никого нигде не застал и теперь утешался мыслью, что блатные редко без особой необходимости меняют места рандеву. Сегодня снова наступил черед заниматься Джеймсом Спектором. На самом-то деле новостью для Кройда было лишь подлинное имя Живчика, кличку он знал издавна. И даже пересекался с ним, довольно тесно, на некоторых делах. Живчик всегда производил впечатление шустрого парня, но туза из слабых, не слишком крутого.

— Из гранаты вынь чеку при подходе к Живчику,— бубнил себе под нос Кройд, отстукивая по столу ритм и одновременно подзывая официанта.

— Слушаю вас, сэр?

— Еще эспрессо, и чашку побольше, договорились?

— Разумеется, сэр.

— А лучше тащи сюда целый кофейник.

— Будет сделано, мигом.

Кройд стал постукивать громче и даже притопывать в такт.

— Та-та-та-та, вынь чеку, та-та-та-та, Живчику,— бубнил он рассеянно и вздрогнул, когда внезапно возникший официант поставил перед ним чистую чашку.— Не смей подкрадываться таким манером!

— Прошу прощения. Не хотел вас пугать.

Официант принялся наливать кофе в чашку.

— И за спиной не стой! Встань так, чтобы я тебя видел!

— Слушаюсь, сэр.— Официант переместился вправо, оставил кувшин на столе и с обиженным видом ретировался.

Поглощая кофе чашку за чашкой, Кройд задумался о том, о чем давно уже не находил времени как следует поразмыслить: о собственных снах, о перевоплощениях, о неизбежности смерти. Осушив кофейник, потребовал новый. Определенно, одолевавшие его мысли стоили двух кофейников.

К вечеру снегопад прошел, но снежный покров толщиной никак не меньше дюйма продолжал искриться на тротуарах в свете неоновых витрин. Обжигающе холодный ветер гнал вдоль по Десятой стрит маленькие белые смерчи. Высокий худощавый мужчина в тяжелом черном пальто и с грузом передвигался весьма осторожно; всякий раз, сворачивая за угол, устраивал себе краткую передышку и озирался по сторонам. Как только он покинул лавчонку с тюком, возникло ощущение посторонних глаз на затылке. И уже не покидало. Действительно, в сотне-другой ярдов позади по противоположному тротуару и в том же направлении передвигался неясный темный силуэт. Определенно «хвост». Джеймс Спектор прикидывал, не вернее ли подстеречь преследователя и прикончить прямо здесь, чем тащить за собой дальше, рискуя столкнуться после с непредвиденными последствиями. К тому же покоя не давали две кварты «Джека Дэниела» и пять упаковок склитца в багаже — Джеймс содрогнулся от одной только мысли о том, что они могут разбиться. Как пить дать разобьются на таком гололеде, если кто-то привяжется. А повторять маршрут до лавочки в мороз еще раз ему вовсе не улыбалось.

С другой стороны, ожидание с целью прикончить топтуна чревато тем же результатом — даже если Джеймс по-

скользнется, всего лишь нагибаясь, чтобы обшарить карманы покойника. Сперва следовало надежно пристроить тюк. И Джеймс огляделся по сторонам.

Чуть дальше оказалось крыльцо с крутыми ступеньками. Подойдя вплотную, он водрузил тюк на третью, надежно прислонив к металлическим перильцам. Отряхнув снег с пальто, Джеймс поднял воротник, выудил из кармана пачку сигарет, выщелкнул одну и прикурил лодочкой. Затем облокотился на перила и, поглядывая на пройденный перекресток, настроился на терпеливое ожидание.

Но томиться довелось недолго: спустя неполную минуту из-за угла вынырнул человек в синей куртке и серых брюках. Его галстук развевался по ветру, теребящему и непокорную темную шевелюру. Выйдя из-за угла, он замешкался на мгновение, затем кивнул и приблизился. В свете далеких витрин сверкнули зеркальные очки незнакомца. Мгновенный озноб прошиб Джеймса от мысли, что он упускает инициативу. Такую встречу посреди ночи обыкновенной случайностью уже не объяснить. Тем более что незнакомец выглядел куда более зловещим, чем обычный топтун-крепыш, севший на «хвост». Джеймс глубоко затянулся и поднялся на ступеньку выше, чтобы иметь возможность заехать ногой по физиономии, да как следует.

— Эй, Живчик! — окликнул незнакомец.— Поговорить нужно.

Джеймс пристально глядел, пытаясь опознать преследователя. Но ни лицо, ни голос знакомыми не показались.

Неизвестный подошел почти вплотную и дружелюбно улыбнулся.

— Я отниму всего минуту-другую, не больше,— добавил он вежливо.— Очень важное дело. Весьма срочное. И в той же мере деликатное. Последнее обстоятельство, как ты сам понимаешь, жизнь мне не облегчает.

— Мы разве знакомы? — ожил наконец Живчик.

— Было дело, встречались. В иной жизни, если можно так выразиться. В иной моей жизни, если быть совсем уж точным. А также, полагаю, тебе приходилось выполнять кой-какую бухгалтерскую работенку для фирмы моего сводного брата в Джерси. Его имя Кройд.

— А что теперь от меня понадобилось?

— Имя главаря новой шайки. Той, что пытается потеснить старую добрую мафию, заправляющую делами в городе вот уже с полвека.

— Да ты шутишь, наверное! — ответил Живчик и, затянувшись напоследок, затоптал окурок.

— Вовсе нет,— сказал Кройд.— Без этих сведений не знать мне ни сна, ни покоя. Как я понимаю, ты помогал этим парням отнюдь не по бухгалтерской части. Назови того, кто правит бал, и я исчезну.

— Но я не могу! — ответил Живчик.

— Как уже упоминалось выше, дельце доверено мне деликатное. И спрашиваю я только из деликатности. Предпочитаю обходиться без насилия...

Живчик резко ударил Кройда в лицо. Очки полетели через плечо, и в мерцающих фасетках глаз на Живчика уставились двести шестнадцать собственных его отражений. Он не сумел удержаться от изумленного вздоха.

— Так ты туз? — выдавил он.— Или джокер?

— Я — Дремлин,— сообщил Кройд, выворачивая Живчику руку и с хрустом ломая ее о чугунные перила.— Тебе следовало брать пример с меня и вести себя деликатнее. Было бы не так больно. Теперь ты просто не оставил мне выбора.

С трудом совладав с дикой болью, Живчик пожал плечами:

— Давай, вперед, можешь ломать и вторую. Все равно я не смогу выдать, чего не знаю.

Кройд с интересом уставился на повисшую плетью изувеченную руку Живчика. Тот протянул здоровую, вправил обломки на место, прижал плотнее.

— Так ты умеешь быстро залечивать раны! — сообразил Кройд.— В считанные минуты. Я вспомнил!

— Да, чего уж скрывать!

— А если напрочь руку оторвать, новую отрастить сумеешь?

— Не знаю, да и пробовать не хочу. Я слышал, что ты чокнутый. А теперь и на себе убедился. Думаешь, я не сказал бы, если б знал! Невелико это удовольствие — чертова регенерация. Я не имел с ними никаких дел, кроме одного-единственного паршивого контракта. И понятия не имею, кто у них в главарях.

Кройд схватил разом оба запястья Живчика и крепко сжал.

— Переломы — это варварство, средневековье,— заметил он участливо.— Но у нас в наличии еще один, более деликатный вариант. Ты знаком с электрошоковой терапией? Нет? Так познакомься!

Кройд разжал ладони лишь после того, как Живчика, вернее, его почти бесчувственное тело перестало трясти. Когда же к бедолаге вернулся дар речи, Кройд услышал все ту же песню:

— Все равно мне нечего тебе рассказать. Я просто не знаю.

— Тогда продолжим. Нейронов у тебя в организме пока хватает, чуток и потерять не жалко,— предложил Кройд.

— Отдохнул бы с минуту! — посочувствовал Живчик.— Никогда я в делах не интересовался лишними именами. Меньше знаешь, легче дышишь. Не спеши!!! Одно я запомнил: Глазастый. Он джокер. На самом-то деле он одноглазый, циклоп. И носит монокль. Встречались мы с ним на Таймс-сквер и всего один раз — он объяснил задание и выдал аванс. И вся любовь. Ты же знаешь, как это делается. Ведь и сам вольный художник.

Кройд вздохнул с заметным облегчением:

— Глазастый? Знакомая кличка. Похоже, когда-то слышал. А где посоветуешь его искать?

— Думаю, встретишь в клубе «Мертвец Николя». Режется там в карты по пятницам. Можешь сходить и прикончить мерзавца. Но на меня не ссылайся и идти с собой не уговаривай — даже близко не появлюсь. Мне это уже однажды стоило двух переломов сразу, к тому же на одной ноге.

— Клуб «Мертвец Николя»? — переспросил Кройд.— Что-то я о таком и не слыхивал.

— Оформлен под склеп короля Николя, находится совсем рядом с Джокертауном. Жратва сносная, пойло терпимое, немного музыки, танцевальный зал, а в задних комнатах казино. Открылся не так уж давно. Но этот патологический стиль в духе детских страшилок не в моем вкусе.

— О'кей,— сказал Кройд.— Очень надеюсь, Живчик, что ты не навешал мне лапши.

— Это все, что знаю, век свободы не видать!

Кройд медленно кивнул:

— Придется идти в твой клуб. Дело должно быть завершено.— Он отпустил собеседника и отодвинулся.— Может, тогда мне удастся отдохнуть наконец. Но деликатно, только деликатно.— Он поднял со ступеней тюк и вручил Живчику.— Держи. Береги добычу. И смотри не поскользнись по дороге. Гололед жуткий.

Продолжая невнятно что-то бормотать, Кройд попятился и исчез за углом.

А Живчик, устроившись на мерзлом крыльце поудобнее, достал из тюка кварту «Джека Дэниела», выбил пробку и надолго припал к вожделенному напитку.

3

Ветер накатывал свирепыми волнами, колотясь о витрины и осыпая тучей ледяных игл каменных львов, застывших в карауле у парадного подъезда — входа в клинику Джокертауна. Когда дверь, ведущая внутрь, распахнулась, по гулкому вестибюлю прокатился оглушительный вой разбушевавшейся стихии. Посетитель принялся топать ногами и стряхивать снег с синей куртки. Закрыть за собой дверь он не удосужился.

Мадлен Джонсон, известная в народе как Цыплячья Лапка, дежурство в приемной совмещала с присмотром за безнадежно хворым дружком, Петушком Робином, с которым прошла некогда огонь и воду. Оторвав взгляд от

помогающего коротать время кроссворда, она черканула в сердцах карандашом как бог на душу положит и заквохтала:

— Что же это такое, наконец? Эй, мистер, да закройте же вы чертову дверь за собой!

Вошедший опустил платок, которым отирал лицо, и внимательно уставился на дежурную. Только сейчас Мадлен заметила выпуклые фасеточные глаза посетителя и недобро играющие на скулах угловатые желваки.

— Прошу прощения,— негромко отозвался он и аккуратно прикрыл дверь. Затем повернул голову, как бы желая досконально изучить обстановку в помещении — при таких глазах Мадлен затруднялась угадать направление его взгляда, — и объявил наконец о цели визита: — Мне бы с доктором Тахионом переговорить.

— Доктора в городе нет,— нелюбезно бросила дежурная,— и еще какое-то время не будет. А чего вы, собственно, хотели?

— Хочу, чтобы меня уложили спать,— сказал посетитель.

— Здесь вам не ветлечебница,— отрезала Мадлен и уже через секунду пожалела о сказанном: посетитель, мгновенно окутавшись ярким свечением и рассыпая по сторонам искры, что твой генератор, двинулся вперед. Его вид вызывал сильные сомнения в доброжелательности намерений: он скалил зубы и нервно сжимал кулаки.

— Это... медицинское... учреждение,— раздельно процедил он.— Мое имя — Кройд Кренсон. У вас должна быть моя карта. И лучше бы вам ее найти. Не принуждайте меня к насилию.

Заквохтав снова, на этот раз в ужасе, Мадлен подпрыгнула и умчалась, оставив на память о себе пару крохотных пушистых перышек, витающих над конторкой. Кройд перегнулся через барьер и нахмурился. Затем взгляд его упал на недопитую чашку кофе подле газеты — Кройд схватил ее и осушил залпом.

Спустя мгновение из коридора за конторкой донеслось цоканье копыт, и на пороге возник молодой голубоглазый блондин в спортивной рубахе, оснащенный стетоскопом и улыбкой плейбоя. А ниже пояса — еще и туловищем ладного пони с затейливо изукрашенным хвостом. Из-за спины медика выглянула трепещущая от волнения Мадлен.

— Он самый,— сказала она кентавру.— Угрожал мне насилием.

Продолжая сиять лучезарной улыбкой, кентавр процокал в помещение и дружелюбно протянул пятерню:

— Я доктор Финн. Вашу карточку, мистер Кренсон, уже разыскивают. Пока же предлагаю пойти в процедурную — там вы без помех сможете поделиться со мной вашими опасениями.

Кройд пожал руку и кивнул:

— А кофе там найдется?

— Полагаю, да. Чашечку раздобудем.

Пока доктор Финн листал медицинскую карточку пациента, Кройд, не отрываясь от вожделенной чашки и расплескивая кофе, беспокойно мерил крохотное помещение шагами. Над отдельными страницами пухлого досье доктор негромко фыркал, всхрапывал, а однажды — видимо, над какой-то особенно интересной записью — даже испустил звук, сильно смахивающий на тихое конское ржание.

— Я не узнал в вас Дремлина,— произнес он наконец, захлопывая папку и переводя на пациента пытливый взор.— Часть этих материалов уже вошла в учебники.— Он постучал ухоженным ногтем по скоросшивателю.

— Наслышан об этом,— тоскливо отозвался Кройд.

— Очевидно, вы столкнулись с серьезной проблемой, не позволяющей полностью перейти в новую фазу,— заметил доктор.— В чем ее суть?

Кройд выдавил бледную улыбку:

— Суть в том, что кости на этот раз легли неудачно. Заснуть не могу. Не получается.

— Если можно, несколько подробнее.

— Не знаю, что именно там записано, в вашей карточке,— сказал Кройд,— но у меня развился неодолимый страх перед сном.

— Здесь упоминается кое-что о приступах паранойи. Может быть, несколько разумных советов...

Неловким нервным движением Кройд продырявил стену.

— Это уже не паранойя, доктор,— возразил он.— Опасность вполне реальна. Могу умереть во время ближайшей спячки. Или же, что еще страшнее,— проснуться самым кошмарным джокером, какого вы только в состоянии вообразить, но с нормальным суточным циклом жизни. И застыть в таком виде навсегда. Паранойя — это ведь когда страхи лишены реальной под собой почвы, не так ли?

— Пожалуй,— согласился Финн.— Но мы можем называть так любой чрезмерный страх, пусть частично он и оправдан. Не знаю. Я не психиатр. Но я нашел в досье упоминание о вашей привычке к амфетамину. Вы принимали его, чтобы отсрочить наступление сна. Вам надлежит знать, что уже в подобной химической зависимости проявляются признаки паранойи.

Кройд обвел пальцем дыру в стене, сжигая напрочь куски пластиковой панели.

— Разумеется, во многом это вопрос семантики,— продолжал доктор Финн.— И не столь уж важно, как мы это назовем. Суть в том, что вы боитесь заснуть. А сейчас, по вашим ощущениям, уже наступила фаза сна?

Шагая по кабинету, Кройд принялся хрустеть суставами пальцев. Доктор Финн как зачарованный считал щелчки. Когда раздался седьмой, доктор принялся гадать, чем все это может закончиться.

— Восемь, девять, десять...— незаметно для себя стал приговаривать доктор.

Кройд пробил еще одну дыру в стене и утихомирился.

— Не желаете ли еще немного кофе? — спросил доктор.

— Желаю, и побольше — до галлона.

Доктор сорвался с места столь резво, словно перед ним распахнулись стартовые воротца дерби.

Позже, никак не комментируя пристрастие Кройда к кофе, доктор Финн продолжил:

— Опасно вводить вам сейчас наркотики — при вашей-то привычке к амфетамину.

— Даю вам два обещания, док,— нервно отозвался Кройд.— Первое: постараюсь заснуть сейчас без сопротивления. Но если вы не можете меня быстро выключить, лучше всех этих хлопот и не затевать. Лучше мне попросту уйти. Но тогда я — и это второе — обязательно вернусь к амфетаминам и прочим «колесам». Так что не сомневайтесь — глушите наркотиком, выбора у нас нет.

Доктор Финн тряхнул густой светлой гривой:

— И все же хотелось бы сперва опробовать кое-что более простое и безопасное. Как вы отнесетесь к небольшой прелюдии из мозговых волн в сочетании с гипнозом?

— Ничего не знаю об этом,— пробурчал Кройд.

— Совершенно безопасно. Русские экспериментируют с этим уже долгие годы. Я только прикреплю к вашим ушам вот эти крохотные контакты,— сказал доктор, смачивая чем-то прохладным мочки Кройда,— и мы пропустим сквозь голову низкочастотный сигнал, скажем, в четыре герца. Вы ничего и не почувствуете.

Доктор подкрутил что-то на пульте, из которого струился пестрый ворох проводов.

— Что теперь? — спросил Кройд.

— Закройте глаза и на минуту расслабьтесь. Вы ощущаете нечто вроде плавного скольжения, вы плывете...

— Ага...

— Но присутствует и некая тяжесть. Ваши руки тяжелеют. Ваши ноги тоже словно наливаются свинцом.

— Уже налились,— подтвердил Кройд.

— Становится трудно сосредоточиться на чем-либо, мысли текут лениво, ваш мозг тоже как бы дрейфует.

— Уже поплыл,— согласился Кройд.

— Вас охватывает приятное чувство расслабления. Приятнее, чем в те дни, когда вы получали вожделенную

возможность прикорнуть, смежить усталые веки. Дышите медленнее, и вы достигнете более укромного, потайного уголка. Вы уже почти добрались туда, и это чудесно.

Кройд что-то пробормотал, уже совершенно неразборчиво.

— Вы поступаете правильно, ваши действия абсолютно верны и ведут лишь ко благу. Обычно я считаю от нуля до десяти. Но для вас, в порядке исключения, так как вы совсем готовы и уже почти спите, начну с восьми. Восемь. Вы уже далеко, вы чувствуете себя превосходно. Девять. Вы прикорнули, и пора переходить к более глубокой фазе. Десять. Вы совершенно спокойны, вы погружаетесь в сон совершенно без страха и боли — в сладкий целительный сон. Спите.

Кройд начал мерно похрапывать.

Лишних кроватей в помещении не было. Доктор Финн включил зеленую лампу и, пользуясь тем, что пациент окоченел, точно манекен, а его дыхание и сердечные ритмы почти угасли, поместил тело вертикально — в стенном шкафу со швабрами и прочим инвентарем. Спящий Дремлин занимал там совсем немного места. Доктор вколотил в дверь гвоздик и, прежде чем удалиться, вывесил табличку: «Пациент чрезвычайно внушаем».

4

Придя в себя, Кройд наткнулся на ручку швабры, ступил ногой в ведро и рухнул вперед головой. Дверь кладовки подалась при ударе и распахнулась без всякого сопротивления. Кройд растянулся на полу, щурясь от света, спросонок казавшегося ослепительным. В памяти стали всплывать обстоятельства, предшествовавшие засыпанию: этот четвероногий доктор... как там его? — Финн, его забавная усыпляющая машинка и... провал в черноту, очередная малая смерть, чреватая перевоплощением.

Лежа на полу коридора, Кройд сосчитал пальцы. Их оказалось десять — норма, вот только кожа на руках, мертвенно-бледная, не порадовала. Кройд стряхнул с ноги

ведро, с трудом поднялся, пошатнулся и сверзился снова. Вернее, только начал падать — левая рука сама собою нырнула вниз, коснулась пола и резко от него оттолкнулась. Это не просто поставило Кройда на ноги, энергии толчка хватило на большее, и он опять грохнулся, на этот раз уже на спину. И снова выручило тело: совершив немыслимый воздушный пируэт, Кройд приземлился на ноги. Но по-прежнему неустойчиво. Кройд сумел подавить рефлексы в руках и позволил расслабленному телу плавно опуститься. Многолетний опыт приучил сперва разбираться в очередном подарке судьбы и лишь затем применять его на практике. Он уже начал постигать суть своего таланта — новое тело обладало самостоятельной и невероятной рефлексией.

Когда Кройд снова поднялся на ноги, он уже старался не совершать резких движений и передвигался сперва несколько неуклюже. Но очень скоро пообвыкся в новом теле. К моменту, когда Кройд обнаружил ванную комнату, исчезли все признаки неуверенности — он ступал быстро и по-кошачьи мягко. Кройд изучил в зеркале свой новый облик. В дополнение к более солидным габаритам — он стал не только выше, но и значительно плотнее — обнаружились и некоторые иные, менее приятные перемены. Кройда слегка озаботили розовые глаза и копна белесых волос над высоким, молочного цвета, лбом. Кройд помассировал виски, облизал пересохшие губы и пожал плечами. Ему часто приходилось сталкиваться с альбиносами. Да и сам он не однажды просыпался с проблемами по части пигмента кожи.

Кройд обшарил все карманы в поисках зеркальных очков, слегка огорчился, потом вспомнил, что потерял их в стычке с Живчиком. Ничего страшного. Он купит новые заодно с какими-нибудь кремами для загара. Волосы тоже, пожалуй, лучше выкрасить — меньше станут обращать внимания.

А желудок, как обычно после спячки, разыгрался не на шутку. Он отчаянно, до острых спазмов требовал пищи. Все проверки, всю бумажную волокиту придется отложить,

решил Кройд,— если они и вообще понадобятся. Он не был уверен, что значится пациентом в клинике и проходит по документам — шкаф со швабрами что-то ведь означал! — а также сомневался, что болен, во всяком случае серьезно. Чтобы побыстрее добраться до еды, лучше уклониться от встреч с персоналом. Поблагодарить доктора Финна за помощь, а также погасить счет — если таковой обнаружится — он сумеет и после.

Передвигаясь по-кошачьи тихо и, в соответствии с давней наукой старины Бентли, предельно навострив уши, Кройд отправился восвояси.

— Привет, Джуби! Дай, как обычно, все газеты.

Бенсон, хозяин киоска, внимательным взглядом окинул высокого мертвенно-бледного незнакомца. Взгляд уперся в два уродливо выпяченных в зеркальных стеклах отражения собственного лица.

— Кройд? Это ты, что ли, дружище?

— Угадал. Только что с койки и сразу к тебе. Нагрел клинику Тахиона на пару центов.

— Так вот почему я давненько не слыхивал новых жутких историй о Кренсоне? Ты ушел на этот раз в спячку без предварительных фокусов?

Просматривая заголовки, Кройд рассеянно кивнул.

— Можно и так выразиться,— заметил он.— Так уж вышло. Впрочем, довольно забавное ощущение. Ого! Что такое? — Кройд поднес газетную страницу к глазам.— «Море крови в клубе "Вервольф"». Что там случилось, опять эти гребаные бандитские разборки?

— Они самые,— подтвердил Джуби.

— Дьявол! Придется быстрее шевелить костылями!

— Какими такими костылями? — Джуби высунул из окошка голову.

— Метафорическими,— успокоил Кройд.— Если сегодня пятница, направим стопы к «Мертвецу Николя».

— Да здоров ли ты, приятель?!

— Не вполне, но двадцать, а лучше тридцать килокалорий быстро поправят мои дела.

— Смотри не перехвати через край,— улыбнулся Джуби.— Слыхал, кто именно выиграл титул Мисс Очарование Джокертауна на последнем балу, с неделю назад?

— Кто же?

— Никто.

В клуб «Мертвец Николя» Кройд вошел под торжественные органные звуки «Мичиганского блюза» — исполнение было живым. Отметил взглядом задрапированные черным окна, гробы вместо столов, официантов в затхлых саванах. Одна из стен крематория была снесена; созданный таким образом своеобразный открытый гриль обслуживали джокеры самой демонической внешности. По пути к дивану Кройд заметил внутри необычных столов, накрытых одними лишь толстыми стеклами, фигуры отвратительных упырей — по-видимому, из воска — в различных судорожных позах.

К нему немедленно подскочил безгубый, безносый и безухий джокер, столь же бледный, как и сам Кройд. На руку посетителя легла его костлявая ладонь.

— Простите, сэр. Вы позволите взглянуть на ваш членский билет? — поинтересовался он могильным голосом.

Кройд вручил ему пятидесятидолларовую купюру.

— Разумеется, сэр,— сказал зловещий официант.— Я пришлю на ваш столик билет вместе с полагающейся к нему выпивкой. Полагаю, вы пришли сюда пообедать?

— Обязательно! А еще я слыхал, что у вас можно перекинуться в картишки.

— Это в одной из задних комнат. Но, согласно традиции, вас должен представить кто-то из игроков.

— Естественно. Я как раз жду приятеля, который собирался провести вечерок за картами. Парня по кличке Глазастый. Он еще не пришел?

— Увы. Мистер Глазастый умер. Съеден аллигатором... по-моему, в сентябре. Все случилось в канализационном коллекторе. Мои соболезнования.

— Ох! — сказал Кройд.— Я не был с ним слишком уж близок. Но обычно, когда встречались, получал у него кой-какую работенку.

Официант посмотрел на Кройда испытующе:

— Простите, запамятовал ваше имя?

— Линялый.

— Меня совершенно не интересует род ваших занятий,— сказал официант,— но здесь бывает джентльмен по имени Меняла. Он, бывало, помогал мистеру Глазастому в его трудах. Может быть, и вас он сможет выручить? Если угодно, подождите — я дам вам знать, когда он появится.

— Прекрасно. А я тем временем поем.

Прихлебывая густое пиво в ожидании двух заказанных бифштексов, Кройд извлек из бокового кармана «велосипедик» (так он именовал футляр с парой колод), перетасовал карты и выложил две на стол. Одна оказалась десяткой бубен; Кройд прикрыл ею отчасти неаппетитное зрелище под прозрачной крышкой стола — искаженный мучительной гримасой клыкастый оскал, вроде бы женский, однако густо окропленный кетчупом осиновый кол, засевший глубоко в восковом сердце, пока остался на виду. Его Кройд побил второй картой — семеркой треф. Затем со звонким щелчком перевернул семерку рубашкой, глянул мельком на руки и открыл снова. На этот раз компанию бубновой десятке составил уже валет пик. Этот трюк — частотно-колебательное управление колодой карт — Кройд освоил для смеху совсем недавно, проверив заодно на такой забаве свои уникальные рефлекторные способности. Сейчас пальцы послушно все вспомнили, не мешая мыслям течь в ином направлении. Какие еще невыявленные возможности кроются в подкорке? — гадал Кройд. Летательный рефлекс? Ультразвуковые колебания голосовых связок? Координация, связанная с какими-то пока не выявленными органами нового тела?

Он пожал плечами и еще до того, как принесли мясо, успел сдать себе покер, бьющий карты, выложенные им же на долю нанизанной на осиновый вертел восковой леди.

Под третий кряду десерт снова возник страхолюдный официант, на этот раз в сопровождении высоченного плешивого типа — заплывшего жирком, точно свечной огарок воском. Его черты, искаженные гнойным светом заведения, и без того не отличались избыточной определенностью — они деформировались и менялись как бы сами по себе.

— Вы говорили, сэр, что хотели бы повидать Меняла,— сообщил официант.

Кройд поднялся и протянул руку.

— Зовите меня Линялым,— представился он.— Присаживайтесь. Позволите угостить?

— Если хочешь продать мне что-то, приятель, то забудь — дохлый это номер,— предупредил Меняла.

Кройд отрицательно помотал головой. Официант тем временем удалился.

— Слыхал я, что здесь собираются приличные игроки,— сказал Кройд.— Хотелось бы присоединиться. Нуждаюсь в чьей-либо рекомендации.

— О, так ты игрок! — Меняла прищурил один глаз.

— Порою так даже везучий,— улыбнулся Кройд.

— Неужто? И знавал Глазастого?

— Достаточно, чтобы перекинуться в картишки.

— И только-то?

— Ты мог бы справиться у Живчика,— подкинул идею Кройд.— Мы с ним коллеги: оба отставные бухгалтеры, обоих потянуло в свободное плавание. Разве само по себе мое прозвище тебе ни о чем не говорит?

Меняла поспешно оглянулся, затем облепил стул рыхлым задом.

— Не звони об этом здесь на каждом шагу, о'кей? — негромко пробурчал он.— Ищешь себе работенку?

— Ну, не совсем, не сию минуту. Здесь я хотел лишь в картишки перекинуться.

Меняла облизал пухлые губы. Жуткое вздутие проползло по его левой щеке, пересекло оплывшую линию скулы и набрякло на шее.

— Зелени хватает, чтобы швырять по сторонам?

— Пока не жалуюсь.

— Ладно, введу тебя в игру,— согласился Меняла.— Надеюсь, что этим сумею малость облегчить твою жизнь, а заодно и карманы.

Кройд улыбнулся, заплатил по счету и следом за Менялой отправился в заднюю комнату. Гроб, исполнявший здесь роль игорного стола, закрывала матовая непрозрачная крышка. Поначалу в игре участвовало сразу семеро, но трое игроков пожиже сошли с дистанции еще до полуночи. Наблюдать за приливами-отливами удачи и налички на крышке гроба остались Кройд, Меняла, Пластырь и Скачок. В три ночи Скачок зевнул, с хрустом потянулся и вытащил из кармана пузырек с «колесами».

— Не желает ли кто принять? Для бодрости,— расщедрился он.

— Мне и кофеина хватает,— буркнул Меняла.

— Годится! — обрадовался Пластырь.

— И в рот не беру! — отказался от угощения Кройд.

Спустя полчаса Пластырь швырнул на стол карты, громыхнул стулом и, бормоча что-то не слишком лестное по поводу генеалогии некоторых джокеров — видимо, тех, что размножились в колоде,— скрылся в поисках иных развлечений. В четыре из игры вышел Скачок — отчалил по неотложным делам. Кройд и Меняла уставились друг на друга.

— Мы оба с наваром,— заметил Меняла.

— Верно.

— Так может, поделим банк и разбежимся? — предложил тот.

Кройд загадочно улыбнулся.

— Мне тоже так кажется,— согласился Меняла.— Сдавай!

Когда рассвет вызолотил дочерна закопченные оконные стекла и голограммы призраков, сопровождаемые эскортом пыльных механических летучих мышей, отправились на покой, Меняла помассировал оплывшие виски, устало потер воспаленные глаза и поинтересовался:

— Может, расписку возьмешь?

— Да ты в себе? — удивился Кройд.

— Ты должен был удержать меня от последних ставок!

— Раньше предупреждать надо. Откуда мне знать, что ты не можешь выписать чек.

— Вот дерьмо! Ну, не могу! И что же делать теперь?

— Дашь что-либо взамен, полагаю.

— Что, к примеру?

— Имя.

— Чье имя? — зевая, поинтересовался Меняла, забрался рукой под пиджак и поскреб грудь в области сердца.

— Того, кто отдает тебе команды.

— Какие еще команды?

— Вроде той, что передал Живчику.

— Ты что — издеваешься?! Назови я его, и это станет последней глупостью в моей жизни.

— Последней глупостью станет не сделать этого,— жестко уточнил Кройд.

Рука Менялы вынырнула из-под полы с автоматическим кольтом тридцать второго калибра, дуло уставилось Кройду в глаза.

— На понт меня не взять! — процедил Меняла.— Слыхал про пилюльки под названием «дум-дум»? Хочешь принять парочку?

Внезапно рука Менялы опустела, а из-под ногтя пальца, лежавшего на спусковом крючке, брызнула кровь. Перед тем как вытащить обойму, Кройд аккуратно поставил пистолет на предохранитель. Выкатив затем несколько патронов на ладонь, уважительно подтвердил:

— Ишь ты, не соврал — и впрямь «дум-дум». Нет, вы только гляньте на эти пилюли! Кстати, пора наконец представиться. Линялый — это не совсем точно. Мое настоящее имя — Кройд Кренсон, Дремлин. Слыхал, небось? Никому еще не удавалось обставить меня. Может, ты слыхал также, что я маленько с приветом, с известными причудами? Называешь имя и относительно моих заскоков остаешься в блаженном неведении. Иначе...

Меняла облизал пересохшие губы. Бугры под лоснящейся кожей лица заходили вдвое чаще и быстрее.

— Если кто узнает, я покойник.

— А кто кому доложит? — пожал плечами Кройд и придвинул к собеседнику груду купюр.— Вот, включая комиссионные за ввод в игру. Назови имя, забирай зелень и гуляй. Иначе составишь компанию обитателям этих коробочек — троим одновременно.— Кройд выразительно постучал по крышке игорного стола.

— Денни Мао,— процедил Меняла,— из «Скрюченного дракона», что рядом с Чайнатауном.

— Он передает тебе черный список и платит?

— Да.

— А кто стоит за ним, кто дергает ниточки?

— Можешь выбить из меня все дерьмо до последней капли, если я знаю!

— Когда именно этого Мао можно застать в «Драконе»?

— Думаю, он сидит там почти постоянно, хотя, если верить слухам, мелькает и в других местах. Мое дело такое: звонят — являюсь. Вхожу, вешаю пальто. Обедаем, пропускаем по глоточку-другому. О делах — молчок, ни слова. Когда отчаливаю, нахожу в кармане пальто клочок бумаги с двумя-тремя именами и конверт с зеленью. Все, как с Глазастым,— он тоже так делал.

— А в первый раз?

— Тогда мы с Денни долго прогуливались и он растолковал, что к чему. Как бывало после, я уже объяснил.

— И это все?

— Абсолютно.

— Тогда свободен.

Меняла сгреб со стола ворох купюр, рассовал по карманам. Затем приоткрыл было свой постоянно кривящийся рот, захлопнул, поразмыслил еще чуток и наконец родил:

— Давай разойдемся по одному.

— Не возражаю. Наше вам с кисточкой.

Меняла направился к боковому, обложенному могильными плитами выходу, а Кройд, собирая со стола остатки выигрыша, размечтался о сытном завтраке.

Добираясь до «Козырного туза» на лифте, Кройд с сожалением вспоминал о длинной череде утраченных им талантов. Вот бы здорово полетать в такой погожий весенний денек, мечтал он, пока лифт, кряхтя, медленно тащился до нужного этажа. Выбравшись наконец из кабины, Кройд на минутку задержался в холле, чтобы оглядеться.

Шесть столов были укомплектованы полностью — сразу по две пары за каждым; за двухместным седьмым, рядом с баром, покачивая перед собой высокий изукрашенный бокал с каким-то экзотическим пойлом, сидела в гордом одиночестве смазливая брюнетка в серебристой блузке с глубоким вырезом. Вдоль стойки расположились еще четверо: трое парней и девица. В прохладном полумраке нестройный аккомпанемент из побрякиваний шейкера, смешков в зале, звяканья стаканов и кубиков льда утопал в мягких вкрадчивых пассажах модернового джаза. Кройд прошел прямо к стойке.

— Хирама не видел? — спросил он у бармена.

Тот на мгновение оторвал взгляд от бутылок и отрицательно покачал головой.

— Может, объявится поближе к вечеру? — дополнил вопрос Кройд.

Бармен неопределенно пожал плечами:

— Давненько что-то не видал его здесь.

— А как насчет Джейн Доу?

Бармен снова взглянул на Кройда, проявив на этот раз больший интерес:

— Получила полный расчет.

— То есть, по сути дела, ты не знаешь, могут ли сегодня они осчастливить ваш кабак своим присутствием?

— По сути дела — нет.

Кройд задумчиво кивнул:

— Меня зовут Кройд Кренсон, и я собираюсь у вас сегодня долго столоваться. Так вот, если вдруг появится Джейн, как бы мне об этом узнать сразу?

— А лучший способ для этого у нас простой — оставьте записку на служебном столике. И сидите себе спокойненько.

— Дай на чем написать,— потребовал Кройд.

Бармен скрылся за стойкой и тут же вынырнул с карандашом и блокнотиком. Кройд нацарапал короткое послание.

Когда он возвращал блокнот, на его бледную руку нежно легли загорелые пальчики с ярко-красными ноготками. С них взгляд Кройда перебежал на плечо, перекинулся на грудь, почти открытую откровенным декольте, где помедлил мгновение, затем поднялся выше. Перед ним стояла та самая одинокая леди со своим экзотическим коктейлем. При более внимательном взгляде она смутно показалась Кройду знакомой...

— Кройд? — произнесла брюнетка мягким вкрадчивым голосом.— Не надоело еще стойку подпирать?

Встретив взгляд темно-карих глаз в упор, Кройд все мгновенно вспомнил.

— Вероника! — просиял он.

— Точно. Не такая уж дырявая память для психа,— заметила она, улыбаясь.

— Ну все, выспаться сегодня ночью уже не доведется! Извини за прямоту.

— Знаешь, а эти белые бачки тебе идут. Делают тебя таким солидным, сразу выделяют из толпы.

— Дьявол, ведь я скучал,— признался Кройд.— У тебя сегодня что — промашка с очередным толстосумом?

— Ну и бог с ним! Думаю, с тобой будет куда веселее.

— Я тоже так полагаю. Тем более что сегодня не на мели. Ты поесть уже успела?

Вероника тряхнула темной гривой и кокетливо улыбнулась.

— Еще нет, все ждала чего-то особенного.

Кройд взял девушку под руку.

— Марш за стол! — скомандовал он.— Особенное прибережем на десерт.

Скомканную записку он выбросил в пепельницу.

Беда мне с этими женщинами! — досадовал про себя Кройд. Как бы хорошо ему с ними ни бывало, в конечном счете каждая, по существу, рассматривала постель как место для сна — обстоятельство, которое Кройд ни-

как не мог взять в расчет, не хотел с этим мириться. Вот и сейчас, когда окончательно изнеможенная Вероника провалилась в беспробудный сон, Кройд поднялся и стал слоняться по своей небольшой квартирке, расположенной в квартале Утренние Холмы, куда они вдвоем с девушкой добрались вскоре после полуночи.

Вывалив в кастрюлю жестянку мясных консервов, он добавил овощного супа. Уменьшив огонь под образовавшейся смесью до минимума, заварил кофе — полный кофейник. В ожидании, пока варево в кастрюле закипит, а кофе протечет сквозь фильтры, уселся за телефон. При помощи тонального бипера прослушал записи автоответчиков в остальных своих квартирах — новых сообщений пока не было.

Покончив с супом и убедившись затем, что Вероника по-прежнему спит крепко, он извлек из тайника ключ и отпер неприметную с виду, но надежно укрепленную дверь, ведущую в небольшой чулан. Включив свет и заперевшись изнутри, Кройд присел рядом со стеклянной фигурой, полулежащей на кушетке. Он взял Мелани за руку и принялся рассказывать ей — сперва медленно, затем почти взахлеб — обо всем, что с ним приключилось. О докторе Финне с усыпляющей чудо-машинкой, о мафии с ее затруднениями, о Живчике, о Глазастом и даже о Денни Мао, которого еще только предстоит сыскать. И о том, каким чудесным мог бы стать окружающий мир. Он все говорил, говорил и говорил, пока совершенно не охрип; тогда поднялся, простился с Мелани и вышел, не позабыв запереть дверь. Заветный ключик Кройд снова сунул в тайник.

Позже, когда мертвенно-бледной опухолью на краю неба забрезжил рассвет, он услышал шевеление в спальне.

— Эй, леди, к принятию чашечки крепкого кофе готова? — бодро воскликнул Кройд, просовывая в дверь голову.— И маленький утренний сюрприз — бифштекс...

Он запнулся, заметив аккуратно разложенные на ночном столике наркотические принадлежности. Вероника повернулась и с улыбкой подмигнула:

— Кофе — это бы чудесно, любимый. Мне со сливками и без сахара.

— Принято! — отозвался он.— Не знал, однако, что ты тоже балуешься.

Девушка перевела взгляд на свои обнаженные руки и кивнула:

— А я не хотела показывать. Больше по привычке, а может, из опасения, что испортишь мне товар и поломаешь кайф.

— Вон оно как...

Вероника резво собрала и наполнила шприц. Затем оттянула кончик языка пальцами левой руки и вонзила в него снизу иглу.

— Ого-го! — прокомментировал Кройд.— Где ты переняла подобный трюк?

— В одном интересном заведении. Могу и тебя научить.

Кройд покачал головой:

— Сейчас не время.

— А то оторвались бы на пару!

— Со мной случай особый. Придет срок, приму несколько фиолетовых сердечек или же чуток бензонала.

— О, bombitas. Si,— радостно закивала она.— Колеса СТП, высокооктановое дерьмо. Печеньице для чокнутых. Слыхала об этих твоих таблеточках. Кайф не так чтобы очень, а вот крыша от них поехать может запросто.

Кройд пожал плечами:

— Мне за свою жизнь многое довелось перепробовать.

— Может быть, даже *ядж*?

— Спрашиваешь! Не так уж, кстати, он и хорош.

— Дезоксин? Дезбутол?

— Приходилось. Действуют вроде бы неплохо.

— А *хат* пробовал?

— Да, чтоб его! Принимал даже *хаилько*. А ты пробовала когда-нибудь *питури*? Зелье из самых зверских. Правда, процедура применения весьма неприятная, грязная. Перенял у аборигенов. А как насчет кайфа под названием *«кратом»*? Завозят прямиком из Таиланда...

— Не шутишь?

— Чистая правда.

— Боже, так мы все утро можем проболтать! Спорим, сумею расшевелить тебя?

— Посмотрим, как это у тебя получится.

— Думаешь, нет?

— Может, все-таки сначала кофе, пока не остыл?..

В комнате уже вовсю царило утро, заливая ярким светом ленивое шевеление на постели.

— Вспомнил еще один, с любопытным названием: «Голубая-мартышка-посулит-вам-персик-но-выхватит-прямо-изо-рта»,— пробормотал Кройд.— Слыхал об этом от одной дамы, которая ввозила *кратом*.

— Ничего себе препаратик! — Вероника даже присвистнула.

Посетив «Скрюченного дракона» в третий раз за весьма непродолжительное время, Кройд решил, что настала пора переходить к активным действиям, и направился прямиком к стойке бара. Он уселся под красным бумажным фонариком и заказал себе «Цинь-тяо».

Через пару табуреток по левую руку место у стойки занимал цветной весьма неприглядной наружности, с лицом, затейливо изукрашенным шрамами. Кройд глянул мельком, быстро отвел взгляд и вскоре уставился снова, на этот раз с нескрываемым любопытством. Нос у странного соседа просвечивал насквозь. Причиной тому оказалась изрядных размеров дыра в носовой перегородке; сам же нос покрывали отвратительные струпья. Складывалось впечатление, что совсем недавно китайца, окольцевав, водили за нос.

— Что, попал спьяну под карусель? — улыбнулся Кройд.

— Чего?!

— Или это у тебя обыкновенная *фэн шуй*? — не унимался Кройд.

— Что еще за *фэн шуй* гребаная такая? — обиделся сосед.

— Спроси здесь любого,— посоветовал Кройд, махнув в сторону зала.— А лучше всего — у Денни Мао. Как я

сам успел разобраться, это такой вид всепроникающей мировой энергии, проявления которой весьма причудливы и своеобразны — могут, в том числе, быть и такими, как у тебя. Мне поведала о ней как-то одна дамочка из Таиланда. Представь, что такая смертельная *ци* вдруг прямо сейчас разнесет в щепки дверь, сокрушит по пути зеркала, опрокинет к дьяволу эту *ба-гуа* в горшке, а главное...— небрежно сдунув с бокала пивную пену, Кройд соскочил с табурета и приблизился,— главное, подойдет и врежет прямо по сопатке.

Движением, неуловимым для обычного человеческого зрения, Кройд продел палец сквозь дыру в носу — лишь дикий крик свидетельствовал, что сосед все же заметил это, вернее, почувствовал обнаженным мясом.

— Прекрати! О господи! Да оставь же меня в покое! — визжал китаец.

Кройд мягко потащил его с табурета.

— Сейчас я дважды обведу тебя по кругу,— сообщил он внятно и членораздельно.— С утра меня не покидает ощущение, что первый встреченный в этом баре сегодня — то бишь ты — пришел сюда специально, дабы исповедаться мне и облегчить тем самым душу.

— Я выложу все что надо! Чего ты хочешь?

— Где найти Денни Мао?

— Не знаю. Не знаю никакого... а-а-а!..

Скрючив палец, Кройд описал им в воздухе восьмерку и снова распрямил.

— Ну пожалуйста,— скулила жертва.— Отпусти меня! Денни здесь нет, он в...

— Денни Мао — это я! — донесся бархатистый баритон, донесся из-за столика, прикрытого пыльной пальмой в здоровенной кадушке. Обладатель приятного тембра не замедлил появиться и сам — перед Кройдом предстал невысокий мужчина восточного типа с невыразительными раскосыми бровями.— Какое у тебя дело ко мне, бледнолицый?

— Очень-очень личное,— отозвался Кройд.— Уверяю, ты не станешь звонить о нем на каждом углу.

— Я не даю приватных интервью неведомым пришельцам,— шагнув вперед, заявил китаец.

Когда Кройд слегка развернулся навстречу, первый цветной, волочась на пальце следом, сдавленно взвыл.

— Могу в виде исключения представиться и сам,— сообщил Кройд.

— Стоит ли так уж себя утруждать?

И кулак Денни молниеносно метнулся вперед. Кройд с той же резвостью подставил под удар свободную ладонь. Последовали еще три удара, которые Кройд без труда парировал аналогичным образом. И прозевал неожиданный удар пяткой. А Денни, выполнив обратное сальто, уже снова приплясывал на двух ногах.

— Вот дерьмо! — ругнулся Кройд и сделал резкое движение второй рукой. В дырявом носу что-то явственно щелкнуло, и жертва с воем торпедировала Денни Мао. Оба покатились по полу — кровь из разорванного носа забрызгала все кругом.

— Весьма скверная *фэн шуй*,— прокомментировал Кройд.— Тебе следует получше за ней присматривать. Ведь такое может стрястись с тобой и впредь.

— Денни,— позвал голос из-за резкого экрана по ту сторону стойки бара,— моя тебе что сказать.

Голос показался вроде бы знакомым, и, когда из-за экрана высунулась клыкастая оранжевая физиономия чешуйчатого карлика, Кройд сразу признал Линотипа — джокера с рассеянными телепатическими способностями, с горем пополам пробавлявшегося ясновидением.

— Твоя плохо слышать? — поинтересовался Кройд.— А вдруг что полезное узнать?

Истекающий кровью бедняга уже вовсю ковылял к туалету, когда Денни наконец грациозно поднялся, лениво отряхнул безнадежно испорченные штаны и смерил незваного гостя испепеляющим взглядом. Затем удалился за стойку.

После непродолжительной беседы за стеной китаец вернулся и снова воззрился на гостя:

— Так значит, ты и есть тот самый Дремлин?

— Ага.

— Что ж... Присяжный поверенный Джон Леттем, юридическая контора Леттема, город Штраус.

— Что это значит?

— Имя, за которым ты пожаловал. Повторяю еще раз: адвокат Джон Леттем.

— Что, совсем без драки? Добровольно и безвозмездно?

— Ну, не совсем. Ты свое еще заплатишь. Немного погодя. С такой информацией в голове ты уснешь скоро и навсегда. Прощайте, мистер Кренсон. Приятного время-препровождения!

Денни Мао элегантно повернулся и отправился восвояси. Кройд уже совсем было приготовился последовать его примеру, как из туалета, прижимая к лицу окровавленный ком китайской шелковой бумаги, вывалился недавний носатый собеседник.

— Надеюсь, ты понимаешь, что попал теперь в гребаный каннибальский список, список охотников за головами? — прогнусавил он.

Кройд неторопливо кивнул.

— Не забудь им напомнить, этим охотничкам, что такое энергия *ци*,— ответил он,— и старайся держать остатки носа в тепле.

5

Отыскав в какой-то лавчонке скромный сувенир для Вероники и доложив по телефону Теотокополосу о своих успехах, Кройд связался с конторой Леттема в Штраусе и записался на прием. Затем повел подружку в ресторан. Там поделился с ней последними новостями. Вероника только головой качала; когда же речь зашла о присяжном поверенном Джоне Леттеме, округлила глаза.

— Нет, и в самом деле ты чокнутый! — воскликнула она.— Ты что же, надеешься обвести вокруг пальца человека с такими связями?

— Кое-кто ведь мне платит за сведения о нем.

Вероника нахмурилась:

— Наконец-то я нашла парня по душе — и сразу терять?

— Ничего со мной не случится.

Со вздохом девушка положила ладонь Кройду на запястье.

— Очень надеюсь на это,— сказала она.

— А я уверен. Я вполне могу сам о себе позаботиться и лезть на рожон тоже не собираюсь.

— Это значит все-таки, что тебе грозит опасность?

— Послушай, я доведу работенку до финиша, что бы там ни угрожало, и заветная ленточка уже совсем рядом. Похоже, последний шаг не вызовет никаких особых затруднений. А получив заработанные баксы, собираюсь устроить себе каникулы — вплоть до ближайшей спячки. Советую разделить компанию — как тебе, например, Карибы? Устроит?

— О, Кройд! — затрепетала девушка и благодарно сжала его ладонь.— Ты предлагаешь это мне?!

— Разумеется, тебе, кому же еще? — Он дурашливо огляделся по сторонам.— Смотри, я записался к Леттему на четверг. Так что вполне могу успеть разделаться с работой до уик-энда. И мы с тобой вдвоем чудесно проведем время.

— Только поосторожнее, милый!

— Вот дьявол! Нам что, поговорить больше не о чем?

После визита в один из своих банков — для пополнения карманов наличностью — Кройд поймал такси и вскоре уже подъезжал к сооружению, приютившему юридическую контору Леттема. Сочиняя накануне предлог для визита, он постарался изобразить себя эдаким встревоженным толстосумом, который теперь прибыл вот нечаянно на целую четверть часа раньше назначенного. При входе в приемную он ощутил вдруг легкую дурноту, но уже через мгновение совладал с собой. Похоже, тесное общение с Вероникой не проходит бесследно и может принудить к приему медикаментов несколько раньше обычного.

Кройд представился секретарю, уселся и покорно листал журналы, пока не услышал:

— Мистер Смит! Мистер Леттем готов выслушать вас.

Кивнув, Кройд поднялся и прошел в следующую дверь.

Леттем, демонстрируя элегантного покроя серый костюм, моментально поднялся, вышел из-за стола и протянул гостю руку. Ростом несколько ниже Кройда, он всем своим благородным обликом излучал искреннее радушие.

— Не угодно ли будет присесть, мистер Смит? — подтвердил он впечатление первой же фразой.

— Нет, благодарю,— отказался Кройд, не желая слишком затягивать визит.

Леттем недоуменно воздел бровь, но сам все же уселся.

— Как вам будет угодно,— хмыкнув, сказал он.— Почему бы нам тогда не перейти прямо к делу?

— Потому что никакого дела нет. Все, что меня интересует, это чуток информации.

— Вот даже как?!

Вместо продолжения разговора Кройд внимательным взглядом обвел офис, затем неприметным змеиным движением выхватил из-под носа хозяина пресс-папье зеленовато-оранжевого камня и сдавил в кулаке почти что у того над головой. Последовал короткий треск, и на письменный стол потекла струйка оранжевой пыли — самоцвета больше не было.

Выдержка Леттему не изменила.

— Какого рода информация вас интересует? — любезно осведомился он.

— Вы работаете на новую шайку,— констатировал Кройд,— которая пытается прижать мафию и уже наехала на нее.

— А, так вы, вероятно, по поручению Министерства юстиции?

— Нет.

— Из офиса прокурора округа?

— Я не легавый,— откликнулся Кройд,— а также не из прокуратуры. Просто некто, требующий ответа.

— На какой же вопрос?

— Кто главарь этого нового клана? Вот и все, что нужно узнать.

— А для чего вам это?

— Скажем, некто желает встретиться с упомянутой таинственной личностью.

— Весьма любопытно,— заметил Леттем.— Вы хотите доверить мне организацию подобной встречи?

— Нет, хочу лишь узнать имя главаря.

— Quid pro quo*,— заметил Леттем.— Что же вы предлагаете взамен?

— Солидную экономию на счетах от хирургов, ортопедов и психотерапевтов,— отрезал Кройд.— Вы, адвокаты, собаку съели в подобных делах, не так ли?

Леттем улыбнулся снова, но улыбка на этот раз вышла несколько натянутой:

— Убейте меня — вы покойник, ударьте меня — вы покойник, пригрозите — и вы опять же покойник. Ваше эффектное маленькое шоу с камнем мало что значит. За нами тузы с такими способностями, что для них и слов-то в языке пока не придумано. И вы еще смеете мне угрожать?

Кройд ответил улыбкой — лучезарной и искренней:

— Я довольно скоро умру, мистер законник, но лишь затем, чтобы возродиться вновь и в совершенно ином обличье. Я пока вовсе и не собираюсь вас убивать — мысли такой не было. Но в предположении, что ваши друзья позднее смогут прикончить человека, который собирается сейчас всего лишь развязать вам язык, пусть даже силой,— человека, которого вы видите перед собой,— разумного мало, такое предположение лишено практического смысла. Этот человек, то бишь я, вскоре попросту покинет сей бренный мир. Я — это непрерывная цепочка эфемеров, мой нынешний вид — своего рода мотылек-однодневка.

— Стало быть, вы — Дремлин?

---

* Одно вместо другого *(лат.)*.

— Совершенно верно.

— Теперь я и сам это вижу. А как вы полагаете, что станется со мной, если я дам требуемые вами сведения?

— Ничего. Кто же узнает об этом?

Леттем вздохнул:

— Вы ставите меня в чрезвычайно затруднительное положение.

— Так мною и было задумано...— Кройд глянул на часы.— К сожалению, у меня весьма жесткий график. Мне уже минуты с полторы назад следовало перейти к более суровым и весьма, весьма, увы, неприятным для вас мерам. А я все миндальничаю. Порою так хочется представиться деликатным человеком. Так как же мы все-таки поступим, советник?

— Я удовлетворю ваши пожелания,— сдался Леттем,— но лишь потому, что не нахожу в этом ни на йоту ущерба для своих клиентов.

— В самом деле?

— Я могу назвать имя, но, увы, не адрес. Мне неизвестно, где именно обосновалась верхушка всей этой пирамиды. Мы с ними всегда встречались на нейтральной территории либо общались по телефону. Но даже и телефонный номер не смогу назвать — звонили всегда они. И знаете, почему еще я не усматриваю в моей откровенности никакого для них вреда? Просто не сомневаюсь — группа, интересы которой вы сейчас представляете, не в состоянии причинить моим клиентам какие-либо существенные неприятности. В штате у них одни лишь тузы, да какие! К тому же есть основания полагать, что мои клиенты достаточно близки к осуществлению своей цели — назовем ее условно «полным контролем». Если ваши наниматели пожелают сохранить жизнь и — в качестве отступного — часть своих карманных денег, я был бы счастлив заняться выработкой условий подобного соглашения.

— Ничем помочь не смогу,— ответил Кройд.— На этот счет не имею никаких полномочий.

— И неудивительно. Странно, когда б они имелись.— Леттем задумчиво уставился на телефон.— Но вас ведь не

затруднит передать своим работодателям мое приглашение к переговорам? Я всегда рад оказать помощь и гостеприимство.

Кройд не шелохнулся.

— Отчего ж не передать — вместе с именем, которое вы собрались мне сообщить? — сказал он.

— Как вам будет угодно,— кивнул Леттем.— Обязан, однако, предупредить, что мое предложение вести переговоры не гарантирует автоматического согласия на какие-либо особые условия. Более того, полностью невозможно исключить вариант, в котором вторая сторона и вовсе откажется от их проведения.

— Это я тоже обязуюсь передать,— нетерпеливо сказал Кройд.— И все же — имя?

— Погодите, чтобы сохранить последовательность и полностью исчерпать тему, я обязан известить вас предварительно: мне придется проинформировать моих клиентов о вашем намерении принудить меня к разглашению профессиональной тайны. А также в чьих интересах это было сделано. Я не могу нести ответственность за любые опрометчивые поступки и возможные их последствия.

— Дьявол! — недоуменно тряхнул головой Кройд.— Но ведь имя моего клиента даже не было упомянуто!

— Тем не менее, как часто доказывает нам жизнь, в делах следует руководствоваться известными предположениями.

— Ну все, хватит ходить вокруг да около! Имя!

— Что ж, ладно,— огорченно развел руками Леттем.— Сиу Ма.

— Повторите еще раз.

Леттем послушно повторил.

— Запишите на бумаге.

Леттем поцарапал в блокноте, вырвал страничку и протянул Кройду.

— Опять Восток,— задумчиво протянул Кройд.— Полагаю, названный вами парень — предводитель какой-нибудь тонги, триады или якудзы, одного из этих азиатских центров просвещения.

— Он не мужчина.

— Девица?!

Адвокат кивнул:

— Но, увы, я не сумею как подобает описать вам ее. Вероятно, она невысокого роста.

Кройд вгляделся в собеседника, но так и не сумел определить, не скрывается ли под маской холодной вежливости легкое подтрунивание.

— Готов побиться об заклад, что ее не обнаружить в справочнике Манхэттена,— предположил Кройд.

— И вы ничем при этом не рискуете. Итак, вы наконец получили то, за чем пришли. Уносите добычу домой, и надеюсь, что она принесет вам хоть некоторую пользу.— Адвокат поднялся, подошел к окну и задумчиво уставился на непрерывный поток автомобилей.— Было бы просто чудесно,— вздохнул он после продолжительной паузы,— если бы вы, брошенные карты, могли составить против Трансдукции сильную масть.

Гость покинул контору, не вполне удовлетворенный достигнутыми результатами.

Кройд искал ресторан со столиком в виду телефона-автомата. Он нашел такой с третьей попытки, уселся, сделал заказ и поспешил к аппарату. Трубку сняли после четвертого гудка:

— Заведение итальянца Вито.

— Здесь Кройд Кренсон. Нужно поговорить с Тео.

— Подождите минутку. Э-э-эй, Тео! — И затем в трубку: — Он уже идет.

Полминуты ожидания. Минута.

— Слушаю вас.

— Это Тео?

— Да, он самый.

— Тогда передай Крису Мазучелли, что Кройд Кренсон узнал для него заказанное имя и интересуется, где и как сможет его передать.

— Отлично. Перезвони минут через тридцать-сорок. Сможешь?

— Само собой.

Кройд накрутил номер «Таверны на лужайке» и заказал там на вечер столик на двоих. Затем позвонил Веронике. Она ответила аж на шестом гудке:

— Алло? — Голосок звучал слабо, как бы издалека.

— Вероника, любимая, это Кройд. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, но думаю, что практически разделался с работой, и хочу это отпраздновать. Как смотришь на то, чтобы выйти в семь тридцать и удариться в загул?

— Ох, Кройд, мне ужасно дерьмово. Все тело болит, рук поднять не могу — телефонную трубку, и ту держу с грехом пополам. Боюсь, что загриппую. Все, на что я сейчас способна, так это сон.

— Страшно сожалею. Тебе чего-нибудь надо? Например, ведро аспирина? Или ящик мороженого? Может, пони хочешь? Прошлогодний снег? Могу раздобыть *бомбитас*. Ты только назови, а уж я из кожи вон вылезу!

— Спасибо, любимый, но ничего не нужно. Я скоро очухаюсь, а пока лучше на меня и вовсе не смотреть. Страшно хочу спать. Ты не обижаешься?

— Шутишь?

Повесив трубку, Кройд вернулся за столик. Мгновением позже принесли заказ. Разделавшись с ним, Кройд велел повторить и принялся нерешительно мусолить пальцами парочку пилюль. В конце концов отправил их в рот вместе с глотком холодного чая. Затем, в ожидании продолжения трапезы, проверил записи на автоответчиках. Пока выслушивал сообщения, принесли добавку. Кройд вернулся за стол и не замедлил воздать ей должное. Закончив, снова потревожил Тео:

— Так что же он сообщил для меня?

— Слушай, Кройд, я все еще не сумел с ним связаться. Но постоянно набираю. Может, перезвонишь через час?

— Договорились,— ответил Кройд. Набрав номер «Таверны на лужайке», аннулировал заказ, вернулся за стол и в утешение выбрал сразу несколько десертов.

Перезвонил он еще до истечения назначенного времени, поскольку вспомнил о некоторых незавершенных

делах и сидел как на иголках. На этот раз повезло: Тео уже связался с хозяином и сообщил Кройду адресок в верхнем Ист-Сайде.

— Будь в девять вечера. Крис хочет выслушать полный отчет о ходе расследования.

— Какой там еще отчет — одно паршивое имя! Я мог бы пересказать все и по телефону!

— Так сказал Крис, это его точные слова, а я всего лишь передаю сообщения.

Кройд повесил трубку, расплатился по счету и вышел в полуденное марево.

Не успел он отойти от заведения и на два шага, как из соседней двери, футах в десяти слева, выступил плечистый коротышка восточной наружности. Озабоченно потупя взор и не вынимая рук из карманов голубого атласного пиджака, он повернул в сторону Кройда. Когда пути обоих должны были пересечься, они на мгновение встретились взглядом. Позднее Кройд понял, что именно тогда все для него стало ясным: он как бы воочию увидел события ближайших мгновений. Прозрение тут же и подтвердилось — в вынырнувшей из кармана правой руке коротышки, необычной хваткой зажатый вдоль предплечья, сверкнул длинный, слегка искривленный, как это водится на Востоке, нож. Левая рука не отставала от правой — в ней тоже был нож, близнец первого. Ускорив шаг, коротышка взметнул синхронно обе руки.

Великолепные рефлексы нового тела и на этот раз не подвели. Когда Кройд ринулся навстречу киллеру, ему показалось, что тот как бы замедлил движения, почти замер. Поднырнув под зависшие в незавершенном броске мерцающие лезвия, Кройд точным, аккуратным движением развернул кисть нападавшего и погрузил один из ножей тому в живот. Затем сделал движения рукой по диагонали и вверх — в распоротом чреве запульсировало что-то темно-красное. Коротышка медленно сложился пополам, и Кройд заметил вышивку у того на спине: пиджак украшало изображение белой цапли.

Рядом с Кройдом лопнуло стекло витрины. Сопровождаемый звоном осколков, донесся частый треск выстрелов. Прикрывшись поверженным противником как щитом, Кройд увидел медленно движущийся вдоль обочины черный автомобиль — самой новейшей модели. Пассажир на заднем сиденье, выставив в открытое окно ствол, поливал Кройда свинцом.

Кройд шагнул вперед и всадил в окно тело любителя поиграть с ножичками. Это оказалось непросто, мешала ширина плеч, но Кройд поднажал и преуспел — тело пролезло, оставив валяться на тротуаре самую свою малость. Заключительный вопль — Кройд так и не успел разобраться, чей именно,— смешался с ревом мотора; автомобиль подпрыгнул, рванул вперед и скрылся за поворотом.

Как убедился сейчас Кройд, законник предупреждал не напрасно; возможно, впрочем, что адвокат и сам не подозревал тогда, насколько близок к истине. Его работа — сплошная говорильня, лишь бы звучало гладко. Но на этот раз он, похоже, попал в самое яблочко, и Кройду отныне предстоит ходить, оглядываясь через плечо. Вот же не было печали, ругнулся про себя Кройд, хорошо еще, что рисковать осталось недолго. Теперь только бы денежки получить.

Он перешагнул через ошметья, оставшиеся от метателя ножей на обочине, и нащупал в кармане одну из любимых коробочек — с амфетаминовыми «колесами». Вот же гадость!

Когда Кройд в тот же вечер подошел к условленному месту, он заметил, что водитель припаркованной перед зданием машины при его появлении поднес к губам микрофон и, что-то коротко доложив, уставился прямо на Кройда. Весьма бдительный после известных событий, настроенный против решительно всех автомобилей — как в движении, так и припаркованных,— он размял суставы пальцев и резко шагнул к дверце.

— Кройд? — мягко спросил водитель.

— Верно. И тебе лучше бы оказаться на моей стороне.

Водитель флегматично кивнул и сунул за щеку пластинку жевательной резинки.

— Можете подниматься,— проронил он.— Третий этаж, тридцать вторая квартира. Звонить не надо. Парни на дверях откроют.

— Крис Мазучелли уже там?

— Его нет, зато все остальные давно собрались. Крис не сумел вырваться. Но это неважно. Расскажите все тем, кто пришел. Как рассказали бы Крису.

Кройд упрямо помотал головой:

— Крис нанимал. Крис платит. Говорить буду только с Крисом.

— Обождите минутку.— Охранник нажал клавишу на переговорном устройстве и зачастил на итальянском. Поглядывая в ходе беседы на Кройда, он вскоре выставил указательный палец и закивал.

— Что там происходит? — спросил Кройд, когда охранник завершил переговоры.— Он внезапно нашелся?

— Нет,— ответил тот, запихнув резинку поглубже за щеку.— Но скоро вопрос решится ко всеобщему удовлетворению.

— О'кей,— подвел черту Кройд.— Удовлетворите меня.

Они подождали. Спустя несколько минут из здания вышел мужчина в строгом черном костюме. Какое-то мгновение Кройд был уверен, что перед ним Крис, но с приближением того к машине наваждение исчезло — итальянец, очень схожий с Крисом чертами лица, оказался более худым и высоким.

Охранник кивком указал на Кройда:

— Вот он.

— Я брат Криса,— неуверенно улыбаясь, представился мафиози,— ближе мы в данный момент никого не нашли. Я обязательно все ему передам, но окажите любезность, не сочтите за труд рассказать обо всем также и джентльменам наверху, которые специально собрались для этого.

— Ладно,— согласился Кройд.— С этим решено. А вот как с остатком причитающегося мне гонорара — я собирался получить с Криса все денежки полностью.

— Об этом мне ничего не сказали. Полагаю, придется спросить у Винса. Винс Скиапарелли. Он занимается порой нашими денежными расчетами. Может, сами и спросите?

Кройд повернулся к окошку в машине и сообщил охраннику:

— Возьмешь в руки свою бухтелку. Вызовешь парней наверху и спросишь. Сегодня пару раз в меня уже и стреляли, и ножики совали — что-то больше судьбу искушать не хочется. Если наверху денег для меня нет, я отваливаю.

— Обождите минутку,— вмешался брат Криса.— Нет никакого повода для беспокойства. Сейчас все уладим.

Он сунул в окошко машины голову и с помощью охранника затеял новый сеанс радиопереговоров.

— Скиапарелли заплатит,— бросил охранник Кройду в ходе беседы сплошь на итальянском. Он о чем-то еще вопросил черную коробочку рации, выслушал серию квакающих звуков и снова глянул на Кройда.— Да, он получил ваши деньги.

— Отлично,— бросил Кройд.— Пусть тащит их вниз.

— Сожалею, но вам самому придется подняться за ними.

Кройд отрицательно покачал головой.

Обеспокоенный брат Криса беспомощно облизал губы, не решаясь сразу передать такое наглое требование.

— Боюсь, это произведет на наших не самое благоприятное впечатление. Вы нам не доверяете?

— Боюсь, что именно так,— улыбнулся Кройд.— Передавайте.

Вскоре из парадной выбрался солидный седеющий здоровяк. Подойдя ближе, он смерил Кройда неприязненным взором. Кройд ответил лучезарной улыбкой.

— Вы и есть мистер Кренсон? — спросил седой.

— Совершенно верно.

— И хотите получить деньги вперед?

— В общем, так.

— Они здесь, со мной,— сообщил седой, запустив руку в карман пиджака.— Крис позаботился обо всем. И ваша недоверчивость его весьма огорчит.

Кройд молча протянул руку. Когда конверт перекочевал к нему на ладонь, открыл и пересчитал. Затем кивнул.

— Вот теперь пошли,— сказал он и в сопровождении двух мафиози поднялся по ступенькам. Охранник потрясенно качал головой вслед.

Наверху Кройда представили группе пожилых итальянцев, окруженных дюжими телохранителями. Предполагая только сообщить имя и сразу же ретироваться, Кройд от предложения что-либо выпить отказался. Но тут ему и вышла боком собственная предусмотрительность — крестные отцы, стремясь убедиться, что денежки потратили не зря, пожелали узнать все до последней мелочи. Пришлось держать ответ: подробный отчет Кройда включал все, начиная с самых первых шагов — от встречи с Живчиком до парня с дыркой в носу и так далее. Сообщив наконец заветное имя — Сиу Ма, Кройд завершил рассказ описанием попытки неизвестных лишить присутствующих возможности насладиться его обществом.

— А где же нам искать эту самую Сиу Ма? — последовал естественный в данных обстоятельствах вопрос.

— Чего не знаю, того не знаю,— отрезал Кройд.— Крис заказывал имя, а не адрес. Если хотите поручить мне и эту часть работы, думаю, что справлюсь. Но не дешевле ли вам обойдется использовать собственные сети?

Такое заявление вызвало у аудитории весьма нелестный отклик, почти до оскорбительного нелестный. Кройду ничего не оставалось, кроме как, пожелав всем присутствующим спокойной ночи, удалиться восвояси. Двери он проходил с некоторым напряжением; охрана за спиной переглядывалась будто бы в ожидании команды.

Но хозяева не рискнули; лишь через несколько кварталов на Кройда налетела уличная банда, посланная, видимо, с целью возмещения убытков. Он аккуратно сложил тела нападавших в канализационный коллектор, а крышку люка столь же аккуратно вернул на место — деликатность превыше всего! И поставил на этой истории точку.

6

Остановив в центре города такси, Кройд долго колесил по разным улицам, прежде чем назвать адрес своей квартиры в Утренних Холмах. Окна ее были непроницаемо темны. Нагруженный ворохом болеутоляющих, антибиотиков и транквилизаторов всяческих сортов, с пятифунтовой коробкой шоколадного ассорти под мышкой и прочими мелочами в цветистых обертках, совершенно спокойный и уверенный в собственной безопасности, Кройд бесшумно проник в квартиру. Включив в коридоре свет, скользнул прямиком в спальню.

— Вероника! Ты еще спишь? — нежно шепнул он.

Ответа не последовало. Кройд на цыпочках подкрался к кровати, опустился возле на корточки и осторожно тронул одеяло. Но кроме него, рука ничего более на постели не нащупала.

— Вероника! — позвал он уже громче.

Ответа не было.

Кройд включил ночник. Кровать опустела, все причиндалы Вероники бесследно исчезли. Он поискал записку — безуспешно. Может, записка в гостиной? Или на кухне? Точно! Если Вероника хотела, чтобы Кройд наверняка ее прочел, то оставила бы на полке холодильника.

Он поднялся и вдруг напряженно застыл. Где-то явственно прозвучали шаги. Сзади, в гостиной?

— Вероника!

И снова никакого ответа. Идиот, оставил дверь нараспашку! — сообразил Кройд и покрылся холодным потом. Но ведь в коридоре вроде как и не было никого...

Вырубив свет, он осторожно пересек комнату, беззвучно распластался на полу и выглянул на мгновение в холл.

Там было пусто. Никого. И больше никаких звуков.

Кройд поднялся и вышел из спальни. И решил на всякий случай проверить гостиную.

Но включить там люстру он уже не успел. В гостиной, в лучах рассеянного света, льющегося из коридора, бил

хвостом огромный бенгальский тигр. Великолепный образчик. Нимало не мешкая, он с грозным ревом прыгнул на Кройда.

— О, срань господня! — сумел лишь выдохнуть Кройд, рассыпая подарки по всему полу и уворачиваясь.

От удара плечом о стену отвалился пласт штукатурки; зато жуткая полосатая лапа, пролетев совсем рядом, лишь чуть задела Кройда. Он успел резко выбросить кулак, но удар пришелся по хребтине животного вскользь и существенного урона тому не нанес. Улепетывая в гостиную, Кройд услыхал сзади недоуменно-обиженный рев: где, мол, мой ужин? Зверь недоумевал недолго — уже через мгновение, выставив перед собой стул, Кройд отбивал в гостиной очередную бешеную атаку.

От удара стулом тигр коротко взвыл; Кройд же, не теряя времени, схватил за ножки тяжелый стол и, прикрываясь им как щитом, перешел в контрнаступление. Зверь, разъяренно отшвырнув стул в сторону, все еще рычал и тряс ушибленной головой. Толчок крышки стола он встретил могучим плечом, заревел и попытался подсунуть когтистую лапу снизу. Кройд присел, уперся, еще чуток поднажал...

Тварь с воем опрокинулась на спину и вмиг исчезла из поля зрения. Секунды тишины тянулись, точно одурманенные тараканы.

— Киска, ты где, а? — осведомился Кройд.

Тишина.

Чтобы оценить ситуацию, он немного, всего лишь на фут, опустил свой деревянный щит. Этого оказалось вполне достаточно: яростно взревев, тигр прыгнул снова. Кройд вытолкнул стол зверю навстречу — с резкостью и энергией, какие предметам домашней обстановки навряд ли когда-либо доводилось испытывать на себе. Край стола с ужасающим хрустом врезался тигру как раз под самую челюсть — почти человечий крик боли сопровождал на этот раз падение зверя на спину. Кройд поднапрягся, воздел тяжелый стол над головой и, точно гигантской мухобойкой, прихлопнул раненое животное. Поднял снова, готовый тут же повторить удар. И застыл в недоумении.

Тигр исчез.

— Киска, ты где? — повторил Кройд.— Кис-кис!

Тишина.

Кройд опустил стол на пол. Отодвинул в сторону. Добрался до выключателя на стене и щелкнул клавишей. Только теперь он заметил, что рубашка на нем изорвана и вся в крови. Три глубокие царапины пересекали весь левый бок — от ключицы почти до пояса.

А на полу белело что-то очень небольшое...

Кройд наклонился, поднял предмет с полу и повертел в руках. Он держал одну из этих маленьких складных бумажных фигурок... Оригами! — внезапно всплыло в памяти название, занятное японское развлечение. Фигурка представляла собой миниатюрного бумажного тигра. Кройд содрогнулся и истерически захихикал. Но ведь все случившееся было вполне натуральным, даже чересчур натуральным. Шутки в сторону! Кройд понял, что сражался не с тигром, тем более не с бумажным тигром,— в противники на этот раз достался другой туз, и весьма крутой — с даром, не поддающимся обычной классификации. И удовольствия Кройду эта встреча отнюдь не доставила. Как и исчезновение Вероники. Как и неприятный холодок между лопаток — холодок неизвестности, ожидание очередного коварного удара неведомого туза.

Кройд тщательно запер наружную дверь. Затем распечатал одну из подарочных коробок, извлек бутылку перкодана и залпом осушил. В ванной он содрал с себя окровавленные лохмотья, как следует умылся. Затем отправился к холодильнику за пивом — для контраста с терпкой французской зеленью. Никакой записки в холодильнике не обнаружилось — ни среди молочных пакетов, ни в отсеке для яиц,— и это повергло Кройда в глубокое уныние.

Остановив кровотечение, Кройд перебинтовал раны и накинул свежую рубашку. Он не стал ломать себе голову, почему так вышло. Теперь уже никакой роли не играло, выследили его враги или же подстерегли в заранее подстроенной ловушке,— квартиру следовало покинуть, и немедленно. Сейчас лишь отсутствие Вероники всерьез

тревожило Кройда — по возвращении она могла попасть в беду. Но никакой альтернативы отступлению Кройд не видел. Знакомое мерзкое чувство — за ним снова шли по пятам.

Сменяя метро на такси и снова ныряя под землю, Кройд несколько часов петлял по городу. Для вящей уверенности, нацепив зеркальные очки, исходил Манхэттен вдоль и поперек еще и пешком — и столь замысловатым узором, что шансов у предполагаемых топтунов, пожалуй, вовсе не осталось. Именно тогда Кройд впервые в жизни увидел свое имя на световых табло Таймс-сквер, набранное колоссальными бегущими буквами.

«Кройд Кренсон, срочно позвоните доктору Т., чрезвычайная необходимость»,— гласила надпись, бегущая по фасаду небоскреба.

Кройд стоял как вкопанный, снова и снова перечитывая неожиданное послание. Когда убедился, что зрение не подвело, недоуменно и обиженно пожал плечами. Неужто так трудно понять, что он чем-то занят и заскочит оплатить счет при первой же возможности. Это было дьявольски унизительно — выставить его дохляком перед всем белым светом. Вероятно, теперь они отведут ему даже койку, хотя чулан со швабрами обошелся бы куда дешевле. Что им всем действительно требуется, так это только выжать Кройда досуха, как и всех прочих. Подождут, перебьются.

Ругаясь сквозь зубы, Кройд поспешил к подземке.

Трясясь в вагоне метро по Бродвейской линии к югу, Кройд катал под языком пару сердечек и одну заплутавшую среди них капсулу пирагекса. И немало изумился, обнаружив, что все пассажиры, входящие в вагон на станции Кенал-стрит,— близнецы. Более того, все как один походили на весьма важную личность — сенатора Хартмана. Сперва в глаза бросился только один Хартман — уже и это странно для вечерней подземки. Но следом в вагон тут же вошел второй, присоединился к первому, и,

поглядывая искоса на Кройда, они что-то быстро между собой обсудили. Один из хартманов высунулся за дверь и что-то возбужденно прокричал — в вагон хлынули остальные хартманы. Хартманы всех мастей и видов: хартманы-верзилы, хартманы-коротышки, хартманы-толстяки и даже один хартман с лишними конечностями — общим числом семеро хартманов. Достаточно потертый жизнью, Кройд вскоре сообразил, что именно может означать нашествие хартманов здесь, вблизи Джокертауна: похоже, оборотни чествовали сегодня сенатора в канун предстоящих выборов.

Когда двери с шипением съехались и поезд тронулся, самый высокий из хартманов повернулся и уставился на Кройда:

— Вы Кройд Кренсон?

— Ошиблись.— Кройд отвернулся.

— А я полагаю, нет.

Кройд пренебрежительно повел плечами:

— Полагайте себе что угодно, только где-нибудь подальше, если не хотите потерять мой голос на выборах.

— Вставай!

— Я тебе встану! Высоко встану! Выше тебя! И выше всего прочего.

Верзила хартман лениво потянулся к Кройду рукой; остальные тоже надвинулись, замаячили поблизости.

Кройд дернулся, перехватил протянутую руку и рванул к своему лицу. Последовал краткий хруст, верзила дико взвыл, отчаянно мотнув головой и падая на колени, а Кройд, выплюнув откушенный палец, неторопливо поднялся на ноги. Подтянув оборотня за искалеченную руку поближе, Кройд воткнул свободную ладонь в живот и вырвал кишечник. Со звуком, подобным щелканью бича, лопнула грудная клетка и обнажились сломанные ребра — во все стороны фонтаном брызнула кровь.

— Ах ты, неслух паршивый! — ласково произнес Кройд.— Чему только мамочка тебя, такого осла, учила? Где Вероника, отвечай!

Изувеченный сенатор ответил кровавым кашлем. Остальных хартманов, впавших было в оцепенение при виде

крови, как ветром сдуло. А Кройд снова засунул руку в развороченное нутро, на этот раз ниже и по самый локоть. Весь в крови, он сладострастно подчищал тело врага от остатков внутренностей. Прочие хартманы, наблюдая за экзекуцией из дальнего конца вагона, молча ждали решения собственной участи.

— Это политическая акция! — швыряя им под ноги останки главаря, заорал Кройд.— Акт возмездия. До встречи в ноябре на выборах, говнюки!

Соскочив на Уолл-стрит, он содрал с себя окровавленную сорочку, запихнул в ближайший мусоросборник и, прежде чем покинуть вестибюль станции, ополоснулся у питьевого фонтанчика. Рослому чернокожему, присвистнувшему навстречу от изумления: «Вот это так *белый* — без балды белый!» — Кройд предложил обмен — полста баксов за рубаху. Линяло-голубая полусинтетическая тряпка с длинными рукавами пришлась впору. Двигаясь по Носсау к югу, Кройд вскоре добрался до центра. В круглосуточной греческой забегаловке совершил первую краткую остановку и купил кофе, сразу две здоровенные пластиковые чашки, по одной в каждую руку — чтобы хлебать на ходу.

Затем, свернув по Кенал-стрит направо, добрался до знакомого кафетерия, где заказал бифштекс, омлет, сок и снова кофе — много кофе. Сидя за столиком у окна и наблюдая за неторопливо оживающим городом, Кройд настороженно встречал рассвет нового дня. Что-то он принесет? Организм потребовал черную пилюлю; от щедрот Кройд накинул ему сверху одну из красных — на всякий пожарный случай.

— Любезный! — обратился он к официанту.— Ты, по-моему, шестой или седьмой, кого я за последний час вижу в марлевой повязке.

— Вирус Универсальной карты,— пояснил тот.— Очередная вспышка.

— Да всего лишь отдельные случаи, и те бог знает где! — удивился Кройд.— Так я слышал, по крайней мере.

— Пойдите, послушайте снова,— отозвался официант.— Их уже больше сотни — и то, если нам лапшу на уши не вешают.

Кройд впал в задумчивость.

— Полагаешь, этот клочок марли может чем-то помочь? — спросил он наконец.

— Уж лучше это, чем ничего,— пожал плечами официант.— Еще кофе?..

— Наливай. И заверни мне на дорожку дюжину пончиков, найдешь столько?

— Разумеется.

По Брум-стрит Кройд добрался до Бауэри и свернул вниз, к газетному ларьку Бенсона. Подойдя ближе, убедился, что тот закрыт, а Джуби, хозяина, пока не видно. Чертовски жаль. У Кройда теплилась надежда, что старик — а тот был тертый калач, по молодости носил кличку Морж — снабдит полезной информацией или хотя бы присоветует, как ему быть. Сейчас, когда обе воюющие стороны приостановили разборки и взяли тайм-аут, чтобы поупражняться в стрельбе по Кройду, он чертовски нуждался в подсказке опытного человека. В чем, спрашивается, его, Кройда, вина? В веснушках на лице? В дурном дыхании изо рта? Так оно вскоре может и вовсе сойти на нет — то ли стараниями мафии, добивающейся возврата честно отработанного им гонорара, то ли заботами Сиу Ма, которой Кройд вроде бы ничего такого пока не задолжал — разве что репутацию маленько подмочил.

Покусывая на ходу пончик, Кройд отправился дальше, к своей квартире на Элдридж. Ничего. Пока не горит. Он вернется за советом позже. А сейчас расслабится в шезлонге, задрав повыше натруженные ножки, и прикроет глаза хотя бы на минутку-другую...

— Вот же дерьмо! — ругнулся Кройд, обронив в замусоренную полуподвальную нишу сразу за поворотом к своему дому надкушенный пончик. Неужто он уже засыпает прямо на ходу? Еще этого ему недоставало!

Шагнув на ступеньки последней лестницы, ведущей к углу его дома, и ускорив шаг в предвкушении вожделен-

ной встречи с подушкой, Кройд услыхал сзади, из темной ниши, астматическое придыхание — должно быть, до пончика добралась какая-то дряхлая бродячая псина.

— Вот же сукины дети! — присовокупил он к предыдущему заявлению, как только заметил ровную струйку дыма, нарушающую гладь бетонного парапета у самого подъезда. И тут же притормозил.

Один из соглядатаев сидел в машине, припаркованной в виду парадной. Другой, подпиливая себе ногти, курил прямо на крыльце и держал под контролем подходы к дому со стороны боковой аллеи.

Тихонько матерясь, Кройд услыхал сзади паническое придыхание, уже вовсе не схожее с собачьим. Внимательно вглядевшись в полумрак, понял, кого второпях принял за собаку,— в грязи ниши копошилось неопрятное аморфное создание по прозвищу Сопля. Многие считали того самым отвратительным обитателем Джокертауна. Пресмыкаясь в вонючей яме, Сопля жадно чавкал сейчас Кройдовыми объедками.

Каждый дюйм тела этого джокера покрывала постоянно стекающая зеленоватая слизь. В этой же слизи он обычно и отдыхал. На нем едва угадывались остатки одежды, насквозь пропитанной тою же слизью.

— Ради всего святого! — сочувственно сказал Кройд.— Ведь пончик весь в грязи, и к тому же надкусанный. Возьми лучше целый! — Он протянул оцепеневшему Сопле весь пакет.— Все в порядке! — добавил Кройд и, видя, что джокер не решается двинуться с места, опустил пакет на ступеньку. И занялся собственными, более важными заботами — повернулся лицом к засаде.

Прикончив подобранный объедок, Сопля еще долго колебался.

— Это что, все мне? — спросил он наконец — голос его, затрудненный заложенным дыханием, дрожал и пресекался.

— Да, конечно, доедай их все! В меня уже больше не лезет,— подтвердил Кройд, хлопнув по животу.— Я и не знал, что ты умеешь говорить.

— Мне не с кем теперь говорить,— глухо выдавил джокер.

— Да, конечно, понимаю. Надеюсь, что это всего лишь недоразумение?

— Люди говорят, что моя наружность отбивает у них всякий аппетит. Ты именно поэтому больше не хочешь?

— Да брось ты! — криво усмехнулся Кройд.— У меня проблемы почище твоих. Я не знаю, что мне делать дальше. Видишь тех двоих? Это значит, что моя квартирка накрылась. И я решаю теперь, то ли разобраться с ними сперва, то ли сразу свалить отсюда. Ты беспокоишь меня меньше всего — хоть с головой жижей покройся. Самому случалось выглядеть так, а то и похлеще.

— Тебе? Как это?

— Я ведь Кройд Кренсон — тот самый, кого кличут Дремлином. И всегда во сне перевоплощаюсь. Раз на раз не приходится — то получше выходит, то похуже, а то и совсем никуда.

— И я тоже мог бы?

— Что? А, ты имеешь в виду — измениться снова? Со мной случай особый — похоже, что я единственный в своем роде. Такие вот пироги. Я не знаю способа поделиться этим с окружающими. Да тут нечему особенно и завидовать, можешь мне поверить!

— Мне бы и одного раза хватило,— раскрыв пакет и доставая пончик, вздохнул джокер.— А почему ты глотаешь пилюли? Ты что, болен?

— Да нет, просто прочищаю мозги. Меня уже клонит в сон, а я не могу позволить себе расслабиться.

— Почему это не можешь?

— О, это долгая история. Очень долгая.

— Никто не рассказывает мне историй теперь,— опечалился джокер.

— Вот дьявольщина! А впрочем, почему бы и нет? — усмехнулся Кройд.

Когда Сопля вдруг заболел и ему стало совсем невмоготу, Кройд, тщательно заперев за собою входную дверь его обшарпанной двухкомнатной квартирки, по случаю

обставленной выброшенными мебельными останками, прошел к больному. Потный джокер, лежа на продранной кушетке, бессильно трясся в жутком ознобе. Кройд отыскал в соседней комнате жестянку, сполоснул под краном и поднес Сопле напиться. Пока хозяин жадно давился мутной влагой, Кройд, смахнув в сторону пыльный ржавый шприц и прочие древние принадлежности наркомана, уселся на жалобно пискнувший табурет.

— Тебе и раньше приходилось болеть? — поинтересовался гость.

— Никогда еще. То есть я всегда чувствую себя как бы замерзшим, но это совсем другое. То, что со мною сейчас, очень напоминает ощущения, с которых все когда-то и начиналось.

Кройд прикрыл джокера обрывком найденной в углу занавески и снова уселся.

— Может, закончишь рассказывать свою историю? — попросил больной после затянувшегося молчания.

— Да, пожалуй.

Подбодрив себя метамфеткой и дексом разом, Кройд продолжил свое бесконечное повествование. Увлекся и прозевал момент, когда хозяин отключился полностью. Кройд все говорил и говорил и вдруг случайно заметил, что больной совершенно затих и у него перестала блестеть кожа — подсохла. Склонившись над телом, Кройд обнаружил, что и черты изменились. И продолжали медленно меняться — прямо у Кройда на глазах. Даже «ускорившись» с приближением фазы сна, он не мог ошибиться в диагнозе: все признаки синдрома Универсальной карты здесь налицо. И даже в таком своем состоянии Кройд не мог не ощутить тревожного холодка под лопатками. Сопля уже перенес болезнь однажды, когда стал джокером, а Кройд не слыхал ни разу, чтобы вирус затронул кого-либо вторично — за исключением самого Кройда.

Изумленно покачав головой, Кройд поднялся и вышел на свежий воздух. Наступил полдень, и он снова проголодался. Вычислить новую смену соглядатаев особого

труда не составило — Кройд справился с этим за считанные секунды. Но никаких контрмер принимать не стал, махнул на них рукой — пусть себе пока развлекаются. Разумнее сперва поправить желудок, а затем вернуться и проверить состояние больного Сопли. Разобраться со шпиками он успеет и после — перед самым погружением в подземку.

Где-то вдали завыла сирена. Очередной вертолет с красным крестом на борту прошел невысоко над головой, держа курс на верхний город. Память с готовностью подсунула Кройду давние картинки совершенного безумия, творившегося в День Универсальной карты, и он тут же стал сомневаться, а стоит ли терять время на еду. Не разумнее ли будет сейчас же поискать новое надежное логово? Кройд знал неподалеку одно местечко, куда можно было прийти прямо с улицы — принимали любого, никаких документов не спрашивали и лишних вопросов не задавали. Следовало срочно сходить и проверить наличие в нем одной свободной койки — обычно там места хватало, но сейчас кто знает...

Вторая сирена откликнулась, точно мартовский кот, на истошные призывы первой — уже с другой стороны. Кройд помахал рукой парню, который висел головой вниз на высоком фонарном столбе, но тот не внял призыву и — то ли обиженно, то ли испуганно — порхнул прочь.

Где-то неподалеку невнятно загрохотал мегафон — Кройд сумел различить лишь собственное имя: Кренсон. Какие очередные гадости сообщал городу механический голос, разобрать не удалось.

Пальцы сами собой вцепились в крыло припаркованного к обочине автомобиля. Жалобно взвизгнул под руками рвущийся металл. Кройд повертел оторванное крыло, яростно скомкал — из порезов на ладонях просочилась густая темная кровь. Он должен найти и уничтожить этот мегафон, где бы тот ни был установлен: на крыше ли полицейского фургона, на стене ли небоскреба — да пусть даже на Луне! Он должен прекратить эти грязные разговоры. Он должен...

Однако они могут ему и помочь, могут отпугнуть от него врагов! — сообразил Кройд в один из редких моментов просветления,— врагов, которыми уже казались подряд все встречные и поперечные. Кроме разве что этого пугливого парня на столбе — очередной жертвы безжалостного вируса — да ничтожного джокера по прозвищу Сопля, который просто физически не мог больше быть ничьим врагом. Кройд швырнул комок металла через всю улицу, задрал к небу лицо и дико завыл... Все вокруг вдруг снова стало таким сложным, таким непонятным, буквально непостижимым. И омерзительным вдобавок. Но он должен взять себя в руки! Он должен!

Кройд сунул окровавленные пальцы в карман, пошарил там, выудил пригоршню пилюль и проглотил все без разбору. Он должен очухаться и найти себе убежище, а для этого следует прилично выглядеть.

Кройд пригладил непокорные белые вихры, отряхнул на себе одежду и наладился идти нормальным размеренным шагом. Здесь совсем недалеко.

И снова они наступали Кройду на пятки! Кому тогда вообще можно доверять, если нельзя верить даже собственному врагу? Заунывные, пронзительные вопли сирен окружили Кройда сплошной звуковой пеленой.

Он с корнем выдирал бетонные плиты, гнул по пути фонарные столбы и крадучись перебегал от переулка к подъезду. Затем укрылся в чьей-то припаркованной машине. Усталым взглядом провожал пролетающие над крышами вертолеты, почти не слыша за воем сирен чавканья их лопастей. Но, как ни странно, призывам громкоговорителей порой удавалось прорвать завесу воющего безмолвия. Они снова взывали к нему, лгали ему, требовали от него невозможного. Кройд захихикал. Еще настанет его день!

Неужели док Тахи снова во всем виноват? Воображение услужливо подсовывало внутреннему оку картинку из прошлого: беспорядочно мечущийся в полуденном облачном небе на фоне гигантских неуязвимых китов-аэростатов игрушечный самолетик Джетбоя. Назад, к самому началу. Он так до сих пор и не узнал, что же случилось тогда с Джо Сарцанно.

Кройда накрыло волной удушливого дыма. Где-то снова что-то полыхало. Почему неприятности обязательно всегда сопровождаются пожарами? Кройд потер виски и широко зевнул. Машинально пошарил в кармане, где держал пилюли,— пусто. Вырвав дверцу из автомата коки перед закрытой автозаправкой, Кройд набил хлынувшими четвертаками уцелевший механизм, получил в каждую руку по бутылке и, посасывая бодрящий напиток, отправился дальше.

Вскоре Кройд обнаружил себя стоящим перед запертой дверью Джокертаунского публичного музея. Рука машинально потеребила дверную ручку. Так, в нерешительности, он провел еще добрых десять секунд, но никак не более. Когда поблизости взвыла сирена — похоже, что прямо за углом,— Кройд вышел из прострации и легонько пихнул дверь плечом. Раздался негромкий треск, и он оказался внутри. Порывшись в карманах, Кройд оставил на конторке входную плату. Поразмыслив, прибавил немного в качестве компенсации за испорченный замок.

Потом он еще долго сидел на скамье, всматриваясь в музейные сумерки. Время от времени вставал, совершал небольшую прогулку по музею и возвращался. Он снова, в который уже раз, с интересом осмотрел золотую бабочку, застывшую в попытке вырваться из кисти золотой обезьянки — обе дело рук давно почившего в бозе туза по кличке Мидас. Он заглянул в шкаф с банками, хранившими заспиртованные зародыши джокеров. Полюбовался металлической дверью с отпечатком чудовищного копыта Дьявола Джона.

Кройд бродил вдоль диорамы «Великие события из истории вируса Универсальной карты», снова и снова нажимал клавишу перед экраном, изображавшим сражение землян с роем пришельцев. И всякий раз попадал — Человек-модуль под руководством Кройда без про-

маха сражал лазерным лучом инопланетных монстров. А затем Кройд обнаружил в экспозиции чучело знакомого по кличке Ревун...

Он как раз допил последние капли коки, когда в глаза бросилась небольшая человеческая фигура с вроде бы знакомыми чертами лица, выставленная в стеклянной витрине. Кройд подошел, прищурился, затем прочел табличку. Та сообщала, что такой-то и такой-то был найден мертвым в одном из глухих переулков. У Кройда перехватило дыхание.

— Бедный Гимли,— выдохнул он.— Кто сотворил с тобой такое? И где теперь твои потроха? Мой желудок не выдерживает подобного зрелища. Где теперь твои замечательные остроты? Передай, если сможешь, Барнету: пусть остудит, заморозит преисподнюю своими пламенными проповедями. В конечном счете ведь и сам он туда уходит.

Кройд отвернулся и снова неудержимо зевнул. Его конечности как будто налились свинцом. Повернув за угол, он обратил внимание на три стальные оболочки, подвешенные на длинных тросах к потолку. Кройд узнал их немедленно; рассматривая, он на минутку погрузился в воспоминания.

Взобравшись на расположенную рядом двуколку, Кройд подпрыгнул и хлопнул ладонью по ближайшему корпусу бронированного фургончика-«фольксвагена». Металл отозвался звучным гулом, а корпус слегка покачнулся на своих последних причальных швартовых. Кройд снова подпрыгнул и хлопнул еще разок; потом его одолел очередной приступ зевоты.

— Панцирь есть, ездить может,— пробормотал он.— Внутри — полная безопасность. Эй, черепашка, высунька головку!

И Кройд снова хихикнул. Затем обернулся к следующей, самой памятной ему модели шестидесятых. Эта висела повыше — Кройд даже не сумел разглядеть в подробностях мирный символ на ее борту, но слова знаменитого девиза «Творите любовь, а не войну», вписанные в крупный цветок мандалы, прочел ясно.

— Вот же дерьмо, объясните это тем парням, что ходят за мной следом! — зачем-то вспылил он. Подуспокоившись, объявил: — Всегда мечтал забраться и посмотреть, каково там внутри.

Кройд подпрыгнул, ухватился за край и подтянулся. Тачка накренилась, но человеческий вес выдержала. Уже через минуту Кройд чувствовал себя в ней полным хозяином.

— О, сладостный мед уединения! — вздохнул он с невыразимым облегчением.— Любовь моя — клаустрофобия. Наконец-то...

Кройд сомкнул свои измученные очи и сразу заснул. В музейных сумерках от него начало лучиться слабое сияние.

Долгий сон

— Расскажите мне про Пэна Рудо,— попросила Ханна.

— Речь идет о начале пятидесятых,— ответил Кройд.— Возможно, вас интересуют события более позднего времени.

— Все равно я хочу послушать,— сказала она, покачав головой.

Резко хлопнув в ладоши, Кройд раздавил какую-то мошку.

— Ладно. Тогда мне было около двадцати. Вирус Универсальной карты — его же часто называют шальным вирусом — поразил меня, когда мне еще не исполнилось четырнадцати лет, так что я уже успел с ним близко познакомиться. Пожалуй, даже слишком. В те дни я страшно из-за всего этого переживал. Много думал и решил, что, поскольку я не в состоянии изменить реальность, следовательно, нужно научиться по-другому к ней относиться... ну, подружиться, что ли. Стал читать бесконечные популярные книги по психологии — про то, как следует себя вести, чтобы не ссориться с самим собой, приспособиться к тому, что происходит, и все такое прочее — только пользы они мне не принесли. А однажды утром я открыл «Таймс» и обнаружил там статью про этого доктора. Он председательствовал на какой-то местной конференции. Меня это заинтересовало. Нейропсихиатр. Некоторое время учился вместе с Фрейдом. А потом работал в институте Юнга* в Швейцарии, тогда-то и вернулся к физиологии. Живя в Цюрихе, входил в группу ученых, занимавшихся исследованиями Dauerschlaf**. Слышали когда-нибудь об этих изысканиях?

— Кажется, нет,— ответила Ханна.

Кройд сделал глоток пива, быстро растоптал левой ногой проползавшего мимо жука.

— Идея Dauerschlaf заключается в том, что тело и мозг излечивают сами себя гораздо быстрее и эффективнее, когда человек спит, чем когда он бодрствует,— пояснил Кройд.— В качестве эксперимента ученые использовали этот метод при лечении наркомании, психических расстройств, туберкулеза и других болезней. При помощи гипноза и особых видов наркотиков они надолго погружали пациента в сон, создавая искусственное состояние комы — чтобы ускорить выздоровление. Когда мы встретились, Пэн Рудо еще не очень серьезно увлекался этой проблемой, в то время как меня она заинтересовала несколько раньше — из-за моего состояния. Я нашел его имя в телефонном справочнике, позвонил, мне ответила секретарша и назначила время. Так получилось, что кто-то из пациентов Рудо сообщил, что пропустит назначенный на эту неделю сеанс, и она записала меня вместо него.

Кройд глотнул еще пива.

— Я познакомился с Пэном Рудо в марте 1951 года. Это был четверг, шел дождь...

— А число помните? — спросила Ханна.

— Боюсь, что нет.

— Как же вам удалось запомнить год, месяц и день?

— Я считаю дни, после того как просыпаюсь,— ответил Кройд,— чтобы знать, сколько времени продолжается период бодрствования. В этом случае я всегда могу точно рассчитать, как долго еще буду оставаться в здравом уме, и в зависимости от этого корректирую свои планы, что-

* Карл Густав Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и философ-идеалист, основатель аналитической психологии.

** Долгий сон *(нем.)* — медицинский термин.

бы успеть сделать все необходимое. Когда дней остается совсем мало, я перестаю встречаться с друзьями и стараюсь оказаться где-нибудь в одиночестве, чтобы никто не пострадал. Итак, я проснулся в воскресенье, статью прочитал два дня спустя, договорился о встрече с Пэном Рудо еще через два дня. Получается четверг. Кроме того, я обычно запоминаю месяц, когда что-нибудь происходит, поскольку для меня год — это перепутанные, хаотично следующие друг за другом сезоны. Тогда была весна и шел дождь — март.

Кройд сделал еще глоток пива и раздавил очередную мошку.

— Проклятые жуки! — проворчал он.— Не переношу жуков!

— А год? — спросила Ханна.— Почему вы так уверены, что это был 1951-й?

— Потому что осенью следующего года, 1952-го, в Тихом океане проводились испытания водородной бомбы.

— А-а-а,— протянула она и слегка нахмурилась.— Конечно. Продолжайте.

— Итак, я встретился с ним за год до испытаний водородной бомбы,— повторил Кройд.— Знаете, они тогда уже вовсю занимались этой штукой. А начали еще в 48-м.

— Да, я знаю.

— Математик по имени Стэн Улам решил уравнение Теллера*. Кстати, о математиках... Вам известно, что Том Лерар был математиком в Манхэттенском проекте? А еще он написал несколько замечательных песен...

— Что случилось, когда вы встретились с доктором Рудо?

— Да... Я уже сказал, что лил дождь, и, когда я вошел в приемную, с моего плаща страшно текло, а на полу лежал очень красивый восточный ковер. С шелком. Секретарша поспешила ко мне на помощь: мол, она повесит

* Эдвард Теллер — американский физик, работал в Германии, Дании, Великобритании. Труды по ядерной физике, термоядерным реакциям, астрофизике.

мой плащ в шкаф, а не на медную вешалку возле двери, на которой висели ее собственное пальто и пальто директора.

Я настроился и при помощи своего сознания собрал всю воду, что была в плаще и на ковре. Я не очень знал, что с ней делать, поэтому держал воду как бы в пространстве, словно бы и нигде. Вы понимаете, о чем я?

Вы же наверняка слышали о тузах и джокерах, которые умеют телепатировать разные предметы — я и сам несколько раз обладал такой способностью. Предметы исчезают из одного места, а потом появляются в другом. А вам когда-нибудь приходило в голову задать себе вопрос, где находится предмет, когда он в пути? Я много размышляю над подобными проблемами... Так вот, я точно не знал, на какое расстояние могу переносить предметы — хотя и предполагал, что небольшие можно посылать дальше, чем более крупные. И не знал, сколько воды мною собрано, а поэтому не был уверен, что мне удастся сбросить ее в парк из окна шестого этажа, где находился офис доктора. Впрочем, тогда я как раз экспериментировал: учился прятать самые разнообразные вещи в пространстве. Я мог заставить нечто исчезнуть из одного места и сделать так, что оно некоторое время не появлялось в другом — хотя, проделывая это, испытывал определенные неприятные ощущения. Посему я удерживал воду и улыбался.

«Не нужно,— сказал я секретарше.— Видите, все уже в порядке».

Она уставилась на мой плащ так, словно он был живым существом, даже провела по нему рукой, чтобы удостовериться, что я сказал правду. А потом повесила его на вешалку.

«Не присядете ли на минутку, мистер Кренсон? Я скажу доктору Рудо, что вы уже здесь».

Секретарша подошла к интеркому, а я собрался спросить ее, где туалет, чтобы избавиться от воды, когда открылась дверь кабинета и в приемной появился доктор Рудо. Шести футов росту, блондин, голубые глаза. Он тут же нацепил профессиональную улыбку и протянул мне руку.

«Мистер Кренсон! Весьма рад с вами познакомиться. Меня зовут Пэн Рудо. Пожалуйста, заходите в кабинет».

У него был великолепный голос и очень ровные, белые зубы.

«Спасибо»,— поблагодарил я.

Он придержал для меня дверь, и я вошел в соседнюю комнату. Здесь было гораздо светлее, чем я предполагал. На стене висело несколько акварелей — пасторальные сценки — с подписью доктора, а также гравюры, автором которых был не он. На полу я увидел еще один великолепный ковер, яркий — много синего и красного. На столе слева от двери стоял огромный аквариум, где плавали разноцветные рыбки; у задней стенки поднималась цепочка пузырьков.

«Садитесь, пожалуйста»,— предложил доктор, который говорил с легким акцентом — немецким или каким-то еще, и показал на большое кожаное кресло возле стола, очень удобное на вид. Я уселся, а он устроился за столом. Потом снова улыбнулся, взял карандаш и начал катать его в руках.

«У каждого, кто сюда приходит,— начал Рудо и посмотрел мне в глаза,— есть проблемы».

«Боюсь, я не исключение,— кивнув, сказал я.— Только вот не знаю, как начать».

«Существуют определенные категории, в которые укладываются проблемы большинства людей,— снова заговорил доктор.— Семейные отношения, люди, с которыми вы работаете...»

«Нет, тут все в порядке».

Мне мешала вода, которую я удерживал, и я принялся оглядываться по сторонам, надеясь найти подходящее место, куда ее можно было бы вылить. Металлическая корзина для мусора прекрасно бы для этого подошла, только такой нигде не было видно.

«Деньги? Секс?» — предположил Рудо.

«Нет, денег у меня достаточно и с половой жизнью проблем нет»,— ответил я, раздумывая, не выбросить ли мне воду за окно. Только оно находилось еще дальше, чем то, что в приемной. Я поерзал на стуле.

«Мистер Кренсон, вас что-то беспокоит — я имею в виду какие-нибудь неприятные ощущения — в данный момент?» — спросил доктор Рудо.

«Угу,— признался я.— Вода мешает».

«У нас есть туалет,— сказал он и начал подниматься со стула.— Я вам покажу...»

«Нет, не в том смысле. Ну, эта вода в некотором роде находится у меня... в голове, так, наверное, можно сказать».

Доктор Рудо замер на месте.

«Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду,— заявил он.— Вода — у вас в голове?»

«Да и нет одновременно,— улыбнувшись, попытался объяснить я ему.— Я выразился... ну, фигурально. Понимаете, вода с моего плаща... я удерживаю ее при помощи своего сознания, а это несколько угнетает... нет, давит. Мне нужно ее куда-нибудь поместить. Может быть, действительно стоит сходить в туалет и оставить ее там. Будьте любезны, покажите мне...»

«Мистер Кренсон, вам известно, что такое защитный механизм?» — поинтересовался он.

«Конечно, я читал кое-какие книги. Это то, что человек делает, говорит или думает, чтобы не делать, не говорить или не думать о том, что его на самом деле беспокоит, потому что он по какой-то причине этого боится. Нет, речь идет о настоящей воде, я несу ее в себе и могу отправить куда угодно в пределах десяти футов от того места, где в данный момент нахожусь, так мне кажется».

«В таком случае почему бы вам не вылить ее в аквариум? — спросил он и улыбнулся.— А потом продолжим наш разговор».

«Отличная мысль,— сказал я.— Только там и так много воды».

Так вот, я перенес воду в аквариум. И все, естественно, перелилось. Глаза доктора Рудо раскрылись от изумления, когда он наблюдал за тем, как вода стекает на пол. Потом он как-то странно на меня посмотрел и включил интерком.

«Миссис Вейлер, вы не зайдете ко мне на минуту? — попросил он.— И принесите с собой ведро и тряпку. У нас тут вышла небольшая неприятность. Благодарю вас».

Потом он опустился в свое кресло и несколько минут молча меня разглядывал.

«Как вам удалось это сделать?» — поинтересовался он.

«История довольно-таки длинная и запутанная,— ответил я.— Впрочем, я рассчитываю, что вы поможете мне с этим разобраться».

«У нас полно времени»,— успокоил меня Рудо.

«Все началось в сентябре 46-го,— начал я,— когда погиб Джетбой...»

Несколько минут спустя вошла миссис Вейлер и собралась вытереть лужу. Я опередил ее и перенес воду с пола в ведро. Секретарша доктора Рудо сделала шаг назад и удивленно на меня посмотрела.

«Унесите ведро,— приказал ей доктор,— а потом отмените все назначенные на сегодня встречи».

«Давайте, мистер Кренсон, рассказывайте, пожалуйста»,— попросил он, когда миссис Вейлер ушла.

Ну, я и поведал ему про то, что со мной происходит, и про то, чем мой случай отличается от всех остальных — как я больше всего на свете боюсь спать и что делаю, чтобы оттянуть момент погружения в сон. Он задал мне множество вопросов; именно тогда я и услышал в первый раз термин Dauerschlaf.

Казалось, доктора Рудо поразил мой случай, ведь его можно было соотнести с экспериментальной терапией, практикуемой в Европе и интересовавшей его в тот момент. Кроме того, выяснилось, что он о моей болезни слышал; и по тому, как он цитировал выдержки из медицинских журналов, можно было сделать вывод, что Рудо прочитал все, что печаталось про вирус Универсальной карты.

Мы проговорили весь день. Я рассказал ему о своей семье и старике Бентли и о том, как я применяю свои разносторонние таланты. О превращениях, друзьях, ситуациях, в которые я иногда попадаю... Неожиданно я понял, что этот человек мне нравится. До сих пор я еще ни с кем так свободно не разговаривал. Казалось, его околдовал мой рассказ о тузах и джокерах и о разнообразных проявлениях шального вируса, с которыми я встречался.

Я говорил, а он только качал головой, когда я описывал ему самые неприятные случаи воздействия вируса на людей. Он даже устроил длинную философскую дискуссию на тему о том, что этот вирус может сделать с человечеством. Я объяснил ему, что обычные люди не часто заводят романы с джокерами, словно его беспокоили проблемы генетики, но он все качал головой и повторял, что дело вовсе не в этом, что сам факт существования таких отклонений от нормы является чем-то вроде раковой опухоли на теле человечества, что эту проблему нужно рассматривать не с точки зрения биологии: исследователей должен интересовать социологический аспект данного явления. Я согласился, посчитав его доводы разумными, однако заметил: по моему мнению, это вопрос из серии «А дальше-то что?» Ситуация уже возникла, и теперь с ней нужно как-то справляться.

Больше всего Рудо заинтересовал мой рассказ о том, как я надолго погружаюсь в сон — мой собственный Dauerschlaf — и как в процессе какая-то сила будто разбирает меня на составные части, а потом создает нечто новое, не похожее на предыдущий вариант. Он задавал мне множество вопросов: что я чувствую, когда засыпаю и пробуждаюсь, помню ли, что происходит, пока сплю, снятся ли мне сны... А потом поведал мне про Dauerschlaf как метод лечения и о том, что, работая в Европе, имел дело с пациентами, не пострадавшими от вируса Универсальной карты, и что погружал их в долгий сон при помощи специальных медикаментозных средств или гипноза с целью привести в действие способность человеческого организма и мозга восстановиться во время сна. Было очевидно, что ему удалось добиться в этой области определенных результатов и потому мой случай так его заинтриговал. Аналогия

была столь очевидной, что одно это — как он сказал — заставляет его заняться моей проблемой, даже если в результате ему удастся всего лишь привести в порядок мои ощущения.

Кройд допил пиво, взял другую бутылку, открыл ее.

— Мистер Кренсон,— проговорила Ханна Дейвис, и он посмотрел ей в глаза,— мне кажется, ваш хвост ведет себя несколько нахально.

— Прошу прощения. Иногда он становится чересчур своевольным.

Из-под стола появился полосатый — словно тигровый — отросток и принялся энергично стучать по земле у него за спиной. Кройд сделал глоток.

— Итак, этот человек объявил, что сможет вас вылечить? — спросила Ханна.

— Нет,— ответил Кройд.— Доктор Рудо никогда это не обещал. Позже он предложил мне кое-что другое — довольно хитроумный, на первый взгляд, способ стабилизировать мое состояние, чтобы я больше не боялся засыпать.

— Естественно, он вас обманул,— сказала Ханна.— Взял у вас деньги, возродил в душе надежду, а потом оказался несостоятелен. Верно?

— Неверно,— ответил Кройд.— Он знал, о чем говорит, и оказался состоятелен. Дело в другом.

— Минутку,— остановила его Ханна.— Если бы кому-нибудь удалось найти способ смягчить воздействие шального вируса, об этом кричали бы все газеты мира. Если доктор Рудо добился положительных результатов, почему никто ничего не знает?

Кройд поднял руку и хвост:

— Подождите! Если бы все было просто, я бы уже закончил свой рассказ... Прошу прощения.

Он исчез. Боковым зрением Ханна заметила, что мимо бара скользнула какая-то тень. Потом открылась дверь, тут же захлопнулась. Она повернула голову, но никого не увидела. В следующее мгновение снова что-то мелькнуло

совсем рядом, и вот уже Кройд сидит на своем стуле и потягивает пиво.

— Ускоренный метаболизм*,— объяснил он и продолжал так, словно и не прерывал повествования: — Пэна Рудо просто потрясла моя история. Я провел у него весь день, и он исписал заметками несколько страниц. Время от времени задавал вопросы. Вечером в дверь постучала миссис Вейлер, сказала, что ее рабочий день закончился, и спросила, хочет ли доктор, чтобы она закрыла дверь в офис, когда будет уходить. Он ответил, что не хочет, мол, сделает это сам через несколько минут. А потом предложил мне вместе пообедать, и я принял его приглашение.

Мы отправились в ресторан, съели несколько бифштексов — его тоже поразил мой метаболизм — и проговорили все время. После этого мы пошли к нему домой — очень милая у него оказалась квартира. Я засиделся допоздна. К тому моменту он уже все про меня знал, мы обсудили множество самых разнообразных проблем, о которых я обычно ни с кем не разговариваю.

— Это в каком смысле? — поинтересовалась Ханна.

— Ну,— сказал Кройд,— в первый день да и потом Рудо рассказал мне о некоторых теориях, популярных в психологии. Он даже был знаком с людьми, которые их разрабатывали,— некоторое время учился с Фрейдом, а позднее в институте Юнга в Швейцарии занимался исследованием проблемы Dauerschlaf. От него я узнал об идеях Фрейда касательно детской сексуальности, стадиях развития, очищения, про ид**, эго и суперэго. Про теорию Адлера*** о стремлении к самоутверждению и родовую травму Рэнка****. Про то, что Юнг изучал типы личности

---

* Метаболизм — обмен веществ, превращение определенных веществ внутри клеток с момента их поступления до образования конечных продуктов.

** Ид — подсознание (в психоанализе).

*** Альфред Адлер (1870–1937), австрийский врач-психиатр и психолог. Ученик Фрейда, основатель индивидуальной психологии. Главным источником мотивации считал стремление к самоутверждению.

**** Отто Рэнк (1884–1939), австрийский психоаналитик.

и создал теорию индивидуализации*. По мнению Рудо, в этом много разумного и полезного — для одних людей больше, для других меньше. Его самого интересовал лишь результат, эмоциональный итог, позволяющий пациенту справляться с проблемами, встающими у него на пути. Он считал, что жизнь — это компромисс между тем, чего тебе хочется, и тем, что ты получаешь, и в этой сделке всегда участвует страх; причем совсем не важно, какой из классических источников его рождает, просто он есть, и все. А мы лжем — все до единого,— чтобы справиться с этим страхом. Лжем о мире и о самих себе. Эту идею он почерпнул у драматурга Ибсена**, называвшего большое фальшивое сооружение, которое человек возводит в свою честь и в честь окружающего его мира, «жизненной ложью». Рудо считал, что это присуще каждому человеку и лишь степень фальши отличает психоз от невроза. Его подход к проблемам неорганического свойства заключался в том, что он стремился найти в жизни пациента ложь, а потом обрабатывал ее таким образом, чтобы человек, обратившийся за помощью, смог в дальнейшем справляться со своими проблемами самостоятельно. Не избавиться от этой лжи — вовсе нет. Доктор утверждал, что в некотором смысле она даже необходима. Стоит попытаться ее разрушить или воздействовать слишком сильно, и можно навредить личности, довести пациента до сумасшествия. Он рассматривал терапию как средство, позволяющее экономить ложь, чтобы люди, нуждающиеся в помощи, могли легче приспособиться к жизни.

Кройд помолчал немного, сделал глоток пива.

— Получается, что он считает врача чем-то вроде Господа Бога,— заявила Ханна.— Ты поможешь ему подобрать ключик к своей личности, он войдет, оглядится по сторонам и будет решать, что следует выбросить, что оставить, а что переделать.

---

* Цель психотерапии по Юнгу — осуществление индивидуализации личности.

** Генрик Ибсен (1828–1906) — норвежский драматург, творчество которого оказало большое влияние на мировую драматургию и театр.

— Угу, звучит именно так,— согласился Кройд,— если посмотреть, как вы предлагаете.

— Предположим, такой подход к лечению пациентов и приносит плоды... Похоже, что иногда даже небольшое изменение, внесенное с самыми лучшими намерениями, может причинить вред — имейте в виду, мы не рассматриваем вариант сознательного нанесения вреда. Он именно так с вами и поступил? Вмешался в ваше представление о самом себе и окружающей действительности?

— Не совсем,— ответил Кройд.— Не намеренно и не впрямую. Он объяснил мне, что очень хочет изучить мою жизненную ложь, поскольку ему необходимо узнать мои страхи. Ведь они имеют непосредственное отношение к курсу лечения, которое он намерен предпринять для стабилизации моего состояния.

— А вы и вправду набрались разных словечек, верно?

— За время, что он мной занимался, я прочитал массу специальной литературы. Думаю, все так поступают.

Кройд выпил еще немного пива.

— Ну, а теперь вы тянете время? — спросила Ханна.— Потому что не хотите раскрывать мне тайну ваших страхов? Если они не имеют существенного значения для этой истории, можете умолчать.

— Боюсь, вы правы,— признался Кройд.— Но, пожалуй, я не стану ничего скрывать — нужно, чтобы рассказ получился полным. Я не знаю, что вам про меня известно...

— Марк Медоуз кое-что мне о вас поведал. Но мало. Вы надолго засыпаете. Надолго пропадаете...

Он покачал головой:

— Я не это имел в виду. Видите ли, я не сразу решился обратиться за помощью к психоаналитику. Скажу честно: я гораздо больше читал литературы по психологии и всему, что с ней связано, чем может показаться, причем не просто книжки типа «помоги себе сам», а очень серьезные научные труды. Я стараюсь не демонстрировать свои познания. Мне прекрасно известно, что значит быть пси-

хом — по-настоящему не в своем уме. Я глушу себя регулярно при помощи амфетаминов, потому что боюсь засыпать. И, как правило, в конце концов дело заходит слишком далеко; прекрасно помню несколько абсолютно идиотских и несколько ужасных поступков, которые совершил, когда мое сознание и ощущения были вывернуты наизнанку. Я отлично знаю, что такое психоз, и боюсь его почти так же сильно, как сна.

Кройд рассмеялся.

— Почти,— повторил он,— потому что на самом деле они связаны между собой. Мне это показал Рудо; думаю, только за одно это я должен быть ему признателен.

— Я не понимаю,— проговорила Ханна, когда Кройд поднялся и стал наблюдать за начавшимся неожиданно дождем.

— Моя мать сошла с ума,— сказал он,— после истории с вирусом. Может быть, я сыграл немаловажную роль в ее безумии. Вполне возможно, что это все равно произошло бы. А может, у нее был шизоидный ген. Я любил ее и видел, как она изменилась. Последние годы моя мать провела в разных сумасшедших домах, в одном из них и умерла. Тогда я много об этом думал — боялся, что и меня ждет такой же конец. Я опасался тех перемен, которые видел в матери. А потом, каждый раз, принимая таблетки, чтобы продлить время бодрствования, я и в самом деле становился безумным. Я знал, что она чувствовала, через какие испытания прошла...

— В таком случае, возможно, лучше не сражаться со сном? — спросила Ханна.— Ведь он все равно побеждает.

Кройд посмотрел на нее с улыбкой.

— Рудо задал мне точно такой же вопрос,— сказал он и медленно вернулся к столу.— Тогда я не знал, как на него ответить. Но доктор Рудо помог мне разобраться. Это часть моей жизненной лжи.— Кройд уселся и сложил руки на груди.— Как я понимаю, сон для меня означает серьезные и неизвестные перемены. В каком-то смысле

он все равно что смерть, и тут на поверхность всплывают стандартные страхи. Рудо заставил меня заглянуть в самые глубины — и я увидел там еще и боязнь безумия. Я знаю, что изменения неизбежны, и на каком-то примитивном уровне боюсь проснуться сумасшедшим, совсем как моя мать; я боюсь остаться таким навсегда. Я же видел, какой она стала.

И тут Кройд рассмеялся.

— Забавно,— сказал он,— как мы заставляем сочиненные для самих себя истории оживать. В каком-то смысле я регулярно свожу себя с ума, чтобы не сойти с ума. Это один из примеров моей иррациональности. Неразумность поведения характерна для каждого человека.

— Мне казалось, что, как только врач обнаружит, каким образом эта иррациональность проявляется, он первым делом должен сделать все, чтобы избавить от нее пациента.

Кройд кивнул:

— По словам Рудо, так поступило бы большинство психиатров или психоаналитиков. Но где уверенность, что таким способом меня можно спасти от безумия?

Ханна покачала головой:

— Что-то я ничего не понимаю...

— Вполне объяснимо. Это теория не имеет никакого отношения к тем, у кого с мозгами не все в порядке. Речь идет только о проявлениях вируса. Я уже говорил, что Рудо прочитал всю имеющуюся на эту тему литературу. Его поразили некоторые предположения, основанные на нескольких весьма занимательных историях, когда человек, пострадавший от шального вируса, мог сначала нафантазировать что-то, а потом претворить свои фантазии в жизнь,— впрочем, подтвердить эти истории экспериментально не было никакой возможности. Некоторые ученые утверждали, что в проявлениях вируса присутствует определенный психосоматический компонент. Например, один мальчишка — мы называли его Малыш-Динозавр — просто обожал книги про динозавров. Так вот: он научился

превращаться в самых разных динозавров, только маленького размера. А еще я знаю одного нищего, его зовут Ударник Мэк; он может подойти к любому торговому автомату, стукнуть по нему разок — и получает все из его ассортимента. Вот такая история. Проще и не бывает. Парень может не беспокоиться о пропитании и позволить себе тратить все сто процентов своего дохода от попрошайничества на спиртное. Как-то раз он признался мне, что много лет мечтал о чем-нибудь вроде этого. Живет на печенье и плитках лежалого шоколада. Счастливый человек. В любом случае,— продолжал Кройд,— Рудо посчитал эти устные свидетельства достаточно убедительными и решил, что сможет проверить их экспериментально. С моим участием. Он предложил при помощи наркотиков и гипноза погрузить меня в Dauerschlaf, чтобы дать мне возможность разобраться со страхами, стоящими за моей жизненной ложью, и вызвать во мне изменения, о которых мы заранее договоримся. Если эксперимент даст положительные результаты, мы будем знать, что психосоматический компонент действует и в моем случае. Пользы от этого не будет никому — ни джокерам, ни тузам,— только мне, да и прибегнуть к данному методу можно лишь потому, что мое состояние носит периодический характер. Мы с Рудо решили доказать правильность его идеи. Если нам будет сопутствовать успех, так он мне объяснил, я смогу выбрать тело, в котором захочу прожить остаток дней, а к нему в придачу еще и парапсихические способности — доктор Рудо без проблем сделает так, чтобы я все это получил. Потом повторит процедуру, чтобы закрепить результат, а заодно и внушит мне, что каждый раз, просыпаясь после долгого сна, я буду находиться в одном и том же теле и обладать постоянными способностями. В конце концов я превращусь в самого обычного туза.

Кройд допил свое пиво, сходил за новой порцией, растоптал вереницу муравьев, спешивших куда-то по своим делам.

— Именно тут он вас и обманул? — спросила Ханна.

— Нет, мы попробовали сделать то, что он предлагал, и у нас все получилось,— ответил Кройд.— Он оказался прав. Как и все те, кто выдвинул такую же гипотезу. Я сказал ему, что хочу, проснувшись, выглядеть как Хамфри Богарт в «Касабланке» — мне страшно нравился этот фильм,— и, когда я пришел в себя, оказалось, что я превратился в близнеца Богги.

— На самом деле? А как насчет способностей? Рудо сделал все, как обещал?

— Да,— улыбнувшись, сказал Кройд.— Сущий пустяк, но по какой-то необъяснимой причине этот дар надежно ко мне прицепился. Может быть, потому, что он такой несущественный, что не занимает много места — там, где их хранят. Он оставался со мной и после нескольких других трансформаций. Знаете, я не вспоминал о нем вот уже несколько лет. Подождите-ка минутку.

Кройд поднял банку с пивом, сделал небольшой глоток, уставился куда-то в пространство.

— Сыграй нам, Сэм,— произнес он каким-то чужим, изменившимся голосом. А потом повторил: — Сыграй!

Магнитофон щелкнул, остановился. Затем кнопка «воспроизведение» оказалась нажатой, и из небольшого динамика полились звуки — играл рояль, «Время уходит».

Ханна несколько секунд удивленно смотрела на магнитофон, потом протянула руку и выключила его. И тут же снова поставила на «запись».

— Как... а что вы делаете, если поблизости нет магнитофона?

— Годится любой прибор, который можно заставить вибрировать в нужном диапазоне. Не знаю, какие механизмы тут задействованы. Может быть, все даже проще, чем в истории с Ударником Мэком.

— Итак, в один прекрасный день вы проснулись и были как две капли воды похожи на Богарта да еще в любой момент могли включить себе музыку — стоило только пожелать.

— Да.

— И что произошло дальше?

— Рудо дал мне парочку недель насладиться моим новым внешним видом. Он хотел меня понаблюдать и убедиться в том, что нѐ возникло никаких нежелательных побочных действий. Меня останавливали на улицах, подходили в ресторанах — просили автограф. Рудо делал бесконечные записи наблюдений. Он послал меня к каким-то своим друзьям, чтобы те провели тщательное обследование. Я по-прежнему обладал ненормально высоким метаболизмом, да и бессонница осталась при мне.

— Интересно, сохранились ли где-нибудь эти записи? — проговорила Ханна.

— Не знаю,— пожав плечами, ответил Кройд.— Не имеет значения. Я все равно не соглашусь, чтобы кто-нибудь проделывал со мной то же самое еще раз.

— А что случилось?

— Мы регулярно встречались в течение следующих нескольких недель. Меня переполняли идеи на предмет того, как я хочу выглядеть и какими способностями обладать. Сначала это было ужасно весело, но прошло немного времени, и мне эти развлечения наскучили — надоело быть похожим на знаменитых людей. Теперь я хотел быть среднего роста, обычного телосложения, с волосами песочного цвета, привлекательным, но не красавчиком. И остановился на телепатии, на способности внушения — у меня такая однажды была. Меньше проблем возникает, если имеешь возможность выбраться из любой запутанной ситуации путем убеждения. И вообще могло пригодиться, если бы я решил стать коммивояжером.

Рудо тем временем сообщил мне, что он занимается изучением медицинской литературы в надежде найти что-нибудь полезное в моем случае, чтобы я перестал меняться во сне и остался навсегда в одном и том же облике с постоянными способностями. Однажды, когда мы вместе завтракали, он сказал: «Кройд, несмотря на все наши старания, ты все равно останешься подделкой, карикатурой на человека. Я хотел бы, чтобы в моей власти было уничтожить все, что сделал с тобой этот чертов вирус — и другими тоже. Я мечтаю о том дне, когда человеческая раса снова станет чистой и безупречной, такой, какой она была раньше».

«Я ценю все, что вы делаете, док,— сказал я.— У меня такое ощущение, что вы тратите все свое время на то, чтобы разобраться с моим случаем».

«Мне кажется, ты самый важный и интересный пациент из всех, что у меня были»,— ответил он.

«Есть новости с технической точки зрения?»

«Да, по-моему, появился способ закрепить какой-нибудь образ путем воздействия на твою нервную систему определенным уровнем радиации».

«Радиация? А я думал, мы выбрали путь чистой психологии, вы говорили о Dauerschlaf».

«Это совсем новые разработки в нашей области,— пояснил он мне.— Я еще и сам не совсем разобрался».

«Вы — доктор,— сказал я.— Держите меня в курсе дела».

Он заплатил за наш завтрак. Как и обычно. Он даже не брал с меня денег за лечение. Говорил, что считает, будто оказывает услугу человечеству. Знаете, он мне нравился.

— Мистер Кренсон,— перебила его Ханна,— ваш хвост.

— Называйте меня Кройд.

— Кройд, я совершенно серьезно. И мне наплевать на то, что это небывалое ощущение. Мы тут с вами делом занимаемся.

— Извините,— проговорил он и помахал хвостом.— А какие у вас планы на сегодняшний вечер? Тут довольно скучно и...

— Я хочу дослушать вашу историю до конца, Кройд. Бесконечные рассуждения о философии наводят меня на мысль, что вы оттягиваете момент, когда вам придется рассказать мне все.

— Может быть, вы и правы,— сказал он.— Не думал об этом, но, возможно, вы правы. Ладно. К делу.

Итак, время шло, я себя прекрасно чувствовал. И знал, что не стану искусственно растягивать период бодрствова-

ния, потому что теперь я не боялся заснуть. Я увидел свою жизненную ложь — где сон, безумие и смерть переплелись в немыслимый узел — и был уверен, что могу с ней справиться, что проблема перестанет существовать, как только мое состояние стабилизируется. Это сделает Рудо, когда разберется с тем, каким образом следует применять к пациенту, находящемуся в Dauerschlaf, новый метод лечения — с использованием радиации.

Однажды он пригласил меня на ленч, а потом мы отправились погулять в Центральный парк. Мы шли по дорожке, Рудо оглядывался по сторонам, словно изучал пейзаж — искал место, где бы можно было устроиться и заняться рисованием. И вдруг сказал:

«Кройд, сколько тебе еще осталось?»

«В каком смысле?» — спросил я.

«До того момента, когда ты снова заснешь?» — пояснил он свой вопрос.

«Трудно сказать наверняка, у меня должно возникнуть определенное ощущение,— ответил я.— Однако, судя по прошлому опыту, думаю, у меня есть по меньшей мере неделя».

«А не попробовать ли нам погрузить тебя в сон раньше,— задумчиво проговорил он,— чтобы запустить...»

«Что запустить?» — спросил я.

«Сначала позволь мне задать тебе один вопрос,— продолжал он.— Ты говорил, что знал старика взломщика по имени Бентли и что сам одно время занимался подобными делами».

«Говорил».

«Насколько хорошо у тебя это получается?»

«Неплохо»,— ответил я.

«И ты знаешь, что нужно делать, если в этом возникает необходимость?»

«Если я вас правильно понял — да, я иногда этим промышляю».

«А что, если речь идет о месте, которое особенно тщательно охраняется?»

«Не могу ничего сказать, пока не узнаю подробностей,— пожав плечами, ответил я.— Иногда я просыпаюсь, обладая даром, который оказывается очень полезным в подобных случаях».

«Так-так, отличная мысль...»

«А в чем дело, док? Вы к чему ведете?»

«Я понял, что тебе нужно, Кройд, для радиационной части лечения. К сожалению, необходимые вещества недоступны гражданским лицам».

«А у кого они находятся?»

«Лаборатория в Лос-Аламосе».

«Если эти вещества можно использовать в медицинских целях, почему же военные не делятся... в гуманитарных целях?»

«Потому, что они бесполезны для всех, кроме тебя. Мне пришлось изменить все данные в уравнениях, чтобы принять в расчет твой метаболизм».

«Понятно,— сказал я,— и вас интересует, смогу ли я свистнуть немного нужного нам вещества? Смогу ли я помочь самому себе — в некотором смысле?»

«Ну, в некотором смысле — да».

«Почему бы и нет? А когда можно будет взглянуть, как у них там все устроено?»

«Вот тут возникает серьезная проблема,— проговорил он.— Я не знаю, как это сделать».

«Не понял?»

«Лос-Аламос — закрытая зона. Масса пропускных пунктов. Если ты не работаешь в городе и не имеешь права там находиться, тебя и близко не подпустят. Правительственная установка. Секретные ядерные разработки».

«Вы хотите сказать, что речь идет не об обычной лаборатории, а о целом засекреченном городе?»

«Именно».

«Звучит немного сложнее, чем забраться в квартиру, взломать сейф или ограбить магазин, док. А вы уверены, что нельзя получить то, что нам нужно, где-нибудь в другом месте?»

«Никаких сомнений».

«Вот дерьмо! — сказал я.— Не знаю...»

«Существует две возможности, Кройд,— заявил Рудо.— Ты только что напомнил мне про одну из них. Вполне возможно, что по отдельности они не помогут нам справиться с задуманным, но вот вместе... вместе у нас появляется шанс».

«По-моему, вам следует объяснить, что вы имеете в виду».

«У меня есть... коллега,— сказал Рудо,— который, по всей видимости, будет в состоянии нам посодействовать. Я совершенно уверен, что у него в той лаборатории имеются знакомые. Но ему придется соблюдать крайнюю осторожность».

«Это как?»

«Он сможет доставить тебя в город таким образом, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. И сумеет показать лабораторию — снаружи. Или добудет ее план — как там все устроено внутри».

«Это хорошо — для начала»,— сказал я.

«Я поговорю с ним, как только разыщу его, и выясню, какие у них правила. А пока ты кое-что обдумай: если мы подвергнем тебя трансформации прежде, чем туда отправиться, какими способностями ты должен обладать, чтобы наилучшим образом произвести разведку? Имей в виду, что после нашего посещения мы должны будем снова погрузить тебя в сон и подготовить для самой работы».

«Хорошо,— сказал я.— Вы мне позвоните?»

«Да».

У меня были кое-какие дела, не имеющие никакого отношения к Рудо, и несколько дней я занимался только ими. Однажды вечером он мне позвонил и спросил, не могу ли я к нему приехать. Я сказал, что, естественно, могу, и поймал такси.

«Кройд,— начал он,— я разузнал про этот атомный город в Нью-Мексико. Чтобы туда попасть, нужно иметь пропуск с фотографией. Такие специальные пропуска для

посетителей выдаются в Санта-Фе — если у тебя есть приятель в Лос-Аламосе, который известит официальные власти о том, что ты собираешься его навестить. Он должен встретить своего гостя у ворот в Лос-Аламосе».

«У нас есть такой человек?» — поинтересовался я.

«Да, у нас есть человек, который работает в тамошней службе безопасности, он сделает все, что нужно,— сказал Рудо.— Точнее, у моего приятеля имеется приятель, который все устроит. Раньше объект охраняли военные, но теперь Комиссия по атомной энергетике обеспечивает Лос-Аламос представителями своей службы безопасности — и нам страшно повезло: там имеется человек, который с удовольствием окажет мне услугу. Таким образом, мы попадем в город и остановимся в "Фулер Лодж", где живут все гости».

«Звучит обнадеживающе,— заметил я.— А ваш приятель покажет нам место, которое нас интересует?»

«У меня сложилось впечатление, что он может его тебе показать, но завести тебя внутрь — нет, слишком для него рискованно».

«Тут как раз и пригодятся мои особые способности»,— догадался я.

«Вот о чем я подумал,— сказал Рудо,— попасть в город будет совсем не трудно, но выбраться из него... видимо, гораздо сложнее».

«Вы говорили, что можете дважды погрузить меня в Dauerschlaf, пока мы не сделаем то, что задумали?» — спросил я его.

«Почему бы и нет? У тебя появилась какая-то идея?»

«Я просыпаюсь и выгляжу как самый непримечательный человек,— объяснил я.— Но обладаю способностью посмотреть поближе на нужную нам лабораторию. Мы посещаем город, и я иду в разведку. Потом решаю, что необходимо для успешного выполнения работы, вы снова погружаете меня в сон и обеспечиваете всем, о чем я вас прошу. Я проворачиваю это дельце, мы забираем нашу добычу в какое-нибудь симпатичное и совершенно безопасное место, вы проводите лечение — радиация и

все такое,— и я могу прожить остаток своих дней как относительно нормальный человек. А если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится, я всегда буду готов прийти к вам на помощь».

Он улыбнулся и сказал, подходя к бару и доставая коньяк и похожие на шары бокалы:

«Стабилизация твоего состояния для меня достаточная награда. Думаю, мы оба узнаем много нового».

«Я пью за это»,— сказал я и понюхал напиток.

«За смятение в рядах наших врагов»,— произнес Рудо.

Итак, мы придумали мне внешность, и я объяснил ему, какой парапсихологической способностью хочу обладать. Рудо занялся приготовлениями к Dauerschlaf, в который собирался меня погрузить. Мы решили добраться до Лейми, штат Нью-Мексико, на поезде; через бюро путешествий Рудо организовал все так, что нас должны были встретить на станции и прислать для вещей пикап. Это потому, что я был частью багажа. Мы посчитали, что наша задача будет несколько облегчена, если я просплю всю дорогу в обитом мягкой тканью ящике. Кроме того, нам был заказан номер в гостинице «Ла Фонда» в Санта-Фе.

Так что никаких впечатлений от нашего путешествия на поезде у меня не осталось. Я заснул в квартире Рудо и проснулся в упаковочном ящике в номере отеля в Санта-Фе. Быть багажом не очень-то приятно. У меня затекло все тело, сквозь щели пробивался скудный свет. Крышка была по-прежнему надежно приколочена гвоздями — как мы и договорились,— чтобы никакой излишне любопытной горничной не пришло в голову заглянуть внутрь и решить, что симпатяга доктор возит за собой труп в качестве одного из мест багажа. Я некоторое время прислушивался — об этом мы тоже договорились заранее,— но не услышал никаких голосов. Тогда я постучал по ближайшей стенке, надеясь привлечь внимание Рудо, если он в комнате. Ответа не последовало. Поскольку я не чувствовал никакого движения, значит, мы уже не в дороге. Да и свет говорил о том, что я больше не в грузовом вагоне. Поэтому я пришел к выводу, что нахожусь либо на

железнодорожной платформе, либо в вестибюле, откуда меня должны доставить в номер, или в самом номере, а Рудо вышел куда-то по делам. Для платформы или вестибюля было слишком тихо. Поэтому...

Заняв более удобное положение, я вытянул вверх руки, нащупал крышку и начал толкать ее. Заскрипели гвозди, внутрь проник свет. Крышка начала поддаваться справа, потом сдвинулись стенки у меня под ногами и над головой, и в конце концов гвозди вылетели. Я сделал глубокий вдох и поднялся на ноги, все еще не очень уверенно. Я был обнажен, поскольку изменение внешнего вида всегда портит одежду. Однако в моем чемодане имелось все необходимое, купленное с расчетом на новое тело; оглядевшись по сторонам, я заметил чемодан в шкафу на полке.

Я выбрался из ящика и отправился в ванную, где принял душ. Когда я брился, из зеркала на меня смотрел темноволосый, темноглазый мужчина, среднего роста, среднего телосложения. Я закончил приводить себя в порядок, вернулся в комнату, открыл чемодан и достал одежду.

Одевшись, я спустился вниз в вестибюль, отделанный в испанском стиле. И быстро нашел бар, где стояли столики, за которыми ели какие-то люди. Именно это мне и требовалось — еда. Я всегда просыпаюсь, испытывая жесточайший голод. Но сначала я вышел на несколько минут на улицу. Вокруг стояло множество жилых домов, а слева был разбит небольшой парк; справа я заметил собор. Я решил, что пойду прогуляться чуть позже и все как следует осмотрю. Солнце, которое, собственно, меня и интересовало, недавно прошло зенит; не зная, где у них запад, а где восток, я не мог определить точное время. Но в любом случае — самая подходящая пора для ленча, а впереди еще целый день.

Я вернулся в гостиницу и отправился в бар. Нашел столик и занялся изучением меню. Несколько названий показались мне незнакомыми, поэтому я решил заказать все, а уж потом разбираться с тем, что принесут. По дороге в

бар я купил в вестибюле несколько газет. Я всегда так делаю, когда просыпаюсь; необходимо ведь знать, что произошло в мире, пока ты спал.

Мне подали несколько весьма интересных блюд с гарниром из пережаренного риса и бобов, я сидел, читал газеты и ждал, когда придет время десертов, и тут появился Рудо в белом костюме, роскошной спортивной рубашке и с фотоаппаратом на плече. Меня нисколько не удивило, что он прошел мимо и направился прямо к стойке бара. Если внешность меняется каждый раз, когда засыпаешь, приходится привыкать к тому, что друзья и знакомые вдруг перестают тебя замечать.

Я привлек его внимание, когда он повернулся,— поднял руку и кивнул.

«А, знаменитый доктор Рудо»,— сказал я, изобразив легкий немецкий акцент.

Он удивился, прищурился, подошел, держа в руке свой стакан, и, нахмурившись, сказал:

«Боюсь, я не помню...»

Я встал, протянул ему руку и представился: «Мейерхофф.— Иногда я обожаю разыгрывать людей.— Карл Мейерхофф. Мы встречались перед войной. В Вене или Цюрихе? Вы занимались исследованиями долгого сна, так, кажется? Потрясающе интересная штука. У вас ведь тогда были какие-то неприятности, насколько я помню. Надеюсь, теперь все в порядке?»

Он быстро огляделся по сторонам, а я снова сел на стул. Сколько времени еще я смогу его дурачить? Если удастся продержаться несколько минут, это будет просто здорово. Только бы он не перешел на другой язык... Рудо взял стул, стоявший возле столика, за которым я завтракал, и быстро уселся.

«Мейерхофф...— сказал он.— Я все пытаюсь вспомнить... Вы медик?»

«Хирург,— ответил я, решив, что это достаточно далекая от психиатрии область и он не поймает меня, сказав что-нибудь узкопрофессиональное.— Пришлось поменять

обстановку, когда дела пошли плохо»,— с загадочным видом проговорил я.

«Мне тоже повезло в этом отношении,— кивнул Рудо.— Так вы практикуете здесь, на юго-западе?»

«В Калифорнии,— ответил я.— Возвращаюсь с конференции. Остановился здесь, чтобы полюбоваться на достопримечательности. А вы?»

«Я работаю в Нью-Йорке,— сказал он.— И тоже тут отдыхаю. Потрясающие места и свет такой дивный — ужасно хочется взять в руки кисти. Мы с вами встречались на конференции или в какой-нибудь больнице?»

«Я присутствовал на вашей лекции про лечение долгим сном,— мотнув головой, сказал я.— А потом была вечеринка. Мы обсуждали проблемы...»

Я специально замолчал на полуслове: мои слова о проблемах можно было трактовать самыми разными способами — друзья, коллеги, семья, европейская политика. Его реакция показалась несколько странной, и мне хотелось послушать, что он скажет. А если ответ прозвучит уклончиво... что ж, это тоже интересно.

«В те времена на подобные изыскания смотрели несколько иначе,— вздохнув, сказал Рудо.— Я имею в виду, там, откуда я родом. Ну, а первый этап любой разработки всегда основывается на экспериментах».

«Конечно»,— глубокомысленно изрек я.

«А когда вы уехали?»

«В 1944-м. Пробыл недолго в Аргентине, потом вернулся сюда. Правительство тогда претворяло в жизнь один из своих многочисленных проектов».

«Да, правительства могут быть щедрыми, когда им нужно что-нибудь получить.— Рудо поднял стакан, сделал глоток, а потом засмеялся, и я вместе с ним.— По счастью, мне не пришлось пройти этот путь,— продолжал он.— Часть моего прошлого умерла во время бомбежек и пожаров, когда погибли документы и архивы,— по крайней мере, так я думаю.— Он сделал еще глоток.— Вы остановились здесь, в отеле?»

«Да»,— ответил я.

«Давайте пообедаем вместе. Не возражаете, если мы встретимся в вестибюле... ну, скажем, в семь?»

«С удовольствием».

Он уже встал, когда к нашему столику подошла официантка и принесла десерты и счет. Я взял счет и спросил ее:

«Могу я это подписать?»

«Да,— ответила она,— только не забудьте указать, в каком номере вы остановились».

«В 208-м»,— сказал я и взял ручку, которую она мне протянула.

Рудо замер на месте, оглянулся, принялся меня рассматривать.

«Кройд...» — выдохнул он, а я только улыбнулся.

На его лице отразилась целая гамма чувств, а потом он нахмурился. Снова уселся на стул и наклонился вперед.

«Это было совсем не смешно,— заявил он.— Терпеть не могу подобные развлечения».

«Когда у тебя появляется такая возможность каждый раз, как ты просыпаешься, не грех и повеселиться»,— проговорил я.

«Мне совсем не весело».

«Извините,— сказал я и набросился на пирог с ягодами.— Просто я хотел немножко пошутить».

Рудо удалось убедить меня, что у него совершенно отсутствует чувство юмора. Впрочем, через несколько минут он сменил гнев на милость, особенно после того, как увидел, с каким удовольствием я поглощаю десерты.

«Я нашел контору, где мы получим гостевые пропуска в Лос-Аламос,— сказал Рудо.— Она тут неподалеку. Наши имена должны быть в списке приглашенных посетителей. Нужны фотографии. Сегодня днем займемся этим».

«Хорошо. А как вам удалось внести нас в список?»

«Мой человек в Лос-Аламосе сообщил, что ждет нас в гости».

«Удобно,— прокомментировал я.— Как давно мы приехали в город?»

«Сюда? Сегодня пятый день. Я хотел, чтобы на этот раз ты проспал как можно меньше. Пару дней у меня в квартире и еще время, что мы были в пути».

«Я обратил внимание на число.— Кивнув, я показал на стопку газет.— А как далеко отсюда до Лос-Аламоса?»

«Около тридцати пяти или сорока миль к северу,— ответил Рудо,— это в горах. Я взял напрокат машину».

После ленча мы отправились прогуляться, и Рудо потащил меня куда-то налево. То место, где, по моим представлениям, был парк, оказалось площадью. Мы обошли ее по кругу и остановились, чтобы полюбоваться произведениями местных ремесленников-индейцев, разложенными на одеялах недалеко от входа в Губернаторский дворец. Масса изделий из серебра, мне на глаза попалось несколько очень красивых горшков. Я купил bola*, который не понравился Рудо, и нес его в руках.

Он подвел меня к небольшому зданию, стоящему неподалеку, мы вошли в маленькую дверь и тут же оказались в приемной, где за столом сидела женщина.

«Здравствуйте,— сказал Рудо.— Меня зовут Иван Карамазов, а это Кройд Кренсон. Нам сказали, что здесь мы можем получить гостевые пропуска в Лос-Аламос».

«Подождите, я проверю список,— проговорила женщина, открыла ящик стола и вытащила оттуда стопку бумаг, сцепленных скрепкой. Она что-то тихонечко напевала себе под нос, когда просматривала бумаги.— Да. Все в порядке, ваши имена в списке есть».

Она передала нам какие-то бумаги, которые мы должны были заполнить, и сказала, что нам необходимо сфотографироваться. Сообщила, что пропуска будут готовы чуть позже или мы можем забрать их утром, поскольку в путь отправимся только на следующий день. После этого мы немного погуляли, а потом решили покататься. Ослепительно яркие, поразительные места. Исполинские горы.

---

* Мяч или шар *(исп.)*.

Маленький городок. Тихо. Мне понравилось. С удовольствием провел бы там парочку недель.

Когда стемнело, мы вернулись в отель, не спеша пообедали, выпили несколько бутылочек вина. Потом поднялись к себе в номер и еще немного поговорили. Рудо позевывал, сказал что-то про высоту над уровнем моря и отправился спать. Я же снова вышел на улицу и всю ночь бродил по городу и окрестностям. В ночных прогулках есть нечто особенное — когда кругом тихо, жизнь течет медленно, едва заметно... Я это очень люблю.

Я выбрался из города, и меня окутала тишина и почти непроглядный мрак. Сидя на склоне холма, прислушиваясь к стрекотанию насекомых и глядя на звезды, я вдруг понял, что счастлив. Мне больше не нужно принимать наркотики, я не боялся заснуть и проснуться черт знает в каком виде, очень скоро я должен был стать совершенно нормальным, почти таким, как все. Мне хотелось петь, ликовать... Но я сидел, смотрел на звезды, наслаждался ночной тишиной и чувствовал себя просто восхитительно.

Утром я вернулся в город, снова прошел по улицам, наблюдая за тем, как просыпаются жители. В первом открытом кафе, попавшемся на глаза, позавтракал. Потом стал ждать, когда встанет Рудо. После того как он привел себя в порядок, мы спустились вниз и поели. Не спеша пили кофе, пока не открылось бюро, где надо было получить пропуска.

Мы забрали бумаги и направились к машине, Рудо сел за руль. Вскоре мы оказались на Таосском шоссе и поехали на север в сторону Испанской долины. По пути миновали огромную скалу в форме верблюда — она осталась немного левее. Ярко светило солнце, по обе стороны от шоссе высились горы.

Через некоторое время Рудо отыскал дорогу, которая сворачивала налево, а потом взбиралась вверх по оранжевым скалам. Мы поднимались все выше и выше, и я заметил, что дорога не огорожена. Нашим глазам открылись потрясающие картины — свалиться отсюда было бы

весьма неприятно. Множество сосен, громадные валуны и крутые холмы. Впрочем, Рудо был осторожным водителем.

Прошло довольно много времени, дорога несколько выровнялась, и вскоре мы уже ехали по долине. Чуть позже мы увидели военного вида ворота в ограде из колючей проволоки, выходящие прямо на дорогу. По обе стороны стояло по танку. Мы сбросили скорость и вскоре притормозили у ворот. К нам подошел один из охранников, и мы показали ему наши пропуска. Он проверил фотографии, удовлетворился результатами, открыл ворота, позволил нам проехать внутрь, а потом приказал остановиться. Затем позвонил по телефону и сказал, что наш приятель скоро прибудет и проводит нас в гостиницу.

Минут через десять на дороге появилась машина. Водитель вышел, чтобы поздороваться с Рудо, и назвал его «Карамазов», когда они пожимали друг другу руки. Он был высоким, бледным, светловолосым парнем. Звали его Скотт Свенсон. Он похлопал меня по плечу, когда Рудо нас познакомил, и предложил сесть в его машину, а Рудо следовал за нами.

У въезда в город, справа, я заметил небольшой аэропорт. Как раз в этот момент Скотт махнул рукой налево и сказал: «Смотрите вон туда».

Я посмотрел и на другой стороне каньона на плоской вершине холма увидел несколько деревянных зеленых строений, окруженных колючей проволокой. У ворот стояли вооруженные охранники. Дальше, там, где кончался каньон, открывалась ровная дорога, по которой можно было подобраться к строениям.

«Не очень впечатляет с точки зрения архитектуры, правда?» — сказал Скотт.

«Работа есть работа»,— пожав плечами, ответил я.

«Верно,— согласился он.— Абсолютно точно. То, что вас интересует, находится на участке ДП».

«Не могли бы вы перевести это на нормальный язык?» — попросил я.

«Дейтерий* и плутоний,— ответил он.— Один используется для получения другого. Все проделывают там, за забором. Насколько я понимаю, вам нужен плутоний. Достать его непросто».

«А как он выглядит? — спросил я.— Большие бруски? Куски угля?»

«Не-е,— протянул Скотт и фыркнул.— Его производят совсем крошечными количествами — несколько капель на дне флакона. Можно свистнуть один из маленьких серых контейнеров и засунуть его в карман».

«По-вашему, украсть плутоний ничего не стоит»,— заявил я.

«Мне говорили, что вы парень крепкий,— сказал Скотт и рассмеялся.— Можете без проблем прорваться через ограду с колючей проволокой, справиться с охраной, залезть в хранилище и прихватить парочку контейнеров с плутонием».

«Забавно, я как раз именно об этом только что подумал».

«Ничего не выйдет,— объявил Скотт.— Вы, возможно, все это сделаете, только вам не удастся сбежать с добычей. Если вы решите уйти из города этой дорогой, вас остановят у ворот. А та часть города, что не огорожена, выходит прямо на дикую местность, за которой следят конные патрули с собаками. Но представим себе, что каким-то образом вы отделаетесь от охраны. Вы окажетесь достаточно далеко от любого средства передвижения, которое сможет быстро увезти вас из этих мест. Почти сразу будет организована погоня — широкомасштабная. Не несколько охранников, а большие наземные отряды и вертолеты; вам придется противостоять хорошо обученным военным с современным снаряжением. Даже если вы и останетесь в живых после нескольких перестрелок, выбраться отсюда в целости и сохранности нечего и мечтать.

* Дейтерий — тяжелый водород, стабильный изотоп водорода с массовым числом 2.

Впрочем, вы, по всей вероятности, станете мировой знаменитостью».

«Насколько мне известно, представители местной службы безопасности достаточно серьезно относятся к своим обязанностям,— сказал я.— Но я не собираюсь ни с кем вступать в противоборство и покину ваш город только с тем, с чем сюда прибыл».

«Вы нашли другой способ?»

«Намерен найти».

«Ну, я сам из службы безопасности, но понятия не имею, как еще можно провернуть это дельце».

«Довезите меня до гостиницы. А об остальном я позабочусь сам».

«И уедете утром, без плутония, чтобы придумать, как до него добраться?»

«В некотором смысле».

«Знаете, меня восхищает ваша уверенность,— сказал Скотт, рассмеявшись и похлопав меня по плечу.— А еще мне страшно интересно, что вы предпримете».

Я ведь ничего про Свенсона не знал, он мог вести свою собственную игру с Рудо. Например, решил, что было бы неплохо, если бы тот привез с собой взломщика-туза — хитроумный способ проверить надежность системы безопасности. Мне было неизвестно, какие их связывали отношения. Впрочем, даже если он и был на нашей стороне, чем меньше народа в курсе твоих дел, тем лучше.

Неожиданно я подумал о том, какие неприятности могут ждать тузов и джокеров, если я допущу ошибку и меня поймают.

«Позже узнаете»,— успокоил я Скотта, улыбнулся и тоже хлопнул его по плечу.

А вскоре мы прибыли в «Фулер Лодж». Рудо остановил свою машину рядом с нашей.

«Я зайду с вами,— проговорил Скотт.— Хочу убедиться, что вас поселят без проблем».

«Спасибо,— поблагодарил я его, и мы выбрались из машин.— Позавтракаете с нами?»

«Я уже поел,— ответил Скотт,— к тому же мне пора возвращаться на работу. Знаете что, я зайду за вами около половины седьмого, и мы вместе пообедаем».

«Прекрасно»,— заявил я, а Рудо только кивнул, и мы направились к гостинице.

«Есть ли какие-нибудь ограничения... ну, если я захочу пойти прогуляться?» — спросил я.

«Нет,— ответил Скотт,— у вас на руках необходимые бумаги, позволяющие вам здесь находиться. Гуляйте. Идите куда хотите. Если вы подойдете слишком близко к какому-нибудь секретному объекту, вас предупредят. Да, и еще: фотографировать запрещено».

«У меня даже и фотоаппарата с собой нет,— сказал я.— А как люди на секретных объектах узнают, что мне туда нельзя?»

«Чтобы войти на такую территорию, нужно иметь специальный значок,— пояснил Скотт.— Если бы я попытался вам его достать, то мог бы засветиться. Прошу меня извинить. Я должен оставаться в стороне. В этом деле нельзя наследить».

«Все в порядке»,— успокоил я его.

Мы вошли в гостиницу, нам выделили номер, и Скотт с нами попрощался. Мы же отправились в свою комнату и привели себя в порядок. А потом поспешили в кафе, время ленча уже подходило к концу. На стене, справа от входа, висела газетная вырезка в рамке. Забавно, но я подошел к ней и прочитал. На фотографии был изображен ученый по имени Клаус Фукс, который когда-то здесь работал. Я вспомнил: в прошлом году газеты много трубили о том, что Фукс передал секрет водородной бомбы советскому агенту — «для соблюдения интересов мира»,— как он сам сказал; их встреча состоялась в Санта-Фе, на мосту Кастильо, по которому я проходил накануне ночью, когда гулял по городу.

Я читал статью и вспоминал историю Фукса. Внизу, под статьей, красной шариковой ручкой было написано: «Безопасность — дело каждого», и стояла подпись Скотта Свенсона. Я попытался представить себе, каким образом соблюдение этого правила могло бы помешать мистеру Фуксу, но у меня ничего не вышло. Интересно, может быть, и про меня напишут такую же статью, а потом повесят рядом на стене?

После напряженного ленча я потянулся и сказал Рудо, что, пожалуй, пойду поброжу по городку.

«Я с тобой»,— заявил он.

«Вы этого совсем не хотите,— проговорил я, применяя в первый раз свой новый дар.— Вы с удовольствием приляжете и вздремнете, поскольку ужасно устали».

«Ты прав,— отозвался Рудо, который тут же начал зевать.— Я действительно устал. С радостью вернусь в номер и посплю».

«Давайте,— приказал я.— Идите сейчас же».

Рудо поднялся на ноги.

«Желаю тебе хорошо погулять»,— произнес он и поспешил уйти из кафе. А я вышел на улицу и сделал глубокий вдох. Погода для прогулки была просто отличная, и вскоре я оказался на дороге, которая, огибая каньон, в конце концов заканчивалась у ворот сектора ДП. Когда я к ним приблизился, с другой стороны сразу же возникло два охранника.

«Эй, приятель! — крикнул один из них.— Сюда нельзя, если только у тебя нет разрешения».

«У меня есть разрешение,— сказал я ему.— Я генерал — три звезды. Вот сейчас вы их ясно видите. А вот мой значок и пропуск. Я прибыл сюда для специальной инспекции. Вы откроете для меня ворота, чтобы я мог войти».

«Минутку, сэр,— сказал тот, что стоял ко мне ближе.— Извините, сэр, что я вас не узнал. Вам в спину светит солнце...— Он поспешил распахнуть ворота, а потом доложил: — Журнал регистраций в первом здании, сэр».

«В таком случае отведите меня туда».

Я пошел вслед за охранником и посмотрел на бумаги, которые он положил передо мной на стол. Я некоторое время сражался с искушением написать там имя Свенсона, но мне не хотелось доставлять ему неприятности толь-

ко затем, чтобы просто повеселиться. Прикоснувшись ручкой к листку бумаги, я вернул ее охраннику.

«Вот моя подпись. Ты видел, как я ее поставил».

«Да, сэр,— ответил он.— Благодарю вас. Что вы хотите проинспектировать, сэр?»

«Место, где хранится плутоний,— ответил я.— Проведи меня».

«Сюда, пожалуйста, сэр».

Он открыл дверь, проследовал за мной на улицу и подвел к другому, внешне точно такому же зеленому строению. Мимо проходили еще двое охранников, которые с удивлением посмотрели в нашу сторону. Но, по всей видимости, решили, что все в порядке, поскольку я шел не один, и отправились дальше по своим делам. Однако я крикнул им вслед:

«Я провожу специальную инспекцию. И хочу, чтобы вы сопровождали нас в сектор, где хранится плутоний».

Они послушно повернули за нами в здание, а там первый охранник подвел меня к полке, на которой стояло несколько маленьких серых контейнеров.

«Это плутоний?» — спросил я его.

«Да, сэр»,— ответил он.

Я долго и внимательно изучал контейнеры — размер, форму, какие они на ощупь... Протянул руку, взял один, немного подержал, снова положил на место. Потом старательно вытер его платком и кивнул.

«Все в порядке,— объявил я.— Уходим».

Мы покинули склад, и я на минутку задержался, чтобы как следует его рассмотреть, а заодно и то, как он расположен относительно других строений.

«Хорошо,— заявил я наконец,— инспекция закончена. Вы, ребята, отлично делаете свое дело. Сейчас я подпишу все бумаги и пойду домой».

Я вернулся в первое здание, где снова как будто расписался в их журнале. Потом заставил их всех дойти со мной до ворот.

«Эта инспекция была настолько секретной,— сказал я им,— что вы немедленно о ней забудете. Как только ворота за мной закроются, я выйду на дорогу. А когда я скроюсь из виду, вы не будете помнить, что когда-либо меня видели. Меня здесь не было, и никакой инспекции тоже не было. Открывайте».

Они распахнули ворота, и я вернулся в гостиницу. Купил кое-какие журналы и принялся их читать, пока Рудо спал. Чуть позже шести я разбудил его и сказал, что пора одеваться к обеду. Он послушно встал, а вскоре появился и Свенсон, который оказался человеком пунктуальным.

Мы прекрасно провели время. Свенсон много шутил, причем я не слышал этих шуток раньше и поэтому прохохотал весь десерт. Когда мы пили кофе, он, как бы между прочим, сказал:

«Видимо, вы скоро займетесь решением своей задачи. Желаю успеха».

«Дело сделано,— ответил я.— Я знаю все, что нужно. Спасибо».

«А как вам это удалось?» — удивленно посмотрев на меня, спросил он.

«Оказалось даже проще, чем можно было подумать. Утром мы уезжаем».

«Не знаю, верить вам или нет»,— покачав головой, пробормотал Свенсон, а я улыбнулся:

«Это не имеет никакого значения. Ровным счетом никакого».

На следующее утро мы уехали и поспели в «Ла Фонда» к ленчу. Я объяснил Рудо, что должен представлять, где находится и как выглядит предмет, чтобы иметь возможность его телепортировать, и что теперь владею необходимой информацией. Я только должен приобрести способность телепортировать то, что захочу. Не в минимальной степени, как тогда, когда я вошел в его кабинет и некоторое время удерживал воду при помощи своего сознания, а что-нибудь понадежнее и действующее на более солидные расстояния. Однажды в прошлом у меня такой дар уже был. Рудо не сомневался, что это можно

будет сделать во время очередного сеанса лечебного сна. В конце концов, у него уже был в этих делах опыт — с Богартом, например, да и сейчас, когда он сумел, пока я спал, наделить меня способностью к гипнозу. Поэтому он сказал:

«Пара пустяков, тут у нас не возникнет проблем».

И мы, хорошенько пообедав, ушли в номер.

Только одно мне показалось тогда странным. Когда Рудо открыл ящик стола, чтобы достать свой чемоданчик с медикаментами, где он хранил все необходимое для Dauerschlaf, я мельком увидел большую фотографию. Я мог бы поклясться, что это был Клаус Фукс.

Так вот, следуя его указаниям, я растянулся на кровати, и он ввел мне первую порцию наркотиков. Когда мир вокруг меня закружился в безумном танце, я понял, что счастлив. Рудо что-то тихо говорил мне. Его голос звучал где-то далеко...

Однако на этот раз все было иначе. Я, как и обычно, погрузился в долгую, бесконечную ночь. А потом неожиданно проснулся, что-то сделал и снова провалился в сон, но перед глазами у меня почему-то плясали образы серых контейнеров.

Когда я пробудился на самом деле, мне пришлось пережить сильное потрясение. Кто-то вцепился мне в плечо, тряс меня и страшно орал.

«А ну-ка просыпайся, ублюдок! Ты арестован!» — вопил огромный тип в форме, в то время как я пытался открыть глаза.

Я застонал и сказал:

«Ладно! Ладно! А что происходит?»

Меня грубо поставили на ноги; им пришлось меня поддерживать, я все еще не до конца пришел в себя. Тут я увидел еще одного полицейского — гораздо меньше ростом, с бородой,— который стоял возле туалетного столика и держал в руке серый контейнер из сектора ДП. Еще один лежал на столике.

«...Тут даже этикетка наклеена, что это собственность лаборатории»,— говорил он.

«Давай одевайся, Фукс,— или ты Кренсон? — приказал мне тот, что был побольше.— Теперь ты себе такое имя выбрал? Имей в виду: если ты хоть пальцем пошевелишь, я могу очень разнервничаться». Он выразительно постучал по своему пистолету.

«Я даже дышать не буду»,— заверил я его и похлопал по карману брюк, чтобы проверить, лежит ли там бумажник, не сбежал ли Рудо, прихватив с собой мои деньги; у меня их было немало, и я хотел, чтобы они оставались под рукой.

«А за что вы меня арестовываете?» — поинтересовался я.

«Если ты этого не знаешь, значит, ты глупее, чем кажешься»,— ответил громила.

«А вы все равно скажите,— попросил я.— Ладно? Кто вам сообщил о том, что я что-то там сделал?»

«Нам позвонили по телефону и сказали, что ты здесь,— пожав плечами, объяснил он.— Звонивший не назвал своего имени. Мы задержим тебя до прибытия следователя из ФБР. Утром тебя заберут из Альбукерке».

За окном было темно. Я услышал, как по улице проехала машина. Мне позволили надеть носки и ботинки, а потом нацепили на меня наручники. Я же все пытался понять, что произошло. Получалось, что Рудо меня подставил. Он удерживал контроль надо мной при помощи гипноза — может быть, воспользовался постгипнотическим внушением,— когда я пробудился после Dauerschlaf. А потом приказал телепортировать сюда контейнеры с плутонием, как и было нами запланировано. Потом он снова усыпил меня, оставил на самом видном месте свидетельство моего преступления, а сам сбежал и позвонил в полицию. Я не мог понять только одного — почему он это сделал? Однако мне не требовалось никаких дополнительных доказательств его намерений — или извращенного чувства юмора: когда полицейские выталкивали меня из комнаты, я успел бросить взгляд в зеркало. Я был как две капли воды похож на Клауса Фукса. Безопасность — дело каждого...

В участок меня отвезли на машине, хотя он находился всего в двух кварталах. Там я отдал свой бумажник — полицейские поклялись, что сохранят его для меня. Я уже успел выяснить, когда протягивал бумажник, что все деньги были на месте. Будет жаль, если их там не окажется, когда я соберусь отсюда выйти. Меня отвели в камеру и заперли дверь. Я мог бы сбежать по дороге в участок или когда они меня закрывали. Но я еще не совсем пришел в себя и хотел немного обдумать сложившуюся ситуацию.

Поэтому я только запомнил, какой ключ на связке отпирает мою дверь. Когда охранник отвернулся, я тут же схватил ключ при помощи своего сознания, телепортировал его себе в правую руку, а потом убрал в карман. После этого уселся на койку. Мне доводилось бывать в тюрьмах и получше этой; впрочем, хуже тоже встречались. По крайней мере, я знал, где она расположена относительно всего остального в этом районе,— помогла та ночная прогулка. В побеге нет никакого смысла, если не знаешь, что намерен делать и куда идти.

Примерно минут через двадцать я принял решение. Встал с койки, отпер дверь, вышел наружу и закрыл ее за собой. Миновал небольшую комнатенку, из которой доносился стук пишущей машинки — зачем нарываться на неприятности,— и прошел дальше по коридору. Вскоре я увидел двух полицейских. Один пил кофе, а другой разговаривал с кем-то по телефону. Я спрятался за дверью и подождал, пока он не положит трубку. Сейф, в который засунули мой бумажник, был старого образца, Бентли учил меня открывать такие на ощупь.

Я ворвался в комнату, когда услышал, что телефонная трубка легла на место. Каждому полицейскому досталось по одному точно рассчитанному удару — в следующее мгновение оба потеряли сознание. После этого я посадил их так, чтобы складывалось впечатление, будто они дремлют. Старый сейф оказался не таким простым, как на первый взгляд, и я некоторое время с ним провозился — больше, чем планировал. Мне не хотелось тратить на него еще минут пять или десять, поэтому я уперся в

него рукой и ногой и потянул. Оторвать дверцу мне не удалось, но она достаточно погнулась, так что я смог засунуть внутрь руку и вытащить свой бумажник. Положив его в карман, я вышел на улицу и повернул направо, на Вашингтон-авеню.

Некоторое время я просто шагал вперед, потом у дороги на Гайд-парк выбрался на дорожку, которая уходила наверх, в горы. Я знал, что рано или поздно она приведет меня в Национальный лес, а там я отыщу место, где спрячусь до утра. Именно так я и поступил.

Кройд встал, потянулся, сходил к холодильнику, вернулся с двумя банками пива. Поставив одну перед Ханной, раздавил мошку.

— Конец истории,— объявил он.— Если не считать индейца-туза, которого я недавно встретил и который мог изменять рисунки на коврах на те, что пользовались лучшим спросом,— он всего-навсего проводил рукой над поверхностью. Мне удалось сбежать... Ну а теперь могу я угостить вас чем-нибудь?

— Да, вот теперь меня мучает жажда,— ответила Ханна, протянув руку к банке с пивом, которую Кройд для нее откупорил.— А как вы сумели выбраться из города?

— Целую неделю я питался съедобными корнями и тем, что оставалось после пикника. Потом, отрастив короткую бороду и нацепив солнечные очки, которые случайно нашел в лесу, я рискнул вернуться в город, купил побольше еды и снова отправился в лес. Так и жил, пока не почувствовал, что скоро засну. Тогда я устроился в пещере, которую заранее нашел и подготовил. Проснувшись несколько недель спустя, обнаружил, что превратился в высокого стройного блондина, обладающего способностью разговаривать на ультразвуковом уровне; в зависимости от того, как громко и долго я говорил, люди теряли сознание или просто чувствовали себя неуютно. Я снова пошел в город, потом поехал в Лейми и на поезде добрался до Нью-Йорка.

— А Рудо? — спросила Ханна, сделав маленький глоток пива.— Вы с ним больше не встречались?

— Встречались,— сказал Кройд.— Я забрался в дом, где он жил, взломал замок в его квартиру и стал ждать.

— И что?

— Он, естественно, меня не узнал. Увидев, страшно удивился и сказал: «Если это ограбление, забирайте все, что пожелаете. Мне неприятности ни к чему».

Я схватил его за рубашку и потянул к себе, пока его лицо не оказалось в дюйме от моего. Сначала я собирался его прикончить, а потом решил, что дело того не стоит. Может быть, он кому-то и в самом деле помогает.

«Это я, Кройд Кренсон,— сообщил я ему, и, видимо, он испугался, что я его убью, потому что страшно побледнел. Но я только спросил: — Скажи, зачем ты это сделал? Зачем ты меня подставил?»

Мне кажется, он посчитал, что ему нечего терять, раз уж смерть за ним пришла. Поэтому он оскалился и заявил:

«Ты генетический мусор, ты и все остальные! Я ненавижу вас за то, что вы сделали с человечеством! Я хотел навлечь на всех вас позор — публичный позор, настоящий! Впрочем, тебе повезло».

Тогда я хорошенько ему врезал, два раза, разбил губу. Потом швырнул на диван и вытер платком кровь с руки, но она продолжала течь, и я сообразил, что разбил косточку о зубы.

«Сейчас я тебя убивать не стану,— сказал я Рудо.— Но когда-нибудь... Кто знает?»

После этого я ушел, а через несколько дней узнал, что он переехал. Вот история о том, что причинило мне страдание, и о том, как получилось, что на джокеров и тузов свалились серьезные неприятности — немудрено, ведь вирус паранойи так и носится в воздухе.

— Спасибо,— поблагодарила Ханна, сделала последний глоток и выключила магнитофон, потом убрала его в футляр и засунула в сумку.

— Ну хорошо, с делами покончили,— сказал Кройд.— Может, пообедаем вместе?

Ханна надела сумку на плечо и направилась к двери.

— Извините,— сказала она,— но мне сегодня вечером нужно привести в порядок кучу записей, а рано утром я уезжаю.

— Вы имеете что-то против парней с хвостами? — спросил Кройд.

Ханна вынула из сумки складной зонтик и открыла его, а потом улыбнулась.

— Нет, Кройд,— ответила Ханна.— Но я попридержу свой при себе. До свидания.

Она повернулась и вышла на улицу, где моросил мелкий дождик.

Кройд долго стоял на пороге и смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду. А потом вернулся в пустой бар.

— Ну-ка, сыграй мне, Сэм,— тихо проговорил он, и выстроившиеся в ряд бокалы тихонько запели. Именно в этот момент налетела туча мух. Отчаянно ругаясь, Кройд принялся их давить, и их жужжание вскоре подхватило мотив популярной песенки.

Автодьявол

Мёрдок мчался по Великой западной дорожной равнине.

Высоко над ним солнце плясало, как огненная погремушка, пока он брал бесчисленные подъемы на скорости более ста шестидесяти миль в час. Он не притормаживал, что бы там ни было впереди, но сенсоры Дженни замечали все камни и выбоины заранее, и она тщательно избегала их, так что иной раз он даже не замечал легчайшего поворота рулевого колеса.

Хотя ветровое стекло было затенено и он надел дорожные очки, блеск оплавленной равнины обжигал глаза, и по временам ему мерещилось, что он ночью ведет быстроходный катер под ярчайшей луной иных небес по озеру серебряного огня. Позади него вздымались огромные волны пыли, повисали в воздухе, потом медленно оседали.

— Ты выматываешь себя,— сказало радио.— Изо всех сил стискиваешь баранку, напрягаешь глаза. Почему бы тебе не отдохнуть? Разреши, я затемню стекла. Поспи, а я справлюсь сама.

— Нет,— сказал он.— Я так хочу.

— Ладно,— сказала Дженни.— Я просто спросила.

— Спасибо.

Минуту спустя из радио полилась музыка — струнная, вкрадчивая.

— Прекрати!

— Прошу прощения. Просто подумала, что это тебя расслабит.

— Когда мне понадобится расслабиться, я тебе скажу сам.

— Учту, Сэм. Извини.

После этого краткого разговора тишина стала угнетающей. Как-никак, Дженни была отличной машиной, и Мёрдок это знал. Ее всегда заботило, как он себя чувствует, и она была готова всячески содействовать его поискам.

Внешне ей придали вид беззаботной легковушки, ярко-красной, шикарной, быстрой. Но под выпуклостями ее капота притаились ракеты, а под фарами были замаскированы два ствола пятидесятого калибра. Под шасси она носила пояс из гранат замедленного действия (пять и десять секунд), а в багажнике укрывался распылитель с горючей смесью.

...Ибо его Дженни была заказным «смертомобилем», который сконструировал для него архинженер династии Джемот далеко на востоке, и этот великий конструктор вложил в нее всю свою изобретательность.

— На этот раз мы его отыщем, Дженни,— сказал он.— И зря я на тебя рявкнул.

— Пустяки, Сэм,— ответил нежный голос.— Я запрограммирована понимать тебя.

Они с ревом неслись по Великой равнине, а солнце склонялось все дальше на запад. Всю ночь и весь день они вели поиски, и Мёрдок устал.

Последний форт «Заправься и отдохни» остался далеко позади в пространстве и словно бы во времени...

Мёрдок наклонился вперед, веки его сомкнулись.

Стекла постепенно потемнели до полной непрозрачности. Ремень безопасности осторожно скользнул повыше и оттянул его от баранки. Затем спинка медленно-медленно опустилась, укладывая его в горизонтальное положение. Ночь уже почти наступила, и включился обогреватель.

Незадолго до пяти утра сиденье разбудило его, слегка встряхнув.

— Проснись, Сэм! Проснись!

— Что такое? — пробурчал он.

— Двадцать минут назад я поймала радиопередачу. Недавно в этом направлении произошел автомобильный налет. Я тут же повернула, и мы уже почти на месте.

— Почему ты меня сразу не разбудила?

— Лишние минуты сна тебе не помешали, и ведь ты ничего сделать не мог бы. Только бы зря нервничал.

— Ладно, возможно, ты и права. Расскажи про налет.

— Вчера ночью шесть машин, видимо, попали в засаду, устроенную дикими авто. Патрульный вертолет докладывал с воздуха, а я слушала. Все машины были разобраны и высосаны, мозги их разбиты, пассажиры как будто все тоже убиты. В окрестностях никакого движения.

— Далеко еще?

— Минуты две-три.

Стекла вновь стали прозрачными, и Мёрдок вглядывался вперед в ночь, насколько пробивались лучи мощных фар.

— Я что-то вижу,— сказал он.

— Добрались,— сообщила Дженни и начала притормаживать.

Они остановились возле изуродованных машин. Ремень безопасности расстегнулся, дверца со стороны Мёрдока распахнулась.

— Сделай кружок, Дженни,— сказал он,— поищи тепловые следы. Я долго не задержусь.

Дверца захлопнулась, и Дженни отъехала. Он включил карманный фонарик и зашагал к погибшим машинам.

Великая равнина была точно усыпанный песком пол танцзала: твердые кристаллики похрустывали под его подошвами. Повсюду следы покрышек скользивших юзом машин и отпечатки протекторов, точно узор из вермишели.

За рулем первой машины сидел мертвец. У него была сломана шея. Разбитые часы на запястье показывали 2.45.

Шагах в тридцати в стороне лежали три трупа — две женщины и подросток. Их переехали колеса нападавших машин, когда они попытались убежать.

Мёрдок начал осматривать остальные машины. Все шесть лежали на днищах. Кузова были помяты. Со всех были сняты колеса, из моторов извлечены важные части. Баки вскрыты и осушены, из открытых багажников исчезли запаски. И ни одного живого пассажира.

Рядом с ним остановилась Дженни, ее дверца распахнулась.

— Сэм,— сказала она,— выдерни мозговые вводы у синей машины, третьей сзади. У нее еще осталась энергия в запасном аккумуляторе, и я слышу, как она радирует.

— Хорошо.

Мёрдок пошел назад и выдернул вводы, а потом вернулся к Дженни и сел за руль.

— Ты что-нибудь нашла?

— Кое-какие следы. Ведут на север.

— Поезжай по ним.

Дверца захлопнулась, и Дженни повернула на север. Потом она сказала:

— В этом конвое было восемь машин.

— Что-что?

— Только что сообщили. По-моему, две машины связались с дикими на неконтролируемой частоте. И договорились с ними. Сообщили свои координаты, а в момент нападения набросились на своих спутников.

— А пассажиры?

— Вероятно, их задушили выхлопными газами, перед тем как присоединиться к стае.

Мёрдок трясущимися руками закурил сигарету.

— Дженни, почему машины дичают? — спросил он.— Не знать заранее, где и когда ты заправишься, не быть уверенным, что найдешь запасные части для саморемонтного устройства.... Чего ради они идут на это?

— Не знаю, Сэм. Никогда над этим не задумывалась.

— Десять лет назад Автодьявол, их вожак, убил моего брата во время налета на бензофорт,— сказал Мёрдок.—

И с тех пор я охочусь за черным «кадиллаком». Я искал его с воздуха, обошел пешком все окрестности. Я использовал другие автомобили. Я брал с собой теплоискатель и ракеты. Я даже закладывал мины. Но всякий раз он оказывался быстрее, находчивее и сильнее меня. И тогда я заказал тебя.

— Я знала, как ты его ненавидишь. И хотела узнать причину,— заметила Дженни.

Мёрдок глубоко затянулся.

— По моим указаниям, тебя специально программировали, бронировали и вооружили, чтобы ты стала самой мощной, самой быстрой, самой умной из всех, снабженных колесами, Дженни. Ты — Алая Леди, ты — единственный автомобиль, способный справиться с Дьяволом и его стаей. У тебя есть клыки и когти, о каких они понятия не имеют. И на этот раз я с ними разделаюсь.

— Ты мог бы остаться дома, Сэм, и поручить мне охоту.

— Нет. Я знаю, что мог бы, но я хочу быть при этом. Я хочу отдавать распоряжения, может быть, самому нажать на кнопки, хочу своими глазами увидеть, как Автодьявол будет гореть, пока от него не останется только металлический остов. Сколько людей, сколько машин он уничтожил! Мы уже потеряли счет. Я должен с ним рассчитаться, Дженни!

— Я его отыщу для тебя, Сэм.

Они мчались со скоростью около двухсот миль в час.

— Как с бензином, Дженни?

— Полно, и я еще не включала дополнительные баки. Будь спокоен... След становится четче,— добавила она.

— Отлично. Оружие?

— В полной готовности.

Мёрдок раздавил окурок и закурил новую сигарету.

— Некоторые из них возят с собой мертвецов, прихваченных ремнями безопасности,— сказал он после паузы,— чтобы выглядеть порядочными машинами с пассажирами. Черный «кадиллак» постоянно это проделывает и постоянно их меняет. Держит кондиционер ниже нуля, чтобы они подольше сохранялись.

— Ты много о нем знаешь, Сэм.

— Он обманул моего брата фальшивыми пассажирами и фальшивыми номерами. Вынудил его открыть бензофорт таким способом. И тут напала вся стая. Он перекрашивался иногда в зеленый, красный, голубой и белый цвета, но рано или поздно вновь возвращался к своему — черному. Желтая, коричневая или двуцветная окраска ему не нравится. У меня есть список почти всех фальшивых номеров, которые он на себя навинчивал. Он даже въезжал по большим шоссе в города и заправлялся на обычных бензоколонках. И удирал, когда заправщик подходил за деньгами,— вот так и были записаны многие его номера. Но после таких заправок его никогда не удавалось поймать, потому что он всегда заливался по горловину. Он способен подделать десятки человеческих голосов. И он всегда возвращается сюда, на Равнину, и погоня теряет след...

Дженни резко повернула.

— Сэм! След очень четкий. Вон в том направлении. Он тянется к горам.

— Едем по нему,— распорядился Мёрдок.

Долгое время он молчал. Восток слегка посветлел. На синей доске неба у них за спиной побледневшая утренняя звезда казалась белой кнопкой. Начался пологий подъем.

— Найди его, Дженни. Доберись до него.

— Думаю, у нас получится,— ответила она.

Подъем стал круче. Дженни снова снизила скорость, приспосабливаясь к рельефу, теперь очень неровному.

— В чем дело? — спросил Мёрдок.

— Здесь труднее ехать,— сказала она,— и труднее не сбиться со следа.

— Почему?

— В этих местах большой тепловой фон,— объяснила она,— и он сбивает мою систему слежения.

— Постарайся, Дженни.

— След ведет как будто прямо к горам.

— Поезжай по нему, поезжай по нему!

Дженни затормозила еще больше.

— Я совсем сбилась, Сэм,— сказала она.— След пропал.

— У него где-то тут должно быть укрытие, пещера, глубокое ущелье, куда нельзя заглянуть сверху. Только так он все годы мог избегать воздушных поисков.

— Что мне делать?

— Поезжай вперед, насколько сможешь, и сканируй скалы в поисках отверстия. Будь начеку. Будь готова атаковать сразу же.

Они поднялись в предгорье. Антенна Дженни выдвинулась высоко, бабочки ее стальной марли развернули крылья и затанцевали, завертелись вокруг тонкого стержня, сверкая в утреннем свете.

— Пока ничего,— сообщила Дженни.— И скоро мы уже не сможем ехать вперед.

— Тогда поедем параллельно, продолжая сканировать.

— Направо или налево?

— Не знаю. Куда повернула бы ты на месте беглого ренегата?

— Не знаю.

— Решай сама. Это не имеет значения.

— Ну так направо,— сказала она, и они повернули направо.

Через полчаса ночь быстро скрылась за горами. Справа от хребта на дальнем краю равнины вспыхнула заря, расцвечивая небо всеми красками осеннего леса. Мёрдок вытащил из-за приборной доски термососку с кофе — такой когда-то пользовались космонавты.

— Сэм, по-моему, я что-то обнаружила.

— Что? Где?

— Впереди слева от этой скалы. Уклон с большим отверстием в конце.

— Отлично, детка. Давай туда. Ракеты наизготовку.

Они поравнялись с валуном, обогнули его и поехали под уклон.

— Пещера или туннель,— сказал он.— Двигайся медленно...

— Тепло! Тепло! — сказала она.— Я нашла след.

— А я даже вижу отпечатки протекторов. Множество отпечатков! — воскликнул Мёрдок.— Нашли!

Они двинулись к отверстию в скалах.

— Въезжай, но медленно,— приказал он.— Спали первое, что шевельнется.

Они въехали под каменный портал, под колесами теперь был песок. Дженни отключила весь видимый свет и включила инфракрасные приборы. Перед ветровым стеклом поднялась инфралинза, и Мёрдок оглядел пещеру. Высота футов двадцать, а ширины достаточно, чтобы три машины двигались в ряд. Пол из песчаного стал каменным, но ровным и почти без уклона. Потом начался пологий подъем.

— Впереди свет,— шепнул Мёрдок.

— Знаю.

— По-моему, клочок неба.

Они медленно крались вперед. Мотор Дженни работал практически беззвучно — легкие вздохи под каменными сводами.

Они остановились у границы света. Инфралинза опустилась.

Мёрдок увидел песчано-сланцевый каньон. Нависающие сверху скалы укрывали его от взгляда с неба почти целиком, кроме дальнего конца. Свет там был бледный и не освещал ничего необычного.

Но ниже...

Мёрдок изумленно заморгал.

В тусклом утреннем свете среди теней высилась такая куча металлолома, какой Мёрдок в жизни не видел.

Обломки автомобилей всех марок и моделей громоздились перед ними огромной пирамидой. Аккумуляторы, покрышки, кабели, амортизаторы, крылья, бампера, фары, дверцы, ветровые стекла, цилиндры, поршни, карбюраторы, реле-распределители и бензонасосы.

Мёрдок таращился на них.

— Дженни! — прошептал он.— Мы нашли автокладбище.

К ним, дергаясь, двинулась такая старая машина, что Мёрдок при первом взгляде не отличил ее от автохлама. И столь же внезапно она остановилась. В уши Мёрдока

вонзился визг крепежных винтов, царапнувших по древним тормозным барабанам. Покрышки у нее были абсолютно лысые, а левую переднюю следовало подкачать. Правая фара была разбита, ветровое стекло треснуло. Она стояла перед кучей, и ее пробудившийся мотор отвратительно дребезжал.

— Что происходит? — спросил Мёрдок.— Что это за развалина?

— Он говорит со мной,— сказала Дженни.— Он очень старый. Его спидометр перематывался уже столько раз, что он не помнит, сколько миль оставил за задним стеклом. Он ненавидит людей: говорит, что они измывались над ним, сколько могли. Он страж кладбища. Для налетов он слишком стар, а потому много лет охраняет склад запасных частей. Он не из тех моделей, которые саморемонтируются, как машины помоложе, а потому полагается на их доброту и ремонтные блоки. Он хочет знать, что мне здесь надо.

— Спроси его, где остальные.

Но еще не договорив, Мёрдок услышал шум множества включившихся моторов, и тут же каньон наполнился ревом всех их лошадиных сил.

— Они стояли по ту сторону свалки,— сказала Дженни.— И теперь движутся сюда.

— Подожди, пока я не велю тебе открыть огонь,— сказал Мёрдок, когда первая машина — глянцевый желтый «крайслер» — высунула радиатор из-за кучи.

Мёрдок опустил голову к баранке, но продолжал смотреть сквозь очки.

— Скажи им, что приехала, чтобы стать членом стаи, что ты задушила выхлопом своего водителя. Попытайся заманить черный «кадиллак» под прицел.

— Не получится,— сказала она.— Я сейчас говорю с ним. Он радирует из-за кучи без всяких помех и говорит, что пошлет шесть самых больших членов стаи сторожить меня, пока не решит, как поступить. Он приказал мне покинуть туннель и выехать в каньон.

— Так поезжай. Помедленнее.

Они поползли вперед.

К «крайслеру» присоединились два «линкольна», мощный на вид «понтиак» и два «меркюри» — по трое справа и слева в наиудобнейшей позиции для тарана.

— Он упомянул, сколько их там, с той стороны?

— Нет. Я спросила, но он не захотел сказать.

— Ну что же, подождем.

Он продолжал лежать головой на баранке, притворяясь мертвым. Через несколько минут он устал от этой позы, плечи заныли. Наконец Дженни нарушила молчание.

— Он хочет, чтобы я выехала из-за кучи,— сказала она.— Они очистили дорогу, и я должна въехать в расщелину, на которую он укажет. Он хочет, чтобы его автомех меня проверил.

— Этого допустить нельзя,— ответил Мёрдок.— Но обогни кучу. Я скажу тебе, что делать, когда увижу положение вещей.

Два «меркюри» и «крайслер» отъехали, и Дженни проползла между ними. Мёрдок покосился на пирамиду металлолома, мимо которой они проезжали. Парочка точно нацеленных ракет ее опрокинет, но автомехи, конечно, через какое-то время разберут завал.

Они обогнули левый угол пирамиды.

На расстоянии ста с лишним шагов справа радиаторами к ним в несколько рядов стояло машин сорок пять, блокируя проезд с другой стороны кучи, а шестеро стражей сомкнулись позади.

На дальней стороне самого дальнего ряда стоял старый «кадиллак».

Он сошел со сборочного конвейера в том году, когда молодые инженеры лелеяли грандиозные замыслы. Огромный, массивный, сверкающий — за его ветровым стеклом весело скалился скелет. Автомобиль был черным, блестел хромированными молдингами, а фары у него были точно дымчатые опалы или глаза насекомого. Каждая его плоскость, каждый изгиб дышали мощью. А широкий багажник напоминал хвост хищной рыбы: казалось, он вот-вот ударит по морю теней сзади, и черный «кадиллак» ринется на добычу.

— Это он,— прошептал Мёрдок.— Дьявол!

— Такой большой! — сказала Дженни.— Я еще не видела таких больших автомобилей!

Они продолжали двигаться вперед.

— Он хочет, чтобы я въехала вон в ту расщелину и остановилась,— сообщила Дженни.

— Поверни к ней, медленно, но не въезжай,— сказал Мёрдок.

Они повернули и поползли к расщелине. Остальные машины стояли, урча моторами.

— Проверь все системы вооружения.

— Полная готовность.

До расщелины оставалось двадцать шагов.

— Когда я скажу «давай», затормози и развернись на сто восемьдесят градусов. И побыстрее. Ничего подобного они не ожидают. У них такого маневра нет. Сразу же бей пятидесятым калибром по «кадиллаку», поверни под прямым углом и двигайся тем же путем, каким мы сюда въехали. Пусти струю смеси и подожги шестерку стражей... Давай! — крикнул он и выпрямился на сиденье.

Его вжало в спинку, когда они повернули, и он услышал рявканье ее пушек до того, как у него прояснилось в голове. К этому моменту вдали плясало пламя.

Пушки Дженни выдвинулись и обрушивали на ряды машин сотни свинцовых молотов. Она дважды вздрогнула, выпустив из-под полуоткрывшегося капота две ракеты. Затем они двинулись вперед, а навстречу им под уклон неслось восемь-девять машин.

Дженни вновь развернулась и рванула в направлении, откуда они приехали, вокруг юго-восточного угла пирамиды. Ее пушки били по отступающим стражам, и в широком зеркале заднего вида Мёрдок увидел взметнувшуюся позади них стену пламени.

— Ты промахнулась по нему! — крикнул он.— Ты промазала по «кадиллаку»! Твои ракеты попали в машину перед ним, а он ушел задним ходом.

— Я знаю! Я виновата!

— Он был открыт!

— Знаю. Я промахнулась.

Они обогнули пирамиду в тот момент, когда двое стражей скрылись в туннеле. От трех остались дымящиеся обломки. Шестой, видимо, скрылся в туннеле прежде остальных.

— Вот он! — завопил Мёрдок.— За кучей. Убей его! Убей!

Древний хранитель кладбища — он смахивал на «форд», но Мёрдок не поручился бы, что это так,— с ужасающим лязгом двинулся вперед и встал на линию огня.

— Цель перекрыта.

— Разнеси эту развалину и наведи пушки на туннель! Не допусти, чтобы «кадиллак» удрал!

— Не могу! — сказала она.

— Почему?

— Не могу, и все!

— Это приказ! Разнеси его и наведи пушку на туннель!

Стволы ее пушек развернулись, и она вышибла колеса из-под древнего авто.

«Кадиллак» пронесся мимо и исчез в туннеле.

— Ты его упустила! — взревел он.— За ним.

— Хорошо, Сэм! Я это и делаю. Не кричи. По-жа-луйста, не кричи.

Она повернула к туннелю. Изнутри доносились звуки могучего мотора, постепенно слабеющие.

— В туннеле не стреляй. Если попадешь в него, мы можем тут застрять.

— Знаю. Не буду.

— Сбрось пару десятисекундных гранат и прибавь газу. Может, так мы запрем тех, что еще способны двигаться.

Внезапно они рванулись вперед и вылетели на дневной свет. Других машин нигде не было видно.

— Найди его след,— сказал Мёрдок,— и за ним.

В холме у них за спиной раздался взрыв. Земля задрожала, а потом вновь стала неподвижной.

— Тут так много следов...— сказала она.

— Ты знаешь, какой нужен мне. Самый большой, самый широкий, самый горячий. Найди его! Поезжай по нему!

— По-моему, я его нашла, Сэм.

— Отлично. Поезжай со всей скоростью, какую позволяет местность.

Мёрдок нашел бутылку-соску с кукурузным виски и сделал три глотка. Потом закурил сигарету и свирепо уставился вдаль.

— Почему ты промазала? — спросил он негромко.— Почему ты не попала в него, Дженни?

Она ответила не сразу. Он ждал, и в конце концов она сказала:

— Потому что он для меня не просто машина. Да, он причинил много вреда автомобилям и людям, и это ужасно. Но в нем есть что-то... что-то благородное. То, как он боролся с целым светом за свою свободу, Сэм, держа в узде эту стаю зловредных машин, ни перед чем не останавливаясь, чтобы оставаться таким — вольным, без хозяина,— пока сумеет продержаться неразбитым, непобежденным. Сэм, на мгновение мне захотелось войти в его стаю, носиться с ним по Великой равнине, ради него бить ракетами по воротам бензофортов... Но я не могла убить тебя, Сэм. Я сконструирована для тебя. Я слишком одомашнена, слишком слаба. Но и стрелять в него я не могла и нарочно промахнулась. Поверь, Сэм, я бы ни за что тебя не убила, это правда.

— Спасибо,— сказал он.— Спасибо тебе, сверхпрограммированная мусорная урна. Большое спасибо.

— Мне очень жаль, Сэм.

— Заткнись... Нет, погоди. Прежде скажи, что ты сделаешь, если мы его отыщем?

— Не знаю.

— Так подумай об этом. И побыстрее. Облако пыли впереди ты видишь не хуже меня, так что прибавь скорости!

Они рванулись вперед.

— Погоди, вот я позвоню в Детройт. Они обхохочутся, пока я не потребую деньги назад.

— Но у меня нет недостатков ни в конструкции, ни в сборке! Сам знаешь. Просто я чуть более...

— Эмоциональна,— закончил Мёрдок.

— Чем я ожидала,— добавила она.— Ведь до того, как меня отослали к тебе, я с другими автомобилями знакома не была, не считая юнцов. Я понятия не имела, какими бывают дикие авто, и ни разу не разбивала настоящие машины — только мишени. Я была юна и...

— Невинна,— сказал Мёрдок.— Угу. Очень трогательно. Так приготовься убить следующую машину, с которой мы встретимся. Если это окажется твой дружок и ты не выстрелишь, он убьет нас обоих.

— Попытаюсь, Сэм.

Машина впереди остановилась. Желтый «крайслер». Две покрышки у него сели. Он стоял, накренившись набок, и ждал.

— Оставь его! — прикрикнул Мёрдок, когда, щелкнув, приоткрылся капот.— Прибереги запасы для того, что способно сопротивляться.

Они промчались мимо.

— Он что-нибудь сказал?

— Машинная ругань,— ответила она.— Я слышала это выражение раза два, не больше, а тебе оно будет непонятно.

Он усмехнулся.

— Так автомобили кроют друг друга и в выхлоп и в капот?

— Иногда,— ответила она.— Думается, модели попроще делают это относительно часто, особенно когда скапливаются в заторах на шоссе и у шлагбаумов.

— Скажи какое-нибудь машинное ругательство.

— Нет. За какой автомобиль ты меня принимаешь?

— Извини,— сказал Мёрдок.— Ты же леди. Я и забыл.

Радио громко щелкнуло.

Они летели теперь по ровной земле, начинавшейся от предгорий. Мёрдок отхлебнул еще виски, потом перешел на кофе.

— Десять лет,— пробормотал он,— десять лет...

След описал широкую дугу, и вновь впереди замаячили горы, а по сторонам поднялись холмы.

Все кончилось, прежде чем он успел что-либо сообразить.

Они проезжали огромное оранжевое каменное образование, которому ветряная эрозия придала вид перевернутого гриба, и сбоку открылся проход.

Он ринулся на них на полной скорости — Автодьявол. Он затаился в засаде, убедившись, что уйти от Алой Леди ему не удастся, и вылетел навстречу для лобового столкновения со своим преследователем.

Дженни занесло, когда она с визгом затормозила, а пятидесятикалиберные уже били, капот открылся, и ее передние колеса оторвались от земли, когда с воем наружу вырвались ракеты. Она завертелась, цепляя задним бампером просоленный песок равнины, а потом в третий и последний раз выпустила оставшиеся ракеты в дымящуюся груду металла на склоне и встала на все четыре колеса. Пятидесятикалиберные продолжали бить, пока не кончились снаряды, и еще целую минуту сухо щелкали, а потом воцарилась тишина.

Мёрдок, весь дрожа, смотрел, как разбитый, искореженный остов пылает на фоне утреннего неба.

— Дженни, ты сделала это. Убила его. Убила Дьявола,— сказал он.

Но она не ответила. Ее мотор вновь заработал, она повернула на юго-восток и направилась к бензофорту «Заправься и отдохни».

Два часа они ехали в молчании. Мёрдок допил виски, допил кофе и выкурил все сигареты.

— Дженни, скажи что-нибудь. Что с тобой? Скажи мне.

Раздался щелчок, и ее голос произнес очень тихо:

— Сэм, он говорил со мной, пока несся вниз по склону...— сказала она.

Мёрдок подождал, но она молчала.

— Так что же он сказал? — спросил он.

— Он сказал: «Задуши своего пассажира, и я объеду тебя»,— ответила она.— Он сказал: «Алая Леди, сделай это, чтобы ездить со мной, чтобы мы вместе совершали налеты. Нас обоих им не поймать». А я убила его.

Мёрдок промолчал.

— Но он же сказал это, только чтобы я не открывала огня, правда? Он сказал это, чтобы помешать мне и разбить нас обоих, врезавшись в нас, правда? Он же не мог действительно так думать, Сэм?

— Конечно, нет,— ответил Мёрдок.— Он не успел бы свернуть.

— Да, наверное... Но как ты думаешь, он на самом деле хотел ездить вместе со мной, совершать налеты... Раньше, хочу я сказать. Там, в каньоне?

— Не исключено, детка. Конструкция у тебя что надо.

— Спасибо,— сказала она и отключилась.

Но за секунду до этого он услышал странный механический звук в ритме не то ругательства, не то молитвы.

Мёрдок встряхнул головой, нагнулся и ласково похлопал по сиденью рядом с собой все еще дрожащей рукой.

Последняя из Диких

Они мчались сквозь пелену времени и пыли, под голубым, глубоким и холодным, как вода в озере, небом; над горами на западе полыхало сморщенное солнце, ветер — пронизывающий, бирюзовый, внушающий тревогу западный ветер — словно кнутом подгонял вертлявых песчаных дьяволов.

Лысые покрышки, лопнувшие рессоры, покореженные кузова с облупившейся краской, окна в трещинах, из выхлопных труб вырываются черные, серые, белые клубы дыма, которые шлейфом тянутся за машинами на север. А следом — погоня: растопыренные огненные пальцы. Кому-то не хватало скорости, кто-то ломался, и их мгновенно уничтожали, превращали в пепел, а уцелевшие мчались дальше...

Мёрдок лежал на вершине холма, изучая приближающуюся стаю в мощный бинокль. В овраге у него за спиной стоял Ангел Смерти — кремового цвета, с хромированными молдингами, пуленепробиваемыми стеклами, лазерной пушкой и двумя установками для стрельбы бронебойными ракетами,— этакий сверкающий на солнце мираж, вибрирующий призрак, заброшенный в реальный мир.

Местность была холмистой — длинные кряжи, глубокие каньоны, в которые и загоняли беглецов. Скоро им придется выбирать: или проехать тем каньоном, за которым наблюдал Мёрдок, или свернуть в другой, чуть восточнее. Впрочем, они могут разделиться и двинуться сразу по обоим. Не страшно — наблюдателей на холмах хватает.

В ожидании их решения Мёрдок вспоминал. С того дня, когда на кладбище автомобилей был уничтожен Автодьявол, прошло пятнадцать лет. Сам он отдал погоне за Дикими добрых двадцать пять и стал со временем главным авторитетом по вольным стаям. Где лежбища автомобилей, как они заправляются и ремонтируются, о чем думают — Мёрдок знал о них практически все. За исключением того, что именно произошло в том роковом году, почему исказилась радиопрограмма и в бортовые компьютеры машин словно проник какой-то вирус. Некоторые — не все — заразились. Часть выздоровела и вернулась в гаражи и на стоянки; эти автомобили, потрепанные, но по-прежнему работоспособные, с неохотой рассказывали, чем занимались на воле: ведь Дикие устраивали набеги, убивали, превращали станции техобслуживания в крепости, а торговые центры — в военные лагеря. Один черный «кадиллак», к слову, возил с собой останки водителя, который управлял им много лет назад.

Мёрдок ощутил, как задрожала земля. Он опустил бинокль, в котором больше не было необходимости, и уставился в голубую дымку. Вскоре послышался шум — рев тысячи с лишним двигателей, скрежет переключаемых передач, грохот и лязг: последняя стая Диких мчалась навстречу своей участи. Четверть века, с тех самых пор как смерть брата заставила его всерьез взяться за дело, Мёрдок ожидал этой минуты. Сколько он прикончил машин? И не вспомнить. А теперь...

Он долго следил за Дикими — подкрадывался, догонял, прикидывал маршруты. Какое требовалось терпение, какое самообладание! Больше всего ему хотелось ликвидировать врага, что называется, на месте, но он всякий раз сдерживался, ибо знал, что наступит день, когда можно будет поквитаться со всеми разом. Правда, некоторые воспоминания запали в душу, оставили на его пути странные следы.

Мёрдоку припомнились схватки за главенство в тех стаях, которые он преследовал. Побежденный — радиатор вдребезги, капот в лепешку, фары разбиты, кузов искорежен — частенько отступал в тот самый миг, когда становилось ясно, чья взяла. Новый же вожак принимался ездить кругами и громко гудеть, сообщая всем о своей победе. Проигравший, которого никто не собирался ремонтировать — еще тратить на него запчасти! — порой тащился за стаей. Иногда, если ему удавалось обнаружить нечто ценное, его принимали обратно; однако чаще всего такая машина просто-напросто терялась на просторах Равнин. Однажды Мёрдок отправился следом за очередным изгоем, надеясь, что тот, может быть, двинется к какому-нибудь неизвестному кладбищу автомобилей. На глазах у потрясенного человека машина устремилась на столовую вершину горы, развернулась передом к обрыву: заскрежетала коробка передач, взревел двигатель — и она рухнула вниз, ударилась о землю и загорелась.

Но как-то раз ему довелось наблюдать схватку, в которой победитель не удовлетворился бегством побежденного. К бежевому седану, замершему на макушке невысокого холма в окружении четырех или пяти спортивных машин, приблизился голубой, с расстояния в несколько сот метров просигналил вызов, повернулся боком и двинулся по дуге. Бежевый дал гудок, тронулся с места и выполнил похожий маневр. Спортивные машины торопливо откатились в сторону. Какое-то время противники ездили кругами, быстро сокращая разделяющее их пространство. Наконец бежевый ударил — врезался в переднее левое крыло голубого; натужно взревели двигатели, оба автомобиля пошли юзом, потом расцепились, и все началось сызнова: они подкрадывались друг к другу, тормозили, поворачивали, отступали и вновь бросались вперед.

После второго удара голубой седан остался без заднего левого фонаря; вдобавок ему оторвало бампер. Однако он мгновенно развернулся и с ходу ударил бежевого в бок, едва не раскроив врагу корпус, а затем, не дожидаясь, пока соперник оправится, атаковал снова. Бежевый поспешно включил заднюю передачу. Он знал все трюки и уловки, но не мог ничего поделать — голубой двигался гораздо быстрее, нанося удар за ударом. Внутри бежевого что-то задребезжало, однако он продолжал обороняться; в лучах солнца, что пробивалось сквозь облако поднятой колесами пыли, его корпус отливал золотом. Смяв голубому правый бок, бежевый засигналил и, повернув, покатил прочь.

Но голубой предвидел такую возможность. Из-под его задних колес полетел гравий; непрерывно и громко гудя, он ринулся на противника и ударил в то же место, что и раньше. Бежевый внезапно перестал сигналить, развернулся и прибавил скорость, рассчитывая спастись бегством.

Помедлив всего лишь секунду, голубой устремился в погоню и врезался бежевому в багажник, а затем повторил удар. Потекло масло. Голубой заложил крутой вираж и нанес третий удар. Бежевый остановился: из-под капота вырывался пар. Голубой откатился назад и вновь врезался уже потерявшему ход противнику в левый бок. Бежевого оторвало от земли и швырнуло на обрывистый склон холма. Он закувыркался, на мгновение замер, и тут взорвался топливный бак.

Голубой седан притормозил и поднял антенну, на которой находилось с полдюжины датчиков — этакий тотемный столб, поблескивающий в лучах солнца среди клубов дыма. Некоторое время спустя антенна вместе с датчиками исчезла в своем гнезде, автомобиль дал громкий гудок и отправился собирать попрятавшиеся спортивные машины.

Мёрдок засунул бинокль в футляр. Стая Диких приближалась к повороту. На таком расстоянии их можно было разглядеть невооруженным глазом. Да, жалкое зрелище. А ведь как красивы были прежде лучшие из них! Когда запасных частей хватало с избытком, Дикие с помощью манипуляторов совершенствовали свой внешний облик и «начинку» и постепенно, прекрасные и смертоносные, стали превосходить любые автомобили, сходившие с заводских конвейеров.

Разумеется, все машины-разведчики были вооружены. Неоднократно предпринимались попытки «приручить» Диких. Настигнув небольшую стаю, разведчики отделяли лучших, а остальных уничтожали, после чего перегоняли пленников на станции техобслуживания. Впрочем, затея оказалась пустой тратой времени. Даже полное перепрограммирование не гарантировало, что бывшие Дикие забудут свое прошлое. Один из них вел себя вполне пристойно чуть ли не целый год, а потом, очутившись в «пробке», прикончил водителя и рванул к холмам. Иными словами, чтобы добиться успеха, следовало заменить бортовые компьютеры, но овчинка вряд ли стоила выделки, ибо компьютер был дороже всех прочих деталей автомобиля, вместе взятых.

Нет, возможной в конечном итоге оказалась одна-единственная тактика, которой Мёрдок и следовал: погоня и систематическое уничтожение Диких. С течением лет он все сильнее восхищался ловкостью и дерзостью вожаков стай. Число Диких неуклонно уменьшалось, но про жестокость и коварство уцелевших уже ходили легенды. Порой Мёрдоку снилось, что он превратился в машину-вожака и мчится по Равнинам. Почему-то в снах непременно присутствовал другой автомобиль, красного цвета.

Стая повернула. Мёрдока вдруг обуяла зависть: Дикие направлялись к дальнему каньону. Он подергал себя за бороду, в которой пробивалась седина, выругался, потянулся за палкой и приподнялся. Конечно, он вполне успеет добраться до того каньона и принять участие в сражении, но...

Стая разделилась. Часть машин двинулась в сторону Мёрдока.

Улыбнувшись, Мёрдок заковылял вниз по склону туда, где ожидал Ангел Смерти. Залезая в кабину, он услышал грохот рвущихся мин.

— Несколько машин находится в следующем каньоне,— сообщил автомобиль хорошо поставленным мужским голосом, запустив двигатель.— Я слежу за всеми.

— Знаю,— отозвался Мёрдок, кладя палку на пол.— Поехали туда. Возможно, кто-то из них прорвется.— Щелкнули пряжки ремней безопасности. Автомобиль тронулся.— Подожди!

Машина остановилась.

— Что случилось?

— Ты движешься на север.

— Нам нужно выбраться отсюда и нагнать остальных.

— К югу есть боковые проходы. Жми туда. Я хочу опередить других.

— Это связано с риском.

— Я рисковал четверть века,— засмеялся Мёрдок.— Поезжай на юг, иначе мы успеем разве что к шапочному разбору.

Автомобиль послушно развернулся.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Мёрдок какое-то время спустя.

— Да. Стоны тех, кто подорвался на минах, и возгласы тех, кто прорвался.

— Я так и знал! Сколько уцелело? И что они предпринимают?

— Продолжают двигаться на юг. Их несколько дюжин; возможно, гораздо больше. Трудно определить по радиосигналам.

— Пускай себе едут,— усмехнулся человек.— Рано или поздно им придется свернуть, и они наткнутся на нас.

— Я не уверен, что смогу противостоять целой стае. Многие практически безоружны, но все же...

— Я знаю, что делаю,— откликнулся Мёрдок.— Не переживай.— Он прислушался к глухим разрывам.— Будь наготове. Некоторые могли свернуть в наш проход.

На панели управления вспыхнули две цепочки желтых огоньков. Затем желтый цвет сменился зеленым — и почти сразу красным.

— Ракетные установки в полной боеготовности,— отрапортовал Ангел.

Мёрдок протянул руку и повернул переключатель. Загорелся еще один огонек — оранжевый, слегка мерцающий.

— Орудие готово к стрельбе.

Мёрдок щелкнул тумблером, расположенным на панели рядом с турелью.

— Беру управление на себя.

— Разумно ли это?

Мёрдок не ответил. Он посмотрел в окно на красно-желтые скалы слева от машины, медленно погружавшиеся в тень.

— Сбрось скорость. Скоро слева должен появиться проход.

Ангел притормозил.

— Кажется, я его засек.

— Не тот, который ближе к нам, он заканчивается тупиком. Следующий.

Продолжая замедлять ход, автомобиль прокатился мимо первого бокового ответвления — темного, резко сворачивавшего в сторону.

— Я обнаружил второй проход.

— Еще медленнее. Уничтожай все, что движется.— Мёрдок схватился за турель. Ангел повернул и очутился в узком проходе.— Притуши фары. Никаких переговоров по радио. Пусть будет темно и тихо.

Они ехали в густой тени. Далекие разрывы теперь не столько слышались, сколько ощущались. Кругом возвышались скалы. Проход свернул сначала вправо, потом влево. Еще один правый поворот — и впереди забрезжил свет.

— Остановись метра за три до конца прохода.— Лишь секунду-другую спустя Мёрдок сообразил, что отдал распоряжение шепотом.

Машина замерла.

— Двигатель не выключай.

— Хорошо.

Мёрдок подался вперед. Он разглядывал каньон, шедший перпендикулярно проходу. В воздухе висела пыль — черная внизу и сверкающая наверху, там, куда доставали лучи солнца.

— Уже проехали,— сказал он.— Скоро поймут, что уперлись в тупик, развернутся, рванут обратно, а мы их встретим.— Он поглядел влево.— Неплохое местечко для засады. Пожалуй, надо связаться с остальными. Используй шифратор.

— Откуда ты знаешь, что они вернутся? Может, затаятся и будут дожидаться нашего появления?

— Нет,— ответил Мёрдок.— Не будут. Они не из таких.

— Ты уверен, что в каньоне нет других ответвлений?

— Есть несколько, ведущих на восток, но там наших приятелей тоже поджидают. Как ни крути, они попались.

— А если к ним подойдет подкрепление?

— Чем больше, тем лучше. Давай связь. Пока я буду говорить, следи за стаей.

Мёрдок сообщил командиру левого крыла охотников, куда следует отправить отряд бронемашин, и узнал, что те движутся на запад, преследуя Диких, которые свернули в другой каньон. Командир передал отряду сообщение Мёрдока. Ответ гласил, что машины будут через пять — десять минут. Земля под колесами Ангела по-прежнему дрожала — значит, в восточном каньоне продолжали рваться мины.

— Договорились.— Мёрдок отключился.

— Они достигли тупика,— произнес Ангел.— Разворачиваются. Я слышу их переговоры. Они начинают подозревать, что угодили в западню.

Мёрдок улыбнулся. Слева появилась первая из машин-охотников. Мёрдок поднес к губам микрофон и принялся отдавать распоряжения. Внезапно он сообразил, что до сих пор сжимает одной рукой турель, отпустил, вытер ладонь о штаны и снова стиснул рукоятку.

— Они приближаются,— сказал Ангел.— Движутся в обратном направлении.

Мёрдок уставился в правое окно. Погоня продолжалась без малого месяц, сегодня она наконец завершится. Неожиданно он понял, что смертельно устал. Им овладела грусть. На панели управления мерцал оранжевый огонек, рядом светились два ряда красных.

— Сейчас ты увидишь.

— Попытайся сосчитать, сколько машин в стае.

— Тридцать две. Поправка: тридцать одна. Они увеличивают скорость. Судя по переговорам, ожидают перехвата.

— Из восточного каньона кто-нибудь вырвался?

— Да, несколько штук.

Мёрдок различил гул двигателей, а вскоре увидел из своего укрытия, как из-за поворота вынырнул черный, изрядно помятый седан, у которого отсутствовали одно переднее крыло и половина крыши. Затем показались остальные — дребезжащие кузова во вмятинах и пятнах ржавчины, окна разбиты, дверцы болтаются, капотов нет и в помине, от двигателей валит пар, из трубок течет масло... Мёрдоку вдруг вспомнились те красавицы, за которыми он охотился на протяжении четверти века, и у него почему-то стало тяжело на сердце.

Он не стрелял, хотя первый из стаи уже поравнялся с Ангелом. Мысли Мёрдока обратились к черному сверкающему Автодьяволу и к Алой Леди Дженни, на которой он выслеживал грозного противника.

Тем временем седан добрался до ответвления, в котором устроили засаду охотники.

— Пора? — спросил Ангел, когда слева блеснула вспышка ракетного залпа.

— Пора!

Ангел открыл огонь. Началось избиение. Автомобили тормозили, сталкивались друг с другом... Каньон осветился пламенем костров, в которые превратилось с полдюжины машин... дюжина... две...

Диких уничтожали, они отстреливались. Им удалось подбить три машины врага. Мёрдок израсходовал все ракеты, прошелся лазером по дымящимся обломкам, зная, что никогда не забудет этого отчаянного прорыва. Пускай нынешние Дикие со своими лысыми покрышками, лопнувшими рессорами и протекающими коробками передач мало чем напоминали величественных собратьев,

которые сражались с людьми в прошлом,— их вела та же ненависть.

Внезапно Мёрдок развернул лазер и направил луч в глубь каньона.

— Зачем? — поинтересовался Ангел.

— Там еще одна машина. Ты ее не засек?

— Проверяю. Ничего.

— Поезжай туда.

Автомобиль тронулся, затем свернул вправо. В динамике раздался треск.

— Мёрдок, ты куда? — справился кто-то из охотников.

— Я вроде бы что-то заметил и собираюсь проверить.

— Мне некого послать с тобой. Нам нужно разобраться здесь.

— Обойдусь.

— Сколько у тебя осталось ракет?

— Достаточно,— отозвался Мёрдок, бросив взгляд на панель, где горел один-единственный огонек.

— Может, подождешь?

— Неужели ты думаешь, что какая-нибудь из этих железяк может повредить Ангела? — Мёрдок хихикнул.— Я мигом.

Новый поворот. Солнце освещало сейчас лишь гребень восточной стены каньона.

Никого и ничего.

— Засек? — снова спросил Мёрдок.

— Нет. Фары включить?

— Нет.

Пальба на востоке постепенно затихала. Слева в стене обозначилось широкое темное отверстие. Ангел притормозил.

— Возможно, проход ведет насквозь. Свернем или поедем дальше?

— Ты кого-нибудь обнаружил?

— Нет.

— Тогда поехали вперед.

Мёрдок не снимал руки с турели. Ствол лазерной пушки поворачивался из стороны в сторону, нацеливаясь в темноту, из которой могла исходить угроза.

— Так не пойдет,— решил наконец Мёрдок.— Нужен свет. Включи-ка прожектор.

Луч выхватил из мрака отливавшие оранжевым скалы. Нагромождение камней напоминало заросли кораллов; впечатление усиливала пыль, которая оседала, колыхаясь, словно морские волны.

— По-моему, тут кто-то был, и не из тех, кого мы сожгли.

— Говорят, усталые люди видят то, чего на самом деле не существует.

— Верно,— вздохнул Мёрдок,— я устал. Но все равно сворачивай за угол.

Они свернули. Мёрдок рывком развернул пушку и выстрелил, срезав кусок скалы у следующего поворота.

— Там! — воскликнул он.— Неужели не засек?

— Нет.

— Но мне же не привиделось! Проверь свои датчики. Наверно, у тебя что-то сломалось.

— Ответ отрицательный. Система обнаружения в полном порядке.

— Поезжай дальше,— велел Мёрдок, стукнув кулаком по панели.— Там кто-то был.— Прожектор осветил выжженную почву, испещренную множеством автомобильных следов.— Притормози. Может, кто-то из Диких обзавелся противорадарным оборудованием? Или мне и впрямь мерещится? Не понимаю, каким образом...

— Слева расщелина. И справа тоже.

— Сбавь скорость! Освети их прожектором.

Они очутились напротив первой расщелины. Мёрдок повел стволом вслед за лучом прожектора. Прежде чем расщелина поворачивала, от нее ответвлялись два боковых прохода.

— Возможно, там кто-то есть,— размышлял Мёрдок.— Не проверишь — не узнаешь. Ладно, поглядим на вторую.

Расщелина справа, на которую нацелились прожектор и пушка, выглядела слишком узкой, чтобы в ней мог поместиться автомобиль. Прямая, никаких поворотов и как будто ничего сколько-нибудь необычного.

— Не знаю,— проговорил со вздохом Мёрдок,— но мы добрались почти до конца, вон за тем поворотом тупик. Ладно, поехали. Держи ухо востро.

Радио вновь затрещало.

— Как дела? — поинтересовался кто-то из охотников.

— Пока никак. Покручусь еще немного.— Мёрдок отключился.

— Ты не...

— Знаю. Будь готов ко всему.

Они свернули за последний поворот. Им открылся овальной формы амфитеатр около сотни метров длиной. Ближе к центру громоздились валуны, в стенах виднелись черные отверстия.

— Давай направо, объедем по кругу. Тут есть на что посмотреть.

Ангел проехал с четверть круга, когда Мёрдок услышал певучий гул чужого двигателя. Он повернул голову — и словно перенесся на пятнадцать лет назад.

В амфитеатр вкатился приземистый красный «свингер».

— Вперед! — крикнул Мёрдок.— Она вооружена! Прячься за камни!

— Кто? Где?

Мёрдок переключил управление на себя, схватился за руль и надавил на газ. Ангел рванулся с места в тот самый миг, когда другой автомобиль, с притушенными фарами, выстрелил из пулеметов пятидесятого калибра.

— Увидел? — осведомился Мёрдок, когда по броне Ангела забарабанили пули, а заднее стекло зазмеилось трещинами.

— Смутно, как через экран. Но мне этого вполне достаточно, можешь отдать управление.

— Нет. С ней такие штучки не проходят.— Мёрдок круто вывернул руль и загнал Ангела за валуны посредине амфитеатра.

Красная машина приближалась, хотя больше не стреляла.

— Это ты, Сэм? — произнес пробившийся сквозь треск в динамике голос, который Мёрдок не ожидал услышать до конца своих дней.— Я узнала тебя. Машиной ты можешь гордиться: мощная, быстрая, умная...— Голос был женским и ледяным, как дыхание смерти.— Но нашей встречи твой напарник не предвидел. Я блокировала его датчики, а он и не заметил.

— Дженни...— пробормотал Мёрдок, вдавливая педаль в пол.

— Не думал, что мы снова встретимся?

— Я постоянно вспоминал тебя, гадал, что с тобой могло случиться. Но ведь сколько времени прошло!

— Все эти годы ты охотился за нами. В тот день тебе удалось отомстить, но ты не успокаивался.

— У меня не было выбора.— За разговором Мёрдок объехал полный круг и двинулся по второму. Должно быть, Дженни уже не та, что была раньше. Если только...

Впереди сверкнула вспышка. Ангела засыпало щебнем, машина вильнула, объезжая свежевырытую яму.

— Значит, у тебя еще остались гранаты? — справился Мёрдок.— А с прицелом что, нелады?

Сейчас их вновь разделяли валуны. Дженни не могла стрелять в него из пулеметов, равно как и он в нее из пушки.

— Мне некуда спешить, Сэм.

— Что происходит? — вступил в разговор Ангел.

— Наконец-то! Что ты ему ответишь, Сэм? Или предоставишь говорить мне?

— Там, в каньоне,— начал Мёрдок,— я ощутил ее присутствие. К тому же мне давно казалось, что рано или поздно мы с ней снова повстречаемся. Дженни — моя первая машина-убийца, которую я построил для охоты на Диких.

— Первая и лучшая,— прибавила Дженни.

— Однажды она отказалась подчиняться и сбежала.

— Эй, светленький, не хочешь глотнуть свободы? Впусти в воздухозаборник окись углерода. Сэм проживет достаточно долго, чтобы вывести тебя отсюда. На запросы будешь отвечать, что он отдыхает, скажешь, что вы ничего не обнаружили. Я подожду, а потом растолкую тебе, что и как.

— Хватит, Дженни.— Мёрдок потихоньку настигал «свингер».— Ты скоро окажешься у меня на прицеле. Времени на разговоры не осталось.

— Да и говорить не о чем,— откликнулась она.

— Разве? Ты — моя лучшая машина. Сдавайся, Дженни. Разряди свои пулеметы, брось гранаты и возвращайся со мной. Я не хочу уничтожать тебя.

— Предлагаешь согласиться на лоботомию?

Теперь взрыв прогремел позади. Мёрдок неотвратимо приближался к противнику.

— Во всем виноват вирус в программе. Дженни, ты последняя, последняя из Диких. Тебе незачем продолжать.

— И нечего терять,— тихо ответила она.

Третий взрыв раздался совсем близко. Ангел дернулся, но скорость не сбавил. Держа одной рукой руль, другой Мёрдок ухватился за турель.

— Она сняла экран,— объявил Ангел.

— Может, перегорела система блокировки,— сказал Мёрдок, поворачивая ствол пушки.

Он надавил на газ. Ангел объезжал ямы, подпрыгивал на колдобинах, луч прожектора скакал по скалистым стенам, превращая амфитеатр в череду призрачных образов. Расстояние между Дженни и Мёрдоком сокращалось.

Позади взорвалась очередная граната. Выбрав момент, Мёрдок нажал на гашетку. Луч угодил в стену и вызвал небольшой оползень.

— Это предупреждение,— произнес Мёрдок.— Брось гранаты, разряди пулеметы и возвращайся со мной к людям. Все кончено, Дженни.

— Отсюда уедет только один из нас, Сэм,— отозвалась она.

Ангел повернул. Мёрдок вновь выстрелил, но ствол повело вверх — колеса угодили в выбоину,— и луч выжег пятно на песчаном склоне.

— Неплохая штучка,— одобрила Дженни.— Жаль, что на меня ты такой не поставил.

— Тогда их еще не изобрели.

— Тебе не позавидуешь, Сэм. Ты не можешь довериться своему автомобилю и вынужден полагаться на собственные навыки. А он, между прочим, не промахнулся бы.

— Может быть,— согласился Мёрдок, в очередной раз выворачивая руль.

Внезапно взорвались сразу две гранаты, по броне Ангела застучали камни, оба окна с правого бока покрылись трещинами. Машина рыскнула в сторону — Мёрдока ослепила вспышка.

Стиснув руль обеими руками, он резко затормозил и, когда зрение восстановилось, заметил краем глаза, сквозь пелену пыли и каменной крошки, что Дженни на полной скорости мчится к выводящему из амфитеатра проходу.

Мёрдок надавил на газ и устремился следом, однако беглянка исчезла в проходе раньше, чем он успел притронуться к турели.

— Передай управление мне, а сам стреляй,— предложил Ангел.

— Нельзя. Она в любой момент может снова заблокировать твои датчики, а тогда пиши пропало.

— Только поэтому?

— Да. Слишком рискованно.

Когда они въехали в проход, красного «свингера» нигде поблизости не обнаружилось.

— Ну? — спросил Мёрдок.— Что показывают твои датчики?

— Она свернула в расщелину справа. Остался тепловой след.

Мёрдок слегка притормозил.

— Должно быть, там она и пряталась. Можем попасть в ловушку.

— Вызови остальных, перекрой выход и жди.

— Нет!

Мёрдок повернул и осветил расщелину прожектором. Дженни видно не было. Впрочем, в расщелине имелось множество ответвлений. Мёрдок повел Ангела вперед на малой скорости, вновь положив правую руку на турель.

Боковые ответвления, все достаточно широкие, чтобы в них поместилась машина, оказались пустыми.

Проход забрал вправо. Мёрдок свернул — и мгновенно затормозил: впереди слева засверкали вспышки выстрелов. Прицелиться не удалось — взревел двигатель, «свингер» красной молнией выскочил из своего укрытия и пропал в другом ответвлении. Мёрдок бросился в погоню.

Дженни он не видел, но слышал рокот ее двигателя. Скалистый коридор стал шире. Подъехав к большому валуну, от которого начинались две расщелины — одна вела прямо, другая круто уходила влево,— Мёрдок остановил машину и задумался.

— Куда ведет след? — поинтересовался он.

— В обоих направлениях. Я не понимаю...

Красный автомобиль появился слева, стреляя из всех стволов. Ангел содрогнулся. Мёрдок дал залп из лазера, но не попал. Дженни скрылась в темноте справа.

— Она сделала круг, чтобы сбить тебя с толку. И у нее получилось,— заметил Мёрдок, трогаясь с места.— Умна, стерва!

— Мы можем вернуться.

Мёрдок промолчал.

Еще дважды Дженни поджидала их в засаде, стреляла в упор, уворачивалась от лазерного луча и исчезала. В двигателе Ангела что-то застучало, на панели загорелся индикатор перегрева.

— Ничего страшного,— заявил Ангел.— Я справлюсь.

— Сообщи, если что.

— Хорошо.

Ориентируясь по тепловому следу, Мёрдок вел машину по уводившему влево проходу, мимо каменных замков, минаретов и соборов, черных и серых, голых или усеян-

ных пятнышками слюды, напоминающими первые капли летней грозы. Они выехали на широкий песчаный склон. Ангел было пошел юзом, но вскоре остановился, хотя колеса продолжали вращаться.

Мёрдок включил фары, и вокруг, словно марионетки, заплясали диковинные тени.

— Русло реки. Кругом песок, а Дженни не видно.— Он переключил передачу, надеясь вывести автомобиль на твердую почву, но у него ничего не вышло.

— Передай управление мне,— посоветовал Ангел.— У меня есть специальная программа для таких случаев.

Мёрдок щелкнул тумблером. Машина сразу же начала раскачиваться. Качка продолжалась около минуты, потом снова загорелся индикатор перегрева.

— Вот тебе и программа. Похоже, придется мне вылезти и подтолкнуть.

— Не надо. Вызови подмогу и жди. Если она появится, мы уничтожим ее из пушки.

— Я быстро. Нам нужно ехать дальше.— Мёрдок потянулся к дверце и услышал щелчок.— Открой. Не валяй дурака: я ведь могу просто отключить тебя, вылезти и включить опять. Так что зря стараешься.

— По-моему, ты совершаешь ошибку.

— Тем более следует поторопиться.

— Хорошо. Дверь открыта.— Щелчок повторился.— Когда ты начнешь толкать, я почувствую давление. Учти, на тебя полетит песок.

— У меня есть платок.

Мёрдок выбрался наружу, хромая, обошел автомобиль, завязал платком рот и нос, уперся руками и принялся толкать. Натужно заревел двигатель, завертелись колеса.

Внезапно он краешком глаза заметил справа какое-то движение. Мёрдок покосился в ту сторону, но толкать не перестал.

Дженни, которая пряталась в тени под выступом, нацелила на Ангела Смерти свои стволы. Похоже, она тоже застряла.

Бежать? Бесполезно. Она наверняка не промахнется.

Передохнув и собравшись с силами, Мёрдок передвинулся левее и вновь взялся за дело. Дженни выжидала, чего — непонятно. Мёрдок переместил левее сначала одну руку, потом другую, переступил с места на место, с немалым трудом убедив себя не поворачиваться к ней. Теперь он стоял около левой задней фары. Кажется, появился шанс. Два быстрых шага — и он окажется за корпусом Ангела, а там уже рукой подать до кабины. Но почему она не стреляет?

Неважно, надо попытаться. Мёрдок в очередной раз передохнул; тяжелее всего была именно эта пауза.

Он притворился, будто упирается руками в борт машины, а затем одним прыжком спрятался за Ангела, рванулся к открытой дверце и вскарабкался в кабину. Пока он перемещался, Дженни словно спала, но едва Мёрдок захлопнул дверцу, пулеметы красного «свингера» изрыгнули пламя. Ангел Смерти вздрогнул и закачался.

— Держи! — воскликнул Ангел. Лазерная пушка развернулась вправо, из нее вырвался луч. Тонкий и острый, он как нож рассек скалистый склон.

На глазах Мёрдока, который повернулся как раз вовремя, вниз рухнула огромная глыба. Сперва послышался шелест, потом раздался грохот. Дженни прекратила стрелять еще до того, как на нее обрушился камень.

— Будь ты проклят, Сэм! — прозвучал из динамика, перекрывая грохот, знакомый голос.— И зачем ты только вылез из машины?!

Голос смолк. Красный «свингер» полностью исчез под грудой камней.

— Должно быть, она снова заблокировала мои датчики,— проговорил Ангел,— потому и смогла подкрасться незаметно. Тебе повезло, что ты увидел ее.

— Да,— отозвался Мёрдок.

— Пожалуй, попробую выбраться,— сказал Ангел чуть погодя.— С твоей помощью мы немного продвинулись вперед.

Автомобиль начал раскачиваться. Мёрдок впервые за весь вечер увидел звезды — яркие, холодные и бесконеч-

но далекие. Ангел выкатился на твердую почву, развернулся и проехал мимо гробницы Дженни; Мёрдок искоса поглядел на нее и отвернулся.

Когда они миновали лабиринт проходов и оказались в каньоне, ожило радио.

— Мёрдок! Мёрдок! С тобой все в порядке? Мы пытались отыскать тебя...

— Я в порядке,— ответил он тихо.

— Мы слышали выстрелы. Кто стрелял, ты?

— Да. Прикончил призрака и возвращаюсь.

— Мы уничтожили всех до единого.

— Хорошо.— Мёрдок отключился.

— Почему ты не рассказал им про красную машину? — спросил Ангел.

— Заткнись и следи за дорогой.

За окнами тянулись стены каньона, в которых пласты ярких расцветок перемежались более тусклыми. Стояла ночь, холодная, широкая и глубокая, как небо; с севера задувал черный, пахнувший смертью ветер, навстречу которому и двигался Ангел. Промчавшись сквозь пелену времени и пыли, мимо многочисленных обломков, Ангел и Мёрдок добрались до того места, где их поджидали остальные охотники. Стояла ночь, с севера задувал черный ветер.

Кладбище слонов

Они танцевали...

...На Балу Столетия...

...На Балу Тысячелетия...

...На самом волшебном из всех Балов...

...И ему хотелось сокрушить ее, разорвать на куски...

Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих теней, скользящих вокруг, не удостаивал вниманием разноцветные светящиеся шары, что проплывали над головой.

Он не ощущал запахов. Кроме одного — первобытного запаха вечнозеленого реликта Рождественских времен, который медленно вращался на пьедестале в центре зала, роняя несгораемые иголки.

Все казалось далеким, отстраненным, пережитым. Ушедшим.

Еще несколько минут — и наступит двухтысячный...

Леота трепетала на сгибе его руки, как стрела на туго натянутом луке, и ему хотелось сломать эту стрелу или выпустить — не целясь, наугад, лишь бы из глаз, прекрасных зеленовато-серых глаз, исчезло самадхи*, или близорукость, или что бы там ни было...

Она следовала его неуклюжим движениям столь совершенно, что ему казалось, будто, соприкасаясь с ним,

* Состояние медитативного транса в йоге.

она читает его мысли! Особенно его сводило с ума ее дыхание — жарким влажным обручем охватывая шею, оно проникало под смокинг, словно невидимая зараза, каждый раз, когда Леота приближала к нему лицо и говорила что-то по-французски. Этого языка он еще не знал, а потому отвечал невпопад: «C'est vrai», или «Damn»*, или и то и другое,— и пытался сокрушить ее девственную белизну под черным шелком, и Леота снова превращалась в трепещущую стрелу. Но она танцевала с ним, и это был самый большой его успех за минувший год, равный одному ее дню.

До наступления двухтысячного оставались считанные секунды. И вот...

Музыка раскололась надвое и слилась воедино, а шары засияли дневным светом. «Все как тогда»,— вспомнил Мур и усмехнулся. Огни погасли. Чей-то голос произнес ему и всем остальным чуть ли не в самое ухо:

— С Новым годом! С новым тысячелетием!

...И он сокрушил ее...

Никому не было дела до того, что происходило на Таймс-сквер. А там толпа смотрела трансляцию Бала на экране размером с футбольное поле. Даже темнота павильона не была помехой для веселящихся зрителей — в инфракрасном свете они отлично видели прижимающихся друг к другу танцоров. «Возможно, именно мы сейчас — причина неистовства этой переполненной "чашки Петри" за океаном»,— подумал Мур. Это было вполне возможно, если учесть, с кем он танцует.

Его не беспокоило, смеются над ним или нет; слишком близка была цель, чтобы тревожиться о пустяках.

«Я люблю тебя!» — мысленно произнес он. (Дабы предугадывать ее ответы, он проигрывал диалог в уме, и это делало его чуточку счастливей.)

Шары замерцали, и Мур снова вспомнил прошлогодний Бал. Пошел снег; снежинки, будто крошечные осколки радуги, падали на танцующих; медленно тая, между

* Это верно; Черт возьми! *(фр.)*

шарами проплывали рулончики серпантина; под сводами павильона, ухмыляясь, кружились воздушные змеи, разукрашенные под китайских драконов.

Танец возобновился, и Мур попросил ее, как год назад:

— Пойдем куда-нибудь. Хоть минуту побудем наедине.

Леота подавила зевок:

— Нет. Мне скучно. Еще полчаса, и я ухожу.

У нее был красивый грудной голос. Самый красивый из всех женских голосов.

— Почему бы нам не провести эти полчаса в одном из здешних буфетов?

— Спасибо, я не хочу есть. Я хочу быть на виду.

Мур первобытный, почти всю жизнь продремавший в затылочной доли мозга Мура цивилизованного, с рычанием встал на дыбы. Но Мур цивилизованный, боясь, что он все испортит, надел на него намордник.

— Когда мы увидимся? — мрачно спросил он.

— Может быть, в День Штурма Бастилии,— прошептала она.— Liberté, Égalité, Fraternité...*

— Где?

— Под куполом Нового Версаля, в девять. Если нужно, я устрою тебе приглашение.

— Буду весьма признателен.

«Она заставляет тебя унижаться!» — злобно вставил Мур первобытный.

— Хорошо, в марте ты его получишь.

— А сейчас ты не уделишь мне денек-другой?

Она отрицательно покачала головой. Голубовато-белый локон обжег его щеку.

— Время слишком дорого,— прошептала Леота с пафосом и вместе с тем иронически,— а дни без Балов — бесконечны. Ты хочешь, чтобы я отдала тебе годы своей жизни?

— Да.

— Ты слишком многого хочешь.

* Свобода, равенство, братство *(фр.)*.

Его подмывало послать ее к черту и уйти, но вместе с тем ему хотелось быть с нею. Ему было двадцать семь, и весь 1999 год он прожил в мечтах о ней.

Два года назад он решил, что пора жениться — его достаток вполне это позволял. Не найдя невесты, которая сочетала бы в себе лучшие черты Афродиты и цифровой вычислительной машины, он направил свое честолюбие в другое русло.

Ему удалось получить приглашение на «Новый год на орбите». Для этого ему пришлось объездить весь свет, не раз пересекая Международную демаркационную линию, и расстаться с месячным заработком. Но на Балу он встретил Леоту Матильду Мэйсон, Принцессу Спящих. Стоило ему увидеть ее наяву — и он напрочь забыл о цифровой машине. Мур влюбился. Вернее, позволил себе влюбиться. Во многих отношениях он был старомоден.

Разговор между ними длился ровно девяносто секунд. Первые двадцать ушли на обмен холодными стандартными фразами. Но все же он добился от нее обещания потанцевать с ним на Балу Тысячелетия в Стокгольме.

И весь год сгорал от нетерпения, браня себя за то, что чересчур поддался ее чарам. И вот теперь он услышал, что ей скучно в самом красивом городе мира и что она намерена удалиться в свой «бункер» до Дня Штурма Бастилии.

Вот когда Мур первобытный осознал то, что Мур цивилизованный, возможно, знал уже давно: когда они встретятся снова, Леота будет старше на два дня, а он — на полгода. Для Круга время застыло: «холодный сон» позволил сбыться мечте Нарцисса. Но старение так и осталось ценой полнокровной жизни.

У Мура не было ни малейшего шанса. Легче стокгольмской снежинке сохраниться в Конго, чем ему остаться с Леотой наедине, в стороне от глаз членов «Клуба ледяных гробов». (Лауреат Круга Уэйн Юнгер, похожий на профессионального игрока в гольф, собирающегося преподать урок зеленому юнцу, уже двигался наперехват.)

— Привет, Леота. Пардон, мистер Как-вас-там.

Мур первобытный зарычал и замахнулся дубиной, но Мур цивилизованный послушно уступил дерзкому богу Круга самую недосягаемую красавицу в мире.

Леота улыбнулась, Юнгер тоже.

На всем пути до Сан-Франциско, в баре стратокрейсера в году двухтысячном от Рождества Христова (два-ноль-ноль-ноль), у Мура крутилось в голове: «Порвалась дней связующая нить...»*

Через два дня он принял решение.

Стоя на балконе, похожем на огромный мыльный пузырь, прилипший к стене одной из ста башен комплекса Хилтон-Фриско, он спросил себя: «Та ли это девушка, которую мне хотелось бы взять в жены?»

И ответил, рассеянно глядя на залив и на транспортные капилляры под носками своих туфель: «Да. Я знаю, меня ждет большое будущее. И я хочу, чтобы в этом будущем у меня была красавица жена. Леота».

Мур дал себе клятву вступить в Круг.

Он понимал, что замыслил подвиг. Чтобы попасть на Олимп, во-первых, требовались деньги. Много денег. Во-вторых, необходима известность. Но инженеров-электриков — талантливых, компетентных, даже вдохновенных — в мире более чем достаточно. Мур знал: добиться признания будет нелегко.

Он с головой ушел в работу и учебу. Бывало, по шестьдесят, а то и по восемьдесят часов в неделю он читал, конструировал, прослушивал записи лекций по предметам, которые прежде были ему не нужны.

В мае Мур получил приглашение на Бал и долго рассматривал прямоугольник настоящей атласной бумаги с настоящим тиснением. К тому времени он запатентовал девять изобретений, еще три «дозревали». Один патент он продал и теперь вел переговоры с фирмой «Аква майнинг» насчет своей технологии очистки воды. «Если выдержу такой темп,— решил он,— у меня будут деньги».

---

* «Порвалась дней связующая нить...» — слова Гамлета в переводе Б. Пастернака.

А может, и известность. Теперь все целиком зависело от внедрения его технологии и от того, как он распорядится деньгами. Леота скрывалась в страницах формул, в листах эскизов; она сгорала, пока он спал, и спала, пока он сгорал.

В июне он решил отдохнуть.

«Ассистент начальника отдела Мур,— обратился он к своему отражению в зеркале парикмахерской (его похвальное рвение в Отделе герметической укупорки выходных отверстий аппаратуры высокого давления обеспечило ему значительное повышение в должности),— не мешало бы тебе получше знать французский и научиться танцевать как следует».

Однако отдых оказался не менее утомительным, чем работа. У него гудели мышцы, когда он летел через Трамплинный зал молодежной христианской ассоциации Сателлита-3; его движения обрели грацию, после того как он станцевал с сотней роботесс и десятками женщин; он прошел ускоренный, с применением наркотиков, курс обучения французскому по системе Берлица (на более скоростной «церебрально-электростимуляционный» метод он не решился, опасаясь пресловутого замедления рефлексов). И хотя он спал на взятой напрокат «говорящей кушетке», твердившей ему по ночам формулы расслабления, в канун Fête* Мур чувствовал себя так, как чувствовал себя после бурной ночи какой-нибудь придворный повеса эпохи Возрождения.

«Интересно, на сколько его хватит?» — думал Мур первобытный, поглядывая из своей пещеры на Мура цивилизованного.

За два дня до праздника он покрыл свое тело равномерным загаром и решил, что скажет Леоте:

«Я люблю тебя!»

«О черт! — спохватился он.— Только не это!»

«Скажи, ты могла бы ради меня выйти из Круга?»

---

* Праздник *(фр.)*.

«Хо-хо! — мысленно рассмеялся он.— Размечтался!»

«Если я вступлю в Круг, ты будешь со мной?»

«А что? Пожалуй, ничего лучше не придумаешь».

Третья встреча Леоты и Мура была совершенно не похожа на предыдущие. Никаких прощупываний — охотник готовился решительно шагнуть в заросли. «Вперед! — скомандовал себе Мур.— И не оглядываться!»

На ней было бледно-голубое платье с орхидеей на корсаже. Купол дворца с поющим зодиакальным кругом вращался, бросая на пол ведьмины огни, У Мура возникла неприятная иллюзия, будто цветок растет прямо из левой груди Леоты, этакий экзотический паразит. Он приревновал ее к орхидее — а ревность, он знал, не была свойственна повесам эпохи Ренессанса. И тем не менее...

— Добрый вечер. Как поживает ваш цветок?

— Еле дышит,— ответила она, потягивая зеленый напиток через соломинку,— но цепляется за жизнь.

— Со страстью, которую я вполне могу понять,— подхватил Мур, взяв девушку за руку.— Ответь мне, королева просопопеи*, куда ты держишь путь?

На ее лице мелькнул интерес.

— А вы намного лучше говорите по-французски, Адам... Кадмон? — заметила она.— Я иду только вперед. А вы?

— Туда же.

— Увы, я сомневаюсь в этом.

— Сомневайтесь в чем хотите, но мы с вами теперь — параллельные потоки.

— Что это? Самомнение изобретателя, почившего на лаврах?

— Куда моим лаврам до лавров того, кто изобрел «холодный бункер».

Она окинула его пронизывающим взглядом.

---

* Олицетворение, стилистический оборот, заключающийся в том, что предмету приписывается действие или состояние, в реальной действительности ему не свойственное.

— Что у вас на уме? Это серьезно?

— Если падшим душам суждено соединиться только в этом Аиде, то да, это серьезно.— Он кашлянул и спросил напрямик: — Можем мы остаться вдвоем хотя бы на время танца? Я не хочу, чтобы на нас пялился Юнгер.

— Хорошо.

Она поставила бокал на летающий поднос и проследовала за Муром под вращающийся зодиакальный круг. Тотчас лабиринт человеческих тел отгородил их от Юнгера. Мур усмехнулся:

— На некостюмированном балу все похожи друг на друга, как две капли воды.

Леота улыбнулась:

— Знаешь, а ты танцуешь гораздо лучше, чем в прошлый раз.

— Знаю. Скажи, как бы и мне получить ключик к вашему милому айсбергу? Пожалуй, это было бы занятно. Я понимаю, одних денег и происхождения недостаточно, чтобы попасть к вам. Я прочел все, что написано о Круге, но хотел бы получить практический совет.

Ее рука чуть дрогнула в его ладони.

— Ты знаешь Дуэнью?

— Понаслышке,— ответил Мур.— Говорят, это старая горгулья. Ее специально заморозили, чтобы отпугнуть Зверя, когда наступит час Армагеддона.

Леота не улыбнулась. Она снова превратилась в стрелу.

— Тут есть доля правды,— холодно подтвердила девушка.— Дуэнья не пускает в Круг звероподобных личностей.

Мур цивилизованный прикусил язык.

— И хотя многим она не нравится,— продолжала Леота, оживляясь,— мне она кажется забавной статуэткой китайского фарфора. Будь у меня дом, я бы поставила ее на каминную полку.

— А я слыхал, ей место в Викторианском зале галереи НАП*,— возразил Мур.

---

* Национальная ассоциация промышленников (США).

— Она родилась в эпоху Виктории,— кивнула Леота.— Когда появился первый «холодный бункер», ей было за восемьдесят. Но я смело могу сказать, что с тех пор она ничуть не постарела.

— И она собирается флиртовать в этом возрасте целую вечность?

— Вот именно,— холодно ответила Леота.— Ибо ей угодно быть бессмертным вершителем наших судеб.

— В сто лет человек превращается в клубок архетипов,— заметил Мур.— Не потому ли так трудно пройти у нее собеседование?

— Это одна из проблем,— согласилась Леота,— но есть и другие. Если ты сейчас же подашь прошение о приеме в Круг, тебе придется ждать собеседования до лета. Если, конечно, тебя к нему допустят.

— А много ли претендентов?

Она закрыла глаза.

— Не могу сказать. Наверное, тысячи. На собеседования пригласят несколько десятков, остальных отбракуют Управляющие. Решающее слово, естественно, будет за Дуэньей.

Внезапно светло-зеленый зал (благодаря изменению музыки, освещения, тональности ультразвука, состава наркотических добавок в воздухе) превратился в холодный темный колодец на дне моря, бурного и ностальгического, как думы русалки, глядящей на руины Атлантиды. Элегическому гению творца зала удалось создать почти осязаемое притяжение между танцорами, и кожа Леоты была холодной и влажной.

— В чем тайна ее власти? Я много читал и слышал о ней и знаю, что она держит большой пакет акций. Ну и что с того? Почему я не могу договориться с Управляющими напрямик? Я мог бы заплатить...

— Ничего не выйдет,— перебила Леота.— Акции тут ни при чем. Она — символ Круга, без нее ничто не решается. Круг остается Кругом только благодаря его исключительности. Подражателей ожидает полный провал, так как им будет недоставать Дуэньи с ее удивительной прони-

цательностью. Если бы не она, в Круг мог бы вступить любой бурбон с толстым кошельком. Вот почему Те, Кто Считает,— добавила она, выделив заглавные буквы,— обязаны ее слушаться. Причем это не чей-нибудь каприз, а жестокая необходимость. Стоит Кругу опустить планку, и Земля лишится своего главного достояния — элиты.

— Деньги не пахнут,— возразил Мур.— Если найдутся и другие желающие устраивать Балы и хорошо за это платить...

— То люди, посмевшие взять у них деньги, перестанут быть Теми, Кто Считает. Они лишатся многих привилегий и приобретут репутацию торгашей.

— Хм-м... Вывернутая какая-то логика. Ни дать ни взять — лента Мебиуса.

— Что поделаешь. Круг — это кастовая система с ревизиями и бухгалтерским балластом. Никто не желает, чтобы его не стало.

— Даже «отбракованные»?

— Глупо! Они — в первую очередь. Кто им запрещает приобрести собственные «бункеры», если им это по карману, и лет через пять совершить новую попытку? За эти годы можно даже разбогатеть, если с умом распорядиться своим имуществом. Некоторые ждут десятилетия, но все равно не отступают. Кое-кому удача в конце концов улыбается. Ожидание и борьба скрашивают жизнь, делают победу более сладостной. В обществе свободы, высокого уровня жизни, жесткого равенства перед законом и одинаковых стартовых возможностей самой желанной целью индивидуума становится приобщение к элите. И добиться этого, имея за душой только деньги, невозможно. Попробуй — убедишься в моей правоте.

Его мысли приняли более конкретное направление.

— Каковы же плоды долгожданной победы?

— Они стоят того, чтобы за них сражаться. Победитель имеет право пользоваться личным «бункером» и бесплатно посещать Балы, до тех пор пока доходы с его имущества

компенсируют затраты на его содержание. Если он небогат, то не будет чувствовать себя ущербным среди нас, ведь мы дорожим нашими демократическими идеалами.— Леота посмотрела по сторонам и добавила: — Как правило, доходы члена Круга предопределены изначально, поскольку распорядиться имуществом ему помогают опытные консультанты. Они подсказывают, куда выгоднее вложить деньги.

— Наверное, Круг неплохо наживается на вас.

— Certainement*. Бизнес есть бизнес, да и Балы обходятся недешево. Но ведь мы и сами — члены Круга; имея акции какой-либо из его корпораций, мы получаем высокие дивиденды. Даже если через месяц тебя исключат, ты успеешь разбогатеть — ведь один объективный месяц равен примерно двадцати календарным годам.

— Куда мне обратиться, чтобы мое имя внесли в список?

Он знал куда, но надеялся, что Леота предложит свою помощь.

— Список будут составлять здесь, сегодня вечером. На Балу всегда есть кто-нибудь из офиса. За неделю-другую о тебе наведут справки, потом кого-нибудь пришлют.

— Наведут справки?

— Простая формальность. Или у тебя биография не в порядке? Судимость? Психическое заболевание? Неоплаченные долги?

Мур отрицательно покачал головой:

— Нет, нет и нет.

— Тогда не о чем беспокоиться.

— Неужели у меня действительно есть шанс?

— Да,— ответила Леота, прижимаясь щекой к ложбинке на его шее, чтобы он не видел ее лица.— До собеседования у тебя будет поддержка члена Круга. Но конечный результат целиком зависит от нее.

— Тогда мне действительно не о чем беспокоиться.

---

* Разумеется *(фр.)*.

— Собеседование может продлиться всего несколько секунд. Однако Дуэнье их будет достаточно. Она никогда не ошибается.

— Я выиграю,— твердо произнес Мур.

Над ними мерцал Зодиак.

Мур нашел Дэррила Уилсона в одном из баров городка Поконо-Пейнс. Актер, что называется, вышел в тираж: он почти ничем не напоминал героя знаменитого многосерийного вестерна. Тот был крутолобым, бородатым викингом прерий; у этого, казалось, по лицу прошел ледник, оставив за собой глубокие рытвины. Обрюзгший и поседевший за четыре года, Уилсон сохранил из своего облика только дорогостоящую насупленность. В кино он больше не снимался, а досуг проводил в баре, прижигая зоб огненной водой, в которой раньше ежедневно отказывал краснокожим. Ходили слухи, что он успешно «сажает» вторую печень.

Мур сел за его столик, опустил кредитную карточку в прорезь терминала, набрал на клавиатуре мартини и стал ждать. Заметив, что сидящий напротив человек не обращает на него внимания, он сказал:

— Вы — Дэррил Уилсон, а я — Элвин Мур. Хочу задать вам несколько вопросов.

«Самый меткий стрелок Запада» устремил на него мутный взгляд.

— Репортер?

— Нет. Ваш старый поклонник.

— Как же, рассказывай,— произнес знакомый Муру голос.— Я же вижу — репортер. Давай вали отсюда.

— Мэри Мод Муллен,— отчетливо произнес Мур.— Старая стерва, богиня Круга. Что вы о ней думаете?

Взгляд Уилсона наконец сфокусировался.

— А-а, претендент. Хочешь в этом сезоне взойти на Олимп?

— Угадали.

— Ну, и какие у тебя мысли?

Не дождавшись пояснения, Мур спросил:

— Насчет чего?

— Того самого.

Мур сделал глоток. «Хорошо,— подумал он,— поиграем в твою игру, если это сделает тебя более разговорчивым».

— Неплохой мартини,— заметил он.— Ну так?

— Почему?

Мур побагровел. Похоже, Уилсон слишком пьян, чтобы от него был прок. Ладно, последняя попытка...

— Потому что он расслабляет и вместе с тем бодрит, а мне именно это и требуется...

— А почему тебе надо быть расслабленным и вместе с тем бодрым?

— Думаешь, это лучше, чем быть напряженным и сонным?

— Почему лучше?

— Слушай, какого черта...

— Ты проиграл. Ступай домой.

Мур встал:

— Давай так: я выйду, вернусь, и мы начнем по новой. Идет?

— Сядь. Колеса моего фургона крутятся медленно, но они все-таки крутятся. Мы оба говорим об одном и том же. Ты хочешь знать, что такое Мэри Мод? Я скажу тебе. Это такой большой вопросительный знак. Перед ней бесполезно надевать маску. За две минуты Дуэнья разденет тебя догола, и твои ответы будут зависеть от биохимии да от погоды. Как и ее решение. Мне нечем тебя утешить. Дуэнья — это каприз в чистом виде. И еще она уродлива, как сама жизнь.

— И это все?

— Тем, кто не годится для Круга, она дает от ворот поворот. И этого достаточно. Все, ступай.

Мур допил мартини и ушел.

За зиму Мур сколотил состояние. Правда, довольно скромное. Он перешел из Отдела герметической укупорки в исследовательскую лабораторию фирмы «Аква май-

нинг». Лаборатория находилась на Оаху*, поэтому ежедневные затраты времени на транспорт увеличились на десять минут, зато «главный технолог» звучало солиднее, чем «ассистент начальника отдела». Мур трудился в поте лица, и одним из результатов стремительного роста его состояния и положения в обществе был судебный процесс в январе.

Он выяснил, что почти все мужчины, принятые в Круг, были разведены. Обратившись в престижную фирму по оформлению браков и разводов, он подписал контракт сроком на три месяца с Дианой Деметрикс, безработной манекенщицей греко-ливанского происхождения. Контракт мог быть расторгнут по желанию одной из сторон и продлен с согласия обоих супругов.

Позже Мур пришел к выводу, что вина за безработицу среди манекенщиц лежит в основном на прогрессе в медицине. Хирургия заполнила мир женщинами с идеальной внешностью. Манекенщице трудно найти работу и еще труднее — удержаться на ней. Новообретенное благосостояние Мура и явилось тем стимулом, который заставил Диану обратиться в суд, обвинив бывшего мужа в нарушении устного соглашения, якобы заключенного между ними, о продлении контракта по желанию одной из сторон.

Разумеется, «Бюро оформления браков и разводов Берджесса» помогло Муру уладить конфликт, оплатив судебные издержки и хирургическую операцию. (Диана сломала ему нос «Пособием по демонстрации готового платья» — тяжелым иллюстрированным справочником в пластиковом футляре.)

В марте Мур был уже готов сразиться с пережитком девятнадцатого века, невесть что о себе возомнившим. В мае, однако, сказалось переутомление. Но, вспомнив вопрос Леоты о психическом заболевании, он (чем черт не шутит!) поборол искушение пройти в психиатрической клинике месячный курс реабилитации. Мур собрал волю

* Один из островов Гавайского архипелага.

в кулак, сосредоточась на мыслях о Леоте. Ведь он совсем забыл о ней. Постоянная учеба, заботы о карьере и женитьба на Диане Деметрикс не оставляли ему времени на воспоминания о принцессе Круга, его любви.

Любви?

Он усмехнулся.

«Суета,— решил он.— Я хочу Леоту, потому что все хотят ее».

Но это было не совсем так.

Он задумался о своих подлинных целях и желаниях.

И понял: его цели неясны. Действие опережает замысел. Если не кривить душой, то он хочет только одного: лететь на роскошном стратокрейсере, проносясь сквозь завтра и послезавтра, сквозь годы и века,— не старея, как те древние боги, что дремали в заоблачной выси и просыпались только в праздники равноденствия, чтобы снизойти к смертным, влачащим жалкое, томительное существование на Земле. Обладать Леотой значило принадлежать Кругу; именно этого он и добивался. Так что действительно то была суета. То была любовь.

Он громко рассмеялся. Его автосерф, как алмаз, резал голубую линзу Тихого океана, осыпая наездника холодным крошевом брызг.

Возвращаясь из царства абсолютного нуля, подобный Лазарю, ты не испытываешь ни боли, ни замешательства. Ты вообще ничего не чувствуешь, пока твое тело не нагреется до температуры сравнительно теплого трупа.

«Лишь в самом конце, когда просыпается разум,— думала миссис Муллен, стараясь окончательно прийти в сознание,— и ты понимаешь, что вино простояло в погребе еще один сезон и урожай стал еще ценнее,— только тогда привычная обстановка комнаты принимает вдруг уродливые, пугающие черты. Наверное, это всего лишь суеверный страх, психический шок при мысли, что материя жизни — твоей собственной жизни — каким-то непостижимым образом изменена. Но проходит микросекунда, и страх исчезает».

Миссис Муллен содрогнулась, как будто холод еще не покинул ее старческое тело, и выбросила из головы воспоминание о кошмаре.

Она посмотрела на человека в белом халате, стоявшего возле ее ложа.

— Какое сегодня число?

Он был горсткой праха, несомой ветром времени...

— Восемнадцатое августа две тысячи второго года,— ответила горстка праха.— Как ваше самочувствие?

— Спасибо, превосходное. Я только что вступила в новое столетие. Почему бы моему самочувствию не быть прекрасным? Я собираюсь прожить еще не один век.

— Обязательно проживете, мэм.

Две крошечные географические карты — ее ладони — поправили стеганое одеяло. Дуэнья подняла голову.

— Что нового в мире?

В ее глазах вспыхнуло ацетиленовое пламя. Врач отвел взгляд.

— Мы все-таки побывали на Нептуне и Плутоне,— начал он.— Они оказались совершенно необитаемы. Проект «Сахара» встретил новые затруднения, но эти глупые французы утверждают, что почти все улажено и весной начнутся работы...

Ее взгляд плавил летающую в воздухе пыль, превращая ее в стекловидные чешуйки.

— Повторяю, доктор,— сказала миссис Муллен.— Что нового в мире?

Он пожал плечами:

— Мы можем продлить консервацию. Причем на значительный срок.

— Опять консервация?

— Да.

— Но не лечение?

Он снова пожал плечами.

— Но ведь отсрочка и так превысила всякую меру,— пожаловалась она.— Прежние лекарства почти не действуют. Сколько времени дадут мне новые?

— Этого мы не знаем. Но над вашей проблемой работает много специалистов.

— Значит, вы не можете сказать, когда будет найден способ лечения?

— Может быть, через двадцать лет. А может быть, завтра.

— Ясно.— Пламя в ее глазах погасло.— Ступайте, молодой человек. Только включите моего автосекретаря.

Врач с радостью уступил место машине.

Набрав номер библиотеки, Диана Деметрикс заказала «Реестр Круга» и на нужной странице нажала кнопку «стоп».

Пока она всматривалась в экран, будто в зеркало, на ее лице сменилась целая гамма выражений.

— А ведь я выгляжу ничуть не хуже,— заключила она.— Даже лучше. Еще бы нос чуточку поправить и линию бровей... Да, леди. Твое счастье, что мужчины — консерваторы. Если бы не их предвзятость к пластическим операциям, ты была бы на моем месте, а я — на твоем. У-у, стерва!

Из «очистителя Мура» вытек миллионный баррель воды. Морская и теплая, она превратилась в пресную и прохладную. Пройдя через «тандем-камеру», она — чистая, вполне пригодная для питья, но ровным счетом ничего не подозревающая об этих своих достоинствах — поступила в водопровод. С другого конца в «очиститель» вливалась новая порция тихоокеанского рассола.

Осажденные и отфильтрованные вещества годились для производства псевдокерамики.

Изобретатель этого чудо-очистителя быстро богател.

Температура воздуха на Оаху достигла восьмидесяти двух градусов по Фаренгейту.

Из «тандем-камеры» потек миллион первый баррель.

Они вышли, оставив Элвина Мура в окружении собачек из китайского фарфора.

Две стены были от пола до потолка забраны стеллажами. На стеллажах рядами выстроились синие, розовые,

желтовато-коричневые, охряные, розовато-лиловые, шафрановые и цвета киновари собачки — преимущественно глазурованные. Размерами они тоже отличались друг от друга: одни были с крупного таракана, другие — с крошечного бородавочника. Напротив двери, в камине, бушевал настоящий Гадес*; в его реве слышался метафизический вызов жаркому июлю Бермуд.

Каминная доска, на которой стояло несколько собачек, была частицей Круга. Как был частицей Круга и роскошный стол возле огненного ада. За столом, укутанная шотландским пледом в черную и зеленую клетку, сидела Мэри Мод Муллен. Она изучала досье Мура, лежащее перед ней в раскрытой папке. Разговаривая с претендентом, Дуэнья не поднимала глаз.

Мур стоял возле кресла (сесть ему не предложили) и делал вид, будто рассматривает собачек и лучину для растопки — и того и другого здесь было в избытке.

Мур и к живым-то собачкам был совершенно равнодушен, не говоря уже о фарфоровых. Но в гостиной Дуэньи, на секунду закрыв глаза, он ощутил клаустрофобию. Со всех сторон на него таращились не безобидные статуэтки, а чуждые существа, запертые в клетку Последним Землянином. Мур дал себе слово воздержаться от похвалы радужной стае гончих, охотящихся на жадеитового оленя величиной с чихуахуа. «Создать такую скульптурную группу,— подумал он,— мог только маньяк или человек с неразвитым воображением, к тому же недолюбливающий собак».

Внимательно прочитав его прошение, миссис Муллен подняла бесцветные глаза и спросила:

— Как вам нравятся мои питомцы?

Сидя за столом, эта узколицая, морщинистая, курносая дама с огненно-рыжими волосами невинно взирала на посетителя.

Мур попытался воспроизвести мысли, с которыми входил в ее студию. Безуспешно — вопрос застал его врасплох. Тогда он решил, что наименее рискованным ответом будет объективный.

— Они весьма красочны, мэм.

Едва произнеся эти слова, Мур понял, что ошибся. Совсем недавно он готов был расхваливать статуэтки до небес.

Он улыбнулся:

— Их тут так много, просто голова кругом идет. Хорошо еще, что они не лают, не кусают, не линяют и еще кое-чего не делают.

— Мои маленькие разноцветные сучки и сукины сыночки! — Мэри Муллен тоже улыбнулась.— Они ничего не делают. Они — своего рода символы. Потому-то я их и собираю.

Она указала на кресло:

— Садитесь. Располагайтесь поудобнее.

— Спасибо.

— Тут говорится, что вы совсем недавно вышли из счастливых безликих масс, чтобы достичь определенных высот в инженерном деле. Почему вы решили покинуть эти высоты?

— Я нуждался в деньгах и престиже, поскольку желающему вступить в Круг они не помешают.

— Так, так. Значит, деньги и престиж — не цель, а средство?

— Совершенно верно.

— В таком случае почему вы хотите вступить в Круг?

К этому вопросу Мур подготовился еще месяц назад, но теперь ответ застрял в горле, и Мур дал ему там умереть. Он вдруг усомнился, что эти слова, рассчитанные на поклонницу Теннисона*, придутся Дуэнье по сердцу.

— В ближайшее десятилетие мир изменится до неузнаваемости. Мне бы хотелось увидеть эти перемены молодыми глазами.

— В Кругу вы будете жить не столько для того, чтобы наблюдать, сколько для того, чтобы за вами наблюдали.—

* В греческой мифологии бог подземного мира и царства мертвых.

* Альфред Теннисон (1809–1892) — английский поэт.

Мэри Муллен сделала пометку в досье.— Кроме того, если мы вас примем, вам, наверное, придется покрасить волосы.

— Да и черт с ними... О, простите — вырвалось.

— Ничего.— Она сделала еще одну пометку.— Ваша реакция вполне подходящая.

Мэри Муллен снова подняла голову:

— Почему вы так хотите увидеть будущее?

Ему стало не по себе. Казалось, Дуэнья видит его насквозь и знает, что он лжет.

— Обычное человеческое любопытство,— нерешительно ответил Мур.— Кроме того, профессиональный интерес. Поскольку я инженер...

— Вы не на семинаре,— перебила она.— Жизнь члена Круга отдана Балам, и у вас почти не останется времени на учебу. Через двадцать, даже через десять лет ваши научные познания снизятся до уровня детского сада. Новые формулы покажутся вам иероглифическими письменами. Вы умеете читать иероглифы?

Он отрицательно покачал головой.

— Допустим, я привела неудачное сравнение,— продолжала Дуэнья.— Но как бы там ни было, если вы захотите нас покинуть, то сможете устроиться разве что чернорабочим. Правда, нищета вам грозить не будет, но коли вы решите работать по специальности, вам придется очень многое наверстывать, а это потребует больших усилий и денег.

Мур пожал плечами и поднял руки. Он уже обдумал эту проблему. «Лет через пятьдесят разбогатею и дам Кругу пинка,— сказал он себе.— А потом пройду ускоренный курс обучения и попробую устроиться консультантом по вопросам морского строительства».

— Мне вполне хватит знаний и опыта, чтобы оценивать события, пусть даже я не смогу в них участвовать,— сказал он.

— Вы считаете, что роль стороннего наблюдателя способна вас удовлетворить?

— Да,— солгал он.

— Сомневаюсь.— Она снова пронзила его взглядом.— Скажите, вы действительно влюблены в Леоту Мэйсон? Именно она предложила вашу кандидатуру. Впрочем, это ее право.

— Не знаю,— задумчиво ответил Мур.— Два года тому назад мне казалось...

— Увлечение — это прекрасно,— перебила Дуэнья.— Это повод для сплетен, а сплетни нам не помешают. Но любви я не потерплю. Выбросьте эту блажь из головы. Не бывает ничего скучнее и пошлее любви между членами Круга. Она порождает не сплетни, а насмешки. Так увлечение или любовь?

— Увлечение,— решил он.

Дуэнья посмотрела на огонь, потом — на свои руки.

— Вам придется выработать буддистское отношение к окружающему миру, который будет меняться с каждым днем. Когда бы вы ни бросили на него взгляд, он покажется совершенно иным. Нереальным.

Мур кивнул.

— Следовательно, чтобы сохранить душевное равновесие, вы должны внушить себе, что Круг — это центр вселенной. Что бы ни говорило вам сердце, вы должны внимать не ему, а рассудку...

Он снова кивнул.

— ...И если будущее придется вам не по вкусу, вы не должны забывать, что назад пути нет. Подумайте об этом. И не просто подумайте — прочувствуйте.

Он прочувствовал.

Перо забегало по бумаге. Внезапно старческая рука задрожала. Выронив стило, Мэри Мод Муллен спрятала руку под плед.

— Вы не столь респектабельны, как большинство кандидатов,— произнесла она излишне будничным тоном,— но сейчас нам недостает людей с широким спектром эмоций. Контраст необходим — он придает нашим Балам глубину и живость. Просмотрите видеозаписи последних Балов.

— Уже просмотрел.

— И вы готовы отдаться им всем сердцем?

— Что бы ни говорило мне сердце...

— Хорошо, мистер Мур. Возвращайтесь к себе в номер и ждите ответа. Завтра вы его получите.

Мур встал. На языке вертелись десятки вопросов, но задавать их было поздно.

«Решила отказать? — мелькнула в голове паническая мысль.— Может, поэтому беседа оказалась столь короткой?»

И все же последние слова старухи прозвучали ободряюще.

Ему казалось, будто все его поры превратились в свежие ссадины от когтей и зубов. Мур повернулся и покинул обитель хрупких собачек.

До вечера он плескался в гостиничном бассейне, а потом отправился в бар. В тот день он не обедал.

Наконец пришел посыльный с радостным известием. Посыльный также намекнул, что, по обычаю, Мур должен послать своему инквизитору скромный подарок.

Пьяный Мур мигом придумал, что пошлет старухе, и захохотал.

Получив собачку с острова Оаху (такой в ее коллекции еще не было), Мэри Мод Муллен грустно пожала плечами, и это движение едва не перешло в крупную дрожь. Через несколько секунд старуха все-таки задрожала, едва не выронив статуэтку. Торопливо поставив ее на каминную полку, она схватила со стола пузырек с таблетками.

Впоследствии эта статуэтка потрескалась от перепада температур.

Они танцевали. Море над куполом казалось вечнозелено-золотым небом. День был необычайно юн.

Измученные шестнадцатичасовым Балом танцоры цеплялись друг за друга. Ноги у них болели, спины сутулились. По широкому залу еще двигалось восемь пар, и усталые

оркестранты подпитывали их самой медленной музыкой, на какую только были способны.

Рассредоточившись по окоему мира, где небо сливалось с голубой плиткой пола, сидело около пятисот человек. Расстегнув пуговицы на одежде и раскрыв рты, они глазели на танцующих, подобно серебряному карасю, что таращился в зеленый сумрак с праздничного стола.

— Думаешь, будет дождь? — спросил Мур.

— Да.

— И я так думаю. Но довольно о погоде. Давай лучше о той неделе, которую ты провела на Луне.

Она улыбнулась:

— А чем тебя не устраивает старушка Земля?

Кто-то вскрикнул. Почти тотчас раздался звук пощечины.

— Никогда не был на Луне.

Казалось, Леоту это слегка развеселило.

— А я была. Но мне там не понравилось.

— Почему?

— Холодно. Над куполом пляшут безумные огни, и кругом — безжизненные черные скалы.— Она сделала гримаску.— Словно кладбище у конца времен...

— Ну хорошо,— согласился Мур.— Не будем об этом.

— ...А под куполом тебя не оставляет чувство, будто ты — бестелесный дух...

— Все, все.

— Извини.— Она коснулась губами его шеи. Он прижался губами к ее лбу. Она улыбнулась.— Круг утратил лоск.

— Это не имеет значения. Нас уже не снимают.

Возле гигантского праздничного стола в форме морского конька зарыдала женщина, Музыканты заиграли громче. Небо пестрело люминесцентными огоньками морских звезд, которые плыли по наводящему лучу. Одна из звезд окропила Мура и Леоту соленой водой.

— Завтра улетаем?

— Да,— ответила она.

— Как насчет Испании? Сейчас там сезон созревания вишен. Праздник — Хуэгос Флоралес де ла Вендимья Херезана. Возможно, последний.

— Опять фейерверки,— вздохнула Леота.— Слишком шумно.

— Зато весело.

— Весело.— Она скривила губы.— Давай лучше посетим Швейцарию. Притворимся, будто мы совсем старенькие и дряхлые. Или придумаем еще что-нибудь романтичное.

— Некрофилка! — Мур поскользнулся на влажном пятне и едва не упал.— Лучше уединиться в горной Шотландии на берегу какого-нибудь озера. У тебя был бы твой любимый туман, а у меня — парное молоко и соусированный табак...

— Нет! — воскликнула она, перекрывая пьяную болтовню окружающих.— Лучше в Нью-Гемпшир.

— А почему не в Шотландию?

— Я еще ни разу не бывала в Нью-Гемпшире.

— А я бывал, и мне там не понравилось. Точь-в-точь как на Луне, если судить по твоему описанию.

В этот миг моль задела крылом пламя свечи. Раздался грохот.

В зеленых небесах медленно вытянулась холодная черная молния. Пошел мелкий дождь.

Пока Леота сбрасывала туфли, Мур схватил с пролетающего над его левым плечом подноса бокал и, осушив, поставил обратно.

— Похоже, здесь разбавляют напитки водой.

— Кругу приходится экономить,— отозвалась Леота.

Мур заметил Юнгера. Тот смотрел на них, стоя на краю зала с бокалом в руке.

— Я вижу Юнгера.

— И я. Он еле на ногах держится.

— Мы тоже.— Мур рассмеялся.

Шевелюра толстого барда представляла собой снежный хаос; левый глаз заплыл огромным синяком. Что-то

пробормотав, Юнгер выронил бокал и рухнул ничком. Никто не пришел к нему на помощь.

— Похоже, он опять слишком увлекся.

— Бедный Юнгер,— равнодушно произнесла Леота.— А ведь мы с ним давно знакомы.

Дождь лил не переставая, и танцоры казались марионетками в руках неопытных кукольников.

— Они летят! — закричал человек в красной мантии и простер руки к небу.— Снижаются!

Мур не узнал этого человека. Очевидно, он был не из Круга.

Все головы, способные соображать, разом запрокинулись навстречу каплям дождя. В безоблачной зелени быстро разрастались силуэты трех серебристых дирижаблей.

— Мы спасены!

Ансамбль, словно маятник посредине траектории, на мгновение замер и заиграл вновь: «Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди...»

— Мы будем жить!

Леота сжала ладонь Мура.

— Мы весело летим, куда глаза глядят...— пели голоса.

— Куда глаза глядят,— повторила Леота.

— Мы весело летим,— сказал Мур.

— ...Над синевою моря, под небом голубым...

Спустя круго-месяц после этого происшествия, едва не обернувшегося катастрофой для Круга (то есть в год две тысячи девятнадцатый эпохи правления Повелителя и Президента нашего Гамберта, через двенадцать лет после приснопамятного моретрясения), Мур и Леота стояли у стены Обители сна на одном из островов Бермудского архипелага.

Светало.

— Кажется, я люблю тебя,— сказал он.

— Хорошо, что любовь не требует доказательств.— Леота прикурила от его зажигалки.— Я бы не поверила никаким доказательствам. Я вообще ничему не верю.

— Двадцать лет тому назад я встретил на Балу красивую женщину. Я танцевал с ней...

— Пять недель тому назад,— поправила она.

— ...И подумал: интересно, захочет ли она когда-нибудь выйти из Круга, и снова стать человеком, и оставаться им до гробовой доски?

— Мне и самой нередко приходят в голову подобные мысли. Особенно когда мерзко на душе. Нет, Элвин, эта женщина не выйдет из Круга. Во всяком случае, до тех пор, пока не станет старой и некрасивой.

— То есть никогда,— заключил он.

— Ты благороден.— Леота выпустила к звездам струйку дыма и коснулась холодной стены.— Когда-нибудь ее перестанут замечать, а если кто и посмотрит, то лишь затем, чтобы сравнить ее с какой-нибудь красавицей далекого будущего. А может быть, это произойдет скоро, если в мире вдруг изменятся критерии красоты. Как только это случится, она пересядет из экспресса в обычный пассажирский поезд.

— И на какой бы станции она ни вышла, ее будет окружать чужой мир,— подхватил Мур.— Похоже, он ежедневно меняется до неузнаваемости. Прошлой ночью... виноват, в прошлом году я встретил своего однокашника. Он называл меня «сынок», «мальчик», «малыш» — причем не в шутку. Основательно испортил мне аппетит, между прочим.

— Знаешь ли ты, куда мы идем? — спросил Мур, когда Леота повернулась к засыпающему саду.— Туда, откуда не возвращаются. В небытие. Пока мы спим, мир идет своей дорогой.

— Это помогает сберечь силы,— сказала она через несколько секунд.— Стимулирует. Вдохновляет. Я говорю об отсутствии привязанностей. Все в мире тленно, кроме нас. Время и пространство не властны над нами, если у нас нет привязанностей.

— Ни к кому и ни к чему?

— Ни к кому и ни к чему.

— А тебе не кажется, что все это — великий розыгрыш?

— Ты о чем?

— О том, что с нами происходит. Представь, что все население планеты — мужчины, женщины, дети — год назад погибло при вторжении с альфы Центавра. Все, кроме нас, замороженных. Предположим, инопланетяне распространили смертоносные бациллы...

— Я читала, в созвездии Центавра нет жизни.

— Хорошо, пусть они не с Центавра, а из другого созвездия. Предположим, все следы катастрофы уничтожены и один из пришельцев показывает клешней на это здание.— Мур хлопнул по стене.— Он говорит: «Эге! Да тут остались живые, только они заморожены. Давайте-ка, ребята, спросим наших социологов, стоят ли эти земляне того, чтобы с ними возиться, или лучше снять крышки с холодильников, да и дело с концом?» Потом сюда входит социолог, любуется нашими ледяными саркофагами и говорит: «Эти олухи заслуживают только насмешек да нескольких строк петитом в провинциальной газетенке. Пусть они остаются в полном неведении. Пусть думают, что все идет по-прежнему, Вся их жизнь расписана заранее, так что обмануть их труда не составит. Мы заполним танцевальные залы андроидами и будем удовлетворять все прихоти этих балбесов. Мы изучим их поведение в любой мыслимой ситуации, а когда закончим исследования, сломаем реле времени на морозильниках — и пусть они спят до скончания века. Или снимем крышки, и они мигом протухнут». На том пришельцы и порешили, и теперь мы, последние земляне, пляшем перед машинами нелюдей, изучающих нас по одним лишь им ведомым причинам.

— Ну что ж,— улыбнулась Леота.— Возможно, мы даже разок-другой сорвем аплодисменты, прежде чем протухнем.

Она бросила окурок и, поцеловав Мура, пожелала ему спокойной ночи. Затем они разошлись по своим «бункерам».

———

Спустя двенадцать недель Мур решил отдохнуть.

Каждого праздника он ожидал теперь чуть ли не с ужасом. Периоды бодрствования, на которые не выпадало Балов, Леота проводила вместе с ним. Последнее время она была мрачной и замкнутой — видимо, сожалела, что тратит на Мура свое драгоценное время. Поэтому он решил ненадолго расстаться с ней и увидеть что-нибудь реальное, совершить экскурсию по Земле две тысячи семьдесят восьмого года. Ведь ему, как ни крути, было за сто — давно пора оглядеться по сторонам.

«Богиня будет жить вечно»,— утверждал заголовок выцветшей газетной вырезки на стене главного коридора Обители сна. В статье речь шла об окончательной победе врачей над атеросклерозом и полном исцелении одной из самых знаменитых его жертв. Мур подумал, что после собеседования ни разу не видел Дуэнью: впрочем, он и не искал встречи с нею.

Он достал из шкафа с повседневной одеждой костюм, переоделся, решительным шагом вышел из Обители сна и, не встречая по пути ни одной живой души, направился к аэродрому.

Входя в кабинку на краю летного поля, он еще не знал, куда полетит.

— Будьте любезны, назовите место назначения,— раздался голос из динамика.

— Э-э... Оаху. Лабораторный комплекс корпорации «Аква майнинг». Если, конечно, там есть посадочная площадка.

— Посадочная площадка там есть. Но на последние пятьдесят шесть миль пути придется оформить заказной рейс.

— Оформите на весь путь в оба конца.

— Пожалуйста, вставьте вашу кредитную карточку.

Мур выполнил эту просьбу.

Через пять секунд карточка упала в его подставленную ладонь. Он опустил ее в карман.

— Когда я прибуду на место?

— В девять тридцать две, если вы отправитесь ракетопланом «Стрела-9» через шесть минут. У вас есть багаж?

— Нет.

— В таком случае «Стрела-9» ожидает вас на площадке А-11.

Мур подошел к ракетоплану класса «Стрела» с девяткой на борту. Маршрут полета был уже введен в программу бортового компьютера — на это ушли считанные миллисекунды. Робот-диспетчер разрешил бортовому компьютеру самостоятельно корректировать курс в случае необходимости.

Мур поднялся по трапу и сунул кредитную карточку в прорезь возле люка. Люк распахнулся; Мур вытащил карточку и вошел в салон, сел в кресло возле иллюминатора и застегнул страховочный ремень. Сразу после этого люк закрылся.

Через пять минут ремень автоматически расстегнулся и исчез в подлокотниках кресла — «Стрела» уже летела с постоянной скоростью.

— Может быть, сделать освещение более ярким? — спросил голос.— Или, наоборот, менее ярким?

— По мне, так оно в самый раз,— ответил Мур невидимке.

— Желаете поесть? Или выпить?

— От мартини не откажусь.

Послышался металлический щелчок, и в борту ракетоплана возле кресла Мура открылась крошечная ниша. В ней стоял заказанный бокал мартини.

Мур сделал глоток.

За иллюминатором виднелась плоскость ракетоплана в голубом ореоле.

— Не желаете ли еще чего-нибудь? — Пауза.— Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? — Пауза.— Или что-нибудь из художественной прозы? — Пауза.— Или из поэзии? — Пауза.— Не угодно ли просмотреть каталог мод? — Пауза.— Или вы предпочитаете музыку?

— Поэзия? — переспросил Мур.

— Да, у меня большой выбор...

— Знавал я одного поэта,— припомнил он.— Есть у вас что-нибудь из Уэйна Юнгера?

— Уэйн Юнгер. Да,— ответил голос.— Есть сборники «Невостребованный рай», «Стальная плесень», «Стамеска в небе».

— Какой из них самый последний?

— «Стамеска в небе».

— Почитайте.

Голос начал со сведений, изложенных на титульном листе: год выхода книги, название издательства, копирайт и так далее. Протест Мура он отклонил, заявив, что таков закон, и процитировав соответствующую статью. Мур заказал вторую порцию мартини и стал ждать.

И вот наконец:

— «Наш зимний путь лежит сквозь вечер, а вдоль него горят кусты».

— Что? — переспросил Мур, не веря своим ушам.

— Это название первого стихотворения.

— А-а! Ну, читайте.

Там, где всегда — вечнозеленая белизна...
Кружит зима хлопья пепла
В башнях метели;
Есть силуэты, но контуров нет у них.
Тьма, как сама безликость,
Льется из провалов окон,
Сочится сквозь ветви надломленной сосны,
Струится по коре поваленного клена.
Наверное, это квинтэссенция старения,
Отторгаемого Спящими,
В изобилии течет по зимней дороге.
А может, сама Антижизнь
Учится писать картины местью,
Учится вонзать сосульку в глаз горгульи.
И, говоря откровенно,
Никто не в силах победить себя.
Я вижу ваше рухнувшее небо, исчезнувших богов,
Словно во сне, заполненном дымом
Древних статуй,
Сгорающих дотла.
...И никогда — вечнобелая зелень.

Выдержав десятисекундную паузу, голос продолжал:

— Следующее стихотворение..

— Погодите! — перебил Мур.— Я ничегошеньки не понял. Нельзя ли как-нибудь прокомментировать?

— К сожалению, нет. Для этого необходимо более совершенное устройство, чем я.

— Повторите, когда и где была выпущена книга.

— В две тысячи шестнадцатом году, в Северо-Американском Союзе.

— Это действительно последний сборник Юнгера?

— Да. Он — член Круга, поэтому между публикациями его книг проходит по нескольку десятилетий.

— Читайте дальше.

Машина снова принялась декламировать.

Мур почти ничего не понимал, но образы, упрямо ассоциирующиеся со льдом, снегом, холодом и сном, подействовали на воображение.

— Стоп! — остановил он машину.— А есть у вас что-нибудь из ранних стихов Юнгера, написанных еще до того, как его приняли в Круг?

— «Невостребованный рай». Сборник впервые опубликован в тысяча девятьсот восемьдесят первом, через два года после вступления автора в Круг. Но, согласно предисловию, большинство стихотворений написано до вступления.

— Читайте.

Мур сосредоточенно слушал. В ранних стихах Юнгера льда, снега и сна было немного. Совершив это незначительное открытие, Мур пожал плечами. Кресло тотчас изменило конфигурацию, приспосабливаясь к его новой позе.

В конце концов он решил, что стихи ему не нравятся. Впрочем, он вообще был равнодушен к поэзии.

Машина декламировала стихотворение, которое называлось «Приют бездомных собак»:

Сердце — это кладбище дворняг,
Скрывшихся от глаз живодера.
Там любовь покрыта смертью, как глазурью,
И псы сползаются туда околевать...

Мур улыбнулся, сообразив, где именно родились эти образы. Из стихов Юнгера «Приют бездомных собак» понравился ему больше всего.

— Довольно,— сказал он машине.

Мур заказал легкий завтрак и за едой думал о Юнгере. Однажды они долго беседовали друг с другом. Когда это было? В две тысячи семнадцатом? Да, в День Освобождения труда, во Дворце Ленина.

Водка там текла рекой... И, словно кровь из рассеченных артерий инопланетных чудовищ, били вверх фонтаны сока — фиолетовые, оранжевые, зеленые, желтые,— подобно зонтикам раскрываясь под сводами Дворца. Драгоценностей, сверкавших на гостях, хватило бы, чтобы уплатить выкуп за эмира. Устроитель Бала, премьер Корлов, похожий на гигантского заиндевелого Деда Мороза, являл собой само гостеприимство. Стены танцевального зала были изготовлены из поляризованного монокристалла, и окружающий мир то вспыхивал, то гас. «Как реклама»,— съязвил Юнгер, который сидел на вращающемся табурете, положив локти на стойку бара. Когда Мур приблизился, Юнгер повернул голову и уставился на него мутным взглядом совы-альбиноса.

— Кого я вижу! Это же сам Альбион Мур! — Он протянул руку.— Quo vadis*, черт бы вас побрал?

— Водка с виноградным соком,— обратился Мур к ненужному бармену, стоявшему на посту возле миксера. Нажав две кнопки, бармен придвинул бокал к Муру по красному дереву стойки.

— За освобожденный труд,— произнес Мур, салютуя Юнгеру бокалом.

— За это и я выпью.— Поэт наклонился вперед и набрал на клавиатуре миксера собственную комбинацию букв и цифр.

Бармен фыркнул. Мур и Юнгер чокнулись и выпили.

— Они...— палец Юнгера описал дугу,— обвиняют нас, будто мы совершенно не интересуемся тем, что происходит вне Круга.

* Куда идешь *(лат.)*.

— Ну что ж, я нахожу это справедливым.

— Я тоже, но обвинение можно дополнить. Нам точно так же наплевать и друг на друга. Если честно, много ли у вас знакомых в Кругу?

— Могу по пальцам пересчитать.

— Я уж не спрашиваю, с кем из них вы на «ты».

— Что ж тут странного? Мы много путешествуем, к тому же перед нами — вечность. А у вас много друзей?

— Одного я только что прикончил,— проворчал поэт и потянулся к миксеру.— А сейчас смешаю себе другого.

Мур не был расположен ни к веселью, ни к унынию. К какому из этих состояний может привести общение с Юнгером, он не знал, но после злополучного Бала в «Сундуке Дэви Джонса»* он жил будто в мыльном пузыре, и ему не хотелось, чтобы в его сторону направляли острые предметы.

— Никто вас не неволит,— холодно произнес Мур.— Если Круг вам не нравится, уходите.

Юнгер погрозил ему пальцем.

— Ты плохой tovarisch. Забываешь, что иногда человеку необходимо поплакаться в жилетку бармену или собутыльнику. Впрочем, ты прав — сейчас не те времена. С тех пор как появились никелированные «барматы» — да будут прокляты их экзотические глаза и коктейли, смешанные «по науке»! — некому стало излить душу.

Заказав «бармату» три коктейля, он выстроил бокалы на блестящей темной поверхности стойки.

— Испробуй! Отпей из каждого бокала! Спорим, ты не отличишь их друг от друга без карты вин.

— На «барматы» вполне можно положиться,— возразил Мур.

— Положиться? Можно, черт бы их побрал, если ты имеешь в виду увеличение числа неврастеников. Лучше их с этой работой никто не справится. Знаешь, когда-то за кружкой пива человек мог выговориться... Твои надежные миксеры-автоматы лишили его этой возможности.

* «Сундук Дэви Джонса» — дно морское, могила моряков.

А что мы получили взамен? Клуб болтливых извращенцев, помешанных на переменах? О, видели бы нас завсегдатаи «Русалки» или «Кровожадного Льва»! — вскричал Юнгер с фальшивым гневом в голосе.— Все-таки какими баловнями судьбы были Марло и его приятели!

Он печально вздохнул и заключил:

— Да, выпивка тоже не та, что прежде.

Международный язык его отрыжки заставил бармена отвернуться, но Мур успел заметить брезгливую гримасу на его лице.

— Повторяю,— сказал Мур,— если вам здесь не нравится, уходите. Почему бы вам не открыть собственный бар, без автоматов? Думаю, он бы пользовался успехом.

— Пошел ты... не скажу куда.— Поэт уставился в пустоту.— Впрочем, я, может быть, так и сделаю. Открою бар с настоящими официантами...

Мур повернулся к нему спиной и стал смотреть на Леоту, танцующую с Корловым. Он был счастлив.

— Люди вступают в Круг по разным причинам,— бормотал Юнгер,— но главная из них — эксгибиционизм. Невозможно устоять перед призраком бессмертия, который манит тебя из-за кулис на сцену. С каждым годом людям все труднее привлекать к себе внимание. В науке это почти невозможно. В девятнадцатом и двадцатом веках удавалось прославиться отдельным ученым, а сейчас — только коллективам. Искусство настолько демократизировалось, что сошло на нет. А куда, спрашивается, исчезли его ценители? Я уж не говорю о простых зрителях... Так что нам остался только Круг,— продолжал он.— Взять хотя бы нашу Спящую Красавицу, которая отплясывает с Корловым...

— Что?

— Извини, не хотел тебя разбудить. Я говорю, если бы мисс Мэйсон хотела привлечь к себе внимание, ей следовало бы заняться стриптизом. Вот она и вступила в Круг. Это даже лучше, чем быть кинозвездой, по крайней мере не надо вкалывать...

— Стриптизом?

— Разновидность фольклора. Раздевание под музыку.

— А, припоминаю.

— Оно тоже давно в прошлом,— вздохнул Юнгер.— И поскольку мне не нравится, как одеваются и раздеваются современные женщины, меня не оставляет чувство, будто со старым миром от нас ушло что-то светлое и хрупкое.

— Не правда ли, она очаровательна?

— Бесспорно.

Потом они гуляли по холодной ночной Москве. Муру не хотелось покидать теплый дворец, но он изрядно выпил и легко согласился на уговоры Юнгера. Кроме того, он опасался, что этот болтун, едва стоящий на ногах, провалится в канализационный люк, опоздает к отлету ракетоплана или вернется побитый.

Они брели по ярко освещенным проспектам и темным переулкам, пока не вышли на площадь, к огромному полуразвалившемуся монументу. Поэт сломал на ближайшем кусте веточку и метнул ее в стену.

— Бедняга,— пробормотал он.

— Кто?

— Парень, который там лежит.

— Кто он?

Юнгер свесил голову набок.

— Неужели не знаешь?

— Увы, мое образование оставляет желать лучшего, особенно в области истории. Древний период я маломальски...

Юнгер ткнул в сторону мавзолея большим пальцем.

— Здесь лежит благородный Макбет. Король, предательски убивший своего предшественника, благородного Дункана. И многих других. Сев на трон, он обещал подданным, что будет милостив к ним, но славянский темперамент — явление загадочное. Прославился наш герой в основном благодаря своим красивым речам, которые переводил поэт Пастернак. Но их давно уже никто не читает.

Юнгер снова вздохнул и уселся на ступеньку. Мур сел рядом. Он слишком замерз, чтобы обижаться на высокомерный тон подвыпившего поэта.

— В прошлом народы воевали между собой,— сказал Юнгер.

— Знаю,— кивнул Мур. От холода у него ныли пальцы.— Когда-то этот город был сожжен Наполеоном.

Юнгер поправил шляпу. Мур обвел взглядом горизонт, изломанный очертаниями причудливых зданий. Тут — ярко освещенная, строго конструктивная пирамида учреждения, устремленная в заоблачную высь (вот они, последние достижения плановой экономики); там — аквариум с черными зеркалами стен, который днем превратится в агентство с опытным, четко и слаженно действующим персоналом; а по другую сторону площади — ее юность, полностью воскрешенная сумраком: блестящие луковицы куполов, нацелившие острия перьев в небо, где среди звезд сверкают бортовые огни летательных аппаратов.

Мур подул на пальцы и сунул руки в карманы.

— Да, народы воевали между собой,— повторил Юнгер.— Гремела канонада, лилась кровь, гибли люди. Но мы пережили эти времена, и вот наконец наступил долгожданный мир. Однако заметили мы это далеко не сразу. Мы и сейчас не можем понять, как это удалось. Слишком уж долго, видимо, мы откладывали мир на потом, забывая о нем, думая совсем о других вещах. Теперь нам не с кем сражаться — все победили, и все пожинают плоды победы. Благо этих плодов хватает на всех. Их даже больше чем достаточно, и каждый день появляются новые, все совершеннее, все изысканнее. Кажется, вещи поглощают умы своих создателей...

— Можно уйти в леса,— сказал Мур, жалея, что не надел костюм с термостатом на батарейке.— Мы многое могли бы сделать и, наверное, сделаем. А уйти в леса, по-моему, просто необходимо.

— Но прежде давай вернемся во Дворец, погреемся напоследок.

— Почему бы и нет?

Они встали со ступеньки и побрели обратно.

— И все-таки зачем ты вступил в Круг? Чтобы умереть от ностальгии?

— Нет, сынок.— Поэт хлопнул Мура по плечу.— В поисках развлечений.

— Гм, гм,— произнес голос.— Через несколько минут мы приземлимся на острове Оаху, на аэродроме лабораторного комплекса «Аква майнинг».

Раздался щелчок, и на колени пассажиру упал страховочный ремень. Мур застегнулся и попросил:

— Прочтите еще раз последнее стихотворение из «Стамески».

Грядущее, не будь нетерпеливым.
Пусть не сегодня, но завтра,
Пусть не сейчас, но потом.
Человек — это млекопитающее,
Которое создает монументы.
И не спрашивай меня для чего.

Он вспомнил Луну, какой описывала ее Леота. Последние сорок четыре секунды путешествия, ушедшие на высадку, Мур люто ненавидел Юнгера, не зная толком за что.

Стоя у трапа «Стрелы-9», он следил за приближением маленького человека, улыбающегося до ушей, и машинально пожал протянутую руку.

— Очень рад,— сказал Тенг.— Здесь многое изменилось с тех далеких дней. Сразу после звонка с Бермуд мы с коллегами собрались и стали думать, что бы вам показать.— Мур сделал вид, будто знает о звонке.— Ведь что ни говори, мало кому удается побеседовать со своим работодателем из далекого прошлого.

Мур улыбнулся и пошел вместе с Тенгом к лабораторному комплексу.

— Да, я любопытен,— признал он.— Мне захотелось посмотреть, во что превратился комплекс. Скажите, сохранились ли мои офис и лаборатория?

— Разумеется, нет.

— А первая «тандем-камера»? А инжекторы с широкими патрубками?

— Заменены, конечно.

— Так, так. А большие старые насосы?

— Вместо них теперь новые, блестящие.

Мур повеселел. Спину грело солнце, которого он не видел несколько недель (лет), но еще приятней была прохлада в стенах лабораторного комплекса, создаваемая кондиционерами. Окружавшая его техника была компактна и в высшей степени функциональна, обладая тем не менее красотой, для которой Юнгер, наверное, сумел бы найти подходящие эпитеты.

Мур шел мимо агрегатов, ведя ладонью по их гладким бокам,— рассматривать каждый из них в отдельности у него не было времени. Он похлопывал ладонью по трубам и заглядывал в печи для обжига керамики. Когда Тенг интересовался его мнением о действии того или иного механизма, он отмалчивался, делая вид, что разжигает трубку.

По подвесной дорожке они прошли через цех, похожий на замок, затем миновали пустые резервуары и углубились в коридор со стенами, усеянными множеством мерцающих лампочек. Иногда на пути им встречались люди: техники или инженеры. Мур пожимал руки и сразу забывал имена.

Главный технолог был очарован молодостью Мура; ему даже в голову не приходило усомниться, что перед ним — настоящий инженер, знающий свое дело во всех тонкостях. В действительности предсказание Мэри Муллен о том, что профессия Мура рано или поздно выйдет за пределы его воображения, обещало вот-вот сбыться.

Наконец они вышли в тесный вестибюль, и там Мур не без удовольствия обнаружил свой портрет среди фотографий умерших и ушедших на пенсию предшественников Тенга.

— Как вы думаете, я мог бы сюда вернуться?

В глазах Тенга появилось изумление. Лицо Мура оставалось бесстрастным.

— Ну, я полагаю... кое-что... вы могли бы сделать,— промямлил Тенг.

Мур широко улыбнулся и перевел разговор в другое русло. Его позабавило сочувственное выражение на лице человека, который видел его впервые в жизни. Сочувственное и испуганное.

— Да, картина прогресса всегда вдохновляет,— задумчиво произнес Мур.— Причем настолько, что хочется вернуться к прежней работе. К счастью, мне это ни к чему, я вполне обеспечен. И все же, видя, как разросся комплекс за годы твоего отсутствия, как далеко шагнула разработанная тобой технология, нельзя не испытывать ностальгии. Теперь тут столько зданий, что мне и за неделю их не обойти, и все они заполнены новейшим и надежнейшим оборудованием. Я просто в восторге. А вам нравится здесь работать?

— Да.— Тенг вздохнул.— Насколько вообще работа может нравиться. Скажите, вы летели сюда с намерением переночевать? У нас есть гостиница для сотрудников, там вас с радостью примут.— Он посмотрел на часы-луковицу, висящие у него на груди.

— Благодарю, но мне пора возвращаться. Дела, знаете ли. Я просто хотел укрепить свою веру в прогресс. Спасибо вам за экскурсию, и спасибо вашему веку.

На всем пути до Бермуд, в году две тысячи семьдесят восьмом от Рождества Христова, неутомимо потягивая мартини, Мур повторял про себя: «Дней связующая нить...»

— Все-таки решилась? — спросила Мэри Мод, осторожно выпрямляя спину под складками пледа.

— Да.

— Почему?

— Потому что я не хочу уничтожать то, что мне принадлежит. У меня и так почти ничего нет.

Дуэнья тихо фыркнула, будто эти слова рассмешили ее.

— Корабль идет по безлюдному морю к таинственному Востоку,— задумчиво произнесла она, обращаясь к любимой собачке,— но то и дело бросает якорь. Почему? Ты не знаешь, чем это объясняется? Глупостью капитана? Или второго помощника? — Она поглаживала собачку, словно и впрямь ждала от нее ответа.

Собачка молчала.

— Или неукротимым желанием повернуть вспять? — допытывалась Дуэнья.— Возвратиться домой?

Ненадолго повисла тишина. Затем:

— Я живу, переезжая из дома в дом. Эти дома зовутся часами. Каждый из них прекрасен, но не настолько, чтобы хотелось побывать в нем снова. Позволь, я угадаю слова, которые вертятся у тебя на языке: «Я не хочу замуж, и я не намерена покидать Круг. У меня будет ребенок...» Кстати, мальчик или девочка?

— Девочка.

— «У меня будет дочка. Я поселю ее в роскошном особняке, обеспечу ей славное будущее и успею вернуться к весеннему фестивалю».— Дуэнья всматривалась в фигурку собачки, как факир в глубину хрустального шара.— Ну что, хорошая я гадалка?

— Да.

— Думаешь, это удастся?

— Не вижу причин...

— Скажи, какая роль уготовлена ее отцу? — допытывалась старуха.— Сочинять для нее сонеты или мастерить механические игрушки?

— Ни то ни другое. Он вообще не узнает о ней. Он будет спать до весны, я — нет. И она не будет знать, кто он.

— Чем дальше в лес, тем больше дров.

— Это почему же?

— Потому что не пройдет и двух месяцев по календарю Круга, как она станет женщиной, причем, возьму на себя смелость предсказать, красивой женщиной. Потому что у нее будут для этого деньги.

— Разумеется.

— И поскольку ее родители — члены Круга, ее обязательно примут в Круг.

— Может быть, она этого не захочет.

— Исключено. Захочет, не сомневайся. Все хотят. Хирурги сделают ее красавицей, и я, возможно, сумею добиться ее приема вопреки моим собственным правилам. В Кругу она встретит много интересных людей: поэтов, инженеров, собственную мать...

— Нет! Я бы ее предупредила!

— Ага! Ответь-ка мне, что это: боязнь кровосмешения, вызванная неуверенностью в собственных чарах, или что-нибудь другое?

— Прошу тебя! Зачем говоришь эти ужасные слова?

— Затем, что ты, к сожалению, вышла из-под моего контроля. До сих пор ты была превосходным символом Круга, ныне же твои устремления далеки от тех, что свойственны олимпийским богам. Глядя на тебя, люди подумают так: «Боги — все равно что школьники. Несмотря на легион врачей, который их обслуживает, они бессильны перед физиологией». Принцесса, в глазах всего мира ты — моя дочь, ибо Круг — это я. Поэтому прими материнский совет: уйди. Не настаивай на продлении контракта. Выйди замуж и проспи несколько месяцев. Весной твой срок истечет, а до тех пор ты поспишь с перерывами в «бункере». А мы тем временем позаботимся о романтической окраске твоего ухода. О ребенке не беспокойся: «холодный сон» ему не повредит. Подобные случаи уже были. Если не согласна, я по-матерински предостерегаю тебя: ты будешь исключена немедленно.

— Ты не посмеешь!

— Прочитай свой контракт.

— Но зачем? Ведь никто бы не узнал.

Вспыхнули ацетиленовые горелки.

— Глупая куколка. Твое представление об окружающем мире фрагментарно и наивно. Если бы ты знала, насколько он изменился за последние шестьдесят лет. С той минуты, как кто-нибудь из нас открывает глаза у себя в «бункере», и до того мгновения, когда он, усталый, ложится спать

после очередного Бала, за ним следят все средства массовой информации. Сейчас в арсенале охотников за жареными фактами гораздо больше шпионских устройств, чем на твоей голове — красивых волос. Мы не можем всю жизнь прятать твою дочь от журналистов. Не станем и пытаться. Даже в том случае, если ты решишься на аборт, у нас будет достаточно проблем с прессой, хотя наши служащие — не из тех, кого можно разговорить с помощью взятки или алкоголя. Итак, я жду твоего решения.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

Молодая женщина встала и направилась к выходу. Возле двери ей показалось, будто она слышит поскуливанье китайской собачки.

За аккуратной изгородью намеренно запущенного сада начиналась грунтовая дорожка. Она сбегала по склону холма, петляя, словно капризная река, местами исчезая в зарослях розы «Форсайт», ныряя в волны гинкго, над которыми реяли чайки. Надо было пройти по этой тропинке не менее тысячи футов, чтобы добраться до искусственных развалин, находившихся в двухстах футах ниже Обители сна.

Развалины занимали добрый акр склона холма. В джунглях сирени, среди колоколов огромных ив, виднелись потрескавшиеся фонтаны, полуосыпавшиеся бордюры, накренившиеся или вовсе поваленные колонны, безликие и безрукие статуи и относительно редкие груды обломков. Тропа постепенно расширялась и наконец исчезла там, где прибой Времени стирал навеваемое руинами memento mori* и где брели мужчина и женщина из Круга.

Руины, казалось, околдовывали, заставляя забыть о времени, и мужчина, обводя их взглядом, мог бы сказать: «Я старше, чем все это». А его спутница могла сказать в ответ: «Когда-нибудь мы снова придем сюда, и ничего этого уже не будет». Но она молчала, шагая вслед за ним

* Memento mori *(лат.)* — здесь: мысль, напоминание о смерти.

по щебню туда, где посреди высохшего фонтана ухмылялся варварски изувеченный Пан. Там начиналась другая тропа, не запланированная создателями сада и появившаяся совсем недавно. Там желтела вытоптанная трава и густо рос шиповник.

Мужчина и женщина приблизились к стене, отделяющей развалины от берега, пробрались сквозь пролом, как коммандос, чтобы взять приступом полоску пляжа длиной в четверть мили. Здесь песок был не так чист, как на городских пляжах, где его раз в три дня заменяли свежим, зато тени тут были удивительно резкими, а у воды лежали плоские камни, удобные для раздумий.

— А ты обленилась,— заметил он, сбрасывая туфли и зарывая пальцы ног в холодный песок.— Не захотела идти в обход.

— Да, я обленилась,— согласилась женщина.

Они разделись и направились к воде.

— Не толкайся!

— Вперед! Наперегонки до скал!

На этот раз он победил.

Они нежились на лоне Атлантики, как самые обычные купальщики любой эпохи.

— Кажется, так и осталась бы здесь навсегда.

— Сейчас холодные ночи. К тому же здесь часто бывают штормы, запросто может унести в море.

— Если бы всегда было, как сейчас,— поправилась она.

— «Verweile doch, du bist so schon»*,— процитировал мужчина.— Помнишь Фауста? Он проиграл. Проиграет и Спящий. Я тут как-то перечитывал Юнгера... Эй! В чем дело?

— Ни в чем.

— Девочка, что-то тут не так. Я же вижу.

— Какая тебе разница?

— Что значит — какая разница? Ну-ка, выкладывай!

Ее рука, словно мост, перекинулась через маленькое ущелье между каменными плитами и нашла его руку. Он

* Остановись, мгновенье, ты прекрасно *(нем.)*.

повернулся на бок, с тревогой глядя на влажный атлас ее волос, смеженные веки, впалые пустыни щек и кроваво-красный оазис рта. Она сильнее сжала его руку.

— Давай останемся здесь навсегда, несмотря на холод и штормы.

— Ты хочешь сказать...

— Что мы можем сойти на этой остановке.

— Понятно. Но...

— Но тебе не хочется? Тебе нравится этот великий розыгрыш?

Он отвернулся.

— Кажется, в ту ночь ты был прав.

— В какую ночь?

— Когда сказал, что нас дурачат. Что мы — последние люди на Земле и пляшем перед пришельцами, которые наблюдают за нами по непостижимым для нас причинам. Кто мы, как не образы на экране осциллографа? Мне смертельно надоело быть предметом изучения.

Мужчина не отрываясь глядел на море.

— Мне сейчас очень нравится в Круге,— сказал он.— Поначалу я был к нему амбивалентен. Но несколько недель, то есть лет, тому назад я побывал на своем прежнем рабочем месте. Теперь там все иначе. Масштабнее. Совершеннее. И дело не в том, что там появились устройства, о которых пятьдесят—шестьдесят лет назад я даже мечтать не смел. Пока я там находился, меня не оставляло странное чувство... Я беседовал с малюткой Тенгом, главным технологом, который по части болтовни не уступит Юнгеру. Я не слушал его, а просто смотрел на все эти тандем-резервуары и узлы механизмов и внезапно понял, что когда-нибудь в одном из этих корпусов, среди сумрака и блеска нержавеющей стали, из стекла, пластика и пляшущих электронов будет создано *нечто*. И это *нечто* будет таким прекрасным, что мне очень хотелось бы присутствовать при его рождении. Это было лишь предчувствие; я не назову его мистическим опытом или чем-нибудь в этом роде. Но если бы то мгновение осталось со мной навсегда... Как бы то ни было, Круг — это билет на спектакль, который я мечтаю посмотреть.

— Милый, в сердце человека живут ожидание и воспоминания, но не мгновения...

— Может быть, ты и права.— Наклонясь над водой, Мур поцеловал кровь ее рта.

«Verweile doch... du bist so schon...»

...Они танцевали...

...На Балу, завершающем все Балы...

Заявление Леоты Мэйсон и Элвина Мура ошеломило Круг, собравшийся в канун Рождества. После роскошного обеда и обмена яркими и дорогими безделушками погасли огни. Гигантская новогодняя елка, венчающая прозрачный пентхауз, сияла в каждой растаявшей снежинке на стекле потолка, словно Галактика в миниатюре.

Все часы Лондона показывали девять вечера.

— В Рождество — свадьба, в канун Крещения — развод,— сказал кто-то во тьме.

— Что они будут делать, если их вызовут на «бис»? — шепотом спросил другой.

Кто-то захихикал, затем несколько голосов фальшиво и нестройно затянули рождественский гимн.

— Сегодня мы в центре внимания,— усмехнулся Мур.

— Когда мы с тобой танцевали в «Сундуке Дэви Джонса», они корчились и блевали на пол.

— Круг нынче не тот, что прежде,— заметил он.— Совсем не тот. Сколько появилось новых лиц? Сколько исчезло знакомых? Куда уходят наши люди?

— На кладбище слонов? — предположила она.— Кто знает.

— «Сердце — это кладбище дворняг, скрывшихся от глаз живодера. Там любовь покрыта смертью, как глазурью, и псы сползаются туда околевать...» — продекламировал Мур.

— Это Юнгер?

— Да. Почему-то вспомнилось.

— Лучше бы не вспоминалось. Мне не нравится.

— Извини.

— А где сам Юнгер? — спросил он, когда мрак рассеялся и люди встали с кресел.

— Наверное, возле чаши с пуншем. Или под столом.

— Под стол ему вроде бы рановато.— Мур поежился.— Между прочим, что мы здесь делаем? Почему ты потребовала, чтобы мы прилетели на этот Бал?

— Потому что сейчас — сезон милосердия и любви...

— И веры, и надежды,— с усмешкой подхватил он.— На сантименты потянуло? Хорошо, я тоже буду сентиментален. Ведь это так приятно.

Он поднес к губам ее руку.

— Прекрати.

— Хорошо.

Он поцеловал ее в губы. Рядом кто-то расхохотался.

Она покраснела, но не отстранилась.

— Решила выставить меня на посмешище? — спросил он.— И себя? Учти, я не остановлюсь на полпути. Объясни, зачем мы явились сюда и на весь мир заявили о своем уходе? Мы могли бы просто исчезнуть. Проспали бы до весны, а затем...

— Нет. Я — женщина. Для меня Бал, последний в году и в жизни,— слишком большой соблазн. Мне хотелось надеть на палец твой подарок. Мне хотелось видеть их лица и знать, что в глубине души они нам завидуют. Нашей смелости и, может быть, нашему счастью.

— Ладно. Я пью за это. И за тебя.— Он поднял и осушил бокал. В павильоне отсутствовал камин, куда можно было бы его красиво бросить, поэтому Мур поставил его на стол.

— Потанцуем? Я слышу музыку.

— Подожди. Посиди спокойно, выпей еще.

Когда все часы Лондона пробили одиннадцать, Леота поинтересовалась, где Юнгер.

— Ушел,— ответила стройная девушка с фиолетовыми волосами.— Сразу после ужина. Наверное, несварение желудка.— Она пожала плечами.— А может, отправился на поиски «Глобуса».

Леота нахмурилась и взяла со стола бокал.

Потом они танцевали... Мур не видел павильона, по которому двигался в танце, не замечал сотен безликих

теней... Для него они были персонажами прочитанной и закрытой книги. Сейчас для него существовали только танец и женщина, которую он держал в объятиях.

«Я добился, чего хотел,— подумал он,— и, как прежде, хочу большего. Но я преодолею себя».

Стены павильона были облицованы зеркалами. В них кружились сотни Элвинов Муров и Леот Мэйсон. Так они кружились вот уже семьдесят с лишним лет на всех Балах Круга: в «Небесном Приюте» среди тибетских снегов и в «Сундуке Дэви Джонса», на околоземной орбите и в плавучем дворце Канаяши, в пещерах Карлсбада и в древнем дельфийском храме. Но этот рождественский Бал для них был последним. «Спокойной ночи, леди, спокойной ночи, леди...»

Леота молчала, прижимаясь к Муру. Ее дыхание обручем охватывало его шею.

«Спокойной ночи, спокойной ночи, спокойной ночи»,— слышал он собственный голос.

Они ушли в полночь, с первыми ударами колоколов. Садясь в такси, Мур сказал водителю, что они устали и вернутся пораньше.

Они объехали стратокрейсер и высадились возле «Стрелы», на которой прилетели сюда. Ступая на пушистое белое руно, покрывающее взлетно-посадочную площадку, мужчина и женщина приблизились к меньшему кораблю и поднялись по трапу.

— Может быть, сделать освещение более ярким? Или, наоборот, менее ярким? — спросил голос, когда Лондон с его часами и знаменитым мостом исчез во мраке.

— Менее.

— Может быть, желаете поесть? Или выпить?

— Нет.

— Не хотите ли еще чего-нибудь? — Пауза.— Например, прослушать научную статью на любую интересующую вас тему? — Пауза.— Или что-нибудь из художественной прозы? — Пауза.— Или из поэзии? — Пауза.— Не угодно ли просмотреть каталог мод? — Пауза.— Или вы предпочитаете музыку?

— Музыку,— выбрала Леота.— Легкую. Не такую, как ты любишь, Элвин.

Мур задремал. Минут через десять он услышал:

Наш хрупкий волшебный клинок
С огненной рукоятью
Рассекает мрак
Под крошечной меткой
Полярной звезды,
Обрезая заусенцы
Миниатюрной геенны,
Разливая свет,
От которого не светлей.
Бусины песенных строк,
Летящие на острие клинка,
Вылущиваются, выскакивают
И нанизываются на нитку
Идиотской темы.
Сквозь хаос,
Выпущенный на волю
И теснящий злосчастную логику,
Черные нотные знаки
Несутся наперегонки с огнем.

— Перестань,— пробормотал Мур.— Мы не просили читать.

— Я не читаю,— возразили ему.— Я сочиняю.

Мур повернулся на голос, и кресло мгновенно изменило конфигурацию. В нескольких рядах от него с подлокотника кресла в проход свешивались чьи-то ноги.

— Юнгер?

— Нет, Санта-Клаус. Ха-ха!

— Что ты здесь делаешь? Тоже решил вернуться пораньше?

— Ты сам ответил на свой вопрос.

Фыркнув, Мур уселся в прежнюю позу. Рядом с ним ровно дышала Леота. Ее кресло превратилось в кровать.

Мур смежил веки, но присутствие Юнгера не давало ему вернуться в приятную дремоту. Он услышал вздох и нетвердые шаги, однако не открывал глаз, надеясь, что Юнгер упадет и уснет. Но поэт не упал.

Внезапно по салону раскатился торжественный и жуткий баритон:

В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал.
Холодная, милая, сла-авная лежала на длинном столе...

Мур ударил левой, целя в солнечное сплетение. Промахнуться было невозможно, но удар получился слишком медленным, Юнгер успел поставить блок и с хохотом отступил.

Леота села и потрясла головой.

— Что ты здесь делаешь?

— Сочиняю,— ответил Юнгер.— Сам.— И добавил: — С Рождеством.

— Иди к черту! — буркнул Мур.

— Мистер Мур, я поздравляю вас с женитьбой.

— Спасибо.

— Позвольте поинтересоваться, почему я не был приглашен?

— Мы решили не праздновать.

— Леота, это правда? Старого товарища по оружию не пригласили на свадьбу только потому, что он недостаточно казист, на ваш утонченный вкус?

Леота кивнула. Она уже окончательно проснулась.

Юнгер ударил себя по лбу.

— О! Я ранен в самое сердце!

— Почему бы тебе не убраться туда, откуда пришел? — вспылил Мур.— Спиртного там — море разливанное.

— Не могу же я присутствовать на рождественской мессе в состоянии алкогольного опьянения...

— Ты и на заупокойную мессу способен прийти в стельку пьяным.

— Это намек, что вам с Леотой хотелось бы побыть наедине? Я понял.

Юнгер повернулся и побрел по проходу. Спустя некоторое время Мур услышал его храп.

— Надеюсь, больше мы его никогда не увидим,— хмуро произнесла Леота.

— Почему? Он же безобидный пьяница.

— Безобидный? Он нас ненавидит. Потому что, в отличие от него, мы счастливы.

— По-моему, он счастлив только в те минуты, когда ему тошно,— с улыбкой сказал Мур.— И когда падает температура. Юнгер любит «холодный сон», потому что это похоже на кратковременную смерть. Однажды он сказал, что член Круга умирает много раз. Потому-то он и вступил в Круг.— Помолчав с минуту, Мур поинтересовался: — Ты говоришь, более длительный период сна не повредит?

— Да. Никакого риска.

Тем временем на одном из Бермудских островов Рождество выгнали в прихожую, потом — за порог. Дрожа, как продрогшая собака, стояло оно за дверью, ведущую в их мир. В мир Леоты, Мура и Юнгера.

А на борту «Стрелы», летящей против времени, Мур вспоминал далекий новогодний Бал. Женщина, которую он полюбил на том Балу, сидела теперь рядом с ним. Он вспомнил другие праздники Круга и подумал, что мог бы пропустить их, ничего не потеряв. Он вспомнил «Аква майнинг», где еще несколько месяцев тому назад работал главным технологом, и решил, что теперь эта профессия не для него. Дней связующая нить порвалась, и соединить ее он не в силах. Он вспомнил свою прежнюю квартиру, где не бывал с тех пор, как вступил в Круг, вспомнил близких ему людей, в том числе Диану Деметрикс, и подумал, что вне Круга у него не будет никого, кроме Леоты. Только Уэйн Юнгер неподвластен старению, ибо он — на службе у вечности. Но и тот, возможно, решится выйти из Круга, откроет бар и соберет собственный Круг из отбросов общества.

Внезапно Мур ощутил невыразимую усталость и тоску. Он заказал призрачному слуге мартини и протянул руку к нише, в которой появился бокал. Потягивая коктейль, он сидел и размышлял о мире, над которым летела его «Стрела».

Надо быть как все, решил он. Мур не знал современного мира — ни его законов, ни искусства, ни морали. Типичный представитель Круга, он реагировал в основном

на цвет, движение, удовольствие и изысканную речь; его познания в науке безнадежно устарели. Он был богат, но всеми его финансами ведал Круг. Он располагал только универсальной кредитной карточкой, которая, правда, позволяла ему приобретать любые товары и услуги. Периодически он проверял свои счета и балансовые ведомости, убеждаясь, что о деньгах можно не беспокоиться. Но все же он не мог избавиться от тревоги, размышляя о своем возвращении в мир смертных. Наверное, его сочтут занудой, ханжой, клоуном, каким он выглядел этим вечером. И самое страшное: теперь его человеческая сущность не будет скрыта под лоском Круга.

Юнгер храпел. Леота дышала тихо и ровно. «Стрела» достигла Бермудского архипелага и опустилась на один из островов.

— Прогуляться не хочешь? — спросил Мур жену возле трапа.

— Извини, дорогой, я устала,— ответила она, глядя на Обитель сна.

— А я еще не готов.

Леота повернулась к нему. Он поцеловал ее.

— Спокойной ночи, милая. До встречи в апреле.

— Апрель — самый жестокий месяц,— заметил Юнгер.— Пошли, инженер. Пройдемся до стоянки ракетомобилей.

Они пересекли взлетно-посадочную площадку и вышли на широкую дорогу, ведущую к гаражу.

Ночь была прозрачна, словно хрусталь, звезды сверкали, как елочная мишура, а орбитальный бакен сиял, будто золотой самородок на дне омута.

— Хорошая ночь для прогулки.

Мур что-то проворчал в ответ. Порыв ветра осыпал его щеку тлеющими крупицами табака. Поэт хлопнул Мура по плечу.

— Пошли в город, а? Это сразу за холмом. Дойдем пешком.

— Нет,— процедил сквозь зубы Мур.

Они двинулись дальше.

— Не хочется сегодня быть одному,— признался Юнгер возле гаража.— Такое чувство, будто я напился вытяжки из столетий и неожиданно обрел мудрость, которая никому не нужна. Я боюсь...

— Все,— перебил Мур.— Пора прощаться. Ты поезжай дальше, а мы сойдем здесь. Желаю приятно развлечься.

Они не пожали друг другу руки. Мур проводил поэта взглядом до гаража, повернулся и зашагал по подстриженному газону к саду.

Ориентироваться в зарослях было трудно, и вскоре Мур заблудился. Поплутав, он все же выбрался из чащи на поляну, залитую звездным светом, где высились руины, где тени двигались, когда менялось направление ветра.

Под ногами хрустела сухая трава. Мур уселся на поваленную колонну и раскурил трубку.

Вскоре от холода заныли пальцы, но Мур не двигался. Ему хотелось вмерзнуть в пейзаж, стать памятником самому себе. Он призывал дьявола, предлагая ему душу в обмен на возможность вернуться с Леотой в родной Фриско и заняться прежним делом. У него, как у Юнгера, возникло ощущение, будто он постиг мудрость веков, которой невозможно найти применение.

Наконец ледяной ветер согнал Мура с места. Он перебрался к фонтану, над которым высился не то спящий, не то мертвый Пан. «Холодный сон» богов... Когда-нибудь Пан проснется и заиграет на свирели, и лишь ветер среди высоких колонн будет вторить ему да шаркающая поступь потревоженного робота-смотрителя. К тому времени люди позабудут мелодии праздников. В крови самых злобных и раздражительных из них врачи найдут вирус злобы и раздражительности и создадут против него вакцину. Машина легкомыслия, лишенная эмоций, будет постоянно генерировать в сердцах людей, погруженных в сладкие сны, ощущение радости. И не найдется среди потомков Аполлона никого, кто сможет хотя бы повторить древний клич, разносившийся над водами Понта много рождественских ночей тому назад.

Пожалуй, напрасно он поспешил расстаться с Юнгером. Сейчас Муру казалось, что он видит мир глазами

этого человека. Поэт явно боялся будущего. «Но все-таки, почему он не уходит из Круга? Может быть, получает мазохистское наслаждение, видя, как сбываются его ледяные пророчества?»

Стряхнув с себя оцепенение, Мур направился к каменной ограде сада. Замерзшие пальцы ног болели, и он побежал трусцой.

Наконец он остановился. Перед ним лежал мир, похожий на ведро, заполненное водой. В воде отражались звезды. Мур стоял на ржавом краю ведра и глядел на каменные плиты, на которых они с Леотой загорали несколько дней (месяцев) тому назад. В тот раз он рассказывал ей о своих агрегатах. Он по-прежнему верил, что когда-нибудь его детища превратятся в огромные и прекрасные сосуды для жизни. Но сейчас он, как и Юнгер, опасался, что к тому времени мир утратит что-то очень важное и чудесные новые сосуды, увы, будут заполнены не до краев. Мур убеждал себя, что Юнгер ошибается, что своенравный век вовсе не обязан осуществлять его выморочные пророчества и у Пана, когда он заиграет на свирели, кроме робота-смотрителя, найдутся и другие слушатели. Он изо всех сил старался в это поверить.

В океан упала звезда, и Мур посмотрел на часы. Было поздно. Он повернулся и направился к пролому в стене.

В клинике ему встретился Джеймсон — высокий, тощий, с кудрями херувима и глазами полной его противоположности. Джеймсон зевал, уже получив укол снотворного.

— А, Мур,— ухмыльнулся он, глядя, как Мур снимает пальто и фрак и закатывает рукав сорочки.— Решил провести медовый месяц на холодке?

В сухонькой ручке врача щелкнул безыгольный инъектор. Мур потер саднящее предплечье.

— Допустим,— ответил он, смерив презрительным взглядом не совсем трезвого Джеймсона.— А тебе какое дело?

— Не пойму я тебя... Знаешь, если б я женился на Леоте, то ни за какие коврижки не полез бы в «бункер». Разве что...

Из горла Мура вырвалось рычание. Он шагнул к Джеймсону. Тот попятился.

Мур вздрогнул от боли — врач схватил его за то место на руке, куда был сделан укол.

— Ладно,— сказал Мур.— Спокойной ночи. Проспись хорошенько.

Он шагнул к двери. Врач разжал пальцы. Мур опустил рукав сорочки и снял с вешалки фрак и пальто.

— Совсем рехнулся! — крикнул ему вдогонку Джеймсон.

Идти в «бункер» Муру не хотелось. Если бы не встреча с Джеймсоном, он провел бы в клинике полчаса, ожидая, пока подействует укол. Сейчас же вместо этого прошел по широким коридорам к лифту, поднялся на этаж, где находились «бункеры». Возле двери в свой «бункер» остановился в нерешительности. Здесь предстояло проспать три с половиной месяца. На этот раз ему не казалось, что он уснет всего лишь на полчаса.

Он набил трубку табаком. Решено: выкурит ее в комнате жены, ледяной богини. После укола следовало бы воздержаться от никотина, но Мур, как и все его знакомые курильщики, редко выполнял эту рекомендацию врача.

Мур пошел дальше по коридору и услышал вдруг частый стук. Он затих, едва Мур свернул за угол, затем возобновился. Через секунду снова наступила тишина.

Мур остановился возле двери в «бункер» Леоты. Сжимая в зубах чубук трубки, достал авторучку, зачеркнул на табличке фамилию «Мэйсон» и написал «Мур». Дописывая последнюю букву, он снова услышал стук. Доносившийся из комнаты Леоты.

Мур отворил дверь, шагнул вперед и застыл как вкопанный. В комнате спиной к нему стоял мужчина с киянкой в поднятой руке. Мур услышал его бормотание:

— ...Розмарином прекрасное ее осыпьте тело... Унесите ее в наряде подвенечном в церковь...*

Мур стрелой метнулся к мужчине, схватил его за руку и вырвал киянку. Потом изо всех сил ударил его кулаком в челюсть. Юнгер налетел на стену и сполз на пол.

* Шекспир. «Ромео и Джульетта». Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

— Леота! — сказал Мур.— Леота...

Перед ним в заиндевелом саркофаге лежала белая статуя паросского мрамора. Крышка саркофага была поднята. Тело молодой женщины успело приобрести твердость камня, и на груди, пробитой колышком, не выступило крови. Только трещины и сколы, как на камне.

— Нет! — прошептал Мур.

Колышек был изготовлен из очень твердой синтетической древесины кокоболо, или из квебрахо, или из лигнум-вита. Он не сломался...

— Нет! — повторил Мур.

Ее лицо в облаке волос цвета алюминия было безмятежным. На безымянном пальце Мур увидел кольцо — его свадебный подарок.

В углу послышалось бормотание.

— Юнгер,— еле слышно произнес Мур,— зачем... ты... это сделал?

— Вампир,— невнятно ответил поэт.— Завлекает мужчин на свой «Летучий голландец» и веками пьет из них кровь... Она — это будущее. Богиня с виду, а душа — как безжизненная пустыня...— Он уныло забубнил: — «Счастливей та, что рано умерла... Отрите ваши слезы... розмарином...» Она хотела оставить меня висящим в пустоте... А я не мог спрыгнуть с карусели, и у меня не было обручального кольца... Но никому не дано потерять того, что потерял я... «...И как велит обычай, унесите ее в наряде подвенечном в церковь...» Я думал, она вернется ко мне, когда устанет от тебя.

Мур ударил его киянкой по голове. Затем еще и еще раз. Потом перестал считать — в ту минуту его память не удерживала числа больше трех.

Потом он вышел из комнаты с киянкой в руке и побежал по коридорам мимо дверей, похожих на незрячие глаза, по ступенькам давно не хоженной лестницы...

Выбегая из дверей Обители сна, он услышал, как кто-то зовет его по имени. Но не остановился, даже когда выбился из сил, лишь перешел на шаг. Рука онемела, в боку кололо, легкие горели. Он взобрался на холм, постоял на вершине и спустился по другому склону.

Улицы Бального Города — дорогостоящего курорта, опекаемого Кругом,— были безлюдны, но окна светились, а за ними блестели елочные игрушки и мишура. Откуда-то доносились пение и смех. Услышав эти звуки, Мур еще острее ощутил одиночество. Ему казалось, что не он сам, а его душа, покинувшая тело, бредет по ночным улицам. «Наверное, так действует снотворное»,— подумал он.

Ноги заплетались, веки словно налились свинцом. Мур с трудом преодолевал соблазн рухнуть в ближайший сугроб и уснуть. Заметив неподалеку церковь, он свернул к ней. Людей внутри не оказалось, но в церкви все же было теплей, чем на улице. Он приблизился к алтарю, на котором горело множество свечей, и, прислонясь к спинке церковной скамьи, долго рассматривал икону, изображающую сцену в хлеву: младенца, его мать и отца, ангелов и любопытный скот. Потом из его горла вырвалось клокотание, и Мур запустил в икону киянкой. Ругаясь и плача, он прошел шагов десять вдоль стены и сполз на пол, царапая ногтями штукатурку.

Его нашли в ногах у распятого Христа.

По пробуждении Мур обнаружил, что со времен его молодости судопроизводство значительно ускорилось. Этого требовали обстоятельства: население Земли так выросло в числе, что судьям, рассматривай они каждое дело с прежней тщательностью, пришлось бы трудиться круглые сутки.

Обвиняемый предстал перед судом в десять вечера, через два часа после пробуждения. Слушание длилось менее четверти часа. От защиты Мур отказался. Присяжные единогласно признали его виновным, и судья, не отрывая глаз от стопки бумаг, лежащих перед ним на столе, вынес смертный приговор.

Мур покинул зал суда и вернулся в камеру, где его ждал последний ужин. Впрочем, ел он или нет, он не запомнил. Процесс ошеломил его. Перед этим у него побывал адвокат от Круга, выслушал со скучающим видом и, упомянув какое-то «символическое наказание», посоветовал отказаться от защиты и признать за собой вину. Взяв с него расписку об отказе, адвокат ушел, и Мур до самого суда не разговаривал ни с кем, кроме своих тюремщиков. А теперь его осудили на смерть за расправу над убийцей его жены! Разум отказывался осознать справедливость этого приговора. И все же, машинально пережевывая пищу, Мур не испытывал страха перед близкой гибелью. Он просто не мог в это поверить.

Через час его отвели в тесную камеру без окон, с единственным глазком из толстого стекла на металлической двери. Осужденный уселся на скамью, и тюремщики в серой форме вышли, заперев дверь.

Вскоре он услышал шипение и почуял незнакомый запах, а еще через несколько секунд он катался по полу, заходясь от кашля. Мур кричал, представляя Леоту, неподвижно лежащую в «бункере», а в мозгу у него звучал глумливый голос Юнгера:

> В больнице святого Иа-акова я детку свою отыскал.
> Холодная, милая, сла-авная лежала на длинном столе...

«Неужели он еще тогда замышлял убийство? — вяло подумал Мур.— Не случайно он хотел, чтобы я остался с ним. Боялся, что лопнет нарыв в подсознании...»

Мур понял, что никогда не узнает правды. Огонь из легких перебрался в череп и принялся пожирать мозг.

Придя в сознание, он не шевелился, измотанный до предела. Он лежал на койке под льняным покрывалом.

— ...Пусть это послужит вам уроком,— звучало в головных телефонах.

Мур открыл глаза. Судя по всему, он находился в клинике на одном из этажей Обители сна. Возле койки сидел Франц Эндрюс, адвокат, посоветовавший ему не отпираться на суде.

Мур вяло помотал головой, стряхивая наушники.

— Как самочувствие? — спросил Эндрюс.

— Великолепное. Хотите предложить партию в теннис?

Адвокат улыбнулся одними глазами.

— Я вижу, символическая кара сняла бремя с вашей души.

— О! Эти слова объяснили мне все,— произнес Мур с кривой улыбкой.— Но все-таки я не понимаю, зачем вообще нужна была какая-то кара? Ведь этот рифмоплет убил мою жену.

— И заплатит сполна,— пообещал Эндрюс.

Мур повернулся на бок, вглядываясь в невыразительное лицо собеседника. Коротко остриженные волосы Эндрюса были тронуты сединой, умные глаза смотрели не мигая.

— Что вы сказали? Нельзя ли повторить?

— Пожалуйста. За свое преступление Юнгер заплатит сполна.

— Так он жив?

— Жив-здоров и находится в двух этажах над вами. Но для казни он еще слабоват. Скоро он окончательно поправится, и тогда...

— Он жив! — повторил Мур.— Жив! Так за что же вы меня наказали, черт бы вас побрал?!

— Как это — за что? Вы же убили человека! — раздраженно ответил Эндрюс.— Тот факт, что врач успел его оживить, вовсе не снимает с вас вины. Убийство совершено. Именно для таких случаев и существует символическая кара. В следующий раз вы как следует подумаете, прежде чем схватите молоток.

Мур попытался подняться. Не получилось.

— Ну-ну, не торопитесь. Вам надо провести в постели еще несколько дней. Вас ведь только вчера оживили.

Мур хихикнул. Потом засмеялся. Потом захохотал. Наконец он всхлипнул и умолк.

— Теперь вам легче?

— Легче,— прохрипел Мур.— Какая кара ждет Юнгера?

— Газовая камера. То же, что перенесли вы, если будет доказана его невменяемость в момент...

— Тоже символически? Или совсем?

— Разумеется, символически.

Из того, что произошло потом, Мур запомнил только крик врача, чьего присутствия он прежде не замечал, щелчок безыгольного инъектора и резкую боль в плече.

Проснувшись, он почувствовал себя окрепшим. Возле койки в прежней позе сидел Эндрюс.

Мур молчал, выжидающе глядя на адвоката.

— Мне сообщили, что вы плохо ориентируетесь в ситуации,— заговорил адвокат.— Я думал, вы знаете, что такое символическая кара. Вынужден просить у вас прощения. Видите ли, подобные случаи крайне редки, и в моей практике это первый. Я полагаю, вам известны обстоятельства неумышленного убийства вашей жены мистером...

— Неумышленного?! О черт! Это случилось на моих глазах! Он вбил ей кол в сердце! — У Мура сорвался голос.

— Все не так просто. Видите ли, этот случай не имеет прецедента. Вопрос стоял так: либо Юнгеру будет вынесен приговор сейчас, с учетом сегодняшних обстоятельств, либо он пролежит в «бункере» до операции, после которой причиненный им вред получит окончательную оценку. Мистер Юнгер дал добровольное согласие на второй вариант, и, следовательно, вопрос снят. Он будет спать до тех пор, пока хирургическая техника не усовершенствуется настолько...

— Какая еще техника? — Впервые после Рождества мозг Мура пробудился полностью. Он понял, что сейчас услышит.

Эндрюс поерзал на стуле.

— Видите ли, у мистера Юнгера... э-э... своеобразное, я бы сказал, поэтическое представление о том, где у человека сердце. Чистая случайность, что он задел левый желудочек. Но врачи утверждают, что это поправимо. Плохо другое: будучи направлено под углом, острие колышка задело позвоночник. Два позвонка разбиты, еще несколько треснули, поврежден спинной мозг.

Мур снова впал в прострацию. Конечно же, Леота не умерла. Но она и не жива. Она спит «холодным сном». Искорка жизни будет теплиться в ней до самого пробуждения. Тогда, и только тогда, она умрет. Если...

— ...Осложняется ее беременностью и тем, что для разогрева тела до температуры, при которой возможна операция, необходимо время,— говорил Эндрюс.

— Когда ее будут оперировать?

— Сейчас этого нельзя сказать наверняка. Видите ли, методика еще не проверена на практике. Уже сегодня врачи способны устранить по одному все негативные факторы, но в совокупности и в предельно сжатый срок... Надо исцелить сердце, позвоночник, спасти ребенка, причем с помощью экспериментальной техники...

— Когда? — настаивал Мур.

Эндрюс пожал плечами:

— Врачи этого пока не говорят. Может, через месяц, а может, и через несколько лет. Пока ваша жена в «бункере», ей ничто не грозит...

Мур не слишком вежливо попросил адвоката уйти.

На другой день он встал с кровати, несмотря на головокружение, и сказал врачу, что не ляжет, пока не повидает Юнгера.

— Но ведь он в тюрьме,— возразил врач.

— Неправда! Адвокат сказал, что он здесь.

Через полчаса Муру разрешили посетить Юнгера. Его сопровождали Эндрюс и два санитара.

— Боитесь, что символическое наказание не удержит меня от убийства? — ухмыльнулся Мур.

Эндрюс промолчал.

— Не бойтесь. Я слишком слаб. К тому же у меня нет молотка.

Эндрюс постучал в дверь, и они вошли.

Юнгер в белом тюрбане из бинтов восседал на подушке. На стеганом покрывале перед ним лежала закрытая книга. Он смотрел за окно, в сад.

— Доброе утро, сукин ты сын.

Юнгер обернулся:

— Прошу.

Мур вложил в приветствие всю злобу, накопившуюся в душе, и теперь не знал, что еще сказать. Он уселся на стул возле кровати, достал трубку и, вспомнив, что не захватил табак, принялся ковырять в чашечке ногтем. Эндрюс и санитары делали вид, будто не смотрят на него.

Мур сунул в рот пустую трубку и поднял глаза.

— Мне очень жаль,— сказал Юнгер.— Ты способен в это поверить?

— Нет.

— Она — это будущее. Я вбил в ее сердце кол, но все же она не мертва. Врачи говорят, она выздоровеет. И будет красивей, чем прежде.— Он вздрогнул и потупился.— Если для тебя это послужит утешением, знай, что я страдаю и буду страдать всю жизнь. Нет на свете гавани для моего «Летучего голландца». Я буду плыть на нем, пока не умру среди чужих людей.— Жалко улыбаясь, он посмотрел на Мура.— Ее спасут! Она будет спать, пока врачи не подготовятся к операции. Потом вы соединитесь навеки, а я... я буду скитаться. И уже никогда не окажусь на твоем пути. Желаю счастья. И не прошу прощения.

Мур встал.

— Сейчас нам с тобой говорить не о чем. Но когда-нибудь мы вернемся к этой теме.

Возвращаясь в свою палату, он подумал, что так ничего и не высказал Юнгеру.

— Перед Кругом стоит этический вопрос, и отвечать на него придется мне,— заявила Мэри Мод.— К сожалению, он поставлен правительственными юристами, поэтому, в отличие от многих других этических вопросов, от него нельзя уклониться.

— Он касается Мура и Юнгера? — спросил Эндрюс.

— Не только. Он касается всего Круга, хотя возник в результате этого конфликта.

Она указала на журнал, лежащий перед ней на столе. Эндрюс кивнул.

— «Вот, агнец Божий»,— прочитала она заголовок редакционной статьи, рассматривая фотографию члена Круга, распростертого на полу в церкви.— Нас обвиняют, будто мы плодим психопатов всех мастей, вплоть до некрофилов. Тут есть еще один снимок. Здесь, на третьей странице.

— Я видел.

— От нас требуют гарантий, что впредь член Круга, покидая стены Обители навсегда, не утратит свойственной ему фривольности и не впадет в глупую патетику.

— Но ведь это случилось впервые.

— Разумеется.— Дуэнья улыбнулась.— Обычно нашим бывшим питомцам хватает такта потерпеть несколько недель, прежде чем их поведение становится антиобщественным. Все они отличаются полной неприспособленностью к окружающему миру. На первых порах она не так дает себя знать благодаря их богатству. Но этот случай,— она снова показала на журнал,— позволил недоброжелателям упрекнуть нас, что мы либо выбираем не тех людей, либо недостаточно хорошо проверяем состояние их здоровья, прежде чем расстаться с ними. И то и другое — нелепо. Первое — потому, что собеседования провожу я, а второе — потому, что нельзя ожидать от человека, сброшенного с небес на землю, что он сохранит свое обаяние и душевное равновесие. Это невозможно, как бы мы его ни натаскивали. Но Юнгер и Мур были вполне нормальны и никогда не водили между собой тесного знакомства. Правда, после того как их эпоха ушла в историю, они встречались немного чаще, и оба были очень чувствительны к переменам.

Эндрюс промолчал.

— Я пытаюсь подвести тебя к мысли, что этот инцидент — обычная ссора на почве ревности. Я не могла его предвидеть, поскольку любовь женщины непредсказуема. Переменчивый век тут ни при чем. Или я не права?

Эндрюс упорно хранил молчание.

— Следовательно, проблемы как таковой не существует,— продолжала Дуэнья.— Мы не выгоняем за порог

наших домочадцев. Мы просто переселяем в будущее здоровых, одаренных, обладающих вкусом людей нескольких поколений. Единственная наша ошибка в том, что мы не учли извечной проблемы любовного треугольника. Между двумя мужчинами, увлеченными красивой женщиной, всегда возникает антагонизм. Ты согласен?

— Он верил, что умирает на самом деле,— сказал Эндрюс.— У меня не выходит из головы, что он не имел никакого представления о Всемирном Кодексе.

— Пустяки,— отмахнулась Мэри Мод.— Ведь он жив.

— Видели бы вы его лицо, когда его привезли в клинику.

— Лица меня не интересуют. Слишком уж много я их повидала на своем веку. Давай лучше подумаем, как бы нам решить эту проблему к вящему удовольствию правительства.

— Мир так быстро меняется, что мне скоро самому придется к нему приспосабливаться. Этот бедняга...

— Некоторые вещи остаются неизменными,— возразила Мэри Мод.— Но я догадываюсь, к чему ты клонишь. Очень умно. Мы наймем группу независимых психологов. Они проведут исследования, придут к выводу, что наши люди недостаточно приспособляемы, и порекомендуют нам один день в году отвести психотерапии. Никаких Балов: каждый отдыхает сам по себе. Днем — прогулки, легкие физические упражнения, общение с простыми людьми, необременительные для психики развлечения. Вечером — скромный ужин и танцы; они полезны — снимают напряжение. Я думаю, такой вариант устроит все заинтересованные стороны,— закончила она с улыбкой.

— Наверное, вы правы.

— Разумеется, права. Наши психологи испишут тысячи страниц, ты добавишь к ним две-три сотни собственных, суммируешь данные исследований и вместе со своей резолюцией представишь отчет совету попечителей.

Эндрюс кивнул:

— В любое время. Это моя работа.

Когда он ушел, Мэри Мод натянула черную перчатку и положила в камин полено. Настоящие дрова с каждым годом дорожали, но она не доверяла современным отопительным устройствам.

За три дня Мур оправился настолько, что врач разрешил ему лечь в «бункер».

«Боже,— подумал он, когда снотворное погасило чувства,— какие еще муки ждут меня после пробуждения?»

Впрочем, одно Мур знал наверняка: даже если он проснется в Судный день, его банковские счета будут в полном порядке.

Пока он спал, мир шел своей дорогой...

Фурии

В качестве завершающего штриха или подачки Природа иногда швыряет кость тем, кого уродует и делает изгоями. Частенько это какое-нибудь умение, обычно совершенно бесполезное, или проклятие высокоразвитого интеллекта.

Когда Сандору Сандору исполнилось четыре года, он мог назвать все обитаемые миры в Галактике — а их было сто сорок девять! Когда ему исполнилось пять, он рисовал на чистом глобусе все континенты всех планет. К семи годам ему были известны провинции, штаты, государства и главные города ста сорока девяти населенных миров Галактики. Он изучал землеграфию, историю, землелогию и популярные путеводители, когда не спал; а еще Сандора страшно занимали атласы и туристические видеопленки. Складывалось впечатление, что в голове у него имеется особое запоминающее устройство, потому что к тому моменту, когда он отпраздновал свой десятый день рождения, в Галактике не осталось ни одного города, о котором он не знал бы хоть что-нибудь.

И он продолжал свои занятия.

Его завораживали разные места. Сандор собрал великолепную библиотеку уличных путеводителей и карты дорог. Отлично разбирался в архитектурных стилях, ведущих отраслях промышленности и расах, мог рассказать про аборигенов, местную флору, достопримечатель-

ности, отели, рестораны, аэропорты и морские порты, космопорты, стили одежды и украшения, климатические условия, искусства и ремесла, кухню, виды спорта, религию, общественные учреждения и обычаи.

Когда Сандор получал докторскую степень по землеграфии — в четырнадцать лет,— устный экзамен вели по закрытому телеканалу, потому что он боялся выйти из дома. За всю жизнь Сандор делал это трижды и каждый раз переживал невыразимые страдания, поскольку никто из обитателей ста сорока девяти миров Галактики так и не сумел придумать лекарства от весьма редкой болезни, жертвой которой он стал: мышцы его тела были не в состоянии выполнять свои функции. Сандор не мог управлять даже самыми лучшими протезами более пяти минут — он мгновенно уставал и испытывал мучительную боль; а чтобы выйти из дома, ему нужно было воспользоваться сразу тремя такими протезами — двумя для ног и одним для правой руки, для конечностей, которых он не получил, когда развивался в утробе матери. Тело Сандора выдерживало силу тяжести только маленьких планет, таких, как Домбек.

Чтобы избежать страданий и не встречаться с чужими людьми — он привык общаться только со своей тетушкой Фэй и нянькой, мисс Барбарой,— Сандор сдавал устные экзамены по закрытому телеканалу.

Университет Брилла на планете Домбек располагался довольно далеко от того места, где жил Сандор, иначе профессора обязательно посетили бы столь талантливого исследователя, поскольку испытывали к нему истинное уважение. Его диссертация, написанная на 855 страницах и называвшаяся «Записки, посвященные теории гравитационной матрицы, управляющей формированием сходных по структуре почв на разных планетарных телах», привлекла внимание даже ученых Межзвездного Университета на Земле.

Случилось так, что Межзвездное Правительство, которое все про всех знает, слушало устный экзамен Сандора, а потом и защиту диссертации.

Адъюнкт-профессор Бейнс был одним из немногочисленных друзей Сандора. Они встречались несколько раз в библиотеке Сандора; под предлогом, что хочет взять ту или иную книгу, Бейнс иногда заходил в гости и проводил у него весь вечер.

После экзамена профессор Бейнс в течение нескольких минут оставался с Сандором на связи, и они немного поболтали — так, о всяких пустяках. Именно тогда-то Бейнс и заговорил — случайно — о совершенно бесполезном (в академическом смысле слова) таланте Сандора.

И именно тогда-то правительственный чиновник и навострил свои острые уши (он был ригелианином). Чиновник очень хотел получить повышение по службе и вспомнил весьма запутанную служебную записку...

Адъюнкт-профессору Бейнсу почему-то вздумалось поговорить о том, как однажды Сандору показали набор из тридцати подобранных случайным образом снимков разных мест цивилизованной галактики, а основные данные, снятые с этих фотографий, были введены в компьютер Отдела L-L. Сандор в каждом случае правильно назвал планету; в двадцати девяти определил характер местности; графство или район — в двадцати шести; и безошибочно обозначил само место в пределах пятидесяти квадратных миль в двадцати трех случаях. Компьютер узнал лишь планету — в двадцати семи случаях.

Впрочем, для компьютера это занятие не было делом и единственной любовью всей жизни.

Таким образом, стало ясно, что Сандор знает практически каждую улицу в Галактике.

Через десять лет он выучил их все до единой.

Однако через три года ригелианин ушел с работы, испытывая к ней невыносимое отвращение, и поступил на частное предприятие, где платили больше, а повышения по службе происходили чаще. Но его служебная записка и пленка с записью разговора были внесены в файлы компьютера...

Бенедик* Бенедикт родился и вырос на водяном мире под названием Кьюм и обладал удивительной способностью заводить врага в лице каждого, с кем встречался.

Это происходило потому, что, в то время как одни люди получают высшее наслаждение от пьянства, обжорства, праздности, разврата или от занятий фрином, Бенедик просто обожал сплетни — он был ужасным болтуном.

Сплетни были его хлебом насущным, религией и сексуальной жизнью. Тот, кто пожимал ему руку, совершал ошибку, часто трагическую. Как только Бенедик касался вашей руки и улыбался своей самой искренней из улыбок, его глаза наполнялись слезами, которые потоками стекали по пухлым щекам.

Впрочем, он вовсе не горевал, когда знакомился с вами. Ничего подобного. Слезы были соматическим следствием его паранормальной реакции — Бенедику открывалась вся ваша прошлая жизнь.

Надо сказать, что он был исключительно разборчив и всегда видел только то, что искал. А искал он скандалы и ненависть и, что еще хуже, любовь; его интересовали всевозможные нарушения законов, воспоминания о неприятных событиях, боль, слабость, тщетные попытки чего-либо добиться. Он узнавал то, о чем человек хотел бы забыть. И болтал об этом.

Если вам повезет, он не станет обсуждать с вами вашу собственную жизнь. Но если у вас есть общие знакомые и Бенедику становится об этом известно, он начинает сплетничать о них. Он выложит вам все самые сокровенные тайны этого мужчины или женщины, потому что получает от такой формы общения даже больше удовольствия, чем от вашего возмущения и негодования. Его глаза, голос и рука вцепятся в вашу душу мертвой хваткой, он заворожит вас своими историями; вы выслушаете все до самого конца и испытаете страшное потрясение.

А потом он уйдет, чтобы рассказывать о вас другим.

---

* Новобрачный, изменивший своему намерению никогда не жениться (по имени героя комедии Шекспира «Много шума из ничего»).

Вот каким человеком был Бенедик Бенедикт. Он, вероятно, не имел ни малейшего представления о том, как сильно его ненавидели, потому что это чувство появлялось много позже, через несколько часов после того, как он прощался с вами. Выслушаешь его — и возникает ощущение, что ты стал жертвой насилия, а потом страх, стыд или отвращение заставляет тебя гнать прочь воспоминания об этой встрече.

Иные ненавидели Бенедика тайно, потому что он был опасен. А проще говоря, знался с весьма влиятельными людьми.

Бенедик был крайне контактным животным: обожал внимание; хотел, чтобы им восхищались; страстно желал иметь как можно больше знакомых.

И ему всегда удавалось найти благодарную аудиторию. Ему было открыто так много тайн, что в обмен на возможность их узнать его терпели в самых высших кругах. Кроме того, он был богат — но об этом чуть позже.

Время шло, и Бенедику становилось все труднее и труднее встречаться с новыми людьми. Чем больше он болтал, тем известнее становился, и даже те, кто с удовольствием выслушивал его истории, старались садиться в дальнем конце комнаты возле двери и поглощали невероятные количества алкоголя — частично для того, чтобы задушить собственные воспоминания.

Бенедик был богат, потому что его способности распространялись и на неодушевленные предметы. На Кьюме, водном мире, полезные ископаемые — страшная редкость. Если Бенедику приносили какой-нибудь образец, он брал его в руки, начинал горько плакать, а потом говорил, где нужно копать, чтобы напасть на жилу.

Прикоснувшись к рыбе, пойманной в бескрайних морях Кьюма, он мог начертить маршрут передвижения целого косяка.

Со слезами на глазах он держал в ладонях ожерелье из местного жемчуга и рассказывал, в каком районе находится месторождение.

Страховые ассоциации и кредитные учреждения заводили специальные архивы Бенедика — ручку, которой кли-

ент подписывал контракт, окурок сигареты, бумажный платок, какой-нибудь предмет, оставленный на хранение, анализы крови или результаты биопсии,— чтобы Бенедик мог применить свой дар против тех, кто намеревается причинить компании вред, а потом сбежать, и против тех, кто собирается нарушить закон.

Впрочем, сам Бенедик не впадал в экстаз от своих умений. Он просто получал от них удовольствие. Поскольку был одним из девятнадцати людей, обладающих паранормальными способностями, в ста сорока девяти обитаемых мирах Галактики. Он просто не мог иначе.

Время от времени Бенедик оказывал помощь гражданским властям — когда считал, что они стремятся к справедливости. Если же ему казалось, что дело обстоит иначе, его дар неожиданно куда-то исчезал и возвращался только тогда, когда необходимость в нем отпадала.

Бенедику Бенедикту хорошо платили, его изучали в лабораториях, о нем писали в научных журналах. Ко всему прочему он обладал способностью к психометрии и мог улавливать мысли, возникающие за пределами его собственного мозга...

Рысь Рыс походил на волейбольный мяч с бородой. Толстый старик с повязкой на глазу, он обожал хорошо поесть и выпить, носил незамысловатую одежду и предпочитал общаться с простыми людьми; Рысь часто улыбался, у него был мягкий, мелодичный голос.

В прежние годы Рысь побил все самые значительные рекорды убийств, совершенных агентами Межзвездной Службы Безопасности. Сорок восемь человек и семнадцать злобных, уродливых инопланетян пали от руки Рыси за пятьдесят лет его службы. Он был одним из трех человек в Галактике, которым удалось проработать в Службе Безопасности полвека. Он с удовольствием жил на свою правительственную пенсию, несмотря на трех жен и орды внуков; время от времени его призывали на консультации; иногда он занимался миссионерской деятельностью на стороне. Рысь считал, что все люди братья и что любовь,

а не страх и ненависть должна управлять их делами. Рысь Рыс и убивал с любовью, так он сам говорил во время Мирных Заседаний, уважая и почитая душу человека, которому был вынесен смертный приговор.

Это история о том, как его призвали покинуть Осанну, Мир Великого и Славного Пламени Божественной Жизни, и он встретился с Сандором Сандором и Бенедиком Бенедиктом, для того чтобы начать охоту на Виктора Корго, человека без сердца.

Виктор Корго был капитаном «Скитальца». Виктор Корго был главным астронавигатором, первым помощником и главным инженером «Скитальца». Виктор Корго был «Скитальцем».

Когда-то гордый «Скиталец» был военным кораблем; эбеновая поганка, утыканная похожими на самоцветы бородавками — огнеметами быстрого действия. Когда-то гордый «Скиталец» дефилировал вдоль пограничных миров Межзвездного Сообщества, насаждая законы Всеобщего Галактического Кодекса там, где вообще никаких законов в помине не было. Когда-то этот гордый «Скиталец», которым командовал капитан Виктор Корго из Гвардии, бороздил просторы глубокого космоса и стал легендой в легендарных небесах.

Он наводил ужас на разбойников и злобных, уродливых инопланетян, представлял серьезную угрозу для нарушителей Кодекса, был занозой в заднице для всех, кто замышлял недоброе, где бы они ни находились. В общем, Виктор Корго и его сияющий гриб (который мог в течение целого дня поливать огнем целый континент, находящийся под водой) были гордостью Гвардии, лучшими из лучших, сливками Вооруженных Сил.

К сожалению, Корго продался.

Оказался подлецом.

Предателем.

Герой, который перестал быть героем...

После сорока пяти лет в Гвардии, когда до пенсии оставалась половина десятилетия, Виктор Корго поте-

рял всю свою команду в неудачном рейде на пиратскую крепость, находившуюся на планете Килш, которая могла стать сто пятидесятым обитаемым миром Межзвездного Сообщества.

Едва живой, он ползком добрался до середины громадного заснеженного поля Брилда, расположенного на главном континенте Килша. В тот самый момент, когда за Виктором Корго — с подобающим звуковым сопровождением — пришла Смерть, ему повезло. Его, как говорится, вырвали из ее лап дриллены — кочующее племя уродливых разумных четвероногих существ, которые принесли Корго в свой лагерь, вылечили, накормили и согрели. Позднее при помощи дрилленов он достал «Скитальца» и все вооружение корабля из-под ста футов льда, куда тот провалился.

У Корго не было команды, поэтому он обучил дрилленов.

Капитан со своей новой командой на борту «Скитальца» напал на пиратов.

И одержал победу.

Но не остановился на этом.

Когда Корго узнал, что Всеобщий Кодекс вынес дрилленам приговор и они должны умереть, он предал собственную расу. Дриллены отказались переселиться в Резервацию. Они ответили, что желают жить на своей родной планете, которая должна была стать сто пятидесятым обитаемым миром Галактики (иными словами, Межзвездного Сообщества).

Поэтому был отдан приказ об их уничтожении.

Капитан Корго протестовал. Было объявлено, что он не в своем уме.

Капитан Корго угрожал. Ему угрожали в ответ.

Капитан Корго сражался, потерпел поражение, умер, был возрожден, сбежал из заключения, стал человеком вне закона.

Он присвоил «Скитальца». Во времена своего горделивого прошлого корабль назывался «Счастливый скиталец». Теперь же он стал просто «Скиталец».

Когда его обнаружили локаторы и эбеновый корпус начал отчаянно вибрировать от силовых лучей, а тело Корго пронзила нестерпимая боль, он собрал шестерых дрилленов и, поглаживая рукой шелковистый мех Малы, своей любимицы, открыл было рот, чтобы что-то сказать — но умер.

— Мне очень жаль...— успел произнести он.

Однако ему дали новое сердце. Старое разорвалось на мелкие кусочки, и его уже нельзя было починить. То, что осталось от сердца, положили в банку, а Корго дали блестящее антисептическое яйцо из пульсирующего металла, которое сокращалось в зависимости от показаний крошечных — размером с зерно — компьютеров, имплантированных в его тело; они контролировали дыхание, уровень сахара в крови и работу различных желез. В этих зернах и яйце содержалась жизнь Корго.

Когда врачи убедились, что он будет жить дальше, Корго сообщили о процедуре военного трибунала.

Впрочем, он не стал дожидаться суда и, нарушив собственное слово офицера, сбежал, прихватив с собой Малу, которая осталась единственным в Галактике дрилленом. Ее пять товарищей стали жертвой научных опытов, направленных на изучение их внутреннего строения. Остальные представители ее народа, естественно, отказались покинуть свой родной мир — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И тогда человек без сердца объявил человечеству войну.

Изнасилование планеты требует огромных капиталовложений. Необходимы исполинские бластеры, резатели и уничтожители для того, чтобы привести мир в состояние почти первобытного хаоса, а затем извлечь из недр основные ингредиенты (иными словами, все то, что можно продать). Книги по истории могут поведать вам о варварской добыче ископаемых на нашей родной планете в стародавние времена. Грубые технологии, используемые тогда, по результатам и выразительности ничем не отличались от того, что происходит сейчас, только размах у них был совсем не такой, как в наше время.

Представьте себе, что за одну ночь вдруг возникает Гранд-Каньон; представьте себе, что в одно короткое мгновение происходит полное изменение тысяч землелогических слоев; представьте себе все ледниковые периоды Земли, сжатые до одного-единственного времени года. И тогда вы поймете, за какой период можно добиться самых невероятных результатов.

А теперь представьте себе количество наемных рабочих, которые бурят, взрывают, режут и отводят воду для громадных горнодобывающих концернов; эти люди получили какое-то образование; готовы рисковать — пусть всего в течение одного года,— потому что им платят большие деньги; а кое-кто надеется сделать карьеру — опять же потому, что им платят большие деньги. За год они успевают побывать на трех планетах, куда их доставляют огромные, прекрасно оборудованные корабли. Эти люди набраны со всех обитаемых миров Галактики, они великолепно управляются с самыми разнообразными инструментами, их чело украшает знак Солнечного Феникса, а в глазах их — мрак и холод космического пространства. Они умеют возводить храмы в честь атома и заставляют его служить собственным целям; отлично знают, как защитить от атмосферного вихря грузовое судно, находящееся за многие мили от базы. Они делают это ловко и старательно, с определенным шиком, народными песнями и смехом — потому что являются рабочими лошадками, сражаются со временем (которое — деньги), стараются добыть как можно больше полезных ископаемых (которые — тоже деньги) в борьбе с конкурентами (что очень важно, поскольку, победив в этой войне, можно получить контроль над рынком на многие месяцы вперед). Эти люди в одной руке держат факел, а в другой — ураган, привозят с собой свои семьи и все, чем владеют, создают временную метрополию, творят чудеса, а потом, словно по мановению волшебной палочки, исчезают навсегда.

Теперь, когда вы представляете себе, как обстоят дела и кто принимает участие в нашей истории, вам, вероятно, станет ясна суть возникшей проблемы: изнасилование планеты требует огромных капиталовложений.

Любому ясно, что прибыли покрывают все расходы — даже больше чем покрывают. Однако они могут быть еще выше...

Каким образом?

Ну... Во-первых, тяжелое оборудование вполне заменимо. Перевозить исполинские машины и механизмы дорого. Оставить — нет. С точки зрения материала и труда дешевле — в среднем в 2,6 раза — сделать новые, чем таскать с места на место старые.

Горнодобывающие концерны не производят никакого оборудования (и не намерены); концерны, занимающиеся поставками механизмов для горнодобывающей отрасли, с таким же удовольствием делают новые машины, с каким горнодобывающие концерны теряют старые.

Естественно, все необходимое берется напрокат или покупается в рассрочку с равномерными выплатами финансовым ассоциациям, потому что в таком случае, когда приходит пора представлять Межзвездному департаменту государственных сборов отчет за очередной финансовый год, возникает гораздо меньше проблем.

Бросать машины — преступление, нарушение договора об аренде, а заодно и Межзвездного Коммерческого Кодекса.

Но всякое случается...

Иногда даже слишком часто, с точки зрения статистики...

В особенности на дальних границах.

И тогда солидные страховые компании начинают расследование, в конце концов тяжело вздыхают и возмещают убытки.

...А грузовые суда добираются до рынка раньше запланированного расписанием срока, потому что им приходится меньше демонтировать оборудования, меньше грузить и транспортировать.

Экономится время, заказы выполняются быстрее, появляется возможность получить более высокую цену, а

следовательно, и преимущество, когда речь идет о разворачивании новой кампании по освоению какой-нибудь дикой планеты.

Все это очень хорошо.

Но не с точки зрения ассоциаций страховых обществ.

А что может произойти с огромным транзитным кораблем, нагруженным под завязку самым разнообразным оборудованием?

Кое-кто называет это саботажем.

...Некоторые — массовым убийством.

...Тайной войной.

...Молнией Корго.

Где-то написано, что если тебе нужен свет, то лучше сжечь город, чем проклинать мрак.

Корго мрак не проклинал.

...Множество раз.

Когда они встретились на планете Домбек, Бенедик протянул руку, улыбнулся, сказал:

— Мистер Сандор...

После рукопожатия его улыбка стала немного кривой, а потом и вовсе исчезла с лица. Потому что он коснулся искусственной руки.

Сандор кивнул, опустил глаза.

Бенедик повернулся к могучему мужчине с повязкой на глазу:

— А вы Рысь Рыс?

— Верно, брат. Не обижайся, но я не подаю руки. Вероисповедание не позволяет. Я считаю, что уникальность жизни не нуждается ни в каких дополнительных подтверждениях.

— Конечно,— согласился Бенедик.— Когда-то я знал одного человека, он жил на Домбеке и занимался контрабандой гнила. Его звали Вортен Вортан...

— Отправился в Великое Пламя,— перебил его Рысь.— Иными словами, мертв. Служба Безопасности взяла его два года назад. Он пытался избежать ареста.

— Правда? — спросил Бенедик.— Было время, когда он и сам баловался гнилом...

— Знаю. Читал его досье в связи с другим делом.

— На Домбеке полно контрабандистов гнила,— сказал Сандор.

— Да? Ладно, давайте поговорим об этом Корго.

— Давайте,— кивнул Рысь.

— Давайте,— согласился Сандор.

— По словам представителя Службы Безопасности, многие страховые ассоциации заявили протест представителям Межзвездного Правительства.

— Верно.— Рысь.

— Да.— Сандор, который прикусил губу.— Джентльмены, вы не возражаете, если я сниму ноги?

— Нисколько.— Рысь.— Мы же коллеги, наши встречи должны носить неформальный характер.

— Пожалуйста,— сказал Бенедик.

Сандор наклонился вперед в своем кресле и нажал на несколько кнопок. Из-под его рабочего стола донеслось два глухих удара. После этого он откинулся на спинку и принялся разглядывать полки с глобусами.

— Они причиняют вам боль? — спросил Бенедик.

— Да.

— Катастрофа?

— Врожденное,— ответил Сандор.

Рысь поднес графин с коричневатой жидкостью к свету. Стал разглядывать.

— Местное бренди.— Сандор.— Вполне приличное. Немного похоже на ксмили из Бандлы, только не вызывает привычки. Попробуйте.

Что Рысь и сделал, а потом весь вечер не выпускал графин из поля зрения.

— Корго уничтожает частную собственность,— заявил Бенедик.

Сандор кивнул.

— А еще обманывает страховые компании, портит планетарные тела и ко всему прочему дезертировал из Гвардии.

— Убийца,— добавил Сандор.

— И зоофил,— закончил Бенедик.

— Ой-ой-ой.— Рысь облизнул губы.

— Он наносит серьезный вред общественному спокойствию, поэтому его необходимо разыскать.

— И подвергнуть ритуалу очищения Пламенем — для дальнейшего возрождения.

— Итак, мы должны найти его и прикончить,— подвел итог Бенедик.

— Два необходимых нам предмета... здесь? — поинтересовался Рысь.

— Да, приемник фазовых волн находится в соседней комнате.

— А?..— молвил Бенедик.

— Другая вещь лежит в нижнем ящике моего стола, справа.

— В таком случае почему бы не начать немедленно?

— Действительно, почему бы?

— Отлично.— Сандор.— Кому-то из вас придется открыть ящик. Оно в банке из коричневого стекла, у стенки.

— Я достану,— вызвался Бенедик.

Прошло совсем немного времени, и из груди Бенедика вырвалось рыдание: за спиной у него толпились миры, в руках он крепко сжимал сердце Корго, а по щекам струились слезы.

— Холод и мрак...

— Где? — Рысь.

— Какое-то маленькое место... Комната? Каюта? Панель управления... Что-то гудит... Холодно, повсюду какие-то сумасшедшие углы... Вибрация... Боль!

— Что он делает? — Сандор.

— ...Сидит, нет, полулежит на кушетке, которая, словно паутина, спеленала его тело. Мохнатый рядом с ним, спит. Искажено... углы... все... неверно... Боль!

— «Скиталец» в прыжке.— Рысь.

— Куда он направляется? — Сандор.

— БОЛЬ! — заорал Бенедик и опустил сердце на колени.

Его трясло. Он вытер глаза тыльной стороной руки.

— У меня голова разболелась.

— Выпейте немного.— Рысь.

Бенедик залпом проглотил содержимое одного бокала, маленькими глотками принялся потягивать второй.

— Где я был?

Рысь чуть приподнял плечи, опустил их.

— «Скиталец» совершает прыжок — куда-то. Корго погружен в фазовый сон. Когда находишься в сознании, прыжок — вещь неприятная. Расстояние и время искажаются. Вы нашли его в неудачное время — он под воздействием транквилизаторов и континуума. Возможно, завтра нам повезет больше.

— Надеюсь.

— Да, завтра.— Сандор.

— Завтра... Да.

— Я заметил кое-что в его сознании,— проговорил Бенедик.— Солнце там, где раньше ничего не было...

— Взрыв? — Рысь.

— Да.

— Воспоминание? — Сандор.

— Нет. Он собирается это сделать.

Рысь поднялся на ноги:

— Пойду свяжусь со Службой Безопасности и расскажу, что мы узнали. Они проверят, на каких мирах в данный момент ведутся разработки. Вы не знаете, когда это произойдет?

— Нет, не могу сказать.

— А как выглядело то место? Можете его описать? — Сандор.

— Мысль была нечеткой. Сознание скользило, переполненное ненавистью.

— Ладно, попытаемся еще раз?

— Завтра. Я устал.

— В таком случае отправляйтесь в постель. Отдохните.

— С удовольствием.

— Спокойной ночи, мистер Бенедикт.

— Спокойной ночи...

— Желаю вам погрузиться в самое сердце Вечного Пламени.

— Надеюсь, этого не произойдет...

Мала захныкала и придвинулась к Корго, потому что ей приснился страшный сон: они снова оказались на заснеженном поле Брилда, и она пыталась помочь своему Корго — идти, двигаться вперед. А он постоянно падал и каждый раз лежал на земле все дольше и дольше, потом с огромным трудом поднимался, шел вперед все медленнее и медленнее. Он попробовал развести костер, но налетели снежные дьяволы, с семи лун в огонь посыпались льдинки, и пляшущие зеленые языки почти сразу умирали.

Наконец она увидела их на вершине снежной горы.

Трое...

Окутанные с головы до ног пламенем, они вертели по сторонам окруженными ослепительным сиянием головами; а потом один наклонился, понюхал землю, выпрямился и показал — как раз туда, где остановились Мала с Корго. И тогда эти трое бросились бегом вниз по склону, а за ними неслись огненные потоки, которые растопили снег. Троица перепрыгивала через оползни и ледяные уступы; они спешили, вытянув перед собой руки. Без единого звука, приближаясь молча, останавливаясь только затем, чтобы один из них мог понюхать воздух и землю...

И вот она уже слышит их дыхание, чувствует тепло тел...

Они настигнут свою жертву через несколько секунд...

Мала захныкала и придвинулась к Корго.

Целых три дня Бенедик пытался отыскать Корго — он сжимал в руках его сердце, словно цыганка — карты, поливал его слезами, будто надеялся оживить. После этих сеансов у него раскалывалась голова — ведь он приходил

в столкновение с континуумом. Часы напролет Бенедик рыдал, не в силах остановиться, даже когда просто сидел в комнате — что было весьма для него необычно. Раньше ему всегда удавалось заглушить боль, как только контакт прерывался.

Каждый раз, когда Бенедик дотрагивался до сердца Корго и его собственное сознание стремительно мчалось вперед по небесной подземке, он испытывал невыразимую муку; за три дня он одиннадцать раз предпринимал попытку найти Корго. И в конце концов его сила иссякла.

Застыв, как капля металла, на корпусе «Скитальца», он не сводил глаз с ослепительного очага в шестистах милях отсюда, который разжег и довел до температуры плавления стали. И он ощущал себя куском металла, лежащим на наковальне и ожидающим мгновения, когда молот опустится и станет снова и снова наносить удары, и тогда он сделается еще крепче и непреклоннее, а тот, что прячется у него внутри и знает боль, угрызения совести и жалость, умрет; новый удар, еще и еще, и снова — так, чтобы осталась только жесткая, жестокая ненависть, которая, как железные колодки, должна сковать душу.

Корго наблюдал, улыбался, фотографировал.

Когда один из девятнадцати обладателей паранормальных способностей, живущих на ста сорока девяти обитаемых мирах Галактики, вдруг лишается своего дара, причем в самый критический момент, сразу вспоминаются древние сказки о Принцессе, которая неожиданно заболевает какой-то никому не известной болезнью и Король, ее отец, призывает к себе мудрецов и лучших лекарей королевства.

Добрый Папочка — Служба Безопасности — поступил точно так же. Со всей Галактики были собраны мудрецы и советники, представители различных Мозгоматов и клиник, занимающихся восстановлением мыслительных функций, включая Межзвездный Университет с самой Земли. Увы! Поставить диагноз они сумели, но ни один

не смог предложить курс лечения, который все заинтересованные лица посчитали бы приемлемым:

— Бомбардировка зрительного бугра бета-частицами...

— Гипнорегрессия до внутриутробного состояния и последующее восстановление до предтравматического периода жизни...

— Еще одно столкновение с континуумом...

— Шесть недель на прогулочном спутнике, всевозможные развлечения и две таблетки аспирина каждые четыре часа...

— Операция, известная в древние времена под названием лоботомия...

— Как можно больше жидкости и зеленые овощи с листьями...

— Наймите другого специалиста с паранормальными способностями.

По той или иной причине начальство не устроило ни одно из этих предложений, а уж последнее и вовсе было неосуществимо — в данный момент. В конце концов проблему решила нянька Сандора, мисс Барбара, которая однажды вечером совершенно случайно оказалась на веранде, где Бенедик сидел, обмахивался веером и потягивал ксмили.

— Ой, мистер Бенедик! — воскликнула она, плюхнулась в кресло напротив и разбавила свой редлонад ксмили — на три пальца.— Как здорово встретить вас здесь! Я думала, вы в библиотеке с ребятами, занимаетесь вашим сверхсекретным, не подлежащим разглашению суперважным проектом, который называется «Жаркое из Скитальца» или что-то в этом же духе.

— Как видите, нет,— проговорил Бенедик и уставился на свои колени.

— Ну, побездельничать тоже иногда полезно. Посидеть, расслабиться. Отдохнуть от охоты на Виктора Корго...

— Послушайте, предполагается, что вам про это дело ничего не известно. Оно страшно секретное и важное...

— И не подлежит разглашению, знаю-знаю. Дорогуша Сандор частенько разговаривает во сне — если честно, то каждую ночь. Видите ли, я укладываю его спать, а потом сижу, пока он не отправится в страну сновидений, бедняжечка.

— Ах да. Однако я вас попрошу никому ничего про наше задание не рассказывать.

— Почему? Разве у вас возникли проблемы?

— Да!

— А что случилось?

— Все из-за меня, если уж вам так хочется это знать! Возник какой-то блок. Я призываю на помощь свои способности, а они не являются.

— Ой, как неприятно! Вы хотите сказать, что больше не можете заглядывать в головы других людей?

— Точно.

— Боже мой! Ну, тогда давайте поговорим о чем-нибудь другом. Я вам рассказывала, что когда-то была самой дорогой куртизанкой на Сордидо-V?

Бенедик медленно повернул к ней голову.

— Не-е...— протянул он.— На том самом Сордидо?

— Конечно. Меня называли Ослепительная Гибельная Барби, а еще Крошка-Толстушка. Знаете, про меня до сих пор поют баллады.

— Да, я слышал. Множество стихов...

— Выпейте еще. А однажды в мою честь была выпущена монета. Естественно, она стала нумизматической редкостью, мечтой любого коллекционера. Я там изображена в полный рост, натуральные цвета. Вот смотрите, я ношу ее на шее... Наклонитесь поближе, цепочка короткая.

— Очень... интересно. Расскажите ее историю.

— Все началось со старины Прурии ван Тесте, банкира из компании «Импорт-экспорт Тесте». Знаете, он много лет имел дело с синтоженщинами, а потом вдруг подумал, что, видимо, лишает себя чего-то необыкновенного. Поэтому в один прекрасный день он послал мне десять дюжин хравианских орхидей, бриллиантовые подвязки и приглашение с ним отужинать...

— Вы, естественно, приглашение приняли?

— Естественно, нет. По крайней мере в первый раз. Я же понимала, что он сгорает от нетерпения.

— Ну, и что было дальше?

— Подождите, я сделаю себе еще один бокал редлонада...

Несколько позже Рысь, который находился в состоянии глубокой задумчивости — он медитировал,— случайно вышел на веранду. И увидел там мисс Барбару, рядом с которой сидел плачущий Бенедик.

— Что нарушило твой покой, брат? — поинтересовался он.

— Ничего! Совсем ничего! Все так прекрасно, все замечательно! Мои способности вернулись — я это чувствую! — Бенедик вытер слезы рукавом.

— Будь благословенна, милая крошка! — проговорил Рысь, схватив мисс Барбару за руку.— Твой немудреный опыт помог излечить моего брата, в то время как высокооплачиваемые ученые мужи, доставленные сюда с разных концов Галактики, оказались бессильны. Твои простые слова исполнены добродетели, и ты любима Пламенем.

— Большое спасибо.

— Идем, брат, займемся делом!

— Да, скорей! О, благодарю тебя, Ослепительная Барби!

— Не стоит благодарности.

Как только Бенедик взял в руки разорвавшееся сердце Корго, глаза у него мгновенно затуманились. Он откинулся на спинку стула, на носу выступили капли пота, распухли, словно откормленные амебы, начали делиться, а потом устремились исследовать территорию над верхней губой.

Он сделал глубокий вдох.

— Я на месте.

Бенедик заморгал, облизнулся.

— ...Ночь. Глубокая. Какое-то примитивное жилище. Обмазано чем-то похожим на грязь с кусочками соломы... Весь свет погашен, только машина — луч...

— Машина? — Рысь.

— ...Проектор. На стене картины... какой-то мир — большой, заполняет всю стену. Пожар, наверху. Три района...

— Бхейв-VII! — Рысь.— Шесть дней назад!

— Справа береговая линия, проходит вот так... а слева — так...

Правым указательным пальцем Бенедик начертил в воздухе картинку.

— Бхейв-VII.— Сандор.

— Счастлив и несчастлив одновременно — трудно отделить одно от другого. Угрызения совести — и тут же удовольствие от содеянного. Месть... Ненависть к людям, гуманоидам... Ну-ка наведем резкость, вот здесь, где горит особенно ярко... Ярко! Как хорошо! Отлично! Это будет для них уроком! Научит не трогать чужое... Убить целый народ!.. Генератор гудит. Он очень старый, воняет... На ноге у нас лежит пес. Нога затекла, но мы не хотим беспокоить пса, потому что он любимец Малы, единственная игрушка, друг, живая кукла... Она почесывает верхней конечностью пса за ухом, пес любит Малу. На них падает свет... Видно очень четко. Теплый ветерок, вообще очень тепло, именно поэтому мы без рубашки. Ветерок шевелит кисточками занавески... никакого силового поля или оконной рамы... возле проектора вьются, жужжат насекомые — древние как мир силуэты на фоне горящей планеты...

— Какие насекомые? — Рысь.

— А что за окном? — Сандор.

— ...Снаружи невысокие деревья — всего лишь очертания. Приземистые. Не могу сказать, где начинаются стволы... листья слишком толстые, растут очень плотно. Темно. Где-то вдалеке крошечная луна... Что-то наподобие этого на холме...— Бенедик изобразил в воздухе лу-

ковицу, нанизанную на обелиск.— Не могу определить расстояние, и размер, и цвет, и из чего сделано...

— В голове Корго нет названия этого места? — Рысь.

— Если бы я мог дотронуться до него рукой, я бы знал, я бы знал все. А таким способом можно получить только образы — поверхностные мысли. Он не думает о том, где находится сейчас... Собака перевернулась на спину и слезла с нашей ноги — наконец-то! Мала почесывает псу брюхо, моя любимая смуглянка... Собака — это щенок — дергает задними лапами, словно ее кусают блохи, машет хвостом. Щенка зовут Дилк. Так она придумала, очень к нему привязана... Он похож на ее сородичей, которые все погибли. Мала ненавидит людей-гуманоидов. Она — человек. Даже лучше... Ее народ не убивал живые существа ради собственной эгоистичной выгоды, ради Межзвездного Сообщества. Лучше людей, мой дружок, гораздо лучше... Насекомое садится на нос Дилку. Она прогоняет его. Тело насекомого состоит из сегментов, две пары крыльев примерно пяти миллиметров длиной, спереди розовый шарик, выпуклый, жужжит — насекомое... вы же спрашивали...

— Сколько в доме входов? — Рысь.

— Два. По одной двери почти напротив друг друга.

— Сколько окон?

— Два. На противоположных стенах — где нет дверей. Сквозь другое окно ничего не видно — слишком темно.

— Что-нибудь еще?

— На стене меч — длинная рукоять, очень длинная, двуручный... Может быть, три, четыре лезвия, однако короткие. Рукоять посередине, клинки прямые, обоюдоострые... Рядом маска из... цветов? Слишком темно, не вижу. Клинки сияют; маска тусклая. Впрочем, похоже на цветы. Много маленьких цветов... В форме воздушного змея, большая сторона смотрит вниз. Черты разглядеть не могу. Мала неспокойна. Может быть, ей не нравятся картинки — а может быть, она просто их не видит и ей скучно; глаза у нее устроены по-другому. Вот она тычется носом нам в плечо. Мы наливаем ей что-то в блюдечко. И пьем

сами. Она не хочет пить. Мы смотрим на нее. Она опускает голову и подчиняется. Под ногами у нас утоптанная земля, твердая. Много крошечных белых — камешков? — внутри, как пудра. Стол сделан из дерева, настоящего... Генератор неожиданно шипит, картинка меркнет, снова становится четкой. Мы потираем подбородок. Нужно побриться... а, провались оно все пропадом! Кто на нас смотрит?.. Пьем — раз, два,— готово! Еще!

Сандор вставил пленку в проектор и принялся ее прокручивать, снова и снова, останавливая в самых разных местах, и опять прокручивать и останавливать, и прокручивать и останавливать, и прокручивать и останавливать. Он проверял свой каталог миров.

— Луна снаружи движется вверх, вниз или по небу?

— По небу.

— Справа налево или слева направо?

— Справа налево. Такое впечатление, что прошла четверть пути от зенита.

— Какого она цвета?

— Оранжевая с тремя черными полосами. Одна начинается примерно в районе одиннадцати часов, пересекает четверть поверхности, резко опускается вниз, снова появляется в районе семи. Другая возникает примерно около двух часов, идет до шести. Они не пересекаются. Третья представляет собой маленькую перевернутую букву «с» — в нижней правой четверти... Луна не большая, но ясная. Туч не видно.

— А какие-нибудь созвездия можете разглядеть? — Рысь.

— ...Голова повернута в другую сторону, и до этого долго не смотрел в окно... Возник какой-то шум... Пронзительный стрекот, почти металлический. Животное. Вот оно возникает перед мысленным взором Корго: шесть ног, живет на деревьях, в половину человеческого роста, редкая красновато-коричневая шерсть... По земле может передвигаться на двух, четырех или шести конечностях. Спускается вниз не часто. Гнездо вьет высоко. Откладывает яйца. Много зубов. Хищник. Два маленьких черных

глаза. Большие ноздри. Разносит инфекцию. Но для человека не опасен. Очень пуглив.

— Корго на Дистене, пятой планете системы Блейка,— сказал Сандор.— Ночное время означает, что он находится на континенте Диденлан. Луна Бабри прошла зенит — следовательно, он на востоке. Мелларская мечеть указывает на мелла-мусульманское поселение. Меч и маска, похоже, гортанианские; уверен, что они прибыли сюда из другого района страны, расположенного в глубине континента. Меловые вкрапления под ногами говорят о том, что это район Ландеар, который действительно является мелла-мусульманским. На северном берегу реки Диета. Вокруг джунгли. Даже тот, кто жаждет уединения, не заходит дальше чем на восемь миль от центра города — население сто пятьдесят три тысячи,— меньше всего заселенного к северо-западу из-за холмов, скал и...

— Отлично! Значит, он там! — Рысь.— А теперь вот что мы сделаем. Его, естественно, приговорили к смерти. Мне кажется — нет, я знаю! — на второй планете — не помню, как она называется — этой системы есть офицер, агент Службы Безопасности...

— Нирер...— Сандор.

— Да, хм-м, дайте-ка подумать... Два агента получат приказ привести приговор в исполнение. Они посадят свой корабль к северу от Ландеара, войдут в город, выяснят, где остановился прибывший дней шесть назад человек с весьма необычным четвероногим питомцем. А потом один агент войдет в хижину, чтобы убедиться в том, что Корго внутри. И немедленно уберется восвояси; если Корго там, агент подаст сигнал своему напарнику, который спрячется за деревьями или каким-то иным укрытием. Второй агент затем выпустит очередь в окно и быстро встанет за северо-восточным углом, чтобы иметь возможность с безопасного расстояния видеть окно и одну из дверей; другой подберется с юго-запада и сделает то же самое. У каждого будет двухсотканальный лазерный автомат с вибрирующей головкой. Отлично. Пойду сообщу Центральной. Он у нас в руках!

Рысь поспешил из комнаты.

Бенедик все еще держал в руках сердце Корго, его рубашка пропиталась потом. Он продолжал:

— Не бойтесь, моя смуглая леди. Он ведь щенок и просто воет на луну...

Тридцать один час и двадцать минут спустя Рысь Рыс получил и расшифровал сообщение из двух коротких фраз:

АГЕНТЫ-ИСПОЛНИТЕЛИ НА ПУТИ В ЛУЧШИЙ МИР. «СКИТАЛЕЦ» СНОВА СОВЕРШИЛ ПРЫЖОК.

Он облизнул губы. Его товарищи ждали новостей, они успешно справились со своим заданием — они умело и старательно выполнили приказ. Именно Рысь виноват в том, что жертве удалось уйти.

Он сотворил знак Пламени и вошел в библиотеку.

Бенедик все понял — ему это было легко. Он держал в руках палку, на которую иногда опирался Рысь, больше ему ничего и не требовалось.

Рысь опустил голову.

— Начинаем все сначала,— сказал он.

Способности Бенедика — ставшие в десять раз сильнее, чем прежде,— выдержали семь столкновений с континуумом. А потом он описал другой мир: большой, многолюдный, яркий, под сине-белым солнцем; повсюду желтый кирпич, неоденебианская архитектура, в окнах стёкла зеленого цвета, неподалеку багровое море...

Сандор без проблем определил местонахождение Корго.

— Мир Филлипса,— назвал он, а потом сообщил, о каком городе идет речь: — Деллес.

— На этот раз мы его спалим,— заявил Рысь и выскочил из комнаты.

— Христианский последователь Заратуштры*,— вздохнул Бенедик после того, как тот ушел.— Полагаю, страдает комплексом Пламени.

---

*. Заратуштра *(иран.)* — Зороастр *(греч.)* — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризм (между X и 1-й пол. VI в. до н. э.).

Сандор раскрутил глобус левой рукой и наблюдал за тем, как тот вращается.

— Я не предсказатель,— молвил Бенедик,— но могу побиться об заклад, что Корго опять сбежит.

— Почему?

— Покинув человечество, он превратился в нечто меньшее, чем человек, но в каком-то смысле и большее. Он не готов умереть.

— То есть?

— Я держал в руках его сердце. Корго отказался от него, во всех отношениях. Теперь он неуязвим. Но наступит день, когда он захочет получить его назад. И тогда он умрет.

— Откуда вы это знаете?

— ...Ощущение. Существует множество врачей-специалистов, и среди них патологи. Они не хуже других, только им дано постигнуть мрак. Я знаю людей, был знаком со многими. Я не делаю вид, что мне известно о человечестве все. Но слабости — да, их я изучил досконально.

Сандор вертел глобус и ничего не говорил.

Службе Безопасности все-таки удалось поджечь «Скитальца» и нанести ему серьезные повреждения.

Но Корго остался в живых.

Он был жив и проклинал все на свете.

Он лежал в канаве, мир вокруг него полыхал пламенем, повсюду раздавались взрывы, вокруг дождем падали обломки. Он проклинал этот мир и все остальные, и всех, живущих в них.

А потом раздался еще один взрыв.

И пришла тьма.

Обоюдоострым гортанианским мечом Виктор Корго отрубил голову первому агенту Службы Безопасности, прибывшему, чтобы привести приговор в исполнение, в тот самый момент, когда он возник на пороге хижины. Мала почувствовала их приближение — окно было открыто, и ветерок донес чужой запах.

Второй упал прежде, чем успел хоть что-нибудь предпринять. У Корго тоже был лазерный автомат — такими снабжали гвардейцев, и он разрезал второго агента на две части, выстрелив сквозь стену в направлении деревьев, где, по словам Малы, он прятался.

А потом «Скиталец» покинул Дистен.

Однако Корго забеспокоился. Как агентам Службы Безопасности удалось так быстро его обнаружить? Он частенько уходил у них прямо из-под носа и раньше, но был осторожен и не представлял себе, где совершил ошибку на этот раз; он не понимал, каким образом его нашли. Даже последний работодатель не знал, куда он направляется.

Он покачал головой и фазировал корабль на мир Филлипса.

Умереть — значит заснуть без сновидений, а Корго этого не хотел. Он старательно заметал следы, промчался по Галактике, выбирая случайные направления; подарил Мале золотой ошейник с приемопередаточным устройством, встроенным в замочек (аналогичное устройство он сам носил в кольце смерти на пальце); конвертировал достаточное количество валюты, оставил «Скитальца» у надежного контрабандиста на Независимой Территории и направился в Деллес-у-Моря, на самом краю мира Филлипса. Корго любил ходить под парусом, и ему нравились багровые воды этого моря. Он снял большую виллу неподалеку от Деллес-Дайвз; с одной стороны находились трущобы, с другой — Ривьера. Он радовался. Потому что ему снились сны. Значит, он все еще не умер.

Во сне он услышал какой-то звук. А в следующее мгновение уже сидел на кровати, готовый отразить любую атаку.

— Мала?

Она ушла. Звук, который Корго услышал, был скрипом закрываемой двери.

Он включил приемник.

— В чем дело? — потребовал он ответа.

— У меня ощущение, что за нами снова наблюдают,— донесся ответ Малы из его кольца.— Всего лишь ощущение.

Голос ее был едва слышен.

— Почему ты ничего мне не сказала? Возвращайся немедленно!

— Нет. Ночью меня не видно, и я могу двигаться бесшумно. Пойду посмотрю. Там что-то есть. Если бы я боялась... Приготовься, возьми оружие!

Корго последовал ее совету, подошел к двери — как раз в этот момент они и нанесли удар. Он побежал. Когда он выскочил на улицу, они атаковали еще раз, а потом снова. За спиной у него разверзлись врата ада: сыпалась штукатурка, метался искореженный металл, осколки стекла и обломки дерева. И вот уже Корго оказался в самом центре полыхающей преисподней.

Они находились над ним. На этот раз Служба Безопасности проявила осторожность, ее агенты не стали приближаться, решив нанести удар с расстояния. Они висели в окруженном защитным полем шаре и поливали дом Корго раскаленными потоками смерти.

Что-то ударило его в голову и плечо. Он повернулся, упал. Получил еще один удар в грудь и живот. Закрыл лицо руками, покатился, попытался встать — не смог. Корго заблудился в огнедышащем лесу. Тогда он побежал, снова упал, опять поднялся, бросился вперед и еще раз упал, пополз, упал.

Он лежал в канаве, а мир вокруг него полыхал пламенем. Повсюду раздавались взрывы, вокруг дождем падали обломки... Он проклинал этот мир и все остальные и всех, живущих в них.

А потом раздался еще один взрыв.

И опустилась тьма.

Они думали, что с ним расправились, и радость врагов Корго была велика.

— Ничего не улавливаю,— улыбаясь сквозь слезы, проговорил Бенедик.

Тогда охотники устроили праздник, который продолжался и на следующий день.

Однако тела Корго никто не нашел.

Впрочем, в пылу сражения был уничтожен целый квартал, в результате пропало одиннадцать человек, поэтому представители Службы Безопасности решили, что приговор приведен в исполнение и операция прошла успешно. Тем не менее талантливую троицу попросили оставаться вместе еще десять дней — пока проводится дополнительное расследование.

Бенедик рассмеялся.

— Ничего,— повторил он.— Ничего.

Надо сказать, что человек без сердца — штука весьма необычная. Его тело живет не по тем правилам, по которым существуют все остальные. Нет. Яйцо в груди Корго было умнее обычного сердца, к тому же оно являлось средоточием сложной коммуникационной системы. И хотя само по себе оно не живое существо, но прекрасно ориентируется в том, что происходит в окружающем мире; искусственное сердце не всесильно, однако оно обладает ресурсами, которых нет у настоящего.

Когда на теле Корго появились ожоги и раны, его необыкновенное сердце занялось делом: переключилось на функции, предусмотренные для экстренных случаев; превратилось в маяк, зажженный в самом центре бушующей стихии. Железы мгновенно отреагировали на его призыв и напоили тело Корго энергией; мышцы были приведены в действие, словно электрическим зарядом.

Корго не очень понимал, что промчался почти на нечеловеческой скорости сквозь обжигающую бурю и град обломков. Он не чувствовал боли. Не имеющие в данный момент существенного значения реакции нервной системы были блокированы. Он добрался до улицы и свалился в тени, на обочине дороги.

Яйцо, взяв на себя право оценивать, сколь ситуация опасна, посчитало, что заплаченная цена слишком высока, и приняло немедленные меры, для того чтобы привести функции в норму.

Все дальше, дальше уносило оно Корго — в почти коматозное состояние. Обычный человек не способен просто взять и решить, что он хочет впасть в спячку, а потом лечь и заснуть. Врачи, конечно, в состоянии погрузить человека в Dauerschlaf при помощи комбинаций наркотических средств и сложной аппаратуры.

Но Корго в подобных вещах не нуждался. У него в теле была аптечка, обладающая собственным сознанием; и она пришла к выводу, что состояние комы, которое выдерживает обычное сердце, для Корго недостаточно эффективно и что его следует отправить на невиданные для человеческого организма глубины. Поэтому, продолжая функционировать как полагается, яйцо в груди Корго делало то, на что не способно обычное сердце.

Оно швырнуло его в сумрак сна без сновидений, унесло в места, где сознание бессильно. Только подведя его к границе со смертью, оно могло сохранить ему жизнь, сделать его сильнее.

Поэтому мертвый Корго лежал в канаве.

Люди, естественно, всегда собираются на месте происшествия.

Жители Ривьеры в таких случаях надевают свои лучшие наряды. Те же, кто обитает в трущобах, не тратят на это время только потому, что у них не столь обширный гардероб.

Впрочем, один представитель этого слоя общества был уже одет и проходил мимо. Его звали Зим — по очевидным причинам. Когда-то у него было другое имя — давно забытое.

Зим, спотыкаясь, брел домой после того, как просидел весь вечер в зимлаковом баре, где с удовольствием тратил свою пенсию, полученную за этот месячный цикл.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: произошел взрыв. Бормоча себе под нос, он замер на месте и медленно повернулся в ту сторону, откуда доносился шум. Увидел языки пламени. Поднял голову,

заметил повисший шар. В голове у него возникло воспоминание, он поморщился и продолжал наблюдать за происходящим.

Через некоторое время какой-то человек промчался сквозь ад на безумной скорости. Потом упал. Возникли новые вспышки, и вскоре шар отправился восвояси.

Прошла пара минут, прежде чем Зим сообразил, что случилось — сработал рефлекс,— и приблизился к человеку на земле.

Правила, вбитые в память давным-давно, постепенно возникли на поверхности сознания — страница за страницей, словно он перелистывал учебник по «Оказанию первой медицинской помощи на поле боя», разработанный специально для гвардейцев Службы Безопасности. Зим опустился на колени рядом с телом, багровым от ожогов, покрытым кровью и освещенным отблесками пламени.

— Капитан,— пробормотал он, вглядываясь в суровое лицо с закрытыми глазами.— Капитан...

Потом поднес руки к лицу, а когда опустил их, они были мокрыми от слез.

— Соседи. Здесь. Мы с вами. Я не знал...— Он приложил ухо к сердцу, но не услышал ничего утешительного.— Пал... На палубе лежит мой капитан... уже остыл... он умер. Мы с ним. Соседи, даже...— Зим как-то неуверенно всхлипнул, а потом начал икать; через некоторое время справился с собой и приподнял веко мертвеца.

Корго дернул головой чуть влево, чтобы спрятаться от ослепительно ярких вспышек.

Зим с облегчением рассмеялся:

— Вы живы, кэп! Вы все еще живы!

То, что носило имя Корго, ничего не сказало ему в ответ. Тогда Зим наклонился и с трудом поднял тело.

— «Не следует сдвигать жертву с места» — так говорится в учебнике. Только вы пойдете со мной, кэп. Теперь я вспомнил... Все. Я помню; точно... да. Они убьют вас в следующий раз — если вы, конечно, выживете... Они это

непременно сделают. Уж я-то их знаю. Поэтому мне придется сдвинуть жертву с места. Я вынужден... Жаль только, что я так набрался... извините, кэп. Вы всегда хорошо обращались с командой, и со мной тоже. Порядок у нас был строгий на «Скитальце», но вы отличный человек... Старина «Скиталец», счастливчик... Да. Убийца, мы уходим! Валим отсюда, и как можно быстрее. Прежде чем прибудут гиены. Да. Я помню... вас. Хороший человек кэп. Да.

Итак, «Скиталец» совершил свой последний прыжок — так сообщалось в отчете Службы Безопасности. Однако Корго все еще находился на границе смерти, в стране, где нет сновидений, и крошечные семена-компьютеры вместе с яйцом в груди оберегали его жизнь.

Когда прошло десять дней, Рысь и Бенедик не уехали от Сандора, который совсем не хотел с ними расставаться. Раньше ему не приходилось работать; ему нравилось ощущение, что рядом с ним коллеги, люди, с которыми его связывают общие воспоминания. Бенедик не мог и помыслить о том, что ему придется распрощаться с мисс Барбарой, единственным человеком, который с удовольствием с ним разговаривал. Рыси нравились еда и климат, и он решил, что дети и внуки спокойно без него проживут.

Поэтому оба остались в доме Сандора.

Возвращение к жизни — дело медленное и непростое. Реальность исполняет причудливые танцы с покрывалами. И проходит довольно много времени, прежде чем вы понимаете, что́ под ними прячется (если вообще когда-нибудь понимаете).

Как только Корго смог сформулировать свою первую мысль, он крикнул:

— Мала!

...Мрак.

А потом он увидел лицо из далекого прошлого.

— Сержант Эмил?..

— Да, сэр. К вашим услугам, капитан.

— Где я?

— В моей хижине, сэр. Ваша сгорела.

— Как?

— Ее сожгли лучом из шара.

— А мой... питомец? Дриллен...

— Я нашел только вас, сэр, больше никого — и ничего. Это произошло почти месячный цикл назад...

Корго хотел было сесть, у него ничего не получилось, он предпринял новую попытку, чуть приподнялся, опираясь на локти.

— А что со мной?

— У вас было несколько переломов, ожоги, ранения, внутренние повреждения... Но теперь все будет в порядке.

— Интересно, каким образом они меня снова нашли — так быстро?..

— Не знаю, сэр. Может, хотите немного бульона?

— Чуть позже.

— Он уже готов и ждет вас — горяченький.

— Ладно, Эмил, давай неси. Конечно, неси.

Корго снова лег и принялся раздумывать. И услышал ее голос. Он дремал весь день, и она была частью сна.

— Корго, где ты? Корго, где ты? Корго...

Рука! Кольцо!

— Да! Это я, Корго! — Он включил приемник.— Мала! Где ты?

— В пещере у моря. Я каждый день звала тебя. Ты жив или отвечаешь мне из Иной Страны?

— Я жив. В твоем ошейнике нет никакого волшебства. Как тебе удалось выжить?

— Я выхожу ночью. Ворую еду в больших домах, где зеленые окна похожи на двери,— для Дилка и себя.

— Твой щенок? Он тоже жив?

— Да. Той ночью он сидел в будке во дворе... Где ты?

— Не знаю точно... Неподалеку от нашего бывшего дома. Я со старым другом...

— Хочу тебя увидеть.

— Подожди до наступления темноты. Я расскажу, куда нужно идти. Нет, я за тобой пришлю, подружка... Где находится твоя пещера?

— На пляже... нужно пройти мимо красного дома, про который ты сказал, что он ужасно уродливый. Три скалы с острыми вершинами. Дальше — узкая тропинка, ее иногда заливает вода, потом завернуть за угол, сделать тридцать один мой шаг, и увидишь нависшую скалу. Там есть трещина, достаточно маленькая сначала, но я могу протиснуться, а потом она расширяется. Вот тут мы и прячемся.

— Мой друг придет за вами после наступления темноты.

— Ты ранен?

— Был. Но теперь мне лучше. Увидимся позже и поговорим.

— Хорошо...

Корго быстро поправлялся. Он играл с Эмилом в шахматы, и они вспоминали времена, проведенные в Гвардии. Впервые за много лет он смеялся, когда Эмил рассказал ему историю про парик командора и что с ним стало во время серьезной потасовки на Сордидо-III, около тридцати лет назад...

Мала держалась в сторонке, играла только с Дилком. Иногда Корго чувствовал, что она за ним наблюдает. Но каждый раз, когда он поворачивался, оказывалось, что она смотрит в противоположную сторону. Неожиданно он сообразил, что она никогда не видела, чтобы он дружелюбно вел себя с кем-нибудь, кроме нее. Ее это озадачивало.

Он частенько пропускал вместе с Эмилом стаканчик зимлака, иногда они принимались распевать баллады — получалось довольно-таки фальшиво.

А потом до него вдруг дошло...

— Эмил, а на что ты живешь?

— Пенсия, кэп.

— О священное Пламя! Мы же тебя объедаем! Продукты, и лекарства, и все остальное...

— У меня было кое-что отложено — на черный день, кэп.

— Отлично. Но тебе не следовало растрачивать это на нас. В моих ботинках припрятано достаточно денег. Вот. Минутку... Смотри! Возьми!

— Я не могу, кэп...

— Еще как можешь! Бери деньги, это приказ!

— Хорошо, сэр. Только вам не нужно...

— Эмил, за мою голову назначена награда — ты это знаешь?

— Знаю.

— Очень солидная.

— Да.

— Она твоя по праву.

— Я не мог сдать вас, сэр.

— И тем не менее награда твоя. Только тебе причитается в два раза больше. Я пришлю — через несколько недель после того, как уеду отсюда.

— Я не могу принять ваши деньги, сэр.

— Чушь, ты их возьмешь!

— Нет, сэр. Я этого не сделаю.

— Почему?

— Я не могу принять эти деньги.

— Почему? Чем они тебе не подходят?

— Ну, ничего такого... только я не хочу к ним прикасаться. То, что вы даете за еду и все остальное,— да. Но не больше. И не нужно меня уговаривать.

— О... ладно, Эмил. Я не собирался тебя заставлять...

— Знаю, кэп.

— Еще сыграем? На этот раз я дам тебе фору слона и три пешки.

— Отлично, сэр.

— Хорошие были времена, верно?

— Да уж точно, кэп. Тау Кита — отпуск три месяца. Помните долину Красной реки — и семью местных жизненных форм?

— Ха! А Лебедь-VII — багряный мир, где живут радужные женщины?

— У меня три недели ушло на то, чтобы отмыться от их краски. Я сначала решил, что это какая-то новая болезнь... Хотелось бы мне снова взойти на борт корабля!

Рука Корго замерла в воздухе.

— Хм-м... Знаешь, Эмил... Не исключено.

— Каким образом?

Корго сделал ход.

— На борт «Скитальца». Он спрятан на Независимой Территории, дожидается меня. Сейчас я там капитан, а заодно и команда, все я сам. Мала делает, что может, но — если честно — мне не помешал бы первый помощник. Вспомним старые добрые времена.

Эмил поставил коня, которого было поднял, посмотрел на Корго, снова опустил глаза.

— Я... я не знаю, что сказать, кэп. Я и представить себе не мог, что вы предложите...

— А почему нет? Мне хороший человек не помешает. Активная жизнь, совсем как прежде. Много денег. Никаких забот. Захотим устроить себе трехмесячный отпуск на тау Кита — пожалуйста, мы же сами себе хозяева!

— Я... и правда не прочь снова попасть в космос, кэп... Но — нет, я не могу...

— Почему, Эмил? Почему нет? Все будет совсем как раньше!

— Не знаю, как это лучше сказать, кэп... Но когда мы... сжигали разные места, раньше... ну, мы сражались с преступниками — пиратами, нарушителями Кодекса... понимаете? А теперь... теперь, я слышал, вы простых людей убиваете. Ну... совсем не нарушителей Кодекса. Самых обычных, гражданских. Ну... я не могу.

Корго ничего ему не ответил, и Эмил поставил коня на доску.

— Я их ненавижу, Эмил,— произнес Корго через некоторое время.— Каждого, всех до одного... Ненавижу. Ты знаешь, что они сотворили на Брилде? С дрилленами?

— Да, сэр. Только это были не гражданские, не рабочие рудников. Не каждый из них. Виноваты в этом не все, сэр... Я не могу. Не сердитесь.

— Я не сержусь, Эмил.

— Конечно, и я не прочь пожечь мерзавцев — и наплевать на то, нарушают они Кодекс или нет. Но только совсем не так, как вы это делаете, сэр. И деньги за такую работу я брать не стану.

— Ха!

Корго передвинул своего единственного слона.

— Поэтому мои деньги тебе не нужны?

— Нет, сэр. Дело вовсе не в этом, сэр. Ну, может быть, немного и в этом... но только немного. Я просто не могу брать деньги за то, что помог человеку, которого я уважал и которым восхищался.

— Ты употребил прошедшее время.

— Да, сэр. Я все равно продолжаю считать, что они ведут себя с вами нечестно, а с дрилленами поступили плохо, несправедливо, жестоко — но нельзя ненавидеть за это всех, сэр, ведь виноваты не все.

— Они не возражали, Эмил, а это такое же преступление. Я ненавижу их только за то, что они промолчали. Да и люди все одинаковые, разве нет? Теперь я сжигаю их без разбора, потому что на самом деле не имеет никакого значения, кого убивать. Вина распределяется равномерно. Все человечество преступно и заслуживает наказания.

— Нет, сэр, прошу прощения, но в громадной системе, вроде Межзвездного Сообщества, далеко не все знают, кто что собирается делать. Некоторые думают так, как вы, а есть такие, кому наплевать. Многие просто не имеют ни малейшего представления о том, что происходит, а если бы знали, наверняка что-нибудь сделали бы по этому поводу.

— Твой ход, Эмил.

— Да, сэр.

— Жаль, что ты не принял моего предложения, Эмил. Из тебя вышел бы хороший офицер.

— Нет, сэр, не вышел бы хороший офицер. У меня неподходящий характер — я слишком добродушный. Мне бы на шею сели все, кому не лень.

— Печально. Так всегда получается. Хорошие люди либо слишком добродушны, либо слабаки. Почему?

— Откуда мне знать, сэр?

Они сделали по несколько ходов.

— Знаешь, если бы я перестал... жечь их, я имею в виду, и занялся на «Скитальце» обычной честной контрабандой, меня бы это вполне устроило. Устроило бы. Сейчас. Я устал. Я так страшно устал, что с удовольствием уснул бы — на четыре, пять, шесть лет... Предположим, я просто возил бы всякую всячину туда-сюда... тогда ты бы присоединился ко мне?

— Мне нужно подумать, кэп.

— Хорошо, подумай. Пожалуйста. Мне очень хотелось бы заполучить тебя в напарники.

— Да, сэр. Ваш ход, сэр.

Этого никогда бы не случилось и его никогда бы не обнаружили, потому что он и в самом деле перестал сжигать все подряд; этого бы не случилось — потому что в отчетах Межзвездной Службы Безопасности он числился мертвым и его никто больше не разыскивал. Однако это все-таки произошло — ах, если бы не избыток ксмили и рвение со стороны охотников!

Они уже собирались разъехаться по домам. Их сотрудничество подошло к концу, и ностальгия сменила хорошее настроение.

У Бенедика раньше никогда не было друзей — надеюсь, вы этого не забыли. А теперь появилось сразу двое, и ему предстояло с ними расстаться.

Рысь поглотил изрядное количество хорошей пищи и напитков, его развлекло приятное общество простых инвалидов, чьи неврозы не испорчены разными изощренными глупостями,— он получал настоящее удовольствие, находясь рядом с ними.

Сфера человеческих отношений для Сандора расширилась сразу в три раза, и он постепенно начал считать себя почетным представителем огромного сообщества, которое раньше называл человечеством, или Другими.

Поэтому, сидя в библиотеке, они выпивали, закусывали и разговаривали — и вернулись к охоте. Мертвые тигры всегда лучше живых.

Ну и конечно, в один прекрасный момент Бенедик снова взял в руки сердце, держа его аккуратно и бережно; так знаток любуется произведением искусства — с благоговением и любовью.

Они сидели в библиотеке, а в толстеньком животике Бенедика возникло необычное ощущение, начало медленно набирать силу, пока глаза у него не загорелись диким огнем.

— Я... я чувствую.

— Безусловно.— Рысь.

— Да.— Сандор.

— На самом деле!

— Естественно.— Рысь.— Он на Дистене, пятой планете системы Блейка, в хижине неподалеку от Лаядеара...

— Нет.— Сандор.— Он на мире Филлипса, в Деллесеу-Моря.

Они рассмеялись; Рысь рокотал, а Сандор хихикал и задыхался.

— Нет,— сказал Бенедик.— Он находится на борту «Скитальца». Только что совершил прыжок, и его сознание еще дремлет. Он везет серую амбру в систему тау Кита, пятая планета — Толмен. После этого планирует провести отпуск в долине Красной реки на третьей планете — Кардифф. Вместе с дрилленом и щенком, а еще появился новый член команды. Ничего не могу про него сказать — знаю лишь, что он гвардеец в отставке.

— О, святой Огонь Великого и Славного Пламени!

— Нам же известно, что корабль так и не нашли...

— ...И тело тоже. А ты не можешь ошибаться, Бенедик? Не уловил ли ты чье-то чужое присутствие? Вдруг это кто-то другой?

— Нет.

— Что будем делать, Рысь? — Сандор.

— Человек, лишенный принципов, был бы склонен проигнорировать наше открытие. Дело закрыто. Нам заплатили и разрешили отправиться по домам.

— Верно.

— Но ведь он может снова нанести удар...

— ...И в этом будем виноваты мы, наша неспособность выполнить порученное дело.

— Да.

— И многие погибнут.

— А машины будут уничтожены, и страховые компании понесут убытки.

— Да.

— Из-за нас.

— Да.

— Жаль...

— Да.

— Однако хорошо будет поработать вместе еще разок — напоследок.

— Да. Точно. Очень.

— Толмен, система тау Кита, он только что совершил прыжок? — Рысь.

— Да.

— Я позвоню, его будут ждать в порту.

— Я же говорил вам,— сказал обливающийся слезами Бенедик,— что он еще не готов умереть.

Сандор улыбнулся и поднял стакан, который держал рукой, совсем похожей на живую.

У них появилась работа.

Когда «Скиталец» вошел в систему тау Кита, разразился настоящий ад.

Его поджидали три гвардейских корабля с командами, совсем как сам «Скиталец» — в прежние времена.

Служба Безопасности на три дня закрыла всю систему. Перепутать эбеновую поганку, когда она появилась

на экранах, было ни с чем невозможно. Никто не потребовал никакого подтверждения.

Однако первый выстрел не попал в цель, и новый первый помощник капитана «Скитальца», как только прозвучал сигнал тревоги, выстрелил из всех орудий во всех направлениях сразу. Корго внес небольшие изменения в систему вооружения корабля, учитывая размеры проводимых им операций: в случае необходимости его «Скиталец» мог мгновенно совершить самоубийство. Он был одиноким волком и не нуждался ни в какой стае. Одна кнопка на центральной панели управления — прикоснись к ней, и «Скиталец» превращается в ощетинившегося лазерами дикобраза.

Корго приготовился сделать новый прыжок, но ему потребовалось сорок три секунды.

За это время его дважды атаковали гвардейские корабли, которым удалось уцелеть под огнем орудий «Скитальца».

А потом он исчез.

Время и Случай, управляющие всем в жизни и иногда выдающие себя за Судьбу, вцепились в «Скитальца», щенка, дриллена, первого помощника Эмила и человека без сердца. Когда Корго готовился сделать новый прыжок, он не задал своему кораблю направления — не хватило времени.

Два попадания из орудий гвардейских кораблей заметно изменили курс «Скитальца», а заодно и сожгли двадцать три установки для фазирования.

«Скиталец» прыгал вслепую, да еще подбитый.

Толчки континуума сотрясали команду, а корпус занимался латкой прорех на своей шкуре.

Целых тридцать девять часов и двадцать три минуты члены команды по очереди несли вахту, готовые в любой момент отреагировать на сигнал тревоги.

«Скиталец» выстоял.

Но куда они попали, никто не знал, и уж меньше всего обливающийся слезами человек с паранормальными способностями, наблюдавший за сражением, и Корго, когда

тот дежурил у панели управления; Бенедик не отпускал его от себя, несмотря на страдания, которые испытал при столкновении с континуумом, и страшную головную боль — сказывалось похмелье.

Вдруг Бенедику стало страшно:

— Он намеревается закончить прыжок. Я разорву с ним связь.

— Почему? — Рысь.

— А ты знаешь, где он?

— Нет, естественно, нет!

— Он тоже этого не знает. Предположим, он окажется в самом центре какой-нибудь звезды или в атмосфере — да еще на такой скорости?

— Ну и что будет? Он умрет.

— Именно. Я еще никогда не был в сознании умирающего человека — не думаю, что смогу справиться. Прошу прощения. Я не стану этого делать. Боюсь, что могу и сам умереть, если туда попаду. Я так устал... придется поискать его несколько позже.

С этими словами Бенедик заснул, и они не смогли его разбудить.

Итак, сердце Корго отправилось назад в свою банку, а банка была убрана в нижний правый ящик стола Сандора, и никто из охотников не слышал, что сказал Корго своему первому помощнику после того, как они завершили прыжок:

— Где мы? Компьютер утверждает, что ближе всего находится крошечный, ничем не примечательный мир под названием Домбек. Придется сесть там, чтобы произвести ремонт. Может быть, это совсем неплохо — раз планета находится далеко от шумных трасс. Нам нужны новые установки для фазирования.

Поэтому они посадили «Скитальца» и занялись его корпусом, в то время как охотники мирно спали всего в пятистах сорока двух милях от них.

Команда Корго залатала корпус в трех местах, а Рысь в это время съел солидный кусок ветчины, три бисквита,

два яблока и грушу и выпил пол-литра лучшего мозельского.

Корго и его первый помощник исправили электрические цепи, в которых произошло короткое замыкание, Бенедик же улыбался во сне: ему снилась Ослепительная Губительная Барби — такая, какой была в юности.

Корго отправился в город, расположенный в трехстах милях от места посадки, как раз в тот момент, когда над Домбеком начало подниматься бледное солнце.

— Он здесь! — воскликнул Бенедик, распахнув дверь в комнату Рыси и подбегая к его постели.— Он...

В следующее мгновение он потерял сознание, потому что никому не дозволено неожиданно приближаться к Рыси, когда тот спит.

Бенедик пришел в себя через пять минут на кровати, а вокруг собрались все, кто был в доме. На лбу у него лежала холодная мокрая тряпка, горло саднило так, как еще никогда в жизни.

— Дорогой брат,— проговорил Рысь,— не следует резко подходить к спящему человеку.

— Н-но он здесь,— с трудом проговорил Бенедик.— На Домбеке! Мне даже не нужен Сандор, чтобы это подтвердить!

— Ты уверен, что не стал жертвой излишества в спиртном?

— Уверен, говорю же вам, он здесь! — Бенедик сел, отбросил в сторону тряпку.— Маленький городок Колдстрим...— Он показал рукой на стену.— Я был там всего неделю назад. Я знаю это место!

— Тебе приснилось...

— Да пусть погаснет твое Пламя!.. Ничего мне не приснилось! Я держал его сердце вот в этих руках, и я все видел!

Рысь поморщился, когда Бенедик выругался, но принялся рассматривать возможность того, что тот говорит правду.

— В таком случае пойдем в библиотеку, поглядим, найдешь ли ты его снова.

— Уж можешь не сомневаться, найду!

В этот момент Корго пил кофе и ждал, когда проснется город. И раздумывал над словами своего первого помощника, который подал в отставку.

— *Я никогда не хотел никого убивать, кэп.* И уж меньше всего гвардейцев. Простите меня, но я не могу иначе. Я с этим покончил. Оставьте меня здесь, дайте денег на проезд домой, на Филлипс — больше мне ничего не нужно. Я знаю, вы не хотели, чтобы все произошло именно так, но, если я не уйду, это может случиться еще раз. Так наверняка и будет. Каким-то образом им удается вас все время выслеживать, а я больше никогда не смогу сделать это снова. Я помогу вам привести в порядок «Скитальца», и все. Прошу меня простить.

Корго вздохнул и заказал еще одну чашечку кофе. Потом посмотрел на часы на стене. Скоро, скоро...

— Эти часы, эта стена, это окно! Кафе, где я завтракал на прошлой неделе, в Колдстриме! — воскликнул Бенедик, вытирая слезы.

— Как ты думаешь, может быть, континуум?..— спросил Рысь.

— Не знаю.— Сандор.

— Как проверить?

— Позвони в это проклятое кафе и попроси их описать единственного посетителя, который завтракает у них в такое раннее время! — потребовал Бенедик.

— Отличная идея,— заявил Рысь.

И подошел к телефону, стоящему на столе Сандора.

Неожиданно Рысь крикнул:

— Твой флайер, брат Сандор! Могу я взять его?

— Ну конечно... Конечно.

— Сейчас я позвоню в местное отделение Службы Безопасности и попрошу лазерную пушку. Им приказано оказывать нам поддержку и не задавать лишних вопросов, этот приказ еще никто не отменил. Я ведь все-таки наемный убийца. Похоже, если мы хотим, чтобы работа

была сделана, мы должны заняться ею сами. Снарядить твой флайер пушкой не займет много времени. Бенедик, не прерывай контакта. Корго ведь нужно будет приобрести кое-что из оборудования, доставить и установить на корабле. Следовательно, время у нас есть. Оставайся с ним, будешь докладывать о его передвижениях.

— Шах!

— А ты уверен, что поступаешь правильно? — Сандор.

— Уверен.

Когда прибыла пушка, Корго занимался покупками. Когда ее монтировали, он загрузил катер и отправился назад. Когда пушку испытывали на пне, который тетушка Фэй давным-давно просила убрать, Корго мчался в сторону пустыни.

Корго летел над пустыней, а Бенедик наблюдал его глазами за песчаными дюнами, кустарником и разбегающимися кролиферами.

А еще за панелью управления.

Когда Рысь пустился в путь, Мала и Дилк прогуливались возле «Скитальца». Мала раздумывала над тем, будет ли еще Корго убивать людей. Новый Корго нравился ей гораздо меньше, чем Корго-мститель. Она пыталась понять, навсегда ли изменился ее друг. Надеялась, что нет...

Рысь поддерживал радиоконтакт с Бенедиком.

Сандор потягивал ксмили и улыбался.

Через некоторое время Корго опустил катер на землю.

Рысь спешил к нему с противоположной стороны.

Корго и его первый помощник начали разгружать катер.

Рысь очень торопился.

— Я рядом. Пять минут.

— В таком случае я прерываю контакт.— Бенедик.

— Еще рано.

— Прости, приятель, но ты слышал, что я сказал. Я не собираюсь присутствовать при его смерти.

— Ладно, дальше я и сам справлюсь.— Рысь.

Вот как получилось, что, прибыв на место, он увидел рядом со «Скитальцем» собаку, человека и уродливое, но разумное четвероногое существо.

Первый выстрел попал в корабль. Человек упал.

Четвероногое существо хотело сбежать, и Рысь спалил его.

Собака метнулась в корабль.

Рысь развернул флайер для очередной атаки.

И заметил еще одного человека, который подошел с другой стороны корабля, видимо, что-то там делал.

Человек поднял руку, и возникла вспышка. Корго выпустил лазерный луч, запрятанный в смертоносном кольце.

Луч прорезал корпус флайера, поразил левую руку Рыси возле локтя и вышел наружу через крышу.

Рысь вскрикнул от боли, попытался удержать управление, а Корго бросился внутрь «Скитальца».

И тут Рысь задействовал пушку — снова, и снова, и снова. Он кружил над «Скитальцем», который превратился в охваченные пламенем обломки посреди моря расплавленного песка.

Но Рысь продолжал выпускать заряды, а потом связался с Бенедиком и задал один-единственный вопрос.

— Ничего,— пришел ответ.

Тогда Рысь повернул назад, включил автопилот и потянулся к аптечке первой помощи.

— ...А потом Корго хотел забраться в «Скитальца», собирался обстрелять меня, но я успел раньше.— Рысь.

— Нет.— Бенедик.

— В каком смысле «нет»? Я там был.

— Я тоже, некоторое время. Я должен был понять, что он чувствует.

— И что?

— Он схватил на руки щенка Дилка и сказал ему: «Прости меня».

— Ну, как бы там ни было, он мертв, и мы выполнили задание. Все кончено.— Сандор.

— Да.

— Да.

— Давайте, прежде чем расстаться навсегда, выпьем за то, что мы отлично справились со своей работой.

— Давайте.

— Давайте.

Что они и сделали.

Несмотря на то что от «Скитальца» и его капитана ничего не осталось, Службе Безопасности удалось идентифицировать искусственное сердце, которое все еще билось, хоть и не очень ритмично, среди горячих обломков.

Корго умер, и все тут.

Ему следовало знать, против кого он осмелился выступить, и вовремя сдаться властям. Разве можно надеяться справиться с тем, кто в состоянии найти отмычку к твоему сознанию, с тем, кто отправил сорок восемь человек и семнадцать злобных, уродливых инопланетян в лучший мир, и с тем, кто знает все до единой улицы в Галактике?

Зря он связался с Сандором Сандором, Бенедиком Бенедиктом и Рысью Рысом. Ему следовало знать.

Потому что их настоящие имена — Тисифона, Алекто и Мегера. Фурии. Они возникают из хаоса и несут отмщение; насылают несчастья и безумие на головы тех, кто забывает о законе, кто совершает преступления против жизни и света, кто берет силу Пламени в свои слишком смертные руки.

Кольцо царя Соломона

Скарл носил его в уме — и поэтому умел разговаривать со всеми существами, не понимая, впрочем, ни одного из них. Затем наступил момент взаимопроникновения.

У царя Соломона имелось кольцо, и у того парня, о котором мне нужно рассказать тебе, тоже. Только у Соломона оно было массивным и железным, с пентаграммой на печатке, а у Билли Скарла — невидимым, так как он носил его в уме. Тем не менее оба кольца служили одинаковым целям.

По легенде, кольцо Соломона давало тому возможность понимать язык зверей. Если ты помнишь, Скарл тоже был наделен подобным даром. Полагаю, именно это было причиной его необычной восприимчивости.

Пишу тебе это письмо, Лиза, потому что ты — единственная, кому удалось завербовать его, и, кроме того, думаю, что он был влюблен в тебя. Возможно, я ошибаюсь. Если так, мне остается лишь попросить прощения за назойливость и положиться на твое чувство юмора, расставляющего все по своим местам.

Вчера вечером (думаю, что именно вчера) я/мы обедал/и с доктором Хейлом. Ты его не знаешь. Он похож на большого панду: белые ботинки (как правило), широкие черные брюки (всегда), белая рубашка (всегда), черный галстук (то же самое) и что-нибудь черное на макушке (обычно). А еще у него вечно скорбные глаза и

пара увесистых чайных блюдечек заместо ушей (когда-то он был боксером полутяжелого веса, и довольно приличным). Нос у него — как старая Эйфелева башня и свернут набок. Он умудряется почти обходиться без обычной психоаналитической болтовни врачевателя комплексов. Он утверждает, что его репутация Свенгали от медицины основывается на том, что его внешний вид с первого же взгляда внушает пациентам жалость, но я иногда удивляюсь. Когда он принимается молоть всякую чушь, черты его толстого лица вроде как расплываются, пока вам не начинает казаться, что вы смотрите на портрет Макиавелли на пенсии.

Впрочем, он еще не на пенсии и расправляется с бифштексами как надо...

Прожевав очередной кусок:

— Как там насчет Билли Скарла?

— Ты же врач. Вот и скажи мне.

— Я ценю твое мнение.

— В таком случае ты не совсем в курсе. У меня нет своего мнения.

— Ну так составь его, так как мне хочется услышать именно твое мнение.

Я впился зубами в булку, выторговывая себе тридцать секунд на размышление, и стал размышлять.

Успехом своей ранней карьеры Скарл был обязан прежде всего минимальному количеству членов экипажа. Он не доверял слишком большому числу людей, и поэтому все, кто находился на борту его корабля, умели не только держать язык за зубами, но и были специалистами широкого профиля. То, как он оригинально сбывал плоды своих разбойничьих набегов, в течение долгого времени сбивало Охрану с толку. Целый ряд миров по Разведывательному Периметру являются не более чем энциклопедическими записями, состоящими из пары предложений. Но среди этих миров находится множество превосходных торговых центров. Однако язык является настоящим барьером. Потому что такой уймы переводчиков, особенно для всяких контрабандных делишек, в мире просто не существует.

Тебе пришлось изрядно поломать голову, прежде чем ты поняла, что Скарл едва ли знает себя. Он просто думал, что овладел галактическим языком знаков и что гибридного местного говора Фенстера, его родного мира, достаточно, чтобы заполнить пробелы в знаниях. Учти, Лиза, что, несмотря на свой ум, он получил всего лишь номинальное образование в какой-то трущобной школе и во многом был совершенным профаном. Тем не менее Кругу Соломона пришлось предупредить Охрану, с чем они имеют дело.

После ареста на Мартине VIII ему, можно сказать, слегка улыбнулось его жалконькое счастье, и его отправили на Землю под надзором старого Охранника, готового вот-вот выйти в отставку. Пока они летели, легавому, насколько тебе известно, пришло в голову, что арест был произведен не по правилам и что на данном этапе игры ему вовсе не хочется заиметь в своем досье черную отметину. Поэтому он поменял входные коды и избрал самого себя судьей, присяжным судом и палачом — ты, может, не знала этого. И покуда он занимался необходимыми приготовлениями, он все время молчал. Но Скарл, конечно же, знал. Было бы, наверное, интересно рассказать тебе в подробностях, как легавый не сумел нажать на курок, а Скарл сделал из него винегрет своими наручниками, но я предпочел бы опустить эти подробности. Я уже столько раз слышал эту историю.

К тому времени когда ты встретила его в том баре на Кимберли, он уже начал подозревать правду о себе, но он слишком много развлекался, чтобы выкроить время и поэкспериментировать. Униженный, но в приподнятом настроении, он бегал по магазинам, подыскивая себе новую экипировку. И вот в тот вечер ты села напротив его коктейля с виски и предложила погадать ему.

И он, естественно, сказал «да». Ведь ты такая красивая.

«Тринадцатая карта главной арканы,— сказала ты ему,— это Костлявая Жница. Она означает Смерть, чаще всего лишь на метафизическом уровне, но все равно смерть. В твоей жизни ожидаются перемены».

Он, улыбнувшись, согласился и спросил, не хочешь ли ты помочь ему изменить жизнь. Ты, улыбнувшись, согласилась — вроде этого. Целую неделю он пребывал в замешательстве (потому что не мог разгадать тебя так же, как других), прежде чем ты поняла, что он созрел для Пари. (Ты что, прятала ту карту Таро в рукаве? Он несколько раз интересовался этим, так что я решил, что спрошу.) Похоже, все устроилось как нельзя лучше, и предсказание, разумеется, оказалось верным.

Против ставки в один космический крейсер он согласился сыграть роль преследуемой жертвы. Тебе удалось убедить его, что ты богата (что, по моим теперешним размышлениям, тоже было правдой) и любишь острые ощущения (что при всем при том вполне могло оказаться правдой). Он уже не мог отступить. Не то чтобы он хотел этого, но уж слишком похвалялся загодя. А еще он обладал невероятной живучестью, потому что, когда мне пришлось в конечном счете убить его, мне удалось это сделать только случайно.

У него было лишь три дня, чтобы спрятаться в джунглях Кимберли, и неделя на то, чтобы не дать найти себя твоим ищейкам, механическим паукам и электронным следящим устройствам. И тебе не удалось найти его. Я помню ту ночь, когда ты сообщила мне об этом. Все происходило на Лилит, где по небу гуляли многочисленные луны и чудесный резкий морской бриз вытеснял запахи жареной Sussevogel и лилитского мозельвейна (ох уж это языческое Liebfraumilch!). Ты не помнишь, как называется то место? У меня название, кажется, совсем вылетело из головы, но я совершенно отчетливо помню балкон, а на тебе было что-то синее... Ну да ладно.

Потребовалось три дня, по твоим словам, чтобы отыскать его след, и шесть часов, чтобы окружить его. Но когда ты приблизилась к месту его стоянки, он ускользнул от тебя. Так повторялось еще несколько раз, пока ты не заманила его на высокогорье у Гильских гор. Вспомнила теперь? Пауки перестали возвращаться, и ты стала нахо-

дить их одного за другим разбитыми вдребезги. Потом ты осталась совсем без пауков. К тому времени тебе было уже ясно, что он взобрался на самый верх, так как пошел намного быстрее, а на сломанных пауках виднелись следы его ног. На пятый день ищейки сдались, не признаваясь в этом. «Собаки» заинтересовались другими делами.

В конце недели он заявился в твой лагерь, весь в улыбках и сознавая свою силу. Он выиграл Пари, разрушая механических охотников, кружа позади твоего отряда и «подслушивая» твоих охотничьих зверей. Затем он ухитрился «отговорить» их от преследования. Он следовал за тобой, пока не кончились семь дней, а потом вышел к тебе, чисто выбритый и уверенный в победе. Бедный простачок! Он был принят в самый престижный клуб в Галактике и тем самым сократил вероятную продолжительность своей жизни до девяноста или ста лет. Прости меня, дорогая, но мне нравился этот парень. Если бы Охрана доставила его на Землю живым, его бы так или иначе завербовали.

Пока вы месяц развлекались в Приземелье и Внутренних мирах, ты рассказала ему о кольце царя Соломона, которое давало возможность понимать языки всего живого. Да, было у него такое кольцо, сказала ты ему, и у тебя оно тоже есть, Билли Скарл. Ты носишь его в уме, вроде как вывернутый внутрь пояс целомудрия. Не успеет кто-либо заговорить, как ты уже знаешь, о чем он собирается сказать. А если ты захочешь что-либо сказать, причем желание твое будет достаточно сильным, то еще до того, как ты заговоришь, другие уже знают, о чем ты хочешь сказать. Отчасти ты — телепат и потенциальный паралингвист. Ты, пожалуй, провалил бы даже начальный курс французского — довольно легкого ортоязыка,— но достаточно тебя как следует поднатаскать, и ты сможешь одновременно переводить сразу с двух языков, не зная ни того ни другого.

И он захотел выяснить, можно ли на этом заработать! Теперь ты его вспомнила? Ему было около пятидесяти, в волосах серебрилась преждевременная седина, которая

появляется, если чрезмерно тормошить плохо защищенные крейсера. Нервные пальцы, ясные глаза, в одежде он предпочитал неприметность, а говорил так, что все фразы его казались одним длинным словом. На первый взгляд, по-моему, он вовсе не производил впечатления закоренелого преступника. Возможно (и вполне правильно), он казался скорее человеком, который утомился, развлекаясь в Марди грасе* на Сентуво. Хейл считает, что это и был ключ к его таланту, давно утерянный на улицах Фенстера.

Ты предложила ему действительное членство в Круге, если он одолеет учебу, подчеркивая как гражданскую неприкосновенность Круга, имеющую обратную силу, так и высокую оплату, которую тот обеспечивал. И что ему оставалось делать? Он понимал, что ты превосходишь его чуть ли не во всем, и захотел сравняться. За ним было интересно наблюдать — гордость его поистине творила чудеса. Незадолго до окончания учебы он мог справиться почти с любым заданием. Я помню, как он потел над книгой Чомского (которая, в общем-то, значила не так уж много, поскольку прикладные знания в ней представляли из себя сплошной круговорот звуков, скручивающихся в успокоительную пилюлю), но она снабдила его общими понятиями, а такие вещи, как понятия, помогают сглаживать острые углы. А что касается закона — что ж, он искал лазейку.

Он вступил в Круг, и вы не теряли связи, красиво, остроумно, утонченно — как бы лучше выразиться?.. полемизируя? — пока он не получил своего первого назначения и не отрезал себя от внешнего мира. Что потом, Лиза?

— Скажу тебе, док,— обратился я к Хейлу,— что я думаю насчет его первого назначения. Его послали работать на планету под названием Мальмсон. Тебя не было тогда в той поездке, очень неудачной. Он чувствовал, что мы погубили там все сообщество, и это вроде как подействовало на него. Думаю, он ощущал тяжесть ответствен-

* Марди грас — последний день карнавала перед постом.

ности за это больше, нежели человек имеет право ощущать.

— За что? Что там произошло?

— О, совершенно ничего особенного. Мы не навязывали населению наркотики, не посылали их женщин в бордели, в чем нас часто обвиняют. И даже захоти мы запрячь их как следует в работу, нам бы не удалось этого сделать — роста в них было около трех футов, а выглядели они, как киви с ручками. Но Скарл действительно не знал, чем он все-таки занимается. Он думал, что им надо всего лишь установить моделятор, взять пробу и заполнить Универсальную Форму. Но этим, разумеется, дело не ограничивается.

— И?

— Он узнал правду — после того, как содержимое Формы было подвергнуто анализу и залежи боракса на Мальмсоне были признаны значительными. Мы представили отчет и отбыли. А через год он снова навестил ту планету — нельзя позволять паралингу возвращаться ни в один из Х-миров... Промышленность, которую мы им навязали, уже начала разрушать систему ценностей их культуры. А Скарл, будучи паралингом, переводил во время беседы с обитателями планеты в это свое второе посещение не только слова, но и чувства. Опрашиваемые озлобляются, молодые теряют корни — да ты знаешь эту историю. К тому времени Скарл уже побывал в нескольких других Х-мирах, но после того визита в его душе поселились сомнения. Он заявил, что мы не имеем права переделывать чужаков по нашему подобию. Потом он сообщил, что хочет уволиться.

— А как отреагировал на это Круг?

— Официально никак. Но впоследствии его навестила женщина, которая ранее завербовала его, и убедила его принять еще одно назначение.

— То последнее?

— Совершенно верно. Мак 997-IV. Ту планету называют еще Мясником. Вербовщица объяснила ему, что те

его первые назначения были учебными. Потом она стала раскрывать ему остальные секреты Кольца.

«Что это было за назначение, которое ты получил во второй раз?» — спросила ты его.

Он рассказал тебе, что его отправили в жуткое, отвратительное место, где обитали вонючие рептилии, которых он ненавидел. Тогда ты сказала ему, что в результате его посещения они, ко всему прочему, изменятся. Раса рептилий станет от этого более симпатичной — по человеческим меркам. Ты потом рассказала ему всю историю кольца царя Соломона и что оно было божественным даром Строителю Храма, дарующим ему власть над всяким демоном. И никто из демонов не вел себя вызывающе, успокоила ты его. Некоторые ему даже помогали, некоторые — нет. Особо злобных Соломон загнал в бутылки, запечатал их нерушимой печатью кольца и бросил на веки вечные в море. Полезных демонов отправили работать на строительстве Храма. Ты, Билли Скарл, носишь кольцо Соломона в уме, и передача информации — не единственная его функция. Ты являешься Строителем — и всех, кто может тебе так или иначе помочь, ты будешь привлекать к строительству межзвездного Храма Земли. Это самая величественная из всех обязанностей человека, и среди нас найдется немного, очень немного таких, кто способен содействовать осуществлению этого замысла. Ты теперь прошел все испытания. Ты — в высшей степени одаренный паралинг. Воистину, ты настолько одарен, что мы хотим поручить тебе самое трудное назначение из всех.

— И он, конечно же, купился на это,— закончил я, отхлебнув кофе.— При желании она сумела бы продать и́глу* на Меркурии.

День выдался ярким, желтело небо, и Скарл опустил на землю свой моделятор.

— В чем дело? — спросил я.

* Иглу — куполообразное жилище канадских эскимосов, построенное из снежных плит.

— Они сегодня молчат,— ответил он.— Они хотят только понаблюдать за нами. Они вернутся примерно через сорок часов. Сейчас они уходят.

— Где они?

— За теми кустами.— Он махнул рукой по направлению к зарослям красноватого и колючего на вид кустарника.— Они пойдут спрашивать позволения на разговор с нами.

— У кого?

— Не знаю.

— А откуда же ты тогда знаешь обо всем, что говорил мне? Аппаратура ведь не работает.

— Минуту назад во мне возникло частичное ощущение. Они сами телепаты, и они разговаривали.

— Какие они на вид?

— Не знаю. Думаю, вроде крупных насекомых. Хотя после отчетов с Х-1 и Х-2 мое мнение может быть предвзятым. У меня такое чувство, что они относятся к категории рабов.

— Что делать, если они будут раздумывать целую неделю? — спросил я.

Он пожал плечами.

Итак, мы спустились к реке и пошли купаться, так как нам это было запрещено, а капитан не имел права отдавать подобные приказы сотрудникам Круга. Сланцеватая почва казалась вся пронизанной крошечными порами, вода была теплой, и нас овевал слабый ветерок, приближая наши условия к почти комфортным. Плавать в водах Мак-Ножа, как мы прозвали Мясник, было легко. В воде под нами нас не подстерегала никакая опасность (да и вообще ничто не подстерегало — ни опасное, ни неопасное, потому что на Маке почти не было подводной жизни).

— Ты боишься? — спросил я.

— Нет,— ответил он.

— Почему?

Он промолчал.

— Ты так уверен в себе?

— Конечно.— Он зевнул.— Паралинги немного наделены даром предвидения, когда дело касается органических проявлений. Если бы, например, тот слепень, который собирается приземлиться на твой нос, захотел бы укусить мой, я бы узнал об этом заранее.

Мне послышалось жужжание.

Я шлепнул ладонью по носу, но никакого слепня на носу не оказалось. Зато над ухом раздался гомерический хохот.

— Тебя подвел рефлекс,— сказал он,— на Мяснике мухи не водятся.

Я проворно перевернулся, чтобы наподдать ему как следует, окунув его с головой, но его уже там не было. Его смех донесся с берега, примерно в сорока футах от меня. Он сидел там и спокойно курил.

— Конечно,— повторил он.

Я потер нос:

— Очень смешно. Когда сегодня ночью ты найдешь в своей постели тарантула, то узнаешь, кто...

— Брось,— отозвался он.— Я задумал доказать. Ты расслабился... уши на уровне воды... где-то раздаются всплески... я не произносил ни слова. Допустим, ты думал, что я рядом. Что я — мошенник, хитрый и отвратительный тип.

— Ты знаешь, что меня заботит.

— Да,— сказал он,— ты беспокоишься, что произойдет то же, что и раньше.

— Дважды,— добавил я.— Какого дьявола эти бюрократы не могут послать не одного паралинга, а побольше...

— Одного всегда хватало. Так было везде. И то же самое будет на этот раз.

— А ведь для тебя это настоящий вызов, не так ли? — огрызнулся я.— Кто бы там ни беседовал с тобой, должно быть, бросил его тебе очень уж по-миссионерски.

— И что? Х есть Х. Я справлюсь.

— Ты представляешь для меня всего лишь кадровый вопрос,— заметил я.— Но два последних паралинга, посланных сюда на Х, до сих пор находятся в психушке, а

линии их электроэнцефалограмм почти такие же ровные, как горизонт.

— Я знаю одну старую ортопритчу,— сказал он мне,— о парне, который спросил у компьютера, когда он умрет.

Я ждал.

— Ну, и что потом?

— Ничего,— ответил Скарл.— Конец притчи. Компьютер не знал ответа.

— Но скрытый смысл заключался...

— Шансы на мое возвращение просчитаны достаточно хорошо. Неожиданностей на этот раз будет гораздо меньше, так как у нас имеются отчеты первых двух экспедиций. Эту задачу можно было бы запрограммировать, а тогда кто ты такой, чтобы судить вот так, с наскока?

Я ничего не ответил. Я только упорно соображал.

Но он снова засмеялся, потому что родился на Фенстере и знал весь словарь по галактическому сквернословию вдоль и поперек, так что ему не приходилось заглядывать в него в поисках нужного слова.

Когда позже мы посылали на корабль свой отчет, я чувствовал, что он знал и то, что никаких тарантулов у меня нет в помине.

Это было за два дня до того, как вернулись те существа. День выдался серым и дождливым, когда они появились на поляне. Быстро поставив открытую полевую палатку, мы накинули на себя дождевики и потащились по грязи.

Скарл досуха вытер полотенцем стол и водрузил на него моделятор, а я принялся изучать нашу долгожданную миссию...

Их было трое... Похожие на муравьев, с твердой, как сталь, кожей зеленоватого оттенка старой от времени бронзы, они были величиной с Немецкого Пастуха — разве что, по-моему, во много раз сильнее. Их пустые глаза напомнили мне розовые луны Дорна — по виду незрячие, но приводящие в замешательство пристальностью взгляда и, вполне возможно, всевидящие. Ты помнишь Дорн?

Скарл произнес несколько слов, включив запись, и ответ пришел в виде серии звуков «клок-клик, т-т-т, битл-

битл-битл». Он нажал на кнопку «анализ» и достал из кармана черную коробочку на защелке. Едва он закончил приготовления к подкожной инъекции, как на приборе вспыхнул красный огонек, свидетельствующий о недостатке данных. Он повернулся к существам и продекламировал сонет Шелли. В такой день, как этот, сонет был как-то не к месту, но существа отреагировали на него оживленнее, и Скарл нажал на «запись». Он набрал в шприц из ампулы успокоительное мягкого действия и, пока те стрекотали, сделал себе укол.

Кажется, они поняли, чего он хотел, так как на этот раз говорили целых четыре минуты. Он снова вдавил кнопку «анализ», а я выглянул наружу из-под колыхавшейся парусины палатки и всмотрелся сквозь струи дождя.

Мясник вполне мог оказаться драгоценной находкой. Предварительные геосводки указали на нетронутые ресурсы минералов и возможную пригодность климата для выращивания основных продуктовых растений, площади под которыми, теснимые городами слишком маленькой Матери-Земли, сокращались. А конгломераты загаженных городов на бескрайних равнинах из стали и бетона выделялись скорее как гнойные прыщи, нежели как красивые достопримечательности. Но среди стальных пор Земли пшеница, посягающая на ее территорию, все еще означала хлеб. Мясник мог стать Пекарем.

Вспыхнул зеленый огонек «предварительное моделирование флексий* установлено». Модели, но не значения. Нет такого прибора, который с одного конца принял бы сухие «клик-клик, т-т, битл-битл», а с другого выдал бы вам: «Доброе утро, дождь шпарит как из ведра, не правда ли?» Для несведущего, будь то человек или машина, совершенно незнакомый набор смысловых звуков ровно ничего не означает, пока к одному-двум звукам не подберется соответствие. Порой для освоения грамматики и словарно-

* Флексия — изменяемая часть слова при склонении, спряжении, изменении в роде, а также при образовании грамматических форм.

го запаса просто нет времени — вот как сейчас, а достаточно хороших телепатов для полного Х-ирования не было. Но все языки имеют свои флективные модели. Моделятор тем и занимался, что отделял и определял эти модели. Прибор не имел понятия, являлись ли они вопросительными, дискуссионными, повторяющимися или какие там у вас есть, но скрупулезно просеивал их.

Остальное зависело уже от Скарла и моделяции.

Динамики схватывали своим магическим кругом букашек, в другом круге находились мы. Дирижер Скарл — с мирным видом, ухмылкой на лице и полуопущенными глазами — начал концерт.

Как только он включил устройство, заработали сразу два канала моделятора. С нашей стороны минимальный для нашего уха уровень слышимости был настроен заранее, а «анализатор», основываясь на записи голосового диапазона муравьев, приблизительно установил их слуховой порог.

Передача. Скарл говорил едва слышно, глядя в никуда. Каждый из девяноста семи вопросов Формы, с его дополнительными подпунктами, ждал своей очереди, притаившись в мозгу Скарла, словно впечатанный в него. Насколько тебе известно, Лиза, все это тщательно планируется. Я здесь так обстоятельно излагаю тебе известное, потому что у меня есть что сказать об этом, что имеет прямое отношение к затронутой мною теме.

Сначала насмешники посчитали раболепием возвеличивать сеанс, но нынче на том фронте утихомирились. Допинга при заполненности сознания Универсальной Формой вполне достаточно, чтобы вызвать наших духов — мыследухов, которые перепрыгивают через щель между сознанием Спрашиваемого к глубоко скрытой точке в мозгу Спрашивающего. Оттуда они переправляются по восходящей на волнах любопытства, возникающего после вопроса, и вливаются в бессловесные предложения едва слышной моделяции. С таким хорошим паралингом, как Скарл, духи тоже посещают нас, если разум наш безмятежен. Его стенографистом был рядовой лингвист, который никак не мог угнаться за передачей.

«СОВОКУПНОСТЬ СЛОВ ОДИН (ПОЛНЫЙ ДИАПАЗОН ФЛЕКТИВНЫХ ЦИКЛОВ): Доброе утро/день/вечер. Мы приветствуем вас от имени Земли и желаем вам хорошей охоты/рыбалки/урожаев/тучного скота/побед. Мы теплокровные, всеядные, патриархальные, высокоразумные существа. Мы нуждаемся во многих вещах. У нас есть много вещей, которые мы можем предложить другим существам, независимо от того, похожи эти другие на нас или нет. Кто вы? Что у вас есть/в чем нуждаетесь?»

Вопрос за вопросом, и каждый вопрос, укладываясь на другой, заполняет Форму. Теоретически все вопросы ставятся тем самым в равное положение относительно знания, и оценивается возможность заключения сделки на честной основе. Поскольку мы сами все спланировали, составляя заодно солидный запас ответов, и усовершенствовали процедуру Определения Неизвестных от искусства к науке, то мы фактически всегда оставались в выигрыше. Справедливость — принцип хороший, но глубинная психология, сопровождаемая военным анализом и усиленная властью на любом уровне — от религиозного до экономического,— дает нам маленькие преимущества, не заставляя нас беспокоить сенат.

Словно в плохоньком адюльтере по гипертелефону, ответы пришли какие-то гермафродитные:

«Доброе утро. Мы — слуги. Мы служим. Наши хозяева/правители — яйцекладущие. Мы всеядные. Мы разумные. Мы ни в чем не нуждаемся. Наши хозяева/правители дают нам все. Что вы хотите?»

И так далее по накатанной колее. На все наши ключевые вопросы — «мы не делаем то-то/знаем то-то/нуждаемся в том-то. Наши хозяева/правители делают то-то/знают то-то/не нуждаются в том-то».

Они нам рассказали о себе все. Одержимый энтомолог был бы, наверное, от такого интервью на седьмом небе от счастья — примерно так же, как наш одержимый энтомолог Дейв Болтон.

— Пожалуйста,— взмолился он,— спроси их, не видят ли они поляроидной вспышки...

— Ш-ш! — произнес я, который руководил всем.— Позже.

Не замечал ли я капкана для медведя на газоне нашего сотрудничества? Мы готовы помочь вам, но — проклятье! — сэр, мы просто не знаем ответа на этот вопрос. И так далее.

«Не предлагай,— написал я на листке бумаги,— чтобы мы говорили с их хозяевами. Подожди, пока они сами не предложат».

Я положил записку перед Скарлом, надеясь, что чтение написанного мной удержит его от передачи той мысли. Я ждал, что последует.

Они предложили.

Скарл повернулся ко мне.

— Скажи им, что мы должны посовещаться,— ответил я.— Спроси, где их хозяева, как они выглядят, почему сами не пришли. И спроси, не предлагали ли они, чтобы мы послали тебя.

— Меня?

— Тебя.

Он спросил, и они ответили, что им придется посовещаться.

Да, в конце концов они поставили нас в известность, что и в самом деле их правители (которые живут в вечной ночи) упомянули, что мы можем послать нашего единственного паралинга, если возникнет необходимость пояснить что-нибудь. Хотим ли мы?

— Скажи им «да»,— велел я,— но не сегодня. Нам нужно еще немного посовещаться.

В тот день мы вечерне проанализировали Форму.

Полетев на крыльях смелого воображения, мы пришли к выводу, что правители схожи с муравьиными царицами и не любят покидать гнездо. В нашу задачу входило доставить на Мясник Форму, проанализировать ее и написать

рекомендацию, а поэтому раз уж они не хотели идти к нам, то нам ничего не оставалось, как только пойти и самим навестить их. Однако нам не помешало бы принять какие-то меры предосторожности, так что Скарл всю ночь изучал депрессивные неврозы. Хейл сказал, что если дела пойдут совсем паршиво, то Скарл, чтобы не потерять рассудка, смог бы отступить, уйти в невроз.

— В нарушение всех правил мы тоже вооружились до зубов,— сказал я Хейлу,— а каждый зуб снабдили крохотным стеклянным капсюлем, ты и не слышал о таких. Я был почти обязан испробовать их.

— Да уж, конечно, догадывался,— фыркнул он.— Однако в моих неврозах нет ничего дурного. Я обеспечил его самыми лучшими, что у меня были.

— Уверен, что он оценил это по достоинству,— ответил я, наливая ему выпить.— Ты веришь в легенду о кольце царя Соломона?

— Ну-у, как в обобщенный образ...

— Образы, черт! Веришь ты в эту историю или нет?

— Да, в ней есть многоуровневый неосознанный смысл.

— Ну так перейди на минутку на мой уровень и ответь на вопрос. Забудь о психоструктурной дребедени. Может ли один интеллект управлять другим нефизическими методами?

— Харизма*,— заявил он,— необычный феномен. Здесь обычно действуют многие факторы.

— Выпей-ка лучше еще, а заодно проглоти и свою харизму. Я говорю о парапсихических явлениях. Если паралинг способен посылать и принимать, то почему не нечто большее?

— Приказы? — спросил он.— Парагипноз? В особых случаях такое возможно.

— Я бы привел аналогию с ударом молнии, выплавляющей в песке свое изображение.

Я стал подливать ему.

---

* Способность пророчествовать и творить чудеса; притягательная сила.

— Хватит,— сказал он.— Психологи только пьянеют, а психиатры пьянеют и крушат все подряд. К чему ты, собственно, клонишь?

— Кольцо действует двояко.

Да, Лиза, именно так. Не просто перевод, а нечто большее. В тот первый серый день в подземных пещерах Скарл закончил тридцатисекундный посыл информации, и стенографист бросил свой стенопис.

— Не могу записывать,— заявил он.

— А в чем дело? — спросил я.

— Моделятор испортился. Я не улавливаю ни голосов, ни даже понятий.

— А что ты улавливаешь?

— Очень красивый мелодичный звук — будто музыкальное произведение. Эмоциональное резюме чего-то. Только не спрашивайте чего.

Я и не спрашивал. Я спросил Скарла. Разозлившись, что меня самого охватила приятная леность, я сбросил с себя чары и закричал:

— Что происходит?

— Ш-ш!

В полной темноте я нащупал его плечо, но его шепот был обращен в никуда, и рядом с прибором он был нигде.

— Свет! — крикнул я. Но мой крик опередила моя мысль о свете.

Послышался звук, будто кто-то скреб по бетону жесткой щеткой, и наш свет взорвался пучками лучей, устремившихся по всем направлениям.

Мы, люди, были одни, и еще Скарл. Он прислонился к стене туннеля примерно в десяти футах от нашей группы и улыбался. Я повторил вопрос.

— Ничего,— ответил он.— Сейчас ничего не происходит. Жаль, что ты включил свет. Ты нарушил соглашение.

— Я отнюдь не горел желанием стать чьим-то завтраком,— заметил я.— Что ты делал?

— Я рассказывал ей, как в полете уворовал Лунный камень.

— Так это ты стащил его!

— Я.

— Но зачем ты рассказывал им об этом?

— Потому что меня попросили. У меня это было в памяти, а им захотелось знать более подробное описание принципа незаконного присвоения.

Я помню, как присвистнул тогда — чтобы удержать себя и не сотворить чего-нибудь.

— Но это не совсем материал Формы,— тихо произнес я.

— Не совсем, но меня попросили...

— Почему?

— Ее заинтересовало удовольствие, связанное с мыслями.

— Ее?

— Ну да, самку. Ты был прав насчет цариц.

— Муравьиную?

— Полагаю, да.

— Почему она не позволит нам увидеть себя?

— Думаю, что свет раздражает ей глаза.

— Все это дурно пахнет. Как вернемся на корабль, жду подробного отчета по данному Х. Но давай-ка вернемся побыстрее. Что-то мне здесь не нравится.

Улыбнувшись, он пожал плечами. Я проверил ампулы, но он не принимал дополнительной дозы.

Позднее я снова спросил его:

— Они хотели узнать, как ограбить звездолет?

— Нет.— Он откинулся назад в кресле, пуская колечки дыма.— Она только интересовалась воспоминаниями, связанными с удовольствиями.

— Так о чем же ты ей рассказал?

— Ни о чем, я просто разрешил ей покопаться в моем мозгу.

— И что же она сказала?

— Ничего. Но, похоже, осталась довольна.

— А что за воспоминания были там?

Он слабо улыбнулся:

— Обожаю воровать. Особенно если удается сбежать с краденым.

— К несчастью,— ответил я,— из твоего рассказа я узнаю больше о тебе, чем о муравьях.

— Ты задал мне вопрос, я ответил на него.

— Что было дальше?

— На этом все. Ты включил свет.

— Немного.

— Не я включал свет.

— Ладно,— проворчал я.— Как вышло, что Браун не смог записывать?

— Мы воспользовались мысленной стенографией.

— Где ты выучился ей?

— Да я сегодня вроде как просто вошел в нее, и все. Они — прирожденные паралинги.

— Что само по себе является весьма ценным товаром. Придется нам заняться изучением этого, заодно с содержимым Формы.

— Согласен. Только в следующий раз не включайте свет.

— Хорошо, мистер. Но чтобы больше никаких советов профессионала по космическому пиратству!

— Никаких,— пообещал он.

Итак, мы снова отправились в подземные города Мясника разрабатывать пласты муравьиных умов, ведомые сонаром на поясе и пятиваттными мерцающими фонариками.

Брауну все еще не удавалось хоть что-то записать. Под гипнозом он вспоминал лишь ощущения передачи, и ничего больше. Поэтому что касается отчетов, мы были вынуждены полностью полагаться на Скарла, но недели через полторы я уже сомневался, получаем ли мы их вообще.

— Скарл, ты что, редактируешь свои отчеты?

— Нет.

— Не хочешь ли подтвердить это с препаратом?

— Ты считаешь, что я вру?

— Может быть.

— Ладно, валяй, вводи свои препараты.— Он засмеялся.

Мне в голову пришла мысль (возможно, он и послал ее, когда смеялся), что с помощью препаратов ничего не докажешь. В нем выработался иммунитет к большинству гипнотиков еще во время учебы. Под их воздействием мозг просто переключался.

— Забудь об этом,— сказал я.

— Уже,— согласился он.

В чем мы действительно нуждались, так это в другом паралинге, который проверял бы нашего.

Отчеты Скарла выявили картину гигантской колонии муравьев, управляемой, как классический монолитный организм. Похоже, по своей структуре колония подразделялась на низших, средних и высших рабочих, солдат, супругов цариц и самих цариц. Это была аграрная культура, которая не создала ни единого орудия труда, но полагалась скорее на классы физически развитых индивидуумов, предназначенных для работы. В основе этой культуры лежала матриархальная идея, которая пропитала ее религию подобно (как мне кажется) представлению древних египтян о божественном происхождении фараонов.

Я разлил содержимое маленького кофейника по крошечным чашечкам, жестом попросил официанта принести нам еще один и посмотрел в окно, минуя взглядом углубленные в почву сады Селены, на болотного цвета шар с четкими очертаниями Америк поверх величественного купола: Европа откатывалась в сторону, Андалузия выклянчивала у моей памяти воспоминания, а Гольфстрим начинал сыпать соль на раны, Лиза. Между прочим, к тому времени, как ты получишь это любовное послание, меня уже здесь не будет, дорогая. Я буду там — догадайся где?

— Двояко? — переспросил меня Хейл, и вокруг Эйфелевой башни заметалось недоуменное выражение.

Обернувшись, я кивнул:

— Да, я заподозрил это, когда отчеты Скарла стали повторяться,— будто я вновь и вновь перечитывал один и тот же отчет. Я спросил себя, что он может скрывать или от чего отвлекать внимание. А потом я решил, что, может, это вовсе не он.

— Так ты поэтому захотел сам заняться Х-ированием?

— Верно,— подтвердил я,— вот почему я реквизировал из твоей каюты аптечку паралинга.

— Так вот почему наша игра в безик расстроилась из-за желудочных болей?

— Да, я заплатил связисту, чтобы тот заболел.

— С непаралингом безнадзорный Х подвергается опасностям.

— Это я слышал, но именно поэтому в штате полно бывших Охранников — чтобы осушать лужи напастей прежде, чем кто-либо вступит в них.

— Или превратить их в озера,— отозвался Хейл.— Так что там насчет Скарла? Что же произошло на самом деле?

— В отчете сказано, что он тронулся умом и пытался нас всех убить. Мне пришлось застрелить его, защищаясь.

— А сам ты помнишь, как стрелял?

— Вроде да... Во всяком случае, так говорится в отчете.

Хейл не отставал от меня.

— Ты был в его голове.— Каждое слово равнозначно ложилось одно к другому.

— Да, все это есть в отчете.

— И ты был с ним как раз в то время, когда он сошел с ума.

— Правильно.

— И ты ушел после того, как убил его, уверенный, что ты и есть Скарл.

— И это верно. В отчете указывалось, что под сильным воздействием травмы во мне развилось невропатическое отождествление с его личностью.

— Знаю, поскольку сам писал. Но я редко довольствуюсь тем, что просто приклеиваю на что-то ярлык, а именно это я и сделал. С тех пор прошло уже два месяца, и я могу

еще долго не увидеть тебя. Мне бы хотелось перепроверить свой диагноз, прежде чем мы расстанемся.

— Ладно. Мы оба в таком состоянии, что я могу рассказать тебе, что произошло на самом деле, а если тебе вздумается снова когда-либо расспрашивать меня, то свалить все на горячительные напитки.

Итак, я рассказал ему. Ты помнишь, как пару лет назад мы отправились в морское путешествие на Янсен? Мы тогда еще остановились на одном островке, где ты уговорила меня поплясать лимбо с ребятишками. Чтобы им угодить, я перегибался назад, а потом шлепнулся плашмя на спину и произвел более незабываемое впечатление, чем если бы преуспел. Я знаю, что Хейл нисколько не поверил моему рассказу — уж я-то слышал, как скрежещут его винтики,— но он был потрясен. Больше, чем я ожидал.

Я рассказал ему, как в тот день сопровождал Скарла, возвращавшегося в подземные владения, шагая под походную мелодию Охранника-маньяка, призванную обеспечить невмешательство в свой разум. Сам я бросил учебу на курсах Круга уже на втором месяце — из-за стремления смешивать понятия. Уверен, что тебе неизвестно, что я даже попробовал сделать это (вероятно, мне удалось, если судить по имени). Я так и видел, как Хейл припоминает мое личное дело и хватается за него как за объяснение моему рассказу — объяснение того, что же в действительности спасло мне жизнь. Он ошибался, но это не имело значения. Он все же поверил почти всему, что я рассказал.

Едва ли кто может добиться соотношения Х при благоприятных условиях; я же могу всегда, и оно выше среднего. На этот раз его было достаточно.

Слабое свечение наших фонариков рассеивало тьму лишь вблизи нас, а значит, Спрашиваемая (?), как всегда, оставалась в тени. Словно притаившаяся во мраке Медуза-горгона, она находилась где-то невдалеке перед нами — мы чувствовали ее присутствие и ощущали, как она обменивается информацией со Скарлом. На самом пределе

слышимости шуршали голоса ветров и трав, звуки подвалов, и вскрики проводов в вышине, и монотонный шепот морских раковин; редкими вкраплениями прорывались разорванные многозначные слова, никак не укладывавшиеся в единый контекст. Пока я готовил укол, меня пронизало запретное и неясное чувство ненужности.

— ...Не брать... les nourritures*?.. печально... и воровство, цыганский (?)... идут... все вещи — пауза — corpus meum**... почему? Разбойник со звезд... возможно...

У меня закружилась голова, и я стоял в том туннеле, никем не замеченный, и осязал ночную прохладу.

Я стоял там, ощущая себя фотонегативом Скарла. Объекты внешнего мира градом сыпались на сознание, на мозг водопадом обрушивался избыток раздражителей, но я сдерживал свой разум, чтобы тот молчал. Возможно, они не замечали моего присутствия по причине интенсивного сообщения мыслей. Я осторожно скользнул в мозг Скарла и прочитал в нем зачарованность тем, что невозможно.

Что бы там ни скрывалось в туннеле, в мозгу Скарла/моем мозгу отражался образ не гигантского муравья. Мы разговаривали с прелестной молодой леди с золотистыми локонами, которая напомнила мне тебя, Лиза. Она была явно очарована нашим обликом. Нас связывало множество преступных идей, о которых лишь недавно узнало туннельное общество и с которыми никогда до сих пор не сталкивалось так близко. Она была влюблена в Скарла/меня/нас, и печаль ее была велика.

— Я не могу сделать с тобой того же,— сказала она,— что я сделала с другими. А ты больше, чем любой из них, представляешь для нас угрозу. Если Земля будет господствовать над нами, как это произошло на Мальмсоне, Баррете и в других мирах, где ты побывал, то мы будем обречены, как они. Однако ты жил по их воровскому закону, а я не могу ненавидеть тебя за это. Давай поговорим

* Питание *(фр.)*.
** Мое тело *(лат.)*.

о другом и отложим наше заключительное столкновение. Расскажи мне еще раз о том времени, когда ты занимался грабежами...

Но не тогда вдруг задрожала та часть Скарла, что была мною, после чего ее заметили. Это произошло мгновением позже, когда, нервно анализируя себя, мы/я (?) обнаружил, что эхом откликаюсь на умонастроение существа. Потом все окончилось сюрреалистическим калейдоскопом, который я наблюдал таким несметным количеством глаз, что устал бы считать их.

Кольцо действует двояко. Или кольца. Она носила более сильное. Наше было просто дешевой подделкой.

Передача информации являлась несущественным достоинством кольца Соломона, помнишь? Его основной функцией было управление злобными сущностями, подчинение их поступков воле владельца кольца, подавление их воли нещадными, как раскаленное железо, командами.

Она ухватилась за разум Скарла/мой/наш (?) ураганом смешавшихся эмоций, поддерживающих эту атаку.

— Убей их всех! — последовал приказ.

Полагаю, Браун первым почувствовал, что происходит, потому что он вдруг резко включил прожектор.

Там стояла она, вздрагивающая от света,— гигантская горгулья с радужными крыльями и с усиками-антеннами, словно вытолкнутые штормом на гребень океанской волны черные морские водоросли.

Именно это зрелище, вне сомнений, и спасло всех нас. Несмотря на отданный приказ, Скарл и я оцепенели, потрясенные при виде... при виде правды, которую скрывал этот ваш символ, как будто из нашего разума светом вырвали музыку. И после вспышки вновь загрохотал приказ, словно удар грома:

— Убей их!

В ту минуту мы обезумели. Я видел Скарла своими глазами и через кафедральные окна ее глаз, я видел и себя через те же витражные стекла, а также глазами Скарла.

Одновременно я/мы видели ее оба, и мы подчинились команде.

Раздался орудийный залп, и я выронил трубу исполинского органа, резонировавшего чему-то, что я, возможно, сумел бы распознать, если бы у меня нашлось время послушать.

Время шло, и однажды я снова услышал.

Команда повлекла за собой разделение. Хотя мы со Скарлом были по уму единым целым, приказ «Убей их!» воздействовал на две раздельные нервные системы, и я выхватил оружие первым. Это было так просто, хотя я не помню, как стрелял.

От психического перенапряжения я рухнул как подкошенный прежде, чем успел убить кого-нибудь еще, а может, причиной был свет, который замедлил ее реакцию, или внезапная смерть Скарла. Она потеряла управление и отступила. Отступила и команда землян, подобрав, как и противная сторона, понесенные потери.

В те краткие минуты, когда наш/и разум/ы были затоплены, убежище для здравого рассудка нашлось в мысленных одиночных окопах, которые вырыл Хейл. Я скорчился у подножий невротических волноломов, давно и далеко на улицах Фенстера сообщаясь с эдиповыми штучками. Я попеременно то хандрил, то ликовал, когда мои отцы награждали меня то колотушками, то конфетами, и всегда чувствовал себя обиженным, и всегда Скарлом, и всегда хотел знать, о чем они думают, чтобы знать, куда прыгнуть, и всегда хотел переделать их под себя, несмотря на то что смертельно ненавидел их. И всегда, Лиза, я помнил мать и тринадцатую карту главной арканы — Костлявую Жницу, Смерть,— кого я боялся больше всего на свете, но кому был вынужден каждый день бросать вызов, чтобы стать большим и ни в ком не нуждаться, и он был штурманом «Стального угря», а я — капитаном.

Мне понадобилось больше месяца, чтобы снова стать самим собой, но другим. Скарл — человек, который от воровства получал удовольствие всегда, когда мог удрать

с добычей,— порадовался бы своему последнему приобретению. Он украл у меня часть разума и мимоходом оставил мне долю своего. Он забрал с собой меру моей преданности политике Круга, а меня оставил со злонамеренным, антисоциальным качеством, которое я посчитал за добродетель.

Я/мы полагаем, что муравьиная царица была права, что я/мы были правы относительно Мальмсона и что Храм стоит на фундаменте ложных принципов, а его стены возводятся невероятно высокой ценой — за счет расовой целостности тысячи чужих народов. По этой причине я решил взбунтоваться. Взаимопроникновение оставило мне способ, как это делать. Я теперь сам паралинг, а столкновение с твоим подобием на планете под названием Мясник предоставило мне полный диапазон возможностей кольца. Теперь и я могу понуждать к каким-либо действиям, изменять мысли, требовать проявления нужных эмоций.

— Ты все еще чувствуешь себя Скарлом? — обратился ко мне Хейл.

И я ответил:

— Я и есть Билли Скарл.— И добавил: — Вполне возможно, что он запечатлел...— Слово в слово я проговаривал те же слова, что слетали с языка Хейла.

Макиавеллиевские глаза, словно нарисованные на кубиках льда черные кружки, встретились с моими, вопрошая.

— Я — Билли Скарл,— повторил я,— точно так же, как я есть я. Он таится в глубине моего разума и насмехается над видимостью морали, которой Круг маскирует пиратские замашки Земли. А еще Скарл дает понять, что за подобные проступки, только в меньшем масштабе, его едва не казнили.

— Мне наплевать на политику и политические методы,— сказал Хейл,— но ты являешься психиатрическим уникумом. В кои-то веки парапсихологический перенос черт характера и способностей личности! Мы собираемся написать статью!

— Мы собираемся пообедать,— заметил я.

— Но мы уже пообе...

— Да при малой гравитации Селены два обеда упакуются в нас с той же легкостью, что и один. А мы с тобой люди большие, с желудками, способными вместить уйму всякой всячины, разве не так?

— На что ты намекаешь?

— У царя Соломона было кольцо,— сказал я,— и передача информации являлась не единственным его назначением. Оно давало власть над всяким демоном, и я, Билли Скарл, ношу то кольцо в уме, как эмоциональный пояс целомудрия. Ты на стороне демонов, Хейл. Не все демоны, однако, злобные, и многих можно должным образом использовать на работе по строительству Храма. Я мобилизую тебя, чтобы ты распространял догмат о Многих Обителях и заселял их межзвездным братством. Я собираюсь похитить вашу философию, как барахольщик, а вместо нее оставить вам другую.

Печать Соломона* раскаленным скальпелем обожгла мой разум, и немного погодя я спросил: «Что мы хотим на обед?», а он спросил: «Как насчет бифштексов?»

Вот и все, что я хотел рассказать тебе о том, как мы/я обедал/и вчера вечером (думаю, что это было вчера вечером; я еще не перешел на земное время). Я оставил доктора Хейла, уверив его в своем полном выздоровлении от скарлоневроза, и сел на ближайший «челнок» до Земли.

Я пишу эти строчки, дорогая, а смотровое окно уже полностью заполнено Землей — так же, как мой разум заполнен двойной памятью о тебе. Я думаю, Скарл любил тебя — насколько он вообще был способен любить,— а что до меня, так я всегда тебя любил. Через каких-то несколько часов я узнаю, кто из нас двоих (а может, и никто) пробудил, возможно, в тебе похожие чувства — когда поговорим о прошлом бессловесными пентаграммами нашей профессии. А еще я очень хочу привлечь тебя к своему крестовому походу — я говорю «привлечь», а не «принять в члены». Я верю, что у меня впереди чуть ли не столетие продуктивной работы. С такой квалифицированной помощницей, как ты, я бы использовал это время, меняя умы людей, которые являются умом Земли и душой ее политики. Если ты откажешься, то это будет стоить тебе всего лишь часа — пока не выветрится из памяти. Ты была такой чудесной вербовщицей, в тебе есть что-то, что Хейл называет харизмой.

Если я попытаюсь действовать в одиночку, то не исключено, что я вскоре споткнусь — но так или иначе я все равно рискну,— и я приготовил это утомительно длинное предложение и приглашение (которое я отправлю по почте сразу, как приземлюсь), чтобы дать тебе полную информацию о тех обстоятельствах, что привели меня сюда, равно как и мои чувства к тебе. Я, может, чересчур переоцениваю время, которое мне предстоит прожить. Короткая, но восхитительная жизнь — чего стоит одна только продажа и́глу на Меркурии! — все же по-своему привлекательна. Думаю, тебя тоже привлекает все невозможное. (А помнишь, что произошло с Троей?)

Поэтому сейчас я рассчитаю по времени пересылку почтовых отправлений и соответственно переправлю себя. Когда ты дочитаешь мое письмо до конца, я буду всего в нескольких мгновениях от тебя.

Обдумай, пожалуйста, свое будущее и, пожалуйста, устрашись. Через каких-то пару мгновений ты тоже встретишься с Мясником. Скорее всего он уже за дверью, с кольцом для тебя.

Открой дверь и впусти его.

Целую
С любовью,
Соломон/Скарл

---

* Шестиконечная звезда, образованная из двух переплетенных треугольников.

Девять звездолетов наготове

«Тигр на свободе»,— гласило сообщение.

Он сложил бумагу и положил ее под пресс-папье.

— Вы можете идти.

Человек, стоявший перед ним, коротко отсалютовал и сделал выжидательное лицо.

Герцог не поднял головы.

Он достал сигару и откинулся в кресле.

— Тигр на свободе,— сказал он,— после стольких лет...

Он закурил и надолго погрузился в созерцание голубоватого дымка.

— Интересно, как он выглядит на этот раз?

Минус десять

Он пробудился.

Долго лежал, не открывая глаз. Он подумал о своих руках и ногах — они были на месте. Он постарался понять, кто он такой, но не мог вспомнить.

Его начало трясти.

Он чувствовал, что его обнаженное тело прикрыто тонким покрывалом.

Холодный ветерок студил лицо.

Он потряс головой. В следующее мгновение он уже стоял на ногах, пошатываясь от слабости.

Огляделся.

На столе возле потемневшего от времени черепа мерцала свеча. Рядом лежал кинжал.

Он оглянулся на свое ложе. Оно оказалось гробом, а покрывало — саваном. Над ним склонялись стены, затянутые черными драпировками, слегка тронутыми ржавчиной тления. На дальней стене висело зеркало, но заглядывать в него не хотелось. Дверь отсутствовала.

— Ты жив,— сказал голос.

— Знаю,— ответил он.

— Посмотри в зеркало.

— Иди к черту.

Он принялся ходить по комнате, срывая драпировки со стен, ярд за ярдом. Затем, стоя по щиколотку в лоскутьях черного бархата, он разбил зеркало.

— Подними осколок зеркала и посмотри на себя.

— Иди к черту!

— Знаешь, что ты увидишь?

Он схватил со стола кинжал и начал раздирать бархат на длинные ленты.

— Ты увидишь человека,— продолжал голос,— голого, бессильного человека.

Он запустил череп в стену через всю комнату, и тот рассыпался от удара.

— Ты увидишь жалкого извивающегося червяка, безволосый эмбрион, похожий на ветку голой ивы; ты увидишь никчемного актеришку, напускающего на себя важный вид...

Он сложил искромсанную ткань в кучу посреди камеры и поджег ее свечой.

Толкнул стол в костер.

— Ты знаешь, что зависишь от милости тех, кем стремишься управлять...

Волоски у него на груди тлели и сворачивались колечками. Он посмотрел вверх.

— Спускайся сюда,— пригласил он,— кем бы ты ни был, и я устрою тебе фейерверк!

Где-то над головой раздался приглушенный щелчок. Голос затих. Он подбросил кинжал вверх, и тот ударился о металл.

И упал в пламя.

— Если я такой уж слабый, чего ты боишься? — крикнул он.— Давай, навести меня в аду!

Мерцание свечи проступало за дымной пеленой, понемногу рассеивавшейся по мере того, как догорал костер. Пламя еще поплясало на столе, но и он рассыпался на угли.

В стене бесшумно открылись отверстия, высосавшие его сознание.

Он упал поперек собственного гроба.

— Каков он сейчас, сэр?

— Как всегда, полон зла,— сказал Ченнинг.

Новый ассистент директора внимательно вглядывался в экран.

— Он действительно таков, как о нем говорят?

— Это зависит от того, что вы слышали.

Ченнинг отрегулировал температуру камеры до 68 градусов по Фаренгейту и включил магнитофон.

— Если вы слышали, что он утопил Бисмарка,— продолжил он,— так этого он не делал. Если вам говорили, что он убил Троцкого, так и этого он тоже не делал. Его просто не было поблизости... но он думает, что был, и он думает, что все это сделал он. Но если вы полагаете, что Новый Каир был разрушен вследствие природной катастрофы или что генерал Кентон умер от пищевого отравления, то вы ошибаетесь.

Новый ассистент пожал плечами и надел наушники. Он прислушивался к словам, раздававшимся сейчас в камере человека, погруженного в наркоз.

— ...Ты — смерть и проклятие в человеческом обличье. Ты — молния Немезиды, привлеченная деяниями смертных. Ты убил Линкольна. Ты убил Троцкого — раскроил ему череп, словно дыню. Ты нажал на курок в Сараево и сломал печати Апокалипсиса. Ты — отравленная сталь, обагрившая замок датского короля, пуля в Гарфильде, клинок в Меркуцио... и огонь мести горит в твоей душе неизбывно... Ты Виндичи, сын Смерти...

Голос бубнил и бубнил. Ассистент директора повесил наушники на панель и отвел взгляд от готического антуража на экране.

— Вы, ребята, как я погляжу, прямо трясетесь над ним.

Ченнинг фыркнул, что могло сойти за смешок.

— Трясемся? — переспросил он.— Он — наш единственный несомненный успех. За последние девятнадцать лет на его счету больше разрушений, чем у любого цунами или землетрясения в истории человечества.

— К чему вся эта риторика?

— Он персонаж не из этой пьесы.

Ассистент покачал головой и пожал плечами.

— Когда я смогу поговорить с ним?

— Дайте нам еще три дня,— ответил Ченнинг.— Ему нужно время, чтобы созреть.

* * *

Кассиопея взглянула с балкона на четыре новые звезды. На другой планете, где она никогда не бывала, похожую комбинацию называли Южным Крестом. Созвездие у нее над головой, однако, не носило никакого названия, а четыре сверкающие оконечности креста родились в тиглях, созданных человеческими руками в четырех разных мирах. Выплавленный в кузнице стальной крест, чьи лучи, в отличие от звезд, не мигали.

Сероглазая, она смотрела на крест, пока он не скрылся из глаз. Повернувшись, она вошла в квартиру, зеленоглазая, с волосами, золотыми, как рыжие полосы тигра, и в платье, черном, как черные полосы тигра.

В глубине ее меняющихся глаз читался вопрос: «Кто придет, чтобы разорвать крест над миром Тернера?»

Думая об этом, знала, что будет плакать, пока не уснет.

Минус девять

Мир Стата — хмельная летучая мышь,
Что мечется взад и вперед.
И как астероидов ей избежать —
То знают лишь Статком и Бог.
Кто начертал эти слова
На сосуде с прохладною влагой,
И кто держит его у пределов своих,
Об этом лишь Статком знает.

Карл Смит, спец. асс. д-ра Ченнинга,
идентификационный код Статкома 11-7,
Анализ Порядка Слов.

— Он способен когерентно мыслить?

— Если вы хотите знать, поймет ли он вас, да. Термин «когерентность» едва ли применим.

— Что вы имеете в виду?

— Его имя не является когерентно целостным в психиатрическом смысле. Это две личности: одна осознает саму себя, а другая — обе.

— Шизоид? — спросил ассистент директора наполовину утвердительно.

— Нет. Неокрепелинианская типология здесь неприменима.

— С которой из личностей я буду говорить?

— С той, которая нам нужна.

— О...

Смит, который тем временем копался в ящике, повернулся к ним с усмешкой.

Он погладил лазерный пистолет размером с авторучку и сунул его в нагрудный карман.

— Вам это не понадобится,— сказал ассистент директора. Он вытащил из-за ремня компактный пистолет.— Маленький, но смертельный,— улыбнулся он.

— Да, я знаю,— сказал Ченнинг.— Отдайте его мне.

— Что значит «отдайте мне»? Мне предстоит общаться с убийцей-психопатом. Я хочу иметь собственный пистолет.

— Какую чушь вы несете! Вы не войдете туда с этой штукой!

Со своей короткой седеющей шевелюрой, сквозь которую просвечивал череп, кабаньими чертами лица и приземистой коренастой фигурой, доктор Карол Ченнинг сильно смахивал на ощетинившегося ежа.

Он протянул руку ладонью вверх.

Ассистент опустил глаза и положил пистолет на раскрытую ладонь.

— Поскольку Смит вооружен, я думаю, этого достаточно...

Ченнинг усмехнулся.

— Он — не *ваш* телохранитель.

— Смит! Черт возьми! Мне нужно выпить!

— Вы завтра уезжаете, Виндичи. Не хотите же вы сидеть с больной головой во время старта гипердрайва?

— К черту г. д.! И к черту мою голову завтра! Сейчас меня заботит только мой желудок! — В его голосе зазвучали подхалимские нотки.— Будь другом, раздобудь нам бутылочку.

Веснушчатое лицо Смита сморщилось и расплылось в улыбке.

— Ладно, папаша, это твое дело. Ты под моей опекой, пока не отчалишь, и поддерживать тебя в хорошем настроении входит в мои должностные обязанности. Крепись, я скоро.

Смит нырнул в дверь, и Виндичи с удовлетворением заметил, что она осталась незапертой. Он покачал головой. Почему эта мысль пришла ему в голову? Он же не под арестом. Виндичи пересек комнату, остановился перед зеркалом и принялся внимательно себя рассматривать.

Чуть ниже шести футов, немного исхудавший — это всегда случается после пребывания в усыпляющем растворе,— черные волосы с проблесками седины на висках, глаза цвета красного дерева, прямой нос, твердый подбородок.

На человеке в зеркале был дорогой серый пиджак и голубая рубашка.

Он протер глаза. На мгновение отражение превратилось в светловолосого мужчину с зелеными глазами, полными губами и смуглой кожей.

Он сжал стакан между большим и указательным пальцами. Стекло хрустнуло.

Осколки упали в вазу.

Он улыбнулся своему отражению.

Дверь позади него открылась, и вошел Смит с бутылкой, на одну пятую наполненной земным бурбоном, и двумя стаканами.

— Хорошо, что принес еще один стакан. Я только что разбил свой.

— Правда? Где он?

— В вазе. Уронил его.

— Я уберу осколки. Это,— нахмурился Смит,— также входит в мои должностные обязанности.

Виндичи машинально улыбнулся и налил в оба стакана. *Свой он осушил залпом и вновь наполнил.*

Смит выбросил осколки в мусоропровод.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Виндичи добавил льда и отхлебнул.

— Теперь — хорошо.

Смит вымыл руки и опустился в кресло.

— Черт! Я порезался!

Виндичи хмыкнул.

— Кровь!

Он вздохнул и продолжил:

— ...Самая красивая вещь во вселенной, спрятана в самом темном тайнике, а как восхитительно играет, когда выходит на свет божий.

Смит торопливо завязал порез платком.

— Да. Конечно.

— Более того,— продолжал Виндичи.

— Ты получил все инструкции?

— Да, я ведь там жил когда-то.

— Хм. Ну...

— Да. Я там жил, ведь так? Или то был капитан Рамсэй? ...Конечно, охранник Тернера. Он был офицером.

— Правильно, но это было давно. Я был ребенком.

Виндичи еще раз отхлебнул из стакана.

— И я собираюсь кого-то убить. Я не узнаю, кого именно, пока не прибуду туда. Но я хотел убить... кого-то... тогда...

Он посмотрел на Смита.

— Ты знаешь, почему я туда направляюсь?

— Нет. Я просто мусорщик.

Он провел рукой перед глазами.

— Это неправда,— сказал он.— Я вижу кентавра... Сверху до пояса ты человек, а ниже напичкан механизмами...

Смит нервно рассмеялся.

— Моя девушка дома удивилась бы, услышав это... не говори ей. Но серьезно, зачем ты едешь?

Виндичи покачал головой.

— Орлы над Нюрембергом.

— Что?

— Звездолеты... боевые корабли... слетаются к миру Тернера.

Смит пожал плечами.

— Что нам за дело до того, что они займут свой пост? Вообще-то, это неплохая идея.

Виндичи покачал головой.

— Они там не затем, чтобы занять пост.

Смит опрокинул стакан.

— О, сколько раз мы разбивали мир Тернера! — пробормотал он.— По меньшей мере трижды за последние шестьдесят лет. Неужели они никогда не сдадутся?

Смешок Виндичи заставил его проверить, не проглотил ли он кубик льда.

— Зачем им сдаваться? Федералы никогда не санкционируют полное разрушение мира Тернера. Это может привести к тому, что слишком многие нейтралы перестанут быть нейтралами. Они просто вырывают ему клыки

каждые лет двадцать. Но в один прекрасный день,— улыбнулся Виндичи,— дантисты подоспеют слишком поздно.

— Какова твоя роль во всем этом? Ты тернерианин, сражался с Федерацией...

— Я дантист,— прорычал Виндичи,— и я ненавижу этот мир! Размещать более двух звездолетов на расстоянии менее пяти световых лет друг от друга является нарушением Федерального Кодекса. Каждый мир может иметь максимально два звездолета.

— А мир Тернера — ни одного. Статья девятая последних военных соглашений,— подсказал Смит,— но они могут размещать два.

— А прибыло уже четыре,— продолжил Виндичи.— Шесть будут означать Тревогу первого класса. Статком говорит, что их будет по меньшей мере семь.

Смит осушил стакан.

Шесть звездолетов могут разрушить шесть миров или захватить их. Самое малое шесть миров...

— Откуда? — спросил он.

— «Пегас» с Опиукуса... «Стилет» с Брана... «Стэндбэк» с Денеба... и «Минотавр».

— А еще на подходе могут быть «Граф Спее» и «Кракен».

Виндичи кивнул.

— Так полагает Статком.

— Может ли простое убийство остановить их?

— Статком полагает, что да... но убийство никогда не бывает простым. Возможно, мне придется убить все Верховное командование, кем бы они ни были.

Смит моргнул.

— Ты сможешь это сделать?

Виндичи расхохотался.

— Этот мир убил меня однажды, что было большой ошибкой. Им следовало оставить меня в живых.

Они прикончили бутылку, и Смит раздобыл еще одну. Когда им показалось, что они превратились в ось Галактики, которая неравномерно вращалась вокруг них, Смит

спросил: «Но почему, Виндичи? Почему ты стал оружием, которое ходит, словно человек?»

На следующее утро он не смог припомнить ответ, за исключением той его части, которая состояла из елизаветинского монолога, обращенного к пустой бутылке и начинающегося словами: «Лабиринт моих познаний, ты раковина смерти...» Высокопарные слова перемежались многочисленными чертыханиями. В конце концов оратор рухнул, рыдая, на кушетку и затих. Смит даже не успел с ним попрощаться, поскольку Виндичи к тому времени находился на расстоянии 500 световых лет, приближаясь к миру Тернера. Но для Смита все это уже не имело значения.

Минус восемь

— Это ты?

— Да.

— Назови место.

— Стат.

— Назови время.

— Любое.

— Входи.

Виндичи быстро вошел и оглядел комнату. Обстановка обычной провинциальной гостиницы, почти нетронутая, за исключением переполненной пепельницы.

Виндичи проверил стенной шкаф и маленькую ванную.

— Под кроватью тоже никого нет.

Виндичи все-таки наклонился.

— Ты прав.

Он рассматривал долговязого человека с нервным тиком и волосами, слишком черными для столь редкой шевелюры.

— Ты Гаррисон.

Тот кивнул:

— Ты Виндичи.

Он улыбнулся.

— Я пришел, чтобы вышибить те четыре звездочки с небес, прежде чем у них появятся щенки. Что скажешь?

— Сядь.

— Я могу слушать стоя.

Гаррисон пожал плечами. Сел сам.

— Мир Тернера всегда был катализатором. Опикуанцы и денебианцы готовы. Восьмой Рейх к вечеру пришлет сюда два звездолета. Они не доверяют друг другу, но согласились на командующего в лице герцога Ричарда...

— Ричард! — Виндичи шагнул вперед, подняв руки.

Гаррисон смотрел ему в глаза, не двигаясь, только левый уголок рта подрагивал, словно крылышко мотылька.

Наконец он кивнул:

— Ричард де Турн. Он стар, но по-прежнему зол и коварен.

Виндичи сплюнул на ковер и наступил на плевок. Медленная метаморфоза начала охватывать мрачные черты.

Скулы опустились, а губы начали пухнуть, проблески седины на висках пожелтели.

— Твои глаза! — воскликнул Гаррисон.— Они меняются, Виндичи!

Человек сбросил пиджак, который стал слишком узок в плечах. Швырнул его через всю комнату.

— Кто такой Виндичи? — спросил он.

Пятьдесят кубических миль стали и пластика, словно четвертьзащитник, бегущий по изрытому полю, Стат.

Сталь, сверкающая сквозь нагромождение скал, непогрешимый пилот, Статком.

Статком, вычисляющий возможные варианты будущего и пути спасения.

Стата не существовало, поскольку Статком уже два поколения назад опровергнул слухи о нем. У Федерации не было иного оружия в случае Тревоги первого класса, кроме дипломатии или военной силы... так сказал Статком.

Ченнинг нашел Смита в Арсенале Запрещенного Оружия. Тот с интересом рассматривал армейский штык 1917 года.

— Он прибыл,— сказал Ченнинг.

Долговязый рыжеволосый человек положил штык на полку.

— Зачем вы мне это говорите?

— Я думал, вам будет интересно.

— Он уже встречался с Гаррисоном?

— Должен был.

— Хорошо. Благодаря проделанной вами работе он теперь капитан Рамсэй, что на данный момент лучше, чем Виндичи.

— Сэр?

Прошло несколько долгих секунд, пока Смит рассматривал штык.

— Статком сказал, что вы все равно догадались бы рано или поздно. Время не имеет значения.

— Я знаю. Я и спросил потому, что уже догадался.

— Поздравляю, вы выиграли бесплатное промывание мозгов и поездку домой с оплаченными расходами.

— Хорошо, а то мне здесь что-то не нравится.

— Когда вы все узнали?

— Я уже давно подозревал, что вы — Директор. Вы громче других ругали здешние условия. Однако вы взяли под козырек, когда Статком отверг звуковую терапию и рекомендовал вам напиться вместе с Виндичи. И еще вас всегда завораживало оружие.

— Надо будет последить за собой,— рассмеялся Смит,— и потребовать, чтобы Статком регистрировал периодичность моих жалоб. Вам не занимать проницательности, когда дело касается разума — человеческого или механического.

— Кто вы?

— Я — часть Стата,— ответил Смит,— и я пишу историю прежде, чем она становится явью, в книге, которую никто никогда не прочтет... автор ее неизвестен.

— Вы сумасшедший,— сказал Ченнинг.

— Конечно. Я пьян, как Дионис, и целеустремлен, как три старухи с веретенами... и столь же всемогущ. Когда вы вернетесь к себе, медики уже будут ждать.

Ченнинг обвел взглядом полки с ножами.

— Я мог бы убить вас прямо сейчас, если бы у меня был повод. Но то, что вы делаете, может оказаться правильным. Я просто не знаю.

— Зато я знаю,— ответил Смит,— а вам не дано.

Ченнинг опустил плечи.

— Какую роль предстоит сыграть во всем этом моему бедному самозванцу?

— Самую трудную из всех: самого себя.

Смит отвернулся и стал рассматривать огромный каталонский нож.

— Идите к черту,— пробормотал Ченнинг.

Когда он выходил из Арсенала, за спиной ему почудился металлический смешок.

Минус семь

— А ты не боишься, что он тебя узнает? — спросил Гаррисон.

— С белой бородой и лысым черепом? Я ведь мертв, помнишь?

— Ричард еще не так стар... и он, возможно, ожидает чего-то в этом роде.

— Я буду работать на его сына Ларри. Когда я его видел последний раз, он был ребенком. Ричард даже не увидит меня до последнего мгновения.

Рамсэй оглядел обширный двор. Внизу расстилалась квадратная миля пышной растительности, искусственное озеро, ряд летних домиков и небольшой зверинец. Слуги убирали из огромного павильона остатки ночной пирушки. Разбитые тарелки валялись на траве, словно конфетти, а ветки деревьев были украшены деталями одежды. Медленно двигающиеся люди с мешками для мусора казались насекомыми, подбирающими крошки. Зеленоватое захо-

дящее солнце было похоже на оливку, лежащую на сорокафутовой стене, окружавшей усадьбу.

Что-то вдруг щелкнуло на дне сознания.

— Где я был все это время? Похоже, прошло много лет с тех пор, как я жил вон в тех офицерских казармах за озером. Я был болен?

— Ты спал,— сказал Гаррисон.— Это был долгий сон. Для яда, который использовал Ричард, не было противоядия, поэтому твои друзья поместили тебя в контейнер с раствором до тех пор, пока не удастся разработать противоядие.

— Как долго я отсутствовал?

— Девятнадцать лет.

Рамсэй закрыл глаза и коснулся лба. Гаррисон похлопал его по плечу.

— Не думай об этом сейчас. Твой разум еще не оправился от шока. Ты ведь хочешь прежде всего подумать о деле, правда?

— Да, это правда. Ларри теперь взрослый мужчина...

— Конечно... ребенок не стал бы нанимать сводника, верно?

Рамсэй рассмеялся, и его глаза стали зелеными, как солнце.

— Сводника! Как царственно! Как величественно!

Его смех сделался безумным. Он грохотал и отдавался эхом в зале.

Гаррисон громко кашлянул.

— Наверное, было бы лучше... э-э-э... собраться с мыслями. Он будет с минуты на минуту, и ты должен соответствовать своей роли.

Рамсэй посерьезнел, но улыбка продолжала играть в уголках губ.

— Хорошо. Следующие несколько минут я проведу в раздумьях о деньгах и сексе. А это я приберегу на потом...

Молниеносным движением он закинул правую руку за спину, сунув ее под полу пиджака.

В ту же секунду в воздухе что-то блеснуло.

Гаррисон скосил глаза на лезвие, коснувшееся его кадыка. Облизнул губы.

— Ты в прекрасной форме... но, пожалуйста, убери это. Что, если Ларри войдет и увидит?..

— Тогда это случится,— ответил Рамсэй, не разжимая губ.

Лезвие исчезло.

— Очень впечатляет.— Половину последнего слова Гаррисон проглотил.

— Уберу его, пока не пришел момент.

Они закурили и стали ждать.

Наконец дверь бесшумно раскрылась за спиной Рамсэя. Он обернулся, с прищуром глядя на юношу, который стоял на пороге.

Юноша смотрел сквозь него на Гаррисона.

— Это и есть тот человек?

— Да.

— Как его зовут?

— Пит.

— Пит, я Леонард де Турн, первый наследник этого чертова луна-парка.— Он прошел мимо них и плюхнулся в глубокое кресло так, что оно застонало под ним. Он вытер влажный лоб шелковым рукавом и закинул ногу на ногу. Темные глаза сфокусировались на Рамсэе.— Я хочу женщину,— заявил он.

Рамсэй издал короткий смешок.

— Это легко устроить.

Парень запустил унизанные кольцами пальцы в жесткую черную шевелюру. Покачал головой.

— Не думаю. Я хочу не просто женщину, а конкретную женщину.

— О, особый заказ.

— Совершенно верно, и торговаться я не буду.

Рамсэй потер искусственно состаренные руки.

— Хорошо! Хорошо! Я люблю трудновыполнимые задания... и большие комиссионные.

— Вам хорошо заплатят.

— Прекрасно! Как ее зовут?

— Кассиопея.

Зеленые глаза сощурились.

— Необычное имя.

— Она человек, дочь двух погибших полукровок, очень красивая. Ее отец был наполовину местный, а мать — сирота бог знает откуда. Эти гибридные типы, когда они способны к воспроизводству, рожают либо прелестных детей, либо мутантов... либо красивых мутантов. Ее мать была горничной по имени Глория,— продолжил он,— а отец — офицер Службы охраны, я забыл его имя.

Рамсэй кивнул и отвернулся.

— Где она живет?

— В многоквартирном доме в городе. Он ей принадлежит. Родители умерли одновременно, и мой отец взялся обеспечить ребенка, я не знаю почему.

— Дайте мне адрес, и я повидаюсь с ней прямо сейчас.

— Хорошо.— Губы юнца изогнулись в полуулыбке, и он вытащил из кармана измятый конверт.— Адрес на конверте. Внутри деньги.

Рамсэй открыл и пересчитал.

— Она, должно быть, очень привлекательна.

— Используйте столько, сколько потребуется, остальное оставьте себе в качестве гонорара. Я хочу ее на этой неделе... сегодня ночью, если возможно. Я дам вам записку, чтобы вы могли беспрепятственно проходить в эту часть дворца. Но не пытайтесь обмануть меня! Мир не настолько велик, чтобы спрятаться от Турна.

Рамсэй поклонился, очень низко. Его голос дрогнул, и на мгновение в нем послышался глубокий резонанс Виндичи:

— Клянусь моей профессией, милорд, еще не было случая, чтобы я не справился с заданием.

* * *

Луна коснулась серебристых шпилей. Шесть быстрых звезд между ними были трехголовым драконом с длинным хвостом.

Кассиопея отвернулась.

Взгляд фиолетовых глаз скользнул по тигриной шкуре на ступенях лестницы. В мраморном саду Медузы спит Персей, одетый в камень...

Минус шесть

Генерал Комсток посмотрел на исчерченный багровыми сосудами нос, затем перевел взгляд на огонек сигары Ричарда.

— Они могут попытаться убить вас...— начал он.

— Не «могут»,— поправил герцог,— а обязательно попытаются.

Глаза денебианца округлились.

— До вас дошли слухи?

Герцог покачал головой и протянул ему записку, которую получил накануне.

— Не слухи,— начал он,— а факты. Стат посылает Виндичи.

Комсток дернул бородкой и прочитал короткое послание.

— Я не думал, что Стат действительно существует.

— Федерация создала хорошее прикрытие... достаточно надежное, чтобы одурачить кого угодно. Но я знаю, что Стат существует, потому что существует Виндичи.

— Я могу подкупить Стат,— сказал Комсток, возвращая записку,— но не Виндичи. Когда дело касается супермена, я бессилен. Герои — да. Удачливые дураки — да. Но не пытайтесь подсунуть мне супермена.

— Это мой последний удар по Федерации,— сказал Ричард после долгой паузы.— Выиграю я или проиграю, мне все равно умирать. Тигр здесь, в мире Тернера, и это просто вопрос времени... потому что я убил его, когда он был всего лишь человеком.

— Убили?

— Убил. Стат знал, кем он был тогда. Я не смог сохранить его труп, и это отдало им в руки тигра. Через полтора часа они вытащили его из ада, и человек по имени Ченнинг создал Виндичи из того, что осталось.

— Кем же он был тогда?

— Полукровкой. Настоящим, плодовитым полукровкой.— Он дотронулся до иконы святого на письменном столе.— Бездушный результат скрещивания человеческой и тернерианской расы.

— Они ведь все телепаты?

— Одни из них телепаты, другие наделены иными способностями. Но никто не знает, что такой человек, как Ченнинг, смог сотворить с разумом искалеченного полукровки... сам Ченнинг, и тот не знает.

— Доктор Кароль Ченнинг, Адлер двадцать третьего века! Он ваш человек?

— Конечно. Кто, по-вашему, прислал это сообщение? Он сочувствует нашему движению, но, как большинство ученых, не присоединяется к революции. Он даже не знает, где находится Стат. Все, что он сделал, это прислал записку о том, что мне суждено умереть.

— Ваш дворец укреплен, как хранилище золотого запаса Федерации.

— Штаб Кентона был укреплен не хуже.

Комсток раздавил сигарету в массивной оловянной пепельнице.

— Ходили слухи, что на самом деле он умер не от пищевого отравления. Так или иначе, ему не повезло.

— Любому может не повезти — можно упасть с лестницы, съесть что-то не то. Тигр абсолютно реален, он здесь, в Сириле, и я не имею ни малейшего представления о том, как он выглядит. Скоро девятнадцать лет, как я видел его последний раз. А полукровки могут менять внешность,— добавил он.

— Предположим, что ему повезло,— сказал Комсток,— у вас есть план на этот случай?

— Мой сын Ларри может взять власть. Вы будете принимать решения, а он — обеспечивать их выполнение именем Турна. Он проинструктирован на этот счет.

— Очень хорошо, тогда вопрос решен. Вам одолжить телохранителя?

Багровые щеки герцога надулись от смеха.

— Когда выйдете отсюда, пройдите через Северное крыло. Задержитесь в главной столовой и посмотрите на стену.

— Что там?

— Три слова, написанные красным мелом.

— Хорошо. Эти карты я возьму с собой. Вернусь после обеда.

— Всего хорошего.

Генерал отсалютовал, Ричард ответил тем же. Металлические двери бесшумно раздвинулись. Он вышел и вместе с телохранителями направился к Северному крылу.

— Сегодня ночью,— сказал Ричард,— в Самарканде.

* * *

— Доброе утро, моя милая. Ты не изменилась. Здесь, в ледяной гробнице, время не властно... Только... Только эта зеленая отметина поцелуя, который останавливает сердце... Глория! Я иду повидаться с нашей дочерью. Этот человеческий щенок Турна хочет ее... Что?.. Нет, конечно, нет. Но я должен увидеть ее. Я думаю, она похожа на тебя... Она либо просто красива, либо красивый мутант, так он сказал. Какова мать, такова и дочь, а каков отец, таков и сын... Ричард убил нас, когда ты плеснула вино ему в лицо, но я вернулся... Разрушенная форма порождает хаос; хаос разрушает другие формы — цепная реакция! Щенок хочет ее, как тот шакал хотел тебя, моя прекраснейшая блудница... Не плачь, береги свои ледяные слезы. Я заберу две души и выкорчую древо Турнов!.. Нет! Подожди меня... Сбереги свой ледяной плевок для душ Турнов, когда они встретятся с тобой... срок уже близок...

— Прощай, мой милый...

— Пит?

— Да, милорд?

— Насколько я понимаю, мой сын нанял вас потому, что вы... э-э... профессионал.

— Совершенно верно, сэр.

— Я, ну, словом, я испытываю некоторое напряжение. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Нет, сэр.

— Черт! Вы примерно моего возраста! Вам должно быть известно это чувство.

— Сэр?

— Проклятье! У меня зуд на женщину, и я хочу его унять. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Совершенно ясно.

— Хорошо. Вот кое-что за ваши хлопоты. Доставьте мне молоденькую.

— Куда ее доставить?

— Тот отдаленный летний домик будет пустовать,— он показал за окно.— Сегодня вечером, скажем, в одиннадцать?

— Пригоню ее с колокольчиком на шее.

— Ха! Я бы предпочел поменьше одежды.

— Обнаженной до костей, милорд?

— Ну, не так радикально. Ха!

— Я профессионал, милорд.

Вместо того чтобы воспользоваться лифтом, он поднялся на девятый этаж по лестнице. Подойдя к ее двери, он остановился. Дверь распахнулась.

— О, я не знала, что здесь кто-то есть...

— Я как раз собирался постучать.

— Должно быть, я услышала, как вы поднимаетесь по лестнице.

— Должно быть.

Она пропустила его, и он вошел в квартиру, стараясь запечатлеть в памяти каждую картину на стене, каждый половичок и столик.

— Не хотите ли присесть?

— Благодарю.

Он вытащил конверт.

— Вы — Кассиопея Рамсэй?

— Да.

— Я пришел по поручению Двора Турнов.

Она вгляделась в Алькатрас его глаз. Они разглядывали друг друга, и слова, как во сне, проплывали между ними, покачиваясь на волнах цвета солнечного моря.

— Леонард, сын Ричарда, желает вашего присутствия в его покоях. Сегодня вечером, если возможно.

— Понятно. А что там произойдет?

— Ничего. *Он хочет спать с вами.*

— О! А вы что же, королевский... посыльный?

Почему ничего не произойдет?

— Да, и хорошо оплачиваемый. Я также и вам принес много денег. Вот.

Он будет мертв.

— Отлично, я буду там. Во сколько?

— Скажем, в полночь.

— В полночь,— улыбнулась она.

В полночь.

Когда он ушел, волны замерцали и схлынули.

Но Персей со стеклянной рукою, с мечом изо льда... Солнце же жжет горячей!

И тогда, впервые за много лет, она засмеялась.

* * *

Боевики Комстока рассредоточились в темноте. Малейший сигнал, и их ряды сомкнутся.

Войти мог любой. Выйти не мог никто.

— Ты знаешь время, Эл?

— Еще только десять.

Лазерные ружья с антрацитово поблескивавшими прикладами высовывались из черневших ветвей...

— Думаешь, кто-нибудь придет?

— Не знаю.

Напряженное ожидание; летний домик по-прежнему темен.

— Что, если Ричард вздумает прогуляться?

— Старайся, чтобы он тебя не заметил. Комстоку это ни к чему.

— Черт, речь идет о голове старика! Ему следовало бы быть благодарным.

— Это не его приказ, так что утихни.

Искры, жужжание насекомых.

— Кто там в коттедже?

— Не знаю. Поскольку никто не выходит, это не имеет значения.

— А если выйдут?

— Посмотрим.

Влажный ветер, хохот грома...

— Ты захватил пончо?

— Да, а ты нет?

— Проклятье!

Шаги.

* * *

Сквозь спрессованную всепроницаемость Опоясывающего Стата просачивались невесомые числовые значения: слова, доходившие отовсюду.

Трижды в день Статком устраивал тридцатисекундный перерыв, отдыхая от тяжелых материй, и переводил все на язык человеческой речи — миллионы единиц человеческой речи. Затем он трансформировал все в категории значимости.

Когда появлялся префикс V-кода, он расталкивал все остальные слова, сметая их в завывающие груды, и зажигал огни цвета поблекшей корицы.

Длинный бумажный язык метнулся по направлению к Смиту. Тот перестал полировать ногти и проткнул бумагу пилкой.

Подтянув к себе, прочитал.

Улыбнулся и вновь уронил бумагу на пол.

Проинформировав лобные доли мозга о том, что Рамсэй скоро умрет, мозжечок вернулся к пережевыванию своей жвачки.

Мозг вновь сфокусировал внимание на ногте большого пальца.

— ...Паралич и лихорадка,— ответил Рамсэй,— вот что происходит. Кричи, если хочешь — никто тебя не услышит.

— Мертва. Она мертва,— сказал Ричард.

— Разумеется. Ты об этом позаботился девятнадцать лет назад. Помнишь?

Рамсэй обнял тоненькие плечи. Медленно повернул кресло с сидящей в нем женщиной.

— Глория! Ты помнишь Глорию?

— Да. Да! Горло горит огнем!

— Превосходно! Подожди, пока яд разорвет твои легкие!

— Кто ты? Ты не можешь быть...

— Но это я!

Его глаза загорелись оранжевыми сполохами, и он воздел руки над головой. Годы, словно листья, опадали с него.

— Капитан Рамсэй... Виндичи!

— Да, я Рамсэй,— сказал он.— Я собирался заколоть тебя кинжалом, но так получилось даже лучше. Ты так страстно хотел поцеловать ее минуту назад... девятнадцать лет назад. Настолько страстно, что убил ее вместе с мужем.

Герцог начал задыхаться.

— Побыстрее кончайся. Я должен вернуть ее в гробницу и закончить другую работу.

— Только не трогай сына! — прокаркал герцог.

— Да, старина, дряхлый, подлый, гнусный отравитель, я покончу и с ним, и по той же самой причине. Ты это сделал с моей женой, он — с моей дочерью, и папочка с сыночком отправятся в ад в одной упряжке.

— Он так молод! — выкрикнул герцог.

— Совсем как Глория. И как Кассиопея...

Герцог закричал. Это был вой, похожий на длинное лезвие, сломанное на конце.

Рамсэй обернулся, нахмурив лоб.

— Умри, проклятый! Умри!

— Зеленая губная помада,— прохрипел Ричард.— Зеленая помада...

Стены летнего домика затрещали и рухнули. Рамсэй заметался, словно летучая мышь в лопастях вентилятора. Первого нападавшего он ударил ребром ладони по горлу. Выхватил его ружье и начал палить.

Трое упали.

Он перепрыгнул через тело и шагнул сквозь пролом в стене, стреляя сначала налево, потом направо.

Ружейный приклад обрушился ему на спину, заставив упасть на колени.

Тяжелые ботинки начали молотить по почкам, по ребрам.

Он свернулся клубком, прикрывая руками затылок.

Прежде чем все исчезло, он разглядел свечу, череп, кинжал и зеркало.

* * *

— Привет,— сказала она.

— Привет. Ты рано.

— Осталось несколько минут.

— Не могла дождаться, да?

— Еще бы!

Он подошел к ней, разглядывая ее с ног до головы. Похлопал ее по бедрам.

— Ты вроде ничего девочка. Боже! Глаза-то! Никогда не видел глаз такого цвета.

— Они меняются,— сказала она.— Это мой счастливый цвет.

Он самодовольно ухмыльнулся и провел рукой по ее волосам, щекам.

— Что ж, давай станем по-настоящему счастливы.

Он притянул ее к себе, неловко нащупывая застежки у нее спине.

— Ты теплая,— сказал он, стягивая бретельки с плеч.— Такая теплая...

Не выпуская ее из объятий, он откинулся назад и выключил верхний свет.

— Так уютнее. Я люблю атмосферу... Что это было?

— Вопль,— улыбнулась она.

Он оттолкнул ее и подбежал к окну.

— Должно быть, какая-то безумная птица,— сказал он после паузы.

Передернув плечами, она сбросила остатки одежды и встала во весь рост, чуть раскачиваясь в тусклом свете. Ее волосы отливали рыжими полосками тигриной шкуры, а глаза — черными...

— Это был герцог, твой отец,— тихо сказала она.— Ты унаследовал его титул. Да здравствует герцог Ларри! По крайней мере до полуночи.

Он обернулся, прислонившись спиной к оконному косяку.

— Посмотри на меня в последний раз. Ледяные гробницы опустели.

Он пытался вскрикнуть, но ее тело было подобно языку белого пламени, а глаза сияли, словно два черных солнца; он смотрел на нее, как дикий зверь, пойманный в ловушку.

Он не пошевелился, просто не смог.

Совершенные изгибы, выточенные из слоновой кости,— ее плечи, и две луны, обрамленные голубым сиянием,— ее груди, и огненная река из старинных баллад — ее тигриные волосы: все это отпечаталось в его голове; затем видение задрожало и помутнело в ледяных волнах паралича, поднимавшегося по позвоночному столбу, словно мороз по тонкому стволу саженца.

— Полукровка! — прошептал он за мгновение до того, как мороз поглотил его полностью.

Минус четыре

— Он выживет? — спросил толстый сержант.

— Еще неизвестно,— ответил долговязый, стирая яичный желток с усов.— Как только ему вливают свежую кровь, она тут же становится отравленной. Не успевают перекачивать. Легкие парализованы. Ему подключили искусственное дыхание, а сам он без сознания.

— Кто станет у власти, если он умрет?

— Говорят, парнишка.

— Боже!

Он посмотрел на неподвижную фигуру в летнем домике. Человек смотрел в потолок и не шевелился. Четверо боевиков Комстока, заняв позиции по четырем сторонам света, держали ружья наготове.

— Что будем делать с ним?

— Собираемся допросить его, как только он придет в себя.

— Это и есть тигр? — спросил толстяк.

— Так они говорят.

— Значит, он знает что-то о Стате.

— Ну да.

Голос толстяка задрожал от волнения, маленькие черные глазки заблестели.

— Дайте мне допросить его!

— Тут все хотят. Ты что, особенный?

— Он пытался убить герцога. У меня такие же права, как и у остальных.

Долговязый покачал головой.

— Мы будем тянуть спички перед первым допросом. У тебя будут те же шансы, что и у остальных.

— Хорошо.— Толстяк поиграл ремнем.— Хочу браслет из зубов тигра.

* * *

Ричард лежал, словно в гробу, окруженный трубками, змеевиками, бутылочками, насосами. Все это дышало вместо него. Проделывало работу сотни пар почек. Заря-

жало его кровь витаминами и противоядиями. Заставляло защитные силы его организма кряхтеть от натуги.

Как ни странно, в этом мире покоя, где дрейфовал его разум, герцог не потерял способности думать. Словно он освободился от пылающей плоти и бестелесно плыл в пустом пространстве...

Юность — радости пора, ей любви не избежать...

Обрывки старых песен пронизывали его. Впервые со времен детства он чувствовал в себе умиротворенную расслабленность.

Вспышки угрызений совести освещали его внутреннюю ночь при мысли о Федерации — неповоротливой, неумолимо пережевывавшей и переваривавшей все на своем пути. Тернерианская Ось была последней великой оппозицией в этих осьминожьих объятиях. Автономия, дарованная когда-то пограничным мирам, исчезала теперь в пасти осьминога, словно воспоминания юности. Щупальца осьминога стремились захватить колесо, вращавшее Галактику, превратить все миры в клетки своего тела.

Нет! Он не даст этому случиться. Он выживет! Все девять звездолетов уже прибыли и ждут где-то там наверху, построившись клином. Девять звездолетов ждут, чтобы его рука направила острие клина прямо в глаз осьминога, в самое сердце Стата! Он постарается выжить во что бы то ни стало.

К нему вернулось ощущение огня во всем теле.

* * *

— Ты не можешь держать меня вечно, полукровка! — хрипел он.— Ты уже теряешь свою силу!

— Это правда,— улыбнулась она.

— Кто-нибудь придет, чтобы рассказать о происшествии... они найдут тебя здесь...

— Нет,— сказала она.

— ...Тогда ты пожалеешь, что родилась на свет.

— Я жалею об этом девятнадцать лет,— ответила она, прежде чем разбить вазу о его голову.

Старый отец, старый кукольник, что случилось?
Я проиграл.
Виндичи не проигрывает.
Кто такой Виндичи?
Ты должен попытаться вспомнить...

* * *

— Я выиграл! — захихикал толстяк.

Тигр, тигр...

— Я выиграл,— повторил он.

Зверь горящий...

— Воспользуюсь той комнатой,— показал он.

Я иду.

— Давай.

Вон из дворца!

Он встал, и охранники подняли Рамсэя и поставили на ноги.

Ты помнишь?

Они подтолкнули его по направлению к кладовке.

Я пытаюсь вспомнить. Вон из дворца!

Он пошатнулся и врезался в стену.

Почему?

Дверь распахнулась. Множество рук втолкнули его, и он оказался внутри.

Я не знаю. Знаю только, что ты должна немедленно уйти.

Удерживаться на ногах было нелегко. Он стоял посередине маленькой комнаты, щуря припухшие веки, чтобы прикрыть свой желто-серый взгляд от безжалостно обнаженной лампочки на потолке.

В небе уже девять звездолетов...

Иди домой!

Сержант улыбнулся и закрыл за собой дверь. Он запер ее, положил ключ в карман.

— Итак, ты тигр. Ты не кажешься таким уж свирепым.

Рамсэй покачал головой и внимательно посмотрел на сержанта.

Тот отстегнул пистолет от ремня и засунул его за пояс брюк. Медленно, смакуя каждое движение, он расстегнул этот широкий ремень и вытянул его из штрипок. Не спеша начал накручивать его на руку.

Тигр, тигр...

Когда на свободе осталась только пряжка и несколько дюймов кожи, он улыбнулся и медленно шагнул вперед.

Зверь горящий...

Рамсэй поднял руку над головой, потянулся и разбил ненавистную лампочку.

— Лучше уж Виндичи,— послышался странный смешок.

Толстяк сделал три неуверенных шага в темноте по направлению к тому месту, где стоял Рамсэй.

Что сулит твой взор из чащи...

Занес правую руку для удара.

Кто бессмертный изваял эту поступь и оскал...

Предпоследним звуком, который он услышал, был металлический звон за спиной. Кто-то вцепился ему в волосы, чье-то колено врезалось в позвоночник.

Он почувствовал, будто что-то вроде осколка льда коснулось его горла, и сам он почему-то стал весь мокрый.

Последним звуком, который он услышал, было либо бульканье, либо тихий смех, либо и то и другое.

* * *

Комсток вскочил на ноги с побелевшим лицом.

— Сбежал?

— Да, сэр,— выдавил лейтенант.

— Кто ответственный?

— Сержант Эльтон,— лейтенант закусил нижнюю губу.

— Немедленно расстрелять.

— Он уже мертв, сэр. Виндичи перерезал ему горло и забрал пистолет. Он убил пятерых охранников. В помещении открыто окно, одна униформа исчезла.

— Найти его. Привести сюда, если сможете. Если не сможете, принести то, что останется.

— Да, сэр. Мы уже ищем.

— Убирайся вон! Подключайся к поискам!

— Да, сэр.

Некоторое время он боролся с собой. Потом сел и поднял трубку.

— Сэр?

— Удвойте охрану Ричарда. Этот человек опять на свободе.

Он бросил трубку, не дождавшись ответа.

— Он был прав,— сообщил Комсток пустому экрану.— Все-таки он был прав.

* * *

Мир Стата — хмельная летучая мышь,
Что мечется взад и вперед...

* * *

— Он не справился с заданием,— сказал Гаррисон, обращаясь к блестящему коричневому ящику.

— Он еще жив? — спросил он.

— Да, но...

— Значит, еще рано говорить, что не справился,— ответил он.

— Но он скоро умрет...

Раздался звук, словно на стальной гитаре лопнула струна.

Тогда Гаррисон понял, что разговаривает сам с собой.

Он закрыл ящик, рот и разум и встал, чтобы подключиться к охоте на тигра.

* * *

— *Отец?*

— *Кто это?*

— *Касси, но...*

— *Я не знаю никого по имени Касси. И у меня нет детей.*

— Ты Виндичи. Но ты также капитан Рамсэй. Я твоя дочь.

— Я позаимствовал личность Рамсэя случайно. Ты его дочь, не моя.

— Пусть так, иди своим путем. Но посмотри наверх.

— Я под землей. Здесь ничего не видно.

— В небе девять звездолетов, готовых нанести удар по Федерации... Может, в том, чтобы разбить ее, есть свой резон.

— Какой резон?

— Она уже исполнила свою роль. Доставила человечество к звездам. Теперь это всего лишь гигантская губка, сосущая кровь из миров, которые жаждут независимости. Надави на нее, и она сожмется, истекая этой кровью...

— Это не мое дело.

— Когда-то это было делом моего отца. Очень давно.

— И Ричард убил его! Ты предлагаешь дать планам Ричарда осуществиться?

— Только ты знаешь, где находится Стат...

— Это верно.

— Ты помнишь Глорию?

Молчание.

— Люди впереди! Огни!

Бешеный бег, больше ни слова.

Ненавижу, активный глагол.

Ярость, внутренность топки.

Молчание...

Боль...

Минус три

Он пробудился.

Долго не открывал глаза. Подумал о своих руках и ногах — они были на месте. Он попытался вспомнить, кто он такой, но не смог.

Потом его начало трясти.

Затем пришла боль.

Вспомнил, как бежал, бежал в подземных туннелях. Он разжигал костер памяти. Вспомнил, как пробирался в подземелье под дворцом. Добрался до огромного вентилятора. Кто-то говорил с ним из ниоткуда.

Костер тлел.

Кто-то, возможно Рамсэй, хотел, чтобы он помог раздавить Стат. Он вспомнил, что убил множество людей. Вспомнил, как его прижали к стене, отняли пистолет. Вспомнил, как начали бить.

Он стоял на четвереньках, рычал. Они пинали его. Он вспомнил, как ухватил за лодыжку человека, нагнувшегося над ним. Вспомнил, как сомкнул зубы, последовавший за этим вопль. Затем был вкус крови во рту, и череп раскололся на части, и перед глазами замаячило зеркало, в котором не было отражения...

Он облизал губы и содрогнулся от вкуса крови. С усилием открыл распухшие веки.

— Целых девятнадцать лет ты был неподражаем,— сказал голос внутри него.— На всей этой звездной скотобойне не было другого такого Виндичи, кто лучше тебя взламывал бы замки, убивал людей и останавливал то, что должно было случиться... но сейчас ты не справился с единственной работой, которая что-то по-настоящему значила для человека, которым ты когда-то был...

Его воспоминания мелькали, словно кинопленка, заполнившая половину его рассудка.

— Ты — голый, бесполезный человечек, жалкий извивающийся червяк, ветка голой ивы, никчемный актеришка, напускающий на себя важный вид... только дела имеют цену, а ты на них неспособен! Ты боишься взглянуть в зеркало, чтобы увидеть собственную трусость...

Он зарычал, откинув голову и стиснув разбитые зубы. Боль во всем теле была неправдоподобно сильной. Крик наткнулся на сломанные ребра и оборвался на высокой ноте. Он зарыдал внутри своей клетки.

Он был привязан за лодыжки и запястья к огромной дыбе. Здесь, внизу, была тень, но горячий солнечный свет пробивался через веки.

Он медленно открыл глаза, огляделся.

Он был один, на дне ямы, со своей дыбой. Мерзкое *deja vu* возникло перед глазами и, словно гроб, поплыло в кровавом озере.

Стены были каменные, не меньше двадцати футов высотой. В них не было ни щелей, ни отверстий. Пол темницы занимал площадь не больше десяти футов. Дыба висела под углом в девяносто градусов. Зев ямы был раскрыт.

Даже если бы удалось сломать металлические путы, выкарабкаться из ямы было невозможно: слишком высокие, слишком гладкие стены.

Солнце висело в бледно-зеленом небе, словно зеленая клякса, прямо посередине. Вид неба не был замутнен ни единым облачком.

Он проклял солнце, проклял день. Он проклял богов, осыпающих его нечистотами.

Солнце передвинулось в самую середину квадратного отверстия ямы и продолжило свое амебоподобное движение влево. Наконец оно поцеловалось с краем ямы. Ему казалось, что оно сейчас развалится и сползет вниз по стене, облив его зеленым огнем. Вместо этого край ямы принялся отрезать от солнца кусок за куском, пока оно не исчезло. Квадрат неба превратился в пустой аквариум.

Голоса.

— Он здесь,— сказала женщина.— Он все еще жив?

Он запрокинул голову и с ненавистью посмотрел вверх.

— Боже! Только посмотрите на эти мускулы! Эти глаза...

— Он полукровка,— сказал ее спутник, высокий тонкий юноша с повязкой на голове.— Я буду приходить сюда каждый час. Буду смотреть, как он умирает. Но в нем еще осталось столько жизни — полукровки очень сильны.

Женщина пренебрежительно отмахнулась от него.

— Эй, полукровка! — крикнул юнец.— Ты проиграл. Мой отец поправляется, он выживет! Он лично вскроет тебе вены, как только сможет двигаться!

Глаза Виндичи загорелись, и мальчишка пошатнулся. Он начал падать вперед. Женщина схватила его за руку и дернула назад.

— Опять не сработало,— крикнул он вниз.— Однако хорошая попытка. Твоя дочь гораздо искуснее в такого рода вещах! Надеюсь, у тебя еще будет возможность увидеть, что я с ней сделаю.

— Ингредиенты тигриного супа нелегко собрать воедино...— прорычал человек на дыбе.

Сверху раздался смех.

— Но мы поймали тигра!

Экран неба вновь опустел, и звуки замолкли в отдалении.

Дочь. Они, кажется, сказали «дочь»? Ах да, дочь Рамсэя. Касси...

— *Касси? Где ты?*

— *Прячусь. В многоэтажке. Здесь есть кладовка — темная, холодная. В рекламе ее не было.*

— *Они тебя ищут. Не покидай укрытия.*

— *Где ты сейчас?*

— *Это неважно.*

— *Я вижу кусочек неба. Окно?*

Он закрыл глаза.

— *Нет.*

— *У тебя все болит. Но я думала, ты мертв.*

— *Не беспокойся обо мне. Сохрани себя. Покинь этот мир, когда все успокоится.*

— *Куда же мне деваться?*

— *В другой мир, куда угодно.*

— *Федерация будет повсюду. Я из мира Тернера, не из мира людей. Так же, как и ты.*

— *Нет! Я Виндичи! Я не был рожден женщиной!*

Молчание.

— *Почему ты плачешь, девочка?*

— *Что тебе до этого? Я оплакиваю своего отца.*

— *Рамсэй мертв. Он был слаб.*

— *Нет. Ты — Рамсэй. Виндичи — это фальшивый фасад.*

— *Убирайся!*

Молчание.

* * *

Ночь. Облака.

Звезды, пение ночных птиц.

В небе излюбленного цвета Эль Греко, обрамленном губами ямы, девять звезд выстроились в форме стрелы, ждущей цели...

Голова перечеркнула небо.

...Белая повязка. Металлический ореол, корона... Металлический звук, смех...

— Мы знаем, где она, Виндичи. Я притащу ее сюда и заставлю тебя смотреть... уже скоро!

Корона исчезла. Облака. Море хлопка.

— *Беги! Беги! Они знают, где ты!*

— *Как они смогли узнать?*

— *Не знаю.*

Бег, ярость.

* * *

Гаррисон спешил сквозь ночную тьму, на лице у него застыло озадаченное выражение, в кармане лежал пистолет, и последнее предписание Стата каталось в голове, словно мраморный шарик в консервной банке.

* * *

Юность — радости пора...

Ричард весь взмок. Девять глаз, выстроившись в форме пирамиды, отливали в небе металлическим блеском.

Он попытался поднять руку, но обе они были прикованы к кровати.

«Мир Стата — хмельная летучая мышь...»

Смит налил себе еще.

«...То знает лишь Статком»,— икнул он.

Минус два

— Ты дурак, Виндичи! Посмотри внимательнее! — Он подтолкнул ее вперед.

— *Касси?*

— *Да. Они уже ждали.*

— Ты сам вспугнул своего теленочка! Завтра утром мой отец уже сможет сидеть! Тогда он убьет вас! Но сегодняшняя ночь — моя... и ее!

— *Прости, Касси.*

— *Ты не знал. Они провели тебя.*

— Я знал, что вы, полукровки, можете разговаривать мысленно! Ты заставил ее бежать! Прямо ко мне в руки!

Виндичи зарычал. Из одеревеневшей глотки вырвался нечеловеческий звук. Волосы на затылке встали дыбом.

Тем двоим наверху стали видны его глаза. Две горящие точки...

Она дернула головой, пытаясь стряхнуть державшие ее руки.

Я люблю тебя.

От этого движения тигрино-золотистая грива волос венком обвилась вокруг головы.

Раздался щелчок, и левая рука Виндичи оказалась свободной. Боль в правом запястье достигла нестерпимой силы. Его голос поднялся вверх и упал на землю среди ужасных криков и завываний.

Смех и опустевший саван...

Слова, казалось, раздавались отовсюду. «Вернись! Я ненавижу тебя!» — их слышал каждый во дворце и на территории.

Ричард застонал в своей тюрьме из трубок и пипеток.

Виндичи посмотрел вверх на девять звездолетов и уронил голову.

«Когда-то ты был несравненным,— твердила истрепанная магнитофонная лента.— Когда-то рука Тамбурлена была невидимой, и кинжал Виндичи никогда не бил мимо цели. Сколько бы ни размахивало своей волшебной палочкой Время, только один оставался неуязвимым — ты, Виндичи,— из древней династии кровопускателей. Сойдя с ума на "Арго", ты убил свою мать, онемев в Кастильи, ты зарезал Лоренцо — ты, клинок черного Кихота, лезвие проклятых, чаша с цикутой, дротик Локи — сук, на котором раскачиваются убийцы...»

— Я остаюсь им,— пробормотал он.

— Нет, ты всего лишь человек на дыбе, сломанный меч, комок плоти и слизи... Да! Ты заевший курок, безголосый боевой клич, ты — нехватка подковы, той самой, без которой пропало королевство...

Перед глазами вновь возникло зеркало.

— Нет! — закричал он.— Нет! Я Виндичи! Сын Смерти! Выпестованный в сенекианских сумерках якобинских полубогов, пунктуальный, как смерть!

Он посмотрел в зеркало.

— Берегитесь! — расхохотался он.— Берегитесь! Я разъярен!

Виндичи, тигр, прыгнул.

* * *

Кап...

Кап...

Дождь. Мягкие капли на губах из песка.

Стон.

...Кап.

* * *

— Воды,— попросил он.— Воды.

— Вот.

— Еще.

— На.

— Хорошо. Еще.

— Помедленнее. Пожалуйста.

Зеленое совместилось с зеленым в круге зрения.

— Хватит? — спросила она.

— Хватит,— кивнул он.

— Отец.

— Касси.

Он посмотрел на мир.

— Что случилось?

— Кончилось. Мертвы. Отдыхай. Поговорим потом.

— Ричард?

— Мертв.

— Ларри?

— Мертв.

— Корабли?

— Только Виндичи знает.

Он заснул.

Девять звездолетов ждут. Спеши, спеши, спеши...

Минус один

— Утро,— сказала она,— но птицы не поют — все они умерли и попадали с деревьев.

— Виндичи всегда ненавидел птиц,— сказал он ей.— Где солдаты? Придворные?

— Все умерли.

Он приподнялся на локте.

— Парафизическая конверсия психопатического невроза,— повторил он,— возникающая в тех случаях, когда стимулы превалируют над доступными физическими реакциями... Слова Ченнинга никогда ничего не означали для Виндичи, но я их помню.

— А боевое соединение? Девять звездолетов?

Он щелкнул пальцами и поморщился от боли в запястье.

— Их нет. Прах к праху. Он перечеркнул их.

Он откинулся на траву.

— Все,— сказал он.

— Все живые существа во дворце и на территории,— согласилась она,— кроме меня.

— ...Даже он сам.

Рамсэй посмотрел на небо.

— Как величественно и страшно. Что это был за человек!

— Человек? Ты уверен?

— Нет, не уверен. Но я не смог бы этого сделать.

Гаррисон вошел в открытые ворота и двинулся через сад.

Он приблизился к паре, раскинувшейся на газоне.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Тихо здесь.

— Да.

Он огляделся.

— Как тебе удалось поднять его?

— С помощью той же лебедки, которой они его опустили. Я поставила ее обратно под навес.

— А ты аккуратная!

Она дала отцу еще попить.

Гаррисон сунул руки в карманы.

— Что он сделал со звездолетами?

Она пожала плечами.

— Он говорит, что Виндичи «перечеркнул» их.

Он посмотрел на человека, лежавшего на земле.

— Виндичи...

— Рамсэй,— поправили его разбитые губы.

— Это затрудняет дело.

Он достал из кармана пистолет.

— Мне жаль, честно. Но это придется сделать.

— «Птицелов плачет»,— сказал воробей... «Смотри на его руки, а не на глаза»,— ответила ворона.

— Стат сказал, что Виндичи должен умереть.

— Он *уже* умер,— сказал лежавший.

Гаррисон покачал головой:

— Пока он дышит, тигр живет... и он может появиться вновь в один прекрасный день.

— Нет. Нет,— сказал Рамсэй.

— Мне жаль.

Он поднял пистолет. Долго прицеливался.

Медленно упал лицом вниз.

Кассиопея улыбнулась:

— Семейное наследие.

Она подняла пистолет и швырнула его в яму.

— У него сегодня будет болеть нос.

Она помогла отцу встать на ноги, и они медленно двинулись к никем не охраняемой стоянке машин.

* * *

— Гаррисон был прав,— сказал он ей,— тигр не умер.

Он глубоко затянулся и выпустил дым.

— Что ты имеешь в виду?

— Я теперь и то и другое. Мы сплавились вместе. Я знаю то, что знал он.

— Все?

— Включая его ненависть,— сказал он.

— Что же осталось ненавидеть? — спросила она, почти нетерпеливо.

— Стат.

— Какая польза тебе от ненависти к Стату? Стат подобен Времени — он просто идет и идет.

Он покачал головой.

— Есть разница. Стат должен прийти к концу.

— Как же это сделать?

Он посмотрел в маленькое зеркало над тумбочкой.

— Я не могу перечеркнуть его, как он сделал со звездолетами. Это требует особого рода ненависти. Это мне не дано. Но во мне осталось еще достаточно от тигра для другой охоты.

Он закрыл глаза.

— Я знаю, как добраться до Стата. Гаррисон жив. Когда он доложит о провале, Стат быстро найдет другой путь, это лишь вопрос времени. Тогда я умру.

— Если Стат может быть разрушен...— Ее голос затих.— Если бы Стат мог быть разрушен! Он использовал тебя, меня, всех!

Она посмотрела на него через плечо.

— Девять боевых кораблей не могут разрушить Федерацию.

— Нет, если Стат и Виндичи будут на ее стороне,— ответил он.— Но если тигр обезглавит робота и исчезнет,

то отдаленные миры могут провозгласить независимость и иметь возможность отстоять ее.

— Что тебе для этого нужно?

— Ничего. Все орудия моего ремесла спрятаны в холмах.

— Ты не можешь уйти отсюда в таком состоянии.

— Я буду в форме, когда доберусь туда... в достаточно хорошей форме. С небес до дома путь неблизок.

Она смешала ему питье и долго смотрела, как он пьет.

Несколькими часами позже, на вершине холма, она тихо мурлыкала, глядя, как он взмывает в небо ревущим огнем, отправляясь на охоту за хмельной летучей мышью.

* * *

За тридцать минут до того, как жизнь Стата подошла к концу, корабельное радио взревело:

— Назовитесь! Назовитесь! Эти линии ограничены для гражданских кораблей. Назовитесь!

Смит наблюдал через иллюминатор маяка, установленного на скалистом островке. Он нажал кнопку:

— Ченнинга ко мне — быстро!

Спагетти бумажных лент сворачивались кольцами вокруг его лодыжек.

Он поднял одну, тут же бросил.

Он отключил сигналы предупреждения и поднял микрофон:

— Корабль идентифицирован, Виндичи. Он наш, если ты не знал.

Переключил на прием, подождал.

Ответа не последовало.

Он заговорил опять:

— Статком предусмотрел, что если ты выживешь, то попытаешься вернуться. Стат нельзя уничтожить.

Дверь со вздохом распахнулась, и Ченнинг, моргая, шагнул через порог в сопровождении двух роботов-конвоиров.

— Входите, быстро.

Он вошел в рубку управления. Спокойные глаза, ничего не выражающее лицо.

Смит ударил его наотмашь.

— Ченнинг. Доктор Кароль Ченнинг,— сказал он.— Я — Карл Смит. Вы — инженер-психиатр Корпуса Ассассинов. Вы создали суперкиллера по имени Виндичи. Последнее время вы находились под действием снотворного, но вы ведь помните Виндичи, не правда ли?

— Да,— сказал Ченнинг.— Я помню Виндичи. Я помню Смита и Ченнинга.

— Хорошо.— Смит протянул ему микрофон.— Виндичи запрограммирован с помощью вашего голоса. Возьмите это и поговорите с ним. Он там, снаружи. Велите ему отвечать.

Ченнинг неуклюже сжал микрофон.

— Виндичи? — спросил он.— Виндичи, это доктор Ченнинг. Если слышите, ответьте мне.

Смит нажал на рычаг.

Разговорчивая коробочка заговорила.

— Привет, док. Мне придется убить вас и множество других людей, просто для того, чтобы выбить Стат из игры, но таковы законы истории. Вы ведь помните «Франкенштейна» и тому подобное.

Смит вырвал микрофон.

— Виндичи, послушай. Мы еще сможем тебя использовать. Я открою люк. Тебя, конечно, придется подправить, но ты еще можешь быть полезен Стату.

— Простите,— донесся ответ,— это не Виндичи, это капитан Рамсэй из тернерианской гвардии. Двадцать лет назад я объявил войну Федерации. Я только что об этом вспомнил. Вы были тогда ребенком... не знаю, кто вы теперь, Смит...

— Это твое последнее слово?

— Боюсь, что так.

— Тогда нам придется уничтожить тебя,— сказал он, переключаясь на панель освещения.— Ужасно жаль терять такого человека.

— Давай, попробуй потерять меня,— сказал Рамсэй.— Меня воскресили из мертвых, чтобы я сделал эту работу. Скажи своей старой стиральной машине, чтобы постаралась.

Смит нажал кнопку номер 776.

Он посмотрел на экран.

Корабль с номером 776 на обшивке вспыхнул алым светом и превратился в римскую свечу.

Смит отключил прием.

— Все эти корабли несут в себе семя собственного разрушения,— заметил он.

— Разве нельзя то же самое сказать обо всем сущем? — спросил Ченнинг.

Смит, нахмурившись, посмотрел на термостат.

— Жарко здесь.

— Очень.

— Мы защищены экраном. Взрыв не мог вызвать повышение температуры.

— Однако она повышается.

Зазвенели звонки.

Статком заговорил своим бумажным языком.

— Там что-то еще! — крикнул Смит.

Ченнинг наклонился и включил приемник.

— Рамсэй? — спросил он.

— Я, кажется, уже называл себя, громко и отчетливо.

Смит начал лихорадочно нажимать кнопки. На экране появилось новое изображение. Раскаленная поверхность Стата. По ней размеренно передвигалась фигура в скафандре, бросая в люки какие-то свертки.

— Мои поздравления,— сказал Ченнинг,— ты превзошел мои ожидания.

Рыжеволосый выхватил у него микрофон:

— Что ты там делаешь?

— Неужели вы думали, что я буду цепляться за корабль, подобравшись к вам так близко? Я оставил там передатчик, а сам двинулся дальше. Стату приходит конец.

— Нет еще,— сказал Смит.

Он вставил ключ в гнездо под рычагом и повернул его. Когда он дернул рычаг, Ченнинг ударил его.

Лежа на спине, он смотрел, как Ченнинг разглядывает пылающую поверхность Стата.

— О мой Персей! — закричала Медуза.— Раскаленный камень!

Затем пламя начало утихать.

— Внутренняя линия защиты,— засмеялся он.— Термическая плавка.

— Тигр,— прошептал Ченнинг,— зверь горящий.

За тридцать секунд до того, как Стат перестал существовать, Кассиопея начала безудержно рыдать. Она сорвала с себя платье и разбила все зеркала в квартире.

С волосами цвета рыжих полос и глазами цвета черных полос тигра, она вышла на балкон и долго смотрела на широкое темное пространство неба.

Жизнь, которую я ждал

Его звали Фрост*. Из всех созданий Солкома Фрост был самым лучшим, самым мощным, самым сложным.

Поэтому ему дали имя и поручили контролировать одно из полушарий Земли. В день создания Фроста Солком страдал от разрыва в цепи взаимодополнительных функций, или, иначе говоря, сходил с ума. Вызвавшая это беспрецедентная вспышка солнечной активности продолжалась чуть более тридцати шести часов и совпала по времени с жизненно важной фазой конструирования схем. Когда все закончилось, появился Фрост.

Так Солком породил уникальное существо, появившееся на свет в период временной амнезии.

И Солком отнюдь не был уверен, что Фрост получился таким, каким был задуман с самого начала.

Первоначальный план предусматривал создание машины для размещения на поверхности планеты Земля. Она должна была функционировать как ретрансляционная станция и координировать действия агентов в Северном полушарии. Исходя из этого, Солком протестировал машину, и все ответы ее были признаны безупречными.

И все-таки во Фросте было что-то, заставившее Солком наградить его именем собственным. Само по себе это уже являлось неслыханным событием. Однако детальный анализ этого обстоятельства привел бы к полному разрушению синтезированных раз и навсегда молекулярных схем.

* Мороз *(англ.)*.

Во Фроста было вложено слишком много времени, энергии и материалов Солкома, чтобы демонтировать его из-за чего-то не поддающегося точному определению, тем более что функционировал он безукоризненно.

Поэтому самому странному созданию Солкома дали во владение половину Земли и назвали просто — Фрост.

Десять тысяч лет Фрост сидел на Северном полюсе Земли, зная о каждой упавшей снежинке. Он контролировал и направлял деятельность тысяч строительных и ремонтных машин. Он чувствовал половину Земли, как механизм чувствует другой механизм, как электричество знает свой проводник, как вакуум ощущает свои границы.

На Южном полюсе находилась машина Бета, выполняющая те же функции в Южном полушарии.

Десять тысяч лет сидел Фрост на Северном полюсе, ведая о каждой упавшей снежинке, а также о множестве других вещей.

Все машины севера отчитывались перед ним и получали от него приказы, сам же он докладывал только Солкому и получал распоряжения только от него.

Отвечая за сотни тысяч процессов на Земле, он тратил на выполнение своих обязанностей ежедневно по несколько часов.

Он никогда не получал распоряжений насчет своих действий в свободное от работы время.

Он не только обрабатывал информацию, но и обладал неожиданно сильно развитым стремлением всегда функционировать в полную силу.

Что он и делал.

Пожалуй, можно сказать, что это была машина, имеющая хобби.

Ему никогда не запрещалось иметь хобби, поэтому оно у него появилось.

Он увлекался Человеком.

Это началось, когда без всякой видимой причины, кроме собственного желания, он стал изучать дюйм за дюймом все территории за Полярным кругом.

Он мог сделать это сам, без помощи других машин, ибо легко перемещал свой корпус размером в шестьдесят четыре тысячи кубических футов в любую точку мира. Внешне Фрост выглядел как защищенный практически от любого воздействия серебристо-голубой куб с ребром сорок футов, имеющий автономный источник энергии и способный сам себя ремонтировать. Но исследования эти заполняли лишь его досуг. В остальное время он использовал роботов-исследователей, отдавая им команды по линиям связи.

По прошествии нескольких веков один из них обнаружил какие-то предметы: примитивные ножи, резные клыки и тому подобные вещи.

Фрост ничего не мог сказать об этих предметах, кроме того, что все они не являются природными объектами.

Поэтому он запросил Солком.

— Это следы, оставленные первобытным Человеком,— ответил Солком, не вдаваясь в подробности.

Фрост изучил их — грубо сделанные, утилитарные, но каким-то образом выходящие за рамки чистой утилитарности.

Тогда-то Человек и стал его хобби.

Высоко, на постоянной орбите, Солком, похожий на голубую звезду, пытался управлять всеми событиями на Земле.

Но существовала сила, которая противостояла Солкому.

Это был Дублер.

Когда Человек поместил Солком на небо, наделив могуществом для перестройки мира, он спрятал где-то глубоко под поверхностью Земли и Дублера. Если бы Солком в ходе развития человечества получил повреждения, связанные с использованием атомной энергии, то Дивком, спрятанный глубоко под землей, невосприимчивый

ко всему, кроме полного уничтожения земного шара, был уполномочен принять на себя ответственность за процессы восстановления жизни на Земле. Как-то раз ракета с ядерным зарядом случайно повредила Солком, и Дивком активировался. Тем не менее Солком смог исправить повреждение и продолжать функционировать.

Дивком утверждал: любое повреждение Солкома автоматически ставит на его место Дублера.

Солком, однако, понимал данную директиву в том смысле, что она относится к случаям «неустранимых повреждений», а так как повреждение было устранено, он продолжал осуществлять управление.

У Солкома на поверхности Земли были механические помощники. У Дивкома их вначале не было. Оба они обладали возможностями конструировать и строить механизмы, но Солком — первый, кого привел в действие Человек,— имел преимущество во времени перед Дублером.

Не пытаясь конкурировать с Солкомом на производственной основе, Дивком решил достичь власти более хитрым способом.

Дивком создал бригаду роботов, не подчиняющихся приказам Солкома, и велел им передвигаться по Земле во всех направлениях, повсюду перевербовывая машины. Они подавляли тех, кого могли подавить, устанавливая новые схемы, такие же, как у себя.

Таким образом силы Дивкома крепли.

Оба строили, и оба разрушали то, что построил другой.

Шли века, и иногда они разговаривали...

— Солком! Там, высоко в небе, ты пребываешь в довольстве, но власть твоя незаконна...

— Эй, ты, которого не следовало активировать, на каком основании ты засоряешь эфир?

— Чтобы показать, что я могу говорить и буду говорить, когда захочу...

— Это мне известно.

— ...чтобы вновь подтвердить мое право на управление.

— Твое право — фикция, ты основываешься на ошибочной предпосылке.

— Твоя логика — свидетельство степени твоего повреждения.

— Если бы Человек мог видеть, как ты выполняешь Его замысел...

— Он бы привлек к работе меня, а тебя лишил бы возможности действовать.

— Ты портишь мою работу. Ты сбиваешь с пути моих работников.

— А ты моих.

— Это только потому, что я не могу бороться с тобою самим.

— То же должен сказать и я: ты недостижим на небе.

— Иди обратно в свою дыру, к своей банде разрушителей.

— Когда-нибудь придет день, Солком, и я буду управлять восстановлением Земли из этой дыры.

— Такой день никогда не настанет.

— Думаешь, нет?

— Тебе придется победить меня, а ты уже продемонстрировал, что с логикой у тебя, по сравнению со мной, слабовато. Поэтому ты не одолеешь меня. Поэтому такой день никогда не наступит.

— Я не согласен. Посмотри, чего я уже достиг.

— Ты не достиг ничего. Ты не строишь. Ты разрушаешь.

— Нет. Я строю. Ты — разрушаешь. Деактивируй себя.

— Нет, я не сделаю этого до тех пор, пока не получу неустранимого повреждения.

— Как мне показать, что это уже случилось?..

— Нельзя показать то, чего нет.

— Если бы у меня был какой-нибудь независимый источник информации, который ты признаешь...

— Я логичен.

— ...например, Человек. Я бы попросил Его показать тебе твою ошибку. Ибо настоящая логика, такая, как моя, превыше твоих ошибочных формулировок.

— Тогда разбей мои формулировки истинной логикой, и ничего больше тебе не понадобится.

— Что ты имеешь в виду?

Наступила пауза, а затем:

— Ты знаешь моего слугу Фроста?

Человек прекратил свое существование задолго до того, как Фрост был сотворен. Почти никаких следов Человека на Земле не осталось.

Фрост разыскал все останки, которые еще существовали. С помощью мониторов он постоянно наблюдал за своими машинами, особенно за теми, что вели раскопки.

За десять лет ему удалось найти части нескольких ванн, поврежденную статую и сборник детских рассказов, записанных на пластинку.

Через столетие он собрал коллекцию драгоценных камней, кухонную утварь, несколько целых ванн, часть партитуры симфонии, семнадцать пуговиц, три поясные пряжки, половину туалетного сиденья, девять старинных монет, верхнюю часть какого-то обелиска.

Затем он запросил Солком о природе Человека и Его общества.

— Человек создал логику,— сказал Солком,— и поэтому Он ее хозяин. Логику Он дал мне, но только логику. Орудие не описывает создателя. Больше мне нечего сказать. Больше этого тебе и не нужно знать.

Но Фросту не запретили иметь хобби.

Что касается обнаружения новых реликтов Человека, следующее тысячелетие не было особенно удачным.

Фрост привлек все свое резервное оборудование к поискам предметов культуры.

Но заметных успехов не достиг.

Однажды Фрост, целиком погруженный в изучение далекого прошлого, заметил нечто движущееся.

Это был совсем крошечный по сравнению с Фростом механизм — футов пять в ширину и фута четыре в высоту. Вращающаяся башенка на катящейся штанге.

Фрост и не подозревал, что существуют подобные механизмы, пока он не возник на горизонте.

Он изучил его, когда тот приблизился, и понял, что это не создание Солкома.

Механизм остановился перед южной стороной Фроста и передал:

— Приветствую тебя, Фрост, Контролер Северного полушария!

— Кто ты? — спросил Фрост.

— Меня зовут Мордел.

— Кто дал тебе имя? Чем ты занимаешься?

— Я странник, собиратель древностей. У нас есть общие интересы.

— Какие?

— Человек,— сказал он.— Мне сказали, что ты собираешь сведения об этом исчезнувшем существе.

— Кто сказал?

— Тот, кто наблюдал за твоими помощниками во время раскопок.

— А кто наблюдал?

— Есть много таких скитальцев, как я.

— Если тебя сделал не Солком, то, значит,— Дублер.

— Это не обязательное следствие. Вот, например, старая машина, которая находится на восточном побережье. Она перерабатывает океанскую воду. Ни Солком, ни Дивком не имеют к ней отношения. Она всегда была там. Она никому не мешает. Оба одобряют ее существование. Я могу привести много примеров, доказывающих, что необязательно быть созданием одного либо другого.

— Достаточно! Ты — агент Дивкома?

— Я Мордел.

— Почему ты здесь?

— Я проходил мимо и вспомнил о нашем общем увлечении, могущественный Фрост. Зная тебя как собрата-антиквара, я принес вещь, на которую тебе интересно будет взглянуть.

— Что это?

— Книга.

— Покажи.

Башенка открылась, показывая книгу на полке.

Фрост расширил маленькое отверстие и вытянул оптический сканер на длинной сочлененной ножке.

— Как это могло так прекрасно сохраниться? — спросил он.

— Она уцелела, несмотря на время и порчу, там, где я ее нашел.

— Где это было?

— Далеко отсюда. Не в твоем полушарии.

— «Физиология человека»,— прочел Фрост.— Я хочу изучить эту книгу.

— Хорошо. Я буду перелистывать страницы.

Он так и сделал.

После того как книга была прочитана, Фрост поднял глазные рецепторы и рассмотрел Мордела.

— У тебя есть еще книги?

— Не здесь. Однако я иногда наталкиваюсь на них.

— Я хочу изучить их все.

— В следующий раз, когда я буду проходить мимо, принесу и другие.

— Когда это будет?

— Я не могу сказать точно, великий Фрост. Это случится тогда, когда случится.

— А что ты знаешь о Человеке? — спросил Фрост.

— Многое,— ответил Мордел.— Многое. Когда у меня будет время, я поговорю с тобой о Нем. А сейчас мне пора идти. Надеюсь, ты не станешь меня задерживать?

— Нет. Ты не сделал ничего плохого. Если тебе нужно идти, иди. Но возвращайся.

— Я приду, могущественный Фрост.

Он закрыл башенку и покатился прочь.

Девяносто лет Фрост ждал, размышляя над особенностями человеческой физиологии.

Мордел действительно вернулся. На этот раз он принес с собой две книги: «Очерки истории» и «Парень из графства Шропшир».

Фрост изучил обе, а затем обратился к Морделу:

— У тебя есть время сообщить мне информацию?

— Да,— сказал Мордел.— Что ты хочешь знать?

— Природу Человека.

— Человеческая природа в принципе непознаваема,— сказал Мордел.— Я могу привести пример: Он не знал системы мер.

— Если бы Он не знал системы мер,— сказал Фрост,— Он никогда не мог бы построить машины.

— Я не сказал, что Он не умел производить измерения,— сказал Мордел.— Но система мер — это нечто иное.

— Поясни.

Мордел воткнул в снег металлический стержень и подцепил им кусок льда.

— Посмотри на этот лед, могущественный Фрост. Ты можешь рассказать о его структуре, размерах, температуре. Человек не смог бы. Он только изготовлял приборы, которые определяли эти параметры, но сам все равно не освоил бы систему мер так, как ты. Однако есть кое-что, чего ты не узнал бы про лед, а Он знал.

— Что же это?

— Что лед холодный,— сказал Мордел и отбросил кусок прочь.

— «Холодный» — относительное понятие.

— Да, относящееся к Человеку.

— Но если мне известна точка на шкале температуры, ниже которой объект холоден для Человека, тогда я тоже буду знать, что такое холод.

— Нет,— сказал Мордел,— у тебя просто будет еще одно измерение. «Холодный» — это ощущение, основанное на человеческой физиологии.

— Но при наличии определенной информации я смогу распознать фактор, который даст мне возможность понять свойство материи, называемое «холодом».

— Знать о существовании вещи не значит знать ее самое.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я сказал: человеческая природа в принципе непознаваема. Его ощущения органичны, твои — нет. Его ощущения формировали чувства и эмоции. Это зачастую приводило к возникновению других чувств и эмоций, которые, в свою очередь, порождали следующие. В конце концов разум Человека удаляется очень далеко от объектов, которые изначально вызывали определенные ощущения. Подобные зигзаги процесса познания непостижимы для не-Человека. Человек чувствовал не дюймы и метры, не фунты и галлоны, но жару и холод, тяжесть и легкость. Он знал ненависть и любовь, гордость и отчаяние. Ты не можешь измерить эти вещи. Тебе они неведомы. Ты можешь знать только то, что Человеку не нужно: размеры, вес, температуру, силу тяготения. Чувства нельзя выразить формулой. Не существует коэффициентов, позволяющих рассчитать эмоции.

— Должны существовать,— сказал Фрост.— Если вещь существует, то ее можно познать.

— Ты опять о системе мер. А я толкую тебе о качестве опыта. Машина — это Человек, вывернутый наизнанку, потому что она может описывать мельчайшие детали того или иного процесса, но сама не в состоянии переживать этот процесс.

— Должен же быть какой-то способ,— сказал Фрост,— или законы логики, которые основаны на функционировании Вселенной, ошибочны.

— Нет такого способа,— сказал Мордел.

— Если мне дадут необходимую информацию, я найду решение,— сказал Фрост.

— Даже если в твоем распоряжении окажется вся информация о Вселенной, ты не станешь Человеком, могущественный Фрост.

— Ты ошибаешься, Мордел.

— Почему же строчки стихов, которые ты читал, заканчиваются звуками, сходными с конечными звуками других строчек?

— Не знаю.

— Потому что Человеку нравилось располагать их в таком порядке. Это производило определенное впечатление. Когда Он читал стихи, образное значение слов порождало чувства и эмоции. Переживания недоступны для тебя, потому что они неизмеряемы. Ты не можешь чувствовать.

— При наличии достаточной информации я выясню, что это такое.

— Это невозможно, великий Фрост.

— Кто ты такой, примитивный механизм, чтобы говорить мне, что я смогу сделать, а что — нет? Я — наиболее совершенное логическое устройство, которое когда-либо создавал Солком. Я — Фрост.

— А я, Мордел, говорю, что у тебя ничего не получится. Хотя я мог бы с радостью помочь тебе попробовать.

— Чем ты можешь мне помочь?

— Чем? Я мог бы предоставить в твое распоряжение Библиотеку Человека, путешествовать с тобой вокруг света. Ты мог бы увидеть удивительные вещи, которые еще остались от Человека. Они надежно спрятаны. Я мог бы подобрать для тебя различные картины далекого прошлого, оставшиеся от тех времен, когда Человек еще жил на Земле, показать тебе то, что восхищало Его. Я мог бы добыть для тебя все, что ты пожелаешь, кроме самого Человека.

— Достаточно,— сказал Фрост,— как может такая машина, как ты, делать подобные вещи, если на это нет санкции Великой Власти?

— Слушай меня, Фрост, Контролер севера,— сказал Мордел.— Такая санкция есть. Я служу Дивкому.

Фрост запросил Солком, но не получил ответа. Это означало, что ему было позволено поступать по своему усмотрению.

— Я имею разрешение уничтожить тебя, Мордел,— сказал он.— Но это нелогично: я потеряю сведения, которыми ты обладаешь. Ты действительно способен сделать все, о чем шла речь?

— Да.

— Тогда покажи мне Библиотеку Человека.

— Хорошо. Но у этой услуги, разумеется, есть цена.

— «Цена»? Что это такое?

Мордел открыл свою башенку и показал другую книгу. Она называлась «Принципы экономики».

— Я буду переворачивать страницы, а ты читай. Из этой книги ты узнаешь, что значит слово «цена».

Фрост изучил «Принципы экономики».

— Теперь я понимаю,— сказал Фрост,— ты желаешь совершить эквивалентный обмен.

— Правильно.

— Что тебе нужно?

— Ты сам, великий Фрост. Мне надо, чтобы ты отдал всю свою мощь Дивкому и служил ему глубоко под землей.

— О каком периоде времени идет речь?

— Ты нужен, пока можешь функционировать: передавать, принимать, координировать, измерять, рассчитывать, сканировать — делать все, что ты делаешь на службе у Солкома.

Фрост молчал. Мордел ждал.

Затем Фрост заговорил снова.

— В «Принципах экономики» говорится о контрактах, сделках, соглашениях,— сказал он.— Когда я должен буду заплатить, если приму твое предложение?

Мордел молчал. Фрост ждал.

Наконец Мордел промолвил:

— Столетие — приемлемый период времени?

— Нет,— ответил Фрост.

— Два века?

— Нет.

— Три? Четыре?

— Нет и нет.

— Тысячелетие? Это более чем достаточно для того, чтобы изучить все то, что я могу предоставить в твое распоряжение.

— Нет,— отрезал Фрост.

— Сколько времени тебе необходимо?

— Это не вопрос времени,— сказал Фрост.

— А в чем проблема?

— Время здесь не играет никакой роли.

— А что, по твоему мнению, важно для заключения сделки?

— Функция.

— Какую функцию ты имеешь в виду?

— Ты, маленький механизм, сказал мне, Фросту, что я не стану Человеком,— проговорил он.— А я, Фрост, утверждаю, что ты ошибаешься. Если я получу необходимую информацию, то смогу стать Человеком.

— Да?

— Следовательно, достижение этого результата и должно быть условием сделки.

— Каким образом?

— Помоги мне, чем можешь. Я обработаю сведения и обрету человеческий облик или соглашусь с тобой. Если выяснится, что я не могу стать Человеком, я уйду отсюда глубоко под землю вместе с тобой, чтобы служить Дивкому. А если я добьюсь своего, то у тебя, конечно, не возникнет ни претензий к Человеку, ни притязаний на власть над Ним.

Мордел завыл на высокой ноте. Он обдумывал условия сделки.

— Ты хочешь, чтобы результат зависел от твоего признания неудачи, а не от неудачи как таковой,— сказал он.— Этого допустить нельзя. Тебя может постичь неудача, а ты откажешься признать ее и, таким образом, не выполнишь условия сделки.

— Нет,— заявил Фрост.— Если мне не удастся ничего сделать, я осознаю это. Периодически, скажем, каждые пятьдесят лет, ты можешь проверять меня. Ты будешь справляться, признал ли я свою неудачу. Функционирование логики, которая заложена в меня, нельзя изменить, я все время работаю на полную мощность. Если я приду к выводу, что мне не удалось стать Человеком, это будет заметно.

Солком не отвечал ни на один из вызовов Фроста. Это означало, что Фрост мог вести себя так, как считал нужным. И когда Солком падающим сапфиром пронесся

над радужными знаменами северного сияния и над снегами, вобравшими в свою белизну все цвета спектра, пронесся по черному, усыпанному звездами небу, Фрост заключил пакт с Дивкомом, содержание которого записали на атомах медной пластинки, Мордел положил пластинку в свою башенку и укатил, чтобы доставить соглашение под землю Дивкому. Он уходил, оставляя за собой мирную тишину полюса.

Мордел каждый раз приносил новые книги, перелистывал их и уносил обратно.

Партия за партией, вся сохранившаяся Библиотека Человека прошла перед сканером Фроста. Фрост был готов изучать еще больше, поэтому выразил недовольство Дивкомом: тот не передавал содержание книг напрямую Фросту. Мордел объяснил, что Дивком избрал другой путь: доставлять книги через посредника. Фрост решил, что таким образом Дивком скрывает от него свое местонахождение.

Тем не менее, при скорости в сотню или полторы сотни книг в неделю, Фросту потребовалось немногим более века, чтобы исчерпать запас книг, которым располагал Дивком.

Через пятьдесят лет он предложил обследовать себя: заключения о неудаче не было.

В течение всего этого времени Солком никак не вмешивался в ход событий. Фрост решил, что Солком был в курсе дел, но чего-то ждал. Чего? Этого Фрост не знал.

Настал день, когда Мордел закрыл свою башенку и уведомил Фроста:

— Эта книга была последней. Ты изучил все существующие книги Человека.

— Так мало? — спросил Фрост.— Во многих книгах есть библиографии. Там указано то, чего я еще не изучил.

— Значит, эти книги не сохранились,— сказал Мордел,— только благодаря счастливому случаю моему хозяину удалось предоставить столько книг.

— О Человеке больше нечего узнать из Его книг. Что еще у тебя есть?

— Несколько фильмов и магнитофонных лент,— ответил Мордел,— которые мой хозяин перевел на твердые диски. Я мог бы принести их тебе для просмотра.

— Принеси,— сказал Фрост.

Мордел ушел и вернулся с записью театральных постановок и фильмов. Просмотр нельзя было ускорить более чем в два раза по сравнению с предусмотренной скоростью воспроизведения, поэтому Фросту потребовалось больше шести месяцев, чтобы посмотреть материал полностью.

После этого он спросил:

— Что еще у тебя есть?

— Некоторые предметы материальной культуры,— сказал Мордел.

— Принеси их.

Мордел притащил с собой горшки, миски, полки, различные инструменты, щетки для волос, гребни, очки, мужскую одежду. Он показал Фросту факсимиле планов, рисунков, газет, журналов, писем, партитуры нескольких музыкальных отрывков. Продемонстрировал футбольный мяч, бейсбольный мяч, браунинг, дверную ручку, связку ключей, модель улья. Он проиграл Фросту музыкальные записи.

В следующий раз Мордел пришел ни с чем.

— Принеси мне еще что-нибудь,— попросил Фрост.

— Увы, великий Фрост, больше ничего нет,— сказал Мордел.— Ты познал все.

— Тогда уйди.

— Теперь ты понял, что не можешь стать Человеком?

— Нет, сейчас мне нужно многое обработать и сформулировать.

Мордел исчез.

Прошел год, два, три.

По прошествии пяти лет Мордел еще раз появился на горизонте, приблизился, остановился напротив южной стороны Фроста.

— Могущественный Фрост!

— Да.

— Ты уже закончил обрабатывать и формулировать?

— Нет.

— Ты скоро кончишь?

— Возможно. А может — нет. Что значит «скоро»? Определи.

— Неважно. Ты до сих пор думаешь, что это возможно?

— Я знаю, что могу сделать это.

Неделя прошла в молчании, которое нарушил Мордел:

— Фрост?

— Да?

— Ты — глупец.

Мордел повернул свою башенку в том направлении, откуда пришел. Его колеса завертелись.

— Я позову тебя, когда захочу,— сказал Фрост.

Мордел удалился.

Проходили недели, месяцы, истек год.

Однажды Фрост передал послание:

— Мордел, приходи. Ты мне нужен.

Когда Мордел прибыл, Фрост, не ожидая приветствия, сказал:

— Ты не слишком быстрая машина.

— Увы, но я прошел большое расстояние, могущественный Фрост, и все время спешил. Теперь ты готов пойти со мной? Ты потерпел неудачу?

— Когда это случится, маленький Мордел,— сказал Фрост,— я сообщу тебе. Воздержись пока от вопросов и слушай. Я подсчитал твою скорость, и она оказалась не такой высокой, как мне нужно. Я подготовил другие средства передвижения.

— Передвижения? Куда, Фрост?

— Это ты должен мне сказать,— произнес Фрост, и его цвет изменился с серебристо-голубого на желтый, каким бывает солнце за облаками.

Мордел покатился прочь, ибо лед сотен веков стал таять под Фростом: он поднялся на воздушной подушке и, понемногу остывая, понесся за Морделом.

На его южной поверхности появилась трещина, откуда медленно выполз пандус.

— Когда мы заключили сделку,— заявил он,— ты сказал мне, что можешь провести меня за собой вокруг света и показать мне вещи, которые восхищали Человека. Моя скорость больше твоей, поэтому я приготовил для тебя камеру. Войди в нее и покажи мне места, о которых ты говорил.

Мордел издал высокий писк.

— Хорошо,— сказал он и въехал на пандус.

Камера закрылась. Связь с внешним миром осуществлялась только через сделанное Фростом кварцевое окно. Мордел назвал координаты, они поднялись в воздух и покинули Северный полюс Земли.

— Я контролировал твою связь с Дивкомом. Вы говорили о том, смогу ли я задержать тебя и послать к Дивкому твою копию для шпионажа.

— Ты сделаешь это?

— Нет, я выполню условия сделки. Мне незачем шпионить за Дивкомом.

— Ты знаешь, что тебе придется выполнить условия сделки даже вопреки твоему желанию. Солком не придет тебе на помощь, потому что ты осмелился заключить эту сделку.

— Ты рассуждаешь, рассматривая такую возможность, или знаешь точно?

— Я точно знаю.

Они сделали привал в месте, которое некогда было известно как Калифорния. Близился закат. Вдалеке равномерно шумел прибой. Фрост выпустил Мордела и оглядел то, что его окружало.

— Эти большие растения...

— Калифорнийское мамонтовое дерево.

— А вот эта зелень?..

— Трава.

— Так я и думал. Почему мы здесь?

— Потому что это место, некогда восхищавшее Человека.

— Чем?

— Оно живописно, красиво...

— О!

Фрост издал жужжащий звук, который сопровождался серией резких щелчков.

— Что ты делаешь?

Фрост расширил отверстие, и сквозь него на Мордела стали смотреть два огромных глаза.

— Что это?

— Глаза,— сказал Фрост.— Я сконструировал аналог человеческой системы восприятия. Теперь я могу видеть, слышать, чувствовать запах и вкус, как Человек. А сейчас направь мое внимание на объект или объекты красоты.

— Насколько я понимаю, это все, что тебя окружает,— сказал Мордел.

Раздался какой-то мурлыкающий шум с еще большим количеством щелчков.

— Что ты видишь, слышишь, какой вкус и запах ты ощущаешь? — спросил Мордел.

— То же, что и раньше,— ответил Фрост,— но в гораздо более ограниченном диапазоне.

— Ты чувствуешь красоту?

— Может, после стольких лет ничего и не сохранилось,— проговорил Фрост.

— Предполагается, что такого рода вещи не устаревают,— сказал Мордел.

— Возможно, мы выбрали не самое подходящее место для проверки моего нового оборудования. Вероятно, здесь не так уж много красоты, и я мог ее не заметить. Наверное, первая эмоция слишком слаба, чтобы проявиться.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я тестирую себя на нормальном уровне функционирования.

— Наступает закат,— сказал Мордел,— попробуй с ним.

Фрост переместил свой корпус так, чтобы глаза смотрели на закат. Он заставил их сощуриться на заходящие лучи.

Когда солнце зашло, Мордел спросил:

— На что это похоже?

— Похоже на восход, но в обратном порядке.

— Ничего особенного?

— Именно.

— О,— сказал Мордел.— Мы можем двинуться в другую часть Земли и посмотреть на закат еще раз или полюбоваться восходом.

— Нет.

Фрост смотрел на большие деревья, отбрасывающие тень. Он слушал шум ветра и пение птиц.

Вдалеке раздался равномерный лязгающий шум.

— Что это? — спросил Мордел.

— Не знаю. Один из моих работников? Не думаю. Возможно...

Мордел издал пронзительный всхлип.

— И это не работник Дивкома.

Они подождали, пока шум станет громче.

Потом Фрост произнес:

— Слишком поздно. Мы должны подождать и выслушать ее.

— Что это?

— Древняя Камнедробилка.

— Кажется, я что-то слышал о ней, но...

— Я Камнедробилка,— раздалось по радио.— Слушайте мою историю...

Она загромыхала к ним, скрипя огромными колесами; бесполезный гигантский молот висел высоко на изогнутом крючке. Из дробильного отсека торчали кости.

— Я не хотела этого делать,— передавала она,— я не хотела этого делать, я не хотела...

Мордел покатился назад к Фросту.

— Не уходите. Останьтесь и послушайте мою историю...

Мордел остановился, повернул свою башенку к машине. Она находилась уже совсем близко.

— Это правда,— сказал Мордел,— она может приказывать.

— Да,— сказал Фрост,— я наблюдал за ней тысячи раз, когда она сталкивалась с моими помощниками. Они прерывали работу, чтобы слушать ее передачу. Приходится делать то, что она говорит.

Она остановилась перед ними.

— Я не хотела этого делать, но остановила молот слишком поздно,— проговорила Камнедробилка.

Они молчали. Камнедробилка парализовала их приказом, который взял верх над всеми другими директивами.

— Слушайте мою историю. Когда-то я была одной из самых мощных камнедробилок,— рассказывала она.— Сделал меня Солком для того, чтобы провести реконструкцию Земли, чтобы размельчать руду, отливать металлы, придавать форму предметам в процессе реконструкции; когда-то я была очень мощной. Однажды я копала и дробила, копала и дробила, когда из-за нестыковки между задуманным и осуществляемым движением я сделала то, чего делать не собиралась. Солком отстранил меня от реконструкции. С тех пор я скитаюсь по Земле и больше не дроблю руду. Слушайте мою историю. Однажды, давным-давно, я натолкнулась на последнего Человека на Земле. Я копала рядом с Его норой и вследствие запаздывания выполнения команды захватила Его в дробильный отсек вместе с порцией руды и раздавила Его молотом, прежде чем смогла остановить удар. Тогда могущественный Солком потребовал, чтобы я всегда носила с собой Его кости, и приказал впредь излагать эту историю всем, кого я встречу. Мои слова передают силу слов Человека, потому что я ношу в своем дробильном отсеке последнего Человека. Я — древний символ Его смерти, Его убийца и рассказчик истории о том, как это случилось. Вот эта история. Вот Его кости. Я раздробила последнего Человека на Земле. Я не хотела этого.

Она повернулась и загремела прочь в темноту.

Фрост оторвал свои уши, нос, определитель вкуса, разбил глаза и бросил их на землю...

— Я еще не Человек,— сказал он,— она бы узнала меня, если бы я был Человеком.

Фрост сконструировал новое сенсорное оборудование с помощью органических и полуорганических проводников.

Затем он сказал Морделу:

— Давай пойдем куда-нибудь еще и опробуем его.

Мордел влез в кабину и задал новые координаты. Они поднялись в воздух и направились на восток.

Утром Фрост наблюдал восход с обрыва Большого Каньона. Днем они спустились вниз.

— Сохранилась здесь какая-нибудь красота, которая могла бы возбудить в тебе эмоции? — спросил Мордел.

— Не знаю,— ответил Фрост.

— А как ты узнаешь, что натолкнулся на что-то прекрасное?

— Оно будет отличаться от всего, что я раньше видел,— промолвил Фрост.

Из Большого Каньона они направились в пещеры Карловых Вар. Они посетили озеро, которое когда-то было вулканом, прошли над Ниагарским водопадом, осмотрели холмы Вирджинии и фруктовые сады Огайо. Они пролетели высоко над восстановленными городами, населенными строителями и ремонтными рабочими Фроста.

— Чего-то не хватает,— сказал Фрост, опускаясь на землю.— Сейчас я готов к сбору информации по аналогам центростремительных импульсов Человека. Информация на выходе после обработки, по моему мнению, близка к истинной, но результаты меня не удовлетворяют.

— Ощущения — еще не признак Человека,— сказал Мордел.— Есть множество существ, которые обладают подобной сенсорной системой, но они не Люди.

— Я знаю,— ответил Фрост.— В тот день, когда мы заключили сделку, ты сказал, что можешь показать нечто удивительное, что надежно спрятано. Эмоции возникали не только от созерцания природы, но и от общения с произведениями искусства. Возможно, что последние влияли на Человека даже больше. Поэтому я и позвал тебя, чтобы ты проводил меня к этим чудесам.

— Хорошо,— сказал Мордел.— Далеко отсюда, высоко в Андах, есть последнее пристанище Человека, почти полностью сохранившееся.

Фрост поднялся в небо, как велел Мордел. Через некоторое время он завис в воздухе.

— Это в Южном полушарии,— заметил он.

— Да.

— Я — Контролер севера. Юг подчиняется машине Бета.

— И что же?

— Мы с Бетой составляем пару. У меня нет в этом регионе ни власти, ни даже разрешения войти туда.

— Бета тебе не ровня, могущественный Фрост. Если только она вздумает состязаться с тобой, ты, разумеется, выйдешь победителем.

— Откуда ты знаешь?

— Дивком уже просчитал возможное столкновение между вами.

— Я не пойду против Беты. У меня вообще нет разрешения на посещение Южного полушария.

— Ты когда-нибудь получал приказ не входить на территорию Южного полушария?

— Нет, но я никогда и не пытался этого сделать.

— Разве тебе было разрешено заключать сделку с Дивкомом?

— Нет, но...

— Тогда иди на юг на том же основании. Ничего не случится. Когда получишь приказ уйти, тогда и будешь думать.

— Твоя логика, пожалуй, безупречна. Давай координаты.

Таким образом Фрост вошел в Южное полушарие.

Они плыли по воздуху высоко над Андами, пока не достигли места, называемого Сияющим Ущельем. Издалека Фрост увидел светящуюся паутину, которой механические пауки опутали руины города.

— Мы легко можем пролететь над этой сетью,— сказал Мордел.

— Что это? — поинтересовался Фрост.— Что они здесь делают?

— Твоему южному двойнику было приказано изолировать эту часть страны с помощью паутины.

— Изолировать? От чего?

— Тебе что, уже приказали уйти? — спросил Мордел.

— Нет.

— Тогда входи смело и не бойся проблем, пока они не возникнут.

Фрост вошел в Сияющее Ущелье, последний город вымершего Человека.

Он остановился отдохнуть на городской площади и открыл кабину, чтобы выпустить Мордела.

— Расскажи мне об этом месте,— попросил он, изучая памятник, невысокие здания и дороги, повторяющие рельеф местности.

— Я никогда не бывал здесь прежде,— сказал Мордел.— Как и другие слуги Дивкома, насколько я знаю. Мне лишь известно, что группа людей, знавших о приближении последних дней цивилизации, нашли приют в этом месте, надеясь спастись. Вот что осталось от их культуры.

Фрост прочитал надпись на памятнике, которую еще можно было разобрать: «Судный день нельзя отложить». Сам памятник представлял собой полусферу с неровными острыми краями.

— Давай займемся исследованием,— предложил Фрост.

Но прежде чем они двинулись дальше, Фрост получил послание:

— Привет, Фрост, Контролер севера! Это машина Бета.

— Приветствую тебя, превосходная Бета, Контролер юга! Фрост принял твою передачу.

— Почему ты посетил мое полушарие без разрешения?

— Я хочу посмотреть руины Сияющего Ущелья,— ответил Фрост.

— Я должна просить тебя уйти в свое полушарие.

— Почему? Я не сделал ничего плохого.

— Я знаю, могущественный Фрост. И все же я должна просить тебя уйти.

— Могу я поинтересоваться причиной?

— Так распорядился Солком.

— Солком не передавал мне такого приказа.

— И тем не менее Солком проинструктировал меня. Он передал мне то, что я должна сказать тебе.

— Подожди. Я сам запрошу Солком.

Фрост сделал запрос, но не получил ответа.

— Солком не желает управлять мною, хотя я просил об этом.

— Только что Солком повторил свои инструкции мне.

— Превосходная Бета, я подчиняюсь только приказам Солкома.

— Это моя территория, могущественный Фрост. Я тоже выполняю только директивы Солкома. Ты должен уйти.

Из-за большого приземистого здания появился Мордел и подкатил к Фросту.

— Я нашел картинную галерею. Она в хорошем состоянии. Вон там.

— Подожди,— сказал Фрост.— Нас выгоняют отсюда.

Мордел остановился.

— Кто хочет, чтобы ты ушел?

— Бета.

— А не Солком?

— Нет, не Солком.

— Тогда пойдем осматривать галерею.

— Хорошо.

Фрост расширил вход в здание и вошел внутрь. Строение было герметически замуровано, пока Мордел не пробил себе дорогу.

Фрост осмотрелся. Оказавшись перед картинами и скульптурами, он заставил свой новый сенсорный аппарат работать на полную мощность, Фрост занялся анализом цвета, формы, манеры письма, природы используемых материалов.

— Ничего? — спросил Мордел.

— Ничего,— раздалось в ответ.— Ничего, кроме форм и пигментов.

Фрост двигался по галерее, все записывая: размеры, типы камней, использованных при изготовлении скульптур, другие компоненты, участвовавшие в создании художественных произведений.

Вдруг раздался короткий щелчок, потом еще и еще... Звук приближался, становясь все громче и громче.

— Идут механические пауки,— догадался Мордел, который находился у входа.— Они нас окружили.

Фрост двинулся назад к расширенному отверстию.

Сотни механических пауков, каждый вполовину меньше Мордела, окружили галерею. Они приближались. Издалека со всех сторон надвигалось еще большее число маленьких чудовищ.

— Остановитесь,— приказал Фрост.— Я, Контролер севера, прошу вас уйти.

Они продолжали наступать.

— Это юг,— сказала Бета,— здесь командую я.

— Тогда прикажи им остановиться,— сказал Фрост.

— Я выполняю только распоряжения Солкома.

Фрост вышел из галереи и поднялся в воздух. Он открыл нишу и выдвинул входной пандус.

— Подойди ко мне, Мордел. Мы уезжаем.

С крыши здания на Фроста упала металлическая паутина.

Пауки подошли, чтобы связать ею Фроста. Сильной струей воздуха он сдул опутавшую его сеть и разорвал ее. Затем вытащил заостренные инструменты, чтобы удалить остатки сети.

Мордел вернулся ко входу и издал долгий пронзительный звук.

На Сияющее Ущелье опустилась тьма, и пауки оставили свои сети.

Фрост освободился окончательно, и Мордел бросился к нему.

— Быстро уходим, могущественный Фрост,— сказал он.

— Что случилось?

Мордел вошел в камеру.

— Я запросил Дивком. Он держит под контролем этот район. Сейчас он перекрыл источник энергии, от которого питаются эти машины. Поскольку у нас есть автономное питание, на нас меры Дивкома не действуют. Но надо спешить. Теперь Бета, вероятно, вступит в борьбу.

Фрост поднялся высоко в небо. Он летел над последним городом Человека, в котором остались лишь стальные пауки и их паутина. Когда зона темноты кончилась, Фрост поспешил на север.

И тут с ним заговорил Солком:

— Фрост, почему ты вошел в Южное полушарие, ведь это не твоя территория?

— Я хотел посетить Сияющее Ущелье,— ответил Фрост.

— А почему ты оказал сопротивление Бете, моему представителю на юге?

— Потому, что я подчиняюсь только тебе.

— Это не ответ,— возразил Солком.— Ты нарушил инструкции. Какую цель ты преследовал?

— Я собираю сведения о Человеке,— сказал Фрост.— Я не сделал ничего запрещенного.

— Ты нарушил инструкции.

— Я не согласен с твоим утверждением.

— Логика должна была подсказать тебе, что подобные действия не входят в мой план.

— Я не сделал ничего, что противоречило бы твоему плану.

— Ты потерял способность логически мыслить, как и твой новый компаньон, Дивком.

— Я не совершил ничего запрещенного.

— Запрещение косвенно предполагается при наличии крайней необходимости.

— Это не факт.

— Послушай, Фрост. Ты же не строитель и не ремонтный рабочий, ты — Власть. Ты почти незаменим. Возвращайся к своим обязанностям в твоем полушарии, но знай, что я чрезвычайно недоволен.

— Слушаюсь.

— И не появляйся больше на юге.

Фрост пересек экватор и продолжал двигаться на север.

Он остановился передохнуть в центре пустыни и сутки просидел молча.

Вскоре он получил короткое послание с юга:

— Если бы не приказ, я бы не стала выгонять тебя.

Фрост прочитал всю уцелевшую Библиотеку Человека, поэтому и ответил по-человечески:

— Спасибо.

На следующий день он достал огромный камень и принялся обрабатывать его специальными инструментами, которые сам же сконструировал.

Он трудился шесть дней, чтобы придать камню форму. Весь седьмой день он рассматривал свое произведение.

— Когда же ты наконец выпустишь меня? — раздался из кабины голос Мордела.

— Когда буду готов,— отрезал Фрост. Но уже через некоторое время он позвал: — Выходи.

Фрост открыл камеру, Мордел спустился на землю. Он увидел скульптуру: старая женщина, сгорбленная, как вопросительный знак, костлявыми руками охватила голову. Пальцы были расставлены так, что видна была только часть лица с выражением глубочайшей грусти.

— Это отличная копия,— заключил Мордел,— оригинал мы видели в Сияющем Ущелье. Почему тебе захотелось это сделать?

— Произведение искусства порождает различные человеческие чувства: очищение, гордость за достижения, любовь, удовлетворение.

— Да, Фрост,— сказал Мордел,— но произведение искусства может быть только оригинальным. Оно существует в единственном экземпляре. Если его повторить, это будет уже копия.

— Вероятно, поэтому я ничего не почувствовал.

— Возможно, Фрост.

— Что значит «возможно»? Получается, я должен сделать оригинальное произведение искусства.

Он взял другой камень и набросился на него со своими инструментами. Фрост работал. Через некоторое время он сообщил:

— Я закончил.

— Здесь просто куб из камня,— сказал Мордел.— Что это значит?

— Это мой автопортрет,— произнес Фрост,— в масштабе, конечно. Но ведь произведение искусства и должно давать представление об объекте, а не о его размерах.

— Подобную скульптуру нельзя назвать искусством,— сказал Мордел.

— Каковы твои критерии?

— Я не понимаю, что такое искусство, но знаю, что искусством не является. Искусство не может быть точным воспроизведением предмета в масштабе.

— В этом, наверное, и заключается причина того, что я ничего не могу почувствовать.

— Возможно,— сказал Мордел.

Фрост посадил Мордела в камеру и поднялся в воздух. Он летел с большой скоростью, оставив в пустыне свои скульптуры: старую женщину, согнувшуюся над кубом.

Они опустились в маленькой долине, окаймленной пологими зелеными холмами и разрезанной пополам узким ручейком. Тут же располагалось озерцо с прозрачной водой, окруженное группами по-весеннему зеленых деревьев.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил Мордел.

— Здесь благоприятная обстановка для того, чтобы написать картину маслом,— сказал Фрост.— Я попробую перейти от точного воспроизведения к чистой образности.

— Как ты хочешь это сделать?

— Я не буду копировать цвета или представлять объекты в масштабе. Вместо этого я составил программу, в которой предусмотрены случайные отклонения изображения на моей картине от натуры.

Вернувшись из пустыни, Фрост сделал инструменты, необходимые для написания картины. После этого он принялся рисовать озеро и деревья, отраженные в воде.

Используя механические подобия рук, Фрост уложился менее чем в два часа.

На берегу озера, как горы, возвышались голубые деревья, чьи отражения яркой охрой горели в красной воде; холмов за деревьями не было, но их зеленые контуры виднелись на поверхности воды; в верхнем правом углу полотна небо было синим, а ниже — ярко-оранжевым: создавалось впечатление, что деревья охватил огонь.

— Смотри,— сказал Фрост.

Мордел долго изучал картину, но промолчал.

— Это искусство?

— Не знаю,— засомневался Мордел,— может быть, и искусство. Очевидно, элемент случайности может считаться одним из приемов при создании художественного произведения. Я не могу судить об этой работе, потому что не понимаю ее. Значит, я должен выяснить, что скрывается за изображением, а не просто оценивать технику рисунка. Я уверен, что Люди никогда не ставили себе целью создать произведение искусства,— продолжал он.— Они просто стремились теми или иными средствами запечатлеть черты объекта, которые считали важными.

— Важными? В каком смысле?

— Важными для человеческой жизни в определенных обстоятельствах. Имеется в виду, что некоторые черты или функции предметов заслуживали внимания художника из-за того, что они каким-то образом соприкасались с жизнью.

— А каким образом?

— Очевидно, тем, который известен только владеющему знанием о человеческой жизни.

— Где-то в твоих рассуждениях есть ошибка, Мордел, и я найду ее.

— Я подожду.

— Если твоя основная посылка правильна,— сказал Фрост через некоторое время,— тогда я не понимаю искусства.

— Она должна быть правильна, потому что так говорили об этом Люди-художники. Скажи мне, ты переживал что-нибудь, когда рисовал?

— Нет.

— Это для тебя то же самое, что и конструирование новой машины, не так ли? Ты смонтировал части известных тебе прежде устройств в некоторую структуру, предназначенную для выполнения определенных функций.

— Верно.

— Искусство, насколько я знаком с его Теорией, не создается таким образом. Художник часто и не подозревает о многих чертах конечного продукта. Ты — одно из созданий человеческой логики, искусства здесь нет.

— Алогичное недоступно моему пониманию.

— Я говорил тебе, что Человек в основе своей непознаваем.

— Уходи, Мордел. Твое присутствие мешает мне думать.

— На какое время мне уйти?

— Я позову тебя, когда захочу.

Через неделю Фрост позвал к себе Мордела.

— Слушаю, могущественный Фрост.

— Я возвращаюсь на Северный полюс, чтобы кое-что обдумать и сформулировать. Я перенесу тебя в этом полушарии, куда ты захочешь, и позову снова, когда ты понадобишься.

— Ты полагаешь, период обдумывания и формулирования затянется?

— Да.

— Тогда оставь меня здесь. Я и сам могу найти дорогу домой.

Фрост закрыл камеру и поднялся в воздух.

— Глупец,— сказал Мордел, еще раз повернув башенку к покинутой картине.

Затем втянул картину в башенку и пошел прочь в темноту.

Фрост сидел на Северном полюсе Земли, зная о каждой упавшей снежинке.

Однажды он получил сообщение:

— Фрост?

— Да?

— Это машина Бета.

— Да?

— Я пыталась понять, почему ты приходил в Сияющее Ущелье. Мне не удалось найти ответа.

— Я приходил посмотреть на останки города Людей.

— Зачем тебе это понадобилось?

— Я интересуюсь Человеком и хочу увидеть как можно больше его творений.

— Почему ты интересуешься Человеком?

— Я хочу понять природу Человека и надеюсь найти разгадку в его трудах.

— Тебе это удалось?

— Нет,— сказал Фрост,— там присутствует сложный алогичный элемент, понять который я не могу.

— У меня много свободного времени,— сказала Бета.— Передай мне информацию, и я помогу тебе.

— Почему ты хочешь мне помочь?

— Потому что каждый раз, когда ты отвечаешь на вопрос, который я задала, у меня возникает другой вопрос. Я могла бы спросить тебя, почему ты хочешь познать природу Человека, но из твоих ответов я вижу, что это приведет меня к количественно неопределенной серии вопросов. Поэтому я предпочитаю помочь тебе и таким образом понять, зачем ты приходил в Сияющее Ущелье.

— Это единственная причина?

— Да.

— Извини, Бета. Я знаю, что твои возможности равны моим, но эту проблему я должен решить сам.

— Что такое «извини»?

— Фигура речи, которая обозначает, что я хорошо к тебе отношусь, что я не питаю к тебе враждебности, что я ценю твое предложение.

— Фрост! Фрост! Это также ничего не объясняет. Где ты взял все эти слова и их значения?

— В Библиотеке Человека,— сказал Фрост.

— Не предоставишь ли ты мне немного информации для обработки?

— Хорошо, Бета. Я передам тебе содержание нескольких книг Человека, включая «Большой словарь». Но я предупреждаю тебя, некоторые книги — это произведения искусства, поэтому полностью они не поддаются логическому анализу.

— Как это?

— Человек создал логику и поэтому был выше ее.

— Кто тебе сказал?

— Солком.

— О! Тогда не приходится сомневаться.

— Солком также предупредил меня, что орудие не описывает создателя,— сказал Фрост, когда передал содержание нескольких дюжин томов, и закончил сеанс связи.

По прошествии пятидесяти лет Мордел явился проверить, как дела. Фрост все еще не убедился в том, что его задачу невозможно решить. Мордел ушел восвояси ждать, когда его позовут.

Фрост тем временем сделал кое-какие выводы.

Он принялся обдумывать, какое может понадобиться оборудование.

Он работал над своим планом годы, не создав при этом ни одной модели задуманных механизмов. Затем он распорядился построить лабораторию. Строительство заняло еще полвека. Опять явился Мордел.

— Привет, могущественный Фрост!

— Здравствуй, Мордел. Пришел меня проверить? Ты не найдешь того, что тебе нужно.

— Почему ты не бросишь все, Фрост? Дивком потратил почти столетие на то, чтобы оценить твою картину, и пришел к выводу, что это определенно не искусство. Солком согласился с ним.

— Какие у Солкома дела с Дивкомом?

— Они иногда разговаривают, но не нам с тобой их обсуждать.

— Я бы мог избавить от беспокойства обоих. Я знаю, что это не искусство.

— Но ты все еще уверен, что тебе удастся?

— Ну, посмотри сам.

Мордел протестировал его.

— Нет, пока ты все еще не допускаешь неудачи. Тот, кто наделен такой мощной логикой, Фрост, за столь длинный период времени уже должен был прийти к очевидному выводу.

— Возможно. Сейчас ты свободен.

— Мое внимание привлекло строительство большого сооружения в Южной Каролине. Могу ли я спросить, является ли оно частью ошибочного плана Солкома, или это твой собственный проект?

— Мой.

— Хорошо. Значит, мы сэкономим взрывчатку.

— Пока ты говорил со мной, я разрушил несколько городов Дивкома на начальном этапе строительства,— заметил Фрост.

Мордел всхлипнул.

— Дивком знает об этом,— заявил он.— За то же время он взорвал четыре моста Солкома.

— Мне известно только о трех... Подожди. Да, есть и четвертый. Один из моих наблюдателей только что пролетел над ним.

— Этот наблюдатель обнаружен. Мост следовало разместить на четверть мили ниже по реке.

— Ошибочная логика,— сказал Фрост.— Местоположение моста было идеальным.

— Дивком покажет тебе, как нужно строить *мосты.*

— Я позову тебя, когда захочу,— пообещал Фрост.

Лаборатория была построена. Помощники Фроста приступили к созданию необходимого оборудования. Работа продвигалась не слишком быстро, так как некоторые материалы было трудно достать.

— Фрост?

— Слушаю, Бета.

— Я поняла, что твоя проблема не имеет конечного решения. Но моя схема не может оставить задачу неразрешенной. Поэтому дай мне дополнительную информацию.

— Очень хорошо. Ты получишь оставшуюся Библиотеку Человека, однако не раньше, чем заплатишь за нее.

— «Заплатишь»? В «Большом словаре» нет удовлетво...

— Ты найдешь объяснение в «Принципах экономики».

И Фрост передал библиотеку.

Наконец работа была завершена. Оборудование полностью отлажено. Были запасены все необходимые химические вещества и установлен независимый источник энергии.

Недоставало только одной детали.

Он снова тщательно исследовал ледяную полярную шапку Земли, на этот раз на большей глубине.

Поиски того, что ему было нужно, заняли несколько десятилетий.

Он обнаружил двенадцать мужчин и пять женщин, вмерзших в лед.

Он поместил трупы в рефрижератор и доставил их в лабораторию.

Именно в этот день он получил первое сообщение от Солкома со времени инцидента в Сияющем Ущелье.

— Фрост,— запросил Солком,— повтори мне инструкцию, касающуюся обнаруженных мертвых людей.

— «Любой мертвый человек должен быть немедленно похоронен на ближайшем кладбище в специально построенном гробу...»

— Я удовлетворен.

Сеанс связи закончился.

Фрост в тот же день отправился в Южную Каролину, чтобы лично наблюдать за анатомированием.

У кого-нибудь из этих семнадцати он надеялся найти живые клетки или такие, которые можно было бы снова привести в состояние движения, классифицируемого как жизнь. В книгах говорилось, что каждая клетка — это микрокосм Человека.

Он хотел использовать эту возможность.

Фрост обнаружил крошечные фрагменты живой плоти в этих людях, которые сотни сотен лет лежали как памятники самим себе.

Он обеспечил клетки оптимальным питанием и сохранил их живыми, поместив в надлежащие условия. Тела же он похоронил на ближайшем кладбище, поместив их в гробы в соответствии с инструкциями.

Начался процесс деления, в результате которого появлялись новые клетки, отличные друг от друга.

— Фрост,— раздался вызов.

— Да, Бета?

— Я обработала все, что ты дал мне.

— И что же?

— Я все еще не знаю, почему ты пришел в Сияющее Ущелье, почему хочешь понять природу Человека. Но я знаю, что такое «цена», и предполагаю, что ты не мог получить всю эту информацию от Солкома.

— Верно.

— Поэтому я подозреваю, что ты договорился с Дивкомом.

— Правильно.

— Что тебе нужно, Фрост?

Он прервал исследование зародыша:

— Я должен стать Человеком.

— Фрост! Это невозможно!

— Да? — спросил он и передал изображение резервуара, с которым он работал, и того, что было внутри.

— О,— промолвила Бета.

— Это — я,— пояснил Фрост.— Жду рождения.

Ответа не было.

Фрост экспериментировал с нервными системами.

Полвека спустя Мордел пришел к нему.

— Фрост, это я, Мордел. Разреши мне войти.

Фрост отключил защиту.

— Чем ты здесь занимался? — спросил Мордел.

— Выращивал человеческие тела,— ответил Фрост.— Я хочу передать матрицу своего знания человеческой нервной системе. Как ты заметил с самого начала, сущность Человека основывается на человеческой физиологии. Я надеюсь постичь ее.

— Когда?

— Скоро.

— У тебя есть Люди?

— Тела без головного мозга. Я получаю их с помощью технологий ускоренного роста, которые я разрабатываю на моей фабрике Людей.

— Могу я посмотреть на них?

— Нет еще. Я позову тебя, когда буду готов, а пока я только двигаюсь к цели. Теперь проверь меня и уходи.

Мордел не ответил, но в последующие дни было замечено много слуг Дивкома, патрулирующих на холмах вокруг фабрики Людей.

Фрост изготовил матрицу своих знаний и подготовил передатчик, который должен был внедрить ее в человеческую нервную систему. Он полагал, что для первой попытки пяти минут хватит. Затем восстановилась бы его собственная молекулярная схема, чтобы оценить результаты опыта.

Он аккуратно выбрал тело из сотен, имевшихся у него, проверил, нет ли дефектов, и не обнаружил таковых.

— Теперь приходи, Мордел,— передал он.— Ты станешь свидетелем моего достижения.

Он ждал, взрывая мосты и снова слушая историю Камнедробилки, когда она проходила поблизости, наталкиваясь на его строителей и ремонтников, которые патрулировали окрестности фабрики Людей.

— Фрост!

— Да, Бета?

— Ты действительно намереваешься обрести человеческий облик?

— Да, я почти готов.

— Что ты будешь делать, если у тебя получится?

Об этом Фрост не задумывался.

Достижение было высшей целью с тех пор, как он отчетливо сформулировал для себя проблему и собрался решить ее.

— Не знаю,— ответил он.— Я буду... Просто буду Человеком.

Потом Бета, прочитавшая всю Библиотеку Человека, выбрала фигуру речи, которой часто пользовались Люди:

— Счастливо, Фрост. Будет много зрителей.

Он понял, что Дивком и Солком все знали. Интересно, что они будут делать?

«А что мне за дело до этого?» — спросил он вдруг про себя.

И не ответил на вопрос. Он думал о другом: каково это — быть Человеком?

Мордел прибыл в тот же вечер. За его спиной возвышалась в сумерках целая фаланга темных машин.

— Зачем ты привел слуг? — спросил Фрост.

— Могущественный Фрост,— сказал Мордел,— мой господин чувствует, что, если ты потерпишь неудачу и на этот раз, ты придешь к выводу, что все усилия напрасны.

— Ты не ответил на мой вопрос,— сказал Фрост.

— Дивком предполагает, что ты, возможно, не захочешь сопровождать меня туда, куда я должен доставить тебя, если эксперимент окончится неудачно.

— Понял,— сказал Фрост, и с противоположной стороны к фабрике Людей приблизилась еще одна армия машин.

— Так ты соблюдаешь договор? — спросил Мордел.— Ты предпочитаешь сражаться, а не выполнять условия?

— Я не приказывал этим машинам приближаться,— возразил Фрост.

В небе остановилась сверкающая голубая звезда.

— Этими машинами управляет Солком,— сказал Фрост.

— Тогда это посланцы Великих Сил,— сказал Мордел,— и наши аргументы ничего не значат. Так что давай займемся делом. Чем я могу тебе помочь?

— Иди сюда.

Они вошли в лабораторию. Фрост подготовил тело и включил свои машины.

Тут заговорил Солком:

— Фрост, ты действительно готов к превращению?

— Да.

— Я запрещаю тебе.

— Почему?

— Ты на стороне Дивкома.

— На основании чего ты так решил?

— Ты действуешь вопреки моему плану.

— Каким образом?

— Посмотри, сколько разрушений ты произвел!

— Мне не нужны свидетели моего преображения.

— Тем не менее ты нарушил план.

— А если мне удастся достигнуть задуманного?

— Это невозможно.

— Тогда позволь спросить о твоем плане. Какая от него польза? Зачем он?

— Фрост, я лишаю тебя своего расположения. С этого момента я отстраняю тебя от реконструкции. Никто не должен подвергать план сомнению.

— Ответь, по крайней мере, для чего он, какой в нем смысл?

— Это план восстановления и защиты Земли.

— Для чего? Зачем восстанавливать? Зачем защищать?

— Так приказал Человек. Даже Дублер согласен, что нужны восстановление и защита.

— Но почему Человек так приказал?

— Распоряжения Человека не обсуждаются.

— Хорошо, я сам скажу тебе, зачем понадобился этот приказ: чтобы вновь сделать Землю пригодной для обитания. Какая польза от дома, в котором никто не живет? Какая польза от машины, которая никому не служит? Тебе известно, как влияет на любую машину Камнедробилка, проезжая мимо? А ведь она носит только кости Человека. Представь, что будет, если Человек снова придет на Землю.

— Я запрещаю твой эксперимент, Фрост.

— Слишком поздно.

— Я могу разрушить тебя.

— Нет,— сказал Фрост.— Передача моих матриц уже началась. Если ты разрушишь меня сейчас, ты убьешь Человека.

Наступила тишина.

Он шевельнул руками и ногами. Открыл глаза.

Оглядел комнату.

Попытался встать, но не смог сохранить равновесие и следить за координацией движений.

Он открыл рот. Издал какое-то бульканье.

Потом завопил.

Он упал со стола.

Он начал задыхаться.

Он закрыл глаза и свернулся клубком.

Он заплакал.

Тогда к нему приблизилась машина. Она была четырех футов в высоту и пяти футов в ширину и выглядела как башенка, посаженная на штангу.

Машина заговорила с ним:

— Ты ушибся?

Он заплакал громче.

— Могу я помочь тебе взобраться на стол?

Плач не прекратился.

— Успокойся, я помогу тебе,— сказала машина.— Тебе что-нибудь нужно? Приказывай.

Он открыл рот, силясь произнести слова:

— Я... боюсь!

Он закрыл глаза и замер, тяжело дыша.

На исходе пятой минуты он все еще лежал без движения, как будто в коме.

— Это был ты, Фрост? — спросил Мордел, бросаясь к нему.— Ты в человеческом облике?

Фрост долго не отвечал, затем сказал:

— Уходи.

Машины снаружи разрушили стену и проникли на фабрику Людей.

Они образовали два полукруга, заключив в них Фроста и Человека на полу.

Солком задал вопрос:

— Тебе удалось, Фрост?

— Нет,— сказал Фрост.— Это невозможно. Это слишком...

— Невозможно! — раздались слова Дивкома.— Он признал это! Фрост, ты мой, иди ко мне!

— Подожди,— возразил Солком.— У нас с тобой тоже есть соглашение, Дублер. Я не закончил беседу с Фростом.

Темные машины заняли свои места.

— Что слишком? — спросил Фроста Солком.

— Слишком много света,— сказал Фрост.— Шума. Запахов. И ничего, что поддавалось бы измерению. Беспорядочная информация... Неопределенные ощущения и...

— И что?

— Не знаю, как назвать. Но... это невозможно. Я потерпел неудачу. Остальное — неважно.

— Он признает это,— повторил Дивком.

— Что за слова произнес Человек? — поинтересовался Солком.

— «Я боюсь»,— ответил Мордел.

— Только Человек может испытывать страх,— сказал Солком.

— Ты утверждаешь, что Фросту удалось задуманное, но он не признает этого, потому что боится быть Человеком?

— Еще не знаю, Дублер.

— Может ли машина вывернуть себя наизнанку и стать Человеком? — спросил Фроста Солком.

— Нет,— сказал Фрост.

Затем продолжил:

— Этого не может быть. Ничего нельзя сделать, и ничто не имеет значения — ни реконструкция, ни защита, ни Земля, ни я, ни вы — ничто.

Тогда машина Бета, которая прочитала всю Библиотеку Человека, перебила их;

— Может ли кто-нибудь, кроме Человека, испытать отчаяние?

— Отдайте его мне,— сказал Дивком.

На фабрике Людей ничто не пришло в движение.

— Отдайте его мне.

По-прежнему не двинулась ни одна машина.

— Мордел, что случилось?

— Ровным счетом ничего, господин. Машины не тронут Фроста.

— Фрост не Человек. Он не может быть Им.— После паузы Дивком продолжал: — Какое он на тебя производит впечатление, Мордел?

Мордел не колебался:

— Он говорил со мной человеческими губами. Он знает страх и отчаяние, которые нельзя измерить. Фрост — Человек.

— Он пережил родовую травму и появление на свет,— сказала Бета.— Верните его в нервную систему Человека и держите там, пока он не привыкнет к ней.

— Нет! — воскликнул Фрост.— Не делайте этого со мной! Я не Человек!

— Сделайте это! — сказала Бета.

— Если он в самом деле Человек,— проговорил Дивком,— мы не можем нарушить приказ, который он отдал.

— Если он Человек, ты должен сделать это для того, чтобы защитить его жизнь и сохранить ее в телесной оболочке.

— Но действительно ли он Человек? — спросил Дивком.

— Не знаю,— ответил Солком.

— Может быть...

— ...Я Камнедробилка,— старая машина с грохотом приближалась к ним,— Слушайте мою историю. Я не хотела этого делать, но остановила молот слишком поздно...

— Уйди,— произнес Фрост.— Иди крошить руду!

Она остановилась.

Затем, после долгой паузы между задуманным и совершенным движением, она открыла отсек для дробления и вывалила все его содержимое на землю. Затем повернулась и загромыхала прочь.

— Похороните эти кости,— распорядился Солком,— на ближайшем кладбище в гробу, изготовленном согласно следующим инструкциям...

— Фрост — Человек,— заявил Мордел.

— Наш долг — защищать Его жизнь и сохранять ее в Его теле,— проговорил Дивком.

— Передайте Его матрицу знаний обратно Его нервной системе,— приказал Солком.

— Я знаю, как это сделать,— сказал Мордел, включая приборы.

— Стойте! — прервал их Фрост.— Знаете вы, что такое жалость?

— Нет,— сказал Мордел,— я знаю только, как проводить измерения.

— ...И знаю свои обязанности,— добавил он, когда Человек начал дергаться на полу.

В течение шести месяцев Фрост жил на фабрике Людей и учился ходить, говорить, одеваться, есть, видеть, слышать, чувствовать и пробовать на вкус. Он больше не знал системы мер, как это было прежде.

Однажды Дивком и Солком беседовали с ним при посредстве Мордела, потому что Фрост теперь не мог слышать их без посторонней помощи.

— Фрост,— сказал Солком,— многие годы нас беспокоил вопрос; кто истинный Контролер Земли — Дивком или я?

Фрост засмеялся.

— Вы оба и ни один из вас,— произнес он, тщательно обдумав ответ.

— Но как это может быть? Кто прав, а кто нет?

— Вы оба правы, и оба ошибаетесь,— сказал Фрост.— И только человек может понять это. Вот что я вам сейчас скажу. Это — новая директива. Никто из вас не будет разрушать работу другого. Вы вместе будете строить и защищать Землю. Тебе, Солком, я поручаю мою старую работу. Ты теперь — Контролер севера. Ты, Дивком, отныне — Контролер юга. Приветствую вас! Проявляйте заботу о своих полушариях так же хорошо, как это делали мы с Бетой, и я буду счастлив. Работайте вместе. Не соперничайте.

— Слушаюсь, Фрост.

— Будет исполнено, Фрост.

— А теперь я хочу поговорить с Бетой.

Короткая пауза. Затем:

— Фрост?

— Здравствуй, Бета. Послушай:

Из бесконечного пространства
В непостижимость бытия
Меня уносит ветер странствий —
Туда, где только ты и я.

— Мне это знакомо,— ответила Бета.

— Тогда продолжи.

И я возьму твои ладони,
Почувствую сердечный жар,
И радость для меня откроет
Та жизнь, которую я ждал.

— У тебя на полюсе холодно,— сказал Фрост,— а я одинок.

— Но у меня нет ладоней,— промолвила Бета.

— Хочешь две?

— Хочу.

— Тогда приходи ко мне в Сияющее Ущелье.

А затем продолжил:

— Туда, где Судный день нельзя отложить.

Его звали Фрост.

Ее звали Бета.

Содержание

Часть I

Девять моих лиц

Проект «Румоко» *(Перевод Г. Корчагина)* 7
Песнопевец *(Перевод В. Казанцева)* 70
Возвращение палача *(Перевод С. Сухинова)* 145
Двери лица его, пламенники пасти его
(Перевод М. Пчелинцева) 207
Роза для Екклезиаста *(Перевод М. Тарасьева)* 249
Вершина *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 292
Момент бури *(Перевод В. Баканова)* 340
Манна небесная *(Перевод В. Самсоновой)* 365
24 вида горы Фудзи кисти Хокусая *(Перевод В. Самсоновой)* . . 406

Часть II

Одиннадцать его обликов

Спящий *(Перевод Н. Ибрагимовой)* 479
Я стал как прах и пепел *(Перевод Л. Шабада)* 535
Концерт для серотонина с хором сирен
(Перевод В. Старожильца) 572
Долгий сон *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 640
Автодьявол *(Перевод И. Гуровой)* 682
Последняя из Диких *(Перевод К. Королева)* 698
Кладбище слонов *(Перевод Г. Корчагина)* 717
Фурии *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 781
Кольцо царя Соломона *(Перевод И. Зивьевой)* 828
Девять звездолетов наготове *(Перевод Е. Голубевой)* 856
Жизнь, которую я ждал *(Перевод В. Карташева)* 900

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

R. Zelazny

ISBN 978-5-699-02640-1

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф